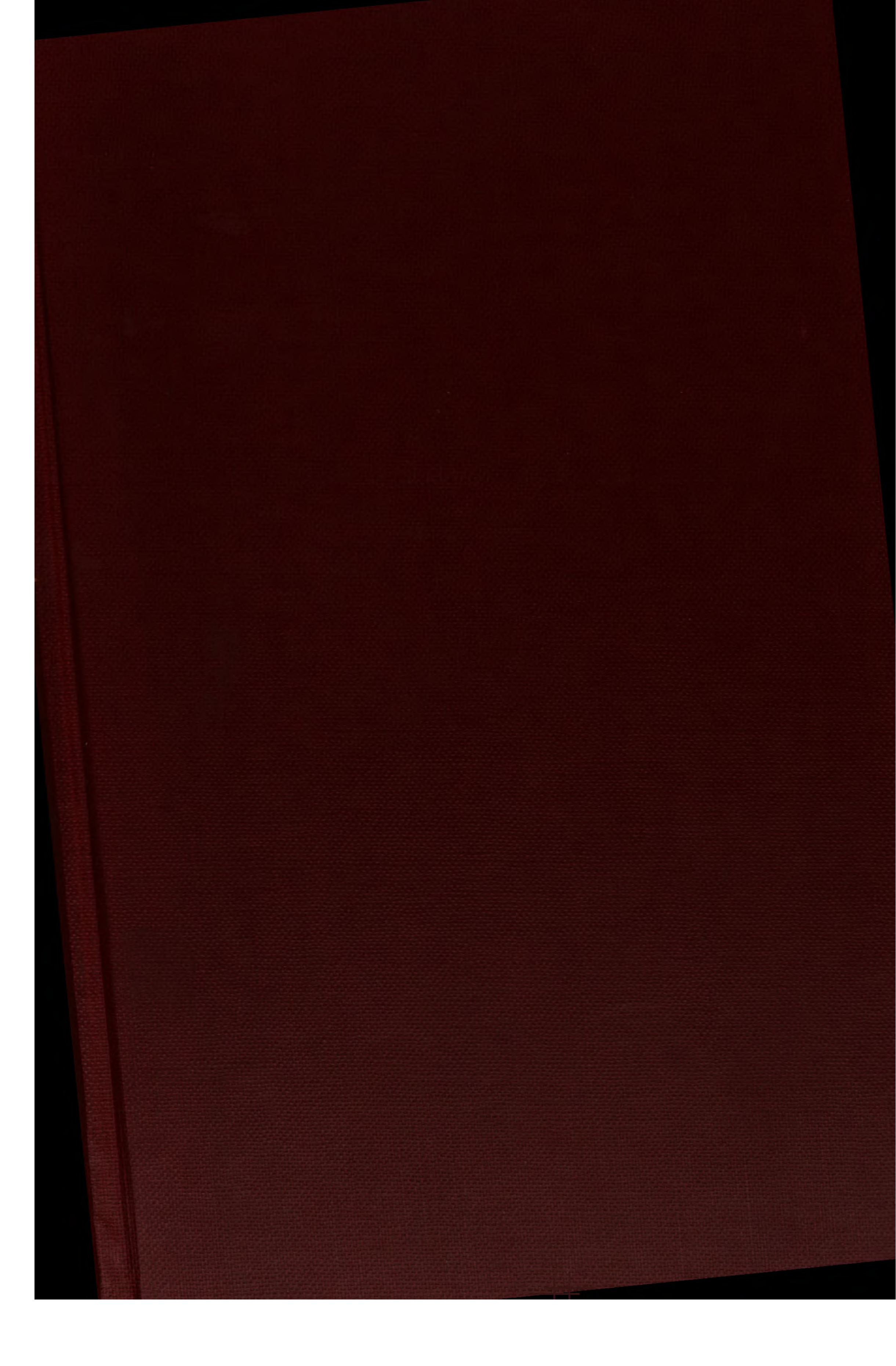

PAGE NOT AVAILABLE

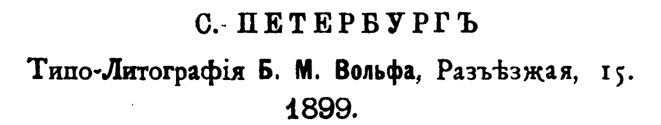
ДЕКАБРЬ. 1899.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 9 (12).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 декабря 1899 года

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотъ).

Открыта подписка на 1900 годъ

(VIII-ой ГОДЪ ИЗД.)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой. . . . . **9** р.
Безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ . . . **8** р.
За границу . . . . **12** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—*уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота, д. Гагарина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается **разсрочка**:

при подпискѣ . . . . **5** р.	или	при подпискѣ . . . **3** р.
		къ 1-му апрѣля. . **3** р.
и къ 1-му іюля. . . **4** р.		и къ 1-му іюля . . **3** р.

Не приславшимъ доплатъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ **безъ доставки** допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ: въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только **40** коп. съ каждаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Изданія редакціи журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»:

СКЛАДЫ: *въ* С.-Петербургѣ—*контора редакціи, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

въ Москвѣ—*отдѣленіе Конторы, Никитскія ворота, д. Гагарина.*

С. А. АН—СКІЙ. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.

Н. ГАРИНЪ. Дѣтство Тёмы. *Третье* изд. Ц. 1 р. 25 к.

ЕГО ЖЕ. Гимназисты. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к.

ЕГО ЖЕ. Студенты. Ц. 1 р. 25 к.

ЕГО ЖЕ. Деревенскія панорамы. Ц. 1 р.

С. Я. ЕЛПАТЬЕВСКІЙ. Очерки Сибири. Изд. 2-ое. Ц. 1 р.

ЕГО ЖЕ. Очерки и разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

ВЛ. КОРОЛЕНКО. Очерки и разсказы. Кн. 1-ая. Изданіе восьмое. Цѣна 1 р. 50 к.

ЕГО ЖЕ. Въ голодный годъ. Изд. 3-ье. Ц. 1 р.

ЕГО ЖЕ. Слѣпой музыкантъ. Изд. седьмое. Ц. 75 к.

Л. МЕЛЬШИНЪ. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. *Два тома.* Ц. 3 р.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ. Сочиненія въ шести томахъ. Удешевленное изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, *съ портретомъ автора.* Ц. 12 р.

А. О. НЕМИРОВСКІЙ. Напасть. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.

С. Н. ЮЖАКОВЪ. Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

П. Я. Стихотворенія. *Третье,* вновь исправленное и дополненное, *изданіе.* Ц. 1 р.

Подписчики „Русскаго Богатства“, выписывающіе эти книги, **за** пересылку не платятъ.

Полные экземпляры журнала **«Русское Богатство»** **за** 1893, 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 г. **Цѣна за** годъ **8** р.

Пересылка журнала за эти года за счетъ заказчика наложеннымъ платежомъ—товаромъ большой скорости или бандеролью.

ШЕСТЬ ТОМОВЪ СОЧИНЕНІЙ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

УДЕШЕВЛЕННОЕ

изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 **печатныхъ листовъ каждый** томъ, **съ портретомъ автора**.

Цѣна 12 руб.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его „новая наука“. 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV. Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“.

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ «Русскаго Богатства» цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежемъ*—товаромъ большой скорости или заказной бандеролью.

1*

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) Непринятыя рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г., если авторы не потребуютъ ихъ обратно въ теченіе шести мѣсяцевъ съ 1-го ноября, будутъ уничтожены.

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

VI.

Однажды вечеромъ Чагинъ возвращался съ Пантюхина пріиска. Рядомъ съ нимъ ковылялъ, прихрамывая, захудалый пріисковый старатель Ерошка Безпалыхъ. Безъ шапки, босикомъ, въ красной рубахѣ и синихъ порткахъ, испачканныхъ въ глинѣ, возбужденный и взволнованный, Ерошка, не переставая, говорилъ съ необыкновеннымъ азартомъ. Чагинъ былъ, видимо, разстроенъ, угрюмо молчалъ и, не слушая ерошкиныхъ рѣчей, о чемъ-то упорно и тяжело думалъ.

— Зарѣзалъ онъ насъ али нѣтъ, въ омутъ его головой вмѣстѣ съ матушкой! какъ по вашему?—говорилъ Ерошка, то отставая отъ Чагина вслѣдствіе узости лѣсной тропинки, то перегоняя его:—не зарѣзалъ, что ли?.. Тьфу! будь онъ трижды со свѣту проклятъ!.. Вы говорите: пошто били? Какъ же его не бить, подлеца? Странное дѣло! по головкѣ гладить, что ли?.. За эдакія дѣла... Господи Боже мой!.. что же это?.. Изъ-за него мы всего лишились теперича, безъ куска хлѣба... Я, можетъ, богатѣющее золото нашелъ... я, можетъ, только что, Господи благослови, облюбовалъ настоящее природное мѣсто... Это какъ?.. Вы говорите: не виноватъ... Какъ не виноватъ? а кто же тогда виноватъ? я, что ли? али кто другой?.. Довольно странное разсужденіе!..

Ерошка, видимо, въ чемъ-то оправдывался, въ его словахъ выражалось смутное опасеніе и страхъ. Предметомъ его рѣчей было слѣдующее обстоятельство. Утромъ сегодняшняго дня появился на пріискѣ внезапно разбогатѣвшій и только что выпущенный изъ-подъ ареста старатель Пименовъ. Не смотря на раннее утро, онъ былъ сильно навеселѣ и бродилъ между отвалами отъ одной артели къ другой, бахвалясь и несуразнымъ голосомъ распѣвая пѣсни. Онъ нараженъ былъ въ новую красную рубаху съ шелковымъ поясомъ и плисовыя черныя шаровары, на ногахъ его блестѣли лаковые отвороты сапоговъ съ бураками и резиновыя калоши, а на головѣ новый козырекъ

суконной фуражки. Пріисковый людъ не безъ основанія считалъ его главною причиною недавно разразившейся надъ ними бѣды, почему встрѣтилъ его зловѣщимъ молчаніемъ, угрюмо продолжая свое дѣло и, повидимому, не обращая на него никакого вниманія. Пименовъ сіялъ, также какъ новыя калоши на его ногахъ, останавливался передъ каждой группой одѣтыхъ въ лохмотья и выпачканныхъ въ глинѣ людей, балагурилъ, шутилъ, заигрывалъ съ бабами, пересыпая рѣчь безцеремонною бранью и раскатами хохота, и упорно не хотѣлъ замѣчать ни той ледяной холодности, которая была ему отвѣтомъ, ни тѣхъ злобныхъ взглядовъ, какіе бросались на него исподлобья.

— Копай, братъ, копай! — кричалъ онъ въ какомъ-то упоеніи: — копай ее, долби!.. Ха, ха, ха!.. А я, братъ, того... выкопалъ что требуется и довольно... получилъ двѣ тысячи... будетъ на пряники... Копай, братъ... ничего — Марья! хошь, я те красный платокъ подарю?..

Вокругъ него стала собираться толпа. Вскорѣ она окружила его плотнымъ кольцомъ, принимая явно угрожающій видъ. Пименовъ не имѣлъ понятія ни о томъ озлобленіи, какое накопилось противъ него въ послѣдніе дни, ни о причинахъ этого озлобленія. Онъ не зналъ, что счастье, привалившее къ нему нежданно-негаданно, имѣло самыя дурныя послѣдствія для многихъ изъ его сотоварищей, и то странное отношеніе къ себѣ, котораго онъ всетаки не могъ не замѣтить, объяснялъ исключительно чувствомъ зависти и невольнаго почтенія, какое должны были питать къ нему теперь всѣ, какъ къ богатому человѣку. Исторія его обогащенія, которое онъ сильно преувеличивалъ въ своемъ воображеніи, представлялась ему какъ во снѣ. Мѣсяцъ тому назадъ онъ случайно наткнулся на богатѣйшую золотоносную жилу: золото замѣтно было на глазъ въ изломахъ каждаго камня. Наковырявъ нѣсколько пудовъ такихъ камней, онъ при помощи бабы пережегъ ихъ въ печкѣ на дровахъ, затѣмъ, когда камни растрескались и разсыпались на мелкіе куски подъ вліяніемъ жара, истолокъ ихъ въ ступѣ, промылъ песокъ и въ одну ночь добылъ золота больше фунта. Продолжая эту операцію въ теченіе трехъ недѣль, онъ намылъ золота почти полпуда. Жена совѣтовала продать его скупщикамъ, но онъ не рѣшился подвергать себя риску уголовной отвѣтственности и пошелъ сдавать его въ контору. Тамъ, при видѣ такого богатства, совершенно растерялись и отправили Пименова къ становому. Становой посадилъ его въ холодную. Здѣсь просидѣлъ Пименовъ десять дней, на одиннадцатый двое стражниковъ, какъ арестанта, привели его въ контору. Въ конторѣ его обругалъ штейгеръ, потомъ управитель, потомъ лѣсничій, его упрекали и стыдили за что-то и грозили посадить въ острогъ, заставили подписаться подъ какими-то бума-

гами, наконецъ, выдали разсчетъ. По той цѣнѣ, по которой отъ него раньше принималось золото, ему слѣдовало получить около пяти тысячъ рублей, но ему выдали только двѣ. Онъ не спорилъ, потому что и эта сумма казалась ему баснословно огромною. Онъ радъ былъ, что его не засудили, не упрятали въ острогъ, чего онъ сильно опасался, и отпустили на волю. Между тѣмъ, шахту его опечатали, приставили къ ней караулъ, затѣмъ объявили, что всѣ старательскія работы на разстояніи пятисотъ саженъ кругомъ должны быть очищены въ двухнедѣльный срокъ. Около сотни семействъ должны были, такимъ образомъ, оставить свои работы, бросить свои лачуги, свои нехитрыя приспособленія, остаться безъ заработка и подъ открытымъ небомъ. Это распоряженіе, разумѣется, какъ громомъ, поразило всѣхъ и вызвало страшный переполохъ. Все горе, вся досада, все озлобленіе пріисковой рвани обрушилось на Пименова. Его судили на всѣхъ перекресткахъ и находили, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ поступилъ неправильно. Во-первыхъ, онъ велъ себя, какъ набитый дуракъ, отдавшись въ руки конторы, сообщивъ ей о своей находкѣ и, такимъ образомъ, лишившись возможности продолжать дальнѣйшую разработку жилы, наконецъ, не дополучивши за добытое уже золото по крайней мѣрѣ шести тысячъ рублей. Во-вторыхъ, онъ поступилъ не по товарищески, коварно, никому не открывъ своего секрета, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись... Скажи онъ хоть слово, ему указали бы, что надо дѣлать въ такомъ случаѣ. Можно бы, напримѣръ, незамѣтно всѣмъ пріискомъ сдавать золото Пименова хоть въ ту же контору... Жила могла имѣть развѣтвленія, къ ней могли припаиться и другіе... Наконецъ, можно было подкупить заводскихъ приставниковъ, войти съ ними въ сдѣлку, и весь пріискъ жилъ бы себѣ припѣваючи... Ничего этого Пименовъ не зналъ. Очутившись на волѣ съ пачкою денегъ въ рукахъ, онъ одурѣлъ отъ радости и первымъ дѣломъ пошелъ на базаръ; здѣсь купилъ онъ себѣ пять суконныхъ фуражекъ, дюжину рубахъ, шаровары, сапоги съ калошами, голубую шелковую шаль и полпуда орѣховъ, затѣмъ отправился искать свою жену. Въ тотъ же день онъ купилъ еще лошадь, коробокъ на желѣзномъ ходу, сбрую, росписную дугу и тюменскій коверъ. Утромъ на другой день онъ отправился на пріискъ, заѣхавъ предварительно въ кабакъ и купивъ полведра водки, предполагая организовать угощеніе. Дорогою вмѣстѣ съ бабой они роспили одну бутылку, закусывая мятными пряниками. Оставивъ бабу караулить лошадь подъ кустомъ, на краю дороги, онъ пошелъ бродить по пріиску...

— Копай ее, копай, братцы!.. давай вамъ Господи!..—говорилъ онъ, чуя въ толпѣ что-то недоброе.—Мнѣ будетъ, доста-

точно... Я могу сейчасъ полведра... намъ это не составляетъ... на проздравку, значитъ... а?.. Ну-ка...

— Ты зачѣмъ сюда пришелъ, сволочь? надъ нами куражиться пришелъ? а?.. Ахъ, ты подлая душа! — закричалъ на него Ерошка, выступая изъ толпы.—Бѣдой нашей любоваться? а?.. Ахъ, ты рыло твое неумытое! скволыга! скаредная твоя душа! дышломъ тебѣ въ самое горло!..

Пименовъ посоловѣвшими глазами смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Ты не думай...—бормоталъ онъ:—у меня приготовлено полведра... намъ это не составляетъ... вотъ, подъ тѣмъ кустомъ... съ собой привезъ... лошадь у меня новокупленная... не безпокойся...

— Лошадь?.. полведра?.. Ахъ, ты сволочь!..

Ерошка съ размаху ударилъ его по головѣ. Съ головы Пименова свалилась фуражка, а самъ онъ взмахнулъ руками, покачнулся и скатился по песчаной насыпи въ яму, на днѣ которой была жидкая грязь. Очутившись въ лужѣ, онъ не сразу поднялся на ноги и нѣкоторое время безсмысленно смотрѣлъ по сторонамъ, стоя на четверенькахъ; потомъ вдругъ лицо его приняло свирѣпое выраженіе, и онъ проворно, какъ кошка, вскарабкавшись на откосъ, бросился на Ерошку. Въ ту же минуту Ерошка лежалъ подъ нимъ на землѣ, весь красный съ натуги, съ вытаращенными глазами, и, задыхаясь, жалобно вопилъ:

— Братцы!.. други!.. братцы!..

Въ слѣдующій моментъ Пименовъ былъ сброшенъ съ Ерошки, приподнятъ на воздухъ, его новыя калоши мелькнули на мгновеніе поверхъ толпы, послѣ чего онъ тяжело грохнулся на землю... Толпа ахнула и съ ревомъ навалилась на него. Его за волосы приподнимали на воздухъ, бросали на землю, били по головѣ, по лицу, топтали ногами... Когда замолкли его крики и стоны, когда очнувшаяся толпа разступилась, онъ лежалъ на пескѣ въ разорванной въ клочья рубахѣ, неподвижный, какъ трупъ, съ закрытыми глазами, съ окровавленнымъ лицомъ... Теперь толпа съ недоумѣніемъ, съ ужасомъ и отвращеніемъ смотрѣла на жертву своего безумія. «Неужели до смерти? неужели убитъ?» думалъ каждый съ смертельной тоскою на сердцѣ. Ерошка наклонился надъ тѣломъ, пощупалъ грудь и голову...

— Живъ, ребята! — сказалъ онъ успокоительно: — ничего, отойдетъ... Говорилъ онъ, гдѣ-то лошадь у его... на лошадь бы его надо... Ничего, оправится въ лучшемъ видѣ... Ведите лошадь, ребята!..

Привели лошадь, уложили безчувственнаго Пименова въ коробокъ, прикрыли тюменскимъ ковромъ и отправили по дорогѣ въ заводъ. Лошадь долго возила его по заводскимъ ули-

цамъ и по базарной площади. «Экъ напился человѣкъ спозаранку!»—не безъ зависти говорили видѣвшіе его мастеровые. Наконецъ, проходившій мимо Чагинъ обратилъ вниманіе на его растерзанный видъ и повезъ его въ больницу. Былъ уже двѣнадцатый часъ дня. Больница находилась на самомъ краю завода, на косогорѣ, у сосновой рощи. Сидѣвшій у воротъ на солнопекѣ старикъ сторожъ на обращенный къ нему вопросъ заявилъ, что докторъ въ больницу не ходитъ, сидѣлка ушла за малиной, а фельдшеръ—на имянины къ отцу Петру, и что безъ записки изъ конторы онъ никого въ больницу не пуститъ. Чагинъ выругался и пошелъ разыскивать фельдшера. Пименовъ, такимъ образомъ, еще часа полтора лежалъ въ телѣжкѣ у больничныхъ воротъ. Лицо его распухло и почернѣло, онъ началъ приходить въ себя и тихо стоналъ. Наконецъ, пришелъ фельдшеръ и велѣлъ перенести его въ палату.

— Зеркало души сильно попорчено,—говорилъ онъ, ощупывая его:—одно ребро сломано... рука вывихнута... пульсъ, кажется, ничего... Ловко обработали парня... Кто его такъ?

— Не знаю. Оживетъ? какъ вы думаете?

— Господь его знаетъ... авось оживетъ, если внутренности цѣлы... Черти! какъ напьются, непремѣнно драка... Что мнѣ теперь съ нимъ дѣлать? развѣ вы поможете?

Чагинъ изъявилъ согласіе.

— Дядя, а дядя!—громко обратился фельдшеръ къ своему паціенту, который лежалъ съ закрытыми глазами и стоналъ. Тотъ съ трудомъ приподнялъ отяжелѣвшія вѣки.

— А?—глухо отвѣчалъ онъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Иваномъ.

— А фамилія?

— Пименовъ.

— Кто тебя такъ обработалъ?

— Тамъ... мужики... на пріискѣ... на Пантюхиномъ...

— За что?

— Охъ... не знаю...

— Ну, хорошо. Молчи. Дѣло, кажется, уголовное, не послать ли за урядникомъ? какъ вы думаете?—обратился фельдшеръ къ Чагину.

— Какъ хотите,—отвѣчалъ Чагинъ разсѣянно. — Это, кажется, тотъ самый мужикъ, что нашелъ золотую жилу.

— Неужели?.. Дядя! ты, что ли, нашелъ золото? золотую жилу?

— Охъ... я... покаралъ Господь...

Провозившись около часа въ больницѣ, помогая фельдшеру, Чагинъ умылся и, собираясь уходить, спросилъ:

— Останется живъ? какъ вы полагаете?

— Крови много потерялъ, но мужикъ здоровый... Полагаю, что оживетъ.

— Дай Богъ. До свиданія. Большое вамъ спасибо.

— За что же, помилуйте? Будьте здоровы. Васъ покорно благодарю.

Изъ больницы, не заходя домой, Чагинъ пѣшкомъ отправился на пріискъ. До пріиска было верстъ шесть. Тамъ царствовало полное уныніе, однако Чагину обрадовались, какъ всегда. Бабы кланялись ему въ поясъ, мужики, снявши шапки, потянулись къ нему со всѣхъ сторонъ. Чагинъ началъ производить слѣдствіе. Одни, большею частію старики, угрюмо и сумрачно молчали, другіе съ видомъ раскаянія и покорности разсказывали обо всемъ вполнѣ откровенно. Глядя на эти сконфуженныя и виноватыя лица, носившія печать тяжкаго труда, заботъ и лишеній, Чагину трудно было повѣрить, чтобъ они принадлежали тѣмъ самымъ людямъ, которые нѣсколько часовъ тому назадъ до полусмерти избили ни въ чемъ неповиннаго человѣка.

— Эхъ, вы народъ, народъ!—укоризненно говорилъ онъ:— неужели изъ васъ не нашлось ни одного разумнаго человѣка? Изувѣчили мужика, за что? въ чемъ онъ провинился передъ вами? Васъ обидѣла контора, такъ развѣ онъ виноватъ? Вѣдь, и онъ тоже обиженъ конторою...

— Ну-у!.. обиженъ!.. чего онъ обиженъ?—заговорили было нѣсколько голосовъ, но Чагинъ перебилъ ихъ:

— Конечно, обиженъ,—повторилъ онъ:—вы только сообразите: нашелъ человѣкъ, можетъ быть, милліонное богатство, а у него все это отняли, выбросили ему гроши и прогнали, мало того, обругали, оскорбили, посадили подъ арестъ, поступили съ нимъ, какъ съ преступникомъ. Развѣ это не обида?

— Такъ-то такъ... оно, конечно... Эхъ, другъ ты мой! все-таки развѣ можно сравнять съ нами?... Зарѣзъ намъ, одно слово!...

Когда Чагинъ сообщилъ имъ, что Пименовъ живъ и, по всей вѣроятности, выздоровѣетъ, золотоискатели пріободрились духомъ.

— Слава Богу! значитъ, уголовства не будетъ... А то мы, вѣдь, вовсе того... думаемъ себѣ: бѣда, если окажется мертвое тѣло!.. Ну, дай ему, Господи! пускай выздоравливаетъ... по крайности безъ отвѣту... слава Богу!..

— Погодите еще! Во-первыхъ, выздоровѣетъ ли, одинъ Богъ вѣдаетъ, а, во вторыхъ, если и выздоровѣетъ, то захочетъ ли онъ простить васъ?..

— Ну!.. это что!.. станетъ онъ сутяжиться!.. не такой мужикъ, чтобъ изъ-за этого... Господи помилуй!.. да никогда онъ не зачнетъ, чтобы того... Мужикъ добрый... рубаха мужикъ...

одно слово сказать, безотвѣтный... Дай только, Господи, ему здоровья... Ты вотъ скажи, что намъ теперича дѣлать?

— Я уже вамъ говорилъ что.

— Говорить-то говорилъ, да только... какъ тебѣ сказать?.. тоже съ конторой намъ спорить не приходится...

— Тогда и разговаривать не о чемъ.

— Если бы мы одного общества были, а то, самъ знаешь, всѣ мы съ разныхъ сторонъ, изъ разныхъ мѣстовъ... и выходитъ, что намъ не способно...

— Дѣло ваше. Я не навязываюсь съ своими услугами.

Когда вечеромъ Чагинъ пошелъ домой, за нимъ увязался Ерошка.

— Я вамъ вотъ что скажу: неправильно вы обо всемъ разсуждаете,—говорилъ онъ дорогой.

— А именно?

— Могу васъ разбить на всѣхъ четырехъ пунктахъ.

Но Чагинъ, зная Ерошку за самаго неосновательнаго на пріискѣ человѣка, не сталъ его слушать.

За полверсты отъ завода тропинка раздѣлилась на двое.

— До увиданія, баринъ,—сказалъ Ерошка.—Тебѣ прямо, а мнѣ сюда. Зайти надо къ одному знакомому человѣчку.

Разставшись съ Ерошкой, Чагинъ прошелъ нѣсколько шаговъ и сѣлъ на траву. Онъ вдругъ во всемъ тѣлѣ почувствовалъ страшную усталость. Было уже почти совершенно темно. Все небо было окутано темными облаками, въ просвѣтахъ которыхъ мерцали звѣзды; на западѣ виднѣлась мутно-багровая полоса. Сталъ слегка накрапывать мелкій, холодный дождь. Въ заводѣ зажигались огни, а въ отдаленіи доменныя печи, какъ пасти чудовищъ, изрыгали красные столбы ярко освѣщеннаго огнемъ дыма. Чагинъ, скорчившись, сидѣлъ на травѣ и съ тревогой прислушивался къ тому, какъ изъ глубины души поднималось въ немъ знакомое ощущеніе нервнаго холода, подъ вліяніемъ котораго онъ иногда цѣлыми сутками съ отвращеніемъ смотрѣлъ на суету человѣческой жизни и предавался томительному бездѣйствію. «Опять начинается», подумалъ онъ со страхомъ и, съ трудомъ поднявшись на ноги, скорыми шагами пошелъ по дорогѣ.

Проходя черезъ базарную площадь, Чагинъ увидѣлъ передъ зданіемъ волостного правленія огромную толпу народа. Нѣсколько сотъ человѣкъ сплошной массой столпились у крыльца и стояли безмолвно, къ чему-то прислушиваясь. Въ самомъ центрѣ толпы мерцалъ колеблющійся огонекъ, и какая-то темная фигура, возвышаясь надъ толпой, говорила или читала что-то. Чагинъ, вмѣшавшись въ задніе ряды, сталъ прислушиваться, но не разобралъ ни одного слова. Человѣкъ, читавшій или говорившій на возвышеніи, умолкъ, рядомъ съ нимъ по-

явился другой и что-то крикнулъ надрывающимся голосомъ. Вдругъ вся огромная толпа ахнула, какъ одинъ человѣкъ, и шумъ голосовъ потрясъ воздухъ. Всѣ кричали одно и то же слово: «Согласны, согласны!» Затѣмъ опять все совершенно смолкло. Опять тотъ же человѣкъ, высоко стоявшій надъ толпой, прокричалъ что-то громкимъ голосомъ, послѣ чего люди, напирая другъ на друга и увлекая за собой Чагина, устремились куда-то всѣ въ одну сторону, и толпа въ нѣсколько минутъ вся передвинулась направо, оставивъ за собою пустое пространство. Чагинъ, увлеченный толпой, очутился совсѣмъ близко къ мерцавшему огоньку и, благодаря своему высокому росту, могъ разсмотрѣть, что огонекъ принадлежалъ сальной свѣчкѣ, стоявшей на столѣ. У стола, согнувшись, сидѣлъ человѣкъ безъ фуражки и, отирая со лба потъ, что-то писалъ. Стоявшій на другомъ столѣ высокаго роста мужикъ, съ закоптѣлымъ лицомъ и черной окладистой бородою, еще разъ крикнулъ: «коли такъ, подписываться, айда!.. руки давайте!.. грамотные, подходи!..» и спрыгнулъ на землю. Толпа опять зашумѣла и зашевелилась. Чагинъ подивился торжественности и порядку этого собранія, не безъ труда выбрался изъ толпы и направился къ дому.

VII.

У Николая Ивановича были гости. Весь огромный домъ ярко горѣлъ огнями. Съ балкона, выходившаго на улицу, слышался веселый говоръ и чей-то раскатистый смѣхъ. Чагинъ прошелъ въ свою комнату, зажегъ огонь и въ изнеможеніи бросился на диванъ, но пролежалъ не больше минуты: какая-то болѣзненная тоска и смутная тревога овладѣли всѣмъ его существомъ. Онъ вскочилъ, растворилъ окно и сѣлъ на подоконникъ. Потемнѣвшій садъ, казалось, дремалъ и тихо грезилъ. Издалека слабо доносились людскіе голоса, лай собакъ, шумъ заводскихъ машинъ, журчанье воды въ шлюзахъ, но въ саду, во мракѣ неподвижно стоявшихъ, словно окаменѣвшихъ деревьевъ было необыкновенно тихо. Чагинъ перешагнулъ черезъ подоконникъ и ступилъ ногою на мягкую, влажную траву. Вверху зажигались звѣзды и сквозь просвѣты деревьевъ мерцали яркимъ и влажнымъ сіяніемъ. Въ глубинѣ сада сгустились таинственные сумерки. Сильно пахло травой, сырою землей, резедой и левкоемъ. Что-то торжественное, важное и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжащее, трогательное и волнующее было въ тишинѣ августовской ночи, въ мягкомъ сумракѣ неподвижнаго сада. Чагинъ быстрыми шагами, какъ будто торопясь куда-то, прошелъ въ самую гущу деревьевъ и долго бродилъ по мокрой

травѣ, наконецъ, остановился, снялъ шляпу, отеръ съ лица потъ, перевелъ духъ и оглядѣлся кругомъ. Его безпредметная тревога улеглась, но онъ чувствовалъ себя какъ-то странно взволнованнымъ. Все вокругъ него какъ будто напоминало ему что-то знакомое, но давно позабытое. Была какъ будто когда-то другая такая же ночь, другой садъ, когда сгустившійся сумракъ былъ еще таинственнѣй, звѣзды ярче, ароматы сильнѣй, когда молодое сердце сладко сжималось отъ радостнаго ожиданія, припоминался чей-то ласковый голосъ, и казалось,— кто-то безконечно дорогой и близкій стоитъ тутъ сейчасъ, въ тѣни деревъ... Тоска и сожалѣніе о чемъ-то на вѣки исчезнувшемъ сжали его сердце, и опять откуда-то изъ глубины души поднялось чувство отвращенія къ жизни, которое говорило ему, что все, чѣмъ красна и нарядна жизнь, одинъ обманъ, за которымъ скрывается холодъ и пустота. «Не нужно падать духомъ — это болѣзнь, это заблужденіе», говорилъ онъ себѣ: «не надо терять вѣры въ животворящую, побѣдоносную силу добра: въ ней все содержаніе, вся красота жизни... Надо побороть въ себѣ равнодушіе, надо разсѣять сомнѣніе, которое заползаетъ въ душу, какъ змѣя... Не можетъ быть, чтобы зло было творческой и всемогущей силой, въ которой нужно искать спасенія... Но, Боже мой, какъ ярко и вдумчиво свѣтятъ звѣзды! Онѣ живутъ и говорятъ о чемъ-то»...

Со стороны дома послышалось пѣніе и звуки рояля. Пѣли два женскихъ голоса. Издали казалось, что они поютъ чрезвычайно хорошо.

«Бороться со зломъ, ненавидѣть его всѣми силами своей души, преслѣдовать его по пятамъ... смѣло ринуться въ битву... Господи, Господи! еще такъ недавно въ этомъ заключалось для меня столько радости и счастія», думалъ Чагинъ. «Ринуться безъ оглядки, очертя голову, не разсчитывая своихъ силъ... А теперь?.. Нѣтъ, я боленъ, я усталъ, и это пройдетъ... Хоть бы немного радости, хотя бы единую каплю торжества, побѣды... Ни одного дѣла не удалось мнѣ довести до конца... Радости, радости! вотъ чего нужно! Чтобъ охватила она всѣ сердца, чтобы слились они въ одно великое сердце, встрепенулись, воспрянули духомъ, окрылились надеждою!..»

Чагинъ всплеснулъ руками и, глядя въ темное небо съ горящими звѣздами, прошепталъ сдавленнымъ голосомъ: «радости, радости!..» Потомъ склонилъ голову и неожиданно для себя зарыдалъ. Онъ безсильно опустился на траву, но тотчасъ же вскочилъ. «Я боленъ, у меня разстроены нервы», прошепталъ онъ и, торопливо утеревъ лицо платкомъ, быстрыми шагами направился въ другой конецъ сада.

Пѣніе въ домѣ замолкло. Съ террасы несся веселый говоръ; свѣтъ лампъ и свѣчей прорывался сквозь кружево де-

ревьевъ и привѣтливо манилъ къ себѣ. Казалось, что тамъ люди вполнѣ веселы, счастливы и довольны.

«Надо разсѣяться... пойду туда», подумалъ Чагинъ и, вернувшись къ себѣ въ комнату, умылся, старательно переодѣлся и взглянулъ на себя въ зеркало. На него странно и пристально смотрѣло блѣдное лицо съ грустными глазами. «Ничего, развеселюсь какъ нибудь», сказалъ онъ себѣ и пошелъ наверхъ, къ Николаю Ивановичу.

Тамъ во всѣхъ комнатахъ были гости. Въ кабинетѣ играли въ карты, въ гостиной чопорно сидѣли пожилыя дамы, въ залѣ молодежь готовилась къ танцамъ. Яркое освѣщеніе, веселый шумъ, движеніе, красивые наряды дамъ подѣйствовали на Чагина успокоительно.

— Гдѣ вы пропадали? мы васъ потеряли совсѣмъ,—обратилась къ нему Лидочка.

Наряженная въ какой-то очень легкій и очень пестрый костюмъ съ кораллами на шеѣ, раскраснѣвшаяся и возбужденная, она казалась совсѣмъ молоденькой. Глаза ея блестѣли дѣтскимъ весельемъ и ласково и бойко глядѣли изъ подъ круглыхъ, темныхъ бровей, грудь высоко поднималась, шевеля бусы изъ топазовъ.

— Какая вы нарядная и красивая,—улыбаясь, произнесъ Чагинъ.

— Неужели? что вы говорите? Вотъ это такъ! Ужъ отъ васъ-то я меньше всего ожидала комплиментовъ.

— Почему же? да это и не комплиментъ, а сущая правда.

Лидочка засмѣялась и слегка захлопала въ ладоши.

— Браво, браво!—закричала она:—Право, если захотите, вы можете быть очень милы. Это для меня цѣлое открытіе. Угодно вамъ чаю?

— Чаю?—переспросилъ Чагинъ и вспомнилъ, что онъ сегодня съ утра ничего не ѣлъ.—Очень хочу.

— Тогда пойдемте въ столовую,

— Но, вѣдь, сейчасъ танцы?

— Нѣтъ, еще не начинаютъ. Пойдемте.

Въ столовой никого не было. На столѣ стоялъ потухшій самоваръ.

— Чай, кажется, простылъ, ничего?—спросила Лидочка:—или подождете новый самоваръ?

— Ничего, не нужно, ладно такъ,—отвѣчалъ Чагинъ и съ жадностью принялся за чай съ хлѣбомъ.

— Вонъ масло, сыръ.

— Хорошо, хорошо, я, въ самомъ дѣлѣ, очень голоденъ.

— Петръ Филиппычъ, вы не танцуете?

— Не умудрилъ Господь.

— Но противъ танцевъ ничего не имѣете?

— Ничего. Я люблю смотрѣть, какъ танцуютъ.

— А пошли бы вы, если бъ я пригласила васъ на кадриль?

— Отчего же, если бъ умѣлъ? съ большимъ удовольствіемъ.

— А вы совсѣмъ не умѣете?

— Совсѣмъ. Мнѣ кажется это чѣмъ-то чрезвычайно замысловатымъ.

— И никогда не танцовали?

— Никогда.

— Удивительно .. Я думаю, это очень скучно все заниматься дѣлами, нужно же и развлеченія... Но васъ, ей-богу, сегодня узнать нельзя: такой вы смирный и какой-то необыкновенный. Что съ вами случилось?

— Очень проголодался и присмирѣлъ.

— Вамъ, можетъ быть, принести что-нибудь посущественнѣй?

— Нѣтъ, ничего не нужно.

Въ это время молодой человѣкъ въ бѣлыхъ перчаткахъ подошелъ къ Лидочкѣ и поклонился. Лидочка взяла его подъ руку и вышла съ нимъ изъ столовой. Чагинъ остался одинъ. Изъ залы доносились звуки рояля, за окномъ слышался говоръ проходившаго мимо народа. Поднявъ голову, Чагинъ увидѣлъ въ дверяхъ длинную и тощую фигуру бѣлобрысаго человѣка въ нанковомъ пиджакѣ: онъ, какъ журавль, вытянувъ шею, испуганно озирался, не смѣя переступить порогъ.

— Ихъ высокородіе господинъ земскій начальникъ у себя-съ?—спросилъ онъ, униженно кланяясь.

— Дома.

— А гдѣ съ?

— Кажется, въ кабинетѣ. Вамъ что угодно?

— Да не знаю, право-съ... собственно, я волостной писарь... Дѣло экстренное, самонужнѣйшее... Но ловко ли ихъ безпокоить?

Писарь вопросительно посмотрѣлъ на Чагина.

— Затрудняюсь, какъ поступить, — продолжалъ онъ: — съ одной стороны, такая у насъ вышла исторія, что ну! однимъ словомъ, полная ерунда... съ другой стороны, какъ бы не разсердились за безпокойство...

— Хорошо, я пошлю его къ вамъ.

— Ужъ, видно, нечего дѣлать... будьте любезны.

Николай Ивановичъ съ озабоченнымъ видомъ сидѣлъ за картами и разсѣянно выслушалъ Чагина.

— Писарь? какой писарь?—переспросилъ онъ и прибавилъ задумчиво:—какъ ни хитри, все безъ одной

— Да, если вы будете лапти плести,—съ сдержаной злобой возразилъ ему сидѣвшій противъ него Сопѣгинъ.

— Не знаю... не знаю, кто изъ насъ лапти плететъ,—также

ревьевъ и привѣтливо манилъ къ себѣ. Казалось, что тамъ люди вполнѣ веселы, счастливы и довольны.

«Надо разсѣяться... пойду туда», подумалъ Чагинъ и, вернувшись къ себѣ въ комнату, умылся, старательно переодѣлся и взглянулъ на себя въ зеркало. На него странно и пристально смотрѣло блѣдное лицо съ грустными глазами. «Ничего, развеселюсь какъ нибудь», сказалъ онъ себѣ и пошелъ наверхъ, къ Николаю Ивановичу.

Тамъ во всѣхъ комнатахъ были гости. Въ кабинетѣ играли въ карты, въ гостиной чопорно сидѣли пожилыя дамы, въ залѣ молодежь готовилась къ танцамъ. Яркое освѣщеніе, веселый шумъ, движеніе, красивые наряды дамъ подѣйствовали на Чагина успокоительно.

— Гдѣ вы пропадали? мы васъ потеряли совсѣмъ,—обратилась къ нему Лидочка.

Наряженная въ какой-то очень легкій и очень пестрый костюмъ съ кораллами на шеѣ, раскраснѣвшаяся и возбужденная, она казалась совсѣмъ молоденькой. Глаза ея блестѣли дѣтскимъ весельемъ и ласково и бойко глядѣли изъ подъ круглыхъ, темныхъ бровей, грудь высоко поднималась, шевеля бусы изъ топазовъ.

— Какая вы нарядная и красивая,—улыбаясь, произнесъ Чагинъ.

— Неужели? что вы говорите? Вотъ это такъ! Ужъ отъ васъ-то я меньше всего ожидала комплиментовъ.

— Почему же? да это и не комплиментъ, а сущая правда.

Лидочка засмѣялась и слегка захлопала въ ладоши.

— Браво, браво!—закричала она:—Право, если захотите, вы можете быть очень милы. Это для меня цѣлое открытіе. Угодно вамъ чаю?

— Чаю?—переспросилъ Чагинъ и вспомнилъ, что онъ сегодня съ утра ничего не ѣлъ.—Очень хочу.

— Тогда пойдемте въ столовую,

— Но, вѣдь, сейчасъ танцы?

— Нѣтъ, еще не начинаютъ. Пойдемте.

Въ столовой никого не было. На столѣ стоялъ потухшій самоваръ.

— Чай, кажется, простылъ, ничего?—спросила Лидочка:—или подождете новый самоваръ?

— Ничего, не нужно, ладно такъ,—отвѣчалъ Чагинъ и съ жадностью принялся за чай съ хлѣбомъ.

— Вонъ масло, сыръ.

— Хорошо, хорошо, я, въ самомъ дѣлѣ, очень голоденъ.

— Петръ Филиппычъ, вы не танцуете?

— Не умудрилъ Господь.

— Но противъ танцевъ ничего не имѣете?

— Ничего. Я люблю смотрѣть, какъ танцуютъ.

— А пошли бы вы, если бъ я пригласила васъ на кадриль?

— Отчего же, если бъ умѣлъ? съ большимъ удовольствіемъ.

— А вы совсѣмъ не умѣете?

— Совсѣмъ. Мнѣ кажется это чѣмъ-то чрезвычайно замысловатымъ.

— И никогда не танцовали?

— Никогда.

— Удивительно .. Я думаю, это очень скучно все заниматься дѣлами, нужно же и развлеченія... Но васъ, ей-богу, сегодня узнать нельзя: такой вы смирный и какой-то необыкновенный. Что съ вами случилось?

— Очень проголодался и присмирѣлъ.

— Вамъ, можетъ быть, принести что-нибудь посущественнѣй?

— Нѣтъ, ничего не нужно.

Въ это время молодой человѣкъ въ бѣлыхъ перчаткахъ подошелъ къ Лидочкѣ и поклонился. Лидочка взяла его подъ руку и вышла съ нимъ изъ столовой. Чагинъ остался одинъ. Изъ залы доносились звуки рояля, за окномъ слышался говоръ проходившаго мимо народа. Поднявъ голову, Чагинъ увидѣлъ въ дверяхъ длинную и тощую фигуру бѣлобрысаго человѣка въ нанковомъ пиджакѣ: онъ, какъ журавль, вытянувъ шею, испуганно озирался, не смѣя переступить порогъ.

— Ихъ высокородіе господинъ земскій начальникъ у себя-съ?—спросилъ онъ, униженно кланяясь.

— Дома.

— А гдѣ съ?

— Кажется, въ кабинетѣ. Вамъ что угодно?

— Да не знаю, право-съ... собственно, я волостной писарь... Дѣло экстренное, самонужнѣйшее... Но ловко ли ихъ безпокоить?

Писарь вопросительно посмотрѣлъ на Чагина.

— Затрудняюсь, какъ поступить, — продолжалъ онъ: — съ одной стороны, такая у насъ вышла исторія, что ну! однимъ словомъ, полная ерунда... съ другой стороны, какъ бы не разсердились за безпокойство...

— Хорошо, я пошлю его къ вамъ.

— Ужъ, видно, нечего дѣлать... будьте любезны.

Николай Ивановичъ съ озабоченнымъ видомъ сидѣлъ за картами и разсѣянно выслушалъ Чагина.

— Писарь? какой писарь?—переспросилъ онъ и прибавилъ задумчиво:—какъ ни хитри, все безъ одной

— Да, если вы будете лапти плести,—съ сдержаной злобой возразилъ ему сидѣвшій противъ него Сопѣгинъ.

— Не знаю... не знаю, кто изъ насъ лапти плететъ,—также

задумчиво отвѣчалъ Николай Ивановичъ и обратился къ Чагину:—такъ писарь, говоришь? что ему надо?

— Этого я не знаю.

— Странно, чего онъ шляется ночью! что-нибудь случилось?

— Я не спрашивалъ.

— Не спрашивалъ?... почему же ты не спрашивалъ?.. Не спрашивалъ... да... такъ ты не спрашивалъ...

И взявъ себя рукой за конецъ бороды, Николай Ивановичъ приподнялъ голову, прищурился, пристально посмотрѣлъ въ потолокъ и вдругъ тряхнулъ головой, ударилъ картой по столу и проговорилъ рѣшительно:

— Была не была, а мы вотъ!..

— Но это чортъ знаетъ что!—побагровѣвъ, съ отчаяніемъ вскричалъ Сопѣгинъ.—Разумѣется, теперь безъ одной... Съ чего угодно только не съ червей!.. съ чего угодно!..

— Позвольте: да когда у меня заручки нѣту!..

— У васъ нѣтъ головы на плечахъ!.. Я два раза говорилъ: пики...

— Да когда у меня ихъ нѣтъ!..

— Господа, господа!—провозгласилъ слѣдователь.—это вы послѣ, а теперь не того... не угодно ли продолжать?

— Да нечего играть: безъ одной.

Однако, благодаря какой-то ошибкѣ со стороны окружного инженера, которая заставила, въ свою очередь, побагровѣть слѣдователя, Сопѣгинъ и Николай Ивановичъ взяли свои взятки. Тогда, бросивъ карты и вскочивъ съ мѣстъ, всѣ четверо съ возбужденными лицами стали кричать и спорить, нанося другъ другу оскорбленія.

— У меня не было ни одной пики! вы забываете, что у меня не было ни одной пики!—надрываясь, кричалъ Николай Ивановичъ.

— Тебя писарь ждетъ,—напомнилъ ему Чагинъ.

— А чортъ бы его подралъ! чего ему надо? что онъ съ ума сошелъ?—огрызнулся Николай Ивановичъ, бросая на Чагина свирѣпый взглядъ.—Гдѣ онъ?

— Въ столовой.

Сердитый и взволнованный, Николай Ивановичъ скорыми шагами прошелъ въ столовую.

— Чего вамъ? — сурово нахмуривъ брови, обратился онъ къ писарю, не отвѣчая на его поклонъ.

Писарь быстро и сбивчиво началъ что-то докладывать, съ судорожной торопливостью стараясь въ то же время вытащить изъ бокового кармана какую-то бумагу. Николай Ивановичъ, не вслушиваясь въ его слова, взялъ изъ его рукъ бумагу и разсѣянно посмотрѣлъ на нее.

— Я тутъ, ваше высокородіе, не причемъ,—говорилъ писарь:—на сходѣ былъ въ родѣ какъ арестованный, а до того ничего не зналъ... Они это по заранѣе обдуманному намѣренію... Я даже не могъ отлучиться, поэтому не могъ своевременно доложить вамъ... Вотъ какіе анафемы!.. Какъ только отпустили, я со всѣхъ ногъ сюда...

— Что такое?—недоумѣвалъ Николай Ивановичъ?—въ чемъ дѣло? почему такая экстра?

— Я поспѣшилъ доложить.

— Развѣ нельзя было подождать до утра?.. Чортъ возьми! лѣзете ночью!

— Я думалъ, что какъ важное дѣло... и вообще...

— Что вообще? Надо время знать. Такъ невозможно... Какое тамъ важное дѣло? что такое? ну, зачѣмъ вы мнѣ это дали?.. Приговоръ! мало-ли ихъ приговоровъ.

— Я не смѣлъ не доложить, ваше высокородіе, потому какъ...

Николай Ивановичъ разсѣянно посмотрѣлъ на заголовокъ приговора и, вдругъ покраснѣвъ, сталъ внимательно читать. Тамъ было написано слѣдующее: «Мы, нижеподписавшіеся мастеровые домохозяева Надеждинской волости, Верхне и Нижне-Надеждинскаго сельскихъ обществъ, отъ 1790 домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, въ числѣ 1215 человѣкъ, собранные сего числа на соединенный сельскій сходъ, подъ управленіемъ мѣстныхъ старостъ, обсуждали слѣдующее: 1) управляющій Надеждинскими заводами, Иванъ Петровъ Сопѣгинъ, своими распоряженіями наноситъ вредъ и обиды нашему обществу и всѣмъ общественникамъ, разстраивая тѣмъ общество, чего до поступленія Сопѣгина на заводы не было; 2) съ поступленіемъ на службу Сопѣгина управляющимъ заводами, общество почти поголовно предано суду, и заводоуправленіе считаетъ всѣхъ общественниковъ самоуправщиками, а также Сопѣгинъ допускаетъ всевозможныя обиды и стѣсненія на цеховыхъ и конныхъ работахъ. Признавая, что подобныя дѣйствія Сопѣгина, какъ крайне обидныя для общества, и въ дальнѣйшемъ являются нестерпимыми, постановили: настоящимъ приговоромъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ удаленіи его, Сопѣгина, окончательно изъ Надеждинскаго завода».

Дочитавъ до конца, Николай Ивановичъ перевернулъ листъ и началъ читать снова. Руки его дрожали, онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. Писарь, предчувствуя бурю, судорожными движеніями утиралъ пестрымъ платкомъ свое рябое лицо.

— Что это такое?—съ усиліемъ произнесъ Николай Ивановичъ охрипшимъ голосомъ, поднимая на писаря округленные глаза, и вдругъ, взвизгнувъ, затопалъ ногами и сталъ выкрикивать что-то безсвязное, захлебываясь и заикаясь отъ бѣшенства. Испуганный писарь попятился къ двери.

— Въ двадцать четыре часа! — кричалъ Николай Ивановичъ.—Какъ ты смѣлъ, какъ ты могъ, мерзавецъ, кувшинное твое рыло!..

— Я не виноватъ,—проговорилъ было писарь, но эти простыя слова привели Николая Ивановича въ совершенное иступленіе: онъ побагровѣлъ, стиснулъ зубы, вытаращилъ глаза и полѣзъ на писаря съ кулаками. Писарь юркнулъ въ прихожую, Николай Ивановичъ за нимъ.

— Завтра же ко всѣмъ чертямъ! къ чорту! ко всѣмъ дьяволамъ!—неистово кричалъ онъ, перегнувшись черезъ перила, пока писарь, спотыкаясь, бѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

Запыхавшійся Николай Ивановичъ съ лицомъ, покрытымъ красными пятнами, размахивая листомъ бумаги, который остался у него въ рукѣ, вернулся въ столовую и столкнулся съ Чагинымъ. Онъ дико и безсмысленно смотрѣлъ на него нѣсколько секундъ.

— Что съ тобой?—спросилъ Чагинъ.

— А вотъ, прочти, полюбуйся!—сказалъ Николай Ивановичъ, передавъ ему бумагу.—Не угодно ли? каково?—безпокойно топчась на одномъ мѣстѣ, тараторилъ онъ, пока Чагинъ читалъ.—Можешь себѣ представить, какіе анафемы! имъ, дѣйствительно, палка нужна, а не гуманное обхожденіе!..

Чагинъ внимательно прочиталъ приговоръ и, передавая его Николаю Ивановичу, посмотрѣлъ на него веселыми, смѣющимися глазами.

— Каково?—съ нѣкоторою растерянностью въ лицѣ отъ этого взгляда спросилъ Николай Ивановичъ.

— Очень хорошо,—отвѣчалъ Чагинъ.

— Что очень хорошо? какъ очень хорошо?

— Очень умно, даже удивительно умно,—продолжалъ Чагинъ:—чего-жъ тебѣ еще?

— Что ты говоришь? да, вѣдь, это же скандалъ на всю губернію?

— Именно. Что ты волнуешься?.. Это единственный способъ въ ихъ положеніи обратить на себя вниманіе властей, не выходя изъ предѣловъ законности...

— Странно ты разсуждаешь,—бормоталъ Николай Ивановичъ.—Долженъ же ты принять во вниманіе, что мнѣ за это дурака скажутъ... Эдакій скандалъ!..

— Ну, это бѣда небольшая, пусть скажутъ... кто скажетъ-то?

Николай Ивановичъ махнулъ рукой и пошелъ изъ комнаты.

— Ты крайне односторонній человѣкъ,—произнесъ онъ съ раздраженіемъ, обернувшись въ дверяхъ.

Тревожная новость съ поразительной быстротой распространилась между гостями, произведя всеобщій переполохъ и впечатлѣніе огромнаго скандала. Какъ вспугнутое стадо, гости

сновали по комнатамъ, съ жадностью торопясь узнать всѣ подробности происшествія; говорили шепотомъ, точно въ домѣ былъ трудно больной. Многіе явно злорадствовали и такъ или иначе выражали свое удовольствіе по поводу случившагося. Другіе злорадствовали втайнѣ, притворно негодуя на дерзость мастеровыхъ. Большинство же не на шутку было встревожено и имѣло разстроенный видъ.

Сопѣгинъ выказалъ поразительное малодушіе. Онъ явно струсилъ, поблѣднѣлъ, растерялся, и, когда немного пришелъ въ себя, имъ овладѣла безтолковая суетливость. Онъ обращался то къ Николаю Ивановичу, въ чемъ-то оправдываясь и желая что-то доказать и объяснить, то къ становому приставу, который вдругъ въ обращеніи съ нимъ усвоилъ себѣ покровительственную манеру, то къ слѣдователю, то къ окружному инженѐру. Съ заискивающей улыбкой онъ обращался даже къ людямъ, совершенно ничтожнымъ въ его глазахъ, и заговаривалъ съ ними такъ, какъ-будто искалъ въ нихъ поддержки и снисхожденія. Все величіе, все обаяніе его могущества рушилось вдругъ, въ одно мгновеніе.

— Надо сейчасъ же телеграфировать губернатору, главному начальнику... какъ вы думаете, господа?—говорилъ онъ, смотря кругомъ умоляющимъ взоромъ.—Я на васъ разсчитываю, господа... вамъ хорошо извѣстно, что все это гнусная клевета... Вы должны меня поддержать: я частный человѣкъ и вполнѣ беззащитенъ... Не могу же я теперь... то-есть сегодня же уѣхать отсюда... это было бы смѣшно и притомъ невозможно...

Телеграммы были составлены и отправлены, но это, повидимому, нисколько не успокоило Сопѣгина. Онъ блѣднѣлъ и вздрагивалъ отъ каждаго звука, долетавшаго съ улицы, и, кажется, втайнѣ опасался открытаго бунта или покушенія на свою жизнь.

— Будьте въ надеждѣ, милѣйшій Иванъ Петровичъ, не опасайтесь ничего,—успокаивалъ его молодцеватый становой, фамильярно похлопывая по плечу:—Богъ дастъ, все обойдется, уладится помаленьку... Что-жъ такое? Глупость одна и больше ничего.

— Собственно, я опасаюсь за Катю: мало ли что можетъ случиться? — отвѣчалъ Сопѣгинъ и затѣмъ, отведя Николая Ивановича немного въ сторону, сказалъ ему:—можно намъ у васъ ночевать?

— О, пожалуйста, сдѣлайте одолженіе.

— Потому что, видите ли... кто ихъ знаетъ?.. они могутъ хватить меня изъ-за угла... вы знаете здѣшній народъ...

— Пожалуйста, пожалуйста.

— Благодарю васъ. Я, знаете, главное изъ-за Кати...

Гости, не дожидаясь ужина, стали разъѣзжаться. Остались

только Сопѣгинъ съ дочерью да старый холостякъ слѣдователь, которому было жутко возвращаться домой раньше полуночи и въ одиночествѣ коротать вечеръ.

Мужчины сидѣли въ кабинетѣ и курили, лѣниво перекидываясь односложными фразами. Лидочка хлопотала въ столовой. Катя Сопѣгина изъ угла въ уголъ ходила по залѣ, взволнованная и потрясенная. Стыдъ, гнѣвъ, горе и отчаяніе душили ее. Она ненавидѣла всѣхъ людей и хотѣла бы отомстить имъ за свое униженіе и оскорбленную гордость. Она жалѣла только отца, но въ то же время и презирала его. «Зачѣмъ онъ испугался? зачѣмъ онъ струсилъ? зачѣмъ онъ оправдывался передъ этими ничтожными людьми и униженно просилъ ихъ защиты?.. И всѣ это видѣли, и всѣ поняли, что онъ трусъ... О, Боже мой, какой стыдъ! какой срамъ»!.. шептала она, сжимая руки. Въ раскрытыя двери съ балкона глядѣла темно-синяя звѣздная ночь. На площади ударили въ чугунную доску, и заунывный, колеблющійся звукъ ея отчетливо и ясно отдался въ лабиринтѣ фабричныхъ зданій, потомъ въ горахъ, за прудомъ. Катѣ казалось, что жизнь ея испорчена съ сегодняшняго дня навсегда, и впереди потянутся скучные дни, печальные и заунывные, какъ этотъ звонъ. «Все пропало... зачѣмъ жить?» думала она. Но уже за ужиномъ, увидѣвъ, что отецъ послѣ двухъ рюмокъ водки значительно оправился, она почувствовала, что отчаяніе ея уже утратило часть своей остроты.

Чагина не было въ столовой. Онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ передъ раскрытымъ окномъ и смотрѣлъ въ темный садъ, испытывая странное радостное настроеніе духа. «Это побѣда, всетаки это побѣда!»—шепталъ онъ пересохшими губами. Когда онъ всталъ и закрылъ окно, весь домъ давно уже былъ погруженъ въ глубокій сонъ. Онъ почувствовалъ, что ноги его подгибаются, раздѣлся и легъ въ постель. Голова его кружилась, и ему казалось, что онъ съ страшною быстротой опускается куда-то въ глубокую пропасть. «Надо отдохнуть, надо набраться силъ», думалъ онъ, засыпая.

VIII.

На другой день утромъ, часовъ около десяти къ квартирѣ Николая Ивановича съ грохотомъ подъѣхала довольно странная на видъ старинная рессорная коляска, запряженная тройкой разномастныхъ лошадей и сопровождаемая по пятамъ цѣлымъ роемъ мальчишекъ. Когда коляска остановилась, мальчишки окружили ее со всѣхъ сторонъ и съ пристальнымъ любопытствомъ стали разсматривать сидѣвшаго на козлахъ угольнаго мастера Панфилова, указывая на него пальцами. Это былъ

худой и нескладный, огромнаго роста дѣтина, съ длинною черною бородой и голубыми наивными глазами. На головѣ его блестѣлъ лоснящійся, изъѣденный молью пуховый цилиндръ древняго образца, а на ногахъ новые сапоги съ резиновыми калошами. Хотя шея и руки его весьма мало отличались по чернотѣ отъ его суконной поддевки, однако замѣтны были явныя усилія возстановить ихъ первоначальный натуральный цвѣтъ. Панфилычъ зарычалъ на мальчишекъ такъ свирѣпо и такимъ густымъ басомъ, что они, какъ дождь, брызнули въ разныя стороны; минуту спустя они снова собрались вмѣстѣ и усѣлись, какъ стая воробьевъ, на ступенькахъ заводскаго амбара, на другой сторонѣ улицы, съ цѣлью дальнѣйшихъ наблюденій. Вскорѣ между ними началась драка. Откуда-то появились двое десятскихъ съ палками въ рукахъ и съ мѣдными бляхами на груди и разогнали ихъ въ разныя стороны. Любознательное отношеніе къ подъѣхавшей коляскѣ проявлялось и со стороны взрослаго населенія. Изъ оконъ, изъ дверей, изъ щелей заборовъ — отовсюду выглядывали глаза и головы любопытныхъ. На перекресткѣ не разъ собиралась толпа, которую немедленно разгоняли десятскіе. Мимо Панфилова съ дѣловымъ видомъ проходили по одиночкѣ мастеровые и, постоявъ за угломъ, возвращались обратно. Между тѣмъ Панфиловъ, не слѣзая съ козелъ, началъ переговоры съ вышедшимъ за ворота дворникомъ.

— Управляющій у васъ ночевалъ, что ли?—спросилъ онъ.

— У насъ,—отвѣчалъ дворникъ.

— Проснулся али все еще дрыхнетъ?

— Проснулись всѣ. А ты чего нарядился шутомъ гороховымъ, точно клоунъ въ циркѣ?

— Я-то? Такъ пришлось.

— Въ кучера поступилъ, что ли?

— Въ кучера, не въ кучера, а вродѣ этого. Не твоего ума дѣло. Говорю, такъ пришлось. Ты вотъ поди-ка, скажи управляющему, что, молъ, такъ и такъ, лошадей ему подали.

— Онъ тебѣ заказывалъ, что ли?

— Не заказывалъ, а велѣно подать ему отъ общества.

— Ты чего мелешь? чай, у него свои есть?

— Ну, мало ли свои...

— Да куда ѣхать-то?

— Довеземъ до чугунки, а. тамъ самъ знаетъ куда. Отъ общества ему лошади поданы, какъ намѣренъ онъ отсюда уѣзжать.

— Те, те, те!.. вотъ такъ штука!.. Удумали!.. Повозка чья?

— Павла Пантелеича. Негодна была вовсе, да Вьюнъ починилъ, все утро старался. .

— А лошади?

— Лошади съ пожарной, а сбрую Копыловъ далъ.

— Ну, и анафемы!.. Удумали, нечего сказать!.. А ежели онъ не согласенъ?

— Неволить не станемъ. Какъ хочетъ, дѣло его, а мы желаемъ его на своихъ лошадяхъ... отъ общества.

— Ахъ, чтобъ васъ!.. Чего сказать-то?

— А такъ и скажи, что, молъ, лошади отъ общества поданы. Ежели пожелаютъ ѣхать, то лошади готовы.

— Ну, однако... Да мнѣ что? Я скажу. Не мнѣ по шеѣ-то накладутъ.

— Объ этомъ не безпокойся. Доложи, а тамъ ужъ не твое дѣло.

Господа сидѣли за чаемъ, когда дворникъ пришелъ съ докладомъ по порученію Панфилова. Николай Ивановичъ вышелъ къ нему въ переднюю и долго не могъ ничего понять.

— Лошади? какія лошади?.. какой Панфиловъ?.. Управляющему?.. отъ общества?.. Что такое? Ничего не понимаю. Да ты пьянъ, можетъ быть, или не проспался?—съ раздраженіемъ говорилъ Николай Ивановичъ, слушая несвязныя объясненія дворника.

Встревоженный упоминаніемъ своего имени, на шумъ вышелъ Сопѣгинъ. Когда разъяснилось дѣло, онъ страшно поблѣднѣлъ.

— Я его арестую, мерзавца!—вскричалъ, вспыхнувъ, Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... ради Бога!..—съ испугомъ обратился къ нему Сопѣгинъ:—не дѣлайте этого, прошу васъ... не трогайте его... притомъ онъ не виноватъ... онъ не самъ собой... я знаю Панфилова: онъ хорошій мастеръ...

— Нѣтъ, ужъ это позвольте, это мое дѣло... Позовите ко мнѣ старшину!..

— Ахъ, ради Бога!.. Развѣ можно такъ, теперь... когда... Богъ знаетъ что... Я того... я лучше поѣду.

Николай Ивановичъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Куда вы поѣдете?

— Не знаю... я думаю, въ городъ...

— На этихъ лошадяхъ? съ этимъ болваномъ?

— Да... не все ли равно?

Николай Ивановичъ пожалъ плечами.

— Вы съ ума сошли!—сказалъ онъ.

— Я поѣду,—продолжалъ Сопѣгинъ,—но попрошу васъ объ одномъ: проводите меня до станціи... Откровенно вамъ скажу, я боюсь этихъ скотовъ... Становой дастъ намъ двухъ стражниковъ... Сдѣлайте это въ видѣ особаго мнѣ одолженія.

— Фу, ты!.. Но это, ей-богу, комедія... Ну, извольте, извольте, съ удовольствіемъ... Ахъ, дурачье, дурачье!.. Когда же мы поѣдемъ?

— Я не знаю... какъ тамъ... должно быть, скоро, сейчасъ...

— Ахъ, ты Господи!.. ну, да это дѣло ваше.

Катя ѣхать наотрѣзъ отказалась.

— Ни за что! ни за что!—твердила она, сверкая глазами.

— Катя!—кротко уговаривалъ ее отецъ,—до капризовъ ли теперь? полно упрямиться... Ну, ты поѣдешь на своихъ лошадяхъ.

— Никуда я не поѣду.

— Ну, Богъ съ тобой... Во всякомъ случаѣ у Николая Ивановича ты въ безопасности.

Сопѣгинъ торопливо сталъ приготовляться къ отъѣзду: послалъ взять изъ дому кой-какія самыя необходимыя вещи, написалъ два письма — одно помощнику своему, пану Лещинскому, другое управителю завода Тохтуеву, послалъ нѣсколько телеграммъ, сдѣлалъ кой какія распоряженія.

— Вы дѣлаете большую ошибку, подчиняясь этому глупому фарсу, потому что это глупый фарсъ и больше ничего,—говорилъ ему Николай Ивановичъ.

— Я подчиняюсь насилію,—отвѣчалъ Сопѣгинъ:—что я могу сдѣлать противъ грубой силы?.. Пусть, пусть, все равно... расплата будетъ потомъ... а пока мнѣ больше ничего не остается...

Черезъ часъ они въ дорожныхъ костюмахъ вышли на крыльцо. Панфиловъ почтительно обнажилъ голову. Николай Ивановичъ сердито посмотрѣлъ на него.

— Настоящая ворона въ павлиньихъ перьяхъ! — сказалъ онъ.—Ну, для чего ты нарядился шутомъ? чучело гороховое!

Панфиловъ былъ смѣшливъ,—онъ, отвернувшись, фыркнулъ въ кулакъ.

— Ну, пошелъ, дубина! — крикнулъ ему Николай Ивановичъ, когда усѣлись въ коляску.

Панфиловъ зачмокалъ губами и замахалъ кнутомъ. Кони дернули и побѣжали нестройной, развалистой рысью. Одна изъ пристяжныхъ сильно хромала, припадая на заднюю ногу.

Николай Ивановичъ вернулся вечеромъ и тотчасъ же послалъ за старшиной. Онъ былъ угрюмъ, молчаливъ и, видимо, чѣмъ-то разстроенъ. Старшина явился во время ужина и, поклонившись, молча остановился у дверей.

— Здравствуй,—сказалъ Николай Ивановичъ,—ну что?

Старшина крякнулъ, поправилъ цѣпь на шеѣ и холодно произнесъ:

— Ничего-съ. Явился по вашему приказанію.

— Новаго ничего нѣтъ?

— Ничего-съ, все благополучно.

— Ну, это ты врешь!.. Благополучно... хорошо благополучіе!.. эдакую затѣяли ерунду!.. Ну, да я съ тобой еще посчитаюсь... А теперь вотъ что: Осипа Пикараева, Ивана Копытова... да вотъ по этому списку посади всѣхъ на три дня подъ арестъ.

— Слушаю-съ.

— Копытова и Пикараева посади сегодня же, остальныхъ завтра. Понялъ?

— Арестантская не свободна, ваше высокородіе: подсудимыхъ содержится восемь человѣкъ.

— Ничего, потѣснятся.

— Слушаю-съ.

— Пока больше ничего. Иди.

— Слушаю-съ.

Старшина ушелъ.

— Это за что же? за какіе грѣхи?—спросилъ Чагинъ.

— А вотъ за то. Дурачье! ты знаешь, какую они штуку устроили? Выѣхали мы за околицу, а тамъ толпа, человѣкъ триста... безъ шапокъ, кланяются, выстроились, какъ солдаты, по обѣ стороны дороги... Это они проводы Сопѣгину устроили... мерзавцы!..

— Что-жъ—все смирно... Это хорошо.

— А тотъ... вотъ никогда не думалъ, что онъ окажется такимъ трусомъ... сидитъ ни живъ, ни мертвъ... вообразилъ себѣ, что его собираются убить, уцѣпился за меня руками, бормочетъ что-то, какъ помѣшанный, а самъ блѣденъ, какъ я не знаю что... Послѣ, какъ отъѣхали версты двѣ, онъ даже заплакалъ отъ радости, что остался живъ и все обошлось благополучно...

— Всѣ безсердечные люди трусы. Но всетаки, за что же ты велѣлъ арестовать этихъ... Копытова и другихъ?

— За что? какъ за что?.. Да, вѣдь, это школьничество какое-то, глупость!.. всѣ точно бѣлены объѣлись, съ ума сошли...

— Положимъ. Но почему, именно, этихъ, а не другихъ? Ты говоришь, было всего до трехсотъ человѣкъ?

— Потому что я знаю этихъ мерзавцевъ: безъ всякаго сомнѣнія, это ихъ затѣя!

IX.

На другой день съ утра наѣхали гости: исправникъ, предсѣдатель съѣзда, прокуроръ, жандармскій полковникъ. Ихъ торжественно встрѣтилъ на вокзалѣ помощникъ главнаго управляющаго Лещинскій и обратился съ покорнѣйшею просьбою отъ имени Сопѣгина остановиться въ заводскомъ домѣ, гдѣ обѣщалъ

имъ всѣ удобства; къ удивленію Лещинскаго, гости вѣжливо отклонили это предложеніе и проѣхали на земскую квартиру. Около полудня они заявились къ Николаю Ивановичу, гдѣ сначала позавтракали, потомъ отобѣдали и засѣли за карты. Къ вечеру туда же собралось и все мѣстное общество. Въ домѣ опять началась суета. Прислуга металась, какъ угорѣлая. Въ кухнѣ съ утра до полуночи происходила безпрерывная сутолока. Лидочка не слышала подъ собою ногъ отъ усталости, но была весела и довольна, какъ и всегда, когда у нихъ бывали гости. Катя Сопѣгина со вчерашняго дня ушла домой и больше не показывалась. Чагинъ чувствовалъ себя совершенно больнымъ и не выходилъ изъ своей комнаты. Вялый и апатичный, онъ лежалъ на диванѣ, уставивъ глаза въ потолокъ и машинально прислушиваясь къ происходившей въ домѣ суетѣ, въ состояніи полнаго бездѣйствія. Такъ пролежалъ онъ весь день и весь вечеръ. Уже на разсвѣтѣ сквозь охватившую его дремоту онъ слышалъ голоса разъѣзжавшихся гостей и грохотъ удалявшихся экипажей.

На слѣдующій день съ ранняго утра толпились на дворѣ мастеровые. Разбившись на группы, они жужжали, какъ пчелиный улей. У воротъ стояли зачѣмъ-то два стражника. Въ толпѣ сновали взадъ и впередъ десятскіе съ бляхами на груди. На крыльцѣ, передъ входомъ въ камеру уже часа четыре сидѣли старшина и двое сельскихъ старостъ, ежесекундно ожидая, что ихъ потребуютъ къ исправнику. Раза два выходилъ становой и сурово смотрѣлъ на толпу. При его появленіи все смолкало, старшина и старосты поднимались съ мѣстъ и стояли безъ шапокъ.

— Ты смотри,—говорилъ становой старшинѣ:—чтобъ молодяжниковъ не было... Народъ нуженъ степенный, почтительный.

— Молодяжниковъ нѣту, ваше высокородіе, — отвѣчалъ старшина.

— Кузьма Калмыковъ здѣсь? а Пономаревъ? Горбуновъ? Полоротовъ?

— Такъ точно, здѣсь.

— Смотри, чтобъ много не разговаривали, глупостей не говорили. Понялъ?

— Слушаю-съ.

— А это что? это что такое? Пашка Булыгинъ? онъ здѣсь зачѣмъ? по какому случаю?

— Самъ вызвался, ваше высокородіе, отъ своего желанія.

— Вонъ его! сейчасъ же! какъ можно эдакого?.. Эй, ты, Сусаловъ! возьми вонъ того мужика! вонъ съ рыжей бородой, въ желтой фуражкѣ... Возьми, тащи его, засвѣти ему хорошаго тумака!.. Вотъ такъ!—прибавилъ становой, когда Пашка Бу-

лыгинъ отъ даннаго ему стражникомъ подзатыльника вылетѣлъ за ворота.

Часовъ въ одиннадцать старшину потребовали въ камеру, гдѣ за столомъ сидѣли исправникъ и прокуроръ. Старшина помолился на икону, поклонился господамъ и остановился въ двухъ шагахъ отъ стола, покрытаго зеленымъ сукномъ. На его умномъ, суровомъ лицѣ лежала печать спокойствія и непроницаемости. Ему стали задавать вопросы. Онъ осторожно, обдумывая каждое слово, давалъ краткіе, но довольно неопредѣленные отвѣты.

— По какому поводу былъ созванъ соединенный сходъ?

— По случаю пожарной машины, какъ старыя у насъ зачали портиться... значитъ, ужъ дѣйствія того не стало...

— Какимъ образомъ возникъ вопросъ объ удаленіи управляющаго Сопѣгина?

Старшина помолчалъ, потомъ сказалъ:

— Не могу знать.

— Ну, какъ же все это было? разскажите по порядку.

— А такъ было, что собрались, зачали толковать насчетъ машины, согласились машину выписать...

— Нѣтъ, а на счетъ Сопѣгина?

— Ну, а потомъ и на счетъ господина Сопѣгина... зачали разсуждать...

— Кто предложилъ ходатайствовать объ его удаленіи?

— Всѣмъ обществомъ предложили, единогласно.

— Да, но кто первый подалъ эту мысль?

— Этого не могу знать.

— А не было ли у васъ тайныхъ сходокъ, гдѣ бы обсуждался этотъ вопросъ заранѣе, предварительно?

— Никакъ нѣтъ, не слыхалъ.

— Кто приговоръ писалъ?

— Писарь.

— Кто ему показывалъ, что и какъ нужно писать?

— Никто не показывалъ: какъ порѣшили, такъ онъ и записалъ.

— Писарь говоритъ, что ему приговоръ диктовалъ Никита Атамановъ, вѣрно ли это?

— Нѣтъ, не вѣрно, онъ самъ писалъ.

— Въ приговорѣ говорится объ обидахъ и притѣсненіяхъ со стороны управляющаго, какія же это были обиды?

— Будто бы притѣсненія разныя... говорили, что житья вовсе не стало...

— Будто бы? развѣ вы навѣрное не знаете, были эти обиды или нѣтъ?

— Оно точно-что того... жалобился народъ... ну, а намъ, разумѣется, это неизвѣстно, какъ я человѣкъ торгующій... Самъ

я отъ господина управляющаго ничего худаго не видывалъ... а другіе обижались, точно...

Задавъ еще нѣсколько вопросовъ, старшинѣ велѣли сѣсть и позвали старостъ. Старосты давали еще болѣе уклончивые и неопредѣленные отвѣты. Допросивъ, имъ тоже велѣли сѣсть. Потомъ группами и по одиночкѣ стали вызывать мастеровыхъ разныхъ цеховъ и чернорабочихъ. Они также неохотно, неясно и уклончиво говорили о томъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ состоялось постановленіе схода, но объ обидахъ и притѣсненіяхъ Сопѣгина распространялись весьма подробно. Исправникъ тяжелымъ канцелярскимъ слогомъ добросовѣстно и терпѣливо записывалъ существо каждаго показанія.

Эта процедура продолжалась цѣлыхъ два дня. Панъ Лещинскій нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ Николаю Ивановичу разузнать о ходѣ дѣла. Онъ усилилъ слащавость своей улыбки и льстивость своихъ рѣчей, но, видимо, былъ обезкураженъ. Положеніе его было до крайности хлопотливое. Сопѣгинъ, встревоженный тѣмъ оборотомъ, какой начинало принимать дѣло по сообщеніямъ Лещинскаго, засыпалъ его градомъ телеграммъ, требуя еще болѣе подробнаго отчета обо всемъ, что дѣлается въ заводѣ, а, главное, о ходѣ и возможныхъ результатахъ дознанія, и отдавалъ распоряженія одно другого противорѣчивѣе. Онъ телеграфировалъ, между прочимъ, что главный начальникъ рѣшилъ поручить произвести другое дознаніе окружному инженеру, и по этому поводу сдѣлалъ кой-какія распоряженія. Но оказалось, что окружной инженеръ три дня тому назадъ выѣхалъ неизвѣстно куда, и телеграмма, полученная на его имя, не была ему доставлена. Опять посыпались телеграммы. Сопѣгинъ требовалъ, чтобы пропавшій инженеръ былъ разысканъ въ двадцать четыре часа. Телеграммы приходили и днемъ, и утромъ, и ночью: видимо, Сопѣгинъ отъ безпокойства страдалъ безсоницей.

Между тѣмъ дознаніе коммиссіи было окончено. Когда, на третій день, утромъ прочитанъ былъ протоколъ, въ присутствіи приглашенныхъ со стороны заводоуправленія помощника главнаго управляющаго, пана Лещинскаго, и управителя Тохтуева, онъ произвелъ на всѣхъ неожиданно сильное впечатлѣніе. Одинъ только неизмѣнно флегматичный Тохтуевъ слушалъ совершенно спокойно, не шевельнувъ бровью: его интересовала въ заводскомъ дѣлѣ только техника, а все остальное онъ считалъ пустяками. Лещинскій сидѣлъ, какъ на иголкахъ, и то безпокойно улыбался, то принималъ важный видъ, протиралъ очки, игралъ брелоками часовой цѣпочки, небрежно откидывался на спинку кресла и презрительно мычалъ.

— Прошу извиненія у господъ,—быстро заговорилъ онъ, вскакивая съ мѣста и изгибаясь, какъ змѣй, когда кончилось

чтеніе:—я долженъ заявить господамъ, что написанное есть совершенно превратно... Голословные факты и больше ничего. Подборъ разныхъ анекдотовъ. Фактамъ не дано никакого освѣщенія. Я скажу господамъ, что надо знать горнозаводское дѣло, чтобъ судить о вещахъ. Это дѣло есть специалистовъ. Напримѣръ, тридцать процентовъ бракованнаго желѣза, по ва шему мнѣнію, господа, есть вполнѣ не нормально? А я скажу вамъ, что то такъ и должно быть. Доложу вамъ, что это дѣлается въ интересахъ самаго населенія.

— Виноватъ,—перебилъ его прокуроръ:—не въ томъ дѣло, тридцать процентовъ или пятьдесятъ, а въ томъ, что бракуется хорошее желѣзо, и поэтому мастера получаютъ только половину задѣльной платы. По крайней мѣрѣ, такъ они заявляютъ.

— О, что они заявляютъ! мало ли что они заявляютъ!.. Я буду ссылаться на господина управителя.... Здѣсь есть на то весьма основательная причина...

— Виноватъ, позвольте, одну минуту... Можетъ быть, намъ разъяснитъ господинъ Тохтуевъ... Скажите, пожалуйста,—обратился прокуроръ къ управителю:—почему хотя бы на вашемъ заводѣ такое огромное количество бракованнаго желѣза?

Молчаливый Тохтуевъ откашлялся и сказалъ:

— У насъ есть распоряженіе отъ главнаго управленія, чтобы браку было не меньше тридцати процентовъ.

— Ну, вотъ видите!

— Совершенно вѣрно, совершенно справедливо... развѣ я отрицаю это?—снова заговорилъ Лещинскій.—Но позвольте же мнѣ разъяснить это недоразумѣніе. Вотъ въ чемъ дѣло. Все желѣзо, изготовляемое вообще въ здѣшнемъ округѣ, отправляется на Нижегородскую ярмарку, а для мѣстной продажи оставляется только бракъ. Уже давно кричатъ и совершенно справедливо, что здѣсь, на мѣстѣ, въ центрѣ горнопромышленности, существуетъ недостатокъ въ желѣзѣ и прочее... Вотъ потому-то наши заводы, дабы удовлетворить мѣстной потребности—съ одной стороны, а съ другой—чтобы не нарушать принятаго порядка, увеличили массу бракованнаго желѣза или, вѣрнѣе, массу желѣза, отпускаемаго для мѣстныхъ рынковъ. Вотъ и все. Стало быть, сдѣлано это въ интересахъ самого же населенія.

— Допустимъ. Но по какимъ цѣнамъ продается желѣзо здѣсь, на мѣстѣ?

Лещинскій улыбнулся и сказалъ, что желѣзо бываетъ разныхъ сортовъ.

— Ну да, конечно, но хотя бы это... ну, какіе у васъ бываютъ сорта?

Лещинскій сталъ подробно перечислять изготовляемые на заводахъ сорта, изъ которыхъ прокуроръ остановился почему-то

на полосовомъ желѣзѣ. Лещинскій сказалъ цѣну, но Тохтуевъ его тотчасъ же поправилъ, назвавъ цѣну болѣе высокую.

— Ну, можетъ быть,—согласился Лещинскій,—потому что цѣны колеблются.

— Но такой цѣны никогда не бывало,—упрямо твердилъ Тохтуевъ.

— Ахъ, Боже мой! но это же все равно! какое это можетъ имѣть значеніе?

— А цѣна на ярмаркѣ?—спросилъ прокуроръ.

Тохтуевъ съ свойственной ему пунктуальностью назвалъ цѣны за послѣдніе три года. Прокуроръ сдѣлалъ карандашемъ на бумагѣ какія-то вычисленія.

— Итакъ, оказывается,—сказалъ онъ,—что цѣна желѣза на ярмаркѣ на двадцать процентовъ дешевле, чѣмъ продаваемый здѣсь, на мѣстѣ бракъ. Такимъ образомъ, заводоуправленіе, переводя желѣзо въ разрядъ бракованнаго, выигрываетъ двадцать процентовъ при его продажѣ и половину стоимости его обработки, сокращая задѣльную плату мастерамъ. Операція довольно выгодная!

Лещинскій вспыхнулъ, и глаза его засверкали злобнымъ огонькомъ.

— Какое можетъ быть дѣло господамъ чиновникамъ до выгодности коммерческаго предпріятія?—вскричалъ онъ.—Наши барыши, наши и убытки! Какъ это можетъ относиться къ настоящему дѣлу? Это есть незаконное вмѣшательство администраціи въ частныя торговыя дѣла, и я протестую!

— Никакого вмѣшательства,—холодно возразилъ прокуроръ,—мы просто хотимъ уяснить себѣ смыслъ событій.

— Смыслъ! какой смыслъ? Смыслъ одинъ: населеніе бунтуетъ, населеніе до того распущено, что далѣе уже, кажется, не возможно!.. Смѣю думать, что заработная плата опредѣляется законами политической экономіи, а не указаніями господъ чиновниковъ! Мы не можемъ платить рабочимъ больше того, что они стоятъ. Чего же вы хотите? Я не понимаю намѣреній почтенной коллегіи! При такомъ отношеніи невозможна никакая промышленная дѣятельность, при такомъ отношеніи будутъ вѣчные безпорядки. Заводоуправленіе является, наконецъ, въ роли какого-то подсудимаго... Прошу извиненія у господъ, но меня это удивляетъ, это Богъ знаетъ что!.. Извините, я долго терпѣлъ, я долго молчалъ. Послѣ вашего дознанія рабочіе теперь, Богъ знаетъ, что возмечтаютъ, Богъ знаетъ, чего потребуютъ!..

Лещинскій все больше и больше горячился и уже не владѣлъ собой.

— Очень хорошо,—сказалъ прокуроръ:—вы можете все это внести въ протоколъ въ видѣ объясненія или возраженія,

можете, наконецъ, жаловаться на наши дѣйствія. Мы сдѣлали то, что должны были сдѣлать—провѣрить донесеніе господина Сопѣгина. Къ счастію, ни бунта, ни злостныхъ намѣреній, ни покушенія на его жизнь не оказалось. Приговоръ же, какъ незаконно постановленный, по всей вѣроятности, будетъ уничтоженъ.

Прокуроръ и предсѣдатель съѣзда уѣхали въ тотъ же вечеръ. Остался исправникъ, котораго Николай Ивановичъ просилъ присутствовать на сходѣ при объявленіи постановленія съѣзда объ отмѣнѣ приговора, да жандармскій полковникъ, у котораго было свое дѣло и который почти не принималъ участія въ произведенномъ дознаніи.

По обыкновенію, сходъ собрался поздно вечеромъ. Когда Николай Ивановичъ съ исправникомъ появились на сходѣ, тысячная толпа въ глубокомъ безмолвіи обнажила головы. Николай Ивановичъ громко прочиталъ постановленіе съѣзда. Толпа молча выслушала и осталась неподвижна.

— Больше ничего,—прибавилъ Николай Ивановичъ.—Распустить сходъ.

Однако, послѣ ихъ ухода сходъ не разошелся и постановилъ новый приговоръ, которымъ нѣкто Иванъ Атамановъ избирался уполномоченнымъ отъ двухъ сельскихъ обществъ для защиты ихъ интересовъ въ судахъ и другихъ учрежденіяхъ, и отчислялась на расходы въ его распоряженіе изъ мірскихъ капиталовъ сумма въ двѣ тысячи рублей.

Николай Ивановичъ рѣшилъ отмѣнить это постановленіе схода, изъ-за чего жестоко поссорился съ Чагинымъ. Чагинъ, только-что оправившійся отъ припадка болѣзненной хандры, рѣзко и грубо наговорилъ ему много непріятныхъ вещей. Николай Ивановичъ, блѣдный и злой, сначала оправдывался, потомъ вышелъ изъ себя и перешелъ въ наступленіе.

— Худо ли, хорошо ли, а мы дѣло дѣлаемъ, — говорилъ онъ,—а ты что?

— Оставь меня въ покоѣ; рѣчь идетъ о тебѣ, этимъ ты не отвертишься,—отвѣчалъ Чагинъ. Глаза его потемнѣли и съ ненавистью смотрѣли на Николая Ивановича, который въ сильномъ раздраженіи бѣгалъ по комнатѣ взадъ и впередъ.

— Нѣтъ, позволь! я желаю говорить, именно, о тебѣ, потому что ты, кажется, доволенъ собой во всѣхъ отношеніяхъ. Я спрашиваю тебя: ты-то что такое? кто ты такой? что ты дѣлаешь? къ чему стремишься?

— Что я доволенъ собой—это не правда. Допустимъ, что я ничего не дѣлаю и всю свою жизнь провелъ въ праздности, но лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать то, что вы здѣсь дѣлаете.

На дворѣ было утро, и свѣтъ лампы на столѣ казался

грязновато-желтымъ пятномъ, когда они, не простившись, разошлись и разошлись почти врагами.

X.

Недѣлю спустя, Чагинъ укладывалъ свои чемоданы. Николай Ивановичъ сидѣлъ на кровати, поджавъ подъ себя ноги, и курилъ. Оба молчали.

Съ описаннаго вечера отношенія между бывшими пріятелями совершенно испортились. Чагинъ усиленно, запоемъ работалъ, запасаясь матеріалами. Появляясь только къ обѣду, онъ былъ разсѣянъ и угрюмъ. Николай Ивановичъ съ развязно вызывающимъ видомъ заводилъ разговоры на общія темы. Постепенно разгорячаясь, онъ много и злобно говорилъ о русской ничего недѣлающей и только все критикующей интеллигенціи, о деспотизмѣ ея мнѣній, о безпочвенности и безплодности ея идеаловъ. Чагинъ молчалъ и даже, казалось, не слушалъ. Это и смущало, и раздражало Николая Ивановича...

— Ты можешь звать насъ измѣнниками,—говорилъ онъ,—но мы измѣнники только потому, что не хотимъ сидѣть сложа руки... Да-съ, потому что лишь на почвѣ компромиссовъ возможна какая-либо дѣятельность. Чортъ бы ихъ побралъ всѣ идеалы, когда изъ-за нихъ надо замариновать себя въ спиртѣ, запереть себя въ клѣтку, удалиться отъ жизни и смотрѣть на міръ божій, ковыряя въ носу!.. Жизнь кипитъ ключомъ, она не ждетъ, она требуетъ движенія, дѣятельности... и не идеальной, къ сожалѣнію, а примѣнительно къ обстоятельствамъ... Что изъ того, что вамъ это не нравится? Пусть! это никого не интересуетъ.. Вы превратились въ ничто, у васъ подъ ногами не стало почвы... Что жъ ты молчишь?

— Я не понимаю, о комъ и о чемъ ты говоришь,—холодно отвѣчалъ Чагинъ.

— А! не понимаешь? будто бы? Нѣтъ, ты понимаешь: я говорю о вашемъ безсиліи, о вашемъ одиночествѣ... Вы безсильны и одиноки... Я удивляюсь, какъ ты—умный человѣкъ—не видишь этого...

Николаю Ивановичу пришлось за это время пережить еще одно большое огорченіе. Послѣ неутвержденія Атаманова состоялся новый сходъ, на которомъ было постановлено ходатайствовать передъ правительствомъ, во-первыхъ, объ утвержденіи его, какъ единственнаго человѣка, которому населеніе можетъ довѣрить защиту своего дѣла; во-вторыхъ, о переводѣ Николая Ивановича въ другой участокъ, въ виду того, что онъ явно принимаетъ сторону заводоуправленія и лишаетъ общество послѣдней возможности отстаивать свои интересы закон-

нымъ путемъ. Эта новая дерзость лишила Николая Ивановича аппетита и сна. Въ одинъ день онъ осунулся и похудѣлъ, точно перенесъ тяжкую болѣзнь. Это была публичная пощечина, данная ему населеніемъ. Онъ уволилъ писаря, смѣнилъ старшину и сельскихъ старостъ, посадилъ подъ арестъ предполагаемыхъ зачинщиковъ, но все это казалось ему недостаточнымъ возмездіемъ за обиду, и онъ мечталъ о мести. Отъ Сопѣгина, съ которымъ онъ состоялъ теперь въ пріятельской перепискѣ, получались нерадостныя вѣсти: онъ писалъ, что губернскія власти бездѣйствуютъ и не хотятъ принимать никакихъ мѣръ, становясь явно на сторону мастеровыхъ: что новый губернаторъ его не принялъ и посовѣтовалъ ему черезъ другихъ, во избѣжаніе безпорядковъ, не возвращаться больше въ заводы; что главный начальникъ, хотя и взбѣшенъ до послѣдней степени поведеніемъ губернатора, но пока безсиленъ что-либо сдѣлать. «Не сомнѣваюсь, что въ концѣ концовъ онъ подведетъ его подъ обухъ», прибавлялъ Сопѣгинъ, «но не такъ-то скоро, какъ было бы желательно»,

Узнавъ, что Чагинъ уѣзжаетъ, Николай Ивановичъ почему-то очень встревожился, даже испугался и сталъ упрашивать его остаться еще на недѣлю.

— Нѣтъ, братъ, поѣду, прощай,—сказалъ Чагинъ.

— Но какъ же такъ, вдругъ? и почему непремѣнно сегодня? Ну, послѣ завтра, ну, завтра, наконецъ.

— Не все ли равно?

— Мнѣ еще о многомъ надо поговорить съ тобой... кое-что выяснить, кое-что установить.

Чагинъ махнулъ рукой.

— Напрасно ты такъ относишься... Ну, что тебѣ одинъ-два дня?

— Не упрашивай. Ты знаешь, что я упрямъ.

— Да, ты упрямъ. Эхъ, Петръ Филиппычъ!.. Ну, да я провожу тебя до станціи. Кстати, надо съѣздить въ Чугунногорскъ... Надо немножко разсѣяться, да и дѣло есть. Провожу тебя, дождусь встрѣчнаго поѣзда и поѣду.

— Что же, отлично.

Нѣкоторое время Николай Ивановичъ молча смотрѣлъ, какъ Чагинъ складывалъ и собиралъ свои вещи. Чагинъ, надавивъ колѣномъ на чемоданъ, щелкнулъ замкомъ и заперъ его, вздохнулъ, разогнулся и сказалъ:

— Готово.

— Вотъ ты уѣзжаешь,—началъ Николай Ивановичъ, глядя въ окно,—и, можетъ бы, больше мы не увидимся...

— Весьма возможно,—промолвилъ Чагинъ, опускаясь на стулъ.

— А если и встрѣтимся, то дороги наши еще больше разойдутся. Не странно ли это?

Чагинъ ничего не отвѣтилъ.

— А въ сущности, въ чемъ у насъ разногласіе?—продолжалъ Николай Ивановичъ вялымъ голосомъ:—у насъ однѣ и тѣ же симпатіи, однѣ и тѣ же цѣли, однѣ и тѣ же задачи... Только пути у насъ разные...

Чагинъ сталъ перетаскивать чемоданы и подушки въ одинъ уголъ.

— У насъ разныя дороги,—такъ-же вяло и уныло продолжалъ Николай Ивановичъ,—но цѣль одна... Такъ въ чемъ же дѣло? и не все ли равно?..

Съ минуту длилось унылое молчаніе. Сложивъ вещи въ кучу, Чагинъ растворилъ окно, сѣлъ на подоконникъ и сталъ смотрѣть въ садъ, усѣянный желтыми опавшими листьями. Помолчавъ, Николай Ивановичъ продолжалъ говорить:

— Положимъ, что ты честный и прямой человѣкъ, а я флюгеръ, вертящійся по вѣтру... положимъ, что ты богато одаренная натура, а я ничтожество... Но, вѣдь, и намъ, мелкимъ людямъ, надо жить, имѣть участіе въ дѣлахъ человѣческихъ... Забудь, что я говорилъ тебѣ... ну, тамъ разный вздоръ... это я говорилъ въ раздраженіи... Я отдаю тебѣ должную справедливость... Но, вѣдь, и ты не обходишься безъ компромиссовъ, вѣдь и ты, такъ или иначе, приспособляешься къ обстоятельствамъ... Я больше, ты меньше, но суть одна и та же... Такъ не все ли равно?

— Оставимъ этотъ разговоръ, — промолвилъ Чагинъ, не отрываясь отъ окна.—Черезъ часъ, черезъ два мы разстанемся и, по всей вѣроятности, навсегда, такъ къ чему намъ обманывать другъ друга? къ чему играть въ прятки?

Отъ этихъ словъ Николай Ивановичъ вдругъ оживился и даже какъ будто повеселѣлъ.

— Игра въ прятки! почему же игра въ прятки?—заговорилъ онъ.—Я поднимаю серьезный, жизненный вопросъ, вопросъ о направленіи, о руководящихъ началахъ жизни, а ты...

Чагинъ сморщился и почесалъ кончикъ носа.

— Брось, право, брось!—сказалъ онъ:—слова твои неискренни и фальшивы, и ты самъ это чувствуешь... Лучше оставимъ это...

— Но почему же? вѣдь говорили же мы... и ты говорилъ...

— Я надѣялся убѣдить тебя принять правую сторону, но безуспѣшно... Теперь къ чему этотъ разговоръ? Мнѣ вовсе не хочется на прощанье снова наговорить тебѣ рѣзкихъ и непріятныхъ вещей.

— Говори, сдѣлай одолженіе.

— Къ чему?

нымъ путемъ. Эта новая дерзость лишила Николая Ивановича аппетита и сна. Въ одинъ день онъ осунулся и похудѣлъ, точно перенесъ тяжкую болѣзнь. Это была публичная пощечина, данная ему населеніемъ. Онъ уволилъ писаря, смѣнилъ старшину и сельскихъ старостъ, посадилъ подъ арестъ предполагаемыхъ зачинщиковъ, но все это казалось ему недостаточнымъ возмездіемъ за обиду, и онъ мечталъ о мести. Отъ Сопѣгина, съ которымъ онъ состоялъ теперь въ пріятельской перепискѣ, получались нерадостныя вѣсти: онъ писалъ, что губернскія власти бездѣйствуютъ и не хотятъ принимать никакихъ мѣръ, становясь явно на сторону мастеровыхъ: что новый губернаторъ его не принялъ и посовѣтовалъ ему черезъ другихъ, во избѣжаніе безпорядковъ, не возвращаться больше въ заводы; что главный начальникъ, хотя и взбѣшенъ до послѣдней степени поведеніемъ губернатора, но пока безсиленъ что-либо сдѣлать. «Не сомнѣваюсь, что въ концѣ концовъ онъ подведетъ его подъ обухъ», прибавлялъ Сопѣгинъ, «но не такъ-то скоро, какъ было бы желательно»,

Узнавъ, что Чагинъ уѣзжаетъ, Николай Ивановичъ почему-то очень встревожился, даже испугался и сталъ упрашивать его остаться еще на недѣлю.

— Нѣтъ, братъ, поѣду, прощай,—сказалъ Чагинъ.

— Но какъ же такъ, вдругъ? и почему непремѣнно сегодня? Ну, послѣ завтра, ну, завтра, наконецъ.

— Не все ли равно?

— Мнѣ еще о многомъ надо поговорить съ тобой... кое-что выяснить, кое-что установить.

Чагинъ махнулъ рукой.

— Напрасно ты такъ относишься... Ну, что тебѣ одинъ-два дня?

— Не упрашивай. Ты знаешь, что я упрямъ.

— Да, ты упрямъ. Эхъ, Петръ Филиппычъ!.. Ну, да я провожу тебя до станціи. Кстати, надо съѣздить въ Чугунногорскъ... Надо немножко разсѣяться, да и дѣло есть. Провожу тебя, дождусь встрѣчнаго поѣзда и поѣду.

— Что же, отлично.

Нѣкоторое время Николай Ивановичъ молча смотрѣлъ, какъ Чагинъ складывалъ и собиралъ свои вещи. Чагинъ, надавивъ колѣномъ на чемоданъ, щелкнулъ замкомъ и заперъ его, вздохнулъ, разогнулся и сказалъ:

— Готово.

— Вотъ ты уѣзжаешь,—началъ Николай Ивановичъ, глядя въ окно,—и, можетъ бы, больше мы не увидимся...

— Весьма возможно,—промолвилъ Чагинъ, опускаясь на стулъ.

— А если и встрѣтимся, то дороги наши еще больше разойдутся. Не странно ли это?

Чагинъ ничего не отвѣтилъ.

— А въ сущности, въ чемъ у насъ разногласіе?—продолжалъ Николай Ивановичъ вялымъ голосомъ:—у насъ однѣ и тѣ же симпатіи, однѣ и тѣ же цѣли, однѣ и тѣ же задачи... Только пути у насъ разные...

Чагинъ сталъ перетаскивать чемоданы и подушки въ одинъ уголъ.

— У насъ разныя дороги,—такъ-же вяло и уныло продолжалъ Николай Ивановичъ,—но цѣль одна... Такъ въ чемъ же дѣло? и не все ли равно?..

Съ минуту длилось унылое молчаніе. Сложивъ вещи въ кучу, Чагинъ растворилъ окно, сѣлъ на подоконникъ и сталъ смотрѣть въ садъ, усѣянный желтыми опавшими листьями. Помолчавъ, Николай Ивановичъ продолжалъ говорить:

— Положимъ, что ты честный и прямой человѣкъ, а я флюгеръ, вертящійся по вѣтру... положимъ, что ты богато одаренная натура, а я ничтожество... Но, вѣдь, и намъ, мелкимъ людямъ, надо жить, имѣть участіе въ дѣлахъ человѣческихъ... Забудь, что я говорилъ тебѣ... ну, тамъ разный вздоръ... это я говорилъ въ раздраженіи... Я отдаю тебѣ должную справедливость... Но, вѣдь, и ты не обходишься безъ компромиссовъ, вѣдь и ты, такъ или иначе, приспособляешься къ обстоятельствамъ... Я больше, ты меньше, но суть одна и та же... Такъ не все ли равно?

— Оставимъ этотъ разговоръ, — промолвилъ Чагинъ, не отрываясь отъ окна.—Черезъ часъ, черезъ два мы разстанемся и, по всей вѣроятности, навсегда, такъ къ чему намъ обманывать другъ друга? къ чему играть въ прятки?

Отъ этихъ словъ Николай Ивановичъ вдругъ оживился и даже какъ будто повеселѣлъ.

— Игра въ прятки! почему же игра въ прятки?—заговорилъ онъ.—Я поднимаю серьезный, жизненный вопросъ, вопросъ о направленіи, о руководящихъ началахъ жизни, а ты...

Чагинъ сморщился и почесалъ кончикъ носа.

— Брось, право, брось!—сказалъ онъ:—слова твои неискренни и фальшивы, и ты самъ это чувствуешь... Лучше оставимъ это...

— Но почему же? вѣдь говорили же мы... и ты говорилъ...

— Я надѣялся убѣдить тебя принять правую сторону, но безуспѣшно... Теперь къ чему этотъ разговоръ? Мнѣ вовсе не хочется на прощанье снова наговорить тебѣ рѣзкихъ и непріятныхъ вещей.

— Говори, сдѣлай одолженіе.

— Къ чему?

— Нѣтъ, прошу тебя, ты сдѣлаешь мнѣ большое удовольствіе.

— Но я не хочу доставить тебѣ это удовольствіе. Есть вещи, о которыхъ лучше не говорить — до того онѣ ясны и очевидны: тутъ не можетъ быть ни споровъ, ни колебаній... Твое поведеніе было таково, что обсуждать его нѣтъ никакого смысла. Ты самъ это хорошо понимаешь, но тебѣ хочется представить все дѣло нѣсколько иначе, тебѣ хочется свести его на почву шаткихъ и спорныхъ теорій, какъ будто все дѣло заключается въ теоретическихъ несогласіяхъ... Нѣтъ, лучше оставимъ это!..

— Значитъ, ты считаешь мое поведеніе не заслуживающимъ ни объясненія, ни оправданія?

— Да, но, вѣдь, и ты тоже.

— Значитъ, по твоему, я недобросовѣстенъ и вполнѣ сознательно?

— Ахъ, полно, Николай Ивановичъ!.. Оставимъ этотъ разговоръ, не будемъ портить другъ другу послѣднія минуты... Ни я тебѣ, ни ты мнѣ не скажемъ ничего новаго... Если хочешь, вотъ мой совѣтъ: уходи отсюда, тебѣ здѣсь не мѣсто. Здѣсь слишкомъ много соблазновъ, слишкомъ много дурныхъ примѣровъ, и атмосфера насыщена ядовитыми испареніями... Надо не твое мужество, чтобъ устоять на стезѣ добродѣтели и не скатиться внизъ, на самое дно... Уѣзжай, брось все; свѣтъ не клиномъ сошелся: найдется и для тебя гдѣ-нибудь полезное дѣло...

— Брось, брось!—бормоталъ Николай Ивановичъ,—но научи меня, скажи мнѣ, какъ бросить? Это легко сказать: брось! Куда я кинусь? На что пригоденъ?,. А жена!.. Какъ я ей объясню?

Черезъ часъ они сидѣли въ повозкѣ. Николай Ивановичъ не переставалъ говорить. Солнце закатилось, надъ прудомъ поднимался бѣлый туманъ. Вскорѣ ихъ застигла ночь. Полная, золотая луна, поднявшись надъ лѣсомъ, бѣжала наравнѣ съ ними, обгоняя огромныя раскидистыя сосны, отбрасывавшія на дорогу длинныя, черныя тѣни. Николай Ивановичъ говорилъ объ идеалахъ, о вѣчной правдѣ, о назначеніи человѣческой жизни, наконецъ, о Богѣ. Одержимый припадкомъ болтливости, онъ, казалось, не могъ не говорить. Чагинъ упорно молчалъ; повременамъ недобрая улыбка кривила его губы.

— Замѣчаешь, какова теперь дорога?—сказалъ Николай Ивановичъ, прерывая свою болтовню.—Это они большое начальство ждали—главнаго начальника, а то и губернатора, по случаю воображаемаго бунта: въ три дня, какъ по щучьему велѣнью, устроили насыпи, мосты, трубы, канавы, усыпали дорогу хрящемъ—любо посмотрѣть!..

Когда подъѣзжали къ полустанку, луна стояла высоко на небѣ. До прихода поѣзда оставалось больше часа, и маленькій вокзалъ подъ тѣнью высокихъ, черныхъ деревьевъ былъ погруженъ въ темноту. Вправо бѣлѣла желѣзнодорожная насыпь съ сверкающими при лунѣ рельсами.

Распорядившись вынести вещи, пріятели пошли вдоль насыпи въ ту сторону, откуда долженъ былъ придти поѣздъ. Надъ ними высоко, мимо свѣтлаго облачка, плыла луна, освѣщая далеко убѣгающій путь серебристымъ сіяніемъ. На днѣ оврага сверкала сквозь туманъ извилина рѣчки, надъ которой, какъ призраки, поднимались, громоздясь другъ на друга, пересѣченныя тѣнями горы. На всемъ огромномъ пространствѣ до самаго горизонта царила глубокая тишина. Въ лунномъ сіяніи все принимало странный, обманчивый, загадочный, сказочно фантастическій видъ. Бѣлая сторожевая будка съ темными деревьями по сторонамъ, мимо которой они проходили, казалась живымъ существомъ, погруженнымъ въ глубокій сонъ. Въ черныхъ, какъ сажа, тѣняхъ, подъ кудрявыми пихтами, казалось, скрывалось что-то таинственное. Со стороны вокзала послышался мелодическій звонъ колокольчика — это экипажъ отъѣзжалъ отъ станціи. Колокольчикъ отрывисто звякнулъ раза два и залился однообразною трелью. Долго въ холодномъ, прозрачномъ воздухѣ слышенъ былъ его удаляющійся, постепенно замирающій звонъ, потомъ опять все смолкло.

Пройдя съ версту, пріятели присѣли на мостикъ и стали смотрѣть внизъ, вдоль кругого откоса. Картина была все та же. Трава, обрызганная росой, отливала фосфорическимъ голубоватымъ сіяніемъ. Далеко внизу также сверкала рѣка. Поднимавшіеся за нею холмы и горы въ смутныхъ очертаніяхъ уходили въ даль и сливались съ небомъ. Влѣво черный, какъ уголь, неподвижно и величаво стоялъ лѣсъ, словно очарованный. Николай Ивановичъ внезапно замолкъ и смотрѣлъ вдаль. Такъ молча сидѣли они нѣсколько минутъ, каждый погруженный въ свои думы.

— Въ природѣ есть какая-то особенная красота, почти недоступная нашему пониманію,—заговорилъ, наконецъ, Николай Ивановичъ,—точно откровеніе другого міра... Помнится, прежде я испытывалъ чувства, которыя не передать никакими словами... Теперь, братъ, не то... теперь, какъ заглянешь въ эту бездну, ощущается холодъ и страхъ...

— Природа внушаетъ благоговѣйное чувство,—продолжалъ Николай Ивановичъ.—Кто-то сказалъ, что это чувство есть наслѣдіе глубокой старины отъ нашихъ предковъ-дикарей, когда они боготворили природу... Можетъ быть, это вѣрно... не знаю, но, вѣдь, была же причина, почему наши предки боготворили природу... Впрочемъ я, кажется, начинаю заговариваться... А,

помнишь, прежде, во время нашихъ прогулокъ, чего не сулили намъ такія ночи! Какая просторная, необъятная даль открывалась тогда впереди! жизнь казалась безконечной, манила впередъ, точно въ будущемъ ожидало насъ что-то великое, что-то такое, чему теперь не подыщешь и словъ. Помнишь?

— Да, помню,—медленно и неохотно отвѣчалъ Чагинъ.

— Теперь не то... Вонъ какъ хорошо кругомъ, а, вѣдь, у насъ въ душѣ пустота... Ждать больше нечего, не жить надо, а доживать... Скверно, братъ!..

Помолчавъ немного, Николай Ивановичъ продолжалъ:

— И притомъ этотъ страхъ... страхъ передъ смертію, передъ какой-то бѣдой, передъ ничтожествомъ будущаго или, я ужъ не знаю, передъ чѣмъ... онъ является вдругъ, безъ всякой причины, безъ всякаго повода... Иногда я испытываю такой ужасъ, что не нахожу себѣ мѣста... тогда я ищу развлеченій... Вотъ и сегодня я болтаю... это потому, что мнѣ страшно... Мнѣ кажется, что я скатываюсь куда-то внизъ, въ сырую, скверную, темную, тѣсную и вонючую яму... Много наговорилъ я тебѣ всякихъ ненужныхъ и безсмысленныхъ гнусностей, не суди меня строго... прости и пожалѣй... Мнѣ тяжело было потерять твою дружбу, твое доброе ко мнѣ отношеніе... вѣдь, это все, что у меня еще оставалось хорошаго... да, братъ, тяжело... Въ этой исторіи ты успѣлъ разсмотрѣть меня во всѣхъ подробностяхъ, въ натуральную величину... Я скажу тебѣ правду: я человѣкъ пропащій... Повторись эта исторія еще двадцать разъ, мое поведеніе было бы то же... Да что! развѣ это первая исторія?.. Не первая и не послѣдняя, потому что я подлый трусъ... Я боюсь всего: своей жены, своего писаря... Эхъ, Боже мой!..

Чагинъ напрасно искалъ въ своей душѣ сочувственнаго отклика на эти скорбныя рѣчи и молчалъ.

— Ты преувеличиваешь,—съ усиліемъ промолвилъ онъ, наконецъ.

— Нѣтъ, не преувеличиваю... Ты еще не знаешь всего... Вѣдь, я губернатору писалъ... но это еще ничего... я главному начальнику заводовъ писалъ почтительное и подробное донесеніе, да-съ... для того, чтобы онъ какъ нибудь не усмотрѣлъ съ моей стороны попустительства... Вотъ, братъ, какъ... ты, конечно, не ожидалъ этого?.. Вотъ то-то и есть... Если я не сдѣлался совершеннымъ прихвостнемъ заводовъ, такъ тоже, братъ, изъ трусости, изъ страха передъ закономъ, который не одобряетъ, напримѣръ, подлоговъ и прочее... Да, да... А знаешь ли ты, зачѣмъ я ѣду въ Чугунногорскъ? я сказалъ, что для разсѣянія, для развлеченія, но это я совралъ. Мнѣ намекнули, что слѣдуетъ повидаться съ главнымъ начальникомъ, что онъ меня ждетъ... Ну, что мнѣ главный начальникъ? я другого вѣдом-

ства и ему не подвластенъ... Но, видишь ли, они сила, у нихъ и богатство, и власть, имъ бабушка ворожитъ, для нихъ законы не писаны... Они всегда остаются побѣдителями... Ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ я ихъ ненавижу!

— Перестань!—брезгливо произнесъ Чагинъ.

— Тебѣ не нравится такая откровенность?.. Что дѣлать, мой милый!.. Твое пророчество сбылось: я оказался-таки въ станѣ ликующихъ, праздно болтающихъ, но, какъ видишь, и здѣсь занимаю не высокое положеніе...

Вдали показались два огненныхъ глаза.

— Смотри, уже поѣздъ идетъ,—сказалъ Николай Ивановичъ.—Какъ скоро время прошло!.. А мнѣ такъ нужно было еще что-то сказать, что-то важное... но ужъ все равно...

Пріятели скорыми шагами направились къ полустанку. На полдорогѣ съ грохотомъ и шумомъ обогналъ ихъ поѣздъ, обдавъ вѣтромъ, дымомъ и запахомъ сѣры. Простились они наскоро, второпяхъ.

— Ну, прощай,—со слезами въ голосѣ говорилъ Николай Ивановичъ, глядя на Чагина, стоявшаго на площадкѣ вагона:—прощай!.. Можетъ быть, когда нибудь напишешь, а впрочемъ... что писать? о чемъ писать?.. Увидимся ли еще когда нибудь?.. Жизнь, братъ, коротка, ужасно коротка. Прощай, другъ, прощай!..

Поѣздъ медленно двинулся, Николай Ивановичъ пошелъ рядомъ съ нимъ, ускоряя шаги, что-то говоря и махая форменной фуражкой, но вскорѣ отсталъ, потомъ исчезъ вмѣстѣ съ платформой. Мелькнуло мимо каменное зданіе водокачки, и внезапно передъ глазами открылся широкій, освѣщенный луною просторъ. Чагинъ вздохнулъ съ облегченіемъ и вошелъ въ вагонъ. Здѣсь было душно и жарко. Въ полумракѣ на диванахъ, укрывшись одѣялами, спали нѣсколько человѣкъ пассажировъ. Чагинъ снова вышелъ на площадку и сталъ у раскрытаго окна. Отъ разговоровъ Николая Ивановича и отъ всѣхъ впечатлѣній послѣдняго времени онъ чувствовалъ на душѣ отвратительную накипь, что-то почти физически тошнотворное, горькое и отвратительное, точно онъ самъ былъ участникомъ въ совершеніи какой-то гнусности. Онъ обрадовался, когда вспомнилъ, что все это уже осталось позади.

«Прощай, Николай Ивановичъ!»—думалъ онъ, глядя на поднимающіяся у горизонта горы,—«прощай и ты горная страна, гдѣ съ первыхъ дней твоей исторической жизни царитъ жадное корыстолюбіе и жестокость, темное безправіе и произволъ, гдѣ искони тысячи человѣческихъ жертвъ приносятся молоху... страна, гдѣ до сихъ поръ не исчезло рабство, нѣмая и безмолвная, какъ эта пустыня подъ сумракомъ ночи...»

Былъ уже третій часъ ночи, но Чагинъ тщетно пытался

заснуть. Онъ то ложился на диванъ, то снова выходилъ на платформу. Подъ утро небо заволокло тучами, пошелъ дождь. Часовъ съ шести начали подниматься заспанные, измятые и недовольные пассажиры. Чагинъ, блѣдный и усталый, сидѣлъ у раскрытаго окна безъ мыслей въ головѣ и машинально прислушивался къ грохоту поѣзда. Ему казалось, будто огромный конь скачетъ подъ нимъ и стучитъ огромными желѣзными копытами. Навстрѣчу мчались телеграфные столбы, черные обгорѣлые пни, темно зеленыя сосны, кусты молодой ольхи, ярко-пурпуровая осина, березнякъ съ желтыми, поблекшими листьями... промелькнула живописно вьющаяся дорожка въ лѣсу, ярко зеленая прогалина со стогомъ темно бураго сѣна...

Наконецъ, лѣсъ исчезъ, и вдругъ открылась даль, синяя, туманная, хмурая. Надъ нею повисли тяжелыя, синія тучи и косыя полосы дождя... Но кругомъ уже чувствовалась близость солнца. Вотъ оно выглянуло на одно мгновеніе и снова спряталось. Въ отвѣтъ на это мимолетное привѣтствіе ему радостно и весело улыбнулся лѣсъ, внезапно вынырнулъ изъ травы какой-то запоздалый наивно розовый цвѣтокъ, зазеленѣли кусты и лѣсныя прогалины. Между сѣрыми кучами облаковъ стали показываться клочки такого чистаго, нѣжно-голубого, такого далекаго неба, что Чагину хотѣлось плакать...

Ему хотѣлось плакать также и оттого, что въ его жизни было такъ мало радости и такъ много неудачъ, и оттого, что такъ сини и хмуры далекія горы, и оттого, что тамъ, вдалекѣ, какъ казалось ему, есть гдѣ-то другая жизнь, прекрасная, какъ мечта; и оттого еще, что ему извѣстно было, что нѣтъ нигдѣ той прекрасной жизни и что тамъ, за горами, такъ-же сыро, холодно и скучно, какъ и здѣсь, вблизи, передъ глазами.

А. Погорѣловъ.

Земскія ходатайства.

XV. По разнымъ предметамъ.—Заключеніе.

XV. По разнымъ предметамъ.

Къ этой сборной группѣ относятся 170 ходатайствъ, изъ которыхъ было отклонено больше половины (57,1%). Среди нихъ находится немало имѣющихъ не принципіальное, а чисто мѣстное и второстепенное значеніе, и—носящихъ формальный характеръ. Всѣхъ этихъ ходатайствъ мы касаться не будемъ, а остановимся лишь на болѣе интересныхъ въ общемъ смыслѣ.

Начиная опять съ вопросовъ земскаго устройства, видимъ прежде всего, что эти ходатайства вовсе не отличаются по своимъ цѣлямъ и стремленіямъ отъ тѣхъ, съ которыми намъ удалось познакомиться выше. Такъ, малмыжское собраніе (1872) просило разрѣшить въ законодательномъ порядкѣ вопросъ о томъ, могутъ ли земскіе гласные быть контрагентами по разнаго рода земскимъ подрядамъ; собраніе справедливо полагало, что „это обстоятельство можетъ сильно вліять на безпристрастное отношеніе такихъ гласныхъ къ управѣ". Въ отвѣтъ заявлено, что „вся отвѣтственность по исполненію земскихъ подрядовъ лежитъ на управѣ", что отъ послѣдней зависитъ выборъ контрагентовъ; а такъ какъ въ законѣ не находится воспрещенія гласнымъ быть подрядчиками, „то въ разрѣшеніи законодательнымъ порядкомъ даннаго вопроса не представляется надобности". Но земство именно и указывало на такую надобность въ виду очевиднаго пробѣла закона. — Спасское собраніе (1871) (Каз. губ.) желало предоставленія земству тѣхъ правъ для пріобрѣтенія участковъ земель подъ земскія сооруженія, какими пользуется казна и компаніи желѣзныхъ дорогъ по отчужденію земель для выполненія своихъ предпріятій. Ходатайство отклонено.—Екатеринославское губ. собраніе (1876) ходатайствовало о разъясненіи законодательнымъ порядкомъ вопроса: „какъ поступать гласнымъ въ случаѣ уклоненія предсѣдателя собранія отъ открытія его вслѣдствіе личнаго сомнѣнія, недоразумѣнія и по другимъ причинамъ". Отклонено на томъ основаніи, что, по мнѣнію министерства, такіе случаи достаточно предусматриваются правилами, опредѣ-

ляющими порядокъ предсѣдательствованія въ собраніи. Но, очевидно, на практикѣ тѣмъ не менѣе выяснилась необходимость дополненія такихъ правилъ; иначе и не возникло бы приведенное ходатайство. — Усманская управа (1873) желала „подраздѣленія уѣздовъ на болѣе малые земскіе территоріальные участки и о предоставленіи симъ новымъ учрежденіямъ права надзора за волостными и сельскими управленіями". Дѣло оставлено безъ движенія, въ виду „предстоявшихъ тогда преобразованій въ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ".—Оставлено также безъ движенія и ходатайство кобелякскаго собранія (1881) о томъ, чтобы „при пересмотрѣ положенія о земскихъ учрежденіяхъ уѣзднымъ земствамъ предоставлено было право самостоятельно, безъ посредства губернскаго земства, высказывать свои соображенія и нужды".—Вельское собраніе (1873) просило разъяснить въ законодательномъ порядкѣ вопросъ о томъ, имѣетъ ли губернское собраніе право отмѣнять постановленіе уѣзднаго, „касающееся уѣзда, а не губерніи". Ходатайство возникло потому, что вологодскій губернаторъ, опротестовавъ одно постановленіе вельскаго земства, передалъ его на разсмотрѣніе губернскаго, которое и отмѣнило это постановленіе. Дѣло не получило движенія; министерство рекомендовало уѣздному земству обратиться съ жалобой въ Сенатъ.

Изъ ходатайствъ по народно-хозяйственнымъ вопросамъ, упомянемъ прежде всего о просьбѣ московскаго уѣзднаго собранія (1882) о правѣ для бывш. удѣльныхъ крестьянъ пріобрѣтать, „во избѣжаніе черезполосицы, участки удѣльной земли, находящіеся внутри крестьянскихъ надѣловъ, по капитализаціи платимой крестьянами арендной платы изъ 5%". Мотивы этого ходатайства не приведены, но ихъ легко понять. Участки удѣльныхъ земель, черезполосные съ надѣлами бывш. удѣльныхъ крестьянъ, очевидно, важны для послѣднихъ болѣе всѣхъ другихъ; переходъ такихъ участковъ въ руки лицъ, которыя не пожелали бы сдавать ихъ въ аренду сосѣднимъ крестьянамъ или пожелали бы значительно возвысить арендную плату, былъ бы весьма гибеленъ для хозяйства упомянутыхъ крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ даже при покупкѣ этихъ земель послѣдними удѣльное вѣдомство имѣло возможность возвысить продажную цѣну очень значительно. Земство и желало, чтобы такіе участки не перешли въ какія нибудь другія руки, кромѣ сосѣднихъ бывш. удѣльныхъ крестьянъ и притомъ по сходной цѣнѣ. Изъ сообщенія московскаго губернатора видно, что, по отзыву управляющаго московскою удѣльною конторою, земли эти могутъ быть куплены кѣмъ угодно, а слѣдовательно и крестьянами; „если же земство ходатайствуетъ объ обязательной для удѣла уступкѣ сельскимъ обществамъ земель, находящихся между ихъ надѣлами, съ уплатою суммъ по капитализаціи изъ 5% платимаго удѣлу за тѣ земли

оброка, то ходатайство земства признавалось бы не подлежащимъ удовлетворенію". Этотъ отзывъ, въ основѣ котораго положенъ былъ исключительно частно-хозяйственный интересъ удѣльнаго вѣдомства, и послужилъ основаніемъ для отклоненія просьбы московскаго уѣзднаго собранія.—Мы имѣемъ еще два ходатайства, аналогичныхъ предыдущему. Тверское уѣздное собраніе (1882) желало, 1) чтобы бывш. помѣщич. крестьянамъ Васильевской волости, получившимъ малые надѣлы, продано было болото одной казенной дачи, 2) чтобы казна приняла мѣры къ осушкѣ своихъ крупныхъ болотъ въ уѣздѣ и 3) чтобы платежи бывш. помѣщ. крестьянъ были сравнены съ платежами сосѣднихъ бывш. государственныхъ. По первому пункту этого ходатайства было заявлено, что „торфяное производство въ той мѣстности приняло довольно значительные размѣры" и потому мин. гос. им. „признало отчужденіе упомянутой дачи изъ казны вообще невыгоднымъ". Но если бы указанное болото было безполезно, то земство не возбуждало-бы и приведеннаго ходатайства; послѣднее и могло, очевидно, имѣть мѣсто только при условіи выгодности участка и при справедливомъ предположеніи земства, что частно-хозяйственный интересъ мин. гос. им. долженъ отступить передъ общественно-хозяйственными требованіями благосостоянія окрестнаго населенія. — Бердянское собраніе (1879) хлопотало „объ улучшеніи быта крестьянъ с. Обиточнаго надѣленіемъ ихъ землею изъ свободныхъ казенныхъ земель въ уѣздѣ" для обезпеченія ихъ продовольствія и въ виду того, что они „въ теперешнемъ своемъ положеніи" не имѣютъ возможности вносить земскихъ сборовъ. Ходатайство отклонено по формальному мотиву: крестьяне сами пожелали получить дарственный надѣлъ въ 1861 г. и засимъ „не имѣютъ, на основаніи существующихъ постановленій, права на надѣлъ изъ казенныхъ земель", хотя, по мнѣнію земства, основанія эти имѣлись не въ существующихъ постановленіяхъ, а въ безпомощномъ положеніи большого села (689 душъ м. п. въ 1861 г.) съ одной стороны и въ наличности въ Бердянскомъ уѣздѣ свободныхъ казенныхъ земель—съ другой.— Близки къ приведеннымъ ходатайствамъ просьбы земствъ пермскаго губ. (1874) и московскаго уѣздн. (1883) объ облегченіи сельскимъ обществамъ арендованія казенныхъ земель на продолжительные сроки. Послѣднее собраніе имѣло при этомъ въ виду спеціально „лѣсныя дачи для покоса и пастьбы скота, съ обязательствомъ съемщиковъ оберегать лѣсъ отъ потравы и поврежденій". Оба ходатайства отклонены; послѣднее потому, что оно „представляется несогласнымъ съ правильнымъ веденіемъ лѣсного хозяйства".—Обращаетъ на себя вниманіе спеціальное ходатайство псковскаго уѣздн. собранія (1876) о томъ, чтобы „мин. гос. имущ. отказалось отъ права на владѣніе и пользованіе рыбными ловлями на Псковскомъ озерѣ, обращенномъ въ

казенную оброчную статью, и о предоставленіи этого права, согласно существовавшему обычаю, всѣмъ прибрежнымъ жителямъ, для которыхъ этотъ промыселъ составляетъ главнѣйшую поддержку ихъ хозяйственнаго быта". Въ отвѣтъ заявлено, что монопольная отдача рыбныхъ ловель въ пользованіе одного лица не предполагается, хотя и не упомянуто о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ предполагало упомянутое министерство пользоваться этой новой своей оброчной статьей.—Полтавское губ. собраніе (1882) просило „о продленіи еще на 20 лѣтъ срока для переоброчекъ крестьянскихъ надѣловъ и объ установленіи обязательнаго выкупа надѣловъ бывш. государственными крестьянами въ Полтавской губ. на началахъ, установленныхъ для крестьянъ бывш. помѣщичьихъ". Можно-бы, конечно, сомнѣваться въ цѣлесообразности второй части ходатайства, но въ разсмотрѣніи послѣдняго было отказано все-же между прочимъ потому, что правила о поземельномъ устройствѣ госуд. крестьянъ „распространяются на 36 губерній, въ томъ числѣ и на Полтавскую".—Таврическое губ. собраніе (1882) желало, чтобы возобновлены были дѣйствія коммиссіи по устройству быта татаръ въ Крыму и чтобы эта коммиссія выслушала мнѣніе названнаго собранія о своихъ заключеніяхъ. Ходатайство это вызвано было „затрудненіями въ продовольствіи безземельныхъ татаръ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ, и необходимостью регулированія отношеній ихъ къ владѣльцамъ тѣхъ земель и обезпеченія ихъ быта, зависящаго при настоящихъ условіяхъ отъ усмотрѣнія владѣльца, особенно въ степныхъ уѣздахъ Крыма, гдѣ кромѣ земледѣлія и скотоводства нѣтъ другихъ занятій, которыя могли-бы служить для безземельныхъ татаръ средствами выхода изъ ихъ необезпеченнаго экономическаго положенія". Отклонено по формальной причинѣ: занятія коммиссіи были пріостановлены въ виду политическихъ событій, а послѣ войны—„начата переписка объ устройствѣ быта татаръ, переселившихся въ Турцію и возвратившихся опять въ имперію".—Отклонено было также и ходатайство общаго характера харьковскаго губернскаго собранія (1878). Это земство просило „объ учрежденіи особой коммиссіи для изслѣдованія причинъ бѣдственнаго экономическаго положенія края и для изысканія способовъ къ его улучшенію и о созывѣ ежегодно при министерствѣ государственныхъ имуществъ особаго съѣзда представителей сельскаго хозяйства, избираемыхъ губернскими земскими собраніями, для обсужденія положенія этого хозяйства и мѣръ къ его улучшенію". Не смотря на то, что въ приведенномъ текстѣ говорится и о „бѣдственномъ экономическомъ положеніи *края*", въ представленіи министра въ комитетъ министровъ указано только, что „созывъ представителей губернскихъ собраній для обсужденія мѣръ *для всей Имперіи* не соотвѣтствовалъ-бы ни значенію, ни предѣламъ власти, предо-

ставленнымъ земскимъ учрежденіямъ". Комитетъ министровъ, однако, обсудилъ и просьбу земства о специальной коммиссіи для Харьковской губерніи, но положилъ, что „изслѣдованіе причинъ разстройства экономическаго быта извѣстной мѣстности и изысканіе способовъ къ улучшенію онаго принадлежитъ къ предметамъ вѣдомства правительственныхъ учрежденій" и что по этому вопросу могла-бы быть назначена коммиссія лишь по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Земству, очевидно, ничего не оставалось дѣлать въ данной области... Изъ ходатайствъ этого рода одно лишь имѣло успѣхъ, и дало толчекъ къ соотвѣтственнымъ законодательнымъ мѣрамъ—просьба стерлитамакскаго собранія (1881) о скорѣйшемъ размежеваніи башкирскихъ земель въ виду того, что выдающаяся медленность послѣдняго вызываетъ „неопредѣленность и неравномѣрность владѣнія землей, затрудняетъ заселеніе свободныхъ мѣстъ и служитъ главной причиной неудовлетворительнаго экономическаго состоянія уѣзда". Въ успѣхѣ этого ходатайства немалую роль играла ревизія того края сенаторомъ Ковалевскимъ *).

Далѣе, имѣемъ два ходатайства, касающіяся быта промышленныхъ рабочихъ. Шлиссельбургское земство (1877) просило разрѣшенія „установлять ежегодную таксу, утверждаемую уѣзднымъ собраніемъ, на жизненные припасы, отпускаемые плито-и дрово-промышленниками рабочимъ". Ходатайство возникло изъ „необходимости принять мѣры противъ эксплуатаціи рабочихъ со стороны плито-и дрово-промышленниковъ, а также заводчиковъ, назначающихъ на отпускаемые рабочимъ жизненные припасы несоразмѣрно высокія цѣны". Отклонено въ виду, во первыхъ, того, что министерство полагало „невозможнымъ достигнуть таксы, вполнѣ безобидной одновременно для потребителей и промышленниковъ", а во вторыхъ, въ виду предположенія, что послѣ введенія таксы промышленники ухудшатъ качество пищи, что отразится вредно на здоровьѣ рабочихъ. Казалось-бы,

*) Среди этого ряда ходатайствъ народно-хозяйственнаго характера мы встрѣтили только два, замѣтно окрашенныя въ классовый цвѣтъ. Екатеринославское губ. (1879) и усманское (1879) собранія, въ видахъ „облегченія настоящаго бѣдственнаго положенія землевладѣльцевъ", просили о пониженіи банковаго процента, объ облегченіи землевладѣльческаго кредита, о причисленіи недоимокъ земельнымъ банкамъ къ капитальному долгу, объ отсрочкѣ платежей этимъ банкамъ на годъ, „о принятіи мѣръ противъ продолжительнаго сельско-хозяйственнаго кризиса" (?). Оба ходатайства въ то время не имѣли успѣха. Нельзя не упомянуть здѣсь еще объ одномъ мало удачномъ ходатайствѣ брянскаго собранія (1868) о томъ, чтобы семейные раздѣлы крестьянъ производились не иначе, какъ съ разрѣшенія мировыхъ посредниковъ и „притомъ по самымъ уважительнымъ причинамъ, а не по приговору мірскихъ сходовъ". Въ отвѣтѣ выражено сочувствіе такому ходатайству, но все-же прибавлено, что „вопросъ этотъ до вѣдомства земства не относится".

что, если бы интересы промышленниковъ не ставились въ данномъ случаѣ на одну доску съ интересами рабочихъ, то можно было бы регулировать и вопросъ о качествѣ пищи, отпускаемой первыми послѣднимъ.

Шире поставило вопросъ духовщинское собраніе (1880), просившее для себя права „имѣть уполномоченнаго, на обязанности котораго, въ видахъ всесторонняго освѣщенія и разъясненія фабричнаго дѣла, лежало-бы: а) присутствовать при производствѣ уголовныхъ слѣдствій на фабрикахъ; б) наблюдать за исполненіемъ на оныхъ санитарныхъ правилъ и в) слѣдить вообще за интересами фабричныхъ рабочихъ“. Ходатайство было возобновлено черезъ два года (1882) и только въ 1883 г. послѣдовало сообщеніе о невозможности дать ему ходъ „впредь до опредѣленія съ положительностью всѣхъ тѣхъ обязанностей, которыя могли-бы быть возложены на особыхъ инспекторовъ отъ правительства“ по закону 1882 г.

Изъ остальныхъ разнообразныхъ ходатайствъ въ той-же области народнаго хозяйства укажемъ еще на нѣкоторыя. Псковское губернское собраніе (1867) просило, въ интересахъ землевладѣльцевъ не-дворянъ, о распространеніи права винокуренія на всѣ сословія. Министерство финансовъ сдѣлало соотвѣтственное представленіе въ государственный совѣтъ. Вытегорское (1870) и олонецкое губернскія (1871) собранія хлопотали о распространеніи на земли Вытегорскаго уѣзда существующихъ въ другихъ губерніяхъ правилъ о пріемѣ земель въ залогъ по подрядамъ. Отклонено по малоцѣнности земель уѣзда, не смотря на то, что эти земли обложены налогами и повинностями. Серпуховское земство (1872) ходатайствовало разрѣшить ему выдавать изъ суммъ земскаго сбора вознагражденіе лицамъ, вызываемымъ въ судъ въ качествѣ свидѣтелей по дѣламъ уголовнымъ, впредь до возвращенія этихъ суммъ изъ казны, въ виду обычной бѣдности такихъ свидѣтелей. Ходатайство удовлетворено, не смотря на отзывъ министра юстиціи, находившаго такой порядокъ „неудобнымъ“. Таврическое губернское земство (1871) желало привлеченія къ отправленію натуральныхъ повинностей „всѣхъ сословій, изъятыхъ нынѣ отъ сихъ повинностей“. По отзыву министерства государственныхъ имуществъ, земству было отвѣчено, что „вопросъ объ отправленіи поселянами-колонистами натуральныхъ повинностей уже разрѣшенъ соотвѣтственными правилами 4 іюня 1871 г.“ Но такъ какъ земство ходатайствовало не о поселянахъ-колонистахъ, а о всѣхъ сословіяхъ, то послѣ приведеннаго отвѣта оно возобновило свое ходатайство (1872). По этому дѣлу началась переписка, но „не видно, дано-ли ходатайству этому дальнѣйшее движеніе“, читаемъ мы въ нашемъ матеріалѣ. Маріупольское земство (1875) просило разрѣшенія затратить до 12 тыс. изъ „овражковаго“ капитала „на устройство

земскаго коннозаводства", въ виду необходимости улучшенія рабочихъ лошадей. Это было ему разрѣшено. Земства бѣжецкое (1880) и ярославское уѣздное (1880) просили объ увеличеніи ввозныхъ пошлинъ на издѣлія изъ джута въ виду того, что они по своей дешевизнѣ приводятъ въ упадокъ мѣстное льняное производство, составляющее значительную статью народнаго дохода. До 1884 г. не было еще получено отзыва министра финансовъ по этому предмету. Наконецъ, ростовское на/Д. собраніе (1867) желало передачи въ его вѣдѣніе изъ вѣдомства мин. гос. имущ. лѣсовъ, находящихся на земляхъ б. государственныхъ крестьянъ. „Лѣсоразведеніе на этихъ земляхъ, говорило оно, идетъ неудовлетворительно. Безъ тщательнаго надзора лѣса не могутъ разводится сельскими обществами, не видящими въ нихъ существенной для себя пользы". Ходатайство отклонено на основаніи того закона, объ измѣненіи котораго земство просило.

Три земства—тамбовское губернское (1881), харьковское губ. (1881) и кологривское (1882)—хлопотали объ увеличеніи продовольственныхъ капиталовъ; первое—повышеніемъ процентовъ съ патентовъ и промысловыхъ свидѣтельствъ свыше нормы, опредѣленной закономъ 1866 г., второе—капиталомъ, составившимся изъ рублеваго сбора съ бывшихъ дворовыхъ людей, третье—установленіемъ особаго сбора по 1 к. съ каждой ревизской души. Второе ходатайство отклонено, а о судьбѣ остальныхъ нѣтъ свѣдѣній въ нашемъ матеріалѣ.

Таврическое губ. собраніе (1881) просило „о пересмотрѣ существующихъ временныхъ правилъ о народномъ продовольствіи съ тѣмъ, чтобы пересмотръ ихъ былъ произведенъ при участіи представителей отъ земства и отъ крестьянъ". Ходатайство вызвано „совершеннымъ истощеніемъ мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ и затруднительностью пополненія ихъ по причинѣ крайне разстроеннаго экономическаго состоянія крестьянскаго населенія". Въ отвѣтъ земству предложено было вновь обсудить этотъ вопросъ въ виду того, что въ его ходатайствѣ не указаны точно „недостатки существующихъ временныхъ правилъ о народномъ продовольствіи и какихъ требуютъ они измѣненій". Мы не знаемъ, разрабатывалось-ли это предложеніе въ таврическомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Едва-ли, однако, одно земство могло взять на себя этотъ трудъ, который фактически равнялся-бы пересмотру временныхъ правилъ во всемъ ихъ объемѣ.

Далѣе слѣдуетъ упомянуть о рядѣ ходатайствъ, цѣлью которыхъ было сокращеніе или упраздненіе нѣкоторыхъ сборовъ и платежей, болѣе или менѣе отяготительныхъ для мѣстнаго населенія. Но и этими ходатайствами земству не удалось достигнуть почти ничего. Тульское губ. собраніе (1866) просило объ „уменьшеніи пошлинъ, взимаемыхъ съ контрактовъ и условій за взятіе въ аренду поземельной собственности", такъ какъ пошлины

эти оказываются черезчуръ тяжелыми и „задерживаютъ развитіе арендаторства“. Отклонено по формальному мотиву. Таврическая губ. земская управа (1882) хлопотала объ освобожденіи отъ оплаты крѣпостными гербовыми пошлинами актовъ по ссудамъ изъ „капитала имени императора Александра II“ и по покупкамъ земель на эти ссуды, „въ видахъ уменьшенія расходовъ при пріобрѣтеніи нуждающимися земельныхъ участковъ“. Министръ финансовъ отозвался, что онъ „затрудняется внести въ комитетъ министровъ представленіе по возбужденному таврическимъ земствомъ вопросу“ до утвержденія проекта крестьянскаго банка, внесеннаго тогда въ государственный совѣтъ. При этомъ было обѣщано разсмотрѣніе этого ходатайства послѣ указаннаго срока. Нашъ матеріалъ не даетъ возможности судить о томъ, было-ли это исполнено впослѣдствіи.

Екатеринославское губ. собраніе (1866) желало освобожденія земскихъ управъ отъ „платежа маклерскаго сбора при заключеніи условій по дѣламъ земства, подобно присутственнымъ мѣстамъ, которымъ предоставлено самимъ совершать акты, безъ явки ихъ къ засвидѣтельствованію“. Херсонское уѣздное земство (1875) просило объ освобожденіи его отъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ за акты на имущество, жертвуемое въ пользу земства. Оба ходатайства отклонены; послѣднее, между прочимъ, „въ виду высочайшаго повелѣнія о сокращеніи прежнихъ и недопущеніи новыхъ льготъ по гербовому сбору“; „по проекту новыхъ правилъ о взиманіи крѣпостныхъ пошлинъ, прибавлено тамъ-же, предположено допустить лишь тѣ изъятія отъ платежа ихъ, которыя оправдываются дѣйствительною необходимостью“. Но вѣдь земство, возбуждая приведенное ходатайство, полагало, что послѣднее мотивируется „дѣйствительною необходимостью“... Ярославское губ. собраніе и мологское уѣздное (оба въ 1875 г.) ходатайствовали о пониженіи государственнаго земскаго сбора въ Ярославской губерніи. „Земля сама по себѣ здѣсь никогда не представляла возможности доходнаго на ней хозяйства, писало губ. земство, чѣмъ преимущественно и объясняются установившіеся съ давняго времени въ широкихъ размѣрахъ отхожіе промыслы... Но доходность промысловъ ярославскихъ крестьянъ въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій окончательно пала (слѣдуютъ примѣры). Мѣстные промыслы потерпѣли еще болѣе (примѣры). Всѣ эти обстоятельства повліяли весьма вредно на матеріальныя средства крестьянъ. Между тѣмъ, взглядъ на Ярославскую губ., какъ на одну изъ самыхъ богатыхъ въ Россіи, продолжаетъ держаться до сихъ поръ. По раскладкѣ госуд. земскаго сбора она причисляется—по поземельному изъ одиннадцати разрядовъ къ 6-му, а по подушной подати—изъ семи отдѣловъ ко 2-му. Между тѣмъ, эта губернія постоянно состоитъ въ числѣ тѣхъ, которыя производятъ хлѣбъ въ количествѣ, недостаточномъ

для мѣстнаго потребленія. Не смотря на это, поземельный сборъ съ нея гораздо выше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, производящихъ хлѣбъ съ значительнымъ избыткомъ“ и т. д. На основаніи всего этого земство просило о перечисленіи Ярославской губ. по поземельному сбору къ тому разряду, въ которомъ состоятъ смежныя съ ней губерніи (Новгородская и Вологодская), т. е. къ 10-му разряду, или-же, по крайней мѣрѣ, для уравненія съ Костромскою губ.—къ 9-му разряду.

Переписка, возбужденная этимъ серьезнымъ ходатайствомъ, и неоднократное возобновленіе послѣдняго не привели, однако, къ желательному для земства результату. Дѣло тянулось до половины 1881 года и закончилось отзывомъ министра финансовъ въ томъ смыслѣ, что онъ находитъ „неудобнымъ“, „несвоевременнымъ“ „возбуждать вопросъ о перечисленіи Ярославской губ. въ низшій разрядъ по платежу госуд. поземельнаго налога, полагая, что такое распоряженіе можетъ послѣдовать не раньше, какъ по общемъ пересмотрѣ окладовъ сего налога“, а по подушнымъ платежамъ—„въ виду предстоявшей въ то время отмѣны оныхъ“. Если послѣдняя часть отвѣта представляется весьма понятной, то того-же нельзя сказать съ достаточной опредѣленностью о первой. Населеніе, такимъ образомъ, принуждалось платить въ теченіе ряда лѣтъ налогъ въ такомъ размѣрѣ, противъ уменьшенія котораго по существу финансовое вѣдомство возраженій не приводило. Псковское губ. собраніе (1879) хлопотало объ уничтоженіи въ губерніи шоссейныхъ заставъ, „въ виду происходящихъ отъ взиманія на нихъ сбора стѣсненій въ движеніи по шоссейнымъ дорогамъ“. Смоленское губ. земство (1882) просило о томъ-же, указывая между прочимъ, что кромѣ отягощенія жителей, сборъ этотъ едва-ли покроетъ издержки его взиманія“. Результатъ послѣдняго ходатайства намъ неизвѣстенъ, а первое отклонено. Засимъ, не съ большимъ успѣхомъ возбуждаемы были и нѣкоторыя другія ходатайства этого рода, имѣвшія болѣе мѣстный характеръ. Сюда относятся просьбы: ялтинскаго (1868) собранія объ освобожденіи мѣстныхъ поселянъ отъ платежа общественнаго сбора по 32¾ коп. съ души; дорогобужскаго (1881) объ отмѣнѣ сбора за проѣздъ по пловучему мосту и переправѣ черезъ рр. Днѣпръ и Ведугу въ г. Дорогобужѣ и нѣк. друг. Отмѣненъ лишь (согласно ходатайству константиноградскаго собранія въ 1867 г., повторенному херсонскимъ губ. въ 1874 г.) ¾ копѣечный подесятиный сборъ въ казну за новороссійскія земли, оставшіяся незаселенными. Нѣсколько земствъ (костромское губ. 1881 г., маріупольское 1881, смоленское губ. 1882, духовщинское 1882, ранненбургское 1879) просили избавить ихъ отъ обязательной подписки на сенатскія изданія. Всѣ эти ходатайства препровождены были на усмотрѣніе министра юстиціи; о судьбѣ ихъ нашъ матерьялъ свѣдѣній не даетъ.

эти оказываются черезчуръ тяжелыми и „задерживаютъ развитіе арендаторства“. Отклонено по формальному мотиву. Таврическая губ. земская управа (1882) хлопотала объ освобожденіи отъ оплаты крѣпостными гербовыми пошлинами актовъ по ссудамъ изъ „капитала имени императора Александра II“ и по покупкамъ земель на эти ссуды, „въ видахъ уменьшенія расходовъ при пріобрѣтеніи нуждающимися земельныхъ участковъ“. Министръ финансовъ отозвался, что онъ „затрудняется внести въ комитетъ министровъ представленіе по возбужденному таврическимъ земствомъ вопросу“ до утвержденія проекта крестьянскаго банка, внесеннаго тогда въ государственный совѣтъ. При этомъ было обѣщано разсмотрѣніе этого ходатайства послѣ указаннаго срока. Нашъ матеріалъ не даетъ возможности судить о томъ, было-ли это исполнено впослѣдствіи.

Екатеринославское губ. собраніе (1866) желало освобожденія земскихъ управъ отъ „платежа маклерскаго сбора при заключеніи условій по дѣламъ земства, подобно присутственнымъ мѣстамъ, которымъ предоставлено самимъ совершать акты, безъ явки ихъ къ засвидѣтельствованію“. Херсонское уѣздное земство (1875) просило объ освобожденіи его отъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ за акты на имущество, жертвуемое въ пользу земства. Оба ходатайства отклонены; послѣднее, между прочимъ, „въ виду высочайшаго повелѣнія о сокращеніи прежнихъ и недопущеніи новыхъ льготъ по гербовому сбору“; „по проекту новыхъ правилъ о взиманіи крѣпостныхъ пошлинъ, прибавлено тамъ-же, предположено допустить лишь тѣ изъятія отъ платежа ихъ, которыя оправдываются дѣйствительною необходимостью“. Но вѣдь земство, возбуждая приведенное ходатайство, полагало, что послѣднее мотивируется „дѣйствительною необходимостью“... Ярославское губ. собраніе и мологское уѣздное (оба въ 1875 г.) ходатайствовали о пониженіи государственнаго земскаго сбора въ Ярославской губерніи. „Земля сама по себѣ здѣсь никогда не представляла возможности доходнаго на ней хозяйства, писало губ. земство, чѣмъ преимущественно и объясняются установившіеся съ давняго времени въ широкихъ размѣрахъ отхожіе промыслы... Но доходность промысловъ ярославскихъ крестьянъ въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій окончательно пала (слѣдуютъ примѣры). Мѣстные промыслы потерпѣли еще болѣе (примѣры). Всѣ эти обстоятельства повліяли весьма вредно на матеріальныя средства крестьянъ. Между тѣмъ, взглядъ на Ярославскую губ., какъ на одну изъ самыхъ богатыхъ въ Россіи, продолжаетъ держаться до сихъ поръ. По раскладкѣ госуд. земскаго сбора она причисляется—по поземельному изъ одиннадцати разрядовъ къ 6-му, а по подушной подати—изъ семи отдѣловъ ко 2-му. Между тѣмъ, эта губернія постоянно состоитъ въ числѣ тѣхъ, которыя производятъ хлѣбъ въ количествѣ, недостаточномъ

для мѣстнаго потребленія. Не смотря на это, поземельный сборъ съ нея гораздо выше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, производящихъ хлѣбъ съ значительнымъ избыткомъ“ и т. д. На основаніи всего этого земство просило о перечисленіи Ярославской губ. по поземельному сбору къ тому разряду, въ которомъ состоятъ смежныя съ ней губерніи (Новгородская и Вологодская), т. е. къ 10-му разряду, или-же, по крайней мѣрѣ, для уравненія съ Костромскою губ.—къ 9-му разряду.

Переписка, возбужденная этимъ серьезнымъ ходатайствомъ, и неоднократное возобновленіе послѣдняго не привели, однако, къ желательному для земства результату. Дѣло тянулось до половины 1881 года и закончилось отзывомъ министра финансовъ въ томъ смыслѣ, что онъ находитъ „неудобнымъ“, „несвоевременнымъ“ „возбуждать вопросъ о перечисленіи Ярославской губ. въ низшій разрядъ по платежу госуд. поземельнаго налога, полагая, что такое распоряженіе можетъ послѣдовать не раньше, какъ по общемъ пересмотрѣ окладовъ сего налога“, а по подушнымъ платежамъ—„въ виду предстоявшей въ то время отмѣны оныхъ“. Если послѣдняя часть отвѣта представляется весьма понятной, то того-же нельзя сказать съ достаточной опредѣленностью о первой. Населеніе, такимъ образомъ, принуждалось платить въ теченіе ряда лѣтъ налогъ въ такомъ размѣрѣ, противъ уменьшенія котораго по существу финансовое вѣдомство возраженій не приводило. Псковское губ. собраніе (1879) хлопотало объ уничтоженіи въ губерніи шоссейныхъ заставъ, „въ виду происходящихъ отъ взиманія на нихъ сбора стѣсненій въ движеніи по шоссейнымъ дорогамъ“. Смоленское губ. земство (1882) просило о томъ-же, указывая между прочимъ, что кромѣ отягощенія жителей, сборъ этотъ едва-ли покроетъ издержки его взиманія“. Результатъ послѣдняго ходатайства намъ неизвѣстенъ, а первое отклонено. Засимъ, не съ большимъ успѣхомъ возбуждаемы были и нѣкоторыя другія ходатайства этого рода, имѣвшія болѣе мѣстный характеръ. Сюда относятся просьбы: ялтинскаго (1868) собранія объ освобожденіи мѣстныхъ поселянъ отъ платежа общественнаго сбора по $32^3/_4$ коп. съ души; дорогобужскаго (1881) объ отмѣнѣ сбора за проѣздъ по пловучему мосту и переправѣ черезъ рр. Днѣпръ и Ведугу въ г. Дорогобужѣ и нѣк. друг. Отмѣненъ лишь (согласно ходатайству константиноградскаго собранія въ 1867 г., повторенному херсонскимъ губ. въ 1874 г.) $^3/_4$ копѣечный подесятиный сборъ въ казну за новороссійскія земли, оставшіяся незаселенными. Нѣсколько земствъ (костромское губ. 1881 г., маріупольское 1881, смоленское губ. 1882, духовщинское 1882, ранненбургское 1879) просили избавить ихъ отъ обязательной подписки на сенатскія изданія. Всѣ эти ходатайства препровождены были на усмотрѣніе министра юстиціи; о судьбѣ ихъ нашъ матерьялъ свѣдѣній не даетъ.

Не лучшимъ результатомъ сопровождались и нѣсколько ходатайствъ, направленныхъ на увеличеніе средствъ и сокращеніе расходовъ земствъ. Такъ, смоленское губ. собраніе (1867) просило о томъ, чтобы „сумма, издерживаемая ежегодно по каждому уѣзду изъ государственной повинности на воинскія потребности, была предоставлена въ распоряженіе мѣстныхъ земскихъ учрежденій съ тѣмъ, чтобы превышеніе этихъ суммъ ни въ какомъ случаѣ не допускалось и сбереженія поступали въ пользу земства каждаго уѣзда“. Мотивомъ служило слѣдующее соображеніе. Земство заинтересовано въ расходованіи государственнаго земскаго сбора. Поставка предметовъ для воинскихъ потребностей съ подрядовъ и торговъ обходится дорого. „Между тѣмъ, заготовленіе предметовъ воинскихъ потребностей хозяйственнымъ образомъ составитъ немалое сбереженіе въ суммахъ земскаго сбора“. Заинтересовать-же земства въ наиболѣе экономной тратѣ послѣдняго возможно лишь въ томъ случаѣ, если сбереженія, могущія получиться, поступали-бы въ пользу мѣстнаго земства. Въ отвѣтъ заявлено, что „предположеніе объ опредѣленіи мѣры участія земскихъ учрежденій въ отправленіи воинской повинности“ имѣется въ виду и будетъ „своевременно“ представлено на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ. Дальнѣйшаго осуществленія, однако, это ходатайство не получило.—Борзенское собраніе (1870) просило предоставить въ пользу земства оказавшіяся никому не принадлежащими въ размежеванныхъ дачахъ полосы земли и объ укрѣпленіи ихъ за земствомъ, если по истеченіи 10 лѣтъ онѣ, какъ вымороченныя, будутъ подлежать обращенію въ казну (res nullius). Земство предполагало обратить такія земли на учрежденіе и увеличеніе земельнаго фонда на нужды народнаго образованія. Такія полосы, по заявленію земства, открываются при съемкѣ „почти въ каждой дачѣ“ и по большей части „принадлежали, вѣроятно, частнымъ собственникамъ, что видно изъ того, что онѣ открываются и въ такихъ дачахъ, гдѣ не имѣется казенныхъ земель“. Ходатайство отклонено; удовлетворить его значило-бы „уступить земству право, которымъ казна *можетъ со временемъ* воспользоваться“, какъ заявлено въ отвѣтѣ. Но вѣдь земство желало воспользоваться сказанными землями не со временемъ, а немедленно и на предметъ безспорной государственной важности—на народное образованіе. — Земства калужское губ. (1867), нижегородское губ. (1867) и хотинское (1871) просили разрѣшенія обложить особымъ сборомъ гурты скота, прогоняемые по земскимъ дорогамъ, такъ какъ „отъ прохода гуртовъ происходитъ большая порча дорогъ, требующая значительныхъ издержекъ на исправленіе“. Всѣ эти ходатайства отклонены, чтобы не вызвать „значительнаго повышенія цѣнъ на мясо въ столицахъ“ и чтобы не оказать „вреднаго вліянія на отпускную торговлю“ скотомъ („торговлю ско-

томъ, составляющую одну изъ полезныхъ для мѣстныхъ жителей отраслей сельской промышленности, слѣдуетъ поощрять, а не обременять"). Едва ли, однако, всѣ эти соображенія имѣютъ силу для тѣхъ земскихъ плательщиковъ и плательщиковъ тѣхъ мѣстностей, которые не заинтересованы въ сбытѣ рогатаго скота и которые принуждаются вносить большій налогъ на починку дорогъ, испорченныхъ гуртами.—Наконецъ, три земства (крестецкое 1877 и 1879, бѣжецкое 1878 и тверское губ. 1879 и 1881) хлопотали о безплатномъ проѣздѣ по желѣзнымъ дорогамъ чиновъ полиціи и судебныхъ слѣдователей, „въ виду неудобствъ и потери времени при производствѣ ими разъѣздовъ на лошадяхъ по земскимъ дорогамъ"; „болѣе быстрое сообщеніе названныхъ лицъ по ихъ служебнымъ дѣламъ необходимо и правительству"; „значительная часть служебныхъ обязанностей ихъ отправляется ими по желѣзнодорожнымъ линіямъ и чиновникамъ, имѣющимъ право безпрогоннаго проѣзда на земскихъ лошадяхъ, приходится платить деньги за проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ. Ходатайства были отклонены.

Въ заключеніе, заслуживаетъ вниманія еще одно ходатайство костромского губ. собранія (1872) о содѣйствіи правительства мѣрамъ земства въ области санитаріи.—„Встрѣчая препятствія, говорило земство, къ надлежащему устройству санитарной части: 1) въ недостаткѣ медиковъ, фельдшеровъ и акушерокъ, несмотря на увеличенное земствомъ содержаніе, превышающее въ 2—3 раза жалованіе правительственныхъ врачей; 2) въ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, происходящемъ отъ неравномѣрнаго распредѣленія налоговъ, падающихъ преимущественно на землю, причемъ города не несутъ почти никакого налога по санитарной части, пользуясь въ то-же время медицинскимъ пособіемъ, сравнительно большимъ; 3) въ недостаточномъ участіи городовъ въ расходахъ на этотъ предметъ и 4) въ несвоевременномъ принятіи городскими учрежденіями мѣръ противъ эпидемическихъ болѣзней,—губернское земство ходатайствовало: 1) объ опредѣніи правительствомъ въ каждый уѣздъ губерніи 2-хъ врачей, 4-хъ фельдшеровъ и 2-хъ акушерокъ съ тѣмъ, чтобы эти лица обязательно участвовали во всѣхъ мѣропріятіяхъ земства по охраненію народнаго здравія, состоя подъ двоякимъ контролемъ—врачебнаго управленія и мѣстныхъ земскихъ учрежденій; 2) о предоставленіи врачамъ, въ видахъ привлеченія ихъ на земскую службу, правъ государственной службы, не исключая и пенсій, и объ огражденіи ихъ отъ произвола земскихъ учрежденій; 3) объ опредѣленіи (если не будетъ признано возможнымъ удовлетворить вышесказанное) врачей и фельдшеровъ преимущественно для борьбы съ сифилисомъ; 4) объ установленіи особаго сбора съ городскихъ обывателей на уплату земскимъ больницамъ суммъ, въ размѣрѣ дѣйствительной стоимости содержанія и лѣченія си-

филитиковъ и дополнительной платы за лѣченіе страдающихъ другими болѣзнями (въ размѣрѣ разности между цѣною, опредѣленной для взиманія съ больныхъ гражданскаго вѣдомства и дѣйствительной стоимостью содержанія) и 5) объ установленіи обязательнаго и постояннаго устройства городскихъ помѣщеній на случай появленія эпидемій съ тѣмъ, чтобы всѣ расходы по ихъ устройству и снабженію всѣмъ необходимымъ имуществомъ и медицинскими пособіями были отнесены на спеціальныя средства города".—При обсужденіи этого серьезнаго ходатайства, комитетъ министровъ обратилъ вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ на необходимость „устраненія несоотвѣтствія платы за пользованіе больныхъ гражданскаго вѣдомства съ дѣйствительной стоимостью ихъ содержанія" и указалъ на то, что въ государственномъ совѣтѣ уже имѣются предположенія объ устройствѣ больничныхъ помѣщеній на случай эпидемій. Во всѣхъ же прочихъ частяхъ ходатайство было просто отклонено.

Послѣ всего сказаннаго ранѣе, ни общій смыслъ ходатайствъ этой группы, ни ихъ содержаніе, ни ихъ безрезультатность не могутъ представлять для насъ интереса новизны. Мы могли замѣтить только, въ видѣ единичныхъ исключеній, ходатайства, обладавшія классовыми тенденціями. Всѣ же прочія преслѣдовали обще-земскія цѣли и были подсказаны мѣстной земской практикой. Почти ни одно изъ нихъ, однако, не было удовлетворено.—Въ области земскаго устройства, намъ встрѣтились здѣсь ходадайства о воспрещеніи гласнымъ брать на себя земскіе подряды, о правѣ для земствъ экспропріаціи частной собственности для земскихъ нуждъ, объ учрежденіи мелкой земской единицы, о правѣ для уѣздныхъ земствъ подать свой голосъ при пересмотрѣ земскаго положенія. Въ области народнаго хозяйства мы познакомились съ ходатайствами, имѣющими въ виду увеличеніе народнаго благосостоянія въ той или другой формѣ: о пріобрѣтеніи малоземельными крестьянами удѣльныхъ и казенныхъ земель, о свободѣ рыбнаго промысла, о скорѣйшемъ поземельномъ устройствѣ нѣкоторыхъ разрядовъ крестьянъ, татаръ, башкиръ, объ изслѣдованіи причинъ обѣднѣнія населенія, объ установленіи таксъ на пищу, отпускаемую рабочимъ, объ учрежденіи должности земскаго фабричнаго инспектора, о распространеніи на всѣ сословія натуральныхъ повинностей, о правѣ винокуренія для всѣхъ, о мѣрахъ къ лѣсоразведенію, къ улучшенію рабочаго коневодства, о покровительствѣ льнянаго производства. Рядомъ съ этимъ земства хлопотали—о пересмотрѣ продовольственныхъ правилъ съ участіемъ представителей земства и крестьянъ, объ уменьшеніи разнаго рода податей и сборовъ въ пользу казны, о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ увеличенію земскихъ доходовъ и умень-

шенію земскихъ расходовъ, наконецъ — о нѣкоторой помощи земству со стороны правительства и городовъ для желательнаго улучшенія санитарной части.—Мы знаемъ, что почти ни одна изъ этихъ мѣръ не приведена была въ исполненіе, не смотря на то, что онѣ явно вытекали изъ требованій самой жизни и преслѣдовали цѣли тѣхъ самыхъ мѣстныхъ „пользъ и нуждъ“, заботиться о которыхъ и призваны были земскія учрежденія при ихъ основаніи.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы кончили обозрѣніе нашего матеріала, который, какъ можно было замѣтить, проливаетъ свѣтъ на настроенія, пожеланія, стремленія, характеризующія первое двадцатилѣтіе русскаго земскаго самоуправленія. Выше нерѣдко указывалось, что въ каждой группѣ ходатайства приводились нами почти всѣ; мы не упоминали лишь о такихъ, которыя имѣютъ узко-мѣстное, третьестепенное значеніе. Ихъ было весьма немного: они единичны въ каждой группѣ, кромѣ послѣдней, гдѣ относительное число ихъ нѣсколько повышается. Мы старались, однако, не опустить даже и такихъ ходатайствъ въ томъ случаѣ, когда они представляли собою какой нибудь принципіальный интересъ.

Мы уже разъ замѣтили, что земскія ходатайства, съ которыми намъ пришлось ознакомиться, при всемъ своемъ видимомъ подавляющемъ разнообразіи, не являются, однако, безсистемными. Это—не случайный аггрегатъ постановленій безъ общихъ руководящихъ началъ, общихъ исходныхъ точекъ. Массовое изученіе ихъ указываетъ на существованіе между ними немалаго числа пунктовъ соприкосновенія, на замѣтную общность принциповъ, свидѣтельствующую о сходствѣ путей, по которымъ работала и развивалась земская мысль въ теченіе всего разсматриваемаго періода на всемъ пространствѣ земской Россіи.—Сказанное по поводу ходатайствъ одной первой группы остается вѣрнымъ и для всѣхъ остальныхъ. Въ *каждой* группѣ намъ удавалось подмѣчать нѣкоторыя общія черты, общія цѣли и стремленія, которыя можно было взять за скобки, не смотря подчасъ на крупное различіе внѣшнихъ формъ, въ какія они выливались подъ вліяніемъ разнообразія поводовъ къ возбужденію ходатайствъ и условій времени и мѣста. Обозрѣніе ихъ по существу давало намъ въ предыдущемъ возможность выяснять эти центральные узлы, къ которымъ тяготѣли земства того времени въ тѣхъ вопросахъ, которые они не могли рѣшать своею властію. Суммарный взглядъ на сказанныя групировки можетъ помочь обнять сразу все то,

что можно-бы назвать въ этомъ случаѣ земской программой изслѣдуемаго періода.

Итакъ, постараемся коротко соединить въ одно цѣлое существенные выводы, какіе пришлось сдѣлать выше.

Въ области земскаго устройства, какъ указано, земства желали, прежде всего, расширить кругъ лицъ, которыя имѣли право избирать и быть избранными; затѣмъ, по возможности оградить себя, оставаясь въ предѣлахъ закона и своей компетенціи, отъ административнаго воздѣйствія; далѣе—создать условія для серьезной постановки земской работы, для большей полноты, послѣдовательности, обдуманности земской дѣятельности; наконецъ — вести дѣло гласно, открыто, идя этимъ навстрѣчу большей критикѣ своихъ дѣйствій и лучшему, болѣе всестороннему выясненію мѣстныхъ потребностей и необходимыхъ мѣропріятій. — Въ области народнаго образованія земства стремились выдвинуть значеніе общественнаго элемента, возможно болѣе распространить низшее и среднее образованіе въ массѣ населенія, качественно улучшить школьное преподаваніе и надежнѣе обставить матеріальную обстановку школъ, удешевить среднее образованіе, придать программамъ послѣдняго черты, болѣе отвѣчающія требованіямъ жизни, и открыть двери университета для окончившихъ реальную школу.—Въ области народнаго хозяйства земства проектировали немало мѣръ въ интересахъ массы населенія: охрану и расширеніе крестьянскаго землевладѣлія, огражденіе скотоводства путемъ страхованія, отмѣну губительнаго акциза на соль, борьбу съ вредными животными и насѣкомыми, облегченіе и охрану сбыта продуктовъ крестьянскаго хозяйства, созданіе и расширеніе кредита.—Въ продовольственномъ вопросѣ, въ скромныхъ предѣлахъ отмежеванной имъ сферы вѣдѣнія, земства главнымъ образомъ предлагали, какъ могли, тѣ измѣненія и поправки принятой системы, которыя диктовались имъ мѣстными нуждами, удобствами и условіями; были попытки касаться и болѣе широкихъ мѣръ для улучшенія питанія народа; были стремленія давать свободнымъ денежнымъ продовольственнымъ средствамъ такое употребленіе, которое облегчало бы какія либо настоятельныя нужды той или другой части массы населенія. — Въ вопросахъ, связанныхъ съ организаціей крестьянскихъ учрежденій, характерной чертой ходатайствъ земствъ было отрицательное отношеніе къ принятымъ тогда формамъ административнаго воздѣйствія на крестьянскую жизнь; раздавались голоса и противъ самаго принципа такого воздѣйствія: мѣстное управленіе и судъ, основанные на сословныхъ различіяхъ, казались не соотвѣтствующими болѣе условіямъ времени.—Въ сферѣ судебной — объединяющей идеей земскихъ ходатайствъ служило—сдѣлать правосудіе, нотаріатъ и размежеваніе болѣе доступнымъ и удобнымъ массѣ населенія. — Съ тѣми же стремленіями — доставить больше матеріальныхъ

удобствъ мѣстному населенію и кромѣ того — съ цѣлію поднять нравственное значеніе законоучителя въ народной школѣ возбуждено было земствами нѣсколько ходатайствъ по духовному вѣдомству.—Въ вопросахъ, соприкасающихся съ воинской повинностью земства желали, чтобы дворъ, хозяйственная единица, терпѣла возможно меньшій матеріальный ущербъ отъ необходимости для одного и болѣе изъ взрослыхъ работниковъ отбывать сказанную повинность; при этомъ они стремились воспользоваться льготами для привлеченія въ свои школы учениковъ и лучшаго комплекта учителей. — Въ области земскаго обложенія земскія ходатайства обнаруживали тенденцію къ уравнительности раскладокъ сборовъ на всѣ имущества, къ борьбѣ съ накопленіемъ недоимокъ за состоятельными плательщиками, землевладѣльцами и къ уменьшенію силы административнаго регулированія смѣтъ и раскладокъ, по мнѣнію земствъ, въ иныхъ случаяхъ чрезмѣрнаго и весьма стѣснительнаго. — Немало ходатайствъ возбуждено было съ цѣлями увеличить количество земскихъ имуществъ и облегчить земскій бюджетъ путемъ отнесенія разныхъ расходовъ, касающихся надобностей государственныхъ, на счетъ казны. — Въ области дорожнаго дѣла стремленія земствъ состояли въ изысканіи средствъ къ улучшенію путей сообщенія и переправъ, въ достиженіи большей уравнительности затратъ на этотъ предметъ и въ охранѣ выгодъ населенія въ вопросахъ, такъ или иначе соприкасающихся съ названнымъ дѣломъ.—Въ сферѣ общественнаго призрѣнія земствамъ приходилось болѣе всего хлопотать объ ассигнованіи средствъ для приведенія дореформеныхъ благотворительныхъ заведеній въ надлежащій видъ. Наконецъ, въ области земской медицины ходатайства земствъ были направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобы оградить мѣстное населеніе отъ такихъ затратъ, въ которыхъ оно заинтересовано менѣе казны и доставить населенію медикаменты по цѣнѣ, доступной ему.

Таковы существенныя стремленія земствъ, какими они намъ выяснились изъ предшествующаго обозрѣнія ходатайствъ. Легко замѣтить, что стремленія эти довольно однородны и сводятся къ немногимъ цѣлямъ, которыхъ желали достигнуть земства. Цѣли эти подсказывались какъ земскимъ положеніемъ, такъ и существомъ дѣла, сферой вѣдѣнія, отведенной земству законодателемъ. Въ его компетенцію входили „мѣстныя пользы и нужды“—хозяйственныя и образовательныя. Охрана интересовъ массы мѣстнаго населенія, интересовъ того и другого порядка — такова и была главная цѣль весьма крупнаго большинства земскихъ ходатайствъ, съ которыми намъ пришлось ознакомиться. Не трудно видѣть, что именно съ цѣлію охраны матеріальныхъ интересовъ массы возбуждались всѣ эти ходатайства въ области народнаго хозяйства — о крестьянскомъ землевладѣліи, о страхованіи скота, о борьбѣ съ вредными насѣкомыми, о сбытѣ продуктовъ мелкаго

хозяйства, о кредитѣ, о тѣхъ или другихъ поправкахъ и измѣненіяхъ въ продовольственныхъ правилахъ, о мѣрахъ для улучшеніи питанія населенія, объ употребленіи свободныхъ продовольственныхъ средствъ на хозяйственныя нужды той или иной части населенія. Съ тою же цѣлью земства желали улучшенія организаціи судебной части въ смыслѣ ея большей доступности и большихъ удобствъ для массы, урегулированія нѣкоторыхъ сторонъ въ отношеніяхъ духовенства къ прихожанамъ и къ земскому представительству, нѣкоторыхъ поправокъ къ уставу о воинской повинности съ хозяйственной точки зрѣнія. Съ тою же цѣлью земства пытались достигнуть большей уравнительности раскладокъ, боролись съ состоятельными недоимщиками, стремились разными путями увеличивать свое имущество и относить на счетъ казны статьи расхода своего бюджета на надобности обще-государственныя. Тою же цѣлью проникнуты всѣ упомянутыя земскія ходатайства въ области дорожнаго дѣла, общественнаго призрѣнія и медицины. Изъ одного этого бѣглаго перечня можно замѣтить, насколько крупное мѣсто въ ходатайствахъ занимала охрана матеріальныхъ интересовъ мѣстнаго населенія.

Едва ли нужно здѣсь еще разъ упоминать о заботахъ земства объ интересахъ образовательныхъ; объ этомъ достаточно было сказано выше.—Второю крупною цѣлью многихъ земскихъ ходатайствъ было привлеченіе возможно большаго числа лицъ къ земской работѣ въ качествѣ избираемыхъ и избирателей и расширеніе поля этой работы, компетенціи земскихъ учрежденій въ тѣхъ областяхъ, которыя закономъ отнесены къ ихъ вѣдѣнію. Съ этимъ мы могли познакомиться въ группахъ ходатайствъ по вопросамъ земскаго устройства, народнаго образованія, земскаго обложенія и друг. Такая цѣль вытекаетъ непосредственно изъ первой: если вѣдать „мѣстныя пользы и нужды“ поручено земству, если эти нужды могутъ быть извѣстны ему гораздо полнѣе и лучше, чѣмъ другимъ органамъ управленія, то у земства естественно должно было возникнуть стремленіе къ большей полнотѣ и законченности своихъ мѣропріятій, къ большей самостоятельности въ своей законной сферѣ, къ уменьшенію числа случаевъ вмѣшательства въ послѣднюю административныхъ органовъ. А такъ какъ послѣднее плохо достигалось, то отсюда возникала третья цѣль также немалаго числа ходатайствъ—возможно точное отмежеваніе сферы своихъ дѣйствій съ этой стороны. Съ такими ходатайствами намъ пришлось встрѣтиться въ первой группѣ (земское устройство), въ девятой (обложеніе) и въ друг. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть и о рядѣ ходатайствъ, имѣвшихъ цѣлью сокращеніе административныхъ воздѣйствій иного рода—воздѣйствій на народную жизнь въ формѣ той или другой организаціи мѣстнаго управленія. Ходатайства этого рода естественно вытекали изъ той ближайшей связи, въ которой находились органы

этого управленія даже по закону (напр. избраніе непремѣнныхъ членовъ въ губернскихъ собраніяхъ) съ земскими учрежденіями.

Эти три цѣли исчерпываютъ, или почти исчерпываютъ собою всѣ пожеланія, выраженныя въ приведенныхъ земскихъ ходатайствахъ. Первая изъ нихъ и является главной, доминирующей, охватывающей главнѣйшую часть ходатайствъ; двѣ другія занимаютъ болѣе подчиненное положеніе; достиженіе ихъ служило въ глазахъ земствъ средствомъ для болѣе успѣшнаго достиженія первой. Эта господствующая цѣль ходатайствъ—охрана мѣстныхъ интересовъ—вмѣстѣ съ тѣмъ служила и цѣлью введенія земскихъ учрежденій; поэтому изученіе земскихъ ходатайствъ того періода прежде всего указываетъ на то, что земства при возбужденіи ихъ не измѣняли указанному имъ закономъ назначенію. Мнѣніе противоположное, утверждающее, что земства часто выходили въ своихъ ходатайствахъ изъ сферы своего вѣдѣнія должно быть признано поэтому крайне одностороннимъ и основаннымъ на непониманіи той тѣснѣйшей связи, которая существуетъ между всѣми сторонами жизни деревни. Нельзя охранять хозяйственные интересы населенія, не обращая вниманія напр. на нѣкоторые пробѣлы устава о воинской повинности, на поборы нѣкоторыхъ представителей духовенства и т. п.

Выше было уже указано, что временами ходатайства тѣхъ или другихъ земствъ отклонялись отъ сказанной своей прямой задачи. Иногда въ нихъ проскальзывали просьбы и пожеланія, не соотвѣтствовавшія пользѣ всего населенія губерніи или уѣзда, а вытекавшія изъ домогательствъ наиболѣе состоятельныхъ группъ собраній. Земства выходили въ такихъ случаяхъ изъ своей всесословной роли и становились на точку зрѣнія вліятельнаго общественнаго класса. Къ ходатайствамъ этого рода слѣдуетъ отнести, напр., два ходатайства холмскаго земства о предоставленіи крупнымъ землевладѣльцамъ права быть гласными безъ избранія и объ опредѣленіи законодательнымъ путемъ способа исчисленія размѣра доходности недвижимыхъ имуществъ („для огражденія права собственности отъ произвола простого большинства въ земскихъ собраніяхъ“); здѣсь-же нельзя не упомянуть о ходатайствѣ тульскаго губ. собранія о покровительствѣ сахароваренной промышленности, о ходатайствѣ нижнеломовскаго земства (встрѣченномъ весьма сочувственно мѣстнымъ губернаторомъ) объ обязательномъ раздѣлѣ крестьянскихъ земель на подворные участки, о ходатайствахъ екатеринославскаго губ. и усманскаго собраній о пониженіи процентовъ въ земельныхъ банкахъ, о причисленіи земельными банками недоимокъ къ капитальному долгу, объ отсрочкѣ банковыхъ платежей на годъ, объ облегченіи землевладѣльческаго кредита; къ этой-же группѣ относится и ходатайство тарусскаго собранія о снятіи съ земства надзора за хлѣбозапасными магазинами въ

виду того, что это составляетъ интересъ одного крестьянскаго сословія“ *), и ходатайства калужскаго и херсонскаго губ. земствъ о посылкѣ солдатъ на полевыя работы для удешевленія рабочей платы при жатвѣ.

Если не ошибаемся, сказаннымъ исчерпываются всѣ извѣстныя намъ ходатайства этой группы. Въ предшествующемъ изложеніи мы стремились, по возможности, не пропустить ни одного, носящаго такую окраску. Но въ результатѣ мы получили лишь приведенныя единичныя просьбы. Отсюда слѣдуетъ заключить, что классовый характеръ былъ свойственъ нашему земству перваго двадцатилѣтія въ весьма слабой степени, не смотря даже на то, что покровительство крупному землевладѣнію становилось къ концу той эпохи все болѣе и болѣе популярнымъ; мы убѣдимся сейчасъ, что такое покровительство служило даже нерѣдко причиной отклоненія земскихъ ходатайствъ. Домогательства крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленнаго класса могли-бы найти значительную поддержку, если бы имъ удалось подыскать почву въ земствахъ. Сказанное убѣждаетъ насъ въ томъ, что почва такая попадалась сравнительно рѣдко и, очевидно, была ненадежна. Этому можно найти подтвержденіе и въ наличности замѣтной группы ходатайствъ противоположнаго свойства. Выше приведены всѣ тѣ, которыя касаются борьбы разныхъ земствъ съ накопленіемъ недоимокъ за крупными владѣльцами, съ утайкой ими подлежащаго обложенію имущества, съ присвоенными землевладѣльцамъ льготами по взысканію съ нихъ недоимокъ; мы только что ознакомились съ ходатайствомъ одного земства о переложеніи натуральныхъ повинностей на всѣ сословія; наканунѣ основанія дворянскаго банка возбуждено было ходатайство объ основаніи всесословнаго государственнаго земельнаго банка и друг. Желая расширить льготы по воинской повинности для кончившихъ курсъ въ народной школѣ, какъ выше указано, земства не представили ни одного ходатайства о расширеніи такихъ же льготъ для окончившихъ курсъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. На ряду съ ходатайствами о повышеніи платы за лѣченіе въ больницахъ лицъ „офицерскаго званія“, о лишеніи права безплатнаго лѣченія чиновниковъ, получающихъ болѣе и даже менѣе 300 р. въ годъ, находимъ ходатайства объ освобожденіи несостоятельныхъ сельскихъ обществъ отъ уплаты за лѣченіе ихъ членовъ въ больницахъ другихъ земствъ, о дарованіи права безплатнаго лѣченія въ больницахъ народнымъ учителямъ, получающимъ менѣе 300 руб. въ годъ и т. д.

Переходимъ къ вопросу о судьбѣ тѣхъ земскихъ ходатайствъ,

---

*) Еще два земства, какъ выше указано, желали снять съ себя обязанности этого надзора, хотя не приводили такого мотива.

съ которыми намъ удалось познакомиться. На основаніи всего сказаннаго на предшествующихъ страницахъ, мы уже знаемъ, что судьба эта вообще была неблагопріятна. Часто разрѣшеніе ходатайствъ весьма сильно затягивалось, еще чаще—ходатайства совсѣмъ отклонялись.

Выше уже приведены факты чрезвычайно медленнаго движенія земскихъ ходатайствъ. Число такихъ случаевъ весьма немало. Припомнимъ главнѣйшіе. Выше указано, напр., что на ходатайство тверского губ. земства объ отграниченіи крестьянскихъ угодій отъ помѣщичьихъ, поступившее въ 1871 г., управляющій межевой частью отвѣтилъ лишь въ 1879 г., т. е. черезъ восемь лѣтъ, что затѣмъ только началось составленіе соотвѣтственныхъ правилъ, а о рѣшеніи дѣла нашъ матеріалъ (1884) даже не даетъ свѣдѣній. Ходатайства объ утвержденіи проектовъ взаимнаго страхованія скота продолжали поступать въ министерство безъ осязательнаго результата въ теченіе десяти лѣтъ (1868—1878), о сложеніи акциза на соль—въ теченіе пятнадцати лѣтъ (1866—1880); по поводу ходатайствъ объ участіи земства въ надзорѣ за торговлей и промыслами записка хозяйственнаго департамента поступила въ коммиссію по составленію проектовъ мѣстнаго управленія только черезъ 18 лѣтъ (съ 1865 г.). Дѣло о замѣнѣ продажи хлѣба на мѣру продажею на вѣсъ, начатое балашевскимъ земствомъ въ 1868 г., потребовало отзывовъ разныхъ учрежденій; послѣдній изъ такихъ отзывовъ поступилъ только черезъ 14 лѣтъ. Весьма серьезное ходатайство ярославскаго земства о пониженіи государственнаго земскаго сбора въ этой губерніи, начатое въ 1875 г., получило разрѣшеніе (хотя и отрицательное) только въ половинѣ 1881 г. По поводу ходатайства камышловскаго собранія (1869 г.) по вопросу объ улучшеніи быта духовенства было сдѣлано сношеніе министерства внутреннихъ дѣлъ съ оберъ-прокуроромъ св. синода 30 Апрѣля 1869 г., но, не смотря на напоминанія министерства, послѣдовавшія въ 1878, 1879 и 1880 годахъ, отзыва не послѣдовало (1884).—Въ группѣ ходатайствъ по вопросамъ земскаго обложенія встрѣчались такія, рѣшенія которыхъ затягивались на 8, 9, 10, 14, 15 лѣтъ. Всѣ ходатайства о проселочныхъ дорогахъ были препровождаемы въ коммиссію т. с. Шумахера; работы ея были черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея основанія переданы въ податную коммиссію, которая затѣмъ была закрыта.—Такая непомѣрная медленность движенія бюрократической машины, какъ видно изъ предшествующаго изложенія, не находилась въ приведенныхъ случаяхъ ни въ какомъ соотношеніи съ тѣмъ, имѣло-ли данное ходатайство шансы на успѣхъ, или нѣтъ, принято оно было въ Петербургѣ сочувственно, или несочувственно. Въ сказанномъ можно убѣдиться хотя-бы изъ того, что среди указанныхъ примѣровъ были и такія ходатайства, которыя имѣли въ концѣ кон-

виду того, что это составляетъ интересъ одного крестьянскаго сословія" *), и ходатайства калужскаго и херсонскаго губ. земствъ о посылкѣ солдатъ на полевыя работы для удешевленія рабочей платы при жатвѣ.

Если не ошибаемся, сказаннымъ исчерпываются всѣ извѣстныя намъ ходатайства этой группы. Въ предшествующемъ изложеніи мы стремились, по возможности, не пропустить ни одного, носящаго такую окраску. Но въ результатѣ мы получили лишь приведенныя единичныя просьбы. Отсюда слѣдуетъ заключить, что классовый характеръ былъ свойственъ нашему земству перваго двадцатилѣтія въ весьма слабой степени, не смотря даже на то, что покровительство крупному землевладѣнію становилось къ концу той эпохи все болѣе и болѣе популярнымъ; мы убѣдимся сейчасъ, что такое покровительство служило даже нерѣдко причиной отклоненія земскихъ ходатайствъ. Домогательства крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленнаго класса могли-бы найти значительную поддержку, если бы имъ удалось подыскать почву въ земствахъ. Сказанное убѣждаетъ насъ въ томъ, что почва такая попадалась сравнительно рѣдко и, очевидно, была ненадежна. Этому можно найти подтвержденіе и въ наличности замѣтной группы ходатайствъ противоположнаго свойства. Выше приведены всѣ тѣ, которыя касаются борьбы разныхъ земствъ съ накопленіемъ недоимокъ за крупными владѣльцами, съ утайкой ими подлежащаго обложенію имущества, съ присвоенными землевладѣльцамъ льготами по взысканію съ нихъ недоимокъ; мы только-что ознакомились съ ходатайствомъ одного земства о переложеніи натуральныхъ повинностей на всѣ сословія; наканунѣ основанія дворянскаго банка возбуждено было ходатайство объ основаніи всесословнаго государственнаго земельнаго банка и друг. Желая расширить льготы по воинской повинности для кончившихъ курсъ въ народной школѣ, какъ выше указано, земства не представили ни одного ходатайства о расширеніи такихъ же льготъ для окончившихъ курсъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. На ряду съ ходатайствами о повышеніи платы за лѣченіе въ больницахъ лицъ „офицерскаго званія", о лишеніи права безплатнаго лѣченія чиновниковъ, получающихъ болѣе и даже менѣе 300 р. въ годъ, находимъ ходатайства объ освобожденіи несостоятельныхъ сельскихъ обществъ отъ уплаты за лѣченіе ихъ членовъ въ больницахъ другихъ земствъ, о дарованіи права безплатнаго лѣченія въ больницахъ народнымъ учителямъ, получающимъ менѣе 300 руб. въ годъ и т. д.

Переходимъ къ вопросу о судьбѣ тѣхъ земскихъ ходатайствъ,

---

*) Еще два земства, какъ выше указано, желали снять съ себя обязанности этого надзора, хотя не приводили такого мотива.

съ которыми намъ удалось познакомиться. На основаніи всего сказаннаго на предшествующихъ страницахъ, мы уже знаемъ, что судьба эта вообще была неблагопріятна. Часто разрѣшеніе ходатайствъ весьма сильно затягивалось, еще чаще—ходатайства совсѣмъ отклонялись.

Выше уже приведены факты чрезвычайно медленнаго движенія земскихъ ходатайствъ. Число такихъ случаевъ весьма немало. Припомнимъ главнѣйшіе. Выше указано, напр., что на ходатайство тверского губ. земства объ отграниченіи крестьянскихъ угодій отъ помѣщичьихъ, поступившее въ 1871 г., управляющій межевой частью отвѣтилъ лишь въ 1879 г., т. е. черезъ восемь лѣтъ, что затѣмъ только началось составленіе соотвѣтственныхъ правилъ, а о рѣшеніи дѣла нашъ матеріалъ (1884) даже не даетъ свѣдѣній. Ходатайства объ утвержденіи проектовъ взаимнаго страхованія скота продолжали поступать въ министерство безъ осязательнаго результата въ теченіе десяти лѣтъ (1868—1878), о сложеніи акциза на соль—въ теченіе пятнадцати лѣтъ (1866—1880); по поводу ходатайствъ объ участіи земства въ надзорѣ за торговлей и промыслами записка хозяйственнаго департамента поступила въ коммиссію по составленію проектовъ мѣстнаго управленія только черезъ 18 лѣтъ (съ 1865 г.). Дѣло о замѣнѣ продажи хлѣба на мѣру продажею на вѣсъ, начатое балашевскимъ земствомъ въ 1868 г., потребовало отзывовъ разныхъ учрежденій; послѣдній изъ такихъ отзывовъ поступилъ только черезъ 14 лѣтъ. Весьма серьезное ходатайство ярославскаго земства о пониженіи государственнаго земскаго сбора въ этой губерніи, начатое въ 1875 г., получило разрѣшеніе (хотя и отрицательное) только въ половинѣ 1881 г. По поводу ходатайства камышловскаго собранія (1869 г.) по вопросу объ улучшеніи быта духовенства было сдѣлано сношеніе министерства внутреннихъ дѣлъ съ оберъ-прокуроромъ св. синода 30 Апрѣля 1869 г., но, не смотря на напоминанія министерства, послѣдовавшія въ 1878, 1879 и 1880 годахъ, отзыва не послѣдовало (1884).—Въ группѣ ходатайствъ по вопросамъ земскаго обложенія встрѣчались такія, рѣшенія которыхъ затягивались на 8, 9, 10, 14, 15 лѣтъ. Всѣ ходатайства о проселочныхъ дорогахъ были препровождаемы въ коммиссію т. с. Шумахера; работы ея были черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея основанія переданы въ податную коммиссію, которая затѣмъ была закрыта.—Такая непомѣрная медленность движенія бюрократической машины, какъ видно изъ предшествующаго изложенія, не находилась въ приведенныхъ случаяхъ ни въ какомъ соотношеніи съ тѣмъ, имѣло-ли данное ходатайство шансы на успѣхъ, или нѣтъ, принято оно было въ Петербургѣ сочувственно, или несочувственно. Въ сказанномъ можно убѣдиться хотя-бы изъ того, что среди указанныхъ примѣровъ были и такія ходатайства, которыя имѣли въ концѣ кон-

цовъ успѣхъ (напр. страхованіе скота, акцизъ на соль и друг.), и такія, которыя были впослѣдствіи отклонены. Нельзя также сказать, чтобы интересующій насъ фактъ могъ быть объясненъ несочувствіемъ къ предмету ходатайства только вначалѣ и увеличеніемъ его шансовъ на успѣхъ позднѣе; по дѣлу возбужденному балашевскимъ собраніемъ министерству просто потребовались отзывы разныхъ учрежденій раньше самаго обсужденія дѣла—и эти отзывы поступали, какъ указано, въ теченіе 14 лѣтъ; по ходатайству камышловскаго земства министерство, не смотря на свои троекратныя напоминанія, не получило никакого отзыва, хотя-бы отрицательнаго, отъ оберъ-прокурора св. синода въ теченіе 15 лѣтъ, о которыхъ намъ даетъ свѣдѣнія нашъ матеріалъ.— Очевидно, указанное обстоятельство не могло вліять ободряющимъ образомъ на развитіе мѣстной земской дѣятельности и не могло способствовать увеличенію числа случаевъ ходатайствъ для выясненія законодательной власти мѣстныхъ „пользъ и нуждъ".

Еще сильнѣе должна была вліять въ томъ-же направленіи другая причина—весьма частое отклоненіе земскихъ ходатайствъ. Мы видѣли, что число такихъ случаевъ было весьма велико. Уже упомянуто, что число отклоненныхъ ходатайствъ составляетъ больше половины всего ихъ количества (52,3%); въ иныхъ группахъ оно повышается до 2/3, (77,2% и даже 86,1%). Постараемся-же разобраться, на основаніи предшествующаго фактическаго матеріала, въ вопросѣ о наиболѣе частыхъ причинахъ этого явленія.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мотивомъ отклоненія земскихъ ходатайствъ служило, между прочимъ, опасеніе, что проектируемая земствомъ мѣра можетъ препятствовать свободному примѣненію выборнаго начала. Съ такимъ мотивомъ мы встрѣтились въ отвѣтѣ холмскому земству на его просьбу объ установленіи образовательнаго ценза для членовъ управъ (весьма скромнаго: окончанія уѣзднаго училища), мензелинскому — о сокращеніи избирательныхъ правъ землевладѣльцевъ, накопившихъ земскія недоимки. Подобный-же мотивъ приведенъ былъ въ отношеніи тѣхъ ходатайствъ, которыя имѣли въ виду указанныя выше неудобства выбора въ гласные представителей волостной администраціи (собраніе лишилось-бы „многихъ полезныхъ дѣятелей").— Къ сожалѣнію, мотивъ этотъ, если не ошибаемся, больше не встрѣчается; равнымъ образомъ приходится сожалѣть, что и примѣнялся онъ, какъ видно изъ сказаннаго, въ такихъ случаяхъ, когда умѣстность его можетъ подлежать большому спору. Трудно-же въ самомъ дѣлѣ считать уѣздное училище черезчуръ большимъ цензомъ для члена управы, а вопросъ о полезности старшинъ, писарей и т. п. въ составѣ собраній не рѣшенъ положительно еще и теперь и едва-ли можетъ быть рѣшенъ въ

этомъ смыслѣ; рядомъ съ этимъ—угроза сокращенія избирательныхъ правъ развѣ не была-бы дѣйствительной для состоятельныхъ недоимщиковъ?

Гораздо чаще встрѣчаются другіе мотивы отклоненія ходатайствъ. Среди нихъ остановимся прежде всего на весьма распространенномъ—на ущербъ для казеннаго интереса, который долженъ былъ бы, по мнѣнію министерства, произойти въ случаѣ приведенія въ исполненіе проектируемой земствомъ мѣры. При всякомъ конфликтѣ между земскимъ и казеннымъ интересомъ, вопросъ рѣшался въ пользу послѣдняго. Такихъ случаевъ приведено было выше немало. Иногда не давалось разрѣшенія на изданіе земскаго органа на основаніи указанія мѣстнаго губернатора на то, что конкурренція такого органа лишила бы извѣстной части дохода губернскія вѣдомости; отклонены были ходатайства нѣсколькихъ земствъ о казенныхъ субсидіяхъ на дѣло народнаго образованія и объ обращеніи участковъ казенной земли въ фондъ на тотъ же предметъ („удовлетвореніе онаго могло бы послужить опаснымъ прецедентомъ“); мы ознакомились съ цѣлымъ рядомъ просьбъ разныхъ земствъ объ открытіи среднихъ учебныхъ заведеній, просьбъ, въ результатѣ которыхъ земству пришлось нести большія, часто непосильныя, траты на этотъ предметъ; отвергнуто было и ходатайство объ отмѣнѣ налога на народныхъ учителей въ видѣ сбора съ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ на это званіе: не имѣли успѣха просьбы о содѣйствіи правительства для выкупа по соглашенію съ помѣщиками дополнительныхъ надѣловъ дарственниками и получившими не высшіе надѣлы крестьянами; ту же участь испытали ходатайства объ освобожденіи отъ выборки торговыхъ документовъ нѣкоторыхъ группъ крестьянъ по обработкѣ и сбыту ими продуктовъ труда своего и своей семьи (юхновскаго земства о ручныхъ маслобойняхъ и т. п., псковскаго—о торговлѣ льномъ въ обработанномъ видѣ), о безплатномъ отпускѣ казеннаго лѣса погорѣльцамъ (новгородскаго), о выдачѣ пострадавшимъ отъ наводненія вмѣсто погашенія недоимки имперскому продовольственному капиталу 10 тыс. руб., остатковъ отъ пожертвованій въ пользу мѣстныхъ голодающихъ (херсонскаго), о сложеніи или сокращеніи разныхъ казенныхъ сборовъ. Выше мы видѣли, какъ безрезультатно было стремленіе земствъ добиться взысканія своихъ недоимокъ параллельно съ казенными недоимками и даже окладами; получить въ арендное содержаніе оброчныя статьи для облегченія пользованія ими крестьянскихъ обществъ; отнести на счетъ казны разные расходы, имѣющіе отношеніе къ надобностямъ безспорно обще-государственнымъ (военнымъ, по разъѣздамъ чиновниковъ и полиціи, по разнымъ сооруженіямъ, имѣющимъ весьма слабое значеніе для мѣстнаго земства), при полномъ запрещеніи не только обсуждать вопросы государственные,

но даже и ходатайствовать о нихъ. Мы ознакомились съ тѣми усиліями, которыя пришлось дѣлать земствамъ для полученія субсидій, признанныхъ необходимыми самимъ министерствомъ, на приведеніе въ порядокъ богоугодныхъ заведеній, въ то время, какъ ихъ просьбы объ облегченіи ихъ затратъ для военнаго и другихъ казенныхъ вѣдомствъ въ области общественнаго призрѣнія и медицины оставались безъ удовлетворенія. Мы далеко не перечислили всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда происходило столкновеніе между казеннымъ и земскимъ интересомъ; да въ этомъ едва ли есть надобность, такъ какъ всѣ они рѣшались въ одномъ и томъ же направленіи, хотя, какъ можно замѣтить, въ приведенныхъ ходатайствахъ земства или охраняли насущные интересы мѣстныхъ жителей, подлежащіе по закону ихъ охранѣ, или стремились облегчить для себя расходы на такія потребности, какія, по закону же, не подлежали ихъ вѣдѣнію. Едва ли можно поэтому сомнѣваться въ правомѣрности обѣихъ серій поводовъ, заставлявшихъ земства вступать въ конфликтъ съ интересами казны, и трудно представить себѣ достаточно обоснованную точку зрѣрія, съ которой можно бы находить въ приведенныхъ случаяхъ такое „посягательство на казенный карманъ" немотивированнымъ, излишнимъ.

Третьей причиной отклоненія земскихъ ходатайствъ, имѣвшей также немалое распространеніе, было стремленіе сохранить административное воздѣйствіе на земскую жизнь, воздѣйствіе, которое желали уменьшить земства. О причинахъ послѣдняго выше уже упомянуто. Сюда относится, напр., оставленое безъ движенія ходатайство о томъ, чтобы руководство крестьянскими избирательными съѣздами было изъято изъ вѣдѣнія непремѣнныхъ членовъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ и передано лицамъ, „незаинтересованнымъ въ извѣстномъ подборѣ гласныхъ"; отклоненіе ходатайствъ объ освобожденіи гласныхъ - крестьянъ отъ взысканія единоличной властью исправника, отъ ареста въ административномъ порядкѣ только (!) на время сессій земскихъ собраній; объ избраніи самими собраніями своихъ предсѣдателей; о томъ, чтобы мировые посредники не были назначаемы предсѣдателями собраній; о нѣкоторыхъ ограниченіяхъ власти предсѣдателей; о запрещеніи совмѣстительства должностей предводителя дворянства и предсѣдателя управы; объ отмѣнѣ временнаго закона 1879 г., которымъ губернаторамъ предоставлены были особыя права при замѣщеніи должности мировыхъ судей и нѣкоторыхъ другихъ того же рода. Мы видѣли, что земству совершенно не удалось получить большее значеніе и большую свободу дѣйствій въ продовольственномъ дѣлѣ, хотя оно имѣло право считать себя болѣе компетентнымъ судьей и въ опредѣленіи размѣровъ продовольственной нужды въ каждомъ данномъ случаѣ, и въ выборѣ способовъ удовлетворенія такой нужды.

Отклонены были, какъ выше указано, не только тѣ ходатайства, въ которыхъ вопросъ ставился болѣе широко (о передачѣ земству хлѣбозапасныхъ магазиновъ, объ устраненіи чиновъ полиціи отъ взысканія хлѣбныхъ недоимокъ, и т. п.), но и многія такія, которыя касались вопроса крайне осторожно, чему много примѣровъ можно усмотрѣть въ изложеніи ходатайствъ группы четвертой.—Указано также, что рядомъ съ отклоненіемъ нѣкоторыхъ весьма робкихъ просьбъ земствъ объ облегченіи мелочного, по ихъ мнѣнію, регулированія постановленій о смѣтахъ и раскладкахъ, въ 1880 г. послѣдовалъ циркуляръ, усилившій еще болѣе власть губернаторовъ въ этой области.

Далѣе, весьма распространены были случаи отказа въ удовлетвореніи земскихъ ходатайствъ на основаніи того самаго закона, распоряженія, циркуляра, объ отмѣнѣ, измѣненіи или дополненіи котораго и хлопотало земство. Наличность таковаго, конечно, всегда въ этомъ случаѣ послѣднему была извѣстна. Мы не находимъ также указаній и на то, чтобы земство было не въ правѣ возбуждать просьбу такого рода, такъ какъ немало законоположеній и распоряженій было измѣнено или отмѣнено по настоянію земствъ, въ чемъ убѣдимся нѣсколько ниже. Далеко не всѣ отклоненія земскихъ ходатайствъ, наконецъ, послѣдовали по одной этой причинѣ, какъ то легко замѣтить изъ всего предшествующаго изложенія. Поэтому такой мотивъ неудовлетвореніе земскихъ просьбъ нельзя считать ничѣмъ инымъ, какъ формальнымъ пріемомъ отверженія ходатайствъ, не согласныхъ съ желаніями министерства по существу, но имѣющихъ корни въ мѣстныхъ нуждахъ даннаго времени. При отсутствіи такого момента въ дѣлѣ, ходатайство можетъ быть внесено въ комитетъ министровъ съ цѣлью его отклоненія на основаніи какого либо иного мотива. При затруднительности подыскать или высказать послѣдній, упомянутый формальный пріемъ заключаетъ въ себѣ немало удобствъ.—Повторяемъ, по этой причинѣ было отклонено много ходатайствъ. Укажемъ здѣсь, въ видѣ примѣровъ, лишь на нѣкоторыя. Такъ мотивированы были отказы въ удовлетвореніи просьбъ объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія членовъ управъ и гласныхъ изъ „податныхъ“ сословій, о матеріальномъ вознагражденіи (въ видѣ прогонныхъ и суточныхъ денегъ) неимущихъ гласныхъ изъ крестьянъ, о разрѣшеніи съѣздовъ представителей земствъ, объ уплатѣ ассигнуемыхъ сельскими обществами денегъ на жалованіе народнымъ учителямъ черезъ управы, съ цѣлью уменьшить зависимость учителей отъ волостной администраціи; то же было съ первыми ходатайствами о разрѣшеніи устраивать совѣщанія представителей сосѣднихъ земствъ для борьбы съ вредными насѣкомыми, съ цѣлымъ рядомъ ходатайствъ по дорожному дѣлу (см. выше) и со мн. друг.

Еще далѣе, слѣдуетъ упомянуть о нѣкоторомъ сомнѣніи въ

способности земскихъ дѣятелей къ самоуправленію, о недовѣріи къ нимъ, о стремленіи къ тщательному надзору и регулированію земскихъ постановленій, какъ о причинахъ отклоненія значительнаго числа ходатайствъ. Указанная черта проглядываетъ, какъ можно было замѣтить изъ предыдущаго, во многихъ случаяхъ. Съ наибольшей же силой проявляется она въ отказахъ въ удовлетвореніи просьбъ по вопросамъ народнаго образованія и въ области земскаго обложенія. Выше приведенъ былъ уже отзывъ по поводу ходатайствъ вятскаго земства: „права училищныхъ совѣтовъ, какъ по опредѣленію и увольненію учителей, такъ и по выдачѣ ученикамъ выпускныхъ свидѣтельствъ, *слишкомъ важны, чтобы предоставить ихъ въ руки лицъ, выбираемыхъ земствомъ, особенно при шаткости установившихся у насъ понятій о земскихъ и общественныхъ выборахъ*". Этотъ принципъ проводился въ теченіе всего двадцатилѣтія министерствомъ народнаго просвѣщенія по отношенію къ народному образованію. Едва ли есть возможность иллюстрировать сказанное примѣрами—пришлось бы выписать здѣсь вновь почти все приведенное обозрѣніе ходатайствъ второй группы. И это относится равно какъ къ низшей, такъ и къ средней школѣ; участіе общественнаго элемента въ постановкѣ послѣдней не получило никакого развитія.—Что же касается до проявленія упомянутаго принципа въ дѣлѣ земскихъ смѣтъ и раскладокъ, то тому можно найти также не мало примѣровъ въ обозрѣніи ходатайствъ десятой группы.

Заслуживаетъ также вниманія и то обстоятельство, что нѣкоторая часть ходатайствъ отклонена по причинѣ покровительства классу землевладѣльцевъ, которое находили нужнымъ ему оказывать. Не имѣли практическихъ результатовъ 18 ходатайствъ о сокращеніи избирательныхъ правъ землевладѣльцевъ-недоимщиковъ; отклонены просьбы тверского земства объ ограниченіи пользованія фиктивнымъ цензомъ (землею, отведенною въ надѣлъ крестьянамъ, но еще не выкупленною ими), чернскаго—объ обязательномъ лѣсоразведеніи, таврическаго—о привлеченіи всѣхъ сословій къ отправленію натуральныхъ повинностей и нѣк. друг. Безъ результата остались всѣ ходатайства о мѣрахъ противъ сокрытія владѣльцами своихъ имуществъ отъ обложенія, объ уничтоженіи льготъ при взысканіи съ нихъ недоимокъ, о привлеченіи ихъ къ нѣкоторымъ обязанностямъ по дорожному дѣлу.

Еще чаще отвергались земскія ходатайства по причинѣ покровительства промышленному классу. Протекціонныя тенденціи, въ результатѣ которыхъ получалось значительное отягощеніе земскими сборами земель, и которыя не могли быть поэтому раздѣляемы земствами, сыграли въ данномъ случаѣ также немалую роль. Не получили осуществленія ходатайства пермскаго земства объ объясненныхъ выше измѣненіяхъ въ цензѣ для промышленниковъ, дающемъ имъ право участія въ земскихъ дѣлахъ;

александровскаго (Влад. губ.)—о правѣ обложенія питейныхъ заведеній въ пользу школъ; трехъ земствъ — объ ограниченіи вывоза хлѣба за границу въ цѣляхъ удешевленія хлѣба для продовольствія; двухъ земствъ—о пониженіи провознаго тарифа на предметы первой необходимости. Намъ удалось выше убѣдиться, что даже стремленія земствъ обложить сборами земли духовенства и казны получали нѣсколько больше уступокъ, чѣмъ желаніе уравнять обложеніе фабрично-заводскихъ заведеній съ обложеніемъ земли. Не большимъ успѣхомъ сопровождались попытки изыскать мѣры къ привлеченію торгово-промышленнаго класса къ дорожной повинности, города—къ расходамъ по общественному призрѣнію и земской медицинѣ. Мы видѣли усилія, которыя приходилось употреблять земствамъ въ борьбѣ съ покровительствомъ интересамъ аптекарей, съ цѣлью доставить неимущему населенію посильныя по его средствамъ лѣкарства. Малмыжскому земству не удалось добиться запрещенія своимъ гласнымъ брать земскіе подряды, или другими словами—подрядчикамъ входить въ составъ собранія для обдѣлыванія своихъ дѣлъ. Нѣсколькимъ земствамъ не удалось даже обложить особымъ сборомъ гурты, экспортируемые или подгоняемые къ столицамъ, разбивающіе ихъ дорожныя сооруженія.

Еще далѣе, въ качествѣ весьма распространенной причины отклоненія земскихъ ходатайствъ, упомянемъ *единичность* ихъ. Изучая относящійся сюда матеріалъ, мы весьма часто наталкиваемся на отказъ земству потому, что „подобныхъ хадатайствъ не возникало въ другихъ губерніяхъ“. Можно сказать, что принципіальная разработка мѣропріятій и ихъ обсужденіе, если оно вызвано было земствами, рѣдко начиналось по почину одного ходатайства, а всегда по причинѣ поступленія нѣсколькихъ однородныхъ. Не будемъ останавливаться на примѣрахъ, подтверждающихъ сказанное, такъ какъ мотивъ этотъ является сравнительно весьма понятнымъ. Только повтореніе ходатайствъ изъ разныхъ губерній можетъ внушить убѣжденіе, что данная потребность является не только мѣстной, но и общей или по крайней мѣрѣ—весьма распространенной.

Наконецъ, встрѣчаются отклоненія, мотивы которыхъ не легко поддаются объясненію. Такихъ случаевъ встрѣчаемъ въ нашемъ матеріалѣ также не мало. Сюда относится, напр., судьба приведеннаго выше ходатайства новоржевскаго земства объ уменьшеніи ценза для выбора въ мировые судьи; получивъ дважды на него отказъ, земство возобновило его въ третій разъ и просило указать тѣ доказательства, которыя оказались бы достаточными для его удовлетворенія; на этотъ разъ препятствія къ такому удовлетворенію не встрѣтилось и, по заявленію министерства, ходатайство должно было быть принято въ соображеніе при обсужденіи общаго вопроса объ измѣненіи ценза. Но трудно

понять въ такомъ случаѣ мотивы двухкратнаго его отклоненія. Сказанное относится и къ отвергнутымъ ходатайствамъ о разрѣшеніи открывать избирательные съѣзды не только въ уѣздныхъ городахъ, но и въ другихъ мѣстностяхъ уѣзда, сообразно мѣстнымъ удобствамъ; объ установленіи порядка постепеннаго выбытія гласныхъ и членовъ управъ, чтобы въ составѣ собраній и управъ всегда имѣлись опытные дѣятели; о совмѣстномъ обученіи дѣвочекъ и мальчиковъ въ народныхъ школахъ до 12-лѣтняго возраста; объ основаніи въ Харьковѣ „земской школы учительницъ"; о привлеченіи большаго числа попечителей народныхъ школъ съ цѣлями привлеченія пожертвованій; о разрѣшеніи ставить для сбора пожертвованій на школы кружки и много друг.

Мы, конечно, не исчерпали всѣхъ причинъ отклоненія земскихъ ходатайствъ, но думается, что на послѣднихъ страницахъ названы главнѣйшія изъ нихъ, чаще всего стоявшія на пути исполненія желаній земствъ. Если исключить изъ числа ихъ ссылку на существущій законъ, какъ формальный способъ не высказать истинныхъ причинъ отклоненія ходатайствъ, и стѣсненіе свободы примѣненія выборнаго начала, какъ мотивъ, которымъ пользовались лишь въ очень немногихъ случаяхъ, то остаются всего двѣ большія группы причинъ отказа въ удовлетвореніи просьбъ земствъ. Это, во-первыхъ, фискальныя и административныя тенденціи управленія, а во-вторыхъ—покровительство государства элементамъ землевладѣльческому и торгово-промышленному. Развитіе идеи самоуправленія, развитіе средствъ охраны мѣстныхъ хозяйственныхъ и образовательныхъ интересовъ требовали нѣкоторой работы въ сторону пополненія и расширенія первоначальныхъ законоположеній о земскихъ учрежденіяхъ. Необходимость этого вытекаетъ не только изъ понятныхъ несовершенствъ каждой законодательной мѣры, но также изъ постояннаго роста общественныхъ потребностей, измѣненія общественныхъ условій и отношеній, словомъ изъ процесса вѣчной эволюціи общественной жизни, никогда не останавливающейся въ своемъ развитіи. Предшествующее изложеніе достаточно убѣдительно указываетъ на то, что безъ прогрессивнаго развитія законодательства, земства не могли достаточно точно исполнять возложенныя на нихъ закономъ обязанности. Однако, такое естественное развитіе земствъ встрѣчалось съ противоположнымъ теченіемъ, становившимся съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сильнымъ и настойчивымъ. Понятно, что отсюда получился конфликтъ, въ силу котораго масса ходатайствъ должна была остаться безъ удовлетворенія. Это съ одной стороны. Съ другой, надлежащая охрана матеріальныхъ интересовъ массы населенія должна была неминуемо столкнуться въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ интересами болѣе состоятельнаго меньшинства. Когда въ дѣйствительности такія столкновенія наступали, то, какъ мы видѣли, земство пер-

ваго двадцатилѣтія показывало себя, за немногими исключеніями, стоящимъ на высотѣ своей общественной задачи. Но его настойчивость въ этомъ случаѣ наталкивалась на сильное сопротивленіе, побороть которое ему далеко не всегда было подъ силу. Поэтому—еще другая масса ходатайствъ не получила удовлетворенія. Въ результатѣ—больше половины изложенныхъ выше земскихъ просьбъ и пожеланій осталось безъ результата и въ эту группу попадали въ большинствѣ случаевъ ходатайства общія, принципіальныя, наиболѣе серьезныя и важныя. Въ сказанномъ легко убѣдиться, приглядѣвшись внимательно къ приведенному фактическому матеріалу.

„Въ большинствѣ случаевъ", но не всегда. Къ счастію, мы можемъ закончить нашу работу указаніемъ на то, что земскія стремленія, даже не выходя изъ сферы ходатайствъ, далеко не всегда оставались безплодными и сопровождались иногда весьма почтенными законодательными результатами. Совершенно неосновательно мнѣніе, будто земскія ходатайства никогда не были принимаемы во вниманіе при законодательныхъ работахъ, что въ той или другой формѣ они не получали въ концѣ концовъ силы закона и практическаго значенія въ жизни. Наличность фактовъ именно такого рода лучше всего, конечно, свидѣтельствуетъ о законности земскихъ ходатайствъ объ отмѣнѣ какого либо закона, о замѣнѣ его другимъ, о его измѣненіяхъ и дополненіяхъ. Земство, конечно, и въ этомъ случаѣ имѣло отправной точкой мѣстную нужду, мѣстную потребность. Но послѣдняя можетъ не быть характерной особенностью одной данной мѣстности; она можетъ обнаруживаться въ цѣлой полосѣ Россіи, повсемѣстно, наконецъ. Каждое собраніе, сознавшее такую потребность, возбуждало соотвѣтственное ходатайство, и всѣ эти ходатайства въ суммѣ обнаруживали степень необходимости выработки того или иного общаго мѣропріятія. Этимъ путемъ и достигались законодательные результаты земскихъ ходатайствъ *).

Прежде всего отмѣтимъ, что на очень большое количество земскихъ просьбъ было въ отвѣтъ заявлено, что онѣ будутъ приняты во вниманіе при выработкѣ общаго закона. Приведемъ только нѣсколько примѣровъ. Къ этому результату привело ходатайство бессарабскаго земства о сокращеніи избирательныхъ

---

*) Выше уже указано, что по поводу ходатайства херсонскаго земства о льготахъ по воинск. пов. для пріемышей и пасынковъ комитетъ министровъ, „находя, что *повторяющіяся ходатайства земскихъ собраній вызываютъ необходимость обратиться вновь къ разсмотрѣнію вопроса, вполнѣ-ли соотвѣтствуетъ законъ выяснившимся на практикѣ потребностямъ*", положилъ: „не отклоняя нынѣ ходатайства херсонскаго земства, предоставить министру внутреннихъ дѣлъ войти въ сношеніе съ военнымъ министромъ по вопросу объ измѣненіи редакціи прим. 1 ст. 45 уст. о воин. пов. и затѣмъ дать дѣлу дальнѣйшее движеніе".

правъ землевладѣльцевъ, накопившихъ недоимки свыше годового оклада; оно было внесено министромъ внутреннихъ дѣлъ для отклоненія въ комитетъ министровъ, который, однако, призналъ его заслуживающимъ вниманія и положилъ поставить земство въ извѣстность, что основанія его ходатайства будутъ приняты во вниманіе при обсужденіи общаго вопроса. Такой-же отвѣтъ послѣдовалъ на нѣкоторыя изъ ходатайствъ по вопросу объ увеличеніи числа гласныхъ, на просьбу рязанскаго земства объ освобожденіи окончившихъ курсъ народной школы отъ тѣлеснаго наказанія (представлена была также въ комитетъ министровъ для отклоненія), на десятки ходатайствъ земствъ о реформѣ мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій и въ первый, и во второй разъ (въ концѣ 60-хъ, началѣ 70-хъ гг. и въ концѣ 70-хъ, началѣ 80-хъ), на нѣкоторыя ходатайства о пониженіи ценза мировыхъ судей, о расширеніи ихъ компетенціи, о возложеніи на нихъ части нотаріальныхъ функцій, объ измѣненіи разныхъ статей уставовъ гражд. и угол. судопр., о размежеваніи башкирскихъ земель, о распространеніи права винокуренія на не-дворянъ и нѣк. друг. Мы, конечно, не имѣемъ возможности прослѣдить, насколько то или другое изъ такихъ ходатайствъ оказало въ дѣйствительности вліяніе на обсужденіе того или другого законодательнаго вопроса, но, во-первыхъ, сказанное значеніе (хотя-бы въ смыслѣ выясненія негодности даннаго явленія или учрежденія) нѣкоторыхъ изъ нихъ не подлежитъ сомнѣнію (напр. по реформѣ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, по нотаріальнымъ функціямъ мировыхъ судей и друг.), а во-вторыхъ, въ данномъ случаѣ важно не только это одно, но и еще то, что такія ходатайства несомнѣнно общаго характера, хотя и возникшія на мѣстной почвѣ, не отклонялись, а бывали направляемы въ тотъ общій механизмъ, который занятъ подготовкой матеріала для законодательства.

Но этого мало. Передъ нами цѣлый рядъ ходатайствъ, воплотившихся въ томъ или другомъ видѣ въ форму закона или вошедшихъ въ него составной частью. Пожеланія нѣкоторыхъ земствъ о разрѣшеніи баллотировать въ гласные отсутствующихъ на избирательныхъ съѣздахъ и о правѣ рѣшенія въ собраніяхъ денежныхъ вопросовъ закрытой баллотировкой вошли въ новое земское положеніе *). Попечители школъ, избираемые земствомъ, производятъ теперь, въ качествѣ предсѣдателей коммиссій, экзамены для выдачи училищными совѣтами свидѣтельствъ объ окончаніи курса народныхъ школъ, свидѣтельствъ, дающихъ право на льготу по воинской повинности. Рѣзко отклоненное въ 1869 г. ходатайство харьковскаго земства о сокращеніи сроковъ службы

*) Вопросъ о лишеніи представителей волостной администраціи права баллотироваться въ гласные обсуждается теперь.

для грамотныхъ рекрутъ вошло въ уставъ о воинской повинности 1874 г., равно какъ и освобожденіе народныхъ учителей отъ призыва на дѣйствительную службу въ войска. Земскія ходатайства о взаимномъ страхованіи скота долго не могли получить осуществленія, но засимъ вошли однимъ изъ существенныхъ элементовъ въ земскую жизнь. То-же относится и къ мѣрамъ борьбы съ вредными насѣкомыми и животными. Безусловно отрицателенъ былъ отвѣтъ и на первое ходатайство о созывѣ съѣздовъ представителей разныхъ земствъ для той-же цѣли, но они стали затѣмъ совершившимся фактомъ. Была отклонена масса ходатайствъ о сложеніи акциза на соль, раньше, чѣмъ произошла эта отмѣна. Не смотря на рѣзкій отказъ земствамъ, ходатайствовавшимъ о нѣкоторыхъ льготахъ по семейному положенію при отбываніи воинской повинности незаконнорожденными, такія льготы имъ были все-же дарованы на слѣдующій-же годъ послѣ введенія въ дѣйствіе новаго устава о воинской повинности; нѣсколько позднѣе такимъ-же успѣхомъ сопровождались ходатайства о нѣкоторыхъ льготахъ для одиночекъ, имѣющихъ отдѣльное хозяйство. Было также удовлетворено ходатайство земства о лишеніи чиновниковъ, получающихъ болѣе 300 р., права безплатнаго лѣченія въ больницахъ бывш. приказовъ общ. призрѣнія; право это было уничтожено законодательнымъ порядкомъ. Наконецъ, нельзя не указать и на то, что непрерывныя настойчивыя ходатайства земствъ о субсидіяхъ на приведеніе въ лучшій видъ богоугодныхъ заведеній имѣли все-же свою долю успѣха и первоначально установленный въ этомъ вопросѣ принципъ, что казенныя субсидіи имѣютъ въ виду лишь поддержаніе заведеній въ ихъ прежнемъ видѣ, уступилъ мѣсто закону 1879 г. о выдачѣ земству 50% всѣхъ его капитальныхъ издержекъ на улучшенія ихъ.

Всѣхъ такихъ удачъ, конечно, гораздо меньше, чѣмъ неудачъ, хотя, быть можетъ, мы и опустили нѣкоторыя. Но ихъ наличность имѣетъ свое значеніе, очень умалять которое не слѣдовало-бы. Она указываетъ на то, что, не смотря на весьма большую трудность земской работы, не смотря на массу подводныхъ камней, она не проходитъ безслѣдно даже въ сферѣ такихъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ необходимы ходатайства.

Н. Карышевъ.

Зима.

Неподвижная стынетъ душа,
Какъ рѣка подъ корой ледяною,
И желанья, какъ рыбки, толпою
Убѣгаютъ на дно, не спѣша.
Нѣтъ имъ волюшки... нѣтъ имъ пути...
Гдѣ то солнышко яркое блещетъ...
Гдѣ то море далекое плещетъ...
Но дороги къ нему не найти!..

Галина.

ВЕЛИКАНЪ.

Жюля Валлеса *).

Переводъ съ французскаго.

I.

Это было въ послѣдній день Монмартрскихъ гуляній. Съ подмостокъ одного изъ балагановъ несся хриплый голосъ паяца, который колотилъ грязной палкой въ грудь великана, написаннаго масляной краской, въ обществѣ голубыхъ герцогинь и розовыхъ дипломатовъ. Я по обыкновенію зашелъ въ балаганъ; у меня всегда была страсть ко всякимъ «уродствамъ». Почти нѣтъ такой головы ацтека или гидроцефала, циклопа или аргуса, плоской или четырехъугольной, въ видѣ тыквы или столбика, которую бы я не ощупалъ, не обмѣрилъ, которую бы я не выстукалъ, желая знать, что находится внутри ея.

Я спускался до карликовъ и поднимался до великановъ. Я трогалъ своими руками людей, у которыхъ не было ни одной руки или было ихъ нѣсколько. И это совсѣмъ не отъ того, что я люблю безобразіе; нѣтъ, но мнѣ всегда хотѣлось знать, какой душой надѣлилъ Господь Богъ эти безобразныя тѣла и сколько таилось въ уродѣ «человѣка».

Меня такъ интересовала жизнь этихъ странныхъ, исключительныхъ созданій, что я не разъ забирался къ нимъ въ «караваны» и уходилъ изъ настоящей жизни въ ихъ ужас-

---

*) Жюль Валлесъ (1833—1885)—французскій писатель, публицистъ и политическій дѣятель. Его мать была крестьянка, а отецъ—школьный учитель. Все его дѣтство, вся молодость прошли въ нищетѣ. Излюбленный имъ типъ въ литературѣ—Un réfractaire, отщепенецъ, человѣкъ живущій внѣ общества, не признающій его оковъ и законовъ. Одно время Ж. Валлесъ издавалъ газету, подъ названіемъ „Улица", гдѣ проводилъ систематическое отрицаніе всѣхъ общественныхъ основъ. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ коммунѣ, былъ приговоренъ къ смертной казни и бѣжалъ въ Лондонъ, гдѣ и прожилъ до амнистіи 1881 г. Въ изгнаніи, а потомъ и въ Парижѣ онъ написалъ много романовъ и повѣстей, гдѣ, помимо литературнаго дарованія, ярко сіяетъ его любовь къ обездоленнымъ и независимымъ людямъ.

Прим. перев.

ную жизнь, полную комическихъ неожиданностей и безъимянныхъ героевъ.

На этотъ разъ балаганъ былъ бѣдный; сцену изображали нѣсколько досокъ, положенныхъ на гнилыхъ балкахъ; вѣтеръ игралъ полотняными стѣнами, и дождь проходилъ черезъ натянутый потолокъ.

Но актеры съ первой же секунды заинтересовали меня. Ихъ было только трое, и они выходили поочередно: паяцъ пѣлъ тонкимъ голосомъ «La belle Bourbonaise»; женщина съ томными глазами и грубыми руками жонглировала телѣжной осью, и, наконецъ, «чтобы имѣть честь поблагодарить почтенную публику», выходилъ великанъ.

Это былъ красивый малый, лѣтъ тридцати двухъ-тридцати пяти, съ грустнымъ смуглымъ лицомъ; генеральскій мундиръ онъ носилъ не безъ граціи.

Онъ обратился къ намъ съ рѣчью, разсказалъ, гдѣ онъ родился и вдругъ, перемѣнивъ тонъ, прибавилъ:

— Я получилъ образованіе и говорю на пяти языкахъ— я баккалавръ.

Въ аудиторіи, состоявшей изъ рабочихъ, солдатъ и нянекъ, почувствовалось движеніе.

Онъ продолжалъ:

— Можетъ быть, кто-нибудь захочетъ сдѣлать мнѣ честь спросить меня по англійски, итальянски, гречески, латыни или по французски. Я отвѣчу на любомъ изъ этихъ языковъ.

А паяцъ, появившійся въ это время на сценѣ, прибавилъ:

— Языки живые и мертвые, пожалуйте-ка сюда. Вонъ вы, господинъ съ книжкой!

Эта фраза относилась ко мнѣ: со мной была какая-то книга; толпа смотрѣла на меня насмѣшливо, и я былъ совсѣмъ сконфуженъ.

Любопытство и самолюбіе подстрекнули меня, и я занялъ мѣсто напротивъ такъ называемаго баккалавра. Я не знаю новыхъ языковъ,—акробаты научаются имъ во время своихъ путешествій,—я сталъ говорить съ нимъ на древнихъ языкахъ и вышелъ изъ сраженія уничтоженнымъ, побѣжденнымъ. Онъ зналъ наизусть Энеиду и могъ переводить Пиндара.

Зрители остались очень довольны моимъ смущеніемъ, заплатили по два су и разошлись. Я остался. Великанъ точно прочелъ мои мысли. Онъ повѣсилъ свою треуголку съ трехцвѣтнымъ плюмажемъ на крюкъ подъ самымъ потолкомъ и, сходя со сцены, обратился ко мнѣ:

— Вы, милостивый государь, спрашиваете себя: какъ баккалавръ можетъ быть «великаномъ» и какъ можно съ такимъ знаніемъ греческаго языка очутиться въ балаганѣ? Вы не понимаете, что это за исторія. Если хотите, я разскажу вамъ

ее. Приходите сегодня вечеромъ въ гостиницу «Ученой собаки» и ждите меня внизу въ кафе, я приду въ одиннадцать часовъ.

Въ эту минуту раздались звуки большого барабана.

— Мнѣ нужно опять забираться на мой тронъ,—сказалъ великанъ и прибавилъ тихо: —Значитъ, до вечера, а главное не болтайте объ этомъ.

Я вышелъ. Паяцъ на подмосткахъ балагана приставалъ къ женщинѣ-геркулесу и вдругъ поцѣловалъ ее... Черезъ разодранное полотно я увидалъ блѣдное, какъ у мертвеца, лицо великана.

Въ тотъ же вечеръ я пошелъ въ гостиницу «Ученой собаки». Великанъ не заставилъ себя ждать. Вмѣсто генеральской треуголки на немъ была потертая бархатная фуражка, а сверхъ красныхъ панталонъ—драное пальто.

— Пойдемте-ка мнѣ, если хотите. Моя комната наверху, подъ крышей; тамъ мы будемъ совсѣмъ одни и можемъ поговорить.

Я послѣдовалъ за нимъ; мы вошли въ чистую комнату въ пятомъ этажѣ, въ концѣ грязной лѣстницы. Проходя въ дверь, онъ наклонился и держался все время согнутымъ вдвое, пока не зажегъ свѣчку и не сѣлъ.

Я осмотрѣлся кругомъ. Ничто не напоминало балаганнаго артиста: на бѣлыхъ деревянныхъ полкахъ стояло нѣсколько книгъ съ зелеными и розовыми лентами вмѣсто закладокъ.

— Это мои школьныя награды. Хотите взглянуть на мой дипломъ? Онъ открылъ ящикъ и, когда сталъ шарить въ немъ, то наткнулся на медальонъ, который быстро подсунулъ подъ бумагу. Я не могъ видѣть, чей въ немъ портретъ, а онъ самъ сказалъ мнѣ:

— Это она—женщина-геркулесъ, вы ее видѣли въ балаганѣ... Еще Бетинэ тамъ поцѣловалъ ее сегодня! А теперь я буду разсказывать вамъ про себя. Садитесь поудобнѣе и слушайте меня, пока я вамъ не надоѣмъ. Я сказалъ вамъ въ моей балаганной рѣчи, что я родился на вершинѣ Альпъ отъ родителей-карликовъ, что насъ въ семьѣ семеро и что я самый маленькій изъ нихъ. На самомъ же дѣлѣ, я родился въ Коррезѣ, у меня нѣтъ братьевъ, и мои родители самые обыкновенные люди. Я окончилъ семинарію и выдержалъ на баккалавра въ Тулузѣ. Незадолго до того, какъ тянуть жребій для отбыванія воинской повинности, я, чтобы избѣжать военной службы, подписалъ на десять лѣтъ условіе на должность учителя. На другой же день я явился въ коллежъ, гдѣ мнѣ поручили младшій классъ.

Несчастные мальчишки страшно перепугались, когда увидали въ своей маленькой, залитой чернилами, комнатѣ такого длиннаго чорта, которому, казалось, и конца не было; но этотъ страхъ продолжался всего нѣсколько дней. Уже черезъ недѣлю они нисколько не боялись меня, насмѣхались надо мной и наложили мнѣ въ кровать такъ много конскаго волоса, а на мой стулъ—гороху, что меня перевели въ старшій классъ. Это было повышеніе. Я былъ обязанъ имъ, какъ это часто случается, моему неумѣнію поставить себя.

Я едва-едва помѣщался въ коллежѣ, стукался головой, входя въ классъ, дотрогивался до потолка, задѣвалъ за лампы. На всѣхъ церемоніяхъ только меня одного и было видно, директоръ даже завидовалъ мнѣ.

Но я всетаки былъ доволенъ: изъ моего маленькаго заработка я могъ помогать матери и, кромѣ того, я чувствовалъ себя полезнымъ. При моихъ скромныхъ требованіяхъ—этого было достаточно.

Когда являлись мои начальники — я съеживался. Чтобы имъ не приходилось подымать голову, я опускалъ свою и сгибался чуть не вдвое; надо мной смѣялись—мнѣ было все равно. Когда шутка кончалась—я выпрямлялся. Съ моей высоты я могъ и не слышать, какъ маленькіе глумились надо мной. Да вѣдь и во всемъ мірѣ такъ: вездѣ карлики мучаютъ гигантовъ.

Эти насмѣшки товарищей и учениковъ нисколько не огорчали меня,—скорѣе занимали. Но когда какая-нибудь дѣвушка или молодая женщина показывала на меня пальцемъ и говорила: «да ихъ двое—одинъ на другомъ»! или: «пари на что угодно: онъ деревянный», то у меня духъ захватывало, и сердце больно сжималось: оно у меня всегда было слишкомъ чувствительно для моего роста. А между тѣмъ молодость брала свое;—одиночество начинало тяготить меня. И какъ-то мнѣ пришла даже мысль сдѣлать предложеніе дочери одного изъ моихъ товарищей. Я пріодѣлся и захватилъ съ собой списокъ моихъ сбереженій. Дѣвушка захохотала мнѣ въ лицо, и я ушелъ отъ нея, пятясь и цѣпляясь волосами за притолку двери.

Это была первая и послѣдняя попытка, и я вернулся въ мое молчаливое одиночество.

Случалось, что мнѣ писали; въ надушенныхъ письмахъ мнѣ назначали свиданія; я шелъ на нихъ съ трепетомъ, а возвращался со стыдомъ; меня приглашали, какъ приглашаютъ урода, чтобы посмотрѣть, каковъ онъ вблизи.

Разъ или два мнѣ повторили приглашеніе, но я не принялъ его и ждалъ, чтобы какой-нибудь случай убавилъ мнѣ ростъ или какое-нибудь горе сгорбило бы меня.

Сколько разъ, когда вечеромъ я выходилъ подышать воздухомъ подъ старыми каштанами и когда исчезалъ «великанъ», а его замѣнялъ «человѣкъ»—я вытягивался во весь ростъ и протягивалъ руки къ небу. Подъ лунными лучами моя громадная тѣнь расплывалась на пескѣ и спугивала влюбленныя парочки, притаившіяся подъ деревьями...

Такъ шла моя жизнь. Были часы смиренія, были и часы грусти. И вотъ, въ одинъ изъ такихъ часовъ я услышалъ шумъ на улицѣ и высунулъ голову въ окно. Въ эту минуту Богъ рѣшилъ мою судьбу,—былъ ли онъ добръ ко мнѣ или жестокъ—я не знаю. Этой минутѣ я обязанъ тѣмъ, что пересталъ быть человѣкомъ, а сдѣлался курьезомъ. Конечно, это грустно! Но если мнѣ пришлось перенести ужасныя страданія, у меня также были и счастливѣйшія минуты. И какой бы уродъ я ни былъ, я всетаки не отдамъ моихъ страданій за то счастье, какимъ пользуются другіе!

По нашему городу проходила толпа бродячихъ артистовъ и, подъ звуки тромбона, объявляла, что съ завтрашняго дня на большой торговой площади начинаются представленія.

Три нѣмца въ зеленыхъ фуражкахъ дули въ трубы, барабанъ гремѣлъ, цимбалы звенѣли, тромбонъ наполнялъ воздухъ дикими звуками.

Появилась директриса труппы. Она докончила рѣчь паяца, расхвалила свою труппу,—труппу «Розиты Феррани»—и пообѣщала, что приложитъ всѣ старанія, чтобы заслужить одобреніе публики.

Я слушалъ ее скорѣе съ удивленіемъ, чѣмъ съ волненіемъ; но когда, по окончаніи рѣчи, она начала танцовать, аккомпанируя себѣ кастаньетами, затянутая въ своемъ черномъ бархатномъ лифѣ, съ полной грудью и голыми руками, съ улыбающимся ртомъ и развѣвающимися по вѣтру волосами—кровь забушевала во мнѣ. Горячая волна пробѣжала по моему лбу; грудь расширилась; все мое громадное существо затрепетало передъ этимъ олицетвореніемъ страсти и молодости.

Передо мной, какъ въ вихрѣ, сверкали и кружились серебряныя блестки на юбкѣ, діадема изъ голубыхъ бусъ, зеленыя ленты, красный шарфъ, и сердце мое билось отъ звука брелокъ, болтающихся на ея браслетахъ.

Наконецъ, она остановилась, запыхавшаяся, прекрасная и вся блѣдная той мягкой блѣдностью, которую вызываетъ усталость и довольство собой.

Она разсѣянно взглянула на меня и вдругъ удивленно стала разсматривать мой громадный ростъ. Я отвелъ глаза отъ нея

Несчастные мальчишки страшно перепуга
дали въ своей маленькой, залитой чернилами
длиннаго чорта, которому, казалось, и ко
этотъ страхъ продолжался всего нѣсколько
недѣлю они нисколько не боялись меня,
мной и наложили мнѣ въ кровать такъ
лоса, а на мой стулъ—гороху, что меня
классъ. Это было повышеніе. Я былъ о
часто случается, моему неумѣнію поста

Я едва-едва помѣщался въ колле
входя въ классъ, дотрогивался до пото
На всѣхъ церемоніяхъ только меня
ректоръ даже завидовалъ мнѣ.

Но я всетаки былъ доволенъ:
ботка я могъ помогать матери и
себя полезнымъ. При моихъ скро
было достаточно.

Когда являлись мои начальн
имъ не приходилось подымать го
бался чуть не вдвое; надо мной с
Когда шутка кончалась—я выпр
могъ и не слышать, какъ мале
вѣдь и во всемъ мірѣ такъ:
товъ.

Эти насмѣшки товарищей
чали меня,—скорѣе занимали
или молодая женщина пока
рила: «да ихъ двое—один
угодно: онъ деревянный»,
и сердце больно сжималось
комъ чувствительно для мо
брала свое; — одиночество
мнѣ пришла даже мысль
изъ моихъ товарищей. Я
сокъ моихъ сбереженій.
я ушелъ отъ нея, пятясь
двери.

Это была первая и
мое молчаливое одиночес

Случалось, что мнѣ
мнѣ назначали свиданія;
возвращался со стыдомъ;
урода, чтобы посмотрѣть,

Разъ или два мнѣ по
нялъ его и ждалъ, чтобы
ростъ или какое-нибудь

труппу изъ ученой лошади, паяца
уга мужа—и человѣка-змѣи; сама она
тяжести, представляла пантомиму и,
ла «женщиной безъ костей».
впервые выступила на площади уже
что, когда у нихъ не стало работы (они
лковой фабрикѣ въ Ліонѣ), мужъ сталъ
что поднималъ тяжести. Онъ занялъ у
камень и, получивъ разрѣшеніе, явился
ровать тяжестями». Съ тѣхъ поръ они
лись спать голодными и такъ какъ честной
а нихъ—имъ пришлось существовать этимъ
мъ: площадь оказалась великодушнѣе, чѣмъ

я узналъ объ ея прошломъ, вотъ все, что ей
казать про себя. Да не все ли равно? Будь
замараны грязью, или даже кровью—я, мо-
рблялъ бы ее, презиралъ, проклиналъ, но я ее
простилъ бы ей. Я любилъ ея голосъ, остав-
чистымъ, любилъ ея глаза, оставшіеся такими
этой порочной атмосферѣ, любилъ ея наивный
урномъ нарядѣ акробатки. Я обожалъ эту,—мо-
лицемѣрную,—наивность. Я помѣстилъ въ обтя-
тымъ трико грудь искательницы приключеній—
бящей женщины, которое мнѣ хотѣлось заставить
себя, и я забывалъ, съ кѣмъ имѣю дѣло. Впрочемъ,
ъ женщинъ, честность встрѣчается совсѣмъ не такъ
ъ объ этомъ думаютъ. То, что меня плѣнило въ
я встрѣчалъ разъ двадцать въ моей жизни. Какой-то
докъ обрекаетъ бродячихъ артистовъ на порокъ; они
тъ вѣчную участь всѣхъ бродягъ въ міровой исторіи:
иноватъ тотъ, кто ушелъ.
мірѣ акробатовъ добродѣтели не меньше, чѣмъ вездѣ, и
мнѣ, я видалъ женщинъ, дѣлавшихъ невозможные па
щади, но очень строгихъ за кулисами и совершенно цѣ-
нныхъ въ частной жизни.
озита все, какъ будто, не понимала меня, а я не смѣлъ
ся ей...
ду тѣмъ я худѣлъ не по днямъ, а по часамъ: мои
глаза блестѣли подъ блѣднымъ лбомъ, точно фонари
номъ шестѣ фонарщика, и я, въ моей широкой развѣ-
я одеждѣ, вечеромъ, въ полѣ, былъ похожъ на огородное

нецъ, Поваренокъ положилъ конецъ моему тяжелому
о: одна его грубая выходка вызвала развязку.
во время представленія, я былъ въ числѣ зрителей.

и отошелъ, а она въ это время показывала на меня своимъ музыкантамъ и паяцу.

На другой день, передъ вечерними классами, я отправился на представленіе, и... сталъ ходить каждый день; и каждый разъ, какъ она взглядывала на меня, я убѣгалъ со стыдомъ и мукой; на меня кричали тѣ, кому я мѣшалъ, уходя. Послѣ вечернихъ классовъ я шелъ въ поле; сердце мое билось и голова горѣла,—а еще говорятъ, что на вершинахъ прохладно!

Случай помогъ мнѣ; вѣрнѣе, я помогъ ему. Разъ, вечеромъ я очутился у городской стѣны, передъ громадной фурой, выкрашенной въ желтый цвѣтъ. Это было жилье артистовъ цирка. Моя голова была видна изъ за стѣны, и паяцъ, по прозвищу «Поваренокъ», указалъ на меня Розитѣ.

Увидѣвъ ее такъ близко передъ собой, я точно сталъ меньше на цѣлый футъ и весь покраснѣлъ. Меня привело сюда слѣпое желаніе; я самъ не сознавалъ, что дѣлаю, и не приготовилъ ни извиненій, ни объясненія моего появленія; я не зналъ, оставаться мнѣ или бѣжать. Она еще больше смутила меня тѣмъ, что узнала меня и улыбнулась! Но Поваренокъ бросилъ какой-то неприличный каламбуръ, ледъ растаялъ, и мы разговорились.

Я выдумалъ, что пишу книгу о странствующихъ акробатахъ, и прибавилъ, что, благодаря моему росту, я тоже отчасти принадлежу къ нимъ; я сказалъ, что посѣщаю всѣ пріѣзжія труппы и хотѣлъ бы описать также и труппу Розиты.

Я интересовался ими и въ то же время интересовалъ ихъ. Поваренокъ смѣрилъ меня; Розита показала мнѣ какой-то иллюстрированный журналъ, гдѣ былъ помѣщенъ ея портретъ съ маленькой біографіей. И, читая похвалы, расточаемыя ей не мною, а другимъ, я почувствовалъ ревность...

Я обѣщалъ опять придти къ нимъ и, дѣйствительно, уже каждый вечеръ, послѣ заката, я пробирался къ ихъ фурѣ и подъ предлогомъ, что мнѣ нуженъ матеріалъ, оставался у нихъ. Приходила Розита, веселая, кокетливая; отъ ея цыганскаго костюма оставался или завялый цвѣтокъ, или какая-нибудь фальшивая драгоцѣнность, или шарфъ; она разсказывала мнѣ про свои странствованія; я говорилъ ей про мои печали. Иногда я приносилъ ей стихи, она сочиняла къ нимъ мотивъ и пѣла ихъ, приплясывая; иногда она, вся запыхавшаяся, бросалась ко мнѣ на руки и сейчасъ же весело убѣгала отъ меня. Я не смѣлъ ее удерживать, не смотря на страстное желаніе... А она никогда, даже въ минуты этихъ случайныхъ ласкъ, не показала, что поняла меня...

Она разсказала мнѣ про себя, что она вдова; ея мужъ убился во время упражненій три мѣсяца тому назадъ въ одной голландской деревнѣ. Она собрала остатки его скуднаго со-

стоянія и организовала труппу изъ ученой лошади, паяца Поваренка—стараго друга мужа—и человѣка-змѣи; сама она танцовала, поднимала тяжести, представляла пантомиму и, когда было нужно, была «женщиной безъ костей».

Она сказала, что впервые выступила на площади уже двадцати лѣтъ, потому что, когда у нихъ не стало работы (они были рабочими на шелковой фабрикѣ въ Ліонѣ), мужъ сталъ добывать хлѣбъ тѣмъ, что поднималъ тяжести. Онъ занялъ у кого-то ось, досталъ камень и, получивъ разрѣшеніе, явился на площадь «жонглировать тяжестями». Съ тѣхъ поръ они уже никогда не ложились спать голодными и такъ какъ честной работы не хватало на нихъ—имъ пришлось существовать этимъ безъимяннымъ трудомъ: площадь оказалась великодушнѣе, чѣмъ фабрика.

Вотъ все, что я узналъ объ ея прошломъ, вотъ все, что ей угодно было разсказать про себя. Да не все ли равно? Будь ея лобъ или руки замараны грязью, или даже кровью—я, можетъ быть, оскорблялъ бы ее, презиралъ, проклиналъ, но я ее любилъ и все простилъ бы ей. Я любилъ ея голосъ, оставшійся такимъ чистымъ, любилъ ея глаза, оставшіеся такими нѣжными въ этой порочной атмосферѣ, любилъ ея наивный видъ въ мишурномъ нарядѣ акробатки. Я обожалъ эту,—можетъ быть, и лицемѣрную,—наивность. Я помѣстилъ въ обтянутую желтымъ трико грудь искательницы приключеній—сердце любящей женщины, которое мнѣ хотѣлось заставить биться для себя, и я забывалъ, съ кѣмъ имѣю дѣло. Впрочемъ, среди этихъ женщинъ, честность встрѣчается совсѣмъ не такъ рѣдко, какъ объ этомъ думаютъ. То, что меня плѣнило въ Розитѣ—я встрѣчалъ разъ двадцать въ моей жизни. Какой-то предразсудокъ обрекаетъ бродячихъ артистовъ на порокъ; они раздѣляютъ вѣчную участь всѣхъ бродягъ въ міровой исторіи: всегда виноватъ тотъ, кто ушелъ.

Въ мірѣ акробатовъ добродѣтели не меньше, чѣмъ вездѣ, и вѣрьте мнѣ, я видалъ женщинъ, дѣлавшихъ невозможные па на площади, но очень строгихъ за кулисами и совершенно цѣломудренныхъ въ частной жизни.

А Розита все, какъ будто, не понимала меня, а я не смѣлъ признаться ей...

Между тѣмъ я худѣлъ не по днямъ, а по часамъ: мои впавшіе глаза блестѣли подъ блѣднымъ лбомъ, точно фонари на длинномъ шестѣ фонарщика, и я, въ моей широкой развѣвающейся одеждѣ, вечеромъ, въ полѣ, былъ похожъ на огородное чучело.

Наконецъ, Поваренокъ положилъ конецъ моему тяжелому состоянію: одна его грубая выходка вызвала развязку.

Разъ, во время представленія, я былъ въ числѣ зрителей.

Дошла очередь до ученой лошади. Она сосчитала до десяти, указала который часъ, отвѣтила «да», когда ей предложили сахаръ, и «нѣтъ», когда ей показали палку.

— Ну, а теперь, лошадка, покажи-ка намъ, кто тутъ самый большой пьяница,—сказалъ Поваренокъ.

Лошадь обошла два или три раза кругомъ и послѣ небольшого колебанія остановилась передъ какимъ-то человѣкомъ съ краснымъ носомъ. Всѣ захохотали; красный носъ громче всѣхъ.

— А теперь покажи, гдѣ тутъ влюбленный?—сказалъ Поваренокъ, взглянувъ на Розиту.

Она поблѣднѣла; я чувствовалъ, что и самъ поблѣднѣлъ.

Два раза лошадь какъ будто хотѣла подойти ко мнѣ; я весь дрожалъ; проходя третій разъ, лошадь прямо остановилась противъ меня.

Я искалъ глазами Розиту; она спряталась, а мнѣ некуда было дѣться; я покраснѣлъ до ушей и дрожалъ съ головы до ногъ.

Опять всѣ расхохотались. На меня посыпались гиканья, мнѣ бросали яблоки и, если бы тотъ же Поваренокъ не схватилъ за хвостъ забѣжавшую на арену собаку, я такъ и не двинулся бы съ мѣста.

Толпа сейчасъ же забыла меня и стала смѣяться надъ собакой, а я ушелъ, ускоряя шаги: съ моими ногами вѣдь двигаешься быстро! Скоро я былъ дома.

Какъ только я пришелъ домой — слезы хлынули у меня изъ глазъ. Я плакалъ, какъ маленькій. Мои громадныя руки были мокры отъ слезъ, и я не могъ разглядѣть глазъ въ моемъ разбитомъ зеркалѣ; я сѣлъ у окна, выходящаго на кладбище, и подставилъ подъ вѣтеръ мокрое лицо. Я долго сидѣлъ такъ, подпершись рукой, и пилъ полной грудью вечерній воздухъ.

Этотъ потокъ слезъ точно затопилъ мою память; только какое-то смутное воспоминаніе о грустныхъ впечатлѣніяхъ дня плавало на поверхности.

Было поздно. Фонарщикъ давно прошелъ; мои сосѣди— безсемейные рабочіе—вернулись домой; я растянулся на постелѣ и лежалъ въ оцѣпенѣніи отъ горя и усталости.

Вдругъ я очнулся: кто-то постучалъ въ мою дверь.

— Кто тамъ?—спросилъ я, удивленно.

Мнѣ не отвѣчали. Я повторилъ вопросъ. Тоже молчаніе.

Вдругъ у меня блеснула мысль, вся кровь прилила къ сердцу, я ощупью добрался до двери и отворилъ.

— Это я,—сказалъ чей-то голосъ, и я весь задрожалъ.

— Вы?

— Я видѣла, какъ вы плакали. Тише, на мнѣ мое ожерелье съ побрякушками.

На другой день я не пошелъ въ классъ, а Розита не участвовала въ представленіи.

Весь день она просила прощенія за Поваренка, а я, когда она уходила, высыпалъ въ ея карманъ всю сахарницу.

— Это для ученой лошадки,—сказалъ я, улыбаясь.

— А это тебѣ,—сказала она, отдавая мнѣ ожерелье.

И великанъ, постукивая по комоду, сказалъ: «Оно здѣсь!»

Затѣмъ онъ продолжалъ:

Розита стала ходить ко мнѣ, и я бывалъ въ ихъ баракѣ. Я проводилъ тамъ ночи подъ досчатымъ потолкомъ, а рядомъ со мной стонали и вопили и люди, и звѣри, но громче всѣхъ, жалобнѣе всѣхъ стонала во мнѣ моя дикая ревность.

Вѣдь до меня она любила другихъ и, цѣлуя меня, великана, можетъ быть, эта цыганка думала о какомъ нибудь другомъ, уже умершемъ великанѣ. Какъ знать, можетъ быть, она была любовницей какихъ нибудь ужасныхъ уродовъ и прижимала къ своему сердцу головы, въ которыхъ не было ничего человѣческаго. Но это было бы, пожалуй, лучше. Въ моихъ мрачныхъ мысляхъ о прошломъ мнѣ легче было думать, что мои предшественники были хуже меня, чѣмъ подозрѣвать, что она отдавала свою красоту человѣку, память о которомъ я не въ состояніи былъ бы затмить.

Я говорилъ ей иногда о моихъ страхахъ; она съ хохотомъ бросалась мнѣ на шею.

Между тѣмъ вся моя жизнь измѣнилась; въ коллежѣ замѣтили это; къ довершенію несчастья, какъ-то вечеромъ меня встрѣтили съ ней въ полѣ и узнали насъ. Въ городѣ заговорили, раздули, разсказывали, что видѣли меня въ костюмѣ акробата, поднимающаго тяжести и дрессирующаго теленка съ двумя головами.

Ученики рисовали меня дикаремъ, одѣтымъ въ перья, рядомъ съ Розитой. Директоръ позвалъ меня и потребовалъ, чтобы я прекратилъ всѣ эти разговоры радикальнымъ измѣненіемъ моихъ привычекъ, иначе я долженъ выйдти въ отставку.

Я ушелъ отъ него взволнованный, ошеломленный; эта угроза открыла мнѣ глаза на мое положеніе; я увидѣлъ все безуміе моего поведенія, увидалъ пропасть, на краю которой я очутился.

Въ этотъ вечеръ я долженъ былъ идти въ балаганъ и не пошелъ.

На другой день кто-то постучалъ ко мнѣ въ дверь; я узналъ сигналъ Розиты и не отворилъ; она ушла.

Я не видалъ ее два дня; первый день я боялся даже услышать о ней что нибудь и клялся себѣ, что между нами все кончено; на второй день я каждую минуту ждалъ, что она придетъ, считалъ секунды, весь горѣлъ, какъ въ огнѣ, отъ отчаянія и ревности.

И у меня не хватило силъ бороться, я побѣжалъ, почти среди бѣлаго дня, къ ней въ караванъ.

Она сдѣлала удивленный видъ и спросила, не съ ума ли я сошелъ?

— Да!—крикнулъ я и бросился къ ея ногамъ.

Она подняла меня съ какой-то жалостью, вошла въ фуру и затворила за собою дверь.

Я стучалъ, она не отворяла.

— А вы мнѣ отворили?—спросила она черезъ маленькое окошечко съ зелеными ставнями.

Я бросился со слезами въ объятія человѣка-змѣи. Я хотѣлъ подкупить Поваренка; я унижался, я подличалъ.

Наконецъ, меня простили, и я вошелъ.

Когда, на другое утро, я уходилъ отъ нея, я уже былъ погибшимъ навсегда. Она отнеслась ко мнѣ высокомѣрно; я умолялъ ее и все сказалъ ей. И цѣпь—крѣпкая и короткая цѣпь, какъ та, которой была привязана собака къ ея фурѣ—приковала меня навсегда.

— Мы уѣзжаемъ въ воскресенье,—объявила мнѣ она.

— Уѣзжаете? А я? Что же будетъ со мной?

— Ты останешься, найдешь другую, если,—прибавила она смѣясь,—не захочешь ѣхать съ нами...

Я ничего не отвѣтилъ, но черезъ два дня я помогалъ Поваренку завязывать сундуки и изранилъ себѣ плечо, сдвигая съ мѣста увязшую фуру.

Въ эту же ночь я правилъ лошадьми по большой дорогѣ, освѣщенной луной.

II.

Если вы хотите слушать меня дальше, сказалъ Великанъ, переводя духъ, пойдемте со мной въ этотъ любопытный міръ, такъ мало знакомый вашимъ писателямъ и такъ оклеветанный молвой. Я хорошо знаю и его странныя радости, и его смѣшныя тайны; то, что я вамъ разскажу, — все истинная правда: я испыталъ ее или, по крайней мѣрѣ, видѣлъ; я этимъ жилъ, отъ этого и умру.

Ну-съ, такъ какъ мы говорили о дорогѣ, то и начнемъ съ путешествія.

Вы, конечно, видали, какъ переѣзжаетъ такой караванъ—

поэтическое названіе этого походнаго дома бродячихъ артистовъ. Это совершенно фургонъ ссыльныхъ. Иногда окошечко этой передвижной тюрьмы пріотворяется, и изъ него вылѣзаетъ какая нибудь странная голова — это значитъ, что одинъ изъ жильцовъ захотѣлъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Завтра онъ уже долженъ будетъ прятаться, а здѣсь, въ тишинѣ, на пустынной дорогѣ, онъ можетъ еще взглянуть на небо, никто не увидитъ его... кромѣ милосерднаго Бога, создавшаго его уродомъ.

Порою изъ фургона слышится ворчаніе или крикъ: это какое нибудь курьезное животное (двуногое или четвероногое) проситъ ѣсть.

При въѣздѣ въ городъ фургонъ останавливается у заставы, лошадь привязывается веревкой къ дереву, тамъ, гдѣ трава посвѣжѣе. Лошадь грызетъ корни и лижетъ землю. Дѣти собираютъ зеленыя вѣтви для конюшни и сухія для кухни; затѣмъ разводится огонь и готовится поѣсть, что найдется.

Уродовъ почистятъ, ребятишекъ заставятъ покривляться, потомъ всѣ запрячутся въ фуру, задернутъ занавѣски и лягутъ спать.

Съ восходомъ солнца снова трогаются въ путь. На слѣдующій день—ярмарка, надо найти мѣсто для представленія, явиться къ мэру, поставить балаганъ, начать работать и зарабатывать.

Таковъ караванъ начинающихъ или кончающихъ карьеру, это колыбель или могила. Караванъ достигшихъ славы — совсѣмъ другое. Въ ихъ фуру запряжены лошади, имѣвшія честь работать передъ коронованными особами, у нихъ есть и спальня, и кухня, и салонъ для пріема посѣтителей. Есть еще третій родъ артистовъ,—тѣ, которые носятъ на себѣ все имущество. Такой акробатъ идетъ съ ящикомъ за спиной и ведетъ за собой медвѣдя, обезьянку или ребенка... На немъ кожаные башмаки, панталоны буфами и розовое трико, а сверху надѣта синяя блуза. Глаза у него тусклые, желудокъ пустой; случается, что онъ по цѣлымъ днямъ ничего не ѣстъ. Иногда онъ странствуеттъ цѣлой семьей: жена въ лохмотьяхъ, босые ребятишки.

Онъ нюхаетъ воздухъ, смотритъ на горизонтъ. Подулъ вѣтеръ и небо покраснѣло... что, если завтра будетъ дождь?

Дождь—это врагъ, это нищета, это голодъ. На площадяхъ не будетъ народу, на ярмаркахъ не будетъ гуляющихъ. Если бы вы знали, какъ въ нашей жизни много значитъ небо!

И я жилъ такъ четыре года. Сначала любителемъ, какъ русскій князь, влюбленный въ наѣздницу; позже — для заработка и для того, чтобы не разставаться съ «ней».

Я неизбѣжно долженъ былъ придти къ этому, и мое паденіе не было неожиданностью.

Когда я уѣхалъ, у меня была тысяча франковъ, ихъ хватило мнѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ одинъ прекрасный день я увидалъ, что у меня остался одинъ золотой. Что дѣлать? Я до тѣхъ поръ не думалъ объ этомъ. Теперь приходилось подумать. Разстаться съ ней, вернуться домой въ деревню? Еще было не поздно....

И я сдѣлалъ попытку. Въ тотъ же вечеръ я убѣжалъ домой, что было силъ. И пробѣжалъ уже два лье... Но цѣпь была слишкомъ крѣпка и прикована прямо къ сердцу. Я вдругъ остановился. Я смотрѣлъ туда, въ поле, на бѣлую дорогу, на зеленыя деревья и сознавалъ, что стоило мнѣ пройти нѣсколько часовъ, и я былъ бы у себя въ деревнѣ, у моей старой матери.

Я вернулся!

Я вернулся на ярмарку и пробрался въ фуру, а на слѣдующее утро, какъ трусъ, навралъ что-то. Впрочемъ, Розита и не разспрашивала меня; и я остался.

Поѣздка была прибыльна, труппѣ Феррани везло, и къ старому персоналу было прибавлено еще нѣсколько номеровъ. И я пользовался этими благами, жилъ, питаясь за общимъ столомъ.

Стыдъ, что я ѣмъ даровой хлѣбъ, заставлялъ меня пріискивать, чѣмъ бы мнѣ отплатить имъ; вечеромъ я помогалъ прибивать доски, натягивать полотно, навѣшивать вывѣски.

Но вдругъ вѣтеръ перемѣнился. Дождь, ужасный дождь потопилъ всю удачу труппы, и мы скоро дошли до того, что промѣняли здоровую крѣпкую лошадь, возившую нашу фуру, на слѣпого коня, котораго надо было тащить подъ уздцы.

Розита ничего не говорила: можетъ быть, она еще считала себя богатой? Можетъ быть, ей было стыдно? Жалко? Я не смѣлъ объяснять себѣ ея молчаніе.

А между тѣмъ, въ сосѣднемъ балаганѣ умеръ отъ голода ребенокъ-колоссъ. Въ ихъ фургонѣ никто не ѣлъ уже два дня, и послѣднія крохи отдавались этому двуногому животному, главной опорѣ труппы, послѣдней надеждѣ на заработокъ.

Для поддержанія жизни въ этой массѣ живого тѣла нужно было бросать въ нее, какъ въ печь, громадные куски свѣжаго мяса и много, много хлѣба; денегъ не было, не было ни мяса, ни хлѣба, и вечеромъ колоссъ испустилъ свою маленькую душу.

Эта новость навела ужасъ на труппу Розиты, а вечеромъ за столомъ наши уроды смотрѣли на меня со злобой. Вѣдь я, презрѣнный, ѣлъ ихъ долю, ихъ урѣзывали въ пищѣ, чтобы накормить меня. Теперь я обязанъ былъ уйти.

Но было ли это возможно?

Уйти, какъ уходитъ собака, когда нѣтъ больше кости; уйти, когда уже подползъ голодъ, уйти, не расплатившись, какъ уходитъ неблагодарный, какъ подлецъ?

Я остался и даже теперь, послѣ столькихъ страданій, пережитыхъ мною изъ-за того, что я не ушелъ тогда — я не раскаяваюсь, что остался. Надо было, во чтобы то ни стало, избавить Розиту отъ ярма нищеты, а самому мнѣ избавиться отъ еще болѣе тяжелаго ярма: неблагодарности.

Я отъ отчаянія разрыдался. Розита услыхала мои рыданія и подошла ко мнѣ.

Я бросился къ ней въ объятія, какъ ребенокъ, умолялъ ее простить меня; признался ей въ моихъ мукахъ.

— Я знаю,—отвѣтила она и прибавила грустно:—ты долженъ ѣхать домой, къ матери.

Слово «ѣхать», сказанное ею самой, вмѣсто того, чтобы оттолкнуть, еще больше привязало меня. Я, какъ утопающій, ухватился за мою больную любовь и умолялъ Розиту оставить меня у себя.

Она согласилась, и я спросилъ ее:

— Но какъ?

— Есть средство, сказала она.

— Какое?

Она поколебалась съ минуту, пристально посмотрѣла на меня и сказала:

— Стань великаномъ.

Великаномъ? Неужели я учился, переводилъ Виргилія и читалъ Платона для того, чтобы стать великаномъ и показываться за деньги: «по три су съ персоны, а съ господъ военныхъ и нянекъ по два су»?

А между тѣмъ, что же оставалось дѣлать? Такимъ путемъ я могъ не разставаться съ Розитой и вмѣсто того, чтобы быть ей въ тягость, могъ привлекать зрителей и выплатить ей то, что я ей стоилъ. Я переставалъ быть только любовникомъ, я становился почти мужемъ.

А что требовалось для всего этого? Только одѣться генераломъ, надѣть треуголку и положить двойные каблуки въ сапоги.

И уже въ слѣдующее воскресенье на ярмаркѣ въ Ториньи публикѣ было объявлено, что она увидитъ «самаго большого человѣка нашего столѣтія».

— Повѣрите ли?—сказалъ великанъ, и его лицо просіяло,— это рѣшеніе не очень огорчило меня; первое время было совсѣмъ не такъ тяжело, какъ можно было ожидать. Мнѣ было почти весело. Я уже принаровился къ этой жизни, а послѣдній мѣсяцъ въ баракѣ меня и смирилъ, и многому научилъ;

кромѣ того, вѣдь, очень скоро пріучаешься презирать ту толпу, которую при нашемъ ремеслѣ приходится надувать.

Страхъ, что меня узнаетъ кто нибудь — исчезъ вмѣстѣ съ моими длинными волосами и свѣтлой бородой, и самый бойкій изъ моихъ учениковъ не узналъ бы въ ярмарочномъ великанѣ своего прежняго учителя. Я жилъ спокойно подъ моей маской и могъ отдаться всецѣло моей дикой любви.

Я позировалъ передъ публикой и изъ сцены нерѣдко дѣлалъ каѳедру древнихъ и новыхъ языковъ, смущая грязныхъ школьниковъ и глупыхъ преподавателей; толпа мнѣ апплодировала, и на каждой ярмаркѣ я на цѣлый мѣсяцъ становился знаменитостью.

Въ нашемъ мірке я былъ орломъ; я давалъ совѣты, редактировалъ обращенія къ публикѣ, составлялъ пьесы и пародіи для паяцовъ; женщины нѣжно посматривали на меня и завидовали Розитѣ.

Она гордилась мной и баловала меня ласками.

— Какой ты у меня ученый!—говорила мнѣ она, взбираясь къ моему лицу.

Я сгибался, насколько могъ, и цѣловалъ ее.

Въ это время она готовилась быть матерью. Это было большою радостью для всей труппы. Мы уже были почти богаты; счастливое будущее открывалось передъ нами.

— Только бы у нихъ родился уродецъ,—говорили сосѣди,— тогда они обезпечены! Если бы она могла устроить себѣ ребенка-рыбу.

Благодаря Бога, у нея родилась дѣвочка, хорошенькая, какъ амуръ, и прямая, какъ палочка; ее окрестили честь-честью и дали ей имя въ церкви Розита, а въ баракѣ Віолета, то есть скромный цвѣточекъ. Потомъ я вамъ разскажу, что съ ней сталось...

Великанъ провелъ рукой по лбу, точно желая отогнать грустное воспоминаніе, и продолжалъ:

Мы были тогда на востокѣ Франціи, затѣмъ проѣхали черезъ Бельгію и Голландію, и я всюду имѣлъ громадный успѣхъ. Розита не выступала на аренѣ, а въ обыкновенномъ платьѣ стояла у входа и зазывала народъ: у насъ это называется «лаять».

И она лаяла, какъ англійская собака, и лихо выкрикивала эффектныя фразы, придуманныя мною наканунѣ, въ фурѣ, пока она подсчитывала выручку или починяла лохмотья заснувшихъ «чудесъ».

Наша труппа все увеличивалась, и наша фирма пріобрѣла извѣстность. Къ нашимъ артистамъ мы еще прибавили «человѣка-скелета». Когда отдергивался занавѣсъ, за которымъ онъ

корчился въ агоніи—я видѣлъ, какъ даже мужчины блѣднѣли и въ ужасѣ хватались за головы.

Черный, изсохшій призракъ, у котораго при всякомъ движеніи кости стукались одна о другую — переворачивалъ всю душу однимъ только своимъ возгласомъ:

— Я цѣлыхъ десять лѣтъ не сплю.

Въ дѣйствительности-то онъ спалъ.

Разъ, въ Голландіи, мы ѣхали вмѣстѣ на пароходѣ. Я все сидѣлъ, чтобы скрыть свой ростъ; «человѣкъ-скелетъ» прятался у моихъ ногъ, подъ парусомъ.

На пароходѣ знали, кто онъ такой, и кругомъ говорили про него: спорили о его безсонницахъ, держали пари за и противъ.

И вдругъ, во время спора изъ-подъ паруса раздался монотонный и правильный звукъ, звукъ знакомый и заставившій всѣхъ прислушаться.

— Это храпитъ скелетъ,—крикнули въ толпѣ.

И мы знали, что это онъ храпитъ. Розита вытащила изъ кармана перочинный ножикъ и ткнула имъ въ кость урода; онъ вскочилъ, инстинктомъ понявъ въ чемъ дѣло, уставилъ глаза, обращаясь къ испуганной публикѣ, и произнесъ свою всегдашнюю, мрачную рѣчь; падая изнеможенный, онъ закончилъ ее всегдашними словами:

— Я не сплю уже десять лѣтъ.

Тайна его безсонницы была въ его ужасной силѣ воли и въ его удивительной энергіи. Въ этомъ трупѣ была живая душа; это привидѣніе было живымъ человѣкомъ. Онъ умѣлъ такъ лгать, что всякое терпѣніе лопалось, и даже умные люди попадались на его ложь; онъ заставлялъ сомнѣваться скептиковъ и ученыхъ; онъ обманывалъ полицію и дурачилъ науку.

Только мы, да его возлюбленная—видѣли, какъ онъ спитъ.

— Его возлюбленная?—съ удивленіемъ спросилъ я великана.

— Да, возлюбленная, отъ которой у него были дѣти. Онъ билъ ее, когда, по вечерамъ, она прятала отъ него водку, а водка была масломъ для этой лампы, и одна только поддерживала его вѣчную агонію. Если бы онъ не имѣлъ слабостей, онъ, можетъ быть, жилъ бы и до сихъ поръ: онъ умеръ оттого, что слишкомъ много пилъ и слишкомъ много любилъ.

Намъ было очень жаль его, такъ какъ онъ почти обогатилъ насъ.

На другой же день послѣ его похоронъ, Барнумъ, великій Барнумъ, котораго вы знаете только по книгамъ, а съ которымъ намъ приходилось не разъ сталкиваться, предложилъ мнѣ дикарей, и на этотъ разъ настоящихъ дикарей; онъ оторвалъ

ихъ отъ родины и таскалъ на показъ подъ грустнымъ небомъ Европы.

Ихъ было восемь человѣкъ, подъ предводительствомъ стараго негра; онъ одинъ только могъ разговаривать съ ними на какомъ-то особенномъ языкѣ, изученномъ имъ на кораблѣ, гдѣ, между прочимъ, онъ убилъ капитана и изувѣчилъ лейтенанта. Человѣкъ жестокій и холодный—онъ палкой управлялъ этимъ отрядомъ ссыльныхъ.

Въ сущности эти сыны дальнихъ лѣсовъ были и не красивы, и очень мрачны.

Для того, чтобы замѣнить имъ палящее солнце ихъ родины, надо было постоянно поддерживать кругомъ нихъ костры, около которыхъ они жарили свои исхудавшія руки и ноги.

Кромѣ того, надо было поддерживать постоянный огонь въ нихъ самихъ и поить ихъ джиномъ, иначе они начинали рычать. И негру—ихъ переводчику—доставляло особое наслажденіе раздражать ихъ мрачную разнузданность. Если я отказывалъ имъ въ джинѣ—негръ возвращался къ своимъ рабамъ, безмолвнымъ и униженнымъ, а на слѣдующую ночь нашъ баракъ наполнялся ужасными криками, страшными воплями; это караибы, понукаемые своимъ чернымъ толмачемъ, просили табаку или джину... Пприходилось уступать, иначе они разнесли бы и свою тюрьму, и сторожей.

Но всетаки, съ караибами и со мной,—я все еще показывался, какъ великанъ,—труппа дѣлала довольно хорошія дѣла, и все шло бы прекрасно, если бы мы могли отдѣлаться отъ негра-убійцы.

Я какъ-то сказалъ ему, чтобы онъ уходилъ отъ насъ. Въ тотъ же вечеръ весь баракъ запылалъ. Караибы дико ревѣли; ихъ пришлось силой гнать изъ пламени, какъ медвѣдей; весь нашъ бѣдный караванъ погибъ: костюмы, декораціи, аксессуары,—все исчезло въ огнѣ вплоть до бумажника съ нѣсколькими банковыми билетами; я бросился за нимъ въ огонь, но не могъ спасти; и въ ту минуту, когда я вскочилъ въ этотъ пылающій костеръ, передо мной мельнули улыбающіяся черныя губы и громадные зрачки негра.

Я отдамъ голову на отсѣченіе, что это его рукъ дѣло. Онъ поклялся тамъ, на своей великой рѣкѣ, на краю какой нибудь могилы—въ ненависти, въ вѣчной ненависти къ бѣлымъ.

Послѣ пожара мы остались безъ гроша, безо всего, даже безъ костюмовъ, такъ что не могли продолжать нашего дѣла. Мы отпустили негра и дикарей, потому что намъ было нечѣмъ платить имъ и кормить ихъ; мы продали нашу слѣпую лошадь. Несчастное животное! Когда мы уходили отъ нея, она точно чувствовала, что мы разстаемся навсегда; она со

стономъ повернула въ нашу сторону свое громадные потухшіе глаза, и въ нихъ сверкнули слезы...

Тутъ для насъ настала жизнь, полная комическихъ лишеній, но я съ радостью вновь пережилъ бы ее! Какое это было счастливое время, когда у Розиты было только одно утѣшеніе—я, только одинъ источникъ дохода—мои два метра сорокъ сантиметровъ.

Когда, въ первый вечеръ послѣ пожара, мы остались одни, намъ было очень тяжело, но какъ только затворилась дверь чердака, куда мы принесли наши послѣднія лохмотья, она бросилась ко мнѣ на шею и сказала:

— Ну, что же, мой большой?

Эти слова, сказанныя грустнымъ голосомъ, наполнили мое сердце радостью. И я не отдамъ ни за какія богатства въ мірѣ воспоминаніе о томъ, какъ мы жили послѣ нашего разоренія.

На слѣдующій же день я раскрасилъ Розиту.

Я сдѣлалъ изъ нея австралійку, украденную пиратами; а самъ бросилъ мои мертвые языки и сдѣлался просто патагонцемъ, ея вожатымъ, котораго одного она понимала и слушалась.

Все это долженъ былъ выкрикивать у двери балагана нашъ вѣрный старый другъ—Поваренокъ. Благодаря его зазыванію и выдуманному нами какому-то языку, мы съ Розитой могли жить, весело посмѣиваясь надъ нашей публикой.

Иногда намъ страшно хотѣлось смѣяться; тогда Розита отворачивалась и рычала, кричала, ворчала и, чтобы заглушить смѣхъ, грызла сырого цыпленка. Я наклонялся яко бы затѣмъ, чтобы успокоить ее, и мы оба чуть не задыхались отъ смѣха.

Но мнѣ не всегда было смѣшно: какъ тяжело вздыхалъ я, когда мнѣ приходилось подкрашивать Розиту; я красилъ ее, какъ дверь: горшокъ съ краской въ одной рукѣ и кисть въ другой. Я долженъ былъ размазывать ея милое тѣло черной краской и продѣть въ ея розовый носикъ кольцо. Я долженъ былъ смотрѣть, какъ она извивалась, точно дикій звѣрь, какъ она жевала табакъ и глотала огонь. Нашимъ поцѣлуямъ насталъ конецъ. Вотъ этого горя не пожелаю я никому: раскрашивать любимую женщину и бояться прикоснуться къ ней, какъ къ свѣже-выкрашенной стѣнѣ!

Все шло хорошо, но разъ, вечеромъ намъ съ Розитой пришло желаніе погулять за городомъ и подышать воздухомъ полей и лѣса. Мнѣ захотѣлось увидать Розиту опять свѣжей и кокетливой, какой она была прежде.

Въ десяти минутахъ отъ нашей палатки протекала рѣка. Розита закуталась въ плащъ, пошла къ рѣкѣ и бросилась сво-

ихъ отъ родины и таскалъ на показъ подъ грустнымъ небомъ Европы.

Ихъ было восемь человѣкъ, подъ предводительствомъ стараго негра; онъ одинъ только могъ разговаривать съ ними на какомъ-то особенномъ языкѣ, изученномъ имъ на кораблѣ, гдѣ, между прочимъ, онъ убилъ капитана и изувѣчилъ лейтенанта. Человѣкъ жестокій и холодный—онъ палкой управлялъ этимъ отрядомъ ссыльныхъ.

Въ сущности эти сыны дальнихъ лѣсовъ были и не красивы, и очень мрачны.

Для того, чтобы замѣнить имъ палящее солнце ихъ родины, надо было постоянно поддерживать кругомъ нихъ костры, около которыхъ они жарили свои исхудавшія руки и ноги.

Кромѣ того, надо было поддерживать постоянный огонь въ нихъ самихъ и поить ихъ джиномъ, иначе они начинали рычать. И негру—ихъ переводчику—доставляло особое наслажденіе раздражать ихъ мрачную разнузданность. Если я отказывалъ имъ въ джинѣ—негръ возвращался къ своимъ рабамъ, безмолвнымъ и униженнымъ, а на слѣдующую ночь нашъ баракъ наполнялся ужасными криками, страшными воплями; это караибы, понукаемые своимъ чернымъ толмачемъ, просили табаку или джину... Псриходилось уступать, иначе они разнесли бы и свою тюрьму, и сторожей.

Но всетаки, съ караибами и со мной,—я все еще показывался, какъ великанъ,—труппа дѣлала довольно хорошія дѣла, и все шло бы прекрасно, если бы мы могли отдѣлаться отъ негра-убійцы.

Я какъ-то сказалъ ему, чтобы онъ уходилъ отъ насъ. Въ тотъ же вечеръ весь баракъ запылалъ. Караибы дико ревѣли; ихъ пришлось силой гнать изъ пламени, какъ медвѣдей; весь нашъ бѣдный караванъ погибъ: костюмы, декораціи, аксессуары,—все исчезло въ огнѣ вплоть до бумажника съ нѣсколькими банковыми билетами; я бросился за нимъ въ огонь, но не могъ спасти; и въ ту минуту, когда я вскочилъ въ этотъ пылающій костеръ, передо мной мелькнули улыбающіяся черныя губы и громадные зрачки негра.

Я отдамъ голову на отсѣченіе, что это его рукъ дѣло. Онъ поклялся тамъ, на своей великой рѣкѣ, на краю какой нибудь могилы—въ ненависти, въ вѣчной ненависти къ бѣлымъ.

Послѣ пожара мы остались безъ гроша, безо всего, даже безъ костюмовъ, такъ что не могли продолжать нашего дѣла. Мы отпустили негра и дикарей, потому что намъ было нечѣмъ платить имъ и кормить ихъ; мы продали нашу слѣпую лошадь. Несчастное животное! Когда мы уходили отъ нея, она точно чувствовала, что мы разстаемся навсегда; она со

стономъ повернула въ нашу сторону свое громадные потухшіе глаза, и въ нихъ сверкнули слезы...

Тутъ для насъ настала жизнь, полная комическихъ лишеній, но я съ радостью вновь пережилъ бы ее! Какое это было счастливое время, когда у Розиты было только одно утѣшеніе—я, только одинъ источникъ дохода—мои два метра сорокъ сантиметровъ.

Когда, въ первый вечеръ послѣ пожара, мы остались одни, намъ было очень тяжело, но какъ только затворилась дверь чердака, куда мы принесли наши послѣднія лохмотья, она бросилась ко мнѣ на шею и сказала:

— Ну, что же, мой большой?

Эти слова, сказанныя грустнымъ голосомъ, наполнили мое сердце радостью. И я не отдамъ ни за какія богатства въ мірѣ воспоминаніе о томъ, какъ мы жили послѣ нашего разоренія.

На слѣдующій же день я раскрасилъ Розиту.

Я сдѣлалъ изъ нея австралійку, украденную пиратами; а самъ бросилъ мои мертвые языки и сдѣлался просто патагонцемъ, ея вожатымъ, котораго одного она понимала и слушалась.

Все это долженъ былъ выкрикивать у двери балагана нашъ вѣрный старый другъ—Поваренокъ. Благодаря его зазыванію и выдуманному нами какому-то языку, мы съ Розитой могли жить, весело посмѣиваясь надъ нашей публикой.

Иногда намъ страшно хотѣлось смѣяться; тогда Розита отворачивалась и рычала, кричала, ворчала и, чтобы заглушить смѣхъ, грызла сырого цыпленка. Я наклонялся яко бы затѣмъ, чтобы успокоить ее, и мы оба чуть не задыхались отъ смѣха.

Но мнѣ не всегда было смѣшно: какъ тяжело вздыхалъ я, когда мнѣ приходилось подкрашивать Розиту; я красилъ ее, какъ дверь: горшокъ съ краской въ одной рукѣ и кисть въ другой. Я долженъ былъ размазывать ея милое тѣло черной краской и продѣть въ ея розовый носикъ кольцо. Я долженъ былъ смотрѣть, какъ она извивалась, точно дикій звѣрь, какъ она жевала табакъ и глотала огонь. Нашимъ поцѣлуямъ насталъ конецъ. Вотъ этого горя не пожелаю я никому: раскрашивать любимую женщину и бояться прикоснуться къ ней, какъ къ свѣже-выкрашенной стѣнѣ!

Все шло хорошо, но разъ, вечеромъ намъ съ Розитой пришло желаніе погулять за городомъ и подышать воздухомъ полей и лѣса. Мнѣ захотѣлось увидать Розиту опять свѣжей и кокетливой, какой она была прежде.

Въ десяти минутахъ отъ нашей палатки протекала рѣка. Розита закуталась въ плащъ, пошла къ рѣкѣ и бросилась сво-

имъ измазаннымъ тѣломъ въ ея свѣтлыя волны. Немного ниже прачки полоскали бѣлье; они увидѣли Розиту, узнали ее, стали кричать, что она перепачкала имъ бѣлье, испортила рѣку и стали осыпать ее ругательствами и грязью. Вступились и мужчины.

Я хотѣлъ броситься въ толпу, схватить одного изъ крикуновъ, оскорблявшихъ ее, и переломать ему ребра. Но я боялся жандармовъ, боялся ареста, а главное, я замиралъ при одной только мысли, что меня разлучатъ съ Розитой. Я схватилъ ее на руки и мы спрятались въ темнотѣ. Я не зналъ, что съ нами будетъ дальше. Она полунагая, я—одѣтый генераломъ и безъ шапки! Мы не смѣли вернуться въ нашу палатку, гдѣ насъ могли бы схватить и даже убить. Поваренку, оставшемуся тамъ, было не легко выпутаться изо всего этого.

Съ этого дня онъ рѣшилъ бросить свое ремесло, и очень скоро мы получили отъ него вѣсть, что онъ поселился въ деревнѣ и будетъ жить на то, что ему удалось скопить, вмѣстѣ съ сестрой и Віолеттой.

Случай—этотъ союзникъ бѣдняковъ—натолкнулъ на насъ мальчика акробата, который только что похоронилъ мать и шелъ со своей восьмилѣтней сестренкой въ сосѣдній городъ, чтобы тамъ пристать къ одной бродячей труппѣ. Мы подозвали его. Дѣвочка, увидѣвъ насъ, закричала. Но мы подошли, сейчасъ же познакомились, я разсказалъ акробату въ двухъ словахъ, что случилось съ нами, онъ разсказалъ мнѣ о себѣ: оказалось, что онъ такой же бѣднякъ, какъ и мы, но у него нашелся старый клоунскій колпакъ, который онъ мнѣ и далъ; Розита прикрыла свои продрогшія плечи коврикомъ, на которомъ онъ давалъ представленія. Я посадилъ ребенка на плечи и съ этой ношей продолжалъ путь, какъ какой-нибудь библейскій гигантъ, изгнанный пророками и уносящій и семью, и родину въ дальнія проклятыя страны.

Мы безпрепятственно добрались до харчевни, куда только что прибыла и труппа, въ которую шелъ нашъ мальчикъ. Хозяинъ предложилъ намъ работать вмѣстѣ съ нимъ, только поставилъ мнѣ условіемъ: перестать быть великаномъ, а выдумать какую-нибудь новую «штуку».

У него не было театра и онъ не хотѣлъ и не могъ его устраивать. Я безъ всякаго колебанія распростился съ «Великаномъ» и сдѣлался уличнымъ акробатомъ, т. е. однимъ изъ тѣхъ несчастныхъ существъ, которыя ходятъ подъ окнами, по дворамъ, жонглируютъ, скачутъ, подымаютъ съ земли брошенные гроши, завернутые въ бумажку, однимъ изъ тѣхъ несчастныхъ, которые у дверей кафе униженно просятъ разрѣшенія поломаться и покривляться, однимъ словомъ—тѣхъ, которые ищутъ куска хлѣба подъ чистымъ небомъ.

Ихъ родина—улица. Улица—это убѣжище чернокожихъ цыганокъ, танцующихъ на тощихъ ногахъ свои трепетные танцы; улица—убѣжище клоуновъ, калѣкъ, отставныхъ паяцовъ, неудачниковъ, уродовъ. У всѣхъ этихъ несчастныхъ единственный капиталъ ихъ ловкость и храбрость. Они глотаютъ сабли, пьютъ расплавленный свинецъ, жуютъ цинкъ, изображаютъ лягушекъ, змѣй и честно поддерживаютъ семью... на своей спинѣ.

Въ эту-то жалкую армію записался и я. Я опустился до улицы, и какихъ штукъ не продѣлывалъ я, чтобы существовать! Я началъ съ шеста: на верхъ палки, которая опирается въ колѣно очень сильнаго человѣка, взбирается другой человѣкъ и выдѣлываетъ тамъ всевозможныя штуки: ложится на самый конецъ палки животомъ, вытягивается, кружится, плаваетъ и извивается въ пространствѣ.

Уличный артистъ находится здѣсь совсѣмъ въ другихъ условіяхъ, чѣмъ въ циркѣ, гдѣ свѣтъ люстръ спокоенъ; здѣсь онъ смотритъ наверхъ, когда и солнце ослѣпляетъ и вѣтеръ дуетъ. Онъ долженъ слѣдить за малѣйшимъ движеніемъ человѣка, довѣряющаго ему свою жизнь. Стоитъ только лучу солнца блеснуть слишкомъ ярко и ослѣпить глаза, стоитъ камню подкатиться подъ ноги, даже меньше: какая-нибудь пылинка или капля дождя можетъ нарушить равновѣсіе—шестъ пошатнется, выскользнетъ, и человѣкъ убитъ.

Когда я въ первый разъ почувствовалъ на концѣ моего шеста живое существо, которое съ изумленіемъ увидѣло, какъ высоко находится оно, все мое сердце вознеслось къ небу вмѣстѣ съ моими глазами. Слава Богу, я очень крѣпокъ: шестъ только разъ уклонился въ сторону, и то на четверть линіи.

А какъ легко въ подобныхъ случаяхъ избавиться отъ ненавистнаго человѣка, когда его жизнь держится на вашей груди, у вашего сердца. Иногда этотъ человѣкъ подлецъ, который взялъ все ваше счастье и навсегда лишилъ васъ покоя. Онъ стоитъ смерти. Приступъ искусственнаго кашля, невѣрное движеніе, подрѣзанный ремень... и кончено. Правосудіе совершено. Я чуть было не прибѣгнулъ къ нему.

Я задрожалъ отъ этого ужаснаго признанія.

— О, это желаніе промелькнуло у меня, какъ молнія... И этого слишкомъ много... Богъ спроситъ у меня отчетъ въ въ этой минутѣ, но я никого не убилъ, и тотъ, кто долженъ былъ бы умереть, живъ и до сихъ поръ. Вы его видѣли?—спросилъ великанъ, смотря на меня.

— Тотъ паяцъ, что сегодня, утромъ...

— Да кто же другой?—отвѣтилъ онъ почти съ яростью.

И онъ продолжалъ:

— Послѣ шеста, я работалъ съ гирями. Вѣдь всякій, кто хоть немного упражнялся и узналъ пріемы, можетъ дѣлать это, и нѣтъ такого скомороха, который при случаѣ не былъ бы геркулесомъ. Въ нашей жизни надо знать всѣ ремесла...

Для меня это было не трудно и, если я страдалъ иногда— такъ совсѣмъ не отъ синяковъ на плечахъ, а отъ стыда, душившаго меня, когда я вдругъ вспоминалъ прошлое.

Разъ, въ толпѣ, я увидалъ женщину, которая мнѣ показалась похожей на мою мать; гиря вырвалась у меня изъ руки, описала въ воздухѣ полукругъ и попала въ голову ребенка, лежавшаго на рукахъ какой-то женщины. Бѣдная! Она даже не крикнула; она упала безмолвная и блѣдная, какъ воскъ.

Я хотѣлъ убить себя. Если бы у меня только хватило мужества,—я давно бы покончилъ съ собой. Но я слишкомъ подлъ для этого. Можетъ быть и имя Віолетты, произнесенное Розитой, Віолетты, нашей дочки, жившей у сестры Поваренка, было мнѣ исцѣленіемъ и утѣшеніемъ. Передъ трупомъ убитаго мною ребенка я вспомнилъ, что у меня есть дочь...

Я не могъ больше оставаться въ этомъ мѣстѣ, да меня и не удерживали въ труппѣ. Это ужасное происшествіе тяготило всѣхъ насъ. Мы разстались.

Я долженъ вамъ сказать, что Розита была со мной кротка, ласкова и покорна; и тутъ, чтобы утѣшить меня, у нея нашлись необыкновенно ласковыя слова... съ этимъ тяжелымъ временемъ у меня—къ несчастію—связаны самыя сладкія, самыя дорогія воспоминанія.

Скоро я забылъ про это несчастіе. Вѣдь въ немъ былъ виноватъ только случай. Случай? Однако, не бойся я встрѣтить брошенную мать—моя рука не дрогнула бы, и гиря не убила бы ребенка.

Но въ пылу моей страсти таяли всѣ угрызенія совѣсти и я бодро, даже безъ особаго стыда принималъ постыдную жизнь, которая выпала мнѣ на долю.

Я глоталъ камни и огонь, пилъ расплавленное олово; входилъ въ огонь съ двумя сырыми цыплятами и выходилъ съ печеными. Я проводилъ раскаленнымъ желѣзомъ себѣ по языку и жегъ пуншъ на ладони.

— Вы знали секретъ?

— И да, и нѣтъ. Вѣдь каждый человѣкъ можетъ безъ всякаго приготовленія опустить руку въ расплавленный металлъ; не мѣшаетъ смочить ее передъ этимъ квасцами. Все это не трудно, но и приноситъ немного; толпѣ нужно, чтобы языкъ оказался сожженнымъ, чтобы человѣкъ сгорѣлъ заживо. Но еще ни у кого не хватило мужества на это...

Я рѣшилъ глотать сабли. Моимъ учителемъ былъ знаменитый Жанъ де Виръ, этотъ фанатикъ своего дѣла. Онъ пока-

зывалъ свое искусство «domi et foris», на улицѣ, въ кафе, за столомъ; онъ пропускалъ себѣ въ носъ гвозди и какъ будто бы вытаскивалъ ихъ изъ черепа. Онъ втыкалъ себѣ булавки въ небо. По праздникамъ онъ задавалъ пиръ — глоталъ длинную полосу желѣза, съ громадными шишками, въ родѣ колѣнъ подагрика, онъ водилъ эту полосу взадъ и впередъ, смаковалъ ее и затѣмъ выплевывалъ на землю, она падала съ шумомъ, а онъ приговаривалъ: «Вотъ какой тяжелый хлѣбъ!»

Онъ умеръ у насъ на рукахъ отъ вилки, которую засунулъ себѣ слишкомъ далеко; онъ такъ и унесъ ее на тотъ свѣтъ. Онъ завѣщалъ мнѣ, умирая, весь свой буфетъ, всѣ клинки, которые побывали въ его пищепроводѣ.

Я продалъ все и завелъ свою собственную труппу. Я уже усталъ отъ работы подъ открытымъ небомъ и мнѣ захотѣлось перейти хоть на тѣ зрѣлища, гдѣ театромъ служитъ старая и грязная фура... Занавѣсъ пріоткрывается, вы входите, платите два су, и вамъ показываютъ урода, даютъ объясненія или онъ самъ говоритъ съ вами. Никакихъ издержекъ, кромѣ какого нибудь мѣсива и подстилки для того, кого показываешь.

Онъ смѣется, плачетъ, мычитъ, воетъ, растетъ или уменьшается, сохнетъ или толстѣетъ; и до самой смерти онъ будетъ показываться публикѣ, раскланиваться, прикидываться мертвымъ, подавать руку или лапу, подставлять свой горбъ.

Чего, чего не увидишь въ подобныхъ балаганахъ! Какая здѣсь близость между двуногимъ и четверорукимъ, между раковиднымъ и млекопитающимъ. Сколько тутъ поддѣлокъ и варварскихъ пріемовъ! Это — мостовая, вымощенная ужасными намѣреніями, изуродованными тѣлами, злосчастными сиротами, отъ которыхъ отказался человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію.

Но оставимъ эти ужасы, я больше не буду разсказывать про нихъ.

Мы съ Розитой скоро нашли себѣ занятіе. Мнѣ предложили опредѣленное жалованье за мои шесть футовъ и пять дюймовъ. Розита должна была объявлять о представленіи.

И я снова сталъ Великаномъ. Я показывался между безрукимъ человѣкомъ, по прозванію «Отважный пѣшеходъ», и безногой женщиной, носившей прозвище: «Таинственный хребетъ».

Отважный пѣшеходъ—это тотъ, котораго вы видѣли, какъ онъ стрѣлялъ, нюхалъ табакъ и писалъ ногами.

Таинственный хребетъ... Вы должно быть видали и ее, въ маленькой колясочкѣ, запряженной осломъ, гдѣ нибудь на окраинахъ Парижа, гдѣ ей только и разрѣшено показываться

съ тѣхъ поръ, какъ на одной изъ площадей при видѣ ее упала въ обморокъ одна беременная женщина—жена какого-то важнаго чиновника.

Совершенно безногая, она, сидя на табуретѣ, плясала, вертѣлась, кривлялась до тѣхъ поръ, пока ей не кричали изъ публики — довольно. Впрочемъ, она была кокетлива, требовательна и высокомѣрна. Когда-то у нея было двое дѣтей, и она съ гордостью объявляла о нихъ публикѣ: у меня два сына, здоровыхъ и сложенныхъ, какъ вы и я.

Вотъ двѣ стороны того угла, на вершинѣ котораго мнѣ пришлось работать, вотъ тѣ люди, съ которыми я долженъ былъ жить и звать ихъ братомъ и сестрой. Они оба ненавидѣли меня и мучили, какъ могли. Отважный пѣшеходъ наступалъ мнѣ на сапоги, царапалъ мнѣ руки, а его подруга кусала меня за ноги. Но труппа имѣла такой успѣхъ, что нужно было завести и вторую фуру; была заказана громадная афиша: «Живой музей» и мы рѣшили взять паяца.

При этихъ словахъ великанъ тяжело вздохнулъ, но сейчасъ же продолжалъ:

— Паяца отыскали... Вы знаете его; вы видѣли его сегодня утромъ въ нашемъ балаганѣ: увидите и завтра... Теперь ужъ онъ не уйдетъ отъ насъ, пока въ кассѣ останется хоть грошъ и пока Розита будетъ въ труппѣ.

Какъ только онъ пришелъ къ намъ,—это было вечеромъ, за ужиномъ—я уже по одному тому, какъ онъ сѣлъ и взялъ стаканъ, понялъ, что онъ завладѣетъ всѣмъ и что онъ принесетъ несчастье. Когда онъ вошелъ въ первый разъ на подмостки съ Розитой, я едва устоялъ на моихъ гигантскихъ ногахъ.

Меня всегда страшила за нее, то есть скорѣе за себя, эта жизнь, гдѣ она была героиней двусмысленныхъ представленій, гдѣ каждый имѣлъ право цѣловать ея плечи, брать ее за талію, гдѣ при ней оцѣнивали ея красоту. Какъ часто видалъ я разныхъ молодыхъ людей въ золотыхъ пенснэ и длинноволосыхъ артистовъ, ухаживающихъ за канатными плясуньями, которымъ они предлагаютъ сначала цвѣты, а потомъ и кошелекъ. Я боялся и того и другого, т. е. и кошелька, и цвѣтовъ, а особенно цвѣтовъ, потому что Розита страстно любитъ всѣ запахи.

Они вдвоемъ имѣли безпримѣрный успѣхъ, и каждый вечеръ у нашего балагана собиралась толпа, чтобы посмотрѣть на продѣлки Бетинэ, влюбленнаго въ Изабеллу. Бетинэ—имя паяца, Изабелла—имя Розиты на сценѣ.

Я едва могъ слышать то, что они говорили на сценѣ, но, когда до меня долеталъ звукъ поцѣлуя—я блѣднѣлъ, какъ сегодня утромъ, хотя это въ сущности театральный поцѣлуй. Но онъ каждый разъ больно отдавался въ моемъ сердцѣ.

Пѣшеходъ и Безногая поняли мою ревность и всячески дразнили меня. Иногда мнѣ страстно хотѣлось встать и пойти посмотрѣть на Розиту, но мое положеніе не позволяло этого. Мой ростъ заставлялъ меня прятаться за кулисами.

Впрочемъ, я тщательно скрывалъ мой страхъ и сталъ еще нѣжнѣе и ласковѣе съ Розитой. Я окутывалъ ее моей любовью. Ужасная ошибка, непоправимая! Никогда не надо показывать женщинѣ, что любишь ее такъ, что не можешь жить безъ нея. Признаться въ этомъ—значитъ отдать себя всецѣло во власть женщины, отречься отъ себя и, если только вы имѣете дѣло не съ ангеломъ (а говорятъ, они очень рѣдки), вамъ измѣнятъ при первомъ удобномъ случаѣ.

А этотъ случай никогда не замедлитъ представиться въ видѣ энергичнаго и порочнаго человѣка.

И нашъ паяцъ былъ порочен, какъ самый развращенный свѣтскій человѣкъ. Его жизнь была настоящимъ комическимъ романомъ. Онъ началъ съ того, что ходилъ слѣпымъ, съ какимъ-то наемнымъ братомъ и пѣлъ во дворахъ. Затѣмъ онъ продавалъ американскихъ чортиковъ и какія-то гаданія. Потомъ снова былъ слѣпымъ, пока случай не заставилъ его прозрѣть. Директоръ одной труппы, зная, какъ важенъ хорошій паяцъ, угадалъ, какую выгоду онъ можетъ получить отъ находчиваго и умнаго Бетинэ, и предложилъ ему участвовать въ барышахъ. Надо было слышать, какъ онъ самъ разсказывалъ про свою жизнь! Философъ, насмѣшникъ и скептикъ,—онъ смѣялся надъ своей судьбой съ такой язвительною веселостью, что заражалъ ею весь нашъ баланъ.

Розита выказывала сочувствіе его остроумію. Я завидовалъ успѣху паяца, когда видѣлъ, какъ она слушала его и боялась проронить хоть одно слово, пропустить хоть одинъ жестъ. Мое сердце сжималось, и я смѣялся сквозь слезы, когда надо было смѣяться. Мои страданія сдѣлали меня несправедливымъ и злымъ. Я пытался уничтожить его популярность, помѣшать его успѣху злобными вставками или скучающими замѣчаніями. Мнѣ не повезло: я возстановилъ противъ себя публику, а Бетинэ срѣзалъ меня своею холодною язвительною ироніею, на своемъ дерзкомъ языкѣ, своими яркими выраженіями. Публика стала смѣяться вмѣстѣ съ нимъ, а Розита не защищала меня.

И я вдругъ понялъ, что погибъ. Вся моя ученость была забыта, я долженъ былъ уступить паяцу, и моя латынь не спасла меня: пропасть была вырыта, и я чувствовалъ, какъ почва уходитъ у меня изъ-подъ ногъ. Всѣ мои заранѣе написанныя пародіи и приготовленныя обращенія къ публикѣ не стоили ничего передъ импровизаціями Бетинэ, который все предоставлялъ случаю; у него выходило такъ хорошо, что даже товарищи по балагану, которыхъ ужъ ничѣмъ не удивишь,

бѣжали слушать его, точно журналисты на первое представленіе.

— Что-то онъ придумаетъ сегодня вечеромъ?—говорила Розита, карабкаясь на подмостки и даже не взглядывая на меня.

Господи, какія минуты пережилъ я! Теперь я почти привыкъ, но первое время была настоящая мука...

И тѣмъ ужаснѣе была эта мука, что я не зналъ правды. У меня были припадки страданія, затѣмъ выздоровленіе и новые припадки человѣка, не знающаго и не желающаго знать правды. Эти страданія въ тысячу разъ ужаснѣе дѣйствительности. Голова трещитъ отъ усилія найти какое нибудь оправданіе, а сердце, чующее правду, сжимается и трепещетъ. Если бы это продолжалось еще нѣсколько недѣль—я бы умеръ.

Наконецъ, я все узналъ; я услышалъ, какъ хозяйка упрекала Розиту, что она отняла у нея Бетинэ, и между обѣими женщинами началась такая драка, что я бросился разнимать ихъ. Розита смотрѣла на меня изумленная, почти пристыженная; ей было стыдно за меня. Тотъ засмѣялся мнѣ прямо въ носъ; безрукій и безногая смѣялись тоже. Къ счастью, пришелъ хозяинъ и всѣ умолкли.

По мѣрѣ того, какъ Великанъ говорилъ, его взглядъ дѣлался все мрачнѣе и мрачнѣе, а его громадная рука, которую онъ лихорадочно поднималъ время отъ времени, странно вырисовывалась на стѣнѣ при свѣтѣ догорающаго огарка.

Дойдя до этого мѣста разсказа, онъ остановился и остался неподвижнымъ. Наклоненный, согнутый почти вдвое и немного сгорбленный отъ горя, онъ имѣлъ видъ застывшаго въ своемъ созерцаніи индѣйскаго божества, надъ которымъ тяготѣетъ неумолимый рокъ.

Я не прерывалъ его молчанія. Онъ самъ сталъ продолжать мучительный разсказъ о своей грустной любви.

— Для меня это былъ ужасный ударъ, я точно упалъ съ высоты. Сначала я былъ просто ошеломленъ; съ тѣхъ поръ прошло уже не мало времени,—прибавилъ онъ съ грустной улыбкой, дотрогиваясь до сердца,—а рана все еще болитъ.

Я не такъ бы страдалъ, если бы она выбрала кого нибудь позначительнѣе; мнѣ больно было видѣть, какъ она низко пала!

А ей, какъ всѣмъ подобнымъ женщинамъ, было скучно безъ грязи, и когда я, безумный, надѣлялъ ее душою, способной понять мою любовь, я забывалъ и про ея дѣтство, и про юность, забывалъ всю ея жизнь. И желаете вы знать, какъ кончилась эта сцена и какое было у насъ объясненіе? Она

безстыдно отрицала, а я, безхарактерный трусъ, сдѣлалъ видъ, что вѣрю ея клятвамъ, и на ея возмутительныя шутки отвѣтилъ улыбкой. Дорого стоила мнѣ эта улыбка, и я напрягъ все мое существо, чтобы скорчить ее.

Вы не повѣрите, что произошло дальше! Когда намъ стало необходимо бросить, изъ-за этой исторіи, нашихъ хозяевъ — я самъ попросилъ Бетинэ ѣхать съ нами. Я, жалкій фанфаронъ, хотѣлъ доказать этимъ, что не вѣрю клеветѣ; а можетъ быть я боялся, что Розита безъ него не поѣдетъ со мной, и во мнѣ просто говорилъ эгоизмъ? Я изломалъ всю свою жизнь и теперь всѣми силами держался за то ядро, къ которому была прикована моя цѣпь.

Какъ бы то ни было, а Розита ушла изъ балагана подъ руку съ Бетинэ. Какимъ сумасшедшимъ, какимъ подлецомъ надо быть для этого? Не правда ли?

Пусть тотъ, кто никогда не безумствовалъ и не унижался передъ женщиной, броситъ въ меня камень!

И, сказавъ это, Великанъ поднялъ голову и своимъ горячимъ взглядомъ точно вызывалъ на бой невидимаго врага.

Я не буду докучать вамъ моими страданіями. Не изъ нихъ однихъ состоитъ жизнь, вѣдь вздохи не утоляютъ голода, а печаль только сушитъ человѣка. Надо было зарабатывать хлѣбъ.

По несчастной случайности, въ той деревнѣ, гдѣ жилъ Поваренокъ съ сестрой, случилась холера и унесла ихъ обоихъ. Пришлось взять Віолетту къ себѣ, и въ одно прекрасное утро дѣвочка очутилась съ нами въ ужасной харчевнѣ. Всѣ находили, что она походила на меня; Бетинэ говорилъ объ этомъ съ насмѣшкой и ненавидѣлъ изъ-за этого дѣвочку, а Розита не смѣла цѣловать ее при немъ.

Къ счастью, Віолетта прожила не долго, но ея смерть была ужасна.

Мы отправились на сосѣднюю ярмарку искать работы, но всѣ мѣста были заполнены, и моя спеціальность была занята какимъ то великаномъ, который былъ на семь дюймовъ выше меня, а это стоило дороже всякихъ дипломовъ и званія баккалавра.

Къ счастью, на краю ярмарки былъ звѣринецъ, укротитель котораго только что былъ изувѣченъ звѣрями.

Мнѣ и Розитѣ предложили замѣнить его, съ тѣмъ, чтобы мы вдвоемъ входили въ клѣтку. Васъ, конечно, удивляетъ, что намъ могли сдѣлать такое предложеніе и что мы приняли его?

— Вы еще ничего, а Розита?!

— О, Розита ни минуты не колебалась. Она, бѣдная, даже какъ будто была довольна возможности подвергаться опасности

вмѣстѣ со мной; и на другой же день послѣ моего ужаснаго открытія, когда она была увѣрена, что я не повѣрилъ ни одному слову изъ ея наглой лжи, ей доставляло удовольствіе растравлять мою больную рану какой-то виноватой граціей и волнующей нѣжностью. Порой я готовъ былъ поклясться, что она все еще любитъ меня.

Мы приняли кровавое наслѣдство укротителя звѣрей и начали наше обученіе.

Что можетъ быть грустнѣе дикихъ звѣрей въ неволѣ? Вы видѣли, какіе они лежатъ задумчивые и запуганные на пыльномъ полу звѣринца?

Вѣдь ихъ взяли изъ пустыни, со жгучаго песку; когда то они блуждали свободные, подъ горячими лучами, смотрѣли утромъ, какъ встаетъ солнце, днемъ охотились, а вечеромъ возвращались сытые въ свои логовища; ихъ ревъ разносился въ необъятномъ пространствѣ.

Здѣсь они запрятаны въ тѣсную клѣтку, побѣжденные, порабощенные, смирившіеся. Тамъ они рычали, — здѣсь зѣваютъ, тамъ они рвали живое тѣло и пили теплую кровь,—здѣсь имъ отвѣшиваютъ ѣду, и то, если они ее заслужатъ. И если кто нибудь изъ нихъ захочетъ выйти изъ своего презрительнаго молчанія или безмолвной дремоты, сейчасъ же раздается:

— Тубо, кушъ. Притворись мертвецомъ! молчать! Львы, тигры, пантеры, леопарды, волки, гіены. Даже бѣлый медвѣдь,— этотъ сѣверный мореплаватель,—который плавалъ на льдинахъ и рычалъ, заглушая вѣтеръ, и онъ тутъ же и, какъ верблюдъ, вытягиваетъ шею къ водѣ, вертитъ головой, какъ ошалѣлый, и шлетъ черезъ рѣшетку свою монотонную и заунывную жалобу. Вы его слышали?...

Да, такъ вы спрашиваете, какъ мы согласились, какъ могли мы, только что явившіеся въ этотъ звѣриный гаремъ, узнать тайну укрощенія? Да развѣ есть какая нибудь тайна? Все, что говорятъ о какихъ то ласковыхъ пріемахъ, объ укрощающихъ запахахъ, о раскаленныхъ до бѣла жезлахъ—вздоръ, легенды.

— А что-же это такое?

— Это законное торжество смѣлости надъ животной грубостью, терпѣнія надъ свирѣпостью, торжество человѣка надъ звѣремъ.

Иногда эти плѣнники возмущаются, скалятъ зубы, щетинятся; тогда берите палку и бейте сильно и смѣло; если они не смирятся—переломайте имъ ребра. Большинство смиряется и становится послушнымъ, какъ собака или ребенокъ: одного приласкайте, другого побейте, не жалѣйте сахару, и конецъ. Если звѣрь уже не молодъ, надъ нимъ надо поработать побольше. Вотъ такъ пришлось и намъ съ Розитой. Цѣлыхъ двад-

цать дней мы бродили около каждой клѣтки, смотрѣли на ея обитателя, звали его, заставляли узнать насъ, а затѣмъ и полюбить. Если бы мнѣ сказать про это, когда я былъ учителемъ! Но мы, во время нашихъ странствованій, видали не мало звѣринцевъ, и намъ уже случалось просовывать руки въ клѣтку гіенъ и львовъ по примѣру сторожей, которые обращаются съ дикими звѣрями, какъ доѣзжачіе съ собаками. Да, ихъ жестокость, въ сущности, предразсудокъ.

Но всетаки у меня сердце билось очень сильно, когда я въ первый разъ вошелъ въ клѣтку. Вы поймете это. Прежде всего я рѣшилъ начать одинъ и пустить Розиту, если самъ выйду изъ клѣтки цѣлымъ. Я выбралъ для перваго опыта льва, того самаго, который задралъ моего предшественника. У меня такая натура: я всегда бросаюсь въ самый сильный огонь; можетъ быть изъ трусости, чтобы покончить разомъ,— умереть или побѣдить.

И я вошелъ.

За полуотворенною дверью стояла Розита съ вилами и смотрѣла на меня. Передъ рѣшеткою Бетинэ, для котораго я работалъ, ждалъ съ желѣзнымъ шестомъ въ рукахъ. Левъ не двинулся, только поднялъ на меня свои грустные глаза и снова задремалъ. И вдругъ мнѣ стало такъ страшно передъ этимъ гигантомъ, котораго я долженъ былъ раздразнить, что, не будь здѣсь Розиты и не знай я про ея отношенія къ Бетинэ, я бы убѣжалъ и не вернулся въ клѣтку никогда. Но передъ нею и передъ нимъ я хотѣлъ быть смѣлымъ!

Я подошелъ, схватилъ льва за оба уха, поднялъ его громадную голову и сталъ ее трясти; онъ глухо заревѣлъ, попытался повернуться, но я держалъ крѣпко. Ему стоило сдѣлать малѣйшее усиліе, хотя бы только повернуть шею, и онъ распласталъ бы меня о рѣшетку; но онъ не сдѣлалъ этого; я оставилъ его и ждалъ: онъ грустно повернулся и вытянулся, какъ сфинксъ; я заставилъ его встать и ходить вокругъ меня; онъ послушался.

Должно быть этому развѣнчанному королю нужно африканское солнце и вѣтеръ пустыни, чтобы захотѣлось человѣческой крови!

Я смотрѣлъ на него почти съ сожалѣніемъ и безъ всякаго волненія сдѣлалъ знакъ Розитѣ, чтобы она вошла. Она вошла и закрыла дверь.

— Онъ съѣстъ насъ обоихъ, большой мой,—шепнула она, подавая мнѣ ту самую руку, которая сегодня утромъ ласкала кудри Бетинэ.

Но левъ и не подумалъ броситься на насъ, онъ подошелъ къ Розитѣ, обнюхалъ ее и сталъ тереться гривой объ ея платье; знакомство было сдѣлано, и вилы убраны.

Мы вышли изъ клѣтки льва и пошли къ тигру, гіенамъ, волкамъ. Три недѣли спустя, было сдѣлано объявленіе о нашемъ выходѣ: «Христіанскіе мученики». Розита была одѣта юной римлянкой, а я — Поліэвктомъ; мы представляли христіанъ, брошенныхъ дикимъ звѣрямъ. Я сочинилъ обращеніе къ зрителямъ. Говорилъ его, стоя передъ клѣткой, Бетинэ въ костюмѣ палача. Какая иронія! Мы принимали позы обреченныхъ на смерть; подсовывали головы подъ морду тигра, клали руки въ пасть льва. Наши костюмы блестѣли при свѣтѣ газа; мой громадный ростъ дѣлалъ меня похожимъ на неприступнаго героя; Розита, опьяненная опасностью, вся трепетала въ своемъ свѣтломъ трико и была похожа на святую Терезу, испускающую духъ въ экстазѣ. Зрители слѣдили за нами, затаивъ дыханіе, вытянувъ шеи, съ пересохшими гортанями; иногда проносился крикъ ужаса, иногда слышался шопотъ: «какъ она хороша!»

А я, точно въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ вырвать добычу у дикихъ звѣрей, я сжималъ ее въ своихъ оголенныхъ рукахъ и когда я видѣлъ, какъ она, вся трепещущая и замирающая, забывала и великана, и звѣрей и своими голубыми глазами искала Бетинэ,—нашего комическаго палача,—мнѣ хотѣлось въ самомъ дѣлѣ задушить ее.

Намъ очень хорошо платили и мы имѣли громадный успѣхъ. Но наступилъ день, когда изуродованный укротитель рѣшилъ продать свой звѣринецъ. Мы опять оставались на улицѣ безъ гроша (съ Бетинэ нельзя было ничего скопить). Тогда хозяинъ, въ сущности порядочный человѣкъ, уступилъ намъ двѣ изъ своихъ клѣтокъ и позволилъ выплачивать по частямъ. Мы согласились и стали работать самостоятельно. Но нужда не заставила себя ждать.

Мы остановились на нѣсколько недѣль въ одномъ южномъ городкѣ, надѣясь, что наши дѣла пойдутъ хорошо и что, можетъ быть, намъ удастся прибавить еще одного тигра и медвѣдя къ нашему ансамблю.

Но дѣла не пошли, и скорѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, мы уже были должны и въ гостиницѣ, и мяснику, который, наконецъ, заявилъ намъ, что не отпуститъ корма нашимъ звѣрямъ, пока мы не расплатимся съ нимъ.

Что тутъ дѣлать? Мы уже выпустили объявленіе, что въ этотъ же вечеръ состоится наше представленіе со звѣрями, а они еще ничего не ѣли. Они бросались на рѣшетки и страшно рычали; въ ихъ глазахъ была кровь, а въ желудкахъ—пустыня.

Я проклиналъ всѣхъ и вся; даже Бетинэ потерялъ свое

обычное спокойствіе; Розита не спускала дочку съ рукъ и плакала: бѣдная дѣвочка грызла корку хлѣба, послѣднюю корку, нашедшуюся у насъ.

Я не разъ видалъ въ циркахъ конюшни безъ соломы и ясли безъ овса. Но лошади могутъ ждать. Дикіе звѣри ждать не станутъ.

А часъ представленія приближался. Входить намъ въ клѣтки или нѣтъ? Вѣдь войти—значитъ на вѣрную смерть. Розита сбѣгала еще разъ къ мяснику, у котораго на прилавкѣ лежало разрѣшеніе вопроса нашей жизни и смерти.

Она вернулась въ отчаяніи. Я выхватилъ отъ нея Віолетту и побѣжалъ опять къ мяснику; показавъ ему дѣвочку, я крикнулъ:

— Смотрите, мы заплатимъ вамъ. Я сейчасъ же объявлю по улицамъ, что, войдя сегодня вечеромъ ко льву, схвачу его щипцами за ноздри и раздразню его до бѣшенства. И моя дѣвочка будетъ со мной. Только дайте льву поѣсть передъ этимъ.

Левъ поѣлъ, и вечеромъ явилась толпа: гнусная толпа, жаждущая ужаснаго зрѣлища; она потребовала, чтобы обѣщаніе было исполнено и чтобы отецъ внесъ въ клѣтку ребенка.

Мнѣ стало страшно въ первый разъ въ жизни. Левъ казался разъяреннымъ.

Но надо было рѣшиться. Крики публики, боязнь мясника, необходимость существовать—все это толкнуло меня въ клѣтку. У меня на рукахъ была Віолетта. Левъ зналъ ее; часто по утрамъ она просовывала къ нему свои ручонки и гладила гриву.

Но мучительный голодъ, только что перенесенный имъ, раздражилъ его и онъ глухо зарычалъ, когда мы вошли. И не успѣлъ я еще поднять хлыстъ, какъ звѣрь поднялся на дыбы, положилъ переднія лапы мнѣ на грудь и неподвижно уставился на меня глазами.

Его голова показалась мнѣ громадной. Его горячее дыханіе жгло мнѣ лицо. Я задрожалъ. Левъ это почувствовалъ. Онъ опустился на всѣ четыре лапы, спокойный, безмолвный.

Я хотѣлъ уйти, но онъ всталъ между мной и дверью. Тогда я собралъ всю энергію и рѣшился на послѣднее средство: одной рукой я прижалъ къ себѣ плачущую Віолетту, а другой хлестнулъ льва по мордѣ.

Онъ страшно заревѣлъ. Толпа остолбенѣла.

— Выходите!—крикнуло нѣсколько голосовъ.

Убійцы!—зачѣмъ же вы заставили меня входить?

Я всетаки могъ пройти и приподнять дверь; но для этого мнѣ нужно было на одно мгновеніе отвернуться и потерять

изъ глазъ врага. Я услыхалъ, что онъ скакнулъ, обернулся... Было уже поздно...

Вмѣсто лица у нашей бѣдной дѣвчурки осталась одна кровавая рана...

Левъ опять улегся въ своемъ углу; теперь я могъ выдти свободно.

Віолетта прожила еще нѣсколько дней, но она уже была не она. То, что оставалось отъ ея лица, было ужасно: можно было бы собрать большія деньги, если бы показывать ее, какъ урода.

Розита была страшно убита, и нѣсколько недѣль Бетинэ держался далеко отъ нея. Онъ со своей хитростью и ловкостью какъ-то стерся въ виду нашего горя и, кажется, что у него даже нашлись слезы (крокодиловы), слезы сочувствія страданіямъ матери.

А я? Я поступилъ безумно: я убилъ льва, когда мы остались съ нимъ вдвоемъ. Его нашли въ клѣткѣ мертвымъ; я лежалъ рядомъ съ нимъ весь въ крови.

Великанъ разстегнулъ жилетъ и показалъ мнѣ свою грудь, всю изрытую, изодранную, всю въ ужасныхъ шрамахъ.

— Смертью этого льва я совсѣмъ раззорилъ насъ, а на мое лѣченіе пришлось продать и послѣднее.

Послѣ этого, мы возили по ярмаркамъ нѣсколько тощихъ гіенъ, но онѣ не дѣлали сборовъ. А когда продали и ихъ, то опять стали работать на улицѣ и должны были жить, чѣмъ попало, пока намъ не посчастливилось купить теперешнюю нашу фуру и балаганъ.

На этомъ я и могъ бы закончить мой разсказъ, тѣмъ болѣе, что тутъ и конецъ драмѣ.

Я примирился съ моимъ позоромъ. Віолетта умерла, и я не борюсь больше съ обстоятельствами, а плыву по теченію. Бетинэ, по прежнему, близокъ съ Розитой, бьетъ ее, обманываетъ; я утѣшаю ее и кормлю. Она любитъ только его.

Я притворяюсь, что ничего не знаю, и, когда они проговариваются при мнѣ, я учтиво, подло дѣлаю видъ, что ничего не понимаю. Иногда я слышу черезъ перегородку ихъ вздохи, ихъ смѣхъ... Впрочемъ смѣхъ теперь слышу не часто. Я прячусь въ темный уголъ, чтобы они не видали меня.

Порою и мнѣ перепадаютъ ласки, и я принимаю ихъ.

Вотъ мы и влачимъ нашу жизнь втроемъ — циничное тріо каторжниковъ. Каждый изъ насъ могъ зарабатыватъ отдѣльно, такъ нѣтъ! По какой-то безмолвной сдѣлкѣ, гдѣ слились ревность и подлость, мы живемъ въ грязи по самыя уши, въ стыдѣ до самаго сердца.

И такъ протекли дни, мѣсяцы, годы.

Я долженъ былъ приносить пользу ближнимъ; я могъ бы занимать извѣстное мѣсто въ обществѣ.

Что подумаетъ Господь Богъ, когда спроситъ меня, какъ прожилъ я, и когда я все разскажу ему? Достаточно ли этого для рая?

Мнѣ часто хотѣлось убѣжать. Но куда? Неужели вы думаете, что теперь мнѣ легко передѣлать жизнь и что стоитъ мнѣ вернуться въ коллежъ, какъ у меня будетъ и каѳедра, и ученики?

А главное, если я брошу «ихъ», что станетъ съ ними? Я старшій козырь въ ихъ игрѣ. Бетинэ — дармоѣдъ, да и водка уже сожгла его дарованіе; Розита едва едва работаетъ съ гирями и уже стала слишкомъ толста для акробатическихъ упражненій.

Мы такъ и будемъ жить, пока кто нибудь изъ насъ не умретъ; будемъ жить: они — любя и, въ то же время, презирая другъ друга, я — утѣшаясь тѣмъ, что приношу жертву. А дальше?

Дальше будетъ, что Богъ дастъ; я заслужилъ мое горе и не буду роптать на искупленіе.

Гигантъ всталъ и, показывая на посвѣтлѣвшее небо, сказалъ:

— Вотъ и разсвѣтъ. Намъ надо быть въ Медонѣ сегодня вечеромъ. Я отправлюсь разбирать балаганъ... Въ полдень надо пускаться въ путь.

Мы вышли и поболтали еще немного. Потомъ я разстался съ нимъ.

Я ждалъ, пока проснется Парижъ, и побродилъ еще по предмѣстью, раздумывая объ этой исторіи, которая въ сущности есть исторія человѣчества. Вѣчная комедія: пигмеи угнетаютъ великановъ; паяцы глумятся надъ героями!

Когда я проходилъ мимо балагановъ, я увидалъ моего Великана. Онъ, задумчивый и спокойный, сидѣлъ на камнѣ у своей фуры и ждалъ пробужденія Бетинэ и Розиты!...

Искра.

Ордою варваровъ разрушенъ,
Священный храмъ въ обломкахъ палъ;
Кто—беззаботно равнодушенъ,
А кто—трусливо малодушенъ,
На разрушеніе взиралъ.
Напрасно жрецъ богини свѣта
Молилъ, рыдая предъ толпой,
Онъ не нашелъ себѣ отвѣта
Въ толпѣ бездушной и слѣпой.
Шептали всѣ:—Вѣщалъ оракулъ,
Рѣшила Пиѳія сама:
Угаснуть долженъ этотъ факелъ
И воцарится въ мірѣ тьма.—
Но высоко надъ головою
Свѣтильникъ поднялъ онъ, какъ стягъ;
Впередъ онъ кинулся, во мракъ,
И цѣлой тучей огневою
Неслися искры вслѣдъ за нимъ.
Ударъ настигъ—неумолимъ,
Но тѣ, въ чью душу искру свѣта
Успѣлъ онъ бросить на лету —
Постигли дивную мечту.
Въ нихъ искра пламенная эта
Горитъ, какъ свѣточъ, какъ маякъ,—
И въ мертвой жизненной пустынѣ
Имъ указуя путь къ святынѣ —
Она побѣдно гонитъ мракъ!

О. Чюмина.

ЛЮБОЧКИНО ГОРЕ.

Очеркъ.

(*Дорогой памяти А. А. Невскаго*).

I.

Любочка пошевельнулась на своей скромной и довольно жесткой дѣвичьей постели, вытянулась подъ согрѣвавшимъ ее одѣяломъ изъ кусочковъ разноцвѣтной матеріи и сразу проснулась, приподымая голову и прислушиваясь къ шороху и плесканью воды, раздававшимися въ сосѣдней комнатѣ.

Декабрьскій день еще не заглядывалъ въ окно; было совсѣмъ рано, и Любочка чувствовала, что время для вставанья не наступило, но шорохъ доказывалъ будто иное. Похоже было на то, что домъ уже пробуждается. Любочка проворно выскочила изъ подъ одѣяла, пробѣжала босикомъ до двери, старой, какъ и весь домъ, пожелтѣвшей, перекосившейся и, пріотворивъ ее, заглянула въ комнату, служившую столовой, гостиной и пріемной семьи.

Тамъ тетя Клавдія при свѣтѣ огарка усердно мыла полъ, подоткнувъ юбки и согнувъ свой неуклюжій, точно деревянный станъ. Крошечная косица ея жидкихъ полусѣдыхъ волосъ смѣшно торчала небольшимъ пучкомъ на самой макушкѣ, скрученная и, ради, прочности, перевязанная ниткой. Услыхавъ, что дверь скрипнула, тетя Клавдія съ трудомъ и съ легкимъ стономъ выпрямила тѣло, повернувъ къ племянницѣ совершенно красное, некрасивое, съ тупыми маленькими глазками лицо.

— Ты что, Любочка? — прошептала она своимъ низкимъ, почти басовымъ голосомъ, — спи, еще рано...

Но Любочка и сама понимала, что еще рано и что только тетя Клавдія начинаетъ свой трудовой день.

Тетя Клавдія вставала всегда для мытья половъ очень рано, пока домъ спитъ и никто не видитъ, что дворянская дочь унижаетъ себя. Если-бы тетя Клеопатра или тетя Аглая застали

сестру за такимъ занятіемъ, между ними произошла бы краткая, конфузившая всѣхъ трехъ сестеръ и лицемѣрная сцена. Тетя Аглая всплеснула бы худыми, жилистыми руками и проговорила бы съ притворнымъ негодованіемъ:

— Ахъ, мать моя, что ты берешься не за свое дѣло?

А аристократка тетя Клеопатра подняла бы къ глазамъ старенькій и попорченный черепаховый лорнетъ, состроила бы презрительную гримаску и сказала бы сквозь зубы:

— Ma chère... удиви-тельны-я при-вычки...

Тетя Клеопатра когда-то (очень давно) училась въ Москвѣ во французскомъ пансіонѣ и, пробывъ тамъ года четыре, вынесла изъ него «самыя свѣтлыя воспоминанія»... Воспоминанія эти были гораздо поэтичнѣе всей остальной ея жизни, поэтичнѣе даже ея недолгаго замужества за уѣзднымъ казначеемъ Дудулинымъ.

Вообще тетя Клеопатра пользовалась большимъ значеніемъ. Она одна изъ всѣхъ обитателей старой помѣщичьей усадьбы при сельцѣ Горкахъ имѣла деньги, лежавшія въ банкѣ въ губернскомъ городѣ, куда она и ѣздила разъ въ годъ за полученіемъ процентовъ. Сколько именно было у нея денегъ, никто не зналъ, но предполагали, что, пожалуй, не менѣе пяти тысячъ. Деньги эти тетя Клеопатра унаслѣдовала отъ покойнаго мужа, съ которымъ прожила всего лишь года четыре.

Оставшись вдовой, тетя Клеопатра, долго не раздумывая, пріѣхала въ Горки къ отцу и сестрѣ Клавдіи, оставшейся въ дѣвушкахъ, и зажила общею съ родственниками жизнью, но сумѣла стать на нѣкоторую высоту. Ее уважали за все: за деньги, за то, что она одѣвалась лучше всѣхъ, никогда не носила ситца, а всегда черное шерстяное платье, а голову прикрывала черной кружевной наколкой; за то, что надѣвала митенки, за то, что имѣла лорнетъ, золотыя кольца и брошку, за то, что запомнила нѣсколько французскихъ фразъ, за то, наконецъ, что выказывала себя бѣлоручкой и глядѣла на людей будто свысока. Послѣднее было притворствомъ, но очень шло къ ней.

Въ этой семьѣ какъ-то сама собой установилась нѣкоторая іерархическая лѣсенка. Непосредственно имѣла дѣло съ рабочими, прислугой, вообще со всѣмъ внѣшнимъ и низкимъ міромъ тетя Клавдія, средняя изъ сестеръ. Но до вершительныхъ хозяйственныхъ операцій она не допускалась, такъ какъ была слишкомъ проста. Ея дѣло было сходить къ коровамъ, на гумно, въ поле, досмотрѣть за домашней птицей. Гдѣ дѣло касалось продажи продуктовъ, приплода, найма рабочаго на лѣто, тамъ являлась на сцену тетя Аглая, сухая, жесткая старуха, съ тонкими, всегда поджатыми губами, съ злыми маленькими глазками. Мужики называли ее не иначе, какъ вѣдьмой. Но

если ея авторитета оказывалось недостаточно для того, чтобы усмирить напившагося и горланившаго на усадьбѣ работника или доказать собравшимся крестьянамъ необходимость заплатить штрафъ за попавшихъ на господскій лужокъ лошадей,— то тетя Аглая рѣшительнымъ голосомъ кричала, тряся сѣдой головой:

— Постойте ужо!.. Вотъ, я пожалуюсь Клеопатрѣ Николаевнѣ...

И всегда бывало такъ, что буянившіе или несоглашавшіеся утихали, не то отъ страха, не то отъ недоумѣнія. Если же дѣло доходило до того, что на ветхое крылечко дома выходила величественнымъ шагомъ одѣтая, хотя бѣдно, но по господски, тоже почти старуха, младшая изъ сестеръ и, медленно подымая къ глазамъ лорнетъ, оглядывала свысока крестьянъ, — послѣдніе почтительно снимали шапки и съ любопытствомъ посматривали на нее.

II.

Средняя изъ сестеръ, Клавдія, не только не походила на барыню, но и сама забывала о своемъ барскомъ достоинствѣ. Недалекая, почти безграмотная, но добрая и простодушная, она доила коровъ, готовила обѣдъ, ставила самоваръ, чистила башмаки, мыла полы. Но дѣлала она все это будто потихоньку, а сестры притворялись, что не замѣчаютъ ея работы.

Немного осталось дворянскаго въ наружности и привычкахъ старшей сестры Аглаи. И одѣвалась тетя Аглая, благодаря бѣдности семьи, тоже какъ и Клавдія, въ темненькіе ситцы, и говорила, сбиваясь на простонародную рѣчь. Манеры ея давно утратили всякую величавость... Но, въ противоположность Клавдіи, Аглая не забывала, что она столбовая.

Два обстоятельства ея жизни ожесточили ее, наложивъ на ея душу отпечатокъ болѣзненнаго озлобленія. Первымъ обстоятельствомъ было уничтоженіе крѣпостного права. Тетя Аглая была еще совсѣмъ молодой дѣвушкой, когда произошло это событіе, но отнеслась къ нему сознательно, поняла его послѣдствія и то, что семья остается безъ средствъ, такъ какъ деревня была всего изъ двадцати душъ. Мириться съ этимъ событіемъ Аглая не могла и не хотѣла. Съ лѣтами она озлоблялась все болѣе и болѣе и ненависть свою переносила на «хамовъ», представителей податнаго, все еще неполноправнаго сословія, которые въ былое время были бы ея рабами, обязанными ей послушаніемъ, а теперь ни въ грошъ ее не ставили.

Другимъ огорченіемъ ея было то, что покойный мужъ ея, экономъ одного учебнаго заведенія, оказался на столько не

уменъ, что не съумѣлъ за тѣ шесть лѣтъ, въ теченіе которыхъ занималъ это мѣсто, ничего скопить. Жили они хорошо, почти широко, но когда Долговъ въ одно прекрасное утро умеръ, вдова его осталась ни при чемъ и, по примѣру сестры Клеопатры, вернулась въ Горки доживать свой вѣкъ. Все, что имѣла она, это былъ пенсіонъ въ 63 рубля съ копѣйками въ годъ.

Семнадцать лѣтъ тому назадъ привезли въ тѣ же Горки годовалаго ребенка, Любочку, дочь четвертой сестры Гликеріи. Жизнь этой сестры складывалась, казалось, счастливѣе. Она была младшей въ семьѣ, любимицей и самой красивой. Вышла она замужъ за офицера, и мужъ попался ей добрый, неглупый и любящій. Жизнь ей улыбалась, но прожила она недолго, оставивъ Любочку. Тогда растерявшійся вдовецъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ отослать ребенка къ теткамъ, все въ тѣ же Горки, а самъ черезъ нѣсколько лѣтъ ушелъ въ могилу.

Отжившія три старушки ютились въ этомъ старомъ заглохшемъ уголкѣ, ожидая уже недалекой смерти. Но къ нимъ же прилѣпилась и молодая жизнъ племянницы, не внося оживленія въ ихъ одряхлѣвшее существованіе, замирая около этихъ руинъ, погруженныхъ въ прошлое, не оглядывавшихся на кипѣвшую вокругъ нихъ новую жизнь, съ ея новыми требованіями...

III.

Любочка юркнула опять подъ одѣяло, отогрѣвая озябшія ноги и обдумывая, который теперь можетъ быть часъ и много-ли придется еще поспать. Но, хотя было, очевидно, еще рано, сонъ уже не шелъ на глаза. Она лежала на спинѣ, приглядываясь, какъ на темномъ фонѣ потолка колебалась свѣтлая полоска, проникшая въ щель двери отъ свѣчи, горѣвшей въ столовой. Дѣвушка въ сотый разъ припоминала свой недавній первый выѣздъ въ свѣтъ. Пріѣхала она въ Горки одиннадцатимѣсячнымъ ребенкомъ и съ тѣхъ поръ ни разу въ теченіе семнадцати лѣтъ не выѣзжала рѣшительно никуда, кромѣ церкви села Знаменскаго. Но весной этого года тетя Клеопатра собралась въ уѣздный городокъ Васильевскъ и взяла ее съ собой. Это было что-то новое для дѣвушки, что-то поразившее ее. И, прежде всего, скопленіе домовъ, громада ихъ, такъ какъ иные были даже въ два этажа. Потомъ камень мостовыхъ, фонтаны, шумѣвшіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Но, что болѣе всего поразило Любочку, это наряды горожанокъ, проходившихъ по улицамъ, и роскошь магазиновъ. Въ одномъ изъ нихъ, въ главномъ, гдѣ тетя забрала провіанта и размѣняла купоны, у Любочки отъ восторга и удивленія захватило духъ. Такого великолѣпія она и представить себѣ не могла. Тамъ стояли

открытые ящики съ грудами пастилы, шоколада, конфектъ. А рядомъ высились горы папиросныхъ коробокъ, а далѣе блестѣли жестяныя коробки съ англійскимъ печеньемъ, съ сардинками, съ омарами. Сбоку стояли головы сахару, по стѣнамъ тянулись ряды коробочекъ съ пуговицами, тесемками, шнурками, и между ними стклянки одеколона, духовъ. И, хотя тутъ же въ углу пріютились двѣ громадныя бочки съ керосиномъ, все же общее впечатлѣніе было ослѣпительное, сказочное, почти волшебное.

Любочка глубоко вздохнула, когда тетя Клеопатра, сдѣлавъ закупки, направилась къ дверямъ. А въ самыхъ дверяхъ произошла неожиданная встрѣча. Какой-то молодой человѣкъ въ фуражкѣ съ кокардой почтительно посторонился, чтобы дать имъ дорогу и, снимая картузъ, вѣжливо произнесъ:

— Мое глубочайшее Клеопатрѣ Николаевнѣ. — Онъ говорилъ это тетѣ Клеопатрѣ, а самъ такъ и впился въ Любочку. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ хорошъ, этотъ вѣжливый молодой человѣкъ. У него были узкія плечи, впалая грудь, лицо худое, слегка въ прыщахъ, толстыя губы, маленькіе глазки. Но одѣтъ онъ былъ щегольски, а, главное, такъ ловокъ, такъ любезенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, важенъ, благодаря кокардѣ. Любочка никогда не видала мужчинъ круга высшаго, чѣмъ крестьянскій, за исключеніемъ дѣдушки, священника отца Никандра, дьякона да становаго, и вѣжливый незнакомецъ просто поразилъ ее.

Тетя Клеопатра благосклонно отвѣтила на его привѣтствіе и протянула ему руку въ митенкѣ.

— Ну что, какъ здоровье мамаши?

Молодой человѣкъ еще разъ раскланялся, снимая фуражку и прищелкивая каблуками.

— Чувствительнѣйше благодарю. Мамаша совсѣмъ здоровы, какъ я мѣсто получилъ. Онѣ очень безпокоились насчетъ нашего прокормленія, а теперича я тридцать рублей получаю.

— Ну, вотъ, и слава Богу, — замѣтила тетя Клеопатра и простилась съ нимъ.

Когда онѣ были уже за городомъ, Любочка, долго собиравшаяся съ духомъ, рѣшилась, наконецъ, спросить, краснѣя до ушей:

— Тетя, кто это былъ?

— Кто? — разсѣянно переспросила тетя Клеопатра.

— А тотъ... Ну, что говорилъ съ тобой...

— Какой? Этотъ-то, въ шапкѣ съ кокардой?

— Да.

— Это одинъ чиновникъ. Въ полиціи служитъ. Я съ его матерью была знакома, когда еще жила съ мужемъ въ городѣ. Щуровы они...

Воспоминаніе объ это встрѣчѣ долго занимало Любочку. Съ той поры она часто, ложась въ постель, думала о Щуровѣ, даже начинала создавать въ воображеніи невозможные романы. Щуровъ, вдругъ, оказывался какимъ-то принцемъ и притомъ безумно влюбленнымъ въ Любочку. Онъ являлся въ одинъ прекрасный день и увозилъ ее въ свое царство. А тамъ было много дамъ, одѣтыхъ совсѣмъ какъ васильевскія, и магазины точь въ точь, какъ въ Васильевскѣ. И Любочка разговаривала съ дамами, одѣвалась, какъ и онѣ, ходила по магазинамъ и все покупала и покупала себѣ товаровъ, главное, нарядовъ, шляпокъ, мантилій. Она покупала многое въ этихъ мечтахъ, а въ дѣйствительности не имѣла почти никакихъ нарядовъ. Шляпка была у ней старенькая, перешедшая отъ тети Клеопатры, а платья все ситцевыя и сшитыя знаменской дьяконицей. Тетя Клеопатра купила ей разъ шерстяной матеріи на платье, но эта обновка хранилась, какъ драгоцѣнность, и надѣвалась два раза въ годъ.

И сама тетя Клеопатра потому только носила шерстяныя платья, что они остались у нея отъ прежней, болѣе роскошной жизни. Теперь не на что было покупать обновокъ.

Но, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все большимъ туманомъ покрывалась въ мысляхъ Любочки фигура вѣжливаго молодого человѣка. Любочка совсѣмъ потеряла представленіе объ его наружности и думала, что не узнала бы его при встрѣчѣ. Одно, что запомнила она, это блестящую его кокарду на новенькой фуражкѣ.

IV.

Любочка была худенькая, совсѣмъ еще не сформировавшаяся восемнадцатилѣтняя дѣвушка съ миловиднымъ, но болѣзненнымъ лицомъ, съ наивными робкими глазками, безпричинно грустная, застѣнчивая, тихая. Никогда не слышно было ея голоса, не видно оживленія. Она будто замирала душой въ этомъ печальномъ домѣ, среди окружающей ее старости, отдѣленная отъ всего міра. Въ семьѣ съ ней обращались хорошо и любили ее, но ласкала ее лишь тетя Клавдія. Суровая, довольно злая тетя Аглая иногда ворчала на нее и заставляла вставать рано, но тоже по своему любила ее. Тетя Клеопатра пользовалась у Любочки особымъ уваженіемъ. Эта тетя, всегда молчаливая, всегда занятая въ своей комнатѣ въ мезонинѣ какимъ нибудь вязаньемъ, мало, казалось, обращала на нее вниманія, и Любочка робѣла въ ея присутствіи.

Любочка уже три года, какъ окончила полный курсъ наукъ подъ руководствомъ тети Клеопатры и считалась взрослой, всту-

пившей въ свѣтъ дѣвицей. Научилась она читать и писать, хотя не вполнѣ грамотно. А такъ какъ въ домѣ книгъ, кромѣ трехъ, четырехъ старинныхъ учебниковъ да псалтири, не было, то Любочкѣ предстояло забыть и эти знанія. Изучала она первыя четыре правила ариѳметики, но не могла бы съ увѣренностью сказать, что помнитъ ихъ теперь. Разсказывала, сбиваясь и путая, тетя Клеопатра что-то изъ исторіи и по географіи, но Любочка запомнила лишь то, что былъ Пирръ, царь Эпирскій, что кто-то назывался Карломъ великимъ, кто-то Роландомъ, и былъ царь Иванъ Грозный, который всѣмъ рубилъ головы. Запомнила Любочка и то, что на свѣтѣ есть города Ниневія и Калуга, а также рѣка Миссисипи.

Больше всего учительница старалась по части французскаго языка, но и въ этой области знаній дѣвушка пошла не далеко. Она умѣла сказать: merci, bonjour, adieu да помнила двѣ строчки стихотворенія

Seigneur, benis l'ouvrage,
Qui doit remplir ce jour...

Пробовала тетя Клеопатра возобновить въ своей памяти когда-то воспринятыя начала англійскаго языка и передать ихъ Любочкѣ, но могла объяснить лишь то, какъ произносится звукъ the. Тетя Клеопатра, хотя и не хотѣла признаваться, но позабыла все, рѣшительно все, что изучала когда-то въ блестящемъ французскомъ пансіонѣ, и Любочкѣ нечего было воспринять отъ нея...

Сонъ убѣгалъ отъ дѣвушки. Любочка подумала еще немного, потомъ рѣшительнымъ движеніемъ откинула одѣяло и, слегка вздрагивая отъ утренняго холода, стала одѣваться. Потомъ умылась, прибрала постель и тихонько вышла въ столовую. Тетя Клавдія уже окончила мытье половъ, и въ комнатѣ было темно и пахло сыростью. Но въ сосѣдней небольшой прихожей сверкалъ огонь изъ затопленной печи. Любочка прошла туда и. присѣла на краешекъ низенькой скамеечки около своей тетки, массивной, мужиковатой. Тетя Клавдія задумчиво глядѣла на шипѣвшія и трещавшія дрова, и на ея деревянномъ лицѣ было выраженіе тихой покорной грусти.

— Что рано вскочила? — спросила она племянницу, поворачивая къ ней свое некрасивое лицо и поглаживая ея мягкіе волосы своей загрубѣлой, жесткой рукой.

— Такъ, что-то не поспалось, — отвѣтила дѣвушка, а сама все ближе и ближе прижималась къ старухѣ.

Эта грубая, неумная, совсѣмъ простая, совсѣмъ непривлекательная тетя Клавдія была такъ дорога ей. И тетя Клавдія понимала, что дѣвушка льнетъ больше всего къ ней потому, что въ ней больше, чѣмъ въ другихъ теткахъ, чувствуетъ мать.

А тетя Клавдія уже безпокоилась, слегка волновалась, озабоченно поглядывая на племянницу.

— Да ты, можетъ, нездорова, дѣвонька?

— Нѣтъ, ничего, здорова.

— Головка не болитъ-ли, Боже помилуй?

— Нѣтъ, не болитъ.

— Вотъ, будто и не весела.

— Нѣтъ, ничего; это такъ...

Но отрицавшая нездоровье Любочка уже начинала, подъ впечатлѣніемъ этихъ заботливыхъ вопросовъ, будто что-то ощущать, какую-то слабость, какое-то утомленіе. Она прильнула худенькимъ личикомъ къ жесткой груди тетки и печально, печально глядѣла на трещавшія дрова. Потомъ глубоко вздохнула и задумалась. А о чемъ вздохнула, — и сама не сумѣла бы сказать. Она не сознавала, но всѣмъ существомъ своимъ чувствовала, что жизнь ея идетъ скучно, грустно, безконечно уныло. И не потому грустно и уныло, что въ домѣ нѣтъ достатка, а потому, что неизвѣстно, на что готовится Любочка, зачѣмъ живетъ на свѣтѣ при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ устроили свою жизнь старухи тетки.

Одно время Любочка додумалась помогать хозяйкамъ по дому, но тетки рѣшительно возстали противъ этого. Тетя Аглая испугалась, чтобы дѣвушка не надѣлала убыточныхъ ошибокъ; тетя Клавдія пришла въ ужасъ за Любочкино здоровье, а тетя Клеопатра высказала, что занятія эти непригодны для дѣвушки bien élevée.

V.

День осиливалъ тьму и пробирался даже сюда, въ эту темную прихожую, заставляя блѣднѣть огонь въ печи. Тетя Клавдія вздохнула и, кряхтя, поднялась со скамьи.

— Пойти поглядѣть на скотный, — сказала она, — чать Матрена доить собралась.

Она надѣла старенькую съ вытертымъ мѣхомъ шубейку и накинула на голову платокъ. Любочка, задумчиво глядѣвшая на огонь, поднялась тоже.

— И я пойду съ тобой.

— Ну, что ты, дѣвонька... Еще простудишься.

— Нѣтъ, тетя, ничего; я одѣнусь потеплѣй.

Онѣ вышли на волю и пришли къ скотному двору. Тетя Клавдія привычнымъ шагомъ пробралась черезъ низенькую дверцу подъ теплый, полный ѣдкаго запаха навѣсъ, откуда доносился равномѣрный звукъ доенья коровъ и мягкій шелестъ сѣна. Любочка осталась снаружи и мечтательно приглядывалась къ окружающей картинѣ.

День занимался ясный, морозный. Снѣгъ горѣлъ алмазами въ розовыхъ лучахъ подымавшагося солнца, которое сверкало на горизонтѣ сквозь золотой туманъ. Надъ крышами деревни вздымались прямо вверхъ столбы дыма отъ топившихся печей. Гдѣ-то далеко, далеко слышался скрипъ полозьевъ.

На карнизѣ сарая ютились и хохлились двѣ пары голубей. Куча галокъ ссорилась около кухни, а у самой будки сердитаго Барбоски подскакивала бочкомъ ворона, прицѣливаясь украсть кость. Барбоска сидѣлъ неподвижно, но зорко и злобно поглядывалъ на нахалку, намѣреваясь проучить ее, какъ слѣдуетъ.

Всѣ эти картины были давно знакомы и милы Любочкѣ. Глядя на окружающее, она чувствовала, какъ къ сердцу ея приливаетъ бодрое чувство и что жизнь ея не такъ печальна, какъ то казалось иногда.

Она любила въ эту минуту ихъ старый домъ, густо заросшій съ трехъ сторонъ, любила ихъ тихую, обособленную, всегда пополамъ съ нуждой жизнь, а туманное будущее сулило что-то радостное.

День разгорался сильнѣй. Солнце сверкало теперь полнымъ блескомъ на блѣдно-голубомъ небѣ, и густые столбы дыма, выходившаго изъ трубъ, казались золотыми. Матрена прошла въ кухню съ ведромъ парного молока и скоро изъ кухонной трубы тоже повалилъ дымъ. Обитатели стараго дома просыпались. Тетя Клавдія пронесла въ комнаты кипящій самоваръ, и Любочка побѣжала домой, озябшая, разрумянившаяся и безпричинно веселая.

А въ столовой уже сидѣли всѣ три тетки въ ожиданіи чая. Утренній чай пили въ накладку и съ ржаными лепешками.

— Всталъ-ли дѣдушка?—спросила тетя Клеопатра, принимая чашку изъ рукъ Аглаи.

— Любочка, поди, посмотри,—распорядилась вмѣсто отвѣта тетя Аглая.

Любочка всегда шла въ комнату дѣда съ тяжелымъ чувствомъ не то страха, не то отвращенія. Сейчасъ за столовой находился темный корридоръ, а за нимъ небольшая, вся пропитанная непріятнымъ запахомъ комнатка, гдѣ безвыходно и много уже лѣтъ помѣщался почти столѣтній глава семейства и дѣдъ Любочки.

Уже въ корридорѣ Любочка поняла, что дѣдъ проснулся. Изъ-за запертой двери слышался равномѣрный, удручающій звукъ, который цѣлыми часами издавалъ впавшій въ полное дѣтство старикъ. Этотъ звукъ былъ похожъ на однотонное жужжанье крупной мухи, попавшей въ паутину. Старикъ цѣлымъ днями сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ и, покачиваясь огромнымъ тѣломъ впередъ и назадъ, уныло тянулъ свою однообразную пѣсню.

— Проснулся, — сказала Любочка, выбѣжавъ назадъ изъ корридора и съ аппетитомъ принимаясь за прерванную ѣду.

Тетя Клавдія тотчасъ-же встала и, позвавши Матрену, направилась къ отцу совершать его утренній туалетъ. Старикъ совершенно не владѣлъ ногами; его надо было поднять, одѣть, умыть и посадить въ кресло. Пока съ нимъ совершали эту операцію, онъ переставалъ жужжать и тупо приглядывался къ женщинамъ, капризничая иногда, когда мыли ему лицо. Но лишь только его сажали въ кресло, онъ уже забывалъ о посѣтительницахъ и начиналъ раскачиваться корпусомъ и тянуть свою однообразную пѣсню. Онъ утратилъ даръ рѣчи и зналъ только эту, безконечно тоскливую ноту.

Тетя Клавдія и Матрена вышли изъ его комнаты, а тетя Аглая уже приготовила для старика огромную кружку чая, наполовину сдобреннаго молокомъ, и большую лепешку.

— На, отнеси,—обратилась она къ Любочкѣ.

Дѣвушка поставила все это на тарелку и прошла къ дѣду. Онъ сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ, огромный, тучный, несмотря на года, съ глазами, безсмысленно устремленными впередъ, съ отвислыми, дряблыми щеками, но умытый, причесанный, убранный привычными, хотя и загрубѣлыми руками дочери, и не сразу обратилъ вниманіе на вошедшую внучку. Когда же потухшіе, будто стеклянные глаза его разглядѣли съѣдобное, онъ весь затрепеталъ отъ радости и замахалъ руками, какъ дѣлаютъ маленькія дѣти въ порывѣ восторга. У старика былъ удивительный аппетитъ; онъ могъ ѣсть цѣлый день, и время ѣды было для него блаженствомъ. Жадно схватилъ онъ кружку и лепешку и сталъ уничтожать ѣду, съ довольнымъ видомъ кивая головой и издавая повременамъ радостное, но отрывистое, короткое жужжанье...

VI.

Любочка прибрала свою комнату, стерла въ столовой коегдѣ съ мебели пыль и, окончивъ эту работу, остановилась въ раздумьи; что-же дальше дѣлать, чѣмъ заняться? Чтенія не было никакого, да она и не привыкла къ книгѣ. Работы по хозяйству было бы достаточно, но Любочка помнила, что ей неприлично быть въ кухнѣ. Рукодѣлья тоже не было.

Вечерами Любочка любила заглянуть въ комнату тети Клавдіи и, подсѣвъ къ прялкѣ, повертѣть неумѣлыми руками веретено. Тетка занималась пряденьемъ съ особеннымъ удовольствіемъ, но тоже будто украдкой, будто стыдясь этого занятія.

Но до вечера далеко, и Любочка рѣшительно не знала, чѣмъ занять свой досугъ. И жизнь опять казалась ей скучной,

унылой. Подумавъ немного, она рѣшительными шагами направилась въ прихожую, надѣла свою старенькую шубку и, посмотрѣвъ, не видитъ ли ее кто-нибудь изъ домашнихъ, прошла черезъ дворъ за ворота и почти побѣжала по улицѣ селенія, къ дому крестьянина Матюнина.

Этотъ Матюнинъ, старикъ лѣтъ семидесяти, съ лицомъ апостола, былъ когда-то крѣпостнымъ помѣщика Керимова, Любочкина дѣда, а теперь имѣлъ до двухъ тысячъ десятинъ земли, базарную площадь въ селѣ Знаменскомъ, двѣ лавки, нѣсколько мельницъ и считался въ сотняхъ тысячъ. Старшій сынъ его окончилъ Технологическій институтъ, двое младшихъ воспитывались въ реальномъ училищѣ, а дочь Катя, сверстница Любочкѣ, годъ тому назадъ вернулась въ родительскій домъ, окончивъ шестиклассную гимназію. Вотъ къ этой-то Катѣ и спѣшила Любочка, хотя особой близости между дѣвушками не было и хотя Любочка знала, что ей можетъ достаться отъ тетокъ за визитъ. Сила и значеніе Матюнина были несомнѣнны, но полунищія старухи Аглая и Клеопатра не забывали, что онѣ столбовыя, а Матюнинъ еще вчера былъ ихъ крѣпостной. Какъ ни мало проникалась Любочка вообще сословными взглядами своихъ тетокъ, однако, и она не въ силахъ бывала, несмотря на невольное влеченіе къ Катѣ, забыть разницу ихъ происхожденія, а Катя чувствомъ угадывала, что Любочка помнитъ объ этой разницѣ, и тоже не очень сближалась съ подругой.

Любочка тихонько приподняла скобу калитки и черезъ мощеный, крытый дворъ вошла въ чистенькія, оригинально убранныя комнаты двухъ этажнаго дома Матюниныхъ. Въ этихъ комнатахъ со штукатуренными, расписными потолками, съ блестящими, крашеными подъ паркетъ полами, съ блестящими изразцовыми печами стоялъ какой-то особенный запахъ, вѣяло уютомъ и довольствомъ. Катя,—красивая, румяная, крупная, могуче сложенная дѣвушка—ласково поднялась ей на встрѣчу изъ за пялецъ и, поцѣловавшись съ гостьей, спросила:

— Что вы долго не приходили?

— Да такъ... Все я да я къ вамъ... Будто и стыдно...

— А мнѣ къ вамъ неудобно.

— Нѣтъ, почему же?..—смущенно замѣтила Любочка.

— А ваши тетки меня не привѣчаютъ.

Катя сказала это съ добродушной улыбкой, но Любочка чувствовала скрытую насмѣшку въ ея словахъ и тотъ оттѣнокъ легкаго презрѣнія, которое питала Катя и къ ней, и ко всему дому Керимовыхъ, обнищавшихъ, только только не голодающихъ и все еще кичащихся своимъ происхожденіемъ. Жизнь неустанно и упорно ломала послѣдніе остатки сословныхъ перегородокъ, но не всѣ замѣчали это, и Любочка наивно и слѣпо

вѣрила, что она имѣетъ какое-то преимущество передъ румяной, богатырски сложенной подругой.

VII.

Поболтавъ немного съ Катей, Любочка съ тѣми же предосторожностями вернулась домой, но отъ тетокъ не укрылось ея путешествіе, и тетя Аглая сдѣлала ей за обѣдомъ замѣчаніе.

— И чего тебя туда тянетъ? Невидаль какая, дворницкая семья!..

— Тетя,—робко вставила Любочка,—я къ Катѣ...

— А, важное кушанье твоя Катя!.. Мужики были, мужики и посейчасъ...

Тетя Клеопатра медленно вытерла ротъ старенькой, дырявой салфеткой и тоже сдѣлала замѣчаніе:

— Хоть Катерина и училась въ гимназіи, а маneръ ей не откуда было набраться.

Любочкѣ стало совсѣмъ грустно. Тетя Клавдія подмѣтила это и попыталась поддержать племянницу.

— Однолѣтки онѣ. Дѣвицамъ, извѣстно, хочется пошептаться да похихикать.

Она сказала это и оробѣла, такъ какъ Аглая посмотрѣла на нее сердито.

— Дворянская она дочь, а та мужичка. Хочется побалакать,—пусть Катерина сюда приходитъ...

И послѣ обѣда Любочкѣ нечѣмъ было занять себя. Она прибрала столъ, подмела крошки, но все это заняло мало времени. Почти машинально направилась она въ мезонинъ, къ тетѣ Клеопатрѣ и присѣла на скамеечкѣ у ея ногъ. Тетя сидѣла у окна въ креслѣ съ какимъ-то безконечнымъ вязаньемъ. На столѣ тикали часы; подъ поломъ скреблась мышь; въ стѣны постукивалъ морозъ. Здѣсь, въ свѣтелкѣ было полное затишье, отдѣленность отъ всего міра.

Сюда даже не доходила унылая пѣсня старика Керимова.

— Тетя, — печально сказала Любочка, — отчего это такъ скучно на свѣтѣ?

И старѣющаяся тетя невольно вздохнула ей въ отвѣтъ.

— Зачѣмъ скучать,—наставительно замѣтила она, не желая поддерживать это настроеніе въ дѣвушкѣ, — возьми какую нибудь работу.

— Да никакой работы нѣтъ.

— Дѣвушкѣ нашего круга всегда надо имѣть рукодѣлье... Ну... вышивать что-нибудь... гарусомъ... Цвѣты какіе нибудь, собачку, охотника въ горахъ...

Но, спохватившись, что все это недоступно имъ изъ за дороговизны, добавила:

— Разумѣется, сейчасъ нѣтъ этой работы... Ну, такъ походи, помечтай.

Потомъ, перемѣняя разговоръ, она стала говорить о значеніи ихъ рода и о древности его. Еще при Иванѣ III упоминается про Керима-оглы. Князьями бы надо быть Керимовымъ, да грамоты утеряны.

— Ты по матери Керимова,—добавила она,—и должна цѣнить это. А что обѣднѣли мы, такъ что же дѣлать. Это уже судьба.

Она долго говорила на эту любимую тему, уносясь мыслію въ давно прошедшее. Она жила въ этомъ прошедшемъ, удаленная отъ житейскихъ дрязгъ, всегда одна, всегда молчаливая, задумчивая. Слушая ее, дѣвушка была точно въ сказочномъ царствѣ, гдѣ все богато, роскошно, знатно, гдѣ сѣрая, неприглядная дѣйствительность заслонялась фантастичной завѣсой грезъ.

День угасалъ, смѣнялся сумракомъ вечера. Тетя Клавдія отложила работу и, глядя сквозь замерзшее окно на темнѣющее вечернее небо, все вспоминала прошедшее, говорила о годахъ своей молодости, о пансіонской жизни, о томъ, какая она была красавица, какъ на актѣ въ нее влюбился баронъ Штокманъ, какъ она перекинулась съ нимъ нѣсколькими французскими фразами.

— А я ему въ отвѣтъ: «Oui, m-r, mais je suis... je suis... je suis»... Вотъ, я уже стала теперь немного отставать, а прежде хорошо владѣла языкомъ. Выговоръ у меня былъ удивительный... А баронъ-то флигель-адъютантомъ былъ...

А эта блѣдная, худенькая, такая печальная, такая робкая дѣвушка уже была въ той самой залѣ, гдѣ баронъ влюбился когда-то въ тетю Клеопатру. Кругомъ гремѣла никогда не слышанная ею музыка, горѣли волшебные огни, ходили дамы, одѣтыя, какъ васильевскія. Но вмѣсто тети была она сама, Любочка, и баронъ влюблялся въ нее. А барономъ былъ тотъ молодой человѣкъ съ кокардой, который встрѣтился съ ней въ городѣ, въ бакалейной лавкѣ.

Сумерки совсѣмъ надвинулись; становилось трудно различать предметы. Тетя Клеопатра замолчала и грустно вздохнула. Быть можетъ, въ это мгновеніе въ головѣ ея пронеслась мысль о томъ, что все, что было, не вернется назадъ, что все минувшее, все блестящее позади, а въ настоящемъ унылая жизнь обѣднѣвшей, близкой къ нищетѣ семьи, дома съ угасающими стариками и съ этой грустной, прилѣпившейся къ нимъ молодой жизнью, готовящейся завянуть, зачахнуть, заглохнуть среди нихъ.

VIII.

— Ну, иди, дитя, Богъ съ тобой,—какъ-то особенно ласково, но съ печальнымъ вздохомъ сказала тетя Клеопатра, положивъ руку на голову племянницы.

Любочка покорно встала и сошла въ столовую. Вечеръ совсѣмъ надвинулся, но на западѣ еще догорала на ясномъ, блѣдномъ небѣ багровая заря. Морозъ крѣпчалъ и постукивалъ въ старыя стѣны дома.

Любочка прошлась по комнатѣ и стала у обледенѣвшаго окна, безцѣльно глядя въ темнѣющую даль. Кругомъ все было тихо; только изъ комнаты дѣда доносилось его однотонное жужжаніе. Потомъ до слуха дѣвушки дошелъ по чистому морозному воздуху ударъ колокола, за нимъ другой, третій. Звонили къ вечернѣ въ селѣ Знаменскомъ.

Тяжелая, ноющая грусть сосала сердце Любочка. Она не сознавала, но чувствовала, что угасаетъ въ этомъ домѣ, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлена. Здѣсь жизни нѣтъ, здѣсь руина только былого. Жизнь создала новыя требованія, и жизнь безжалостна къ тѣмъ, кто не признаетъ этихъ требованій, не покоряется имъ. А Любочка не умѣетъ создать себѣ иныхъ условій, она даже не знаетъ, гдѣ и какъ живутъ иначе. Уже давно безпредметная печаль—всегдашняя спутница Любочки. А сердце чего-то проситъ, рвется куда-то, тоскуетъ...

Когда совсѣмъ стемнѣло, тетя Клавдія пронесла изъ кухни самоваръ въ свою комнату. Вечерній чай всегда пили у нея, и это время было лучшимъ для всей семьи. Въ маленькой комнаткѣ было тепло и уютно; старенькая лампа весело освѣщала убогое убранство ея. Но ни тетки, ни Любочка не замѣчали убожества комнаты и съ наслажденіемъ пили въ прикуску дешевенькій и жидкій чай.

Старшія тетки поглощали неимовѣрное количество чашекъ, и Любочка замѣчала, что всегда молчаливыя старушки становились въ эти часы разговорчивы, почти веселы.

Тетя Клеопатра не всегда присоединялась къ компаніи, но за то нерѣдко появлялись за чаемъ странники и странницы, заглядывавшіе иногда въ усадьбу.

Тетки были богобоязненны и привѣчали странныхъ. Но Любочка знала и то, что тетя Клеопатра, несмотря на свою набожность, держалась отъ этихъ гостей дальше, чѣмъ сестры. Она будто боялась уронить себя. И гости дичились и побаивались ея. Если она приходила на вечернее чаепитіе, странники подбирались, церемоннѣе принимались за чай, чаще вздыхали молитвенно и елейнѣе взглядывали на иконы.

Сегодня гостей не было, но чаепитіе прошло, какъ всегда,

оживленно. Тетя Клеопатра была, правда, задумчива, меланхолична, за то простодушная тетя Клавдія занимательно разсказывала, что у Знаменской діаконицы чего-чего не дѣлали, чтобы буренка носила телокъ, а она сегодня опять отелилась бычкомъ. Тетя Аглая, ехидно поджимая губы, замѣтила:

— А вотъ, не хотѣли меня слушать, вотъ, и вышло. Больно умны стали...

— Боязно, Аглаюшка,—возразила тетя Клавдія,—нутка-ли: какъ ее стельную перетащишь животомъ черезъ колоду?

— Какъ люди добрые, такъ и они. Вонъ у мельничихи сдѣлали по моему, теперь корова третій разъ телкой телится. А свинью перетащили, такъ она четырнадцать поросятъ принесла. Нѣтъ, больно умны стали наши попы...

Тетя Аглая имѣла какой-то зубъ на причтъ, а сестры ея догадывались о причинѣ этого неудовольствія и стыдились этой причины. Тетя Аглая съ лѣтами становилась все злѣе и злѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все набожнѣе. Но, отдаваясь набожности, она начинала увлекаться старой вѣрой. Она еще колебалась, была на распутьи. Съ одной стороны, будто стыдно, съ другой,—ужъ очень страшно говоритъ бабушка Степанида про загробную отвѣтственность церковныхъ. И тетя Аглая переставала ходить въ церковь, начинала молиться не на всѣ иконы и возненавидѣла причтъ...

Чай окончился и окончилось оживленіе. Опять Любочка не знала, чѣмъ наполнить время, и съ нетерпѣніемъ ожидала, когда можно будетъ ложиться въ постель. Но, когда часъ этотъ пришелъ, дѣвушка долго не могла заснуть. Все вспоминался ей невѣдомый, волшебно прекрасный залъ, залитый огнями, и толпа нарядныхъ людей, и *онъ*, фантастичный баронъ, съ кокардой на шапкѣ.

Изъ комнаты дѣда доносилась его удручающая пѣсня; за обоями хрустѣла зубами мышь. На деревнѣ лаяла собака, доносился сухой звукъ колотушки ночного сторожа.

IX.

Домъ Керимовыхъ былъ въ волненіи. Давнишняя знакомая сестеръ, странница Улитушка пришла утромъ и съ таинственнымъ видомъ заявила шопотомъ, что самъ Гриша пожалуетъ сегодня къ нимъ. Видѣть его и бесѣдовать съ нимъ давно порывались и тетя Аглая, и тетя Клавдія, но Гриша гнушался женскаго пола, не хотѣлъ никого принимать и самъ не шелъ ни къ кому. А теперь онъ вдругъ, пожелалъ навѣстить домъ.

Любочка волновалась больше всѣхъ. Она и рада была этому посѣщенію, и страшилась его. О Гришѣ она слышала

давно, и разъ видѣла его издали. Это былъ еще молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, съ огненными глазами, съ энергичнымъ лицомъ.

Въ деревнѣ Куликовкѣ, верстахъ въ четырехъ отъ Горокъ была усадьба разбогатѣвшаго крестьянина-собственника, Степана Кузовлева, который не только выкупилъ надѣлъ, но пріобрѣлъ въ разныхъ мѣстахъ большое количество пустошей, преимущественно съ лѣскомъ. Принадлежала ему, между прочимъ, хорошая сосновая роща, начинавшаяся сейчасъ за гуменниками сельца Горокъ и сливавшаяся съ большимъ боромъ казеннаго вѣдомства. Но Степанъ Кузовлевъ, накупивъ столько добра, постепенно совсѣмъ отсталъ отъ деревни и зажилъ осѣдло въ Бирскѣ, гдѣ велъ торговое дѣло. Туда же онъ перевелъ жену, дочерей и старшаго сына, лишь изрѣдка навѣдываясь на родину и навѣщая старуху мать, которая осталась въ Куликовкѣ сторожить имѣніе.

У Степана Кузовлева былъ еще сынъ, Григорій, который вначалѣ доставлялъ ему много огорченія, а подъ конецъ завоевалъ его боязливое уваженіе. Сынъ этотъ съ дѣтства отличался пылкой набожностью, страстностью и суровостью. Юношей онъ увлекся чтеніемъ священныхъ книгъ, постоянно бывалъ на церковныхъ службахъ, гдѣ не столько молился, сколько, повидимому, вдумывался въ слышанное, точно критиковалъ богослуженіе, а въ двадцать лѣтъ, когда былъ уже завиднымъ женихомъ, взялъ паспортъ и куда-то скрылся. Оказалось, что онъ пробрался на Аѳонъ и тамъ жилъ года четыре подрядъ. Доходили до родни слухи, что онъ скоро приметъ постриженіе, но Гриша почему-то такъ же внезапно оставилъ Аѳонъ, какъ внезапно ушелъ изъ родительскаго дома. Съ той поры Гриша то появлялся въ Куликовкѣ, мрачный, суровый, съ видомъ аскета, одѣтый въ подрясникъ и черную шапочку, то опять уходилъ въ странствіе, не говоря никому, куда идетъ и зачѣмъ. Онъ вообще почти ничего не говорилъ и глядѣлъ на всѣхъ окружающихъ съ суровымъ пренебреженіемъ. Извѣстно было лишь то, что онъ обошелъ множество монастырей, что пробовалъ остаться въ нѣкоторыхъ совсѣмъ, но его вездѣ не выносили за его гнѣвливое высокомѣріе, за наклонность учить, порицать, ставить въ примѣръ себя. Наконецъ, онъ вернулся домой, построилъ въ отцовской рощѣ за Горками, гдѣ была пасѣка, маленькую избушку и зажилъ тамъ, одинокій, суровый, сторонясь людей. Ѣду носила ему бабушка изъ Куликовки, а занятіями его были пчелы да священныя книги, надъ которыми онъ просиживалъ цѣлыми днями. Его начинали все больше и больше уважать и бояться, а онъ становился все угрюмѣе, все ненавистнѣе глядѣлъ на людей. Когда къ нему приходили за совѣтомъ по

дѣламъ вѣры, онъ нахмуренно и пристально глядѣлъ прямо въ глаза посѣтителю, молчалъ нѣкоторое время и, наконецъ, произносилъ съ невыразимымъ презрѣніемъ:

— Пенью молись...

— За что, отецъ, обижаешь?—робко отзывалась какая-нибудь старуха.

Но Гриша не смягчался. Въ лучшемъ случаѣ онъ просто отворачивался и шелъ за перегородку. Если же бывалъ не въ духѣ, то, уходя, плевалъ въ сторону, а то и выгонялъ посѣтителя:

— Все едино пропадешь, окаянный...

Но уваженія онъ не терялъ отъ людей. Многіе почитали его за святого, говорили, что онъ ѣстъ постное даже въ Свѣтлое Воскресенье, что носитъ вериги и ночи простаиваетъ на поклонахъ...

Гриша долго не шелъ. Самоваръ для вечерняго чая уже второй разъ подогрѣвали. На столѣ въ комнатѣ тети Клавдіи были приготовлены разные сорта варенья, булочки изъ хорошей, бѣлой муки, сдобныя лепешки. За печеніемъ этого тѣста тетя Клавдія провела все утро. А Гриша все не шелъ.

Въ ожиданіи его разговоръ велся вполголоса и отрывисто. Взволнованная и даже блѣдная отъ робости Любочка пріютилась въ уголкѣ, за дверью. Противъ нея, у окна помѣщались тетки Аглая и Клавдія, а сбоку Улитушка, женщина лѣтъ пятидесяти, худая, сморщенная, съ вострыми, пронырливыми глазками, повязанная поверхъ головного платка еще другимъ, сложеннымъ лентой и завязаннымъ на темени въ узелъ съ концами на подобіе заячьихъ ушей. А у лежанки прямо на полу, обхвативъ руками колѣни, ютился блаженный Кириллушка, мужикъ лѣтъ сорока пяти, тучный, ожирѣвшій, съ хищными челюстями, далеко выдвинутыми впередъ. Въ Кириллушку многіе вѣрили, но почему-то мало его уважали, какъ будто все еще не рѣшая, что онъ такое: святой или плутъ. Самъ Кириллушка изо всѣхъ силъ старался быть юродивымъ, но въ настоящую минуту робѣлъ вдвойнѣ. Робѣлъ онъ прежде всего въ ожиданіи Гриши, а затѣмъ робѣлъ Клеопатры Николаевны. Послѣдняя никогда не сходила внизъ ради юродиваго и отзывалась о немъ неодобрительно; но сегодня она должна была придти, чтобы слушать Гришу.

Вскорѣ она, дѣйствительно, пришла своей величавой походкой, высокомѣрно оглядывая присутствующихъ сквозь стеклышко сложеннаго лорнета. Улитушка подскочила къ ея ручкѣ и поднесла просфору.

— Богъ милости прислалъ, матушка барыня, — сладко и нараспѣвъ заговорила она,—отъ святого угодника Спиридонія

несла для тебя, золотая. Преподобнымъ Зосимѣ и Савватію молебенъ отслужила... Во здравіе кушай, родная...

Тетя Клеопатра благосклонно приняла даръ. Она была разсѣянна и слегка взволнованна. Но затѣмъ вниманіе ея привлекъ какой-то шумъ въ углу, у лежанки. Блаженный завозился, вдругъ, на полу и началъ пыхтѣть и таращить глаза. Потомъ забормоталъ какую-то нескладицу:

— Пѣтухъ пѣлъ, не допѣлъ... Ку-ка-ре-ку, боярышня... Микита угодникъ палкой грозитъ, сѣчь велитъ... Батюшка, помилуй!.. Аллилуія!..

Тетя Клеопатра нахмурила брови и вопросительно поглядѣла на сестеръ.

X.

Но сестры уже трепетали отъ этихъ словъ Кириллушки. Тетя Аглая нагнулась и прошептала на ухо Клеопатрѣ:

— Это юродивенькій... во Христѣ юродивенькій... Божій человѣкъ...

А Кириллушка рѣшился усилить впечатлѣніе. Онъ, вдругъ, вскочилъ однимъ прыжкомъ на ноги и, покачиваясь со стороны на сторону тучнымъ тѣломъ, подошелъ неуклюжей, медвѣжьей походкой къ Клеопатрѣ Николаевнѣ и протянулъ ей конфетку въ страшно засаленной бумажкѣ.

— На, потребь... Бѣлка скачетъ по лѣсу, а воробышекъ чикъ, чирикъ... Флоръ да Лавёръ, не го-они!..

Тетя Клеопатра немного поколебалась, но взяла конфетку, смущенная и слегка оробѣвшая. А Улитушка зашептала скороговоркой, подхвативъ себя подъ животъ руками и нагнувшись къ Клеопатрѣ Николаевнѣ:

— Счастіе, счастіе тебѣ подалъ, матушка, счастія ожидай...

Кириллушка, довольный впечатлѣніемъ, повернулся и пошелъ въ свой уголъ, бормоча себѣ что-то подъ носъ хриплымъ басомъ.

Въ эту минуту растворилась дверь, и Матрена высунула свое перепуганное круглое и рябое лицо.

— Пришелъ!..

Впечатлѣніе отъ этихъ словъ было сильное. Всѣ, кромѣ тети Клеопатры, заволновались, вскочили съ своихъ мѣстъ. Даже Кириллушка и тотъ сталъ на колѣни и плотнѣе забился въ уголъ. Улитушка, а за ней тетя Аглая опрометью бросились встрѣчать гостя и черезъ минуту вводили его въ комнату.

Онъ вошелъ непринужденно, совершенно не смущаясь этой суматохой, принимая знаки почтенія, какъ нѣчто должное. Онъ остановился у порога, помолился на образа, потомъ огля-

нулся, куда бы положить свою шапочку послушника, слегка поправилъ густые, черные и длинные волосы и спокойно, съ увѣренными тѣлодвиженіями сѣлъ у стѣны къ столу, напротивъ Клеопатры Николаевны.

Онъ ни съ кѣмъ не поздоровался и ни на кого не поглядѣлъ. Онъ попросту сказалъ отрывистымъ тономъ.

— Ну, давайте чайку... Озябъ нешто...

Матрена уже вносила кипящій самоваръ, а тетя Аглая торопливо заваривала чай. Тетя Клеопатра, пользуясь тѣмъ, что Гриша упорно глядѣлъ куда-то въ уголъ на полъ, съ любопытствомъ разглядывала гостя. Онъ ей не понравился, и она перестала волноваться. Лицо красивое, съ тонкими чертами, умное, смѣлое, энергичное. Глаза черные, огневые, съ выраженіемъ непреклонной суровости; волосы и небольшая бородка густые, волнистые. Но отъ всей наружности вѣетъ такою самонадѣянностью, такимъ презрѣніемъ ко всему окружающему, что становится тяжело.

А Гриша раза два оглядывался назадъ черезъ плечо, потомъ сѣлъ въ полоборота и уставился прямо на Любочку, которая ютилась за дверью на сундучкѣ, ни жива, ни мертва. Съ полминуты разглядывалъ онъ ее нахмуреннымъ взоромъ и, наконецъ, проговорилъ сердитымъ голосомъ:

— Чай ро́маны все читаешь?

Онъ дѣлалъ удареніе на слогѣ ро. Но вспыхнувшая дѣвушка не въ силахъ была произнести ни слова. Да и плохо понимала она, что значитъ слово романъ.

— У вашей сестры только и дѣла, что ро́манами заниматься, — продолжалъ Гриша, повертываясь опять къ столу и принимая изъ рукъ Аглаи чашку чая.

— У насъ свѣтскихъ книгъ почти нѣтъ, — тихонько замѣтила тетя Клеопатра.

— Окромя духовныхъ ничего не читаетъ, — вставила тетя Аглая.

А Улитушка добавила съ подобострастнымъ видомъ:

— Дѣвица скромная... Благонравіе...

Гриша сердито вскинулъ на нее черные глаза.

— Ты, что-ль, благонравію-то учишь?

Улитушка уничтожилась и спряталась за колоссальную тетю Клавдію, которая ничего не поняла изъ разговора, но умиленно глядѣла на Гришу, подперевъ щеку ладонью и придерживая другой рукой локоть.

Гриша молча пилъ чай съ блюдечка, упорно глядя въ уголъ и сильно дуя на горячую жидкость. Когда онъ окончилъ чашку и протянулъ ее къ Клеопатрѣ Николаевнѣ, сидѣвшей за самоваромъ, Аглая рѣшилась обратиться къ нему и проговорила, поджимая свои узкія, безкровныя губы:

— Изреки, родной, въ поученіе намъ грѣшнымъ...

Но Гриша не успѣлъ ничего отвѣтить. Его вниманіе привлекъ на себя притаившійся вначалѣ у лежанки Кириллушка. Блаженному надоѣло безмолвствовать; онъ слегка завозился на колѣняхъ и началъ что-то бормотать. Гриша внимательно разглядывалъ его.

— Спасаешься? — отрывисто и сурово проговорилъ онъ своимъ будто металлическимъ голосомъ.

Кириллушка не ждалъ вопроса и растерялся до того, что вмѣсто обычнаго безсвязнаго бормотанья отвѣтилъ вразумительно, хотя и трепетно:

— По малости, отецъ, по малости...

— На сдобныхъ то лепехахъ?

Гриша презрительно кивнулъ при этомъ на лепешку, которая лежала на полу около блаженненькаго и была наполовину уже съѣдена. Улитушка не утерпѣла и подобострастно хихикнула. Блаженный почувствовалъ, что срѣзался, и въ отчаяніи рѣшился идти на удалую. Поэтому онъ состроилъ дурашливое лицо, ударилъ себя лепешкой по животу и завопилъ:

— Бѣсъ-отъ лѣзетъ въ нутро... А я его поверху: тукъ, тукъ... Борютъ страсти, ой, борютъ!.. Караулъ!.. Отче Пафнутіе, защити!.. Аллилуія...

— Ну, ну,— презрительно перебилъ Гриша,—слыхали таковыхъ. Не удивишь...

Наступило неловкое молчаніе. Кириллушка совсѣмъ упалъ духомъ и еще плотнѣе забился въ уголъ. Улитушка оробѣла, да и хозяйка чувствовала себя не ловко. А Гриша задумчиво пилъ третью чашку и, казалось, не замѣчалъ того угнетающаго впечатлѣнія, которое производилъ на всѣхъ.

— Да. Научи, наставь, — началъ онъ будто про себя, — научишь васъ, мірскихъ... Держи карманъ...

— Родной,—не вытерпѣла Аглая,—да ужели-жъ только по монашеству и спа́сенье?

Гриша хмуро поглядѣлъ на нее.

— А вы дѣвица, аль вдова?

— Вдова, батюшка, тридцатый годъ вдовѣю.

Гриша продолжалъ разсматривать ее.

— А честно ли вдовѣешь?

— Вотъ, какъ передъ Истиннымъ... И въ помышленіяхъ не имѣла...

— А дѣтей рожала?

— Четверо было; четверо младенчиковъ... Да все помирали.

— Вишь, сколько блудила!

— Что ты, отецъ! да я, вѣдь, мужняя жена была... Отъ нескверного ложа...

— Разбирай тутъ васъ!.. Все одно блудъ... Тьфу!.. Вонъ и ее, чай, замужъ наровите выдать?

Онъ, не глядя, ткнулъ пальцемъ черезъ плечо въ сторону Любочки.

— Какъ Богъ приведетъ,—робко замѣтила тетя Клеопатра.

— Все блудъ, все анаѳема... Такъ и пропадете въ смердящемъ грѣхѣ...

Онъ принялся опять за чай, не обращая ни на кого вниманія и сердито дуя въ блюдечко. Какая-то тоска охватила бесѣдующихъ.

XI.

— Въ монастыряхъ, говоришь? — началъ опять Гриша, какъ бы разсуждая самъ съ собой,—нѣтъ, врешь; знаемъ мы ваши монастыри, бывали... Съ рожи-то блаженъ мужъ, а поглядѣть... Каждый наровитъ стать надъ тобой старшимъ, поучать... А самъ больно хорошъ... Послушанія требуютъ. А ты, говорю, сыпалъ ли о святкахъ въ нетопленой избѣ? а я сыпàлъ... А ты, спрашиваю, стаивалъ ли на колѣняхъ посуткамъ, не жравши, ни пивши? А я стаивалъ; такъ ты меня не учи...

Онъ замолчалъ и обвелъ сидѣвшихъ сумрачнымъ взоромъ. Трепетъ и уныніе отъ его словъ все увеличивались. А онъ уже возвышалъ голосъ, глаза его горѣли почти ненавистью. Онъ отстранилъ отъ себя чашку и оглядывалъ каждую изъ слушательницъ, точно желая провѣрить впечатлѣніе отъ своихъ словъ.

— Нѣтъ, ты плоть-то свою окаянную умертви... Ты чего меня чаемъ блазнишь? Я, братъ, чаю выпью; озябъ и выпью. Да за то я ночь простою на покаянной молитвѣ, а ты спать завалишься... А туда же о спасеніи спрашиваетъ! Я грѣшу; кто не грѣшитъ? Да я за то каюсь. Я ни одного грѣха не пропущу. За каждый, самый маленькій два ста поклоновъ отваляю... Вотъ, оно что... А вамъ бы только языкомъ звонить да воздыхать... На воздыханіяхъ-то, мать, далеко не уѣдешь. Кабы отъ воздыханіевъ спасались, такъ въ раю мѣста бы не хватило. А тамъ, слышь, пусто. Жителей-то нѣтъ никого... Нѣтъ, ты лбомъ-то постукай, ты ночи-то не досыпай, на поклонахъ стой...

Женщины, не исключая и тети Клеопатры, скорбно вздыдали. Тетя Клавдія плакала, а у Любочки сердце мучительно сжималось. Кириллушка опять осмѣлѣлъ въ своемъ углу:

— Бѣса-то, бѣса за хвостъ емли; за поганый-то щемли... Тьфу, тьфу! разсыпься!..

Гриша грозно поглядѣлъ на него.

— А ты молчи ужо... Учитель!..

— Вы полагаете, — уже мягче обратился онъ къ женщинамъ,—спасеніе-то легко дается? Нѣтъ, не легко; особливо, кто ложа брачнаго вкусилъ... Не догляди только, сейчасъ въ чревоугодіе вдаришься, а тамъ, глядишь, мечта напала, а тамъ и лобъ забылъ крестить... Нѣтъ, ты денно, нощно за собой наблюдай, изнуряй себя постомъ, молитвеннымъ стояніемъ. Вотъ, тутъ и воздыхай, сколько влѣзетъ.. За молитвой на колѣняхъ и воздыханіе на пользу бываетъ.

Улитушка почтительно кашлянула въ руку и осмѣлилась вставить словечко:

— Ужъ про тебя, родной, ве-еликая слава идетъ... Ужъ умѣешь молиться, охъ, умѣешь.

Но Гриша и этимъ не смягчился.

— Умѣю-ли, нѣтъ-ли, про то мнѣ знать... А что монастырскимъ не уважу, такъ это вѣрно... Угодники то какъ молились? Слыхали-ли?

— Какъ, родной, не слыхать, слыхали.

— То то оно и есть... Вотъ, какъ молиться надо... Ну, прощайте, миръ вамъ.

Онъ всталъ и взялъ съ лежанки свою шапочку.

— Отецъ, а отецъ,—уже слезливымъ голосомъ заговорила Аглая,—да неужели-жъ такъ всѣ и пропадемъ?

— Такъ и пропадете, какъ анаѳемы, коли будете плотоугодничать да блудить... Плоть изнуряй, плоть подлую губи...

Онъ вышелъ быстрымъ шагомъ, сопровождаемый женщинами.

Когда чаепитіе возобновилось, настроеніе собесѣдниковъ было смутное, тягостное. Тетя Клеопатра не выдержала и удалилась въ свою комнату. Улитушка принялась за лепешки, но сокрушенно и воздыхая. Тетя Аглая пила чай съ блюдца, но развивала тему, затронутую Гришей:

— Плоть-то манитъ,—говорила она своимъ скрипучимъ голосомъ,—плоть-то сильна. А ты ее пяточкой, пяточкой...

Кириллушка попытался было вернуть себѣ утраченное положеніе и съехидничалъ по адрессу ушедшаго Гриши:

— Подрясникъ надѣлъ, а по швамъ-то бѣсы, бѣ-ѣсы...

Но никто не обратилъ вниманія на его слова; даже поддерживавшая его дотолѣ Улитушка коварно огрызнулась:

— Ужъ ты молчи, что-ли!.. Знаемъ, какова ты птица...

Въ эту ночь тетя Аглая молилась дольше обыкновеннаго. Тетя Клеопатра, напротивъ, совсѣмъ не молилась. Она долго и задумчиво сидѣла на постели, потомъ вздохнула, перекрестилась и легла. А тетя Клавдія, какъ всегда, прошла передъ сномъ къ Любочкѣ, перекрестить ее на ночь и угостить парочкой оладьевъ. Старушка уже давно взяла обычай отложить

что-нибудь повкуснѣй для племянницы и покормить ее въ постелѣ.

На этотъ разъ Любочка съ нѣкоторымъ негодованіемъ поглядѣла на тетку.

— Что это ты, тетя? а забыла, что тотъ-то, монахъ-то говорилъ?

— Про что, дѣвонька? Чтой-то не въ домекъ.

— А чтобы не плотоугодничать... А ты оладьи...

— И и, милушка,—простодушно возразила тетя Клавдія,— а ты не все принимай, какъ говорятъ. Ужъ такая ихъ служба, чтобы стращать.

Потомъ добавила раздумчиво:

— Оно, конечно, онъ святой человѣкъ. А ты, дѣвонька, перекрестись да со Христомъ и покушай. Богъ-отъ милостивъ... Покушай, ничего... Аглаюшка намедни сердилась, а я взяла да потихоньку опять тебѣ спекла... Ничего, покушай...

Любочка подумала немного и покушала...

XII.

Нѣкоторый разладъ воцарялся понемногу въ душѣ Любочки. Не то, чтобы она много размышляла надъ словами Гриши, не то, чтобы сокрушалась о своей грѣховности,—она просто чувствовала яснѣе, опредѣленнѣе, что живетъ не тою жизнью, которою можетъ быть довольна. Особенно ощутителенъ сталъ этотъ разладъ въ концѣ зимы. Съ половины февраля стало ощущаться приближеніе весеннихъ дней. Ночи укоротились; Любочка вставала уже безъ свѣчи, а, выходя раннимъ утромъ на волю, чувствовала какое-то особенное, радостное и вмѣстѣ грустное настроеніе. По небу ходили низкія, тяжелыя тучи, шумѣли вьюги, сыпались снѣга, но холодовъ уже не было, въ воздухѣ чуялось что то сладкое и манящее. А къ полудню съ крышъ бѣжала вода, дороги чернѣли, покрывались лужами; за усадьбой, на огромномъ вѣковомъ вязу появились грачи.

И въ комнатахъ стараго дома не было такъ уныло и жутко, какъ прежде. Правда, изъ-за дверей дѣдушкиной спальни попрежнему слышалось удручающее жужжанье; правда и то, что тетя Аглая стала еще придирчивѣе и капризнѣе, а тетя Клеопатра еще грустнѣе,—но Любочка и въ этихъ старыхъ, одряхлѣвшихъ покояхъ, наполненныхъ отжившими людьми, чувствовала приближеніе весны.

Но тѣмъ сильнѣе говорилъ разладъ въ ея дремлющей душѣ. Какой-то внутренній голосъ будто шепталъ ей про ея жизнь: «не то, не такъ надо жить»... И ей хотѣлось бѣжать куда-то

далеко, далеко, за ту черту, гдѣ небо сошлось съ землей. Тамъ, за этой чертой иная жизнь, тамъ счастіе, радость, а здѣсь все пусто, все мертво...

Любочка съ дѣтства любила бывать одна; давно уже пристрастилась она къ уединеннымъ прогулкамъ, во время которыхъ прислушивалась къ шуму вѣтра, къ таинственнымъ разговорамъ лѣса. За усадьбой дома Керимовыхъ открывалось небольшое поле, а за полемъ начинался огромный, вѣковой боръ. Любочка любила подойти къ старымъ соснамъ, слушать, какъ вершины лѣса все о чемъ-то говорятъ, будто передаютъ другъ другу какую-то тайну, и приглядываться, какъ тихо качаютъ старыми головами огромныя дерева.

Бѣлка перескакивала съ вѣтки на вѣтку; робкій заяцъ мягко выпрыгивалъ изъ-за ствола сосны, сторожко подымалъ уши и, покрутивъ носомъ, уходилъ въ глубь лѣса,—но дѣвушка мало обращала вниманія на все это. Она все глядѣла на вершины и все слушала, будто хотѣла понять, о чемъ шепчутся старыя сосны, что за тайна удручаетъ ихъ...

Послѣ посѣщенія Гриши Любочка почему-то стала бояться ходить въ лѣсъ. Она помнила, что Гриша живетъ гдѣ-то недалеко отсюда, на пасѣкѣ. Да и снѣга стали глубоки и ходить было затруднительно. Однако, ее потянуло подъ конецъ зимы къ лѣсу. Понемногу она проторила тропу и, когда въ первый разъ остановилась у корней огромныхъ вѣковыхъ сосенъ, сладкое чувство охватило ее съ удвоенной силой... Осенью и въ началѣ зимы сосны шумѣли угрюмо, печально. Казалось, безысходная грусть удручала ихъ. Но теперь подъ легкимъ дуновеніемъ теплаго южнаго вѣтра будто радостный трепетъ какой пробѣгалъ по вершинамъ, что-то сладкое, сулящее надежды шептали великаны, и сердце дѣвушки начинало замирать ожиданіемъ чего-то невѣдомаго, но прекраснаго. А гдѣ-то глубоко подъ снѣгами чуть слышно пробивался первый ручей, журча тихимъ, заглушеннымъ ропотомъ. Молодая березка наливала почку; зяблики начинали отзываться въ глубинѣ чащи...

И однажды Любочка поймала себя на мысли о томъ молодомъ человѣкѣ съ кокардой, котораго она встрѣтила когда-то въ Васильевскѣ. Теперь она уже совершенно не могла представить себѣ его лица, но онъ былъ единственный видѣнный ею мужчина ея круга, и мысли Любочки невольно обращались къ нему. Понемногу фантазія ея начинала работать сильнѣй и сильнѣй. Подъ сладкій шумъ лѣса, среди мягкаго, ласкающаго дуновенія теплаго вѣтра, несущаго вѣсти о веснѣ, она грезила смутными, неясными думами, уносилась душой прочь отсюда, видѣла себя въ сказочныхъ, волшебныхъ краяхъ. И вездѣ былъ *онъ*, этотъ человѣкъ съ кокардой. Онъ уводилъ ее изъ этой скучной, монотонной жизни, гдѣ она не знала, чѣмъ

наполнить время, онъ показывалъ ей жизнь иную, радостную, гдѣ не надо задумываться надъ вопросомъ: зачѣмъ я живу, кому я нужна. И вотъ она съ этимъ молодымъ человѣкомъ пускалась въ невѣдомый, но радостный путь; и на пути этомъ были радость, покой и... любовь. О, конечно, она не забывала и о теткахъ; особенно о тетѣ Клавдіи. Она захватывала и ихъ съ собой. Но о нихъ не хотѣлось мечтать. Мечты ея витали около *него* и касались той иной, лучшей жизни, къ которой безсознательно рвалась ея дремлющая душа.

Но черезъ нѣсколько дней *онъ* уже сталъ принимать опредѣленный видъ. У него были длинные черные волосы, такая же бородка и пламенные темные глаза. Онъ, этотъ человѣкъ съ кокардой, глядѣлъ страшно сурово; онъ готовился предать проклятію весь человѣческій родъ. Онъ становился удивительно похожъ на подвижника Гришу...

Тогда Любочка смутилась и поскорѣе ушла домой. Но въ ту же ночь она увидала во снѣ молодого человѣка съ кокардой, одѣтаго такъ изысканно, съ такимъ яркимъ галстухомъ на шеѣ и такъ похожаго на Гришу!.. Этотъ назойливый молодой человѣкъ бралъ ея руку и крѣпко пожималъ. А самъ глядѣлъ въ глаза дѣвушки строгими темными глазами, но глаза его становились все мягче, все нѣжнѣе...

XIII.

Однажды она стояла подъ соснами въ своихъ неопредѣленныхъ сладкихъ мечтахъ. День выдался теплый, солнечный. Снѣговъ уже убыло. Около корней виднѣлась земля, а въ голубомъ небѣ звенѣлъ первый нетерпѣливый жаворонокъ.

Любочка глубоко вздохнула; у нея навертывались слезы отъ восторга и тоски. Она чувствовала, что сердце манитъ ее куда-то, влечетъ и тоскуетъ. И вдругъ, она оглянулась черезъ плечо и вздрогнула отъ испуга. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея стоялъ въ своемъ черномъ подрясникѣ и шапочкѣ послушника, съ палкой въ рукѣ Гриша. Онъ строго нахмурилъ брови; черные глаза его, не сморгнувъ, глядѣли на нее. А лицо какъ то осунулось, потемнѣло съ того времени, какъ онъ пилъ чай у Керимовыхъ. Смущенная, оробѣвшая Любочка хотѣла было бѣжать домой, но Гриша сдѣлалъ еще шага два, остановился совсѣмъ близко отъ нея и все продолжалъ глядѣть прямо ей въ глаза. И этотъ взглядъ будто заворожилъ ее; она не въ силахъ была сдѣлать теперь ни шагу.

— Чего ищешь по лѣсу? — грубо проговорилъ, наконецъ, Гриша.

Она не сразу поняла вопросъ; она была до такой степени перепугана, что готовилась заплакать.

— Ничего,—чуть слышно прошептала она.

— Глядишь, слушаешь, воздыхаешь,—продолжалъ Гриша,—а не вѣдаешь, что бѣса тѣшишь... Не по лѣсу ходить, не мечтой утѣшаться, а постомъ да стояніемъ плоть усмирять надо... Ну, говори: одолѣваетъ мечта?..

И Любочка покорно прошептала, хотя и не поняла вопроса:

— Одолѣваетъ.

— То-то вотъ оно-то... А все это блудъ, оскверненіе... Плоть балуетъ, кровища играетъ... Тьфу!.. Домой иди, а сюда нечего таскаться... На молитву становись, хлѣбомъ съ водой питайся, не то пропадешь.

Онъ круто повернулся и пошелъ было прочь, но затѣмъ, вдругъ, остановился и почти подбѣжалъ къ дѣвушкѣ. Онъ близко нагнулся къ ея перепуганному лицу и съ особеннымъ выраженіемъ крикнулъ ей:

— О комъ мечта? Говори.

Любочка совсѣмъ оробѣла и отступила шагъ назадъ. Лицо Гриши страшило ее; оно перекосилось какой-то не то усмѣшкой, не то гримасой. А голосъ слегка вздрагивалъ.

— Небось, ноетъ блудное сердце?.. Ну, признавайся, по комъ болитъ...

— Ни... по... комъ...—прошептала Любочка.

— Ни по комъ?.. Знаемъ мы васъ... У васъ нѣшто путное что есть на сердцѣ?.. Пропадешь, анаѳема будешь... Изъ головы выкинь; гони мечту... Все блудъ, все пакости... — Онъ опять было пошелъ и снова вернулся.

— Про вѣнецъ, чай, думаешь... И подъ вѣнцомъ все тотъже грѣхъ... Ни о комъ не думай... Слышишь, аль глуха?..

— Слышу.

— Ну, то-то...

Онъ нервной походкой пошелъ въ глубь лѣса, сильно ударяя на ходу палкой. Но, отойдя шаговъ тридцать, остановился и, опустивъ голову, стоялъ нѣкоторое время, будто въ раздумьи. Потомъ повернулъ голову и глядѣлъ черезъ плечо, какъ дѣвушка шла къ усадьбѣ легкой, эластичной походкой. Онъ глядѣлъ, а самъ точно въ припадкѣ гнѣва постукивалъ по землѣ палкой...

А перепуганная вначалѣ этой встрѣчей Любочка, подходя къ дому, совсѣмъ оправилась отъ страха. Она даже улыбнулась, вспомнивъ, что Гриша воспрещаетъ ей мечты о вѣнцѣ.

— Ишь какой!—храбро и вызывающе подумала она.

Въ эту ночь она долго, лежа въ постели, вспоминала про встрѣчу въ лѣсу съ Гришей, и въ туманѣ ея робкаго вообра-

женія опять всплывалъ человѣкъ съ блестящей кокардой и съ черными, гнѣвными глазами Гриши. Но глаза эти понемногу утрачивали огонь гнѣва, загорались тихимъ свѣтомъ нѣжности. Глаза эти что-то говорили, куда-то звали. И Любочка, уже засыпая, уже погружаясь въ міръ сновидѣній, все видѣла передъ собой эти глаза.

XIV.

На Святой недѣлѣ тихую, забытую усадьбу Керимова нежданно посѣтили гости. Пріѣхала Капитолина Ивановна Щурова съ сыномъ своимъ Демидомъ Ираклієвичемъ.

Щурова, вдова мелкаго чиновника, была знакома съ обитательницами усадьбы Горки, но уже давно не навѣщала ихъ. Теперь же, войдя въ столовую и встрѣтивъ оторопѣвшую отъ неожиданности Клавдію Николаевну, она, долго не думая, бросилась цѣловаться съ ней.

— Едва васъ признала, Клавдія Николаевна,—сладко улыбаясь и тяжело дыша, вслѣдствіе тучности, начала она, — столько лѣтъ не видались мы... Рекомендую: сынъ мой Діомидъ...

Смущенная, тетя Клавдія не сразу догадалась, кто эта тучная дама въ старенькомъ шелковомъ платьѣ, въ самодѣльной наколкѣ на сѣдѣющей головѣ. Проговоривъ что-то невнятное и замѣтивъ, что изъ корридора идетъ сестра Аглая, тетя Клавдія спѣшно прошла въ кухню, ставить для гостей самоваръ.

— Аглая Николаевна, душечка, вотъ радость то увидаться съ вами!—продолжала Щурова, цѣлуясь и съ ней и усаживаясь на старенькій диванчикъ,—рекомендую: мой сынъ Діомидъ.

Но тетя Аглая только пожевывала беззубымъ ртомъ и строго оглядывала любезную гостью и ея расшаркивавшагося сына. Положеніе гостей стало лучше лишь съ приходомъ тети Клеопатры, которая обошлась съ ними привѣтливѣе. Она была по обыкновенію спокойна, медлительна, важна, и Щурова чувствовала себя при ней какъ въ рамкахъ; но эта хозяйка хоть не глядѣла такъ враждебно, какъ Аглая, не спрашивала глазами: зачѣмъ пришли? И гостья сама поспѣшила пояснить причину своего визита.

— Вотъ, вѣрите-ли, Клеопатра Николаевна, присталъ этотъ шалунъ и присталъ: ѣдемъ представиться вамъ. Ужъ я и такъ и эдакъ: онѣ, говорю, знакомствъ не поддерживаютъ, живутъ, можно сказать, уединенно, — нѣтъ, поѣдемъ, мамаша, милая, поѣдемъ...—Тетя Клеопатра окинула взоромъ молодого Щурова и ласково улыбнулась ему.

— Прекрасно сдѣлали. И мы люди; нечего насъ заживо хоронить.

Когда же пришла Любочка, едва давшая себя уговорить не прятаться отъ гостей, и поздоровалась съ ними, никого не видя и не слыша отъ смущенія, — Капитолина Ивановна сказала сыну:

— Діомидушка, подай барышнѣ ручку да и идите погулять по саду. А мы тутъ посидимъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, — поддержала ее тетя Клеопатра, — идите-ка, погуляйте. Что вамъ со стариками скучать...

Молодые люди вышли, а Капитолина Ивановна, подсѣвъ поближе къ хозяйкѣ, пояснила:

— Увидалъ сынокъ мой вашу барышню и просто покоя не даетъ: познакомимся да познакомимся.

— Что-жъ, очень пріятно,—сдержанно замѣтила тетя Клеопатра.

Тетя Аглая еще сердитѣе пожевала ртомъ, но ничего не сказала.

А Демидъ Ираклієвичъ тѣмъ временемъ тщетно пытался вызвать дѣвушку на разговоръ, похаживая съ ней по запущеннымъ, заросшимъ дорожкамъ сада. Любочка до такой степени оробѣла, что почти ничего не слышала, что говорилъ ея спутникъ, и отвѣчала односложно и трепетно. Но Щурова эта робость Любочки не очень смущала. Чѣмъ застѣнчивѣе была дѣвушка, тѣмъ развязнѣе становился онъ и безъ умолку сыпалъ словами, не затрудняясь, о чемъ говорить. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, довольно высокій, но съ впалой грудью, съ узкими плечами, съ лицомъ безцвѣтнымъ, ничего, кромѣ нѣкотораго тупого самодовольства, не выражавшимъ. Щуровъ былъ еще подъ обаяніемъ полученнаго имъ годъ тому назадъ штатнаго мѣста и перваго чина. Будущность представлялась ему лучезарной. Онъ чувствовалъ, что прочно садится на опредѣленное ему въ жизни мѣсто и что для довершенія благополучія ему надо стать семейнымъ человѣкомъ.

— Вы, сударыня, рѣдко изволите посѣщать нашъ городъ?— элегантно изгибаясь спрашивалъ онъ и самъ наслаждался своей развязностью.

— Да,—былъ трепетный отвѣтъ.

— Осмѣлюсь замѣтить: напрасно. Конечно, Васильевску далеко хоть-бы, напримѣръ, до Тамбова, или, скажемъ, Астрахани,—хотя, замѣчу, я въ этихъ городахъ и не бывалъ и точно судить не могу,—однако, и у насъ можно найти удовольствія, хотя бы, скажемъ, въ посѣщеніи городского сада, гдѣ по воскресеньямъ прогуливается много дамъ, или, предположимъ, въ посѣщеніи собора, гдѣ такой прекрасный хоръ пѣвчихъ и, можно сказать, удивительный діаконъ... Вы не изволили слышать нашихъ пѣвчихъ?

— Нѣтъ.

— Доложу вамъ: много потеряли... Не говорю, конечно, что онъ можетъ сравняться, ну, хоть, скажемъ, съ харьковскимъ, или псковскимъ,—причемъ, замѣчу, я тѣхъ не слыхалъ и судить не могу,—однако, Ламакинскую Херувимскую и наши удивительно поютъ... Изволите знать Ламакинскую?

— Нѣтъ.

— Жалѣю весьма. «Яко да Царя» тамъ поразительное. Тенора особо, басы врозь,—удивительно!..

Подъ конецъ прогулки, когда Матрена позвала ихъ пить чай, Любочка осмѣлилась взглянуть искоса на спутника. И опять ей бросилась въ глаза его фуражка съ кокардой. Но кромѣ кокарды, дѣвушка разглядѣла и лицо Щурова и удивилась, что лицо это совсѣмъ не похоже на то, которое такъ часто грезилось ей за послѣдній годъ.

XV.

Съ тѣхъ поръ завязалось знакомство между двумя домами. Старушки сестры хорошо понимали, что Щурова ищетъ для сына невѣсту съ приданымъ и что Любочка для Демида Ираклiевича не пара, какъ безприданница. Это обстоятельство волновало и тревожило Клеопатру и Аглаю; одна только тетя Клавдiя ничѣмъ не смущалась и была въ восторгѣ отъ предполагаемаго сватовства. Однако Щуровы, хотя не высказывались, но продолжали посѣщать старую усадьбу. Очевидно, Капитолина Ивановна еще не уяснила себѣ, будутъ-ли за Любочкой деньги, или нѣтъ. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ вопросъ все болѣе и болѣе запутывался. Молодой Щуровъ, повидимому, не на шутку влюбился и часто прiѣзжалъ даже одинъ въ Горки. Но затѣмъ до слуха Любочкиныхъ тетокъ стали доходить вѣсти иного рода. Оказывалось, что Капитолина Ивановна была противъ этой невѣсты и уговаривала сына искать жену въ семьѣ Гуниныхъ, гдѣ сулили за каждой дочерью пять тысячъ кромѣ тряпокъ. Насчетъ послѣдняго Капитолина Ивановна будто уже справлялась и получила благопрiятный отвѣтъ. Но молодой Щуровъ оказывался упорнымъ и настаивалъ, чтобы присвататься именно къ Любочкѣ.

Узнавъ о настоящемъ положенiи дѣла, тетя Аглая еще сердитѣе поджала губы и проворчала:

— Ну, коли онъ интересантъ, такъ поворачивалъ бы оглобли...

Тетя Клавдiя глубоко опечалилась. Въ тотъ вечеръ она нѣжнѣе обыкновеннаго поцѣловала Любочку и принесла ей сверхъ оладьевъ еще черносливу. И тетя Клеопатра была разстроена. Она уже совсѣмъ увѣровала, что свадьба будетъ, и все высчи-

тывала, сколько можетъ удѣлить на гардеробъ Любочки изъ своего капитала. И вотъ, предполагаемый бракъ опять подъ сомнѣніемъ, а Капитолина Ивановна становится такой надменной, держитъ себя будто свысока и даже не говоритъ при прощаньи, какъ прежде: «къ намъ жалуйте»...

А ничего не подозрѣвавшая относительно перемѣны мыслей Капитолины Ивановны Любочка уже привыкла къ новымъ знакомцамъ, была смѣлѣе со Щуровымъ, находила удовольствіе разговаривать съ нимъ и старалась рѣшить вопросъ: нравится онъ ей, или нѣтъ. И все больше и больше склонялась къ мысли, что нравится. Правда, онъ совсѣмъ не походилъ на того фантастичнаго и безумно влюбленнаго въ нее королевича съ черными глазами, о которомъ она мечтала, но тоже былъ въ своемъ родѣ недуренъ.

Однажды, во время визита Щуровыхъ она пошла прогуляться съ Демидомъ Ираклiевичемъ по садику, потомъ прошла съ нимъ за гуменникъ къ лѣсу. Ей было такъ хорошо и ясно на душѣ, какъ никогда.

Она чувствовала, что нравится Щурову, и сознаніе это наполняло ея душу гордостью и радостью. Смыслъ жизни будто отыскивался; она будто неожиданно открывала, что не совсѣмъ ненужна на свѣтѣ.

Молодые люди прошлись вдоль опушки лѣса и присѣли на упавшее во время бури дерево. День былъ жаркій, удушливый; стоялъ конецъ іюня, и въ воздухѣ чувствовалось приближеніе грозы. По темносинему небу ходили кудрявыя облака; на горизонтѣ они скоплялись, росли, густѣли.

А кругомъ было такъ тихо, такъ радостно. Гдѣ-то перекликались перепела; доносился ароматъ свѣже скошенной травы; ласточки съ рѣзкимъ щебетаніемъ низко проносились надъ землей.

— Ахъ, хорошо лѣтомъ,—мечтательно замѣтила Любочка.

Щуровъ вполнѣ согласился съ этимъ и постарался развить тему.

— Весьма хорошо. Лѣтомъ, извольте замѣтить, совсѣмъ не то, что зимой. Лѣтомъ тепло, а зимой холодно. Лѣтомъ вотъ мы съ вами взяли да и пошли въ лѣсъ, а зимой, согласитесь сами, надо сидѣть дома. Опять же и то сказать: лѣтомъ всякія ягоды, земляника, малина, черника, гонобобель. А зимой гдѣ ихъ найдешь?

— Зимой нѣтъ ихъ,—согласилась Любочка. Демидъ Ираклiевичъ вздохнулъ и подумалъ немного.

— Оно, съ другой стороны, и зима ничего себѣ; у кого, будемъ говорить прямо, есть молодая женка, такъ тому и зимой ничего. Вернешься этакъ со службы, пообѣдаешь, чайку попьешь, женку поцѣлуешь. А тамъ кто-нибудь изъ знако-

мыхъ придетъ, пулечку небольшую устроить... Только надо женку имѣть...

Любочка начинала конфузиться. Но Щуровъ уже увлекался и, послѣ нѣкотораго колебанія, продолжалъ слегка дрогнувшимъ голосомъ:

— Имѣю твердое намѣреніе перемѣнить судьбу; порѣшилъ избрать подругу жизни...

Любочка еще ниже опустила голову и въ смущеніи перебирала пальцами оборку платья.

— И уже выбралъ бы, кабы не мамаша.

Несмотря на охватившее ее смущеніе, Любочка нашла возможнымъ прошептать:

— А мамаша не согласна?

— Не то, чтобы не согласны, а упорствуютъ. Насчетъ приданаго имѣютъ сомнѣніе...

Любочка только вздохнула печально.

— Мамаша, извѣстно, мать,—продолжалъ Щуровъ,—полагаютъ, что сами сумѣютъ выбрать для меня...

— Надо слушаться мамашу,—грустно замѣтила дѣвушка.

— Совершенно справедливо. Однако, и то замѣчу, что материнское сердце уступчиво. При нѣкоторомъ упорствѣ не отчаяваюсь...

Любочка задумалась и, вдругъ, глубоко, глубоко вздохнула. Давнишняя тоска охватила ея сердце съ удвоенной силой. Ей опять пришло въ голову въ эту минуту, что никому она не нужна, что неизвѣстно, зачѣмъ она живетъ на свѣтѣ. Жизненная тягота, давившая ее до послѣдняго времени скукой, печалью, казалось ей, ждетъ ее и въ дальнѣйшемъ. Если и выйдетъ она за этого Щурова,—все то-же ожидаетъ ее.

Наполнить пустоту жизни нечѣмъ. Передъ ней длинная вереница сѣрыхъ, однообразныхъ дней.

XVI.

Любочка ласковѣе обыкновеннаго пожала при отъѣздѣ Щуровыхъ руку Демиду Иракліевичу. Она была безконечно благодарна ему за то, что онъ замѣтилъ ее, за то, что оживилъ ея существованія нежданной тревогой сердца. Онъ былъ почти дорогъ ей.

Передъ самымъ ужиномъ стала надвигаться гроза. Откуда-то сорвался вѣтеръ и грозно загудѣлъ въ старыхъ вязахъ и липахъ, окружавшихъ домъ. Изъ лѣса донесся гулъ потревоженнымъ сосенъ. Небо обложили черныя, зловѣщія тучи. Дождя еще не было, но уже сверкали молніи и глухо грохоталъ вдали громъ.

Обитатели старой усадьбы очень боялись грозы, особенно ночной. Тетя Аглая зажгла съ молитвой лампады у образовъ, не разбирая теперь, что въ столовой икона новѣйшаго письма и что она, Аглая, въ своихъ религіозныхъ колебаніяхъ избѣгала молиться на эту икону. Вездѣ закрыли трубы, окна, двери и собрались въ уютной комнаткѣ тети Клавдіи, молча и трепетно поджидая прихода бури. Никто не рѣшался говорить громко, будто боясь навлечь на себя этой дерзостью чей-то гнѣвъ, и лишь прислушивались, переглядываясь съ тревогой въ лицахъ. А при каждомъ, еще отдаленномъ ударѣ грома всѣ торопливо крестились и шептали побѣлѣвшими губами:

— Святъ, святъ, святъ...

Послышались рѣдкіе, но тяжелые стуки о крышу дождевыхъ капель, потомъ вѣтеръ совсѣмъ умолкъ, и изъ надвинувшейся тучи хлынулъ обильный, словно разгнѣванный дождь. Онъ билъ по крышѣ, плескалъ въ окна, заставляя стекла вздрагивать и звенѣть, и, казалось, не успокоится, пока не потопитъ всей земли. А молніи вспыхивали все чаще и чаще и все громче, грознѣе рокоталъ громъ. Старушки совсѣмъ примолкли, похолодѣли отъ страха и все трепетнѣй крестились и шептали:

— Святъ, святъ, святъ...

Не смотря на примѣръ тетокъ, Любочка почти не боялась грозы. Она тоже сидѣла съ тетками и крестилась, но робость овладѣвала ею лишь тогда, когда она приглядывалась къ блѣднымъ, испуганнымъ лицамъ старушекъ. Ей надоѣло это, и она потихоньку, никѣмъ не замѣченная, вышла въ столовую и тотчасъ же почувствовала, что страхъ ея исчезъ безъ остатка. Взамѣнъ того ей становилось весело. Она чувствовала въ сердцѣ приливъ безпричинной веселости и съ наслажденіемъ приглядывалась сквозь окно, какъ отъ блеска загоравшихся молній вся окрестность озарялась вдругъ синеватымъ волшебнымъ свѣтомъ.

Дождь становился тише и тише и, наконецъ, почти смолкъ. Гроза удалялась, громъ гремѣлъ рѣже и глуше, но молніи сверкали по прежнему часто и ярко.

Любочка потихоньку, чтобы не услыхали тетки и не разгнѣвались на нее, прошла въ прихожую, а оттуда на крытое крылечко и присѣла на скамью, возбужденная, радостная, съ наслажденіемъ вдыхая ароматный, освѣженный грозой воздухъ. Туча шла черной, зловѣщей массой куда-то вдаль; за ней неслись оторванные, лохматые клочья, а между ними уже мерцали кроткія звѣзды, чуждыя бурь и волненій, спокойныя, невозмутимыя.

— Чего это Барбоска такъ лаетъ? — подумала Любочка,

слыша, какъ старый песъ неистово гремитъ цѣпью и рвется съ хриплымъ, озлобленнымъ лаемъ.

Потомъ она затаила дыханіе и прислушалась. Ей почудилось, что скрипнула калитка.

— Ну, вотъ еще! Кому быть?—успокоила себя дѣвушка,— нѣшто Матрена на деревню ходила?..

Но Барбоска неистовствовалъ, не унимался. И вотъ, Лидочкѣ стало, вдругъ, жутко. Она ясно разслышала теперь чьи-то шаги на дворѣ со стороны службъ, гдѣ была калитка на гуменникъ и въ поле.

Дѣвушка робко глянула въ ту сторону изъ-за скрывавшей ее стѣнки крыльца, и ей показалось вдругъ, что противъ окна ея комнаты стоитъ что-то черное.

— Ну, вотъ, испугалась!—подумала Любочка,—вѣдь, это кустъ сирени.

Однако, она продолжала приглядываться, оробѣвшая, затаивъ дыханіе. Блеснула молнія, озарила всю окрестность, и Любочка чуть не крикнула отъ ужаса. Подъ вѣтвями густо разросшагося куста стояла чья-то черная фигура. Дѣвушка еще не разглядѣла, что это за человѣкъ, но уже будто почувствовала, и что-то вродѣ отчаянія сдавило ей сердце. Молнія сверкнула снова, и теперь Любочка уже ясно различила горящій взглядъ Гриши, неподвижно устремленный на окно ея комнаты.

Оробѣвшая и въ тоскѣ, налетѣвшей на нее, тихонько поднялась дѣвушка и прошла въ комнаты. Она и не подумала разсказывать теткамъ про свое открытіе, но вся будто осунулась, упала духомъ. Когда тетя Клавдія пришла передъ сномъ въ ея комнатку перекрестить ее по обычаю и угостить припасеннымъ пирожкомъ, дѣвушка, къ удивленію и горю старушки, наотрѣзъ отказалась отъ ѣды. Взамѣнъ того, она судорожно закинула свои худенькія руки на шею тетки, прижалась головой къ ея груди и тихо заплакала. Потомъ, успокоившись и успокоивши встревоженную тетю Клавдію, простилась съ ней, отвернулась къ стѣнѣ и закрылась съ головой одѣяломъ. Но, когда въ домѣ все затихло и погасли послѣдніе огни, она встала съ постели и, отслонивъ немного занавѣску окна, стала вглядываться во мракъ ночи. И ей казалось, что она различаетъ на черномъ фонѣ кустовъ черную неподвижную фигуру человѣка.

XVII.

Гриша вышелъ изъ своей полутемной маленькой въ два окна избушки и задумчиво присѣлъ на заваленку. Онъ сильно

похудѣлъ за послѣднее время, осунулся, потемнѣлъ лицомъ. А въ черныхъ волосахъ его серебрилась преждевременная сѣдина. Онъ переживалъ тяжелый душевный процессъ и даже люди, привыкшіе къ его молчаливости и суровости обращенія, удивлялись на его мрачную сосредоточенность, въ которой онъ находился за послѣднее время. Онъ почти не касался пищи, которую присылала ему старуха бабка, ничего не читалъ и все что-то думалъ, надъ чѣмъ-то ломалъ голову.

И теперь онъ сидѣлъ, ничего не видя и не слыша кругомъ себя. А, между тѣмъ, у самыхъ его ногъ давалось цѣлое представленіе. Изъ-подъ избы вышла съ томнымъ видомъ и сентиментальнымъ мурлыканіемъ сѣрая кошка, сѣла на солнышкѣ и прихорашивалась, умываясь и поворачивая голову, то въ одну, то въ другую сторону. А сама все мурлыкала и призывала непокорныхъ неслуховъ дѣтей, но озорники не обращали на нее никакого вниманія. Сначала выскочилъ изъ-подъ избы какой-то бурый пострѣленокъ съ видомъ перепуганнаго на смерть воина и бросился къ березкѣ. Но не успѣлъ еще обхватить ствола лапками, какъ уже къ нему подлетѣлъ другой, брюнетъ, вылитый портретъ отца и поэтому очевидный любимецъ матери. Брюнетъ мчался изо всѣхъ силъ, но бурый струсилъ и разсердился въ одно и то же время, отскочилъ отъ березки и сталъ въ боевую позицію, нѣсколько бочкомъ къ брату. Оба сгорбились, наежились, растопырили лапки и изо всѣхъ силъ зафыркали, затѣмъ кубаремъ покатились по землѣ, ухвативъ другъ друга за горла и пихая одинъ другого задними лапками по животу. Побѣда была на сторонѣ брюнета; бурый раза два пискнулъ, отскочилъ и снова зафыркалъ, изогнувшись и растопыривъ лапки. Потомъ, переконфуженный до послѣдней степени, спрятался за кустъ и, желая поправиться до нѣкоторой степени и поднять себя въ собственныхъ глазахъ, прицѣлился и бросился вдругъ на хвостъ матери, кувырнулся на бокъ и началъ кусать этотъ хвостъ.

Тогда мать ловко поймала лапками дерзкаго сынишку и слегка придушила его зубами, такъ что онъ пискнулъ.

А сама мурлыкала что-то наставительно и серьезно.

Гриша долго не замѣчалъ этой сцены. Наконецъ, вниманіе его пробудилось, лицо его стало яснѣе, въ глазахъ загорѣлась усмѣшка. Затаивъ дыханіе, глядѣлъ онъ на котятъ, а самъ весь колыхался отъ тихаго задушевнаго смѣха. И лицо его стало такимъ добрымъ, привѣтливымъ, красивымъ, какъ никогда.

— Ахъ, пострѣлята, ахъ, озорники,—мысленно бранилъ онъ ихъ,—ишь ты, ишь ты какой!..

Бурый въ эту минуту прилегъ и бросился на кружив-

шагося за собственнымъ хвостомъ противника, но неудачно. Брюнетъ отскочилъ, сталъ бочкомъ и закатилъ брату оплеуху.

— Ахъ, проказники, ахъ, дрянь вы эдакая!—шепталъ Гриша и все смѣялся внутреннимъ смѣхомъ и становился все моложе, все привлекательнѣе. Изъ глазъ его даже показались слезы отъ этого задушевнаго смѣха.

И еслибы кто изъ почитателей Гриши, какъ подвижника, строгаго постника и начетчика, засталъ бы его за этимъ наблюденіемъ котятъ,—тотъ навѣрное не повѣрилъ бы собственнымъ глазамъ. Да и самъ Гриша скоро опомнился и спохватился, что не дѣло дѣлаетъ, развлекаясь подобнымъ зрѣлищемъ. Онъ сумрачно поднялся и сразу постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ. Глаза потухли, глядѣли тоскливо, скорбно. Кругомъ все кипѣло жизнью, все ликовало подъ теплымъ сіяніемъ лѣтняго солнца; пышно раскинулось царство растительности, лѣсъ былъ полонъ миріадами жизней, а Гриша, полный печали, все тосковалъ, все скорбѣлъ.

— Эко горе, эка напасть,—мучительно прошепталъ онъ,—навожденіе, искушеніе...

Онъ медленно побрелъ вдоль опушки лѣса, свернулъ по ней влѣво и сразу остановился и поблѣднѣлъ. Передъ нимъ открылись улицы сельца Горокъ, а лѣвѣе тянулась стѣна казеннаго бора. И Гриша разглядѣлъ, что у самаго лѣса, противъ барской усадьбы сидятъ на опрокинутомъ деревѣ Любочка и Щуровъ.

XVIII.

Съ того самаго вечера, когда надъ усадьбой прошла грозовая туча, Любочка старалась усиленно думать о Щуровѣ и увѣряла себя, что любитъ его, что онъ красивъ, привлекателенъ. И когда сегодня Щуровъ пришелъ къ нимъ, она обрадовалась ему и съ несвойственной ей смѣлостью жала его руку и торопила гулять.

— Идемте въ поле, въ лѣсъ... скорѣе, скорѣе... Щуровъ почувствовалъ эту нервную ласку, которая слышалась въ словахъ ея. Онъ весь просіялъ, а когда они вышли къ лѣсу и сѣли на бревно, почувствовалъ, что теряетъ обычную у него сдержанность и готовъ объясниться въ любви. Взглянувъ искоса на собесѣдницу, онъ началъ слегка дрогнувшимъ голосомъ:

— И слышать не хочетъ...

— Что? кто?—спросила Любочка.

— Мамаша. Я говорю: мамаша, желаю выбрать невѣсту по сердцу. А она: безъ приданаго, говоритъ, не согласна...

Любочка печально взглянула на него. И этотъ взглядъ, въ которомъ виднѣлся упрекъ, въ конецъ сразилъ Щурова. Глаза его загорѣлись рѣшимостью. Онъ повернулся къ дѣвушкѣ, взялъ ея руку и сказалъ:

— Любовь Степановна, позвольте изъяснить вамъ мои чувства...

Любочка невольно смутилась.

— А какъ-же мамаша?

— Не могу не признать справедливость словъ мамаши,— раздумчиво сказалъ онъ,—желательно бы взять что за женой...

Потомъ, опять загораясь чувствомъ, онъ отчаянно махнулъ рукой и добавилъ:

— Тамъ мамаша какъ хочетъ, а я изъясняюсь вамъ.

Но Любочка ничего не отвѣтила. Она почти не слыхала его словъ и сидѣла задумчивая, печальная. Все ея оживленіе потухло; она будто позабыла про Щурова и про его сватовство.

А Щуровъ, высказавъ такую рѣшимость и смѣлость, вдругъ оробѣлъ, палъ духомъ. Высказанное имъ предложеніе смутило его самого.

Почти радуясь тому, что дѣвушка ничего не отвѣчаетъ на его слова, онъ поспѣшно всталъ и, снимая фуражку, смущенно пробормоталъ:

— Однако, мнѣ пора. Знаете... служба... надо домой...

Любочка разсѣянно протянула ему руку и даже не пошла проводить его. Она задумчиво сидѣла, грустная, безучастная и даже не слышала шаговъ подошедшаго къ ней Гриши.

Когда же онъ сталъ совсѣмъ близко отъ нея, она подняла на него глаза, вскрикнула и хотѣла бѣжать. Но тутъ же почувствовала, что ноги не слушаются, а сердце мучительно забилось въ груди.

— Оробѣла, — тихо замѣтилъ Гриша и сѣлъ поодаль на бревешко. Потомъ, помолчавъ немного, хмуро поглядѣлъ на дѣвушку и добавилъ вопросительно:

— Аль налаживается?

— Что?—чуть слышно прошептала Любочка, не смѣя взглянуть на него.

А Гриша упорно разглядывалъ ее нахмуреннымъ взоромъ.

— Съ тѣмъ, съ бариномъ-то... налаживается, говорю?

— Да... нѣтъ...

— А ты говори прямо.

— Н... не знаю...

Онъ помолчалъ; потомъ, слегка измѣнившись въ лицѣ, заговорилъ глухимъ, будто не своимъ голосомъ:

— Откажи, пренебреги... Скажи, молъ, несогласна...

Она искоса поглядѣла на него.

— Паскудство все это,—продолжалъ шопотомъ Гриша. — Только слава, что вѣнцомъ прикроешься; а и подъ вѣнцомъ все то-же... Откажи, барышня...

— Зачѣмъ? всѣ такъ...

— Теперь ты чиста, а тамъ осквернишься... Живи, какъ есть...

— Отчего же не выйти замужъ? Всѣ выходятъ; въ томъ нѣтъ грѣха...

— А я тебѣ говорю, что есть, — уже гнѣвно крикнулъ Гриша,—ты что-ль меня учить будешь? Нѣшто святыя жены бракомъ да плотской любовью спасались?... Вишь, нашлась какая ученая!.. И чего ты въ этомъ долговязомъ нашла? Ну, говори...

— Да я ничего...

— То-то ничего. Чѣмъ онъ тебя приворожилъ?

Любочка, сама того не замѣчая, набиралась по немногу отваги и уже смѣло глядѣла прямо въ лицо Гриши, замѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ смущается больше нея.

— Самъ знаешь, что бракъ дѣло святое.

— Ничего этого не знаю. Да ты мнѣ про то не толкуй, а говори, чѣмъ онъ полюбился тебѣ?

— Я еще не знаю, полюбился ли.

— А не знаешь, такъ и не приваживай его... Вишь, выросъ, дерево стоеросовое, а дѣвушки заглядываются... Я бы его дубцомъ промежъ ушей...

Онъ былъ блѣденъ и начиналъ выходить изъ себя. Любочка опять оробѣла и встала.

— Я пойду домой.

— Постой, — крикнулъ Гриша и схватилъ ее за руку, но тотчасъ же отпустилъ, отдернувъ свою руку.

— Такъ пойдешь за него? — прошепталъ онъ, и будто печаль прозвучала въ его словахъ.

— Не знаю... Ахъ, я ничего, ничего не знаю...

— Не выходи, барышня.

— Почему же? Боже мой! почему?..

— Не выходи...

Потомъ онъ поглядѣлъ на нее грустнымъ, мягкимъ взглядомъ и добавилъ:

— Ты такая нѣжная, бѣленькая да худенькая. На руки бы взять тебя да убаюкивать... Не выходи за него, барышня...

Онъ всталъ и глядѣлъ на нее. И вдругъ лицо его исказилось гнѣвомъ и страданіемъ. Онъ отступилъ шагъ назадъ, повернулся и пошелъ прочь. Но, отойдя немного, опять сталъ лицомъ къ Любочкѣ и прохрипѣлъ съ пѣной у рта:

— Проклятъ будь ты, женскій родъ! Искусители вы, змѣи поганыя! Придушить бы васъ, поганыхъ.

И убѣжалъ безъ оглядки въ глубь лѣса.

XIX.

Стоялъ уже сентябрь, а дѣло со сватовствомъ не подвигалось ни на шагъ. Мало того, Щуровъ сталъ рѣже и рѣже бывать въ Горкахъ. Взамѣнъ того тетя Клавдія замѣчала, что Любочка худѣетъ, задумывается, будто сама не своя стала.

Разладъ въ душѣ Любочки все продолжался и былъ теперь мучительнѣе, чѣмъ когда либо. Она потеряла аппетитъ, извелась, стала кашлять. А по ночамъ ей снился все одинъ и тотъ же сонъ. Къ ней подходилъ Щуровъ, протягивалъ ей объятія, но, когда онъ былъ уже совсѣмъ около нея, она съ ужасомъ замѣчала, что это не Щуровъ, а Гриша. Она вскрикивала и пробуждалась, полуживая отъ страха и стыда.

Разъ вечеромъ тетя Клавдія, придя въ ея комнату проститься съ ней на ночь, пристально поглядѣла на нее и присѣла на ея кроваткѣ.

— А что я скажу тебѣ, дѣвонька,—начала она.

— Что, тетя?—печально отвѣтила Любочка.

— А ты не горюй, не печалься... Ты еще молода, дѣвонька, на твой вѣкъ жениховъ хватитъ. Коли съ этимъ дѣло не выйдетъ, найдемъ другого. И-и, мать моя, о нихъ, о мужчинахъ горевать толку не будетъ...

Любочка не отвѣтила ничего. Она только слегка поблѣднѣла, и слезы просились у нея на глаза. Тетя Клавдія опять пристально поглядѣла на нее.

— Да ужли-жъ онъ такъ любъ тебѣ?

Любочка минуту поколебалась. Потомъ порывисто бросилась на шею тетки, спрятала лицо на ея груди и залилась судорожнымъ плачемъ.

— Любъ, любъ... Тетя, милая, скорѣй, скорѣй уговорите его... Тетя, вѣдь погибну я... А то... отдайте меня... въ монастырь...

Тетя Клавдія не могла придти въ себя отъ изумленія. Она цѣловала Любочку, утѣшала и твердила:

— Ахъ, Господи! ахъ, святители! Да, что-жъ это такое? Да какъ тебя угораздило такъ втюриться... И добро бы красавецъ какой... а то, на-поди, палка долговязая и больше ничего... Вотъ оно, поди что...

Съ этого дня она старательно обдумывала, какъ помочь бѣдѣ. Она принималась намекать Щурову, что счастливъ будетъ тотъ, кто женится на ея племянницѣ, и даже взяла на душу грѣхъ, помянула, будто у Любочки есть въ Москвѣ дядя, который долженъ оставить ей по завѣщанію двадцать тысячъ. Но эти старанія не привели ни къ чему. Прошелъ еще мѣсяцъ, наступила холодная, морозная осень, а Щуровъ вовсе почти

пересталъ бывать въ Горкахъ; если же пріѣзжалъ, то ненадолго, растерянный, переконфуженный. Дѣло, видимо, разлаживалось.

И вотъ, однажды, въ сѣрое и холодное ноябрьское утро онъ явился нежданнымъ гостемъ. Явился онъ, по его словамъ, исключительно для того, чтобы поздравить Аглаю Николаевну съ шестидесятой весной ея жизни, чѣмъ очень разсердилъ послѣднюю. Однако, по озабоченному и вмѣстѣ оживленному лицу его видно было, что онъ имѣетъ что-то сказать. Улучивъ минуту и оставшись наединѣ съ Любочкой, онъ немедля приступилъ къ разговору.

— Наполовину уломалъ мамашу, — началъ онъ торопливо и шопотомъ.—Соглашаются на три тысячи.

Любочка пристально глядѣла прямо въ его лицо. Она не слушала, что онъ говоритъ. Одно совсѣмъ новое соображеніе вдругъ появилось у нея. Она сознала сразу, безъ приготовленій и съ неумолимой ясностью, что человѣкъ этотъ не только не любъ ей, а просто ненавистенъ, противенъ.

Но мысль эта ужаснула ее. Она гнала ее прочь съ мученіями, съ затаенными слезами, и ей вскорѣ удалось это. Тогда она опять увѣрила себя, что Щуровъ дорогъ ей, что она хочетъ за него. И, подъ вліяніемъ насильно вызванной нѣжности, она протянула ему руку и проговорила сквозь слезы:

— Ахъ, что-же вы со мной сдѣлали?.. За что измучили?..

Щуровъ совсѣмъ растерялся.

— Видитъ Богъ, я всегда былъ радъ... а только мамаша...

Но дѣвушка не слушала его. Она закрыла лицо обѣими руками, опустила голову и долго сидѣла такъ, не произнося ни слова, что-то обдумывая, на что-то рѣшаясь. Потомъ отняла руки отъ лица и взглянула на Щурова сухими и холодными глазами.

— Послушайте,—какъ-то рѣзко, непріязненно проговорила она,—скажите, на что я вамъ?

Щуровъ совсѣмъ растерялся.

— Какже-съ, помилуйте... если чувства мои приказываютъ...

А Любочка продолжала внимательно разглядывать его.

— Что-же, вы думаете, буду я у васъ дѣлать?

— Но какже-съ, я что-то не пойму-съ...

— Да, вѣдь, я не только по кухнѣ, я и иголки-то въ руки взять не умѣю... На что я вамъ, такая бѣлоручка?..

— Но, ежели сердце мое...

Любочка уже отвернулась и задумчиво глядѣла куда-то вдаль печальными глазами.

— А мнѣ что вы дадитѐ? все ту же скуку, тоску... Господи, зачѣмъ ты велѣлъ мнѣ жить? Ненужная я, безполезная...

Она встала и, къ изумленію гостя, ушла, будто позабывъ про него, въ свою комнату.

XX.

Щуровъ уѣхалъ, а Любочка накинула свою старенькую шубку и медленно пошла къ лѣсу. Зима уже близилась. Стояли холодные, суровые ноябрьскіе дни, съ морозными вѣтрами, съ унылыми вьюгами. Снѣгу еще не было, но иней покрылъ поля, земля отвердѣла, воды были подъ льдомъ.

Любочка шла, а сама думала печальную думу. Она выросла умомъ, возмужала за послѣдній годъ и относилась сознательнѣе къ себѣ и къ окружающимъ.

Лѣсъ шумѣлъ и стоналъ, и будто угроза какая слышалась въ его голосѣ. Тоска охватила душу дѣвушки съ новой силой. Любочка повернулась и направилась къ дому.

— Господи, Господи! что это со мной?—думала она и боялась и стыдилась отвѣта на этотъ вопросъ.

Она вернулась, когда уже начинало темнѣть. Въ домѣ все было тихо. Тетки сидѣли по своимъ комнатамъ за работой. И лишь у дѣда слышалась его обычная, унылая пѣсня.

Любочка зашла, сама не зная зачѣмъ, въ кухню, посидѣла, послушала, какъ храпитъ Матрена, потомъ прошла въ столовую, въ свою комнату и не знала, что ей дѣлать, чтобы унять тоску.

На дворѣ вѣтеръ утихъ; подымался морозный, холодный и густой туманъ. Можно было ожидать снѣга.

И вотъ, на дворѣ залаяла собака, какъ въ ту ночь, когда Любочка разглядѣла подъ кустами сирени Гришу. И теперь она прислушивалась къ лаю съ тревожно замирающимъ сердцемъ. Робко, затаивъ дыханіе, прильнула она лицомъ къ окну и старалась разглядѣть, что дѣлалось на дворѣ. Но тамъ стоялъ бѣлый туманъ, и въ двухъ шагахъ не видно было ничего.

Собака стала умолкать, лишь изрѣдка издавая сердитый, отрывистый лай и глухое ворчанье. Потомъ и совсѣмъ замолчала; должно быть ушла въ конуру.

Сердце Любочки билось страстно и болѣзненно, а въ головѣ точно молотки стучали. Поспѣшно, будто боясь потерять время, пробѣжала она въ прихожую, накинула на плечи шубку и тихонько вышла на волю. Потомъ, поколебавшись одно мгновеніе, ступила еще шагъ и почти побѣжала къ гуменнику. Густой туманъ окуталъ ее. Она ничего не различала кругомъ себя и шла, не зная, куда идетъ и зачѣмъ. Она остановилась около риги и то лишь потому, что рига эта нежданно вынырнула изъ мглы чернымъ угломъ и появленіемъ своимъ привела ее въ себя. Тогда дѣ-

вушка подумала одну минутку и тихо повернула къ дому. И опять она была въ холодной мглѣ тумана и не видѣла ничего передъ собой. Тогда ей стало страшно. Она опять остановилась, оглянулась и тихо вскрикнула.

Около нея стоялъ человѣкъ. Она еще не разглядѣла, кто это, а уже знала сердцемъ и вся затрепетала отъ жгучаго, мучительнаго, но невыразимо сладкаго чувства. А человѣкъ этотъ обнялъ ее порывистымъ движеніемъ, крѣпко, будто желѣзными объятіями прижалъ къ себѣ и цѣловалъ безъ счету и въ уста, и въ глаза. Она не сопротивлялась; она поддавалась поцѣлуямъ и чувствовала, что ей хорошо въ этихъ сильныхъ объятіяхъ.

— Заворожила, околдовала,—шепталъ Гриша,—любъ-ли я тебѣ?

И она чуть слышно отвѣчала:

— Любъ.

Онъ опять обнималъ и ласкалъ ее, а она теряла голову и не думала о томъ, хорошо это или дурно. Но потомъ сразу пришла въ себя. Стыдъ и будто гнѣвъ охватили ее.

Гибкимъ движеніемъ вырвалась она изъ его объятій и побѣжала было. Но не вытерпѣла, остановилась, повернулась и въ страстномъ порывѣ проговорила:

— Милый, милый...

И бросилась къ дому.

XXI.

Весь вечеръ провела она какъ во снѣ, то задумчивая и печальная, то съ радостной улыбкой на блѣдномъ, исхудаломъ лицѣ. Тетя Клеопатра раза два пристально поглядѣла на нее за вечернимъ чаемъ, и Любочка, ловя этотъ взглядъ, краснѣла и смущалась, но сейчасъ же опять впадала въ задумчивость.

Она раньше обыкновеннаго ушла спать, но долго не засыпала и не отозвалась почему-то на голосъ тети Клавдіи, когда послѣдняя пришла проститься съ ней. Сердце тети Клавдіи было неспокойно. Старушка встала среди ночи и тихонько прошла въ комнату племянницы. Любочка разметалась во снѣ и все что-то шептала. И тетя Клавдія уловила нѣсколько словъ про монаховъ, про то, что ее, Любочку, запираютъ въ подземелье, что ей душно...

На другое утро дѣвушка встала вся разбитая, въ лихорадкѣ. Она кашляла и жаловалась на грудь. Послѣ обѣда она прилегла и задремала было, но потомъ, вдругъ, проснулась въ испугѣ и бросилась въ комнату къ тетѣ Клавдіи. Старушка сидѣла въ полумракѣ ранняго зимняго вечера и пряла. Любочка вбѣжала и бросилась ей на шею.

— Тетя, тетя, — заплакала она, — что со мной?.. Страшно мнѣ, тетя; я. будто сама не своя...

Испуганная старушка крестила ее, гладила по ея лицу своей загрубѣлой морщинистой рукой, успокаивала. А Любочка все плакала на ея груди.

— Я умру, тетя, я скоро умру...

— А ты полно, дѣвонька, полно; нечего про *нее* поминать... Ишь, какъ полюбился тебѣ несуразный-то...

— Охъ, да, тетя, да...

Потомъ, будто спохватившись, она подняла голову.

— Ты про кого, тетя?

— Ну, про кого... Про Демида про твово...

Любочка задумалась и тихо опустилась на колѣни, положивъ голову на руку старушки.

— А ты погоди ужо,—продолжала тетя Клавдія, — вотъ, поѣду съ Клеопатринькой къ нимъ да и потолкуемъ на чистоту... Постой, еще сдѣлаемъ дѣло...

Но Любочка вздохнула и печально проговорила:

— Нѣтъ, тетя, оставь ихъ... Не надо...

Потомъ съ новымъ порывомъ тоски добавила:

— Отпустите меня въ монастыръ... Бога ради, отпустите...

— Всѣ то вы дѣвки на одинъ манеръ,—не повѣрила тетя Клавдія, — и я, милушка, проходила это, а въ монастырь не ушла... Полно, сдѣлаемъ все по хорошему...

Но на слѣдующее утро она совсѣмъ перепугалась. Любочка ходила, какъ тѣнь, блѣдная, едва живая. Она худѣла на глазахъ. Еще прошло два дня, и тетя Клавдія не выдержала, позвала сестру Аглаю и вмѣстѣ съ ней направилась къ младшей сестрѣ.

— Клеопатринька,—начала она, — Любочка у насъ плоха становится.

Сестры и сами видѣли, но будто боялись говорить объ этомъ. Когда же Клавдія высказала общую, тревожившую ихъ мысль, всѣ три перепугались и всплакнули. Совѣщаніе тянулось долго, но, повидимому, ни къ чему повести не могло.

— И съ чего-бы такъ ей втюриться?—недоумѣвающе произнесла тетя Аглая.

— Не Богъ вѣсть, какой красавецъ, а, вотъ, поди-жъ ты...—добавила тетя Клавдія.

Тетя Клеопатра, долго молчавшая, вдругъ поблѣднѣла, встала съ кресла, подошла къ образу и трижды перекрестилась широкимъ крестомъ. Потомъ повернулась къ сестрамъ и сказала дрогнувшимъ голосомъ:

— Клавдинька, прошу тебя, съѣзди-ка въ городъ къ Щуровой... Дѣлать видно нечего; спроси окончательно, какую хотятъ сумму...

Тетя Аглая судорожно замигала глазами, но не сказала ничего. Тетя Клавдія, понявшая сразу, въ чемъ дѣло, подошла къ младшей сестрѣ и крѣпко обняла ее. А Клеопатра Николаевна тихонько плакала, прильнувъ къ ней.

XXII.

Тетя Клавдія поѣхала въ городъ на другой день чуть свѣтъ и вернулась еще засвѣтло. Она была настроена торжественно, съ видимымъ сознаніемъ важности исполненнаго порученія. Не торопясь, сняла она съ себя шубу, платокъ и валенки, перекрестилась на образъ и прошла въ свою комнату, гдѣ и сѣла тотчасъ на лежанку отогрѣваться. Сестры были около нея, но не спрашивали, ожидая трепетно, что скажетъ Клавдія. Тетя Клеопатра замѣтила было ей:

— Покушать не хочешь-ли, Клавдинька?

Но Клавдія Николаевна отрицательно мотнула головой.

— Сыта, милая, сыта. Накормили и чаемъ напоили... Нечего грѣшить, приняли хорошо... А этотъ, несуразный-то, такъ весь и сіяетъ...

Потомъ, помолчавъ немного еще и откашлявшись, добавила:

— Много хочетъ Капитолина Ивановна, охъ, не чаю, осилишь-ли.

— Сколько-же? — спросила тетя Клеопатра, и голосъ ея дрогнулъ.

— Три тысячи пятьсотъ; меньше, говоритъ, копѣйки не уступлю. Да чтобы, говоритъ, шелковое платье, да лисья шуба... Ужъ я просила, просила. Нѣтъ, говоритъ, и то только для васъ...

Потомъ, проговоривъ это, слѣзла съ лежанки, выдвинула изъ-подъ кровати небольшой сундучокъ, порылась въ немъ и положила на столъ какой-то свертокъ газетной бумаги.

— Вотъ,—сказала она,—тутъ мое все...

Она развернула бумагу и придвинула къ сестрамъ полдюжины серебряныхъ вилокъ, кольцо съ опаломъ и шесть старинныхъ имперіаловъ. Тетя Аглая молча разглядывала эти предметы съ какой-то затаенной думой, а тетя Клеопатра повернулась и вышла изъ комнаты. Черезъ минуту она опять пришла, но была совсѣмъ блѣдная съ дрожащею нижней губой.

— Вотъ,—сказала она, кладя на столъ банковые билеты,—вотъ отъ мужа приняла три тысячи сто; а вотъ... за двадцать лѣтъ... варежки вязала... накопила...

Она бережно положила три тысячи четыреста сорокъ рублей, отвернулась и тихо всхлипнула.

— Больше нѣтъ у меня ничего,—добавила она.

Тетя Аглая стояла совсѣмъ багровая; казалось, вотъ-вотъ, ее хватитъ параличъ.

— Я думала... у тебя больше, — хриплымъ голосомъ сказала она.

— Нѣтъ у меня ничего... все отдала, — плача отвѣтила Клеопатра.

— Не хватитъ...

— На тряпки не хватитъ... И не откуда взять... Поземельныя еще не плачены...

Тетя Аглая стала почти черной съ лица. Голова ея какъ-то тряслась, губы что-то шептали. Точно самъ собой выбился изъ-подъ платочка жидкій сѣдой локонъ и прыгалъ на ея лбу. Растерянно и умоляюще взглянула она на тихо плакавшую младшую сестру и, повѣривъ, наконецъ, что у той, дѣйствительно, нѣтъ больше ничего, въ изнеможеніи присѣла на стулъ.

— Такъ ужъ... видно,—проговорила она, блѣднѣя вдругъ, какъ полотно.

— Что ты, Аглаюшка, про что? — спросила сквозь слезы Клеопатра.

Но тетя Аглая все мѣняла краски. Изъ блѣдной она опять стала багровой и опять побѣлѣла и растерянно озиралась кругомъ.

— Такъ ужъ... видно...

Потомъ, всплеснувъ руками, отчаянно повторила въ третій разъ:

— Такъ ужъ... видно...

И не договоривъ, что ей было видно, сорвалась съ мѣста и убѣжала изъ комнаты. Она не возвращалась минутъ десять; когда-же пришла, сестрамъ стало жутко глядѣть на нее. Голова у нея моталась, сѣдые волосы растрепались, глаза ввалились. Она казалась теперь столѣтней старухой. Какъ-то бокомъ подошла она къ столу, на которомъ лежали деньги сестеръ и сильно кинула поверхъ нихъ пачку замаслянныхъ кредитокъ.

— Ужъ... ужъ... ужъ... — начала она, задыхаясь,—ужъ... пропадай мое...

И, какъ снопъ, повалилась на кровать сестры Клавдіи. Въ пачкѣ было ровно шесть сотъ рублей, скопленныхъ за много лѣтъ.

XXIII.

Сестры долго еще сидѣли и молча плакали. Наконецъ, Клавдія Николаевна вздохнула, перекрестилась, рѣшительнымъ голосомъ сказала:

— Полно-ка мы, сестрицы, убиваться... Богъ дастъ, проживемъ, не помремъ...

Эти слова подѣйствовали успокоительно; тетя Клеопатра добавила съ своей стороны:

— Правда твоя, Клавдинька, проживемъ... Старухи мы всѣ, ужъ и жить-то намъ осталось не много...

Тогда всѣ три стали обсуждать вопросъ о предстоящей свадьбѣ и понемногу успокоились совсѣмъ.

Рябая Матрена была до нѣкоторой степени посвящена въ тайну поѣздки въ городъ тети Клавдіи, совѣщаніе-же сестеръ по возвращеніи посланницы она подслушала и тотчасъ пробѣжала къ Любочкѣ и радостно сообщила:

— Ну, барышня, просватали васъ тетеньки...

Любочка поблѣднѣла и вся задрожала.

— Какъ? за кого? — могла только проговорить она.

— Ну, извѣстно, за него. За того, за городского...

Это было страшнымъ ударомъ для дѣвушки; она впала въ состояніе, близкое къ отчаянію, и долго сидѣла на своей постели, крѣпко до боли сжимая руки. А въ головѣ носился какой-то туманъ и вертѣлась назойливая мысль, недавно появившаяся у нея и неотступно преслѣдовавшая ее: «умереть, скорѣе умереть»...

Когда вечеромъ пришла къ Любочкѣ тетя Клавдія, дѣвушка истерически расплакалась въ ея объятіяхъ и все твердила сквозь рыданія:

— Не хочу, не хочу замужъ... Тетя, милая, не отдавайте меня...

Но старушка, хотя и плакала вмѣстѣ съ ней, не вѣрила въ искренность этихъ заявленій. — Извѣстное дѣло, — думала она,—какъ подошло времячко, такъ и напугалась... Дѣвичій обычай...

А Любочка все повторяла про себя: «умереть, скорѣй умереть»...

На другой день, раннимъ утромъ нанятый въ деревнѣ мужичекъ повезъ въ городъ письмо отъ Клеопатры Николаевны къ Щуровой. Весь день старушки были въ волненіи и хлопотахъ и совсѣмъ забыли про Любочку. А дѣвушка встала съ постели совершенно больная, въ жару и съ сухимъ, глубокимъ кашлемъ. Она знала, что ждутъ Щуровыхъ, что, вѣроятно, будетъ сговоръ, что она станетъ невѣстой, и все утро ходила по комнатамъ, какъ обреченная на казнь. Она теперь не могла безъ ужаса и отвращенія вспомнить о Щуровѣ, но мысль ея, обращенная на Гришу, причиняла ей также страданіе стыда. Она чувствовала себя преступницей и, не вѣдая выхода изъ положенія, понимая, что никогда не рѣшится разсказать теткамъ про свою тайну, страдала и все твердила про себя:

— Умереть, умереть...

Передъ вечеромъ, когда тетки въ лихорадкѣ ожиданія то

и дѣло подбѣгали къ окну въ надеждѣ увидать подъѣзжающихъ Щуровыхъ, Любочка не выдержала, накинула шубку и пошла на свою обычную прогулку черезъ заднее поле, къ лѣсу.

Холодный морозный воздухъ причинялъ ей страданіе, но она почти не обращала вниманія на это, чувствуя въ сердцѣ еще болѣе тяжелую нравственную боль. Она шла и сама не знала, зачѣмъ и куда идетъ. А ноги сами собой свернули влѣво по опушкѣ лѣса, и дѣвушка очнулась лишь тогда, когда увидала вдругъ, недалеко отъ себя маленькую избушку, стоящую на пасѣкѣ, среди молодой сосновой рощи.

Сердце Любочки забилось съ страшною силой. Она знала, что это домикъ Гриши, но какая-то отчаянность овладѣла ею. Смѣло, безъ колебаній подошла она къ домику, отворила дверь и черезъ совершенно темныя сѣнцы вошла въ комнату. Въ комнатѣ не было никого, кромѣ сѣрой кошки, которая сладко спала на печи со своими котятами. Тогда Любочка обошла всю избушку и оглядѣла съ мучительнымъ любопытствомъ всю обстановку этого домика. У окна стоялъ простой некрашенный столъ; въ углу кіотъ съ нѣсколькими образами и лампадой. На полкѣ около иконъ большія книги въ кожаныхъ грубой работы переплетахъ. Немного въ сторонѣ, у стѣны помѣщался самодѣльный аналой, на немъ распятіе. И больше ничего не было въ этой бѣдной кельѣ отшельника.

Смутное чувство овладѣло душой Любочки; дѣвушка присѣла на лавку и долго сидѣла, задумавшись, уносясь мыслью въ какой-то иной міръ. Она уже не чувствовала теперь ни страха, ни страстнаго чувства къ этому Гришѣ. Она слышала въ сердцѣ своемъ безконечную къ нему нѣжность и желаніе раздѣлить съ нимъ его жизнь, полную молитвы, духовныхъ подвиговъ. Она ушла-бы съ Гришей далеко, далеко отсюда, въ глубь этого таинственнаго, манящаго ее лѣса, гдѣ нога человѣческая еще не бывала, и поселились-бы въ какой-нибудь землянкѣ и жили-бы, какъ отшельники въ пустынѣ, молясь и размышляя о Богѣ. Они были-бы какъ братъ и сестра, оба чистые, оба готовые каждую минуту умереть, перейти къ жизни загробной...

XXIV.

Вечеръ надвигался. Любочка оторвалась отъ своихъ мечтаній и оробѣла, вспомнивъ, гдѣ она. Торопливо пошла она къ дверямъ, но не выдержала вдругъ и, припавъ головой къ косяку двери, заплакала горькими слезами. Всѣ мечты ея о жизни отшельницей разсѣялись; она помнила теперь лишь о страстныхъ объятіяхъ Гриши и мысленно прощалась съ нимъ на-

всегда. Потомъ сняла съ шеи ленточку, положила ее на столъ и спѣшно выбѣжала изъ избушки.

— Умереть, умереть-бы поскорѣй, — думала она, направляясь среди надвигавшагося мрака къ дому.

Дулъ холодный, морозный вѣтеръ; лѣсъ глухо и уныло шумѣлъ въ дремотѣ зимняго сна. Съ сѣраго однотоннаго неба сыпалъ мелкій, сухой снѣгъ. Зима подходила быстрыми, увѣренными шагами. А Любочка, сама того не замѣчая, потеряла направленіе и забиралась все глубже, все дальше въ лѣсъ. Раза два она остановилась, оглянулась, перемѣнила направленіе и оба раза повертывала не къ деревнѣ, а прочь отъ нея, въ глубь бора. Ноги ея начинали дрожать отъ усталости, тѣло просило отдыха, покоя. Она даже не испугалась того, что потеряла дорогу, что забралась далеко въ лѣсъ; голова ея не работала, тамъ стоялъ туманъ, сонливая дремота... Любочка тихо опустилась у корня огромной, вѣковой сосны и задумалась. Потомъ на минуту опомнилась, поглядѣла кругомъ.

— Куда это я зашла? — прошептала она, — надо домой поскорѣй...

Но тутъ-же опять задумалась и позабыла про свои слова. Она сидѣла, поджавъ у худенькой груди руки и опустивъ голову. Временами ей вспоминалось, что у тетокъ сидятъ теперь Щуровы и говорятъ о свадьбѣ. Но мысль объ этомъ была тягостна, и Любочка гнала ее прочь. Она старалась думать о Гришѣ, о его страстныхъ объятіяхъ, и эти грезы наполняли радостью ея сердце.

А лѣсъ все шумѣлъ. Наступала морозная, темная ночь. Любочка съ трудомъ приподняла въ послѣдній разъ отяжелѣвшія вѣки, поглядѣла прямо передъ собой, старалась припомнить, гдѣ она, но глаза опять слипались, и все изчезало изъ сознанія.

Вдали слышалась тихая, сладостная музыка; она убаюкивала, нѣжила, потомъ стала замирать, утихать. Потомъ не стало слышно ни шума сосенъ, ни музыки и только серебряный колокольчикъ гдѣ-то звенѣлъ и манилъ. И Любочка тянулась къ этому звону наболѣвшимъ сердцемъ и, казалось ей, отдѣлялась отъ земли и неслась по воздуху. И вотъ, она уже не одна плыветъ по голубому пространству надъ весенними полями, полными аромата цвѣтовъ, при кроткомъ сіяніи молодого мѣсяца; *тотъ*, милый, дорогой, около нея, и глядитъ на нее страстными глазами, и обнимаетъ ее. А она довѣрчиво прислонила голову къ груди его, и ей сладко и тепло. А колокольчикъ все звенитъ вдали; воздухъ все чище; быстрѣе несутся грезы... И все слаще на сердцѣ..

Къ полуночи утихъ вѣтеръ. Морозъ усилился, покрылъ инеемъ землю. А съ ранняго утра, лишь только туманная заря

заиграла на востокѣ, лѣсъ принялъ къ себѣ спящую дѣвушку, призналъ ее своею и сталъ убирать ее. Онъ посыпалъ ее сухими листьями, иглами хвойника, взмелъ сухой морозной земли на нее, нагнулъ надъ ней вѣтку молодой ели. Потомъ украсилъ ее алмазами инея, сталъ посыпать серебромъ снѣжной пыли, взметать надъ ней сугробы. А самъ день и ночь пѣлъ надъ ней пѣсни, убаюкивалъ ее, сторожилъ ея сонъ...

Съ тѣхъ поръ Гриша исчезъ изъ этой мѣстности. Два года позднѣе онъ былъ при одномъ отдаленномъ и бѣдномъ монастырѣ въ Вологодской губерніи послушникомъ и готовился принять постригъ. Его волосы на половину побѣлѣли, станъ согнулся, по лицу прошли морщины страданія. Гордости у него значительно убыло: онъ помнитъ, какъ поддался плотскому чувству, и палъ въ собственномъ мнѣніи. Воспоминаніе о прошломъ жжетъ его сердце, но онъ гонитъ прочь эти воспоминанія и предаетъ анаѳемѣ память о Любочкѣ...

П. Булыгинъ.

По поводу новой книги объ экономическомъ матеріализмѣ.

I.

Кто слѣдилъ за новѣйшими теченіями въ области литературы „экономическаго матеріализма“, тотъ не могъ не замѣтить, что въ послѣднее время теорія эта все болѣе и болѣе отступаетъ отъ своей первоначальной, рѣзко выраженной формы. Все чаще и чаще раздаются изъ лагеря „экономическихъ матеріалистовъ“ голоса, что пора бросить разныя „крайности“, „увлеченія“ и „односторонности“. Все рѣже и рѣже приходится слышать, что только „экономикѣ“ принадлежитъ въ исторіи активная роль, что „надстройки“ лишь пассивно отражаютъ измѣненія, творящіяся въ нѣдрахъ „экономической основы“, что измѣненія „надстроекъ“ имѣютъ лишь вторичное, производное или симптоматическое значеніе, тогда какъ экономическія измѣненія носятъ, напротивъ, первичный, основной характеръ. Напротивъ, все чаще и чаще приходится слышать голоса о важной роли надстроекъ, объ ихъ активной роли въ процессѣ историческаго развитія, объ ихъ вліяніи другъ на друга и даже на „экономическій базисъ“.

Такъ, напр., въ статьѣ „Базисъ и надстройки“ Ѳед. К—ша *) мы читаемъ: „Характерно, что новѣйшіе теоретики экономическаго матеріализма, развивая свои взгляды, особенно подчеркиваютъ именно историческую необходимость и важность „надстроекъ“ и „идеологіи...“ „Разъ возникнувъ, надстройка очень часто пріобрѣтаетъ самостоятельное существованіе и всегда воздѣйствуетъ обратно на создавшую ее экономическую основу. Въ сложномъ процессѣ исторіи это взаимодѣйствіе пріобрѣтаетъ иногда очень важное, реальное значеніе, иногда надстройка беретъ верхъ, оказывается сильнѣе экономики“.

*) Журналъ „Жизнь“ 1899 г., январь, кн. II. По поводу этой статьи редакція въ особомъ примѣчаніи заявляетъ, что въ переводѣ на нѣмецкій языкъ статья эта была помѣщена въ одномъ изъ иностранныхъ журналовъ.

Если не предупредить читателя, что эти строки написаны „экономическимъ матеріалистомъ“, то онъ непремѣнно подумаетъ, что ему читаютъ выдержки изъ извѣстныхъ статей проф. Карѣева.

Точно также въ новой книгѣ Эдуарда Бернштейна, о которой пойдетъ у насъ рѣчь ниже, мы читаемъ, что „историческій матеріализмъ вовсе не отрицаетъ самостоятельнаго движенія (Eigenbewegung) политическихъ и идеологическихъ силъ, онъ только не признаетъ этой самостоятельности за безусловную“ *). Чѣмъ это лучше столь высмѣяннаго Н. Бельтовымъ положенія проф. Карѣева, что „право ведетъ свое самостоятельное, но не зависимое существованіе“? А еще дальше мы читаемъ у Бернштейна положеніе, какъ будто прямо выхваченное изъ Карѣева: „во всякомъ случаѣ, множественность факторовъ (Viehlheit von Factoren) остается, и далеко не легкая задача въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ настолько ясно изложить существующія между ними взаимныя отношенія, чтобы можно было всякій разъ съ увѣренностью опредѣлить, гдѣ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ искать главную дѣйствующую силу“.

А вотъ мѣсто какъ будто изъ статьи Н. К. Михайловскаго о „приватъ-звонаряхъ“ новой теоріи:

„Мораль, искусство, религія и знанія являются, слѣдовательно, только продуктами экономическихъ условій? Они только внѣшнее проявленіе этихъ условій?

„Диллетанты съ удовольствіемъ подхватываютъ такія грубыя заявленія. Какая радость для диллетанта обладать всѣми знаніями, резюмированными въ небольшомъ числѣ коротенькихъ формулъ! Всѣ проблемы этики, философіи, эстетики и исторической критики сводятся, слѣдовательно, къ одной единственной проблемѣ,—всѣ затрудненія исчезли! Такимъ образомъ можно всю исторію человѣчества свести къ коммерческой ариѳметикѣ.

„Несомнѣнно лишь то, что многія положенія, которыя выясняютъ извѣстныя проблемы, обращаются въ вульгарные парадоксы въ головахъ людей, не привыкшихъ къ діалектическому и послѣдовательному мышленію“.

Это пишетъ опять таки „экономическій матеріалистъ“, Антоніо Лабріола, котораго огорчаетъ, что подобные „вульгарные парадоксы“ переходятъ съ нѣкоторыхъ поръ изъ устъ въ уста и являются орудіемъ въ рукахъ противниковъ матеріализма, которые пользуются ими, какъ пугаломъ. По мнѣнію Лабріола, „только страсть къ парадоксамъ, неразрывно связанная съ слѣпымъ усердіемъ узкихъ приверженцевъ, внушаетъ тотъ ложный взглядъ, будто матеріалистическое пониманіе исторіи стремится

*) Eduard Bernstein, Die Voraussätz. d. S. u. die Aufgaben der. S.-D., 1899.

обнаружить *только „экономическій моментъ“*, а все остальное отбрасываетъ, какъ ненужный хламъ...“ Онъ полагаетъ, что „теперь приходится отстаивать экономическій матеріализмъ то отъ слишкомъ ревностныхъ прозелитовъ его, то отъ близорукихъ или не особенно щепетильныхъ на средства оппонентовъ, возводящихъ мнѣнія противниковъ въ квадратъ“.

Мнѣ кажется, впрочемъ, что вина „близорукихъ и неразборчивыхъ на средства критиковъ“ не такъ ужъ велика, и что имъ даже нѣтъ надобности возводить мнѣнія своихъ противниковъ въ квадратъ. Объ этомъ и безъ нихъ позаботились „слишкомъ ревностные прозелиты“, это и безъ нихъ дѣлало „слѣпое усердіе узкихъ приверженцевъ“, съ ихъ рядомъ „вульгарныхъ парадоксовъ“, такъ хорошо и безпощадно охарактеризованныхъ самимъ Лабріола.

Подобно послѣднему, и небезызвѣстный для русскихъ читателей Людвигъ Крживицкій защищаетъ экономическій матеріализмъ отъ враждебныхъ нападокъ указаніемъ, что „нужно отличать публицистическія увлеченія отъ существеннаго содержанія доктрины“. Одному изъ русскихъ критиковъ въ отвѣтъ на указанія непослѣдовательности нѣкоторыхъ теоретиковъ экономическаго матеріализма г. Крживицкій возражаетъ, что, очевидно, честь названія „послѣдовательныхъ“ онъ оказалъ „не умнымъ и сознательнымъ защитникамъ, но самымъ вульгарнымъ популяризаторамъ даннаго направленія“.

Возражать противъ этихъ словъ Лабріола или Крживицкаго было бы, пожалуй, нечего, если бы дѣйствительно, съ одной стороны, была группа талантливыхъ и ученыхъ авторовъ, чуждыхъ „вульгарныхъ парадоксовъ“, увлеченій и односторонностей, а съ другой—какія нибудь ничтожныя литературныя букашки, опошливающія глубокія истины „экономическаго матеріализма“. Тогда нужно было бы обладать или недобросовѣстностью, или близорукостью, чтобы смѣшивать тѣхъ и другихъ. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще никѣмъ изъ экономическихъ матеріалистовъ не было проведено строгой разграничительной черты. И если Лабріола видитъ рядомъ съ „настоящими“ еще и „не настоящихъ“ экономическихъ матеріалистовъ, рядомъ съ серьезными адептами— его „вульгаризаторовъ“, то иного взгляда держится не менѣе серьезный и не менѣе ученый теоретикъ Каутскій.

Онъ рѣзко возражаетъ Бельфорту Баксу, критикующему матеріалистическое пониманіе исторіи, „выраженное въ наиболѣе рѣзкой формѣ“, которое „предполагаетъ, что нравы, религія и искусство не просто находятся лишь подъ вліяніемъ экономическихъ отношеній, а представляютъ собою всецѣло и исключительно результатъ идеологическаго отраженія экономическихъ условій въ сознаніи“. По мнѣнію Каутскаго, такого рода „матеріалистическое пониманіе исторіи“ есть лишь созданіе воображенія Б.

Бакса. „Никому изъ извѣстныхъ въ литературѣ матеріалистовъ и въ голову никогда не приходило толковать о нравахъ, морали, религіи, искусствѣ, какъ объ „идеологическихъ отраженіяхъ экономическихъ условій въ общественномъ сознаніи“... мнѣ неизвѣстно ни одного матеріалиста, который бы сказалъ подобную нелѣпость“ *).

Намъ кажется, что Каутскій напрасно такъ рѣзокъ въ выраженіяхъ; еще неизвѣстно, на чей счетъ придется ихъ отнести. Вотъ, напр., статья д-ра философіи Штиллиха „О греческой философіи съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи“ **). Я не знаю, будетъ ли этотъ „докторъ философіи“ съ точки зрѣнія Антоніо Лабріола только „вульгаризаторомъ“ теоріи, но фактъ таковъ: по мнѣнію г. доктора, „для историка *экономическаго быта* легко отмѣтить въ исторіи древней Греціи три принципіально различныхъ между собою періода... Въ рамкахъ этихъ трехъ экономическихъ эпохъ *соотвѣтственно отражается* греческая философія въ ея главныхъ представителяхъ“. Отсюда и общее опредѣленіе философіи: „всякая философія есть, по нашему опредѣленію, психически интерпретированное выраженіе опредѣленнаго матеріальнаго состоянія общества: она является *отраженіемъ особеннаго экономическаго положенія* народа, класса, партіи“...

Бельфортъ Баксъ, такимъ образомъ, ничего не изобрѣталъ и не выдумывалъ,—онъ только воздалъ каждому свое. Охарактеризовавъ, вопреки категорическому утвержденію Каутскаго, *совершенно правильно* матеріалистическое пониманіе исторіи въ его наиболѣе рѣзкой формѣ, Баксъ не упустилъ и сдѣлать оговорку, что это взглядъ не Маркса, а лишь „марксистовъ“ того рязряда, которыхъ имѣлъ въ виду Марксъ, когда говорилъ свою знаменитую фразу: „Moi-même je ne suis pas Marxist“.

Нѣтъ сомнѣнія однако и въ томъ, что въ произведеніяхъ Маркса есть *отдѣльныя мѣста*, легко поддающіяся *перетолкованію* въ духѣ именно самыхъ крайнихъ адептовъ теоріи. Въ первомъ томъ „Капитала“, напр., нерѣдко попадаются отдѣльныя утвержденія, что ограниченность общественныхъ производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній—„такая ограниченность идеально отражается... въ формахъ народныхъ вѣрованій“; неоднократно говорится объ „отраженіи дѣйствительнаго міра въ вѣрованіяхъ“, и утверждается, что „религіозный міръ“ есть „не что иное“, какъ такое „отраженіе“ ***). Это, конечно, еще далеко не то, что утверждаетъ Штиллихъ. Но достаточно указать,

---

*) К. Каутскій. „Матеріалистическое пониманіе исторіи и психологическій факторъ“, пер. А. Санина, „Жизнь“ 1899 г. январь, кн. II, стр. 51.

**) Пер. см. „Научное Обозрѣніе“ 1898 г. № 5, стр. 852. Курсивъ далѣе принадлежитъ намъ.

***) Капиталъ, т. I, изд. 2-е, СПБ. 1898 г., стр. 41 и 42.

что съ точки зрѣнія наиболѣе крайнихъ марксистовъ „дѣйствительный міръ“, „фактическія отношенія“ общества въ послѣднемъ счетѣ опредѣляются экономическими отношеніями — и намъ будетъ вполнѣ понятно, какимъ образомъ возникло изъ ученія Маркса то крайнее ученіе, отъ котораго считаетъ нужнымъ отречься даже такой ортодоксальный марксистъ, какъ Каутскій.

Въ настоящее время, къ сожалѣнію, не легкій трудъ опредѣлить съ полной точностью, какъ рѣшалъ для себя этотъ вопросъ самъ Марксъ, и мы вовсе не претендуемъ на сколько нибудь полное выясненіе этого пункта. Это дѣло будущаго, дѣло будущихъ комментаторовъ великаго мыслителя. Но чтобы пролить по крайней мѣрѣ нѣкоторый свѣтъ на сложность и запутанность этого вопроса, мы приведемъ слѣдующее мѣсто изъ „Капитала“: „Конечно, гораздо легче путемъ анализа найти земное начало туманныхъ теологическихъ представленій, чѣмъ, наоборотъ, изъ существующихъ въ томъ или другомъ случаѣ жизненныхъ отношеній развить соотвѣтствующія имъ небесныя формы. *Послѣдній* методъ есть единственно матеріалистическій, а потому и единственно-научный методъ“ *).

Приведемъ и двѣ-три пробы этого метода. Во-первыхъ, сюда относится, конечно, извѣстная экскурсія въ область исторіи философіи (Кап., I, изд. 2-е, стр. 341). „Декартъ смотритъ глазами мануфактурнаго періода, когда опредѣляетъ животныхъ, какъ простыя машины,—въ противоположность средневѣковому воззрѣнію, которое смотрѣло на животныхъ, какъ на помощниковъ человѣка“.

То же находимъ и у Энгельса. Въ его книжкѣ о Людвигѣ Фейербахѣ мы читаемъ, что „гражданскія правоопредѣленія представляютъ собой *лишь юридическое выраженіе* экономическихъ условій общественной жизни“, что роль ихъ „сводится въ сущности лишь къ законодательному освященію существующихъ экономическихъ отношеній“. Тоже и съ идеологіей. „Впечатлѣнія, производимыя на человѣка внѣшнимъ міромъ, выражаются въ его

---

*) Ср. русскій пер., 2-е изд., т. I, стр. 323. Это мѣсто цитируетъ въ своей книгѣ и Бернштейнъ, сопровождая его слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Въ этомъ противопоставленіи заключается сильное преувеличеніе. Не зная предварительно „небесныхъ формъ“, описаннымъ способомъ можно придти къ различнымъ произвольнымъ построеніямъ; а когда эти формы извѣстны, то упомянутое „развитіе“ есть средство научнаго анализа, а не научная противоположность аналитическаго метода“. По мнѣнію Бернштейна, цитированное мѣсто характерно для матеріалистической гипотезы Маркса-Энгельса въ ея *первоначальномъ, неразработанномъ* видѣ. Въ этой формѣ „въ рукахъ такого человѣка, какъ Марксъ, она могла сдѣлаться средствомъ къ величайшимъ историческимъ открытіямъ, но даже и его геній благодаря ей дѣлалъ разныя ошибочныя заключенія. Насколько же легче могутъ впасть въ ошибку тѣ, кто не обладаетъ ни его геніемъ, ни его эрудиціей!“

головѣ, *отражаются* въ ней въ видѣ чувствъ, мыслей, побужденій, волевыхъ движеній, словомъ, въ видѣ „идеальныхъ стремленій".

Конечно, эта формулировка настолько рѣзка, что, при своей краткости, способна повести къ самымъ преувеличеннымъ перетолкованіямъ. Вотъ почему впослѣдствіи Энгельсъ нашелъ себя вынужденнымъ внести въ свою формулировку нѣкоторыя поправки, и, между прочимъ, рѣшительно заявить: „Дѣло обстоитъ не такъ, будто экономическое положеніе играетъ роль *причины*, единственнаго активнаго элемента, а все остальное—только пассивнаго дѣйствія" *) Энгельсъ соглашается, что позднѣйшій марксизмъ впалъ въ нѣкоторыя излишества, въ преувеличенія роли „экономическаго фактора"; онъ даже выражается по этому поводу въ высшей степени презрительно. „Къ сожалѣнію—говоритъ онъ—слишкомъ часто полагаютъ, что совершенно постигли новую теорію и могутъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій съ нею оперировать, едва усвоивъ себѣ ея основныя положенія, да и то не всегда вѣрно. Въ этомъ отношеніи теперь наговорено столько удивительныхъ вещей, что я не могу не бросить упрека нѣкорымъ изъ новѣйшихъ „марксистовъ" **).

Особенно интересно чистосердечное признаніе Энгельса, что и онъ съ Марксомъ, въ виду полемическихъ цѣлей, не безгрѣшны въ нѣкоторыхъ теоретическихъ преувеличеніяхъ. „Марксъ и я отчасти сами виноваты въ томъ, что младшей формаціей приписывается экономической сторонѣ больше вѣса, чѣмъ ей принадлежитъ на дѣлѣ" ***).

Удивительно, что Каутскій забылъ объ этомъ Энгельсовскомъ письмѣ, когда столь категорически опровергалъ мнѣніе Бакса относительно новѣйшихъ марксистовъ, превосходящихъ въ своемъ марксизмѣ самого Маркса. Письма Энгельса не могли, полагаю, остаться ему неизвѣстными, такъ какъ изъ „S. Akad." они были перепечатываемы во многихъ изданіяхъ, напр., въ приложеніяхъ къ Vorwärts'у и Sächsische Arbeiterzeitung. Удивительно, какъ Каутскій не замѣтилъ никакихъ ультра-марксистовъ, въ то самое время, когда Энгельсъ рѣшительно заявляетъ, что ими „наговорено много удивительныхъ вещей". Остается предположить, что

---

*) „Es ist nicht, dass die ökonomische Lage—Ursache, allein activ ist, und alles andere nur passive Wirkung". Engels's Brief in „Soz. Akademiker" 1895, № 20, S. 377.

**) „Und diesen Vorwurf kann ich manchem der neueren „Marxisten" nicht ersparen, und es ist da dann auch wunderbares Zeug geleistet worden". „S. Ak." 95, № 19, S. 353.

***) „Dass von den Iungeren zuweilen mehr Gewicht auf die ökonomische Seite gelegt wird, als ihr zukommt, haben Marx und ich theilweise selbst verschulden müssen". (Ibid).

Каутскій и Энгельсъ держатся совершенно различныхъ взглядовъ на „настоящій“ и „извращенный“ марксизмъ.

Таковы примѣры, иллюстрирующіе тезисъ объ идеологическомъ отраженіи матеріальныхъ жизненныхъ условій въ исторіи религіи и философіи. У Штиллиха въ дополненіе къ этому можно заимствовать другой примѣръ — объ отраженіи экономическихъ условій въ исторіи науки. Онъ поясняетъ возникновеніе въ древности теоріи, по которой „движущаяся матерія состоитъ изъ безконечнаго числа малыхъ частицъ—атомовъ“, расширеніемъ денежнаго хозяйства и накопленіемъ денежныхъ богатствъ: „богатство произошло благодаря накопленію денегъ: ихъ свойство и функціи по большей части тѣ же, что и атомовъ“. Отсюда и гипотеза: „денежный и товарный характеръ того времени, быть можетъ, способствовалъ возникновенію этой атомистической теоріи, которая остается въ силѣ и теперь, хотя начинаетъ вытѣсняться „энергетикой“ *). Логически продолжая этотъ методъ разсужденія, приходится предположить, что въ „государствѣ будущаго“, съ исчезновеніемъ денегъ, предстоитъ уничтожиться и научной атомистикѣ. Неизвѣстно только, согласятся-ли съ этимъ современные ученые натуралисты.

До сихъ поръ мы разсматривали, въ качествѣ идеологическихъ „отраженій“ матеріальныхъ условій, лишь такія надстройки, какъ религія, философія, наука. Остается еще *право*. Нижеслѣдующими цитатами мы покажемъ, что и относительно этого пункта скорѣе правъ Баксъ съ его характеристикой преувеличеній и крайностей „экономическаго матеріализма“, чѣмъ Каутскій съ его категорическимъ утвержденімъ, будто эти „преувеличенія“ существуютъ только въ воображеніи Бакса.

Взглядъ на право, какъ на простое „отраженіе матеріальныхъ условій“, „случайную форму проявленія экономической сущности“ еще легче вывести изъ Маркса, чѣмъ аналогичное воззрѣніе на науку, философію и религію. Вотъ что, напр., читаемъ мы у него: „Чтобы сопоставить вещи, какъ товары, хранители товаровъ должны относиться другъ къ другу, какъ лица, воля которыхъ пребываетъ въ ихъ вещахъ... они должны, слѣдовательно, признавать другъ друга частными собственниками. Это *юридическое* отношеніе, форма котораго есть договоръ, законно или незаконно совершенный, есть только *волевое* отношеніе, *въ которомъ отражается экономическое* отношеніе. *Содержаніе* этого юридическаго или волевого отношенія *дается самымъ экономическимъ отношеніемъ*“ **).

Экономическіе матеріалисты въ сущности только обобщаютъ это частное замѣчаніе и превращаютъ его въ исчерпывающую

*) „Научн. Обозр.“, 1898, V, 856.

**) Кап., I, изд. 2-е, стр. 47. Курсивъ нашъ.

характеристику соціологической роли права, когда говорятъ, что „съ точки зрѣнія нынѣшней общественной науки не подлежитъ никакому сомнѣнію, что не только коренныя государственныя постановленія, но и вообще правовыя учрежденія являются выраженіемъ фактическихъ отношеній, въ которыя люди становятся не произвольно, а въ силу необходимости. Въ этомъ смыслѣ всѣ вообще правовыя учрежденія „только *выговариваются* человѣкомъ“" *). Здѣсь опять характерна наклонность къ терминологіи съ фаталистической окраской.

Согласитесь, что послѣ этого отличить „настоящихъ“ экономическихъ матеріалистовъ отъ „не-настоящихъ“, или „вульгаризаторовъ“, становится вещью нелегкой; вѣрнѣе, что среди самыхъ „настоящихъ“ существуютъ два обособленныхъ теченія: критическое и ортодоксальное. Представители перваго склонны къ уступкамъ и оговоркамъ; ихъ мысли тяготѣютъ къ компромиссу съ другими теоріями, противъ которыхъ ранѣе такъ рѣшительно и энергично во всѣхъ пунктахъ выступалъ экономическій матеріализмъ. Представители второго теченія, напротивъ, стоятъ за „монистическое“ истолкованіе доктрины К. Маркса, въ смыслѣ выведенія всей исторіи „изъ одного начала“; эти послѣдніе, если иногда и дѣлаютъ уступки, то дальнѣйшими оговорками тотчасъ же сводятъ ихъ на нѣтъ.

Типичнымъ представителемъ ортодоксальнаго крыла „экономическихъ матеріалистовъ“ является К. Каутскій, едва-ли не самая крупная величина „на тускломъ небѣ современной нѣмецкой теоріи“ **). Мы уже видѣли, насколько неудачна была попытка Каутскаго доказать, что „критика Бакса направлена не противъ *настоящаго* матеріалистическаго пониманія исторіи“, и что „Баксъ исправляетъ какой то *подложный* историческій матеріализмъ“. Какъ же, однако, излагаетъ Каутскій *настоящее* матеріалистическое пониманіе исторіи? Вотъ какъ: „Экономическія отношенія не единственный „факторъ“, которымъ опредѣляются „человѣческія дѣла“, „человѣческая жизнь въ ея цѣломъ“; но среди факторовъ, имѣющихъ опредѣляющее вліяніе на ходъ человѣческихъ дѣлъ, экономическія отношенія представляютъ собою единственный *перемѣнный* элементъ. Другіе факторы отличаются постоянствомъ, не измѣняются вовсе или же измѣняются лишь подъ вліяніемъ измѣненій перемѣннаго элемента; они не являются, слѣдовательно, движущими силами историческаго развитія, хотя они и представляютъ собою необходимые элементы человѣческой жизни“.

---

*) „Нов. Сл.“ 1897, годъ II, кн. 11, стр. 3. Курсивъ нашъ.

**) Такъ характеризуетъ современное состояніе извѣстной части соціологической литературы Германіи въ „Началѣ“ г. С. Булгаковъ, несомнѣнный „экономическій матеріалистъ“.

Итакъ, надстройки—суть несомнѣнные „факторы" историческаго процесса", но не суть „движущія силы". Съ одной стороны, мы какъ будто имѣемъ признаніе той же Viehlheit von Factoren, а съ другой—оговорки, которыя лишаютъ это признаніе всякаго смысла. Что же такое обозначаетъ терминъ, опредѣляющій „факторъ", какъ не „движущую силу"? Какая разница между тѣмъ и другимъ? И какая разница между признаніемъ „экономики" единственной движущей силой историческаго развитія, и между признаніемъ всѣхъ религіозныхъ, философскихъ и др. перемѣнъ простымъ проявленіемъ экономической сущности, простымъ отраженіемъ экономическаго развитія?

Съ другой стороны, типичнымъ представителемъ *критическаго* направленія въ марксизмѣ является Эд. Бернштейнъ, къ разсмотрѣнію взглядовъ котораго мы сейчасъ и обратимся.

II.

Новая книга объ экономическомъ матеріализмѣ, принадлежащая перу Бернштейна, имѣетъ прежде всего то неоспоримое достоинство, что авторъ ея не принадлежитъ къ числу адвокатовъ теоріи per fas et nefas. Искренность, готовность признавать ошибки, вмѣсто того, чтобы ихъ затушевывать, спокойный, чуждый полемическаго задора тонъ—все это качества, обнаруживаемыя далеко не всѣми адептами новой теоріи.

Бернштейнъ начинаетъ съ указанія, что экономическій матеріализмъ извѣстенъ намъ въ двухъ различныхъ формахъ. Первая—это та форма, которую первоначально придали экономическому матеріализму его родоначальники—Марксъ и Энгельсъ. Вторая—это послѣдняя, окончательная, зрѣлая форма, которая постепенно вырабатывалась путемъ различныхъ дополненій, важнѣйшія изъ которыхъ содержатся въ письмахъ Энгельса къ Конраду Шмидту, опубликованныхъ въ журналѣ „Der. S. Akademiker" *).

Характерною особенностью первоначальной формулировки теоріи историческаго матеріализма, по Бернштейну, является слишкомъ рѣзкій, чрезмѣрный детерминизмъ (Бернштейнъ хочетъ, очевидно, сказать—фатализмъ). Въ предисловіи къ своей „Zur Kritik der politischen Oekonomie" Марксъ характеризуетъ производственныя отношенія, какъ „независимыя отъ воли" людей, рѣзко противопоставляетъ сознаніе людей объективнымъ формамъ ихъ быта (въ фразѣ: „не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, а наоборотъ, ихъ формы общественнаго бытія опредѣляютъ формы ихъ сознанія"); онъ говоритъ, что „вообще

*) 1895, сентябрь. Есть и русскій переводъ этихъ писемъ въ журн. „Міръ Божій" 1897, № 1; къ сожалѣнію, въ русскомъ переводѣ есть очень странные пропуски, о которыхъ см. ниже.

отъ способа производства *находится въ полной зависимости* ходъ общественной, политической и духовной жизни". Въ предисловіи къ первому тому Капитала онъ говоритъ объ „естественныхъ законахъ (Naturgesetze) капиталистическаго развитія", характеризуя ихъ какъ „тенденціи, дѣйствующія и осуществляющіяся съ желѣзной необходимостью". Этой формулировкой, какъ полагаетъ Бернштейнъ, нетрудно ввести въ заблужденіе: здѣсь „такъ рѣзко противополагаются другъ другу сознаніе и бытіе, что легко вывести заключеніе, будто люди разсматриваются лишь какъ одушевленные агенты историческихъ силъ, дѣло которыхъ они творятъ помимо собственной воли и сознанія". Правда, подобный взглядъ составляетъ достояніе обыкновеннаго, ходячаго матеріализма („So ist der Materialist—ein Kalvinist ohne Gott" мѣтко замѣчаетъ Бернштейнъ); но онъ не выдерживаетъ критики.

Марксъ, конечно, видѣлъ эту ошибку ходячаго матеріализма. Какъ намъ уже приходилось указывать въ другомъ мѣстѣ, онъ думалъ рѣшительно выступить противъ этой ошибки въ особой статьѣ о Фейербахѣ, статьѣ, которая, къ сожалѣнію, осталась ненаписанной. Марксъ только набросалъ тѣ основные тезисы, которые онъ собирался въ этой статьѣ развить, и одинъ изъ этихъ тезисовъ гласитъ: „матеріалистическое ученіе о томъ, что люди представляютъ собою продуктъ обстоятельствъ... забываетъ, что обстоятельства измѣняются именно людьми".

И тѣмъ не менѣе, формулировка историческаго матеріализма въ предисловіи къ „Zur Kritik" такова, что напоминаетъ скорѣе эту одностороннюю матеріалистическую формулировку, чѣмъ Марксовскую ея критику. Къ сожалѣнію, Бернштейнъ не задается вопросомъ—откуда же взялась у Маркса такая формулировка? А между тѣмъ, правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ бы пролить свѣтъ на многое. Онъ показалъ бы, что предисловіе къ „Zur Kritik" содержитъ скорѣе общую характеристику періода историческаго дѣтства человѣчества, чѣмъ всеобъемлющую историко-философскую теорію, что здѣсь излагаются лишь нѣкоторые абстрактные законы стихійнаго („генетическаго", какъ сказалъ бы Уордъ) процесса, которые, для примѣненія къ объясненію хода исторической жизни человѣчества, должны быть дополнены законами прогресса сознательнаго, цѣлесообразнаго, или, употребляя терминъ Уорда, „телеологическаго".

Уже неоднократно и въ нашей, и въ Западно-Европейской литературѣ проводилась аналогія между Марксомъ и Дарвиномъ *). И въ самомъ дѣлѣ, между работами того и другого есть много общаго. Явленія хозяйственнаго индивидуализма съ его могучимъ

---

*) Зародышъ этой аналогіи можно найти у самого Маркса, см. Капиталъ I, стр. 323 (рус. пер. изд. 2-е, Спб. 1898).

рычагомъ—конкурренціей представляютъ прямое продолженіе чисто зоологической борьбы за существованіе. Постольку же и работа Маркса—прямое продолженіе работы Дарвина. Какъ развитіе организмовъ идетъ путемъ суммированія, накопленія въ ряду поколѣній мельчайшихъ, незамѣтныхъ индивидуальныхъ измѣненій,—такъ и развитіе современнаго общества слагается чисто-генетически стихійно изъ милліардовъ разрозненныхъ дѣйствій единичныхъ индивидовъ, руководимыхъ своими узкими, частными цѣлями и интересами. Тамъ—всеобщая зоологическая борьба, здѣсь—всеобщая экономическая война и анархія производства; тамъ—инстинктъ самосохраненія, здѣсь—личный матеріальный разсчетъ; тамъ—приспособленіе организмовъ къ средѣ, здѣсь приспособленіе психологіи людей къ ихъ общественному положенію; тамъ—поступательный ходъ отъ микроскопическаго царства протистовъ къ міру высшихъ сложныхъ организмовъ, здѣсь—развитіе простого товарнаго („карликоваго“) производства въ сложныя формы крупной капиталистической продукціи; тамъ—дивергенція (расхожденіе) признаковъ при уничтоженіи промежуточныхъ формъ, здѣсь—распаденіе общества на классы и прогрессирующее уничтоженіе среднихъ слоевъ.

Казалось бы, что общаго между двумя, повидимому, антагонистическими началами: началомъ борьбы за существованіе и началомъ общественнаго соединенія людей? И однако, буржуазная „общественность“ не есть противоположность борьбы за существованіе, и не только не уничтожаетъ послѣдней, а, напротивъ, сама представляетъ лишь ея исправленное и дополненное изданіе. Она только замѣняетъ свободную, ничѣмъ не прикрытую борьбу—борьбой юридически-оформленной.

И при зоологической борьбѣ за существованіе есть прогрессъ—только прогрессъ, покупаемый страшно дорогою цѣною. „Чтобъ одного возвеличить, борьба тысячи слабыхъ уноситъ; даромъ ничто не дается—судьба жертвъ искупительныхъ проситъ“. Прогрессивныя формы являются лишь немногими частными случаями въ ряду тысячъ и милліоновъ др. случайностей; жизнеспособность ихъ должна быть доказана, испытана въ суровой школѣ борьбы и ломки; въ школѣ борьбы, которая закаляетъ, но которая еще болѣе калѣчитъ. Это забываютъ тѣ, кто любитъ говорить о цѣлесообразности природы, объ ея экономіи. Природа прежде всего расточительна. Но точно такъ же ошибаются и тѣ, кто называетъ капиталистическую систему общественной продукціи „системой наибольшаго производства“, кто говоритъ о принципѣ экономіи, лежащемъ будто бы въ основѣ этого способа производства. К. Марксъ въ своемъ „Капиталѣ“ и „великій русскій ученый и критикъ“ въ примѣчаніяхъ къ политической экономіи Милля и въ статьѣ „Капиталъ и трудъ“ совершенно разрушили этотъ предразсудокъ, доказавъ, какое неимовѣрное

расточеніе производительныхъ силъ происходитъ въ нѣдрахъ капиталистическаго общества, благодаря господствующей въ немъ анархіи производства, анархіи—рѣзкимъ проявленіемъ которой служатъ кризисы. Отсутствіе планомѣрности, отсутствіе экономіи, анти-соціальная разрозненность, индивидуализмъ—таковы типическія черты современнаго строя хозяйства.

Сказаннымъ выясняется, въ чемъ мы видимъ смыслъ ходячей аналогіи между Дарвиномъ и К. Марксомъ. Въ то время, какъ первый далъ намъ изслѣдованіе законовъ развитія организмовъ путемъ борьбы за существованіе, послѣдній далъ намъ изслѣдованіе законовъ развитія общества, руководимаго лишь свободной игрой индивидуальныхъ интересовъ. Въ этомъ смыслѣ работа Маркса является прямымъ продолженіемъ работы Дарвина: Марксъ изслѣдуетъ то, что въ современномъ обществѣ составляетъ прямое, лишь нѣсколько видоизмѣненное продолженіе зоологическаго, стихійнаго существованія человѣчества, „die Vorgeschichte der menschlichen Gesellschaft“, какъ выражается самъ Марксъ („Zur Kriftik etc.“, Vorwort).

Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ Маркса для характеристики стихійности и безсознательности этой „Vorgeschichte“. Въ первомъ томѣ„ Капитала“ онъ характеризуетъ „самопроизвольныя“ формы общественнаго бытія людей, „формы, у которыхъ на лбу написано, что онѣ принадлежатъ къ такой общественной формаціи, въ которой процессъ производства управляетъ человѣкомъ, а не человѣкъ властвуетъ надъ нимъ“ *). Эти формы „уже пріобрѣли устойчивость естественныхъ формъ общественной жизни, прежде чѣмъ человѣкъ попытается дать себѣ отчетъ... объ ихъ содержаніи“. „Размышленія о формахъ человѣческой жизни, слѣдовательно, также и научный анализъ ихъ идетъ по пути, прямо противоположному ихъ дѣйствительному развитію. Онъ начинается post festum, имѣя стало быть передъ собою готовые результаты процесса развитія“ **). Члены буржуазнаго общества, товаровладѣльцы, оказываются въ затруднительномъ положеніи: они дѣлаются рабами своихъ собственныхъ общественныхъ отношеній, ими не понятыхъ, созданныхъ непроизвольно. „Въ затрудненіи своемъ они разсуждаютъ, какъ Фаустъ. Въ началѣ было *дѣло*. Слѣдовательно, они дѣйствовали раньше, чѣмъ подумали“ ***). Отсюда всѣ экономическіе сюрпризы, которые нежданно-негаданно падаютъ на головы участниковъ буржуазнаго процесса производства, „насильственно прорываются, какъ законъ природы, которому они подчиняются“, „подобно тому, какъ законъ тяжести даетъ себя знать, когда кому нибудь на голову

---

*) Капиталъ, I, 43.
**) Ibid. 38.
***) Ibid. 49.

обрушивается домъ". И далѣе, въ примѣчаніи, Марксъ цитируетъ слова Энгельса о такомъ соціальномъ законѣ: „Это просто законъ природы, который основывается *на безсознательности тѣхъ*, кто подчиняется ему". *) „Въ томъ строѣ общества, который мы теперь изучаемъ, дѣйствія людей въ общественномъ процессѣ производства чисто-атомистическія. Вслѣдствіе этого отношенія ихъ одни къ другимъ въ производствѣ принимаютъ вещественный характеръ, независимый отъ ихъ контроля и сознательной индивидуальной дѣятельности". **) „Въ ихъ глазахъ, ихъ собственная общественная дѣятельность пріобрѣтаетъ форму дѣятельности вещей, которая, вмѣсто того, чтобы подчиняться дѣятельности производителей, подчиняетъ ее себѣ" ***).

И все, что говоритъ К. Марксъ въ предисловіи къ своей „Zur Kritik" и къ I т. „Капитала", совершенно вѣрно, если его слова отнести лишь къ этой „Vorgeschichte" человѣческаго общества. Несомнѣнно, для той общественной формаціи, гдѣ не человѣкъ управляетъ продуктами своего труда, а эти продукты, въ видѣ денегъ, капитала и т. п. управляютъ имъ—и *постольку, поскольку* управляютъ—въ этой общественной формаціи люди наталкиваются на „необходимыя, отъ ихъ воли независимыя отношенія, отношенія производства"; постольку въ ней „не сознаніе человѣка опредѣляетъ формы его бытія, а, наоборотъ, его общественное бытіе опредѣляетъ формы его сознанія"; постольку „ходъ общественной, политической и духовной жизни... находится въ полной зависимости отъ чисто самопроизвольнаго, естественнаго хода экономическаго развитія, съ его тенденціями „дѣйствующими съ желѣзной необходимостью".

Марксъ здѣсь вовсе еще не фетишируетъ понятія простой причинной обусловленности человѣческихъ дѣйствій. Не эту обусловленность называетъ онъ „желѣзной необходимостью". „Желѣзной", т. е. гнетущей, фатальной онъ считаетъ только тотъ родъ обусловленности человѣческихъ дѣйствій, который мы замѣчаемъ въ обществѣ съ отсутствіемъ планомѣрнаго общественнаго регулированія производства, въ обществѣ съ анархіей производства. Здѣсь, и только здѣсь законы общественнаго развитія

*) Кап., I, 38. Весьма характерно, что наши марксисты недовольны характеристикой развитія капиталистич. общества у Н. К. Михайловскаго, который, подобно Марксу, утверждалъ, что оно складывалось и развивалось безъ руководящаго участія общественнаго разума, „почти такъ же безсмысленно и безнравственно, какъ въ природѣ течетъ рѣка или ростетъ дерево". Высшій разумъ и чувство, „можно сказать, не присутствовали при возникновеніи современнаго экономическаго порядка въ Европѣ. Они были въ зачаточномъ состояніи и воздѣйствіе ихъ на естественный, стихійный ходъ вещей было ничтожно": Ср. П. Струве, „Крит. замѣтки etc", стр. 9.

**) Кап. I, 54.

***) Ibid, 37.

пріобрѣтаютъ характеръ зловѣщихъ, тяготѣющихъ надъ головами людей естественныхъ силъ, непокорныхъ человѣческой волѣ. Отъ этой желѣзной необходимости человѣчество можетъ и должно освободиться.

„Свобода въ этой области можетъ заключаться только въ томъ, чтобы человѣкъ, ставшій существомъ общественнымъ, чтобы объединенные производители регулировали такой свой обмѣнъ веществъ съ природою разумно, подчинили бы его своему общему контролю, вмѣсто того, чтобы давать ему властвовать надъ собою, какъ слѣпой силѣ; чтобы совершалось это съ наименьшею тратою силы и при условіяхъ наиболѣе достойныхъ ихъ человѣческой природы и наиболѣе ей соотвѣтствующихъ“ *).

Даже и этого еще мало; и это еще не полное царство свободы, это все же еще остается до нѣкоторой степени царствомъ необходимости. „За нимъ начинается развитіе человѣческихъ силъ, которое само себѣ служитъ цѣлью, дѣйствительное царство свободы, которое можетъ однако процвѣтать, только имѣя основаніемъ такое царство необходимости“. „Царство свободы наступаетъ въ дѣйствительности только тогда, когда прекращается трудъ, вынужденный нуждою и внѣшней цѣлесообразносью; слѣдовательно, по существу оно находится внѣ сферы матеріальнаго производства собственно“ (ibid).

Говоря словами Энгельса, человѣчеству въ будущемъ и предстоитъ грандіозный „прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы“.

Но, умозаключая отсюда, можно попытаться поставить такого рода вопросъ: пока человѣчество еще не сдѣлало „прыжка“ изъ царства необходимости въ царство свободы, до тѣхъ поръ, слѣдовательно, не имѣемъ ли мы права прилагать къ ходу историческаго процесса тѣ самыя положенія, которыя развиты Марксомъ въ предисловіи къ „Zur Kritik der politischen Oekonomie“?

Нѣтъ, отвѣтимъ мы: такъ поступать нельзя, по крайней мѣрѣ безъ соотвѣтствующихъ ограниченій. Было-бы нелѣпо перетолковать мысль Энгельса такъ, какъ будто бы между „царствомъ свободы“ и „царствомъ необходимости“ можно провести точную границу, *до* которой было бы полное, абсолютное, безусловное царство необходимости, а *послѣ*—столь же абсолютное царство свободы. Въ человѣческой исторіи происходитъ постепенное накопленіе потенціальныхъ идеологическихъ силъ, и параллельно этому созрѣваетъ и растетъ зерно человѣческой свободы и власти

---

*) Кап., III, 678. „По ученію новѣйшихъ матеріалистовъ — говоритъ г. Каменскій („Нов. Сл.“ сентябрь 1897 г.)—человѣческой природѣ соотвѣтствуетъ *всякій* экономическій порядокъ, соотвѣтствующій состоянію производ. силъ въ данное время“. Очевидно, для „новѣйшихъ матеріалистовъ“ и Марксъ—тоже субъективистъ.

не только надъ природою, но и надъ его собственными общественными отношенiями.

Именно такова мысль Эд. Бернштейна. Мы должны — говоритъ онъ—различать въ современномъ обществѣ двѣ тенденцiи. Съ одной стороны, все больше и больше признается законосообразность историческихъ явленiй, все больше и больше вниманiя удѣляется законамъ общественнаго развитiя, и въ частности—законамъ экономическаго развитiя. „Съ другой же стороны, наряду съ этимъ признанiемъ, отчасти какъ его слѣдствiе, отчасти какъ его причина, идетъ рука объ руку все растущая способность направлять такъ или иначе экономическое развитiе. Экономическiя силы, подобно физическимъ, могутъ превращаться изъ властелиновъ и повелителей людей въ ихъ послушныхъ слугъ,—постольку, поскольку люди познаютъ ихъ сущность. Поэтому общество въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-либо освободилось въ теорiи отъ власти экономическихъ силъ, и только противоположность интересовъ различныхъ общественныхъ элементовъ, только сила эгоистическихъ интересовъ отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ группъ—мѣшаютъ полному переходу этой теоретической свободы въ реальную, практическую. Однако и здѣсь общiй интересъ все болѣе и болѣе получаетъ перевѣсъ надъ частнымъ; и поскольку это происходитъ, а также въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ это происходитъ,—все болѣе и болѣе прекращается элементарное владычество экономическихъ силъ... Индивидуумы и цѣлые народы освобождаютъ такимъ образомъ все большую и большую часть своей жизни изъ подъ власти желѣзной необходимости, осуществляющейся помимо или даже наперекоръ ихъ волѣ“.

„Современное общество—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—богаче какого бы то ни было изъ прежнихъ такими идеологiями, которыя обусловлены не экономикой... Науки, искусства, цѣлый рядъ соцiальныхъ отношенiй теперь гораздо меньше зависятъ отъ экономики, чѣмъ когда либо раньше... Достигнутая нынѣ ступень экономическаго развитiя предоставляетъ идеологическимъ и особенно этическимъ факторамъ гораздо больше свободы для самостоятельнаго дѣйствiя, чѣмъ какая либо изъ прежнихъ. Вслѣдствiе этого причинная связь между технико-экономическимъ развитiемъ и развитiемъ остальныхъ соцiальныхъ установленiй дѣлается все болѣе и болѣе косвенной, посредственной. И тѣмъ самымъ естественная необходимость перваго является все менѣе опредѣляющей для формированiя послѣднихъ. Такимъ образомъ „господство желѣзной необходимости“ въ исторiи ограничивается“...

Все это—мысли, далеко не новыя для русской читающей публики. Такъ, напр., еще въ 1895 г. была напечатана въ „Рус. Бог.“ статья г. Николая —она—„Что же такое историческая необходимость?“ Авторъ этой статьи, подобно Бернштейну, указы-

ваетъ, что прямо-пропорціонально росту пониманія закономѣрной связи экономическихъ явленій растетъ и способность общества направлять экономическое развитіе. „Каждый экономическій законъ, совершенно такъ же, какъ каждый законъ органической и неорганической природы, представляетъ собою выраженіе отношенія, существующаго между даннымъ явленіемъ и условіями, воздѣйствующими на него. Разъ найдено постоянство такого отношенія, разъ найденъ такъ называемый „законъ“, управляющій этими отношеніями, ...начинается активное воздѣйствіе человѣка, ради пользованія имъ... Рѣшительно то же самое можно сказать о законахъ, управляющихъ общественно-хозяйственными явленіями. Разъ они найдены, дѣло общества обставить ихъ такими условіями, при которыхъ проявленіе ихъ наиболѣе соотвѣтствовало бы интересамъ всего общества“ *).

Говоря это, г. Николай —онъ только слѣдовалъ указаніямъ Маркса, который въ упомянутыхъ выше „тезисахъ“ сочиненія о Фейербахѣ указывалъ на необходимость сходить съ теоретической точки зрѣнія на практическую и видѣлъ главный недостатокъ *созерцательнаго* матеріализма въ томъ, что онъ разсматривалъ міръ „лишь въ формѣ объекта, или въ формѣ созерцанія, а не въ формѣ конкретной человѣческой дѣятельности, не въ формѣ практики, не субъективно“. Разсматривая вопросъ субъективно, г. Николай —онъ ставитъ передъ русскимъ обществомъ извѣстную задачу, указываетъ на то теченіе, которое нужно было бы въ общихъ интересахъ придать направленію экономическаго развитія Россіи. Онъ, конечно, ни мало не сомнѣвается въ томъ, что поперекъ дороги разрѣшенію этой задачи встанутъ многочисленные эгоистическіе интересы какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ. Но онъ глубоко увѣренъ также и въ томъ, что въ концѣ концовъ общіе интересы побѣдятъ, и общество изъ пассивнаго зрителя проявленія экономическихъ законовъ превратится въ активнаго дѣятеля, направляющаго къ заранѣе постановленной цѣли теченіе событій.

„Фабричное законодательство—говоритъ К. Марксъ—это первое *сознательное и цѣлесообразное воздѣйствіе общества* на самопроизвольно возникшія формы процесса производства“. (Кап.

---

*) Характерно слѣдующее. Критикъ г. Николая —она, г. Novus въ „Новомъ Словѣ“ видитъ въ употребленіи имъ абстракціи „общество“ утопію, игнорированіе классоваго строенія общества, симптомъ „бюрократическаго вырожденія народничества“, сравниваетъ Н.—она съ Гельвеціемъ, обращавшимся къ «un prince eclairé et bienfaisant». Съ одинаковымъ правомъ, или, лучше сказать, съ одинаковымъ отсутствіемъ всякаго права г. Novus могъ бы обратить подобные упреки и по адресу самого Маркса, который также дѣлалъ этотъ смертный грѣхъ—иногда употреблялъ абстракцію «общество» безъ дальнѣйшихъ разъясненій, которыя само собою подразумѣваются. (См. ниже въ текстѣ.)

I, 420.) Есть и еще цѣлый рядъ способовъ такого же „сознательнаго и цѣлесообразнаго воздѣйствія“; но, конечно, каждый шагъ общества на этомъ пути покупается борьбою.

Вопросъ о такомъ „сознательномъ и цѣлесообразномъ воздѣйствіи“ aliis verbis и есть вопросъ о роли въ историческомъ процессѣ „не-экономическихъ факторовъ“, какъ ихъ принято не-совсѣмъ правильно называть.

Первымъ изъ такъ называемыхъ „не-экономическихъ факторовъ“ является политическая сила, которая намъ извѣстна въ двухъ видахъ. Во-первыхъ, это „непосредственная сила, принадлежащая внѣ-экономической сферѣ“ (Кап., I, 645); она можетъ являться, какъ дезорганизованная, непосредственно-общественная сила, стихійные взрывы которой наблюдаются въ эпохи патологическаго состояніи общественнаго организма. Во-вторыхъ, это таже „внѣ-экономическая сила“, но уже въ видѣ стройнаго государственнаго механизма. Въ главѣ о первоначальномъ накопленіи Марксъ указываетъ, что всевозможные способы этого накопленія отчасти основываются на непосредственной „грубѣйшей силѣ“, частью же „всѣ они пользуются государственной властью, этой сосредоточенной и организованной общественной силой“. „Сила, прибавляетъ Марксъ, всегда служитъ повивальной бабкой старому обществу, которое бываетъ беременно новымъ. Сама сила есть экономическій дѣятель“ *).

И въ другомъ мѣстѣ Марксъ вновь указываетъ, какъ политическая власть является не только „надстройкой“ надъ экономикой, но и „экономическимъ дѣятелемъ“. „Особенная хозяйственная форма, въ которой неоплаченный прибавочный трудъ извлекается изъ непосредственныхъ производителей, — читаемъ мы тамъ—опредѣляетъ отношеніе господства и подчиненія, какъ оно возникаетъ непосредственно изъ самаго производства и *съ своей стороны оказываетъ опредѣляющее вліяніе на послѣднее*“ **).

То же и у Энгельса. „Въ письмѣ къ Конраду Шмидту—говоритъ Э. Бернштейнъ—Фридрихъ Энгельсъ прекрасно выяснилъ, какимъ образомъ общественныя установленія, сами являясь продуктами экономическаго развитія, въ свою очередь дѣлаются самостоятельными соціальными силами, съ своей собственной эволюціей, оказываютъ обратное вліяніе на экономическое развитіе и могутъ то ускорять его, то тормазить, направлять по другому пути“.

Въ предисловіи I т. Капитала, какъ извѣстно, Марксъ признавалъ за обществомъ только способность „сократить и облегчить“ переходъ отъ одной изъ „естественныхъ стадій развитія“ къ другой, но ни въ коемъ случаѣ не „перепрыгнуть“

*) Кап., I, 657.
**) Кап., III, 653. Курсивъ нашъ.

черезъ какую нибудь стадію или „отдѣлаться отъ нея путемъ декретовъ“.

Поэтому, вполнѣ правъ Эд. Бернштейнъ, когда говоритъ: „конечно, никто не рѣшится утверждать, будто Марксъ и Энгельсъ когда либо не замѣчали вліянія не-экономическихъ факторовъ на ходъ исторіи. Противъ такого утвержденія можно бы привести безчисленнее множество мѣстъ въ ихъ первыхъ произведеніяхъ. Но здѣсь вопросъ весь вертится вокругъ *количественныхъ* опредѣленій. Вопросъ не въ томъ, признавались ли идеологическіе факторы, но въ томъ, какая *мѣра* вліянія, какое значеніе въ исторіи признавалось за ними. И вотъ въ этомъ то отношеніи является безспорнымъ, что Марксъ и Энгельсъ первоначально признавали за не-экономическими факторами гораздо меньше значеніе въ развитіи общества, приписывали имъ гораздо болѣе слабое обратное воздѣйствіе на экономическія отношенія, чѣмъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ. Впрочемъ, это вполнѣ соотвѣтствуетъ естественному ходу развитія всякой новой теоріи. Первоначально она всегда выступаетъ вь самой рѣзкой и категорической формулировкѣ. Чтобы обратить на себя вниманіе, пріобрѣсти значеніе,—она должна доказать дряхлость, негодность старыхъ теорій. Но при такой борьбѣ вполнѣ понятны и односторонность, и преувеличенія“.

Бернштейнъ указываетъ, что въ этой односторонности признавался и самъ Энгельсъ. Въ своемъ письмѣ къ Конраду Шмидту отъ 1890 г. Энгельсъ прямо говоритъ: „при столкновеніяхъ съ нашими противниками намъ приходилось подчеркивать отрицаемый ими основной принципъ (экономическую сторону), и при этомъ мы не всегда находили время, мѣсто и поводъ отдавать должное другимъ элементамъ, принимающимъ участіе во взаимодѣйствіи“ *).

Бернштейнъ кладетъ въ основу своего соціологическаго міросозерцанія слѣдующія слова Фр. Энгельса изъ тѣхъ же писемъ къ К. Шмидту: „Политическое, правовое, философское, литературное, религіозное, эстетическое и т. п. развитіе покоятся на экономическомъ; но всѣ они реагируютъ другъ на друга и на экономическій базисъ“. Къ этому Фр. Энгельсъ еще присовокупляетъ положеніе о „конечномъ главенствѣ“ (schliessliche Suprematie) экономическаго фактора, который „въ послѣднемъ счетѣ“ и является единымъ двигателемъ исторіи. Бернштейнъ этой при-

---

*) Мы уже упоминали, что есть русскій переводъ этихъ писемъ въ журн. „Міръ Божій“ 1897, № 1. Почему то, однако, переводчикъ нашелъ нужнымъ переводить не все, а съ разборомъ: въ частности, напрасно будетъ искать русскій читатель въ „Мірѣ Божіемъ“ приведенныхъ выше строкъ. Выпущены также и приведенныя нами выше слова Энгельса: „къ сожалѣнію, слишкомъ часто случается, что люди, едва усвоивъ основныя положенія новой теоріи, воображаютъ, что вполнѣ ее постигли и могутъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій ее примѣнять“.

бавки не дѣлаетъ, и несомнѣнно, что онъ въ этомъ пунктѣ логичнѣе Энгельса. Если другіе „факторы“ со своей стороны *реагируютъ* на экономическій, если они вліяютъ на экономическое развитіе и видоизмѣняютъ его,—то, очевидно, экономическое развитіе лишь отчасти „опредѣляетъ“ остальныя стороны общественной жизни, отчасти же, наоборотъ, само опредѣляется ими, лишь отчасти ихъ „подчиняетъ“ себѣ, отчасти же само „подчиняется“ ихъ вліянію. Что же касается ссылки Энгельса на то, что иное получится „въ послѣднемъ счетѣ“, то эту ссылку достаточно устранить простымъ замѣчаніемъ, что „послѣдній счетъ“, „послѣднія причины“, causae finales суть достояніе не науки, а метафизики.

„Господствующій“ факторъ — какъ говоритъ „діалектическій матеріалистъ“ г. Каменскій—самъ оказывается, такимъ образомъ, *подчиненнымъ* (курсивъ подлинника) другому „фактору“. Ну, а послѣ этого какой же онъ „господствующій“? („Нов. Сл.“ 97, № 12, стр. 77).

Бернштейнъ и останавливается на простомъ признаніи „множественности факторовъ“ (Viehlheit von Factoren). По его мнѣнію, „было бы шагомъ назадъ оставить ту зрѣлую форму, которую придалъ экономическому матеріализму Фр. Энгельсъ въ письмахъ къ Конраду Шмидту, и вернуться къ первоначальной формулировкѣ, чтобы, опираясь на нее, придать теоріи монистическое истолкованіе“. И въ другомъ мѣстѣ онъ не менѣе рѣшительно считаетъ „монизмъ“, въ смыслѣ объясненія исторіи изъ одного начала, несостоятельной попыткой искусственнаго *упрощенія* исторіи *). Н. Бельтовъ нисколько не задумался бы причислить Бернштейна, вмѣстѣ съ Карѣевымъ, къ разряду дуалистовъ, вносящихъ дробленіе и разладъ въ единый и цѣлостный процессъ развитія соціальныхъ отношеній,

Намъ кажется Бернштейна не безъ основанія можно упрекнуть здѣсь въ нѣкоторомъ эклектизмѣ. Врядъ ли правильно и научно въ наше время, когда и въ области естественныхъ наукъ господствующимъ является стремленіе свести всѣ физическія силы къ нѣкоторому единству, слѣдовать по обратному пути въ области пониманія исторіи. Въ этомъ проявляется то, что Контъ назвалъ бы метафизическими пріемами мысли. Стремленіе вездѣ и всюду видѣть цѣлый рядъ особыхъ, самостоятельныхъ „силъ“, „дѣятелей“, „факторовъ“, стремленіе всякую абстракцію превращать въ особую „сущность“, на которую и сводить реальную дѣйствительность,—всегда въ концѣ концовъ даетъ только словесную видимость рѣшенія вопроса, на самомъ дѣлѣ ничего не

---

*) Одному русскому соціологу, который присвоиваетъ историко-философской теоріи Маркса-Энгельсъ эпитетъ „monistisch“, Бернштейнъ насмѣшливо ставитъ вопросъ: „warum nicht *simplistisch*“?

разъясняя и только становясь поперекъ дороги развитію истиннаго знанія. Возникаетъ необходимость расчистить эту дорогу отъ засоряющихъ ее препятствій; возникаетъ необходимость доказать, что всѣ эти мнимые „дѣятели", воздѣйствующіе другъ на друга и создающіе въ какой то путаницѣ взаимодѣйствія реальную дѣйствительность, на самомъ дѣлѣ плодъ воображенія, которое незамѣтно примѣшиваетъ къ чистой работѣ мысли антропоморфическій элементъ и сложнѣйшія отвлеченныя понятія превращаетъ въ какія то „начала", изъ которыхъ „въ послѣднемъ счетѣ" и выводитъ эволюцію дѣйствительности. Всѣ эти „силы" и „факторы" уже изгнаны изъ области естествознанія. Современная критическая философія ихъ не знаетъ. Она знаетъ только *условія* свершенія событій; ей незнакомъ дуализмъ дѣятельной причины и пассивнаго слѣдствія. То, что раньше считали „слѣдствіемъ", она видитъ въ конкретной комбинаціи условій; именно данная комбинація каждый разъ непосредственно составляетъ — именно *составляетъ*, а не *производитъ*—тотъ или другой „результатъ". Критическая философія учитъ насъ разлагать каждую комбинацію на опредѣленную совокупность условій, причемъ брать попеременно одно изъ условій за величину измѣняющуюся, при неизмѣнности остальныхъ. Соотвѣтственно перемѣнамъ одного изъ условій, конечно, будетъ мѣняться и „результатъ". Измѣненія всего „результата" мы будемъ при этомъ разсматривать, какъ функцію измѣненія „условія". Но критическая философія не допуститъ насъ при этомъ внести въ наше представленіе о событіи антропоморфическій элементъ и разсматривать измѣненіе условія— какъ что то первичное, и потому активное, а измѣненіе „результата", какъ нѣчто вторичное, производное, и потому пассивное. Критическая философія выясняетъ, что здѣсь мы имѣемъ не отношеніе активнаго дѣятеля къ пассивному дѣйствію, а просто отношеніе части и цѣлаго, категорій, взаимно соотвѣтственныхъ, или, говоря математическимъ языкомъ, имѣемъ функціональное отношеніе между величинами, — функціональное отношеніе, въ основѣ котораго лежитъ *единство* разсматриваемыхъ величинъ.

Возьмемъ примѣръ. Въ неоднократно упоминавшихся выше письмахъ Фр. Энгельса мы, между прочимъ, читаемъ: „если техника, какъ говорятъ, зависитъ по большей части отъ состоянія науки, то, съ другой стороны, состояніе науки еще въ гораздо большей степени зависитъ отъ *состоянія* и *потребностей* техники". Итакъ, здѣсь вполнѣ можно констатировать такъ называемое „взаимодѣйствіе". Энгельсъ не отрицаетъ, что состояніе техники зависитъ отъ состоянія науки, но онъ говоритъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ и обратная зависимость. И такъ, въ сущности, мы видимъ здѣсь просто взаимное соотвѣтствіе, видимъ всѣ характерные признаки того, что въ математикѣ называется функціональнымъ отношеніемъ.

Функціональнымъ отношеніемъ называется такая связь между двумя величинами, при которой опредѣленное измѣненіе одной сопровождается неизбѣжно опредѣленнымъ измѣненіемъ другой. По терминологіи Джевонса, первая изъ этихъ величинъ называется „измѣняющейся", а послѣдняя—„измѣняемой". По современной же терминологіи этимъ названіямъ соотвѣтствуютъ, съ одной стороны „независимое перемѣнное" или „аргументъ", а съ другой—„зависимое перемѣнное" или „функція".

Особенно важно здѣсь то положеніе, что „болѣе общая форма выраженія функціональной зависимости... не предрѣшаетъ, которую изъ двухъ величинъ... примемъ за независимую перемѣнную, и которую — за ея функцію; извѣстно только, что если будемъ измѣнять произвольно одну изъ этихъ величинъ—другая будетъ измѣняться" *), причемъ между измѣненіемъ обѣихъ будетъ наблюдаться извѣстное соотвѣтствіе. Дѣло науки открыть формулу этого соотвѣтствія.

Возьмемъ примѣръ, который пояснитъ дѣло. Функціональнымъ отношеніемъ будетъ связь между площадью круга и его радіусомъ. Переходя отъ круга съ площадью опредѣленной величины послѣдовательно къ кругу все съ большей и большей площадью, мы неизбѣжно переходимъ къ кругу съ все большимъ и большимъ радіусомъ И наоборотъ, послѣдовательно увеличивая радіусъ, мы неизбѣжно увеличиваемъ площадь круга. Мы здѣсь имѣемъ между двумя данными величинами постоянное соотвѣтствіе, т. е. функціональное соотношеніе.

Нетрудно убѣдиться, что въ основѣ этого функціональнаго соотношенія лежитъ не какая-то таинственная сила, благодаря которой не то радіусъ повелѣваетъ покорной ему площадью круга и „съ желѣзной необходимостью" подчиняетъ ее исходящему отъ него „вліянію",—не то, наоборотъ, площадь круга, увеличиваясь, насильственно заставляетъ выросги бѣдный радіусъ. Нѣтъ между этими двумя величинами и какого нибудь таинственнаго „взаимодѣйствія". Въ основаніи даннаго функціональнаго отношенія лежитъ просто *единство* и *нераздѣльность* геометрическаго объекта. Радіусъ, окружность, площадь круга съ ихъ взаимными отношеніями суть просто лишь различные аттрибуты одного и того же сложнаго геометрическаго представленія. Таково же и отношеніе между техническимъ развитіемъ способовъ производства—съ одной стороны, и научнымъ прогрессомъ прикладныхъ знаній—съ другой. И въ основѣ этого функціональнаго отношенія тоже лежитъ *единство*. Энгельсъ не замѣчаетъ, что, признавая прямую зависимость техники отъ науки, и въ дополненіе къ

---

*) Г. Лоренцъ, „Элементы высшей математики". Основанія аналитической геометріи, дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій и ихъ приложеній къ естествознанію. М. 1898, стр. 15.

разъясняя и только становясь поперекъ дороги развитію истиннаго знанія. Возникаетъ необходимость расчистить эту дорогу отъ засоряющихъ ее препятствій; возникаетъ необходимость доказать, что всѣ эти мнимые „дѣятели", воздѣйствующіе другъ на друга и создающіе въ какой то путаницѣ взаимодѣйствія реальную дѣйствительность, на самомъ дѣлѣ плодъ воображенія, которое незамѣтно примѣшиваетъ къ чистой работѣ мысли антропоморфическій элементъ и сложнѣйшія отвлеченныя понятія превращаетъ въ какія то „начала", изъ которыхъ „въ послѣднемъ счетѣ" и выводитъ эволюцію дѣйствительности. Всѣ эти „силы" и „факторы" уже изгнаны изъ области естествознанія. Современная критическая философія ихъ не знаетъ. Она знаетъ только *условія* свершенія событій; ей незнакомъ дуализмъ дѣятельной причины и пассивнаго слѣдствія. То, что раньше считали „слѣдствіемъ", она видитъ въ конкретной комбинаціи условій; именно данная комбинація каждый разъ непосредственно составляетъ — именно *составляетъ*, а не *производитъ*—тотъ или другой „результатъ". Критическая философія учитъ насъ разлагать каждую комбинацію на опредѣленную совокупность условій, причемъ брать попеременно одно изъ условій за величину измѣняющуюся, при неизмѣнности остальныхъ. Соотвѣтственно перемѣнамъ одного изъ условій, конечно, будетъ мѣняться и „результатъ". Измѣненія всего „результата" мы будемъ при этомъ разсматривать, какъ функцію измѣненія „условія". Но критическая философія не допуститъ насъ при этомъ внести въ наше представленіе о событіи антропоморфическій элементъ и разсматривать измѣненіе условія— какъ что то первичное, и потому активное, а измѣненіе „результата", какъ нѣчто вторичное, производное, и потому пассивное. Критическая философія выясняетъ, что здѣсь мы имѣемъ не отношеніе активнаго дѣятеля къ пассивному дѣйствію, а просто отношеніе части и цѣлаго, категорій, взаимно соотвѣтственныхъ, или, говоря математическимъ языкомъ, имѣемъ функціональное отношеніе между величинами, — функціональное отношеніе, въ основѣ котораго лежитъ *единство* разсматриваемыхъ величинъ.

Возьмемъ примѣръ. Въ неоднократно упоминавшихся выше письмахъ Фр. Энгельса мы, между прочимъ, читаемъ: „если техника, какъ говорятъ, зависитъ по большей части отъ состоянія науки, то, съ другой стороны, состояніе науки еще въ гораздо большей степени зависитъ отъ *состоянія* и *потребностей* техники". Итакъ, здѣсь вполнѣ можно констатировать такъ называемое „взаимодѣйствіе". Энгельсъ не отрицаетъ, что состояніе техники зависитъ отъ состоянія науки, но онъ говоритъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ и обратная зависимость. И такъ, въ сущности, мы видимъ здѣсь просто взаимное соотвѣтствіе, видимъ всѣ характерные признаки того, что въ математикѣ называется функціональнымъ отношеніемъ.

Функціональнымъ отношеніемъ называется такая связь между двумя величинами, при которой опредѣленное измѣненіе одной сопровождается неизбѣжно опредѣленнымъ измѣненіемъ другой. По терминологіи Джевонса, первая изъ этихъ величинъ называется „измѣняющейся", а послѣдняя—„измѣняемой". По современной же терминологіи этимъ названіямъ соотвѣтствуютъ, съ одной стороны „независимое перемѣнное" или „аргументъ", а съ другой—„зависимое перемѣнное" или „функція".

Особенно важно здѣсь то положеніе, что „болѣе общая форма выраженія функціональной зависимости... не предрѣшаетъ, которую изъ двухъ величинъ... примемъ за независимую перемѣнную, и которую — за ея функцію; извѣстно только, что если будемъ измѣнять произвольно одну изъ этихъ величинъ—другая будетъ измѣняться" *), причемъ между измѣненіемъ обѣихъ будетъ наблюдаться извѣстное соотвѣтствіе. Дѣло науки открыть формулу этого соотвѣтствія.

Возьмемъ примѣръ, который пояснитъ дѣло. Функціональнымъ отношеніемъ будетъ связь между площадью круга и его радіусомъ. Переходя отъ круга съ площадью опредѣленной величины послѣдовательно къ кругу все съ большей и большей площадью, мы неизбѣжно переходимъ къ кругу съ все большимъ и большимъ радіусомъ И наоборотъ, послѣдовательно увеличивая радіусъ, мы неизбѣжно увеличиваемъ площадь круга. Мы здѣсь имѣемъ между двумя данными величинами постоянное соотвѣтствіе, т. е. функціональное соотношеніе.

Нетрудно убѣдиться, что въ основѣ этого функціональнаго соотношенія лежитъ не какая-то таинственная сила, благодаря которой не то радіусъ повелѣваетъ покорной ему площадью круга и „съ желѣзной необходимостью" подчиняетъ ее исходящему отъ него „вліянію",—не то, наоборотъ, площадь круга, увеличиваясь, насильственно заставляетъ вырости бѣдный радіусъ. Нѣтъ между этими двумя величинами и какого нибудь таинственнаго „взаимодѣйствія". Въ основаніи даннаго функціональнаго отношенія лежитъ просто *единство* и *нераздѣльность* геометрическаго объекта. Радіусъ, окружность, площадь круга съ ихъ взаимными отношеніями суть просто лишь различные аттрибуты одного и того же сложнаго геометрическаго представленія. Таково же и отношеніе между техническимъ развитіемъ способовъ производства—съ одной стороны, и научнымъ прогрессомъ прикладныхъ знаній—съ другой. И въ основѣ этого функціональнаго отношенія тоже лежитъ *единство.* Энгельсъ не замѣчаетъ, что, признавая прямую зависимость техники отъ науки, и въ дополненіе къ

*) Г. Лоренцъ, „Элементы высшей математики". Основанія аналитической геометріи, дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій и ихъ приложеній къ естествознанію. М. 1898, стр. 15.

этому устанавливая обратную зависимость науки отъ техники, онъ въ сущности говоритъ не о какихъ то двухъ самостоятельныхъ началахъ, „наукѣ“ и „техникѣ“, а о двухъ сторонахъ рѣшительно одного и того же процесса. То, что съ точки зрѣнія объективно-матеріальной онъ разсматриваетъ и квалифицируетъ, какъ „техническое развитіе способовъ производства“, именно это, съ точки зрѣнія субъективно-психологической, является научнымъ прогрессомъ. Ни того, ни другого мы себѣ не объяснимъ, пока не поймемъ необходимости разсматривать и то, и другое, какъ одинъ цѣлостный процессъ, въ связи съ совокупностью всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій его развитія. Иначе же передъ нами три выхода. Или мы „технику“ объяснимъ „развитіемъ науки“: въ этомъ случаѣ развитіе техники будетъ у насъ лишь *симптомомъ*, лишь производнымъ основного, „первичнаго“ процесса развитія науки. Этотъ способъ рѣшенія задачи охарактеризованъ Энгельсомъ, который насмѣшливо отзывается о „привычкѣ писать исторію наукъ такимъ образомъ, какъ будто онѣ свалились съ неба“. Или мы, наоборотъ, науку сведемъ на процессъ техники,—получится то же нелѣпое положеніе, только съ другой стороны. Или, наконецъ, мы сошлемся, какъ на послѣдній объясняющій принципъ, на „взаимодѣйствіе“, т. е. получимъ слово, которое какъ будто все разрѣшаетъ и все объясняетъ; на самомъ же дѣлѣ мы лишь забредемъ въ тупой переулокъ эклектизма, который даетъ видимость рѣшенія задачи и потому представляетъ препятствіе дальнѣйшему углубленію въ вопросъ.

Возьмемъ другой примѣръ—отношеніе между тѣмъ же развитіемъ техники и развитіемъ способовъ производства и обмѣна. Съ одной стовоны, можно *выводить* изъ перваго процесса—послѣдній, разсматривая связь между ними по аналогіи между измѣненіемъ военнаго строя въ зависимости отъ родовъ оружія. Именно такую аналогію мы встрѣчаемъ у Маркса въ „Lohnarbeit und Kapital“. Но, съ другой стороны, можно разсматривать и ростъ техники, какъ производную развитія способовъ производства и обмѣна. Нѣтъ сомнѣнія, напр., что лихорадочная конкурренція, господствующая въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ, дѣлая для капиталистовъ усовершенствованіе производства вопросомъ жизни или смерти, представляетъ могучій стимулъ развитія техники, тогда какъ способы производства и обмѣна, предшествовавшіе капиталистическому, даже искусственно задерживали ростъ техники. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ вновь функціональное соотношеніе, въ основѣ котораго опять-таки лежитъ *единство* обоихъ процессовъ.

Итакъ, въ двухъ разсмотрѣнныхъ нами примѣрахъ, мы имѣли функціональное отношеніе или взаимное соотвѣтствіе, въ основѣ котораго лежало единство разсматриваемыхъ процессовъ; въ первомъ примѣрѣ—единство двухъ сторонъ одного и того же про-

цесса, открывающихся наблюденію съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія; во второмъ же примѣрѣ—единство цѣлаго и части.

Такимъ образомъ, ни на минуту не переставая быть строгими монистами, мы однако были далеки отъ того некритическаго, и въ концѣ концовъ метафизическаго монизма, который выводитъ все развитіе изъ „факторовъ", „дѣятелей", и „въ послѣднемъ счетѣ" изъ „единаго опредѣляющаго фактора" *).

Такой некритическій монизмъ мы видимъ и въ теоріи „экономическаго матеріализма". Среди послѣдователей этой теоріи мы въ настоящее время замѣчаемъ усиленное стремленіе освободиться отъ некритическаго монизма, но на первыхъ порахъ такія попытки принимаютъ характеръ *эклектизма.*

Одинъ изъ примѣровъ такого эклектизма мы видимъ у Бернштейна. Другой примѣръ—письма Энгельса къ Конраду Шмидту, о которыхъ мы въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ.

Сознаваясь въ первоначальной односторонности, Фр. Энгельсъ старается какъ можно болѣе расширить понятіе „экономическаго базиса" соціальнаго развитія.

Попытки такого расширенія были у Энгельса и раньше. Особенно извѣстностью пользуется (и даже, можно сказать, сдѣлалась притчею во языцѣхъ) его попытка расширить понятіе „производственныхъ отношеній", включивъ въ общую формулу „производство непосредственной жизни", семейно-половыя отношенія,—ростъ не только продуктовъ, но и ростъ, размноженіе живыхъ существъ.

„Подъ *экономическими отношеніями,* говоритъ Энгельсъ въ письмѣ къ Конраду Шмидту,—надо, кромѣ того, разумѣть географическое положеніе мѣстности, на которой они развиваются... сюда, конечно, надо причислить также среду, окружающую данную общественную форму..." „Сама раса представляетъ также экономическій факторъ" **).

Такимъ методомъ, конечно, нетрудно сдѣлать всеобъемлющей любую теорію. Энгельсъ до nec plus ultra напрягаетъ растяжимость понятія „экономическія отношенія", „экономическій факторъ", и постепенно включаетъ въ него самые разнородные элементы: и географическое положеніе мѣстности, и всю вообще естественную среду—почвенную, климатическую и т. п., и расу, и, наконецъ, „семейно-половыя отношенія". Конечно, тезисъ о „конечномъ верховенствѣ" экономическаго фактора дѣлается отъ этого правдоподобнѣе, но за то отъ самого „экономическаго фактора" остается едва-ли не одно имя, одно названіе. Но вѣдь это

*) Читатель, знакомый съ моей статьей „Типы соціологическаго и психологическаго монизма" (Р. Б. 1899, № 1), конечно, усмотритъ во всемъ вышесказанномъ лишь примѣненіе общей точки зрѣнія, развитой въ этой статьѣ.

**) См. „Міръ Божій" 1897, № 1, стр. 97.

ни больше, ни меньше, какъ замаскированная капитуляція теоріи, разведеніе водою ея основныхъ принциповъ, т. е. опять-таки эклектизмъ, хотя нѣсколько иного рода, чѣмъ у Бернштейна.

Итакъ, экономическій матеріализмъ, какъ оказывается изъ словъ его новѣйшихъ защитниковъ, не отрицалъ ни одного изъ тѣхъ „факторовъ", на которыхъ настаивали его оппоненты; онъ лишь отчасти подразумѣвалъ ихъ въ самомъ понятіи „экономическаго фактора", отчасти же просто, по условіямъ, не успѣвалъ воздать должное „остальнымъ элементамъ, участвующимъ во взаимодѣйствіи", отклоняясь отъ этого, въ виду полемическихъ интересовъ минуты, къ доказательству „главнаго" положенія о „суприматіи" экономическаго развитія.

Намъ же кажется, что на теоріи экономическаго матеріализма просто сбылись слова самого Бернштейна:

„Эклектизмъ—смѣсь изъ самыхъ различныхъ методовъ изслѣдованія и объясненія фактовъ—часто является естественной реакціей противъ доктринерскаго стремленія все выводить изъ одного начала *), все разрѣшать однимъ методомъ. Какъ только усиливается подобное стремленіе,—духъ эклектизма всегда проложитъ себѣ дорогу съ силою естественной необходимости. Онъ является возстаніемъ здраваго разсудка противъ присущаго всякой доктринѣ стремленія втиснуть мысль въ „испанскіе сапоги" („испанскіе сапоги"—орудіе пытки; это выраженіе равносильно болѣе употребительному—„уложить въ Прокустово ложе доктрины").

„....И строгая Доктрина обыкновенно кончаетъ тѣмъ, что заимствуетъ кое-что исподтишка у Эклектики, этой легкомысленной особы, смѣло порхающей съ цвѣтка на цвѣтокъ по всему жизненному саду,—заимствуетъ, а передъ всѣмъ свѣтомъ оправдываетъ себя въ концѣ концовъ заявленіемъ, что въ глубинѣ души она все это и раньше всегда подразумѣвала"...

III.

Есть только одинъ путь для того, чтобы, съ одной стороны, избавиться отъ некритическаго монизма, составляющаго слабое мѣсто „экономическаго матеріализма", а съ другой — не впасть въ неопредѣленный и расплывчатый эклектизмъ. И этотъ путь—выясненіе необходимыхъ методологическихъ основъ всякаго соціологическаго изслѣдованія, и въ особенности всякой соціологической дедукціи.

---

*) „Alles aus Einem herzuleiten". Напомнимъ читателямъ слова П. Б. Струве (изъ „Критическихъ замѣтокъ"): „экономическій матеріализмъ есть грандіозная попытка, исходя изъ одного начала, объяснить весь историческій процессъ".

„Капиталъ“ Маркса всегда останется классическимъ образцомъ такой дедукціи. Мы уже говорили, что Марксъ ставилъ своею задачею изслѣдованіе процесса стихійнаго, можно сказать „естественно-историческаго“ развитія общественныхъ формъ. Онъ изслѣдовалъ при этомъ не какую-нибудь данную, конкретную равнодѣйствующую этого развитія, въ той или другой странѣ, но равнодѣйствующую in abstracto, поскольку она слагается чисто-механически, изъ единичныхъ, разрозненныхъ дѣйствій людей, руководимыхъ чисто-эгоистическими, узко-личными мотивами. Марксъ показываетъ, что въ то время, какъ отдѣльныя личности живутъ своимъ узенькимъ міркомъ, своими близорукими интересами, не думая ни объ историческихъ судьбахъ своей страны, ни—тѣмъ болѣе—о судьбахъ всего человѣчества—въ послѣднемъ счетѣ изъ этихъ единичныхъ жизней, изъ этихъ единичныхъ дѣятельностей, единичныхъ судебъ, путемъ ежедневнаго накопленія мельчайшихъ объективныхъ осадковъ вырабатывается глубокій и огромный потокъ историческаго движенія. Принимая людей лишь за олицетвореніе экономическихъ категорій, лишь за воплощенный матеріальный разсчетъ *) и такимъ образомъ упрощая свою задачу, Марксъ имѣетъ дѣло въ концѣ концовъ лишь съ однимъ перемѣннымъ элементомъ — техническимъ развитіемъ средствъ производства. Та же свободная игра интересовъ, та же экономическая борьба, тѣ же скрытыя пружины этой борьбы лишь при количественно и качественно различныхъ *орудіяхъ* борьбы, т. е. средствахъ и орудіяхъ производства. Изслѣдованіе Маркса, такимъ образомъ, безусловно „одностороннее“: онъ ищетъ не тѣхъ модификацій общественно-историческаго развитія, которыя стоятъ въ связи съ различіями климата, расы, географическаго мѣстоположенія, историческаго сосѣдства и т. п., а исключительно той струи этого развитія, которая, управляясь экономическими стимулами, составляетъ функцію роста производительныхъ силъ. Это отнюдь не значитъ, чтобы Марксъ игнорировалъ историческую роль, напр., климата, или расы, или историческихъ, или международныхъ условій для развитія страны. Напротивъ, мѣстами у него попадаются отдѣльныя фразы и оговорки, которыя показываютъ, какую важную роль признавалъ Марксъ за этими условіями. Марксъ просто лишь временно отвлекается отъ нихъ, соотвѣтственно цѣлямъ своего изслѣдованія. Всѣ другія спеціальныя модификаціи требуютъ и другихъ спеціальныхъ изслѣдованій, которыхъ Марксъ вовсе и не имѣлъ въ виду произво-

---

*) „Лица относятся здѣсь другъ къ другу лишь настолько, насколько ставятъ извѣстныя вещи другъ къ другу, какъ товары... Одинъ человѣкъ существуетъ при этомъ для другого, только какъ представитель товара... Характерныя экономическія физіономіи лицъ суть только олицетворенія экономическихъ отношеній, представителями которыхъ они являются одинъ относительно другого“. К., I, 47.

дить въ своемъ „Капиталѣ". Примѣръ лучше всего выяснитъ дѣло. Что такое, скажемъ, представляетъ собою весь геніальный абстрактный анализъ развитія формъ стоимости въ 1 гл. I т. „Капитала"? Что это — развитіе формъ стоимости въ извѣстномъ вѣкѣ, извѣстной странѣ? Ничего подобнаго. Передъ нами раскрывается не живая, облеченная плотью и кровью дѣйствительность; передъ нами абстратно-логическій остовъ развитія существа сложнаго общественнаго отношенія,—развитія прямолинейнаго, логически стройнаго, отъ эмбріональной фазы до высшихъ развитыхъ формъ; передъ нами не исторія, а логика развитія, его философія. Или что такое Марксовское изслѣдованіе дифференціальной и абсолютной ренты въ III томѣ того же сочиненія? Гдѣ происходитъ анализируемое развитіе ренты — въ Англіи, Германіи, Россіи, С. Штатахъ? Пожалуй, вездѣ,—а скорѣе *нигдѣ*. Про одно изъ явленій хозяйственной жизни Марксъ самъ говоритъ: „дѣйствительное движеніе... не входитъ въ планъ нашего изслѣдованія, и мы имѣемъ въ виду представить только внутреннюю, такъ сказать, идеально-среднюю организацію капиталистическаго строя производства". *) Иными словами, законы капиталистическаго развитія, выведенные абстрактнымъ анализомъ Маркса, суть законы абстрактные, и потому сила ихъ условна. Марксъ изслѣдуетъ не необходимое эмпирическое теченіе фактовъ, а лишь обнаруживающіяся въ немъ тенденціи, тенденціи, которыя могутъ осуществляться такъ или иначе, въ зависимости отъ конкретныхъ условій своего проявленія—быстро или медленно, сильно или слабо, въ мягкихъ или суровыхъ формахъ;—тенденціи, которыя могутъ даже совсѣмъ не проявиться или видоизмѣниться до неузнаваемости, будучи парализованы другими, посторонними или встрѣчными тенденціями. **) Этого не слѣдуетъ забывать. Не слѣдуетъ давать ввести себя въ заблужденіе нѣкоторымъ рѣзко сформулированнымъ положеніямъ Маркса, вродѣ его извѣстныхъ фразъ о тенденціяхъ народнохозяйственнаго развитія, тенденціяхъ, дѣйствующихъ „съ желѣзной необходимостью". Не слѣдуетъ перетолковывать такія выраженія въ томъ смыслѣ, что открытыя Марксомъ тенденціи суть какія то вездѣсущія и непреодолимыя силы, парящія надъ ходомъ историческаго развитія на недосягаемой высотѣ, недоступныя никакимъ вліяніямъ и лишь руководящія событіями. Это будетъ своего рода фетишированіе законовъ и тенденцій соціальнаго развитія, и заранѣе можно сказать, что такое соціологическое фетишированье будетъ не менѣе вредно, чѣмъ тотъ поли-

*) Кап., III, 688.

**) Къ исторіи примѣнимо то же положеніе, которое высказано Марксомъ относительно полит. экономіи: „измѣненія различныхъ факторовъ могутъ взаимно уничтожаться". (Кап. I, 79).

тико-экономическій фетишизмъ, который такъ мѣтко и безпощадно охарактеризованъ Марксомъ. Да, изслѣдованныя Марксомъ тенденціи дѣйствуютъ „съ желѣзной необходимостью",—если только есть на лицо тотъ рядъ условій, который развиваетъ изъ себя эти тенденціи, и только одинъ этотъ рядъ условій, не осложненный другими, не менѣе существенными условіями. Это маленькое „если" разрушаетъ все очарованіе. Но безъ этого „если" обойтись нельзя—оно всесильно, оно господствуетъ не только въ области соціологіи, но и въ области всѣхъ естественныхъ наукъ. И здѣсь, и тамъ, „законы" и „тенденціи" развитія не господствуютъ надъ событіями, а лишь служатъ отвлеченнымъ выраженіемъ постоянства свойствъ явленій и вытекающаго отсюда постоянства проявленій этихъ свойствъ при одинаковыхъ условіяхъ. Резюмируя все вышесказанное, мы и утверждаемъ: истины, добытыя Марксовымъ анализомъ, суть истины абстрактныя; значеніе ихъ условно; онѣ рисуютъ вовсе не исторически-необходимую общественную эмпирію, а лишь общественно-историческія *потенціи*.

Всякій читатель, сколько-нибудь знакомый съ современнымъ философскимъ критицизмомъ, пойметъ, что сказаннымъ не только не подрывается значеніе метода Маркса и его выводовъ, а, напротивъ, даже укрѣпляется. Таковъ, вообще говоря, и есть единственно-научный методъ. *Изучать* дѣйствительность можно только *упрощая* ее. Подобно тому, какъ естествоиспытатель *физически* изолируетъ опредѣленный элементъ отъ другихъ, чтобы затѣмъ послѣдовательно испытать его способность реагировать на опредѣленный рядъ вліяній — изолируетъ, чтобы избѣгнуть всякихъ посторонних ъ осложняющихъ вліяній, которыя могутъ только затемнить и парализовать дѣйствіе изслѣдуемаго элемента,— точно такъ же и соціологъ *логически* отвлекается отъ всѣхъ элементовъ, кромѣ одного, принимаетъ только одинъ элементъ перемѣнной величиной (и притомъ перемѣнной въ точно опредѣленномъ направленіи—напримѣръ, *ростъ* народонаселенія, *поступательное развитіе* производительныхъ силъ), чтобы логически вывести всѣ измѣненія его реакціи на данную постоянную среду. Эти теоретическіе выводы оправдаются на фактахъ лишь постольку, поскольку остальная среда, поскольку совокупность остальныхъ условій развитія дѣйствительно останется постоянной, простой и несложной—словомъ, такой, какой она была принята для удобства изслѣдованія. Правда, можно уже a priori съ увѣренностью сказать, что она такой неизмѣнной и неусложненной величиной никогда не останется. Но вѣдь точно такъ же увѣренно можно сказать, что и въ природѣ ни одна изъ физическихъ силъ не дѣйствуетъ никогда въ одиночку, а всегда наряду съ другими, видоизмѣняющими ея проявленія. Этимъ значеніе указаннаго метода нисколько не подрывается; напротивъ,

именно крайняя многосложность эмпирической дѣйствительности и вынуждаетъ необходимость метода искусственной изоляціи.

„Только посредствомъ отвлеченія отъ полной, многообразно-усложненной дѣйствительности достигли точности и другія науки" говоритъ Фр. Альб. Ланге („Исторія матеріализма"). „Для насъ, не умѣющихъ разомъ обозрѣвать всю безконечность дѣйствій природы, точно лишь то, что мы сами дѣлаемъ точнымъ. Всѣ абсолютныя истины ложны; *отношенія же*, напротивъ, могутъ быть точно дознаны. И что важнѣе всего для прогресса науки: относительная истина, положеніе, которое справедливо только на основаніи произвольнаго предположенія, и которое отъ полной дѣйствительности уклоняется въ нѣкоторомъ, тщательно опредѣленномъ смыслѣ—именно такое положеніе несравненно болѣе способно содѣйствовать нашему пониманію предмета, нежели положеніе, которое сразу стремится какъ можно ближе подойти къ существу вещей и при этомъ влечетъ за собою неизбѣжную и неопредѣленную по своему значенію массу заблужденій. Такъ же, какъ геометрія со своими простыми линіями, поверхностями и тѣлами вполнѣ намъ пригодна, хотя ея линіи и поверхности не встрѣчаются въ природѣ, хотя мѣры въ дѣйствительности почти всегда несоизмѣримы, такъ и политическая экономія", которую Ланге разсматриваетъ здѣсь какъ науку, пользующуюся методомъ отвлеченія и предполагающую, что люди въ своихъ дѣйствіяхъ руководятся исключительно личнымъ хозяйственнымъ разсчетомъ. Это предположеніе, конечно, фикція, но фикція необходимая, упрощающая изслѣдованіе. „Когда будетъ найдено, какъ эти подвижные атомы общества, исповѣдывающаго эгоизмъ и принимаемаго гипотетически, должны вести себя, согласно предположенію,—получается отсюда не только фикція, которая сама по себѣ не содержитъ противорѣчія, но и точное познаніе одной изъ сторонъ человѣческаго существа, и познаніе нѣкотораго элемента, который въ обществѣ, и въ особенности въ буржуазномъ, играетъ весьма значительную роль. Мы можемъ по крайней мѣрѣ узнать, какъ дѣйствуетъ человѣкъ, какъ скоро условія его дѣйствія соотвѣтствуютъ этому предположенію, хотя бы этого случая *вполнѣ* никогда не существовало". Нужно только не забывать условности, относительности полученныхъ такимъ образомъ истинъ, нужно дѣйствовать „съ сознательнымъ намѣреніемъ получить, посредствомъ отвлеченія отъ другихъ мотивовъ, гипотетическую и въ предѣлахъ гипотезы точную науку, какъ ступень къ болѣе полному познанію".

Весь Марксовскій анализъ и есть замѣчательный по своей глубинѣ анализъ явленій *соціальнаго индивидуализма*, составляющихъ характерную особенность, даже основную типическую

черту буржуазнаго хозяйственнаго строя *). Марксъ показываетъ логику этого соціальнаго индивидуализма, влекущаго общество къ выдѣленію изъ большинства общества маленькой кучки избранныхъ, внизу подъ которыми остальная масса человѣчества должна прозябать въ жалкомъ состояніи, ведущемъ къ *вырожденію*. Еще недавно кое-кто изъ нашихъ нео-марксистовъ отмѣтили этотъ выводъ Маркса, какъ переживаніе стараго утопизма. Они разсуждали такъ: „Марксъ указываетъ на тенденцію современнаго буржуазнаго строя подкапываться подъ человѣческую расу, вести ее къ вырожденію, и въ то же время говоритъ, что это общество само себя отрицаетъ и тѣмъ ведетъ къ новому, высшему хозяйственному строю, основанному на планомѣрномъ общественномъ регулированіи производства. Такимъ образомъ *вырожденіе* у Маркса является двигателемъ прогресса—идея, діаметрально противоположная духу всего остальнаго міросозерцанія Маркса".

Въ этомъ, быть можетъ, и есть нѣкоторая крупица истины; но въ цѣломъ такой упрекъ, въ приведенной формулировкѣ, безусловно невѣренъ, и основывается на игнорированіи *условнаго* характера изслѣдованія К. Маркса. Вѣдь онъ характеризуетъ не всю дѣйствительность въ ея полнотѣ, а лишь одну изъ ея тенденцій. Не то, чтобы современное общество шло къ вырожденію; этого Марксъ вовсе не утверждаетъ. Онъ говоритъ только, что *поскольку современное общество состоитъ изъ простыхъ атомовъ—людей, какъ олицетвореній чистаго соціальнаго индивидуализма*—постольку это общество и движется по направленію къ *вырожденію массъ*. Марксъ доказываетъ, что по естественной логикѣ развитія такого общества положеніе рабочихъ массъ должно бы все ухудшаться и ухудшаться, власть капитала надъ трудомъ—все увеличиваться и увеличиваться. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ—почему? Да только потому, что рабочіе дѣйствуютъ не какъ простые атомы индивидуализма, не только конкуррируютъ другъ съ другомъ и сбиваютъ заработную плату, а также соединяются въ союзы, проникаются соціальной солидарностью, воздѣйствуютъ и на государство и заставляютъ послѣднее вмѣшаться въ неравную борьбу хозяйственныхъ интересовъ, заставляютъ создать фабричное законодательство, въ которомъ выражается—говоря словами Маркса—„сознательное и цѣлесообразное воздѣйствіе общества на самопроизвольныя формы его процесса производства". Такими же попытками „сознательнаго и цѣлесообразнаго воздѣйствія", только болѣе частнаго характера, являются со стороны рабочихъ—ихъ федераціи и союзы, а со стороны хозяевъ—синдикаты, нормировки и тресты. Все это—явленія иного порядка, подчиняющіяся инымъ зако-

*) „Въ томъ строѣ общества, который мы теперь изучаемъ, дѣйствія людей въ процессѣ производства *чисто атомистическія*". (Кап., т. I. стр. 54)

намъ, чѣмъ явленія стихійнаго роста общественныхъ формъ изъ разрозненныхъ дѣйствій, руководимыхъ личнымъ хозяйственнымъ разсчетомъ; на нихъ Марксъ только указываетъ, не вдаваясь въ подробное и всестороннее изслѣдованіе.

Такимъ образомъ, Марксъ и не думаетъ ставить „вырожденіе“ массъ условіемъ прогресса. То, что онъ говоритъ, можетъ быть великолѣпно резюмировано вкратцѣ словами того же Ф. А. Ланге: „пока интересы человѣка только индивидуальные, пока успѣхи общихъ интересовъ разсматриваются только какъ слѣдствіе стремленія недѣлимыхъ къ споспѣшествованію только самимъ себѣ,—всегда нужно будетъ бояться, что интересы тѣхъ недѣлимыхъ, которые достигнутъ перваго мѣста, постепенно получатъ безмѣрный перевѣсъ и подавятъ все другое. Соціальное равновѣсіе такого государства постоянно какъ бы неустойчивое: будучи разъ нарушено, оно все болѣе и болѣе расшатывается... Если бы за эгоизмомъ осталось первенство, въ немъ былъ бы намъ данъ не новый мірообразовательный принципъ, а принципъ прогрессивнаго разложенія“ („Исторія матеріализма“, т. II, 404—405).

Помѣхою этому служатъ нарождающіеся на почвѣ тѣхъ же буржуазныхъ отношеній производства зародыши будущей соціальной солидарности, организованныя общественныя группы, стремящіяся къ сознательному и планомѣрному воздѣйствію на стихійно сложившіяся формы общественной жизни. Правда, эти группы по прежнему находятся въ упорной и ожесточенной хозяйственной борьбѣ съ другими подобными группами. Но уже внутри группы возникаютъ отношенія, лозунгъ которыхъ не „каждый за себя, а Богъ за всѣхъ“, а „каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго“. На этой почвѣ открывается просторъ расцвѣту лучшихъ, идеальнѣйшихъ альтруистическихъ чувствъ и побужденій, и „классовой духъ“ нерѣдко развивается до міросозерцанія, во главѣ котораго стоитъ принципъ общечеловѣческой солидарности.

Намъ скажутъ, что всѣ эти чувства альтруизма и солидарности суть тоже дѣтища эгоизма, суть прямое порожденіе матеріальныхъ условій. Пусть даже такъ,—но вѣдь несомнѣнно, что разъ они уже существуютъ, то они уже самымъ фактомъ своего существованія—каковъ бы ни былъ ихъ генезисъ—составляютъ новый элементъ, усложняющій прежнюю нашу гипотетическую простую соціальную среду, въ которой перемѣнной величиной принимался лишь поступательный ходъ развитія производительныхъ силъ, почему въ прямую зависимость отъ него, какъ его функція, ставились и всѣ общественныя группировки и перегруппировки. Отнынѣ—говоритъ логика—каждый новый шагъ, сдѣланный техническимъ развитіемъ, будетъ отзываться на соціальной средѣ уже не такъ, какъ отзывались прежніе

шаги,—не такъ, потому что онъ дѣйствуетъ уже не на ту же самую элементарно-простую среду, а на среду уже иную, усложненную. Въ эту среду вошелъ новый соціальный элементъ, и притомъ элементъ не неподвижный, не постоянный, а растущій, перемѣнный.

Можно было бы еще попробовать избавиться отъ кажущагося усложненія задачи, возразивъ, что этотъ новый перемѣнный элементъ самъ есть лишь функція перваго. Къ сожалѣнію, это не вполнѣ вѣрно. При культурномъ взаимодѣйствіи различныхъ странъ сознательныя, организованныя движенія одной страны испытываютъ, несомнѣнно, вліяніе аналогичныхъ движеній со стороны другихъ, сосѣднихъ, а такимъ вліяніемъ точность функціональнаго соотношенія нарушается.

Возможно и еще возраженіе. Можно сказать, что наряду съ функціональнымъ соотношеніемъ національныхъ организованныхъ общественныхъ движеній и національнаго развитія производительныхъ силъ, начинаетъ параллельно устанавливаться другое такое же соотношеніе, только не національное, а международное. И въ этомъ будетъ также доля истины,—но далеко еще не вся истина.

До сихъ поръ мы брали элементарную, абстрактную соціальную среду въ видѣ совокупности борящихся индивидуальныхъ интересовъ, предполагали въ ней перемѣнной въ опредѣленномъ направленіи величиной идущій опредѣленнымъ темпомъ ростъ производительныхъ силъ. При этомъ предположеніи всѣ перемѣны соціальной среды „въ послѣднемъ счетѣ" являлись для насъ функціей роста производительныхъ силъ. Но вѣдь это только одна сторона медали; другой же мы еще совершенно не касались. Вопроса о причинахъ и условіяхъ самаго роста производительныхъ силъ мы не рѣшали и даже не ставили. Здѣсь наше изслѣдованіе какъ бы останавливалось. Правильно ли это? При извѣстныхъ условіяхъ, вполнѣ правильно. Мы имѣли полное право такъ поступать, если только мы не забывали, что мы ищемъ не абсолютной истины, не какого то соціологическаго „начала всѣхъ началъ", а только истины относительной, только познанія одного изъ соціально-историческихъ соотношеній. *Поскольку* въ любой странѣ развиваются производительныя силы и *поскольку* въ ней происходитъ борьба индивидуальныхъ интересовъ,—*постольку*, ровно постольку, не больше и не меньше—обнаруживаются и указанныя Марксомъ тенденціи развитія. Вотъ и все—больше ничего изъ этихъ положеній нельзя выжать. А развиваются ли въ данной странѣ производительныя силы? И если да, то какъ,—быстро или медленно онѣ развиваются? Въ какой мѣрѣ происходитъ въ ней борьба индивидуальныхъ хозяйственныхъ интересовъ и въ какой мѣрѣ она умѣряется тѣми или другими исторически-сложившимися формами и тенденціями

соціальной солидарности? Все это вопросы, на которые можетъ отвѣтить только индуктивное изслѣдованіе, существеннымъ образомъ опирающееся на статистику. Абстрактное же дедуктивное изслѣдованіе есть лишь преддверіе изслѣдованія конкретной дѣйствительности и замѣнить послѣднее, конечно, не можетъ.

Но если мы забудемъ, что, условно принимая ростъ производительныхъ силъ за первичную перемѣнную, мы можемъ найти лишь относительную истину, лишь познаніе одного изъ соотношеній; если мы вообразимъ себѣ, что дѣйствительно нашли вѣчное и вездѣсущее primus agens соціальнаго движенія—дѣло позитивнаго изслѣдованія тѣмъ самымъ погибло безвозвратно, и мы по уши погружаемся въ метафизику. Отвлеченіе мы мѣшали съ дѣйствительностью, одно изъ потенціальныхъ соотношеній приняли за точную копію „механизма историческаго процесса“. Правда, въ результатѣ у насъ получилась стройная теорія, и притомъ теорія по духу вполнѣ „матеріалистическая“ *). Въ процессѣ развитія производительныхъ силъ (который самъ по себѣ столь же мало понятенъ, какъ и всякій другой изъ частныхъ соціальныхъ процессовъ) мы нашли волшебную палочку, съ помощью которой легко отпираются всѣ замки, легко разрѣшаются всѣ вопросы. Но развѣ „техническое развитіе способовъ производства“ и въ самомъ дѣлѣ есть что-то, понятное само по себѣ? Развѣ это—что то самодовлѣющее? Развѣ оно не творится въ той же громадной исторической лабораторіи, въ томъ же лабиринтѣ перекрещивающихся тенденцій, въ которомъ творится и все остальное—развитіе науки, распространеніе альтруистическихъ чувствъ, соціальныя отношенія господства и подчиненія? Этотъ вопросъ достаточно поставить, чтобы на него отвѣтить. Да, техническое развитіе способовъ производства не совершается гдѣ то въ безвоздушномъ пространствѣ и не падаетъ съ неба. Оно идетъ въ связи съ общимъ развитіемъ, представляя лишь его часть, а не что-то такое, обладающее самостоятельностью, самобытностью.

Нетрудно, конечно, получить видимость избавленія отъ этого новаго затрудненія, скрывшись подъ сѣнь „діалектическаго метода“. Вѣдь извѣстно, что „слова во время являются на помощь тамъ, гдѣ обнаруживается недостатокъ пониманія“. Ничего не стоитъ сказать, что развитіе идей, формъ производства, политическихъ учрежденій и т. п. суть факты вторичные, производные, тогда какъ техническое развитіе способовъ производства есть фактъ первичный, основной; не трудно открыть, что каждая стадія техническаго развитія „сама изъ себя“, діалектически порож-

*) „Матеріализмъ въ этой области состоитъ именно въ томъ, что это отвлеченіе смѣшивается съ дѣйствительностью“, Ф. А. Ланге, „Ист. мат.“, II, 388.

даетъ слѣдующую стадію, не въ силу внѣшнихъ вліяній, а въ силу какихъ то таинственныхъ „внутренно-присущихъ“, или „имманентныхъ“ законовъ и свойствъ. Но это будетъ только видимое разрѣшеніе затрудненія.

Ясно, что если мы хотимъ найти primum agens соціальнаго движенія,—факторъ, на который „въ послѣднемъ счетѣ“ можно свести все историческое движеніе—то намъ необходимо искать такого элемента, который для самаго соціальнаго движенія былъ бы *внѣшнимъ*, нужно искать внѣ-историческихъ, или, лучше сказать, надъ-историческихъ факторовъ. Это понятно само собой. Только какія-нибудь „супра-историческія“ тенденціи и могутъ быть сами независимы отъ соціальнаго движенія и потому лишь всецѣло опредѣлять его, а не опредѣляться имъ. Это прекрасно понимали всѣ творцы великихъ метафизическихъ системъ, принимая за движущее начало исторіи, напр., „Промыселъ“ Боссюета или „Идею“ Гегеля. Позднѣйшія реалистическія системы попытались свести „основной историческій факторъ“ съ заоблачныхъ высотъ на землю. Но этимъ самымъ онѣ освободились лишь отъ *формы* старой метафизики, не избавившись отъ метафизической сущности. Въ концѣ концовъ они продолжали искать какого то соціологическаго абсолюта. Но если было безуспѣшно исканіе этого абсолюта въ туманныхъ сферахъ надземнаго міра, въ какихъ то трансцендентальныхъ эмпиреяхъ, то тѣмъ болѣе тщетно, надо полагать, будетъ его исканіе на нашей грѣшной землѣ, гдѣ все ограничено одно другимъ, все зависимо другъ отъ друга, все обусловлено и все относительно...

Едва-ли не послѣднюю попытку найти въ какомъ-нибудь одномъ разрядѣ явленій первичную перемѣнную величину, функціями которой являлись бы въ концѣ концовъ всѣ соціальныя измѣненія, представляетъ попытка М. М. Ковалевскаго, предлагающаго видѣть основной и первичный стимулъ соціальнаго развитія въ *ростѣ населенія.*

Эта попытка, казалось бы, должна быть сильнѣе всякой другой, по той простой причинѣ, что М. М. Ковалевскій беретъ еще болѣе элементарное и общее явленіе, чѣмъ ростъ производительныхъ силъ,—онъ даже ростъ производительныхъ силъ стремится поставить въ зависимость отъ роста населенія. Техническое развитіе способовъ производства—явленіе соціальное, тогда какъ ростъ народонаселенія, на первый взглядъ, есть явленіе обще-біологическаго характера, и, какъ таковое, должно бы повидимому менѣе всего зависѣть отъ конкретной соціальной обстановки.

И однако, это только *повидимому.* Хотя въ ростѣ народонаселенія и сказывается могучій стихійный біологическій инстинктъ, выработанный миллiонами лѣтъ доисторической борьбы за существованіе—всетаки въ цѣломъ ростъ населенія

есть явленіе *соціальное.* Ростъ населенія опредѣляется перевѣсомъ рождаемости надъ смертностью. Но и рождаемость, и смертность, и среднее звено — количество браковъ — все это явленія соціальныя, стоящія въ неразрывной связи съ общимъ ходомъ и общими условіями развитія страны. Что средняя продолжительность жизни человѣка въ разныхъ странахъ различна — это фактъ; что эти различія нельзя свести на расовыя особенности, а слѣдуетъ — во всякомъ случаѣ въ весьма значительной долѣ — отнести на счетъ общихъ соціальныхъ условій — ясно уже изъ того, что средняя продолжительность жизни различна не только у различныхъ націй, но и въ различныхъ классахъ и даже различныхъ профессіяхъ одной и той же націи. Что количество ежегодно заключаемыхъ браковъ обычно колеблется въ зависимости отъ урожаевъ и цѣнъ на предметы первой необходимости — тоже давно всѣмъ извѣстно. Количество рожденій, конечно, должно стоять въ извѣстной связи съ количествомъ браковъ; поскольку же оно не стоитъ въ этой связи, оно даетъ даже еще болѣе яркія иллюстраціи нашего общаго положенія: такъ, развѣ не типично-соціальное явленіе такъ называемая Zweikindersystem, и развѣ не типично-соціальное явленіе угрожающій застой движенія народонаселенія во Франціи? Марксъ въ главѣ о капиталистическомъ накопленіи былъ глубоко правъ, когда утверждалъ, что каждой соціально-исторической формаціи соотвѣтствуетъ особый законъ народонаселенія, т. е. особая тенденція и особый темпъ движенія этого народонаселенія. Такимъ образомъ, мы пришли къ выводу, что ростъ народонаселенія самъ долженъ быть объясненъ въ связи съ общими условіями соціальнаго развитія, и потому послѣднимъ объясняющимъ элементомъ признанъ быть не можетъ, какъ не можетъ быть признанъ имъ и ростъ производительныхъ силъ.

Но отрицаемъ ли мы этимъ значеніе соотвѣтственныхъ работъ М. М. Ковалевскаго? Нисколько. За ними остается въ полномъ размѣрѣ ихъ *относительное* значеніе. М. М. Ковалевскій имѣетъ полное право и полное основаніе обсуждать вопросъ о тенденціяхъ историческаго развитія, проявляющихся въ данной соціальной средѣ, условно принимаемой за постоянную, при единственной перемѣнной величинѣ—ростѣ населенія. Этимъ изслѣдованіемъ онъ, конечно, не найдетъ ключа къ объясненію всѣхъ историческихъ перемѣнъ, не найдетъ и первичнаго двигателя исторіи. Но онъ дастъ вспомогательное средство для всякаго конкретнаго изслѣдованія: онъ разъяснитъ, въ какомъ направленіи дѣйствуетъ на ту или иную соціальную среду ростъ населенія, *постольку, поскольку* онъ совершается и въ зависимости отъ какихъ бы условій онъ ни совершался.

Кто видитъ въ теоріи экономическаго матеріализма или въ теоріи М. М. Ковалевскаго откровеніе, разомъ рѣшающее вопросъ

о „механизмѣ историческаго процесса“, тотъ, конечно, не удовлетворится тѣмъ полнымъ признаніемъ за работами въ духѣ этихъ теорій *относительнаго* смысла и значенія, на какое согласны мы. Адепты этихъ теорій желаютъ, повидимому, совершенно иного. Они хотятъ видѣть въ нихъ разъясненіе „механизма историческаго процесса“ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ разъясняетъ технологія механизмъ любой физической машины: отсюда, въ такомъ то пунктѣ, первоначально сообщается механизму живая сила, передается такой то пружинѣ, сохраняется ею и постепенно передается другимъ составнымъ частямъ, своеобразно разростаясь, и, наконецъ, доходитъ до опредѣленнаго, результата — создаетъ тотъ или иной продуктъ или дѣйствуетъ такъ или иначе на внѣшнюю среду. Они забываютъ только, что въ это представленіе незамѣтно уже вкрался антропоморфическій элементъ: искомый первичный факторъ исторіи олицетворился въ образѣ какой то смутной копіи человѣка, завѣдующаго машиной и сообщающаго мертвому механизму первоначальную, живую силу своихъ мускуловъ. Но этотъ антропоморфическій элементъ скрытъ, замаскированъ исканіемъ непремѣнно объективныхъ, матеріальныхъ стимуловъ соціальнаго развитія. Внѣшній объективизмъ таитъ подъ своею наружной оболочкой сугубый и незаконный субъективизмъ.

Намъ вполнѣ понятно то недовольство, которое испытаетъ сторонникъ „матеріалистическаго взгляда на исторію“ при чтеніи нашей статьи. Еще бы! Вѣдь онъ хочетъ единаго, цѣлостнаго и законченнаго объясненія „механизма“ процесса, отъ его „начала“ до „конца“, — а ему предлагаютъ довольствоваться чуть ли не сотней какихъ то неопредѣленныхъ „постольку поскольку“... Это ли не разочарованіе?

Но ничего иного и не можетъ намъ дать наука. Она можетъ только предоставить въ наше распоряженіе рядъ условныхъ, абстрактныхъ истинъ, при помощи которыхъ можно анализировать любую конкретную дѣйствительность, но изъ которыхъ нельзя дедуктивно эту дѣйствительность построить.

Что же касается до стремленія „изъ одного начала вывести весь историческій процессъ“, то, намъ кажется, наука можетъ только приравнять его по фатальной безуспѣшности къ исканію квадратуры круга. Историческій процессъ не есть „въ концѣ концовъ“ функція какой то единой, изначальной „независимой перемѣнной“, и всѣ исканія ея могутъ только завести въ дебри метафизики.

Викторъ Черновъ.

Колоколъ.

Буря колоколъ качала
И во мракъ ночной
Звонъ разбитой мѣди мчала,
Точно стонъ больной.
Но терялся безъ отвѣта
Неурочный звонъ.
Степь спала, въ снѣга одѣта,
На селѣ былъ сонъ.
Только, странникъ одинокій,
Я внималъ ему,
Совершая путь далекій
Въ непогодь и тьму,
И тотъ звонъ, порой, нѣтъ силы
Заглушить ничѣмъ.
Не мое-ли сердце было
Колоколомъ тѣмъ?

А. М. Федоровъ.

ПАТРІОТЫ.

(Изъ временъ франко-прусской войны).

Жоржа Дарьена.

Переводъ съ французскаго *С. А. Брагинской.*

(Окончаніе).

XIX.

Прошло нѣсколько дней. Я успокоился, все обдумалъ: никому ничего не скажу.

И хотя я не могу изгнать изъ своей памяти воспоминанія о страшныхъ картинахъ, которыя развернулись передо мной; хотя роковыя слова жены Дюбуа преслѣдовали меня неотступно, и я слышалъ за собой ея послѣднее проклятіе, выжженное въ моемъ мозгу точно каленымъ желѣзомъ, я рѣшилъ хранить позоръ про себя, никому не открывать гнусностей, заставлявшихъ меня вздрагивать и кричать по ночамъ, и не измѣнять оскорбительной, ужасной тайнѣ, которая меня подавляла.

На первыхъ порахъ, когда я вернулся изъ Мусси, я чуть было не проболтался. Но вдругъ я почувствовалъ, какъ краска стыда залила мое лицо, и я понялъ, что никогда не произнесу тѣхъ словъ, которыя жгли мнѣ языкъ, душили въ то время, какъ я готовъ былъ кричать во все горло. И я разсказалъ только о смерти тетки на моихъ глазахъ, объ ужасѣ этого зрѣлища, и какъ, самъ не зная почему, я убѣжалъ отъ страха.

Къ счастью, ни отецъ, ни сестра не разспрашивали меня о подробностяхъ. Смерть тетки Моро, казалось, не произвела на нихъ потрясающаго впечатлѣнія, и, когда они отправились на похороны въ Мусси, лица ихъ, даже лицо сестры, выражали полное спокойствіе.

Я не пошелъ на похороны, прикинулся больнымъ: мнѣ противна была даже мысль о встрѣчѣ съ дѣдомъ.

Цѣлый день я сидѣлъ въ своей комнатѣ и плакалъ. До слуха моего доносились то звуки рубанковъ, то визгъ пилъ

съ лѣсного двора, на которомъ, какъ оказалось, въ мое отсутствіе снова пошла работа. Меня очень удивляло, какимъ образомъ вдругъ начались работы? Откуда получились заказы?

Отецъ на мой вопросъ объ этомъ, далъ мнѣ уклончивый отвѣтъ. Повидимому, онъ чѣмъ-то смущенъ, что-то скрываетъ. Но сегодня я узнаю, въ чемъ дѣло. Отецъ и сестра съ утра ушли въ Мусси на вскрытіе завѣщанія и не вернутся къ завтраку, раньше часу. Двѣнадцати еще не пробило, а рабочіе уже спѣшили натянуть на себя куртки. Я спустился въ мастерскую и подошелъ къ подмастерью.

— Для кого это работаютъ, г. Бенуа?—спросилъ я.

— Какъ, г. Жанъ, вы развѣ не знаете?—отвѣчалъ съ удивленіемъ рабочій,—для главнаго штаба.

— Для нѣмецкаго штаба?

— Ну, да.

— Значитъ, мой отецъ работаетъ на нѣмцевъ?

— Почему же нѣтъ? Хе! если пруссакамъ нуженъ лѣсъ, и они хорошо платятъ, то было бы глупо упустить заказъ.

Подмастерье приблизился ко мнѣ и продолжалъ тихо:

— Пруссаки заняты теперь большими приготовленіями. Надняхъ я ходилъ въ Сенъ-Клу сдавать дубовыя доски и видѣлъ, что они строятъ батареи, редуты и массу другихъ сооруженій... хотятъ бомбардировать Парижъ.

— Бомбардировать Парижъ?

— Да, ни болѣе, ни менѣе. Какъ видите, имъ нуженъ не малый запасъ лѣса. И хозяинъ обдѣлалъ таки дѣльце!.. Я думаю, что ему помогъ Завулонъ Гоффнеръ... Знаете, тотъ старый бездѣльникъ въ очкахъ?

— Вы думаете?

— Да. Когда хозяинъ позвалъ меня, чтобы спросить, можно-ли достать въ городѣ рабочихъ, я засталъ у него этого гражданина, и они съ нимъ говорили объ этомъ подрядѣ... Вѣдь г. Гоффнеръ какъ-то ладитъ съ пруссаками... Я не сомнѣваюсь, что онъ и выхлопоталъ заказъ вашему батюшкѣ...

— Жанъ!—окликнулъ меня отецъ изъ окна столовой. Я обернулся: у него былъ сердитый видъ.

— Иди сюда, сію минуту!

— Сейчасъ, папа.

Я медленно направился къ дому. Я зналъ, что за разговоры съ рабочими меня ждетъ продолжительная головомойка, по крайней мѣрѣ, на четверть часа. Отецъ въ этихъ случаяхъ не дорожитъ временемъ.

— Жанъ, ты негодяй!

Странное начало! Неужели отецъ измѣнилъ свой системѣ нотацій?

— Ты мнѣ налгалъ!

Онъ прокричалъ эти слова голосомъ, полнымъ гнѣва. О рабочихъ ни слова. Въ чемъ-же дѣло?

— Ты мнѣ налгалъ! Ты налгалъ сестрѣ! Ты налгалъ всѣмъ!

— Но папа... папа...

— Поди сюда и постарайся хоть на этотъ разъ сказать правду. Когда ты пришелъ къ теткѣ въ Павильонъ, что тамъ случилось?

— Ничего, папа.

— Ты еще будешь врать, каналья! я тебѣ покажу!.. Говори: что произошло? что говорила тебѣ тетка, когда ты оставался съ ней наединѣ? Я знаю, что, кромѣ тебя, съ ней никого не было; намъ сказала это кухарка. Помнишь, Луиза?

— Да, — отвѣчала Луиза. — Ты взгляни только на лицо Жана: онъ покраснѣлъ.

Я покраснѣлъ, потому что понялъ теперь, зачѣмъ позвалъ меня отецъ. Онъ можетъ допрашивать меня сколько угодно: я не скажу ни слова.

— Будешь-ли ты говорить? Что произошло?

— Ничего.

— Что тебѣ говорила тетка?

— Она жаловалась, что очень несчастна... очень больна... вотъ и все.

— А потомъ?

— А потомъ она лишилась чувствъ.

— А потомъ?

— Жюстина послала кухарку за нѣмецкимъ докторомъ...

— А тебя послали за дѣдомъ?

— Да.

— И ты былъ у него?

— Нѣтъ.

— Тебя не было цѣлыхъ два часа. Гдѣ же ты былъ?

— Я заигрался дорогой.

— На цѣлыхъ два часа! Въ такой холодъ!.. Ты не хочешь сказать, что ты дѣлалъ? Не хочешь?... Ты все еще продолжаешь лгать! У! бездѣльникъ!

Отецъ подошелъ ко мнѣ съ высоко поднятой рукой, но не ударилъ, а, схвативъ за плечо, толкнулъ къ Луизѣ.

— Сиди здѣсь, мерзавецъ!—вскричалъ онъ.—Ты не хочешь сказать ничего, такъ я скажу за тебя! Я разскажу тебѣ все, что ты дѣлалъ! Ты былъ у дѣда. Ты остался у него до ночи! Ты сговорился съ нимъ не предупреждать насъ, что тетка умираетъ. Развѣ не такъ? Развѣ неправда? Развѣ ты не видишь, что мнѣ все извѣстно, не смотря на твою ложь?..

Отецъ поднялся и толкнулъ меня изо всѣхъ силъ.

— Говори, что онъ далъ тебѣ за это, чѣмъ купилъ тебя дѣдушка Туссенъ? Говори сію минуту, говори!

— Ну, говори-же! — вскричала сестра, скрипя зубами. — Теперь ужъ все кончено!..

— Я не былъ у дѣдушки!

Отецъ закатилъ мнѣ страшную пощечину.

— Я у него не былъ.

— Тогда, гдѣ-жъ ты пропадалъ?

— Нигдѣ.

Блѣдный отъ ярости отецъ опустился на стулъ. Нѣсколько минутъ длилось гробовое молчаніе, слышно было только, какъ сестра постукивала ногою по паркету. Наконецъ, отецъ заговорилъ голосомъ, которому хотѣлъ придать нѣжность, но онъ оставался рѣзкимъ, руки у него дрожали, глаза блестѣли, зубы стучали.

— Ну, Жанъ, мой милый Жанъ, ты не станешь огорчать меня, не доведешь насъ до отчаянія. Ты скажешь намъ все... Не такъ-ли?... Мы не будемъ на тебя сердиться. Правда, Луиза?..

— Да, если онъ все скажетъ, я, понятно, не стану на него сердиться.

И сестра кинула на меня злобный взглядъ.

— Ты вѣдь причинилъ намъ много зла! Знаешь-ли ты, что надѣлалъ? какое причинилъ несчастіе?.. Я тебѣ сейчасъ скажу: тебѣ извѣстно было, что тетка Моро хотѣла оставить двѣ трети своего состоянія тебѣ и твоей сестрѣ, и что завѣщаніе объ этомъ хранилось у нотаріуса въ Версалѣ. Ты зналъ это, не правда-ли?

Я молчалъ. Отецъ постукивалъ ногою по полу и руками сжималъ свои колѣни.

— А сегодня утромъ, при снятіи печатей, было найдено другое, новое завѣщаніе, составленное недѣлю тому назадъ и утверждающее единственнымъ наслѣдникомъ всего состоянія твоего дѣда, стараго Туссена!

Отецъ прорычалъ послѣднія слова, разсчитывая произвести на меня эффектъ. Но я не шелохнулся.

— Единственнымъ наслѣдникомъ! Слышишь? Понимаешь?.. Новое завѣщаніе уничтожаетъ первое, по которому каждому изъ васъ доставалось состояніе въ пятнадцать тысячъ франковъ дохода, понимаешь-ли?.. А теперь у васъ ничего! Ничего!.. За то у стараго Туссена все, все!.. Понимаешь?.. Понимаешь, что васъ обокрали, обокрали твою сестру и тебя, низко, жестоко обокрали!.. Я увѣренъ, что тетка предупреждала тебя объ этомъ, увѣренъ. И ты обязанъ былъ дать намъ знать, немедленно извѣстить насъ, не теряя ни минуты. Я бы прибѣжалъ, заставилъ-бы уничтожить второе завѣщаніе! И всѣ деньги

были-бы у васъ! А ты что сдѣлалъ? ушелъ къ дѣду, провелъ у него два часа и далъ себя околпачить этой старой канальѣ... Ну, Жанъ, ну, мой милый, если у тебя есть хоть капля сердца, разскажи намъ все, что знаешь: что говорила тебѣ тетка, что она сообщила о дѣдѣ, о его гнусныхъ пріемахъ?.. Вѣдь это онъ былъ причиной ея страданій?.. Скажи!.. Говори-же!..

— Тетя мнѣ ничего не говорила.

Отецъ всталъ.

— Ничего не говорила! Ты опять упорствуешь.

— Ничего. Она мнѣ не сказала ни слова.

— Смотри, Жанъ! Берегись... Если ты не скажешь правду, не скажешь, что дѣлалъ у этого вора...

— Я не былъ у дѣда, папа!

Отецъ замахнулся на меня кулакомъ, но я заслонился рукой и получилъ такой сильный ударъ въ локоть, что рука сразу онѣмѣла, и я откатился къ двери, на другой конецъ комнаты.

— Лгунъ! лицемѣръ! іезуитъ!

— Тебя слѣдуетъ отдать въ смирительный домъ! — вскричала сестра, выпрямившись, съ позеленѣвшимъ лицомъ и съ пѣной у рта, показывая мнѣ кулакъ.

Смирительный домъ! О, я лучше хочу попасть туда, чѣмъ оставаться здѣсь! Я не хочу быть здѣсь! Не хочу! И, глядя прямо въ глаза отцу, я закричалъ:

— Отдайте меня въ смирительный домъ. Мнѣ будетъ тамъ лучше!

Я съ бѣшенствомъ отворилъ дверь, промчался черезъ корридоръ и выбѣжалъ на улицу.

XX.

Я шелъ въ слезахъ, прижимая платокъ къ глазамъ, какъ вдругъ старый Мерленъ, возвращаясь къ себѣ, замѣтилъ меня издали въ моемъ грустномъ настроеніи.

— Что такое, г. Жанъ, слезы? Что случилось?

Я поспѣшно вытеръ лицо и поднялъ голову.

— Ты красенъ, какъ ракъ. Ужъ не побили-ли тебя? — продолжалъ онъ.

— Да... да...

— Кто же? Надѣюсь, не родитель?

— Онъ самый.

— Что-жъ ты натворилъ?

Я ничего не отвѣтилъ и снова заплакалъ. Старикъ взялъ меня за руку.

— Пойдемъ-ка ко мнѣ,—сказалъ онъ.—Ты повѣдаешь мнѣ свои горести... если захочешь, и, по крайней мѣрѣ, согрѣешься: навѣрно продрогъ на улицѣ, сегодня собачій холодъ...

Я сидѣлъ въ столовой у огня и, опустивъ голову на руки, продолжалъ плакать.

— Такъ ты напроказилъ? Видно, надѣлалъ большихъ глупостей? Ну, что-же случилось, говори.

— О! о-о!.. г. Мерленъ, если-бы вамъ все разсказать!...

— Почему-же нѣтъ? Развѣ такъ трудно?

— О!.. да, ужасно... я не смѣю...

И я покачалъ головой, глядя на старика, который пристально смотрѣлъ на меня своими блестящими глазами. Эти глаза притягивали меня. Я видѣлъ въ этомъ спокойномъ взорѣ прямоту, кротость, симпатію и состраданіе къ слабымъ. Все еще взволнованный жестокой сценой, свидѣтелемъ которой я былъ, со страшными образами въ умѣ, съ сердцемъ, переполненнымъ ужасомъ и стыдомъ, я чувствовалъ, какъ меня влекло къ этому старому человѣку съ честнымъ и благороднымъ лицомъ. Я видѣлъ, что подъ его добродушной насмѣшкой, уступившей мѣсто выраженію жалости, можетъ скрываться только прямая душа. Я понялъ, что могу довѣриться ему, что онъ не измѣнитъ, а наоборотъ, мнѣ, слабому и беззащитному, не знавшему, что дѣлать и что думать, внушитъ мужество и бодрость.

Я утеръ слезы и сказалъ рѣшительно:

— Г. Мерленъ, я разскажу вамъ все!

И я дѣйствительно разсказалъ ему все, до мельчайшихъ подробностей.

Старикъ поднялся съ своего мѣста и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Время отъ времени онъ сжималъ кулаки и повторялъ:

— Ахъ, эти буржуа... ахъ, эти буржуа...

— Я хотѣлъ все скрыть, г. Мерленъ... То, что я вамъ разсказалъ, я не хотѣлъ говорить отцу, даже когда онъ меня билъ. Но теперь, когда они хотятъ отдать меня въ смирительный домъ, я скажу все, я буду кричать на улицѣ, по всему городу, вездѣ! Я разскажу, что дѣдъ убилъ тетку и предалъ вольнаго стрѣлка, что онъ отослалъ Дюбуа въ Пруссію... и что отецъ работаетъ на пруссаковъ, чтобы помочь имъ бомбардировать Парижъ...

Меня еще не отправляли въ смирительный домъ, а я уже кричалъ объ этомъ изо всѣхъ силъ.

Мерленъ сѣлъ противъ меня и взялъ меня за руки.

— Успокойся, дитя мое,—сказалъ онъ,—успокойся. Послушай минуту... Хочешь выслушать меня? Ты вѣдь мнѣ довѣряешь, не такъ-ли?

— О, да, г. Мерленъ; да, да... Я очень доволенъ, что вы говорите со мною, какъ другъ... я... у меня много горя...

И я снова расплакался.

— Ну, такъ не плачь. Я буду говорить съ тобой, какъ съ

другомъ, какъ со взрослымъ: тебѣ, мое бѣдное дитя, надо имѣть теперь силы и мужество взрослаго человѣка. Прежде всего, какъ я уже сказалъ, тебѣ надо успокоиться, заглушить гнѣвъ и дать отдохнуть нервамъ. Ты внѣ себя; надо овладѣть собой. Для благоразумія необходимо хладнокровіе... Ты вѣдь не пойдешь домой завтракать?

Я отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ? Ну, такъ позавтракаешь со мной. Я пошлю сказать твоимъ, что встрѣтилъ тебя на дорогѣ и увелъ къ себѣ. Вечеромъ, послѣ нашего разговора, я самъ отведу тебя домой.

Мы мирно позавтракали. Мало-по-малу мое отчаяніе улеглось, гнѣвъ смягчился и, не смотря на всхлипыванія, вырывавшіяся порою изъ моей груди, я всетаки чувствовалъ, какъ спокойствіе уже медленно разливается по моимъ нервамъ.

— Дитя мое,—началъ Мерленъ, когда мы кончили завтракъ,— ты только-что грозилъ раскрыть страшныя тайны, которыя тяготятъ тебя; грозилъ прокричать на весь міръ о беззаконіяхъ и позорныхъ дѣяніяхъ, свидѣтелемъ которыхъ ты былъ. Этого не слѣдуетъ дѣлать. Напротивъ, надо, какъ ты и раньше хотѣлъ,—все скрыть, затаить въ себѣ, но не забывать, а порой вызывать въ своей памяти, перебирать въ своемъ сердцѣ. Не обнаруживай гнѣва, но сохрани негодованіе: оно всегда справедливо, иначе не существовало-бы. Позже, когда ты выростешь, волненія, охватившія тебя теперь, будутъ вспыхивать порою и, можетъ быть, воспоминаніямъ о низостяхъ, которыя привели тебя въ ужасъ теперь, ты и будешь обязанъ тѣмъ, что станешь человѣкомъ. Ты получилъ жестокій урокъ и поймешь это когда-нибудь. Онъ можетъ послужить тебѣ на пользу, если *ты захочешь... Если захочешь*, если ты настолько силенъ, чтобы въ теченіе по крайней мѣрѣ десяти лѣтъ не дать извратить свою душу, теперь еще честную и незапятнанную; если настолько твердъ, чтобы и впослѣдствіи глядѣть на вещи такими же чистыми глазами, какъ теперь. А разглашать все — зачѣмъ? Чего ты этимъ добьешься?

— Я отомщу!.. Вѣдь они хотятъ отдать меня въ смирительный домъ!..

Мерленъ засмѣялся.

— Они этого не сдѣлаютъ... Они убѣждены теперь, что ты ничего существеннаго не знаешь, далъ себя обморочить дѣду, безсознательно попалъ въ силки, разставленные имъ съ цѣлью помѣшать тебѣ попасть въ Версаль до смерти тетки. Они считаютъ тебя дуракомъ, который изъ ложнаго стыда не хочетъ сознаться въ своихъ глупостяхъ. Будь увѣренъ, что сегодня вечеромъ они ничего тебѣ не скажутъ... Съ своей стороны, и ты будь остороженъ.

— О, я никому ничего не скажу! Да и съ кѣмъ мнѣ

разговаривать: вы знаете, каковы они. Отецъ меня не слушаетъ и не отвѣчаетъ. Сестра надо мной смѣется.

Старикъ пожалъ плечами.

— Я буду съ тобой разговаривать и поддерживать твою бодрость,—сказалъ онъ.

— Вы? да! У васъ другія убѣжденія. Я это давно знаю и давно мнѣ уже хотѣлось поговорить съ вами, сдѣлаться вашимъ другомъ...

— И я не лучше другихъ!—произнесъ смущенно Мерленъ.

— Нѣтъ, лучше. Вы не дѣлаете того, что мой отецъ: не поставляете нѣмцамъ вещей для бомбардированія Парижа. Когда я узналъ объ этомъ сегодня, я пришелъ въ ужасъ. Мой отецъ измѣнникъ, разбойникъ...

— Нѣтъ, мой другъ, твой отецъ просто буржуа... буржуа, вотъ и все...

И старикъ снова прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

— ...Буржуа, чортъ возьми... Они только и говорятъ, что о патріотизмѣ, о національной защитѣ, о битвѣ до послѣдней капли крови, кричатъ о благородствѣ сердца!.. Патріотизмъ, — ворчалъ про себя Мерленъ, постепенно возвышая голосъ,—патріотизмъ! Это открытіе нашего вѣка, выдумка нашего времени! Это изобрѣтеніе буржуа, приведенныхъ въ восторгъ легендами II года и одурѣвшихъ отъ султановъ и мишуры имперіи! Смѣшно сказать, эти идіоты всѣ поголовно мечтаютъ о плюмажахъ въ арміи и золотыхъ поясахъ коммисаровъ конвента. Всѣ Сенъ-Жюсты, а поскоблить—Прюдомы... Эти прихвостни изъ Фрамбуази еще не созрѣли для войны, а уже хвастливо орутъ: «въ Берлинъ! въ Берлинъ!...» Подите-ка, крикните: да здравствуетъ миръ! посмотрите, какъ васъ примутъ!... по себѣ знаю... Все изъ-за патріотизма—и бѣлыя блузы, и трехцвѣтныя шапки... А потомъ разгромъ и опять патріотизмъ... только ужъ безъ трехцвѣтныхъ колпаковъ, этой эмблемы 92-го года. Одно и то же надоѣдаетъ... Ахъ, эти воспоминанія 92 года! Прошлое—опора настоящему, призраки передъ маріонетками! Крики, воззванія, обращеніе къ покойникамъ! «Тѣни Бонапарта, помогите намъ!» За Бонапартомъ Клеберъ и Марсо... Почему не Собѣсскій и Палафоксъ? А потому что у нихъ султаны поменьше... Преждевременное униженіе врага, насмѣшки, шутки, ложныя извѣстія о побѣдахъ, возбужденіе, энтузіазмъ, и вдругъ отчаяніе, разгромъ биржи, марсельеза, пропѣтая на улицѣ Капулемъ—все это патріотизмъ, патріотизмъ буржуа, патріотизмъ лавочниковъ и газетчиковъ - этихъ негодяевъ! Но высшій патріотизмъ, самой чистой воды, это—патріотизмъ Гамбетты. О! что касается его, то я надѣюсь увидѣть еще, какъ ему воздвигнутъ памятникъ... «Ни пяди земли, ни одного

укрѣпленнаго камня!»... Театральная гордость, пустозвонныя фразы, напыщенныя рѣчи, опять воспоминанія о 92 годѣ, когда нѣтъ ни солдатъ, ни арміи, когда уже нельзя ничего достигнуть, кромѣ неминуемаго пораженія, послѣ безполезныхъ убійствъ, безсмысленной рѣзни, идіотской бойни. Онъ высоко держалъ знамя—этотъ герой. Знамя!.. А теперь на верху величія старый убійца Тьеръ, никогда ни во что не ставившій ни законъ, ни право. Онъ еще покажетъ себя, этотъ шакалъ; если понадобится, онъ повторитъ Транснонена. Вѣдь онъ патріотъ... О, буржуа крѣпко стоятъ за свой патріотизмъ! Они распинаются за него, потому что въ сущности его нѣтъ, а они силятся его выказать. Для ихъ искренности одинъ пробный камень: карманъ, личная выгода... Тутъ являются на сцену промокаемыя шинели, картонныя подошвы, толченый графитъ вмѣсто пороха, гнилое мясо, подмоченная мука... Знаешь, малышъ,—сказалъ старикъ, хлопнувъ меня по плечу,—если бы даже ты былъ солдатомъ въ арміи, то и тогда твой отецъ, слышишь-ли, отецъ взялся-бы за деньги доставлять пруссакамъ матеріалъ для батареи, изъ которой стали-бы стрѣлять въ тебя!.. Это отвратительно, правда? Да, отвратительно, хорошо понимаю... но логично. Вѣрнѣе, было-бы логично, если бы не прикрывалось патріотизмомъ... Личная выгода, интересъ... Крестьянинъ—тотъ не скрываетъ своей ненависти къ войнѣ. Онъ не умѣетъ надѣвать маски и отдастъ всѣ знамена въ мірѣ за четверть картофеля... А буржуа—это овца въ тигровой шкурѣ; это дуракъ, котораго султанъ на каскѣ приводитъ въ бѣшеный восторгъ, а эполеты заставляютъ грезить о битвахъ... Онъ, скотина, не понимаетъ даже, почему вожаки націи устраиваютъ по временамъ народную рѣзню... Война! гнусная война! Когда же, наконецъ, народы устанутъ убивать другъ друга! Когда же откажутся они отъ кровавой дани!.. Подожди немного, дитя мое, подожди, и ты увидишь удивительныя вещи... Всѣ будутъ солдатами... Вмѣсто народовъ—арміи; вмѣсто человѣколюбія—патріотизмъ; вмѣсто прогресса—знамена. Ни свободы, ни равенства, ни братства — одни ружейные выстрѣлы... О, человѣческая низость! глупость! свинство!..

Мерленъ остановился передо мной.

— Я волнуюсь, дитя мое, волнуюсь. Подобныя вещи, знаешь... Ненавижу я войну.

— Я тоже ее ненавижу.

— Ты тоже?—спросилъ, улыбаясь, старикъ.—У тебя уже есть убѣжденія? Въ такомъ случаѣ, ты страдаешь,—прибавилъ онъ серьезно.—Страдаютъ только убѣжденные.

Я ушелъ отъ Мерлена съ цѣлымъ роемъ идей въ головѣ. Я испытывалъ новыя чувства, незнакомыя раньше, мечталъ о

справедливости и братствѣ, и все остальное казалось мнѣ такимъ неизмѣримо ничтожнымъ.

XXI.

Я переживалъ очень грустные дни. Дома, казалось, всѣ избѣгали меня, сторонились, какъ отъ чумного; въ особенности сестра выказывала ко мнѣ какое-то презрительное пренебреженіе, выражая его на тысячу ладовъ. Отецъ не говорилъ со мной ни слова, исключая самыхъ необходимыхъ случаевъ. Погода также не вызывала хорошаго настроенія: наступилъ страшный холодъ, и снѣгъ падалъ безпрерывно; городъ имѣлъ мрачный видъ. Версалю угрожалъ голодъ; припасы истощались; почти уже не было самаго необходимаго, а то, что было, стало недоступно дорого. Говорили о скупщикахъ, о спекуляціи насчетъ общественнаго бѣдствія. Противъ нѣкоторыхъ торговцевъ, поведеніе которыхъ было подозрительно, поднялся ропотъ, угрожали и поставщикамъ непріятельской арміи.

Прусскій префектъ переживалъ тяжелый періодъ. Чтобы помочь нуждѣ, онъ сговорился съ группой торговцевъ, въ числѣ которыхъ былъ и мой отецъ, открыть огромный складъ всевозможныхъ товаровъ, которые бы доставлялись изъ Германіи. Я не разъ слышалъ, какъ отецъ съ восторгомъ говорилъ объ этомъ грандіозномъ предпріятіи.

Однако, съ нѣкотораго времени онъ что-то упалъ духомъ. Говорили, что оппозиція городского совѣта и другія непредвидѣнныя обстоятельства разрушили этотъ планъ. Разгнѣванный префектъ, раздраженный обвиненіемъ въ томъ, что желалъ кормить нѣмецкую армію на французскія деньги, засадилъ въ тюрьму мэра и наложилъ на городъ штрафъ въ 50.000 франковъ.

— Это грязное дѣло, — сказалъ мнѣ однажды Мерленъ, уклонившись, впрочемъ, отъ разъясненія, какую роль во всемъ этомъ игралъ мой отецъ.

Я увѣренъ, что самую непристойную роль. Я такъ счастливъ, что могу большую часть времени проводить въ обществѣ честнаго человѣка! Я боялся сначала, что дома будутъ противъ моихъ частыхъ посѣщеній старика и запретятъ ходить къ нему. Но, повидимому, никто не сердился на мои продолжительныя отлучки; напротивъ, мое присутствіе стѣсняло отца и сестру, и они, корчившіе еще не такъ давно кислую мину по адресу Мерлена, теперь встрѣчали его любезными улыбками. И неудивительно: онъ дѣлалъ экономію, избавляя моихъ родныхъ отъ необходимости держать для меня

учителя: давалъ мнѣ уроки, «чтобы направить на путь истины», какъ говорилъ онъ. Дѣйствительно, я многому научился у него,—гораздо больше, чѣмъ у Бодрена.

Разъ я случайно узналъ объ одной вещи, которую давно уже хотѣлъ знать. Я узналъ, что такое конкубинатъ. Я сидѣлъ одинъ въ кабинетѣ старика, въ первомъ этажѣ и, взглянувъ изъ окна въ сторону дома г-жи Арналь, увидѣлъ сцену, повергшую меня въ большое изумленіе.

— Г. Мерленъ! скорѣе, скорѣе, идите сюда! — позвалъ я его.

— Что такое?—спросилъ онъ снизу.

— Г-жа Арналь... Она стоитъ противъ окна въ своей комнатѣ... и цѣлуется съ пруссакомъ... со своимъ раненымъ...

— Какъ и быть должно, — сказалъ старикъ, не дойдя до меня и вернувшись на свое мѣсто.—Конечно, цѣлуетъ, чортъ возьми. Тутъ настоящій конкубинатъ.

А, такъ вотъ что такое конкубинатъ... Такъ, такъ!.. А г-жа Арналь увѣряла, что это гадко?..

Моментъ, однако, по моему, не совсѣмъ подходящій для поцѣлуевъ съ пруссаками... Вчера началась бомбардировка Парижа и всю ночь раздавался непрерывный пушечный громъ. Я не могъ уснуть, вздрагивалъ при каждомъ залпѣ, и краска стыда заливала въ темнотѣ мое лицо при мысли, что отецъ мой способствовалъ сооруженію батарей, посылающихъ смерть большому городу.

Онъ, видно, хорошо заработалъ у пруссаковъ, потому что съ нѣкотораго времени очень веселъ. Впрочемъ, сегодня утромъ тѣнь омрачила его лицо, когда два нѣмецкихъ артиллериста сообщили, что гранаты перелетаютъ черезъ улицу Сенъ-Жакъ. Что, если пострадаетъ его парижскій лѣсной дворъ? Весьма возможно! Артиллеристы указывали на планѣ, что снарядами уже разрушены Пантеонъ и Люксембургъ. Ахъ! чортъ возьми!..

Легро не понялъ, чѣмъ собственно встревоженъ отецъ.

— Пруссаки хотятъ взять Парижъ голодомъ, — сказалъ онъ.—Эти разбойники не желаютъ брать примѣръ съ нашихъ зуавовъ при штурмѣ Севастополя. Но успокойтесь, надняхъ наши сдѣлаютъ правильную вылазку и заставятъ эти каски съ шишаками вылѣзти изъ окоповъ. Ахъ, если-бы только наши дошли до Версаля! Насъ здѣсь десять тысячъ...

Да, десять тысячъ! Десять тысячъ человѣкъ 18 января присутствовало на торжествѣ провозглашенія Германской имперіи. Въ Зеркальной галлереѣ дворца Вильгельмъ вновь завла-

дѣлъ короной Фридриха Барбаруссы. Вечеромъ въ префектурѣ состоялся банкетъ. Зданіе было иллюминовано *à giorno* и увито плющомъ и лентами. При громѣ военной музыки по городу тянулись факельныя шествія. Толпа смотрѣла и даже кричала ура, какъ и во время такихъ же празднествъ, сопровождавшихъ капитуляцію Меца.

— Германская имперія,—повторялъ Мерленъ, которому я сообщилъ подробности торжественной церемоніи и засталъ его съ ожесточеніемъ натиравшимъ полъ,—Германская имперія! да... союзъ расъ, сліяніе народовъ!.. Ложь! скорѣе союзъ военныхъ силъ, коллективная заготовка пушечнаго мяса!.. Заманчивая будущность для цивилизаціи... новый видъ патріотизма—солдатчина... Вотъ что, уходи-ка сегодня отъ меня: я натираю полъ!..

И полотерная щетка съ бѣшенствомъ забѣгала по паркету, стукаясь о плинтусъ и оставляя на полу слѣды воска.

На слѣдующее утро, 19 января, грохотъ пушекъ усилился и, казалось, приблизился къ намъ. До нашего слуха донеслось нѣсколько ружейныхъ залповъ. Несомнѣнно, неподалеку шла жестокая битва.

— Это, вѣроятно, большая вылазка,—сказала сестра.

Весь день мы провели въ сильнѣйшемъ волненіи. Борьба продолжалась безъ перерыва. По грохоту выстрѣловъ, раздававшихся съ часу на часъ все громче и громче, можно было думать, что французы подвигаются впередъ. Говорили уже, что они побѣдили, что воздвигаютъ редуты въ Монтрту, идутъ на Версаль черезъ Вонресонъ, что Вильгельмъ и Бисмаркъ бѣжали въ Сенъ-Жерменъ.

Да, французы побѣдили! Нѣмецкіе трубачи разъѣзжаютъ верхомъ по городу, трубя тревогу. Прусская кавалерія и артиллерія продефилировали форсированнымъ маршемъ, нѣкоторые полки уже выступили по дорогѣ въ Сенъ-Клу.

Наступилъ вечеръ, а битва все еще продолжалась. Нѣмецкіе резервы были собраны на улицахъ въ полномъ вооруженіи. Завтра, безъ сомнѣнія, французы войдутъ въ Версаль. Пруссаки чувствуютъ, что пропали. На Рейнскомъ бульварѣ гвардейскій ландверъ съ яростью набросился на дома и разграбилъ ихъ...

На утро мы тщетно ждали ружейныхъ залповъ; ничего не было слышно, кромѣ тяжелаго грохота нѣмецкихъ пушекъ, регулярно направлявшихъ свои снаряды на Парижъ. Но вотъ зазвучали трубы, музыка заиграла побѣдный маршъ; показались пруссаки. Они во всю глотку орали пѣсни и вели за собою плѣнныхъ французовъ.

— Теперь Парижъ долженъ сдаться,—сказалъ, входя въ комнату, драгунскій офицеръ, квартировавшій у насъ уже нѣсколько дней.

И мы поняли, что драгунъ не лжетъ, что паденіе столицы есть вопросъ нѣсколькихъ часовъ. Постепенно мы узнали отъ него, что 22-го въ Парижѣ вспыхнуло народное возстаніе, что французы разбиты при Сенъ-Кентенѣ и восточная армія отступила въ безпорядкѣ. Такимъ образомъ, мы были подготовлены ко всему и, когда 26-го вѣсть о капитуляціи дошла до Версаля, мы отнеслись къ ней вполнѣ равнодушно.

Уже четыре мѣсяца мы живемъ совершенно изолированно, не сообщаясь ни съ провинціей, ни съ Парижемъ. Мы не знаемъ даже, что происходитъ въ городѣ. Сначала мы ждали и надѣялись на освобожденіе, но среди общей деморализаціи и насъ мало-по-малу охватило уныніе. Какое-то оцѣпенѣніе, тупая покорность дѣлали насъ неспособными къ малѣйшему усилію, къ принятію какого нибудь опредѣленнаго рѣшенія. И въ одно прекрасное утро, мы оказались больше пруссаками, чѣмъ французами. Необходимо было, чтобы грянулъ громъ, произошло что нибудь неожиданное, вродѣ вылазки 19 января, чтобы вывести насъ изъ летаргіи и заставить дѣйствовать. Но нѣмцы вернулись побѣдителями, наши надежды погибли, и мы снова замерли, въ унынiи ожидая послѣдняго удара.

Я страстно желалъ и ждалъ этого удара. Я чувствовалъ, какъ мало-по-малу отравляюсь и задыхаюсь въ порочной атмосферѣ, въ которой дышу уже столько мѣсяцевъ. Казалось, что подъ вліяніемъ среды парализовался мой умъ и засыпала совѣсть. Я желалъ освободиться во что бы то ни стало, потому что не хотѣлъ расти въ удушающей атмосферѣ моей семьи, какъ растеніе въ теплицѣ среди нездоровыхъ паровъ, которое гибнетъ, когда его выносятъ на солнце. Я хотѣлъ расти на свободѣ, хотѣлъ не прозябать, а жить. О! какъ я хотѣлъ быть взрослымъ! Каждый день что нибудь!.. Не дальше еще, какъ сегодня утромъ оба эльзасца, Германнъ и Мюллеръ, явились на нашъ лѣсной дворъ съ телѣгами, наполненными мебелью, и просили отца, нельзя ли поставить ее на нѣсколько дней къ намъ. Они будто бы узнали, что пруссаки рѣшили немедленно сжечь Сенъ-Клу, и потому поспѣшили увезти наиболѣе цѣнныя вещи, чтобы впослѣдствіи возвратить ихъ владѣльцамъ.

— Мы обязались спасти все, что возможно, — сказалъ, коверкая слова и плача, Мюллеръ.

— Только на нѣсколько дней, г. Барбье! — умолялъ Германнъ.

Отецъ стоялъ въ раздумьи, и я слышалъ, какъ онъ шепнулъ сестрѣ:

— Вѣдь это мошенники.

Сестра утвердительно кивнула головой и подошла къ одной изъ телѣгъ.

— Да у васъ тутъ коммодъ Людовика XV, — съ завистью воскликнула она.—А вотъ и часы Буль, венеціанское зеркало...

— Да, сударыня,—отвѣтилъ Мюллеръ,—драгоцѣнныя вещи. Если вы не откажетесь принять ихъ отъ насъ на память, мы будемъ весьма польщены...

Сестра слегка покраснѣла и согласилась. Мебель спрятали подъ навѣсъ.

Въ тотъ же вечеръ мы узнали, что нѣмцы подожгли Сенъ-Клу, и весь городъ объятъ пламенемъ... О! какъ я хотѣлъ быть взрослымъ!

XXII.

Жюль вернулся. Онъ воспользовался перемиріемъ и вернулся безъ предупрежденія въ ту минуту, когда мы его менѣе всего ждали. При видѣ его сестра поблѣднѣла и вскрикнула, точно наступила на жабу. Онъ пріѣхалъ, нагруженный провизіей, предполагая, что въ Версалѣ ничего нѣтъ. Онъ привезъ голову сахару, десять фунтовъ шоколаду, кофе, чай, вермишель и кучу всякой всячины. Все это онъ долженъ былъ нести на себѣ на протяженіи всей военной дороги № 15, крайне длинной, потому что выданный ему охранный листъ обязывалъ идти пѣшкомъ. Этотъ славный малый не забылъ даже меня, захвативъ съ собой отличную книгу съ золотымъ обрѣзомъ, которую Леонъ хотѣлъ непремѣнно переслать мнѣ.

— Какъ поживаетъ Леонъ? А м-ль Гатклеръ? Очень она боялась во время осады Парижа?.. Вы развѣ ничего не знали о Версалѣ?

Посыпалась куча вопросовъ, на которые Жюль отвѣчалъ, какъ могъ. Онъ не очень измѣнился, только похудѣлъ немного.

— Ахъ, какъ мы безпокоились! какъ безпокоились! — сказала Луиза, всплеснувъ руками и придавъ своему лицу притворное выраженіе искренности. — Мы очень часто вспоминали о васъ!

Отвратительная лгунья! Ни разу, ни разу не слыхалъ я, чтобы она произнесла имя своего жениха.

— А какъ дѣла?—спросилъ отецъ.—Поди, не важны?

— О, совсѣмъ, совсѣмъ не важны,—отвѣчалъ Жюль.

Между прочимъ, онъ сообщилъ намъ, что, вмѣстѣ съ другими столичными банками, жестоко пострадалъ банкирскій домъ Кайе и Комп. Придется всѣмъ служащимъ приложить усилія, чтобъ поддержать его. Онъ самъ уже согласился уменьшить свое жалованье больше, чѣмъ на половину.

— Я не могъ поступить иначе,—сказалъ онъ.—Для меня невозможно бросить учрежденіе, къ которому я такъ привязанъ. Сколько времени продлится такое положеніе—неизвѣстно; будемъ надѣяться, что недолго. Къ тому же, по моему, тутъ вопросъ и патріотизма. Если всѣ станутъ приходить въ отчаяніе...

— Конечно, конечно! — сказалъ отецъ.

Но мнѣ показалось, что онъ скривилъ физіономію, а Луиза, я въ этомъ увѣренъ, скорчила знакомую мнѣ гримасу, выражающую разочарованіе...

Жюль, конечно, обѣдалъ у насъ.

— А вѣдь недурно поѣсть бѣлаго хлѣбца? — улыбаясь, спросилъ его отецъ.

Казалось бы, свѣжее мясо и овощи могли бы доставить Жюлю большое удовольствіе. Но онъ, повидимому, не понималъ его и имѣлъ грустный видъ. Страдалъ ли онъ отъ слабаго выраженія нашей симпатіи, отъ недостаточно выказанной дружбы, отъ нашего небрежнаго отношенія къ нему (развѣ недостаточно было удовольствія ѣсть бѣлый хлѣбъ?)—какъ бы то ни было, но, не смотря на всѣ усилія казаться веселымъ, онъ былъ мраченъ.

— Мнѣ слѣдовало предупредить васъ о моемъ пріѣздѣ, — сказалъ онъ въ концѣ обѣда. — Неожиданные гости всегда не во время...

— Да, да,..—отвѣчала Луиза,—волненіе, радость...

— Но что дѣлать? Почтовыя сообщенія такъ затруднительны!.. хотя, правду сказать, я и не подумалъ о предупрежденіи. Мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть.

Жюль уѣхалъ утромъ на другой день. Охранный листъ ему былъ выданъ на сорокъ восемь часовъ, включая сюда и время пути. Мы проводили его до городскихъ воротъ. Луиза, прощаясь съ нимъ, ограничилась лишь пожатіемъ руки. Онъ былъ очень печаленъ.

— Будемъ надѣяться, что скоро опять увидимся,—сказалъ отецъ. — Все говоритъ за то, что непріязненныя дѣйствія не возобновятся и миръ будетъ заключенъ.

— Болѣе чѣмъ вѣроятно, — отвѣчалъ Жюль. — До скораго свиданія.

Возможно, что миръ, въ самомъ дѣлѣ, будетъ скоро подписанъ. Въ ожиданіи его, параграфъ 2-й конвенціи, заключенной между Жюль Фавромъ и Бисмаркомъ, вернулъ Францію въ обычное русло. Выборы производились подъ руководствомъ мэра г. Версаля, облеченнаго властью префекта. Департаментъ Сены и Уазы выбралъ Тьера, Жюль Фавра и Гамбетту. Мой отецъ вотировалъ за Жюль Фавра, почему—и самъ не зналъ. Легро сознательно подалъ голосъ за Тьера, чтобы сказать ка-

ламбуръ. Сосѣдъ-виноторговецъ выбралъ Гамбетту, и Легро цѣлый день, смѣясь, повторялъ:

— Виноторговцы любятъ Гамбетту, а табачники—Тьера.

Избранное собраніе должно было выработать предварительныя условія мира. Въ основу своихъ требованій къ Франціи пруссаки положили расходы, въ которые они были вовлечены войной, и прибавили къ нимъ всѣ контрибуціи и реквизиціи, жертвой которыхъ была Германія съ 1792 по 1815 годъ.

— Счетъ одной только Пруссіи доходитъ до шести милліардовъ,—сказалъ мнѣ Мерленъ.

— Шесть милліардовъ!

— Ни копѣйки меньше. Мы сразу расплачиваемся за долги первой и второй имперіи, мой другъ. И замѣть, что если нѣмцы теперь, во время перемирія, облагаютъ наши департаменты огромной контрибуціей; если дѣйствуютъ такъ вопреки всякому праву, то они опираются на примѣры въ прошломъ. Нашимъ протестамъ они могутъ противопоставить подобныя же дѣйствія въ Европѣ и въ частности въ Пруссіи, которыя совершилъ Великій Наполеонъ... Да, война большое благо!

Да, большое!

Отецъ какъ-то повелъ меня посмотрѣть окрестности, господствующія надъ Парижемъ, гдѣ пруссаки построили свои батареи и гдѣ происходили битвы.

Мы миновали Гарисъ, представлявшій груду развалинъ, и мрачный паркъ Сенъ-Клу. Почернѣвшій отъ пламени, остовъ дворца прямо страшенъ. Пробитыя насквозь стѣны еще стоятъ, но огромныя трещины избороздили ихъ сверху до низу. Крыша и потолки рухнули и своими обломками наполнили залы, гдѣ дрожатъ обрывки обоевъ, колеблемые вѣтромъ, и валяются обломки разныхъ барельефовъ и орнаментовъ. Изъ подъ кучи обвалившейся штукатурки торчатъ края люстры. Огромный карнизъ цѣликомъ упалъ передъ дверью, своротивъ ее съ петель. Одни окна представляютъ зіяющія безформенныя отверстія, каменная амбразура которыхъ разрушена огнемъ; другія, не тронутыя пожаромъ, сохранили свои подоконники и ставни, которыя хлопаютъ при каждомъ порывѣ вѣтра. На одной стѣнѣ нижняго этажа, окрашенной въ голубой цвѣтъ, виситъ картина въ золотой рамѣ надъ едва уцѣлѣвшимъ каминомъ.

Нѣкоторыя аллеи парка полны надгробными памятниками. Памятники безъ крестовъ, въ видѣ обломковъ, валяются и на зеленомъ дернѣ лужаекъ. Огромныя деревья, срубленныя подъ самый корень, обрушились на мраморныя статуи и изувѣчили ихъ. Всюду воздвигнуты окопы, насыпи, загородки, рогатки; за балюстрадами террасъ навалены желѣзнодорожные рельсы.

Новыя аллеи прорублены топорами, чтобы открыть просторъ пушечнымъ снарядамъ.

Всюду смерть и разрушеніе. Почти весь Сенъ-Клу уничтоженъ огнемъ. Уцѣлѣвшія стѣны домовъ усѣяны пробоинами для орудій, сады изрыты траншеями, а фруктовыя деревья заострены, какъ колья, для предупрежденія доступа къ окопамъ. Изъ мебели, повозокъ и телѣгъ построены баррикады. Мосты взорваны. Въ одномъ изъ кварталовъ Севра, прилегающемъ къ Сенѣ, дома изрѣшетены бомбами. А когда мы проходили мимо, то видѣли, какъ солдаты беззастѣнчиво продавали съ аукціона мебель покинутыхъ домовъ и какъ здѣсь, подъ конвоемъ нѣмецкихъ солдатъ, остановились фургоны съ разными вещами, накраденными у французовъ.

Да, все это большое благо и все входитъ въ программу войны! Въ ту же программу входитъ и церемоніальное вступленіе побѣдоносной арміи въ непріятельскую столицу. Нѣмцы и его не забыли. 25 февраля мы узнали, что вскорѣ состоится торжественное вступленіе войскъ въ Парижъ.

И, дѣйствительно, они вступили, избравъ днемъ этого торжества 2 марта, вступили съ музыкой во главѣ, съ гордымъ сознаніемъ, что въ этотъ день смываютъ позоръ вступленія Наполеона въ Берлинъ, послѣ Іены.

— Теперь,—сказалъ Мерленъ,—французамъ остается только отыскать себѣ другого Наполеона. И, повѣрь, они не замедлятъ... Нѣтъ надобности, чтобъ онъ былъ настоящимъ, можно обойтись и поддѣльнымъ—толкъ одинъ...

---

5 марта г-жа Арналь явилась къ намъ подъ руку съ своимъ мужемъ, который также добылъ себѣ охранный листъ на сорокъ восемъ часовъ, чтобы побывать въ Версалѣ.

— Подумайте только,—вскричала она, топнувъ ногой,— миръ еще не подписанъ! Просто представить себѣ не могу, что тебѣ надо еще возвращаться въ Парижъ, мой толстый барбосикъ!

И, нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, она повисла у него на шеѣ.

— Бѣдняжечка,—отвѣтилъ тронутый Арналь, освобождаясь отъ супружескихъ объятій,—какъ тебѣ должно быть скучно, въ особенности наединѣ съ больнымъ!..

— О, Адольфъ, ты и вообразить не можешь! Днемъ еще ничего, но ночью, ночью... разныя мысли одолѣваютъ... эти... мысли... А тутъ еще нѣтъ отъ тебя извѣстій...

— И мнѣ не весело все это время, увѣряю тебя,—сказалъ Арналь.—Но теперь... Кстати, я и забылъ, надо вамъ непремѣнно показать...

— Что такое?—спросилъ отецъ.

Арналь вынулъ изъ кармана сложенный листъ бумаги, развернулъ его и протянулъ намъ съ торжествомъ. Была каррикатура: парижскій гаменъ на красной лопаточкѣ безпечно жжетъ сахаръ для леденцовъ за спиною пруссаковъ, удаляющихся къ Елисейскимъ полямъ.

— Э? что вы на это скажете? Вѣдь преостроумно!..

XXIII.

Мы снова стали французами. Нѣмцы должны еще пробыть нѣкоторое время на правомъ берегу Сены, но Версаль совершенно освободился отъ нихъ. Сообщенія возстановлены. Мой отецъ воспользовался этимъ и съѣздилъ въ Парижъ, откуда вернулся почему-то очень смущеннымъ. Разговоръ, который онъ имѣлъ вечеромъ съ сестрой, объяснилъ мнѣ причину его смущенія. Оказалось, что дѣла нашего лѣсного склада въ Парижѣ не важны, но положеніе двора *Grands Hommes* еще хуже.

— Можно бы обдѣлать чудесное дѣло...—говорилъ отецъ.— Владѣлецъ *Grands Hommes* наканунѣ полнаго разоренія... Онъ ничего не заработалъ во время войны... Съ нѣсколькими тысячами франковъ въ рукахъ... понимаешь?.. купить бы *Grands Hommes* и изъ двухъ заведеній образовать одно... одно, огромное, колоссальное... Отвести бы большое мѣсто подъ столярную мастерскую; заняться производствомъ мебели и, какъ знать? можно еще вступить въ конкурренцію съ *Vieux Chêne*. Понимаешь, въ чемъ дѣло?..

И, усѣвшись на своего конька, онъ сталъ безпрерывно развивать свою завѣтную мысль. Да! всего нѣсколько тысячъ франковъ! Ахъ, если-бы эта старая каналья Туссенъ не наложилъ руку на состояніе тетки Моро! Если-бы можно было это предвидѣть!..

— Старый негодяй! развратникъ! воръ!—ругался отецъ.— Обокрасть собственныхъ внуковъ! Оставить ихъ нищими! Отнять изо рта кусокъ хлѣба!.. И вы увидите: онъ не подохнетъ, этотъ старый мерзавецъ, не освободитъ насъ! Увидите! У, негодяй!

Гнѣвъ отца не унимался. Иногда онъ обрушивался и на меня.

— Ты причина всего зла. Вѣдь надо-же быть такимъ дуракомъ! Я еще покажу тебѣ, идіотъ!

Для избѣжанія ссоръ, я мало сидѣлъ дома и уходилъ къ Леону и къ m-elle Гатклеръ, которые вернулись въ Версаль.

Странно: Леонъ убѣжденъ, что побѣдили французы. Не знаю, какъ это у него выходитъ, но это такъ. Онъ признаетъ, что въ концѣ концовъ мы побиты, но побиты какъ-то безъ пора-

женія, побиты съ почетомъ для насъ, ради одной формы. Онъ увѣряетъ, что въ сущности, если хорошенько разобрать факты, заглянуть въ глубь вопроса, то не можетъ быть сомнѣнія въ нашемъ окончательномъ успѣхѣ. Правда, успѣхъ только нравственный, но все-же успѣхъ, и громадный.

— Неужели ты думаешь,—говорилъ онъ,—что одѣтый въ трауръ Парижъ, съ достоинствомъ и съ величавымъ презрительнымъ молчаніемъ присутствовавшій при вступленіи пруссаковъ, не одержалъ надъ врагомъ великой нравственной побѣды?

Я ничего не думалъ.

— И въ этой войнѣ, видишь-ли,—продолжалъ Леонъ,—мы вели себя не такъ, какъ пруссаки. Они дѣйствовали, какъ варвары, а мы, какъ рыцари. О, еслибы намъ не измѣнили!.. Вотъ, взгляни на этотъ кусокъ чернаго хлѣба, который мы вдѣлали въ рамку, взгляни и скажи: развѣ населеніе, рѣшившееся питаться такимъ хлѣбомъ въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ осады,—не собраніе героевъ! Много-ли найдется городовъ, способныхъ сдѣлать то-же, что Парижъ!

Я думаю, такихъ городовъ не мало. У Леона, очевидно, особая способность объяснять и оправдывать наши неудачи.

— Я истинный французъ, настоящій патріотъ,—добавилъ онъ.

Онъ показалъ мнѣ еще множество рисунковъ и гравюръ, привезенныхъ изъ Парижа. Хромолитографіи изображали Эльзасъ и Лотарингію въ видѣ человѣческихъ фигуръ въ трауръ, съ трехцвѣтной кокардой въ волосахъ; Францію—въ видѣ женщины, которую пьяный пруссакъ съ факеломъ въ рукѣ схватилъ за горло. Наконецъ, на огромной картинѣ грубыми яркими красками были намалеваны три дамы: одна въ синемъ платьѣ, другая въ красномъ и третья въ бѣломъ. Онѣ шли съ высоко поднятыми головами мимо группы нѣмецкихъ офицеровъ, позеленѣвшихъ отъ злости. Подпись гласила: «Въ Мецъ, во что бы то ни стало!»

— Никогда нѣмцамъ не овладѣть сердцемъ Эльзаса!—воскликнулъ Леонъ.

Онъ вспомнилъ сочиненную даже на этотъ счетъ пѣсенку и сталъ перелистывать изящныя книжечки съ золотымъ обрѣзомъ и въ разноцвѣтныхъ обложкахъ, которыя всѣ говорили о войнѣ. Онѣ превозносили героическія дѣйствія французовъ, восхваляли ихъ храбрость, воспѣвали величіе души. Вся эта интермедія была разсчитана на униженіе нѣмцевъ и поносила ихъ на всѣ лады. Иллюстраціи въ этихъ книжкахъ изображали защиту Бельфора, Битча, битву при Кульмьерѣ, Бапомѣ, атаку Гравелота драгунами, Рейсгофена—кирассирами.

— Найди-ка мнѣ что нибудь подобное у пруссаковъ!—сказалъ Леонъ.—Найди и принеси.

— Я принесу,—пообѣщалъ я.

Къ сожалѣнію, я не могъ этого сдѣлать. Мнѣ вдругъ запретили бывать у Леона, говоря, что его общество для меня вредно: онъ будто куритъ, и его видѣли даже на улицѣ съ папиросой въ зубахъ. Это была ложь. Кухарка мнѣ сказала, что днемъ приходилъ Жюль и долго бесѣдовалъ съ моимъ отцомъ.

Жюль ушелъ съ вытянутой физіономіей.

— Бѣдный, г. Жанъ,—сказала кухарка,—кажется, вамъ не придется пировать на свадьбѣ.

Что случилось? Я спросилъ у Мерлена; онъ ограничился только пожатіемъ плечъ и жестомъ, намекавшимъ на деньги.

— Бѣдный Жюль!—пожалѣлъ я.

— Какъ!—вскричалъ старикъ,—ты его жалѣешь? Я думалъ, ты ему желаешь добра.

Я засмѣялся; Мерленъ пригласилъ меня сѣсть.

— Долженъ сказать тебѣ, дитя мое, что я покончилъ переговоры съ твоимъ отцомъ. Въ твоихъ интересахъ я внушилъ ему помѣстить тебя на нѣкоторое время въ учебное заведеніе. Какъ только все успокоится, тебя, для продолженія образованія, отошлютъ въ Парижъ, въ лицей. Жить тамъ не очень весело, похоже на тюрьму. И тебѣ не будетъ тамъ весело, конечно; но ты самъ мнѣ говорилъ, что предпочитаешь скорѣе жить въ заключеніи, чѣмъ въ средѣ, которую ненавидишь. Тамъ ты будешь работать, а за работой и не замѣтишь, какъ пройдетъ время... и многое другое. Ты выростешь быстро; а потомъ, повѣрь мнѣ... потомъ... вѣдь у меня нѣтъ своихъ дѣтей... я имѣлъ несчастіе потерять ихъ... ну, да увидимъ... я, вѣдь, всегда тутъ...

Сильно растроганный, я пожалъ руку старика и спросилъ:

— Какъ вы думаете, когда откроются лицеи, г. Мерленъ?

— Вѣроятно, скоро.

Такъ же думаетъ и Бодренъ. Мы получили отъ него письмо, гдѣ онъ пишетъ, что скоро вернется «подъ нашу сѣнь». Между прочимъ, онъ описываетъ, какъ проводитъ время въ изгнаніи. Онъ сочиняетъ стихи: написалъ цѣлую поэму въ стихахъ, которую отсылаетъ Гамбеттѣ, «этому корифею войны до послѣдней капли крови». Бодренъ намекаетъ намъ, что это можетъ быть удачнымъ пріемомъ для полученія академической пальмы. Пока же онъ въ ужасномъ затрудненіи: никакъ не можетъ кончить свое произведеніе...

— Ну, если Бодренъ возвращается,—сказалъ отецъ, складывая письмо,—значитъ, намъ ужъ нечего больше бояться.

Я былъ того же мнѣнія.

Но вдругъ, вечеромъ 18 марта по городу разнесся слухъ, что въ Парижѣ вспыхнуло страшное возстаніе.

XXIV.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней Версаль представляетъ странное зрѣлище. Какъ театральный подъѣздъ, пустынный и молчаливый во время представленія, вдругъ наполняется шумомъ послѣ того, какъ занавѣсъ опущенъ, такъ улицы и бульвары города великаго короля, тихія и печальныя въ обычное время, вдругъ наводнились оторопѣвшей и лихорадочно двигавшейся толпой. Вокругъ дворца, гдѣ засѣдало Собраніе, тѣснились эмигранты, бѣжавшіе изъ Парижа отъ Коммуны. Двѣсти тысячъ представителей всѣхъ классовъ общества прибѣжали сюда, чтобы укрыться за штыками солдатъ, вызванныхъ изъ Германіи, поспѣшно вооруженныхъ и сформированныхъ въ полки для подавленія возстанія.

Толпы бѣглецовъ изъ Парижа, жандармы, городовые съ бѣлыми повязками на кепи, многочисленные плѣнники, вернувшіеся изъ прусскихъ крѣпостей, расположились лагеремъ на улицахъ, площадяхъ и въ полѣ передъ Сатори. Дѣйствія уже начались. Тьеръ не терялъ времени. И молодые франты, чиновники, кокотки и свѣтскія дамы, разгуливавшія по улицамъ въ парадныхъ траурныхъ туалетахъ, по вечерамъ, выходя изъ театровъ, гдѣ знаменитые актеры разыгрывали знаменитые водевили, могли слушать залпы французскихъ пушекъ, направлявшихъ свои снаряды на большой городъ, гдѣ развѣвалось красное знамя.

Эмигранты расположились, гдѣ могли: въ гостиницахъ и въ частныхъ домахъ, въ сараяхъ и въ погребахъ. Мы пріютили у себя двоихъ: чиновника де-Фольбера, начальника отдѣленія министерства финансовъ, и его мать.

Де Фольберъ—совсѣмъ маленькій человѣчекъ: это какой-то мальчикъ съ пальчикъ, поставленный на колѣни. Съ пряничнымъ лицомъ онъ похожъ на картоннаго плясуна. При каждомъ его жестѣ кажется, будто его дергаютъ сзади за веревочку. Первое время я былъ почти въ этомъ увѣренъ. Но сзади де Фольбера ничего не было, кромѣ двухъ пуговицъ сюртука, который былъ плотно застегнутъ на его дѣтской груди и скрывалъ кривыя колѣни. Подъ сюртукомъ были, вѣроятно, и панталоны, лоснившіеся сзади отъ долгаго сидѣнія на кожаномъ стулѣ, но ихъ не было видно, — по крайней мѣрѣ, я ихъ не видалъ.

У де-Фольбера очень торжественный видъ. Когда онъ говоритъ, то держится прямо, какъ палка, вытягиваетъ шею, воро-

чаетъ глазами и поднимаетъ маленькія плечики. Они такъ узки, что, кажется, вотъ-вотъ выскочатъ изъ воротника манишки. Въ политикѣ онъ умѣренъ, какъ карсельская лампа, заведенная осторожной рукой. Онъ выражается оффиціальными фразами:

— Іерархія... первые голоса... органическіе статуты... административный перевѣсъ государства...

Онъ очень вѣжливъ:

— Не будете-ли вы столь обязательны,—говоритъ онъ,—не распространите ли свою любезность до того, чтобы передать мнѣ солонку?

Онъ вгоняетъ меня въ испарину.

Его мать—старая накрахмаленная дама въ митенкахъ, съ безконечно длиннымъ блѣднымъ лицомъ, цвѣта рисовой каши.

Отецъ мой питаетъ большое почтеніе къ своему квартиранту.

— Высокаго ума человѣкъ,—говоритъ онъ,—человѣкъ будущаго; далеко пойдетъ...

И, вѣроятно, даже безъ помощи ходуль: у него богатый дядя-депутатъ, очень популярный въ своемъ округѣ. Утомленный политической жизнью, онъ ждетъ только знака со стороны племянника, чтобы уступить ему вмѣстѣ съ состояніемъ и свое кресло въ палатѣ.

— Какая будущность! — все повторяетъ въ восхищеніи отецъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ опредѣлилось политическое и денежное наслѣдство начальника отдѣленія, Луиза стала кидать на него благосклонные взоры. Время отъ времени она даже исподтишка дѣлаетъ ему глазки. Неужели разсчитываетъ?.. Да почему же нѣтъ?.. Госпожа *де* — вѣдь недурно? Госпожа *де*... Не каждая можетъ называться госпожой *де*. И, кромѣ того, она будетъ депу... какъ сказать: *депутаткой* или *депутатшей*?

Пока что, а у де Фольбера длинныя руки—въ переносномъ смыслѣ. Онъ выхлопоталъ моему отцу подрядъ на постройку деревяннаго военнаго госпиталя на обширномъ пустырѣ, противъ оконъ Мерлена, гдѣ у пруссаковъ былъ складъ угля. Отецъ торопится изо всѣхъ силъ кончить работы по госпиталю, которыя обѣщаютъ большіе барыши... Одно, впрочемъ, приводитъ его въ отчаяніе: это невозможность спустить для постройки доски, которыя плѣсневѣютъ и гніютъ на лѣсномъ дворѣ въ Парижѣ.

— Такъ-бы легко ихъ пустить здѣсь въ дѣло,—сокрушается онъ.—Все сошло бы, какъ по маслу. Такія чудныя доски, совсѣмъ новыя... Этакое несчастіе!

Онъ еще боится, какъ бы не подавили Коммуну до окончанія его постройки.

— Вѣдь могутъ сдѣлать скидку съ условленныхъ цѣнъ... Если бы коммунары продержались еще съ мѣсяцъ!...

Но скоро его охватилъ еще большій страхъ.

Жермена пришла тайкомъ повидаться съ нами. Она разсказала отцу, что дѣдушка Туссенъ, со времени ухода нѣмцевъ, ведетъ жизнь полишинеля.

— Съ тѣхъ поръ, какъ появились здѣсь парижскія женщины,—докладывала она,—понаѣхали кокотки,—онъ мало того, что ходитъ къ нимъ, еще приводитъ и въ павильонъ, куда переселился.

— Какой позоръ!—вскричала Луиза.

— Увидите, что это окончится плохо. Я дѣлаю все, что могу, чтобъ удержать его,—куда тебѣ!.. При его полнокровіи и силѣ, съ нимъ навѣрно случится несчастіе... Не смотря на его годы, вѣдь это чистый быкъ. Ужъ его хватитъ ударъ. И всегда послѣ завтрака или обѣда, какъ набьетъ себѣ брюхо, онъ и...

Отецъ грубо оборвалъ Жермену.

— Отстаньте вы съ вашими разсказами! Нечего размазывать эти мерзости. Имѣйте уваженіе къ другимъ, если сами себя не уважаете.

— Я вѣдь говорю для того,—отвѣчала кухарка,—чтобы вы внушили ему, что такъ вести себя нельзя. Мнѣ неизвѣстно, что между вами произошло, но какъ родственникъ...

— Я видѣть его не хочу, вашего стараго скареда, слышите-ли? И запрещаю вамъ говорить о немъ. Просто понять не могу, зачѣмъ вы явились сюда?

— Ради вашего же добра, сударь, ни для чего иного,—отвѣчала Жермена.

И ради нашего добра она приходила почти черезъ каждые три дня.

Въ послѣдній разъ она попросила отца поговорить съ нею наединѣ. И отецъ, вмѣсто того, чтобы выпроводить ее вонъ, увелъ въ столовую. гдѣ долго разговаривалъ и подъ конецъ вышелъ оттуда блѣдный, какъ полотно.

Я скоро узналъ, что повѣдала Жермена отцу. Старый Туссенъ поселилъ у себя въ павильонѣ женщину, съ которой живетъ, какъ съ женой, и которой обѣщалъ жениться; а пока эта дама принимаетъ друзей и знакомыхъ въ домѣ, гдѣ умерла тетка Моро, и устраиваетъ оргіи, заставляющія краснѣть отъ стыда. Отецъ узналъ еще кое-что по поводу слуховъ, которые ходятъ въ Мусси и о моемъ дѣдѣ.

Первые дни онъ ничего не предпринималъ, а потомъ каж-

дую минуту сталъ разражаться гнѣвомъ, извергая страшныя проклятія.

— Старая свинья! Старый измѣнникъ! Бандитъ, заслуживающій десяти смертей, вмѣсто одной! О, еслибъ разсказать все! если бы только разсказать!

Сестра, замѣтивъ, что эти вспышки производятъ непріятное впечатлѣніе на г-жу де Фольберъ и ея сына, старалась успокоить отца, но это удавалось ей не на долго.

— Если-бы только разсказать все, что я знаю! Вѣдь отъ меня зависитъ подвести его подъ разстрѣлъ!

И отецъ съ утра до вечера повторялъ эту угрозу, къ великому смущенію нашихъ жильцовъ, которыхъ это скандализировало. Ничто не могло разсѣять его мысли о мщеніи: ни окончаніе постройки госпиталя,—который рѣшено было сломать, такъ какъ въ высшихъ сферахъ вскорѣ признали его никуда не годнымъ, ни взятіе Парижа 22 мая, ни прибытіе плѣнныхъ коммунаровъ въ Версаль.

— Вы, однако, Барбье, всетаки посмотрите на нихъ,— настаивалъ Легро.—Увѣряю васъ, стоитъ. Если бы вы знали, какъ съ ними расправляются эти канальи! А они даже не сопротивляются, увѣряю васъ. Ихъ уничтожаютъ прямо на площади, даже безъ солдатскаго эскорта!

Я ихъ видѣлъ одинъ разъ. Я только что повернулъ на улицу Сенъ-Пьеръ, какъ колонна этихъ несчастныхъ, окруженная двумя рядами всадниковъ, вступила на Парижскій проспектъ. Мужчины были въ мундирахъ національной гвардіи и въ штатскомъ платьѣ. Въ лохмотьяхъ, раненые и хромые, съ печатью гнѣва на челѣ отъ пораженія и безнадежно проиграннаго дѣла, они двигались съ суровыми лицами, съ высоко поднятыми головами и съ призракомъ смерти во взорахъ. Толпа гикала на нихъ. Буржуа, съ тупымъ выраженіемъ удовлетворенной мести на лицахъ, поднимали на нихъ свои палки и пробирались между лошадьми, чтобы плюнуть въ лицо побѣжденнымъ. Сзади мужчинъ шли женщины съ обнаженными головами. Тутъ были и женщины изъ народа, въ шерстяныхъ юбкахъ и синихъ передникахъ, и женщины въ богатыхъ нарядахъ. У послѣднихъ отняли зонтики, защищавшіе ихъ отъ солнца, и прицѣпили къ сѣдлу одного драгуна. Эти несчастныя торопились, дѣлая большіе шаги, чтобы поспѣть за колонной, а на нихъ сыпалась брань, палочные удары; приличные по виду господа бросали имъ въ лицо самыя грубыя оскорбленія, а свѣтскія дамы швыряли каменьями.

Я убѣжалъ съ отвращеніемъ и вечеромъ долго смотрѣлъ

въ сторону Парижа, надъ которымъ нависло кроваво-красное небо, и гдѣ продолжалась еще битва.

Говорили, что Коммуна не хочетъ сдаться, рѣшивъ бороться до самой смерти, и солдаты ея, отступая передъ версальскимъ войскомъ, обливаютъ городскія зданія керосиномъ и поджигаютъ ихъ. Мой отецъ пришелъ въ отчаяніе и находится въ смертельномъ страхѣ. Онъ вспомнилъ, что не возобновилъ страховки своего лѣсного двора въ Парижѣ, а коммунары между тѣмъ владѣютъ еще кварталомъ Сенъ-Жакъ.

Однажды утромъ позвонилъ почтальонъ. Отецъ взялъ у него письмо и направился въ садъ, гдѣ на скамейкѣ сидѣли сестра и г-жа де Фольберъ. Вскрывая конвертъ и развертывая письмо, онъ такъ дрожалъ, что ничего не могъ прочесть и передалъ листокъ Луизѣ.

— На-ка, читай... Это изъ Парижа...

— «Милостивый государь, все спасено...»—начала Луиза.

— Что-о, что-о?—вскричалъ отецъ.

— «Все спасено. Передъ вступленіемъ войскъ мы приняли всѣ предосторожности и припрятали въ безопасное мѣсто деньги и кассовыя книги...»

И Луиза продолжала читать, а отецъ не могъ удержаться отъ проявленія необыкновенной радости и проявлялъ ее довольно страннымъ способомъ, какими-то хореграфическими упражненіями, заставлявшими предполагать, что въ юности онъ отплясывалъ канканъ. Вдругъ онъ остановился.

— «Да и было какъ разъ во время,—читала сестра далѣе.—Версальцы пробили уже стѣну сосѣдняго дома и приближались къ заведенію. Инсургенты принесли уже керосинъ, но не успѣли скрыться: восьмерыхъ уложили подъ воротами...»

— Восьмерыхъ! Вотъ хорошо!—вскричалъ отецъ.

Это *вотъ хорошо* поразило меня, какъ выстрѣлъ изъ пистолета. Я никогда въ жизни не забуду этого возгласа!

Опять раздался звонокъ. Пришла г-жа Арналь, заливаясь горючими слезами.

— О, друзья мои! Эти негодяи все сожгли у меня! Ахъ, Боже мой, Боже мой!

И она упала на стулъ. Луиза подняла суматоху и непремѣнно хотѣла добиться отъ нея, чего ей дать: нюхательной соли или сахарной воды.

— Да, все сожгли, все погибло!—продолжала рыдать г-жа Арналь...—Счастье еще,—прибавила она черезъ минуту,—что мы застрахованы, и мужу удалось спрятать большую часть товаровъ, такъ что...

— Вы будете вознаграждены,—сказалъ равнодушно отецъ.

— О, конечно!... Надѣюсь, даже и не одинъ разъ, а два. Еще бы этого не доставало!

И она опять ударилась въ слезы.

— Все потеряно!.. Наши дѣла шли такъ хорошо... И подумать только, что теперь у меня ничего не осталось, ничего, даже носового платка вытереть слезы!..

Въ общемъ—Боже, какая тоска!

XXV.

Въ восемь часовъ утра, когда мы съ Луизой сошли въ столовую, мы увидѣли отца, который, повидимому, поджидалъ насъ, прогуливаясь взадъ и впередъ по комнатѣ. Его шляпа и трость лежали на столѣ.

— Дѣти,—началъ онъ,—я долженъ сообщить вамъ печальную новость: вашъ дѣдъ скончался.

— Дѣдушка Туссенъ!—вскричала Луиза.—Ахъ, Боже мой, какое несчастіе!.. Какое ужасное несчастіе!

И съ жестами отчаянія, она стала визжать безъ конца. Но фальшивый тонъ, искусственная жестикуляція, внезапныя выкрикиванія, вздохи, гримасы лица,—все было поддѣльно, не вязалось одно съ другимъ. Чрезмѣрная тревога, выказанная ею, уничтожала и то дѣйствительное волненіе, которое она могла бы испытать при этомъ извѣстіи. Отецъ былъ болѣе искрененъ. Ужасъ, вообще сопровождающій смерть, омрачилъ нѣсколько его тонъ, но не смягчилъ его, и въ немъ не слышалось ни притворныхъ слезъ, ни дѣланнаго отчаянія.

— Я узналъ объ этомъ вчера, около десяти часовъ вечера,—сказалъ онъ,—когда ужъ вы были въ постеляхъ. Я не хотѣлъ сообщать вамъ этой новости, а то навѣрно всю ночь вы не сомкнули бы глазъ.

— Разумѣется, разумѣется,—бормотала Луиза, всхлипывая.

— Дѣдъ вашъ умеръ вчера внезапно, отъ удара, въ семь съ половиною часовъ, послѣ своего обѣда. Я сейчасъ же отправляюсь въ Мусси...

Но вошли г-жа и г. де Фольберъ и пришлось снова повторить разсказъ о смерти дѣда. Они казались глубоко огорченными. Г-жа де Фольберъ заявила, что смерть дѣда непоправимое несчастіе.

— Для внуковъ, знаете ли, дѣдушка и бабушка незамѣнимы.

Таково же, казалось, было и мнѣніе Луизы, потому что она продолжала сидѣть въ углу, тяжело вздыхать и плакать.

Но вотъ, я увидѣлъ, что г. де Фольберъ, который молчалъ все время и только покачивалъ головой, вдругъ всталъ и мел-

кими шажками направился къ стулу моей сестры. Подвигаясь впередъ, онъ бормоталъ что-то. Но я внимательно прислушивался, и до меня долетѣли обрывки фразъ:

— Это великое... неизмѣримое горе. Я глубоко ему сочувствую... окажите мнѣ честь вашимъ довѣріемъ... Если бы я могъ... если бы я имѣлъ смѣлость надѣяться... если бы мнѣ было позволено... если бы я имѣлъ счастье сознавать, что связь болѣе серьезная... нѣтъ, болѣе прочная... да, болѣе прочная, чѣмъ простая дружба... соединяетъ наши семьи въ этомъ горѣ... наши обѣ столь почтенныя семьи...

Съ протянутой рукой, онъ приближался къ сестрѣ робко, осторожно, по одному сантиметру въ секунду.

Луиза встала, еще разъ утерла слезы и, испустивъ тяжелый вздохъ, съ глазами, устремленными въ потолокъ, вложила свою руку въ руку начальника отдѣленія.

Мы тоже встали. Г-жа де Фольберъ вытянула руки, какъ бы желая узнать, не накрапываетъ ли дождь, и воскликнула:

— Будьте счастливы, дѣти мои!

Нѣчто подобное я уже видѣлъ въ исторіи съ Жюлемъ. И тогда Луиза также держала голову. Значитъ, она будетъ депу... Все не знаю, какъ женскій родъ отъ этого слова? Надо будетъ справиться въ словарѣ.

Впрочемъ, мнѣ некогда было рыться въ словаряхъ. Цѣлый день я былъ на побѣгушкахъ, бѣгалъ то въ литографію за траурными письмами, то въ магазинъ за крепомъ, то къ тому, то къ другому. Сестрѣ моей тоже досталось не мало. И только вечеромъ, когда отецъ пришелъ изъ Мусси, ей удалось урвать минуту, чтобы шепнуть ему на ухо:

— Удачный денекъ сегодня, не правда ли?

Да, удачный для обоихъ. Отецъ не скрывалъ своей радости: сестра дѣлаетъ прекрасную партію, приданое свалилось съ неба, и десятилѣтняя мечта его близка къ осуществленію. Онъ скоро будетъ въ состояніи купить *Grands Hommes* и основать въ Парижѣ весьма солидное заведеніе.

Но вдругъ радость смѣнилась серьезностью. Онъ вспомнилъ, что въ бумагахъ дѣда, умершаго безъ завѣщанія, онъ нашелъ давнишнюю записку, въ которой тотъ выражалъ желаніе быть похороненнымъ въ Версалѣ.

Отецъ колебался, исполнить-ли его волю?

— Возня, лишнія хлопоты... Точно ему не будетъ такъ же хорошо и въ Мусси... Да и письмо это Богъ знаетъ когда написано. Если бы старый Туссенъ успѣлъ сдѣлать завѣщаніе, онъ, навѣрно, отмѣнилъ бы свое распоряженіе...

Къ несчастію, отецъ имѣлъ неосторожность разболтать о

письмѣ нашимъ жильцамъ, и сестра пристала къ нему съ просьбой исполнить послѣднюю волю Туссена.

— Не для него, а для насъ это необходимо,—умоляла она. Такъ будетъ лучше со всѣхъ точекъ зрѣнія. Это покажетъ всѣмъ, что мы на него не сердимся.

— Не сердимся... не сердимся...—ворчалъ отецъ.

Однако, въ концѣ концовъ онъ согласился, и дѣдушку будутъ хоронить въ Версалѣ.

Я слѣдовалъ за гробомъ отъ церкви въ Мусси, гдѣ служили обѣдню, до заставы Шантье, гдѣ досмотрщики освидѣтельствовали траурную колесницу. Здѣсь мы встрѣтили большую часть нашихъ знакомыхъ, которымъ назначили свиданіе въ этомъ пунктѣ, чтобы избавить ихъ отъ лишнихъ безпокойствъ. Тутъ были супруги Легро, Мерленъ, Арнали, Гоффнеръ...

Когда кортежъ тронулся, люксембуржецъ пошелъ рядомъ съ моимъ отцомъ.

— Только вчера, вернувшись домой, я узналъ эту новость,—заговорилъ онъ,—и поспѣшилъ...

— Очень любезно съ вашей стороны. Давно я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть...

Гоффнеръ разсказалъ, что принужденъ былъ неожиданно уѣхать изъ Версаля. Во время Коммуны онъ жилъ въ Парижѣ и воспользовался обстоятельствами, чтобы оказать нѣкоторыя услуги государству. На свой рискъ и страхъ, онъ доставлялъ разныя свѣдѣнія, порой очень цѣнныя, и государство, онъ долженъ признать это, не оказалось неблагодарнымъ. Его вознаградили выше заслугъ. Мало того, представили къ весьма лестному отличію—къ наградѣ почетнымъ крестомъ.

— Правда?—спросилъ отецъ.—Поздравляю, поздравляю... Ну, а ваши друзья... гм... ваши друзья, господа Германнъ и Мюллеръ... съ ними что сталось?.. Они надняхъ пріѣзжали за своею мебелью, но меня какъ разъ не было дома, и я не могъ поговорить съ ними. Вернулись они въ Сенъ-Клу? Возобновили свою торговлю?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ Гоффнеръ.—У нихъ было намѣреніе устроиться въ Версалѣ, но имъ предложили оффиціальныя должности и, конечно, они приняли. Всю мебель, которую увезли тогда изъ Сенъ-Клу, они продали... т. е., я хочу сказать вернули, возвратили ее владѣльцамъ. Теперь они занимаютъ прекрасное положеніе въ администраціи президента.

— Въ администраціи президента... о! о!

— Они стоятъ этого! Вѣдь они эльзасцы, дѣти этой несчастной погибшей провинціи... А теперь Эльзасъ на первомъ

планѣ! Это пароль теперешняго времени... Ну, и, кромѣ того, справедливость...

— Да, да, конечно!...

Церемонія кончилась; могильщики заровняли яму землей. Всѣ распрощались у воротъ кладбища. Сестра съ красными отъ слезъ глазами сѣла въ карету вмѣстѣ съ г-жей де Фольберъ и ея сыномъ. Я послѣдовалъ за отцомъ, который направился пѣшкомъ въ типографію, гдѣ хотѣлъ уплатить по счету. Съ нами шелъ и Мерленъ.

Отецъ, казалось, сразу сбросилъ съ себя тяжелую ношу. Похоронныя мысли его не мучили. Онъ болталъ обо всемъ, о дождѣ, о хорошей погодѣ и, наконецъ, заговорилъ о политикѣ.

— Да, мы были правы, не приходя въ отчаяніе во время войны. Правда, мы побиты, но за то, какъ возвысились нравственно во время гражданской войны. Нѣтъ, отечество не погибло! Оно живетъ болѣе, чѣмъ когда нибудь,—и пруссаки въ Сенъ-Жерменѣ и въ Сенъ-Дени съ бѣшенствомъ смотрятъ на наше пробужденіе. Можно-ли сомнѣваться въ народѣ, который ради жизни не задумывается пресѣкать зло въ самомъ корнѣ и героически производитъ ампутаціи въ своей средѣ? Да, мы были правы! Надо было облагородить наши сердца, чтобы подняться во весь ростъ, стать даже выше! *Sursum corda!* Теперь вопросъ—въ реваншѣ, громадномъ, окончательномъ! Отечество стало сильнымъ послѣ того, какъ въ побѣдѣ надъ Коммуной получило необходимое крещенье кровью. Эта кровь смыла весь прошлый позоръ: намъ не надо заботиться объ очищеніи отъ прежней грязи, мы должны думать только объ одномъ—о реваншѣ. Мужайтесь!

Мы пришли къ Оружейной площади. Я глядѣлъ на артиллерійскія орудія, захваченныя въ Парижѣ. То были бронзовыя и стальныя пушки, съ блестящими и измятыми жерлами, митральезы установленныя въ рядъ, точно трофеи. Направо виднѣлась Оранжерея, гдѣ сидѣли плѣнники, налѣво — Большія конюшни, гдѣ засѣдалъ военный совѣтъ, который творилъ надъ ними судъ, а прямо противъ насъ—поле Сатори, гдѣ ихъ разстрѣливали.

— Реваншъ!—продолжалъ отецъ.—Полный реваншъ безъ малѣйшаго снисхожденія! Уничтожить всю Германію! Всѣ французы должны взяться за оружіе, всѣ стать солдатами! Все для войны! Мужайтесь, сердца!.. Вотъ какъ я разсуждаю. Я говорю напрямикъ, какъ думаю. Я не люблю фразъ. Я честный буржуа...

Вдругъ онъ остановился. Вдали изъ воротъ дворца выѣхала карета, быстро направляясь по узкой аллеѣ между пушками, загромождавшими площадь.

— Тьеръ!—вскричалъ отецъ. — Побѣдитель Коммуны! Великій патріотъ! Надо его привѣтствовать!—прибавилъ онъ.

Карета быстро приближалась. Сквозь стекла ея я успѣлъ разглядѣть сѣдые волосы, очки и коричневый рединготъ. Отецъ схватилъ меня за руку и, поднимая свою шляпу, крикнулъ:

— Кланяйся, дитя мое! Это само отечество ѣдетъ мимо насъ!.. Да здравствуетъ Тьеръ! Да здравствуетъ Тьеръ!

Я зналъ Тьера; зналъ, каковъ онъ былъ и какимъ сталъ, и не поклонился.

Карета промчалась, а я даже пальцемъ не коснулся своей шляпы.

— Почему ты не поклонился? — съ гнѣвомъ спросилъ отецъ.

Я промолчалъ; онъ занесъ было надо мной руку, чтобы ударить, но Мерленъ быстро очутился между нами и произнесъ со смѣхомъ:

— Положительно, Барбье,—возвращаясь къ нашему разговору,—я долженъ признать, что вы совершенно правы: вы честный буржуа.

Конецъ.

Аграрный вопросъ въ европейской литературѣ.

IV.

Книга Каутскаго „Die Agrarfrage. Eine Uebersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft“ представляетъ собою довольно объемистое изслѣдованіе въ 450 страницъ, изъ которыхъ 300 заняты теоретическими главами. Написана она живымъ, увлекательнымъ языкомъ и читается съ интересомъ, несмотря на спеціальный характеръ своей темы. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы Каутскому удалась взятая имъ на себя серьезная задача. Со внѣшней стороны въ книгѣ приходится прежде всего отмѣтить много пробѣловъ, а съ другой стороны — много лишняго. За введеніемъ—о которомъ мы скажемъ нѣсколько ниже—идутъ три главы „Крестьянинъ и индустрія“, „Сельское хозяйство въ эпоху феодализма“, „Новѣйшее сельское хозяйство“, трактующія объ отношеніяхъ современнаго сельскаго хозяйства къ индустріи, о происхожденіи и исчезновеніи трехпольнаго хозяйства, о голодовкахъ крестьянъ въ средніе вѣка, о появленіи машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ, о потребленіи и производствѣ мяса, объ удобреніи, бактеріяхъ и приложеніи науки къ сельскому хозяйству. Всѣ эти разсужденія, которыя должны служить вступленіемъ къ слѣдующей, V главѣ („Капиталистическій характеръ современнаго сельскаго хозяйства“), носятъ очень отрывочный и поверхностный характеръ. Сколько нибудь связной, хотя бы и самой краткой, исторіи формъ земельной собственности и владѣнія здѣсь не дано; взамѣнъ этого всѣ названныя главы заняты перечнемъ свѣдѣній, давно извѣстныхъ и въ спеціальномъ изслѣдованіи совершенно излишнихъ. Глава V посвящена выясненію „капиталистическаго характера современнаго сельскаго хозяйства“. Однако, для этой цѣли Каутскій счелъ возможнымъ дать лишь изложеніе теорій цѣнности, прибавочной цѣнности и ренты. Само изложеніе этихъ теорій способно вызвать недоумѣніе. Оно написано въ обычномъ для Каутскаго удачномъ популяризаторскомъ тонѣ, но не содержитъ ни одной новой

мысли, никакого оригинальнаго освѣщенія вопросовъ. Авторъ всюду противопоставляетъ трудовую теорію ученіямъ буржуазныхъ экономистовъ, представителей „университетской“ науки и празднуетъ элементарную и потому легкую побѣду надъ послѣдними. Бѣда только въ томъ, что между самими представителями трудовой теоріи происходитъ въ настоящее время борьба, разыгрываются серьезныя несогласія по отдѣльнымъ пунктамъ этой теоріи, и на всемъ этомъ не остановился Каутскій. Законы цѣнности и прибавочной цѣнности рисуются имъ въ томъ видѣ, въ какомъ они установлены въ 1-мъ томѣ „Капитала“; законы цѣны и прибыли по 3-му тому. Никакой попытки связать эти ученія двухъ томовъ не дано. Точно также ученіе о рентѣ Маркса, ученіе менѣе всего разработанное, Каутскій излагаетъ чрезвычайно просто, въ тонѣ человѣка, для котораго не существуетъ никакихъ по этому поводу ни сомнѣній, ни вопросовъ. Въ результатѣ, вся эта теоретическая часть въ настоящемъ своемъ видѣ является простою популяризаціей и не вноситъ ничего новаго для выясненія аграрнаго вопроса. А между тѣмъ этими историческими и теоретическими экскурсіями Каутскій занялъ значительную часть своей книги въ явный ущербъ прочимъ отдѣламъ. Съ другой стороны, въ книгѣ замѣчаются пробѣлы прямо непростительные для изслѣдованія по аграрному вопросу. Такъ, здѣсь совсѣмъ не затронутъ вопросъ объ *арендѣ* (о немъ говорится лишь мимоходомъ нѣсколько словъ),—институтѣ, который играетъ такую видную роль въ сельскохозяйственномъ производствѣ, и анализъ котораго часто способенъ измѣнить самую постановку вопроса о крупномъ и мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ. Далѣе читатель напрасно сталъ бы искать въ книгѣ Каутскаго болѣе или менѣе связнаго изображенія статики формъ землевладѣнія и земледѣлія. А между тѣмъ, эти формы, какъ всѣмъ извѣстно, весьма разнообразны, измѣняясь съ каждою страною, съ каждою мѣстностью.

При самомъ началѣ своей книги—во введеніи—Каутскій указываетъ на особый характеръ аграрнаго вопроса, недозволяющій непосредственно прилагать къ нему шаблоны, взятые изъ наблюденія надъ индустріальной жизнью. „Несомнѣнно“ — говоритъ онъ,—„и это мы предполагаемъ въ самомъ началѣ доказаннымъ, сельское хозяйство развивается не по тому же шаблону, какъ индустрія; оно слѣдуетъ своимъ особеннымъ законамъ“ (5 — 6) *).

Въ чемъ же заключаются эти „особые законы“ сельскаго хозяйства, по мысли Каутскаго? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо перевернуть 90 страницъ, занятыхъ указанными выше историческими и теоретическими разсужденіями, и обратиться къ

---

*) Всюду, гдѣ не оговорено противоположное, я цитирую по нѣмецкому изданію книги Каутскаго.

VI главѣ 1-го отдѣла, носящей названіе „Крупное и мелкое производство". Здѣсь Каутскій прежде всего разсматриваетъ вопросъ о „техническомъ превосходствѣ крупнаго производства" въ сельскомъ хозяйствѣ. Какъ мы имѣли случай видѣть въ первой статьѣ, этотъ именно вопросъ служилъ центромъ разыгравшихся споровъ, такъ какъ онъ, дѣйствительно, можетъ и долженъ быть положенъ въ основу при рѣшеніи конечной проблемы: о тождествѣ или различіи хода экономической эволюціи въ индустріи, съ одной стороны, въ аграрной области, съ другой. Какъ же рѣшаетъ этотъ важный вопросъ Каутскій?

Чѣмъ болѣе, говоритъ онъ, сельское хозяйство принимаетъ капиталистическій характеръ, тѣмъ болѣе оно развиваетъ качественное различіе техники между крупнымъ и мелкимъ производствомъ. Это различіе техники прежде всего обнаруживается при веденіи домашняго хозяйства. Одною изъ особенностей сельскаго хозяйства является то, что здѣсь собственно-хозяйственное производство всегда соединено съ домашнимъ хозяйствомъ, въ то время какъ въ индустріи эти двѣ отрасли дѣятельности строго отдѣлены другъ отъ друга. А между тѣмъ веденіе домашняго хозяйства въ большихъ размѣрахъ выгоднѣе мелкаго въ виду возможности сбереженія труда и матеріала. Въ одномъ имѣніи, равномъ по занимаемому имъ пространству 50-ти мелкимъ, требуется 1 кухня съ однимъ очагомъ, вмѣсто 50-ти кухонъ съ 50-тью очагами въ 50-ти мелкихъ. Перейдя изъ дома во дворъ, мы найдемъ въ большомъ имѣніи 1 хлѣвъ, 1 сарай, 1 колодезь, вмѣсто 50-ти. Далѣе, чѣмъ меньше участокъ земли, тѣмъ больше протяженіе его границъ по отношенію къ поверхности, тѣмъ значительнѣе, слѣдовательно, потеря сѣмянъ, необходимо попадающихъ при сѣяніи рукой за межу. На меньшихъ участкахъ неизбѣжна потеря времени въ виду необходимости болѣе частыхъ поворотовъ плуга. Кромѣ того, 50 мелкихъ хозяйствъ требуютъ 50 боронъ, 50 плуговъ, 50 телѣгъ, тогда какъ для одного крупнаго достаточно, если не по одной штукѣ всего этого, то во всякомъ случаѣ значительно менѣе 50-ти. Такое же сбереженіе имѣетъ мѣсто по отношенію къ машинамъ. Поэтому крупное хозяйство даетъ возможность большихъ сбереженій на инвентарѣ. Это показываетъ намъ статистика сельскохозяйственныхъ машинъ. Цѣлый рядъ усовершенствованныхъ орудій производства, въ особенности машинъ, не можетъ вовсе примѣняться въ мелкихъ хозяйствахъ, такъ какъ крестьяне не въ состояніи ихъ вполнѣ использовать. Пользованіе электрической силой также недоступно мелкимъ сельскимъ хозяевамъ. Сказанное относится не только къ инструментамъ, орудіямъ и машинамъ, но и къ приводящей ихъ въ движеніе человѣческой, животной и др. силѣ. Мелкія производства требуютъ гораздо большой затраты этой силы на одинаковую площадь сравни-

тельно съ крупными, не всегда они могутъ ее и вполнѣ использовать. Крупному хозяйству болѣе доступны всѣ выгоды раздѣленія труда, а также выгоды успѣшнаго и быстраго исполненія работы опытными спеціалистами. Но наибольшею выгодою крупнаго сельскаго хозяйства является возможность достиженія здѣсь, при наличности большого числа рабочихъ, раздѣленія труда на такъ называемый умственный, головной, и физическій, мускульный. Сельское хозяйство для цѣлесообразнаго веденія требуетъ научнаго руководства, нуждается въ трудѣ научно образованныхъ агрономовъ, а все это подъ силу только крупному хозяйству. Правда, устраиваются сельскохозяйственныя школы и для крестьянъ. Нельзя не признать за ними громадной пользы, но то высшее образованіе, котораго требуетъ вполнѣ раціональное производство, едва ли совмѣстимо съ нынѣшними условіями существованія крестьянъ. Къ этимъ техническимъ преимуществамъ крупнаго хозяйства прибавляются еще выгоды въ отношеніи дренажа и орошенія; эти операціи могутъ производиться съ успѣхомъ лишь въ примѣненіи къ большой площади земли. Наконецъ, Каутскій указываетъ на преимущества въ отношеніи кредита и торговли. Стоимость перевозки и сбыта относительно меньше для торговли, производимой въ большомъ масштабѣ. Организація кредита во всѣхъ его видахъ, кредита ипотечнаго, личнаго и пр., доступнѣе и дешевле опять таки для крупнаго производства (92—104).

Таковы, по мнѣнію нашего автора, преимущества крупнаго сельскаго хозяйства передъ мелкимъ. Совершенно послѣдовательно онъ отказывается понять проф. Зеринга, утверждающаго, какъ фактъ неподлежащій „*ни малѣйшему сомнѣнію, что рѣшительно всякая отрасль сельскаго хозяйства* можетъ вестись при мелкомъ и среднемъ производствѣ *столь же раціонально*, какъ при крупномъ, такъ что въ совершенную противоположность индустріальному развитію, растущая интенсивность земледѣлія предоставляетъ мелкому производству *весьма значительное преимущество* предъ крупнымъ“. (104). Въ противоположность этому взгляду Зеринга, Каутскій присоединяется къ мнѣнію Кремера, который полагаетъ, что „современное развитіе сельскаго хозяйства“ обезпечиваетъ крупной формѣ его „преимущество во всѣхъ отношеніяхъ“ (106).

Можно ли считать доказаннымъ этотъ основный выводъ о „техническомъ превосходствѣ крупнаго производства“ въ сельскомъ хозяйствѣ? Замѣтимъ прежде всего, что въ своемъ перечнѣ выгодныхъ сторонъ крупнаго хозяйства Каутскій далеко вышелъ изъ предѣловъ собственно техники; подъ рубрикою *техническихъ* выгодъ онъ говоритъ и о дешевизнѣ массоваго, такъ сказать, устройства кухонь и о большей доступности сельскохозяйственнаго образованія, и о выгодахъ крупнаго сельскаго хозяйства въ отношеніи торговли, кредита и т. д. Очевидно, что Каутскій смѣ-

шалъ здѣсь два разнородныя понятія, и что, говоря о *техническихъ* преимуществахъ крупнаго сельскаго хозяйства, онъ разумѣлъ подъ ними отчасти и *экономическія* выгоды. Но дѣло не въ этомъ только. Далеко не всѣ приведенныя Каутскимъ техническія и технико-экономическія явленія обладаютъ одинаково роковымъ для мелкаго сельскаго хозяйства характеромъ. Каутскій указываетъ, напримѣръ, на то, что крупному производству легче и выгоднѣе утилизировать силу машинъ, электрической и другихъ двигательныхъ силъ, легче организовать сбытъ, получить кредитъ и т. д. Все это такъ. Но стоитъ намъ представить себѣ весьма часто практикующійся въ дѣйствительности способъ пріобрѣтенія сообща, путемъ товариществъ, сырого матеріала, такую же товарищескую организацію сбыта, кредита, производства дренажа и орошенія, далѣе общественную эксплоатацію какъ электрической силы, какъ и нѣкоторыхъ родовъ высшаго человѣческаго труда, и всѣ эти технико-экономическія, или, по терминологіи Каутскаго, „техническія“ преимущества крупнаго производства исчезнутъ. Совсѣмъ другое нужно сказать о нѣкоторыхъ иныхъ, собственно техническихъ чертахъ производства, указанныхъ Каутскимъ. Потеря сѣмянъ, являющаяся слѣдствіемъ большого относительно протяженія межей, потеря времени при частыхъ поворотахъ плуга, необходимость (и то лишь въ нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ случаяхъ) затраты на каждую единицу площади большаго живого и мертваго инвентаря,—все это, дѣйствительно, техническія невыгоды, невыгоды, коренящіяся въ неизбѣжныхъ основахъ самого процесса производства, которыхъ, поэтому никакими комбинаціями мелкій хозяинъ не въ состояніи вполнѣ избѣжать или обойти. Но рѣшается ли выставленіемъ на видъ этихъ невыгодъ мелкаго и, наоборотъ, преимуществъ крупнаго сельскаго хозяйства вопросъ объ отношеніи этихъ двухъ формъ производства? Можно ли считать анализъ Каутскаго исчерпывающимъ задачу, ему предлежавшую. Вѣдь центральнымъ пунктомъ въ данномъ случаѣ является вопросъ, нѣтъ ли въ этомъ отношеніи какихъ либо отличій сельскаго хозяйства отъ индустріи? Но на этотъ вопросъ мы напрасно стали бы искать отвѣта въ изложенной главѣ. Каутскій устанавливаетъ свой выводъ, полемизируя съ Зерингомъ, находившимъ, что среднее и мелкое производство можетъ въ сельскомъ хозяйствѣ вестись столь же раціонально, какъ крупное. Правильны или нѣтъ выводы Зеринга во всемъ ихъ объемѣ, но во всякомъ случаѣ они получены путемъ тщательнаго фактическаго и теоретическаго анализа особенностей сельскохозяйственнаго производства въ изучаемой имъ области, главнымъ образомъ, восточной Германіи, частію же и въ другихъ мѣстностяхъ *).

*) *См. M. Sering.* Die innere Kolonisation im östlichen Deutschland. Leipzig 1893. S. 62—99. Ср. его соч. Die landwirtschaftliche Konkurrenz Nordamerika's in Gegenwart und Zukunft, Leipzig 1887.

тельно съ крупными, не всегда они могутъ ее и вполнѣ использовать. Крупному хозяйству болѣе доступны всѣ выгоды раздѣленія труда, а также выгоды успѣшнаго и быстраго исполненія работы опытными специалистами. Но наибольшею выгодою крупнаго сельскаго хозяйства является возможность достиженія здѣсь, при наличности большого числа рабочихъ, раздѣленія труда на такъ называемый умственный, головной, и физическій, мускульный. Сельское хозяйство для цѣлесообразнаго веденія требуетъ научнаго руководства, нуждается въ трудѣ научно образованныхъ агрономовъ, а все это подъ силу только крупному хозяйству. Правда, устраиваются сельскохозяйственныя школы и для крестьянъ. Нельзя не признать за ними громадной пользы, но то высшее образованіе, котораго требуетъ вполнѣ раціональное производство, едва ли совмѣстимо съ нынѣшними условіями существованія крестьянъ. Къ этимъ техническимъ преимуществамъ крупнаго хозяйства прибавляются еще выгоды въ отношеніи дренажа и орошенія; эти операціи могутъ производиться съ успѣхомъ лишь въ примѣненіи къ большой площади земли. Наконецъ, Каутскій указываетъ на преимущества въ отношеніи кредита и торговли. Стоимость перевозки и сбыта относительно меньше для торговли, производимой въ большомъ масштабѣ. Организація кредита во всѣхъ его видахъ, кредита ипотечнаго, личнаго и пр., доступнѣе и дешевле опять таки для крупнаго производства (92—104).

Таковы, по мнѣнію нашего автора, преимущества крупнаго сельскаго хозяйства передъ мелкимъ. Совершенно послѣдовательно онъ отказывается понять проф. Зеринга, утверждающаго, какъ фактъ неподлежащій „*ни малѣйшему сомнѣнію, что рѣшительно всякая отрасль сельскаго хозяйства* можетъ вестись при мелкомъ и среднемъ производствѣ *столь же раціонально*, какъ при крупномъ, такъ что въ совершенную противоположность индустріальному развитію, растущая интенсивность земледѣлія предоставляетъ мелкому производству *весьма значительное преимущество* предъ крупнымъ“. (104). Въ противоположность этому взгляду Зеринга, Каутскій присоединяется къ мнѣнію Кремера, который полагаетъ, что „современное развитіе сельскаго хозяйства“ обезпечиваетъ крупной формѣ его „преимущество во всѣхъ отношеніяхъ“ (106).

Можно ли считать доказаннымъ этотъ основный выводъ о „техническомъ превосходствѣ крупнаго производства“ въ сельскомъ хозяйствѣ? Замѣтимъ прежде всего, что въ своемъ перечнѣ выгодныхъ сторонъ крупнаго хозяйства Каутскій далеко вышелъ изъ предѣловъ собственно техники; подъ рубрикою *техническихъ* выгодъ онъ говоритъ и о дешевизнѣ массоваго, такъ сказать, устройства кухонь и о большей доступности сельскохозяйственнаго образованія, и о выгодахъ крупнаго сельскаго хозяйства въ отношеніи торговли, кредита и т. д. Очевидно, что Каутскій смѣ-

шалъ здѣсь два разнородныя понятія, и что, говоря о *техническихъ* преимуществахъ крупнаго сельскаго хозяйства, онъ разумѣлъ подъ ними отчасти и *экономическія* выгоды. Но дѣло не въ этомъ только. Далеко не всѣ приведенныя Каутскимъ техническія и технико-экономическія явленія обладаютъ одинаково роковымъ для мелкаго сельскаго хозяйства характеромъ. Каутскій указываетъ, напримѣръ, на то, что крупному производству легче и выгоднѣе утилизировать силу машинъ, электрической и другихъ двигательныхъ силъ, легче организовать сбытъ, получить кредитъ и т. д. Все это такъ. Но стоитъ намъ представить себѣ весьма часто практикующійся въ дѣйствительности способъ пріобрѣтенія сообща, путемъ товариществъ, сырого матеріала, такую же товарищескую организацію сбыта, кредита, производства дренажа и орошенія, далѣе общественную эксплоатацію какъ электрической силы, какъ и нѣкоторыхъ родовъ высшаго человѣческаго труда, и всѣ эти технико-экономическія, или, по терминологіи Каутскаго, „техническія" преимущества крупнаго производства исчезнутъ. Совсѣмъ другое нужно сказать о нѣкоторыхъ иныхъ, собственно техническихъ чертахъ производства, указанныхъ Каутскимъ. Потеря сѣмянъ, являющаяся слѣдствіемъ большого относительно протяженія межей, потеря времени при частыхъ поворотахъ плуга, необходимость (и то лишь въ нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ случаяхъ) затраты на каждую единицу площади большаго живого и мертваго инвентаря,—все это, дѣйствительно, техническія невыгоды, невыгоды, коренящіяся въ неизбѣжныхъ основахъ самого процесса производства, которыхъ, поэтому никакими комбинаціями мелкій хозяинъ не въ состояніи вполнѣ избѣжать или обойти. Но рѣшается ли выставленіемъ на видъ этихъ невыгодъ мелкаго и, наоборотъ, преимуществъ крупнаго сельскаго хозяйства вопросъ объ отношеніи этихъ двухъ формъ производства? Можно ли считать анализъ Каутскаго исчерпывающимъ задачу, ему предлежавшую. Вѣдь центральнымъ пунктомъ въ данномъ случаѣ является вопросъ, нѣтъ ли въ этомъ отношеніи какихъ либо отличій сельскаго хозяйства отъ индустріи? Но на этотъ вопросъ мы напрасно стали бы искать отвѣта въ изложенной главѣ. Каутскій устанавливаетъ свой выводъ, полемизируя съ Зерингомъ, находившимъ, что среднее и мелкое производство можетъ въ сельскомъ хозяйствѣ вестись столь же раціонально, какъ крупное. Правильны или нѣтъ выводы Зеринга во всемъ ихъ объемѣ, но во всякомъ случаѣ они получены путемъ тщательнаго фактическаго и теоретическаго анализа особенностей сельскохозяйственнаго производства въ изучаемой имъ области, главнымъ образомъ, восточной Германіи, частію же и въ другихъ мѣстностяхъ *).

*) *См. M. Sering.* Die innere Kolonisation im östlichen Deutschland. Leipzig 1893. S. 62—99. Ср. его соч. Die landwirtschaftliche Konkurrenz Nordamerika's in Gegenwart und Zukunft, Leipzig 1887.

Никакъ нельзя сказать того же о выводахъ Каутскаго. Часто онъ совсѣмъ забываетъ особую природу сельскохозяйственнаго производства. Такъ, онъ не обратилъ, напр., вниманія на то, что „такъ какъ тѣ внѣшнія отношенія, при которыхъ имѣетъ мѣсто сельскохозяйственное производство, необыкновенно разнообразны, то и экономическая организація должна весьма разнообразно складываться (gestalten)“ *); онъ забылъ, что въ числѣ этихъ „внѣшнихъ отношеній“ имѣется такой факторъ, какъ почва и климатъ, благодаря особенностямъ которыхъ въ каждомъ данномъ случаѣ является болѣе выгоднымъ то экстенсивное, то интенсивное веденіе хозяйства **); онъ игнорировалъ далѣе особенную черту земледѣлія, сводящуюся къ тому, что „земля представляетъ собою своеобразное средство производства въ сельскомъ хозяйствѣ“ ***), совершенно измѣняющее характеръ послѣдняго. Анализъ этихъ и цѣлаго множества другихъ особенностей сельскохозяйственнаго производства привелъ всѣхъ спеціалистовъ къ тому выводу, что, въ силу именно своеобразной природы сельскохозяйственнаго производства, въ послѣднемъ возможны и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ наиболѣе выгодны разнообразнѣйшія комбинаціи технической и экономической структуры его. „Рѣдкое населеніе,—говоритъ, напримѣръ, одинъ изъ такихъ спеціалистовъ, — слабый спросъ на сельскохозяйственные продукты, относительно низкія цѣны на землю, *экстенсивное производство* (курс. мой, какъ и ниже) и низкія цѣны на продукты земли взаимно обусловливаютъ другъ друга, точно такъ, какъ взаимно обусловлены густое населеніе, сильный спросъ на продукты земли, высокія цѣны земли, *интенсивное производство* и относительно высокія продажныя цѣны продуктовъ земли“ ****). Можно ли при такихъ условіяхъ довольствоваться отрывочными общими указаніями на нѣкоторыя общія достоинства и недостатки крупной и мелкой формъ промышленности для рѣшенія занимающаго насъ сложнаго и запутаннаго вопроса? Именно такъ, однако, поступилъ Каутскій, и понятно, что въ силу этого онъ пришелъ къ рѣшенію вопроса, тождественному съ соотвѣтствующимъ рѣшеніемъ по отношенію къ индустріи.

Извѣстныя ограниченія къ этому своему общему выводу вынужденъ былъ однако сдѣлать и самъ Каутскій. Седьмая глава книги („Границы капиталистическаго земледѣлія“), — непосредственно слѣдующая за только что изложенной нами, начинается

---

*) *Von der Goltz.* Handbuch der landwirtchaftlichen Betriebslehre, 2-te Auflage, Berlin 1896, S. 315.

**) Ibidem, S. 316—18.

***) *Von der Goltz.* Vorlesungen über Agrarwesen und Agrarpolitik. Iena 1899, S. 30.

****) *A. Buchenberger.* Grundzüge der deutschen Agrarpolitik. 2-te Auflage, Berlin 1899, S. 39.

такою фразой: „Результатъ (Fazit) изслѣдованій предыдущей главы гласитъ: крупное производство превосходитъ въ техническомъ отношеніи мелкое во всѣхъ значительныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, *хотя и не въ такой степени, какъ это имѣетъ мѣсто въ значительныхъ отрасляхъ индустріи*" (курс. нашъ, 130). Оговорка, заключающаяся въ подчеркнутыхъ словахъ, является нѣсколько неожиданной и во всякомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваема какъ „фацитъ" предыдущей главы, такъ какъ въ этой главѣ мысль о превосходствѣ крупнаго сельскаго хозяйства установлена была безъ всякихъ ограниченій. Но, что для насъ особенно важно, — эта оговорка не является случайной у Каутскаго, а наоборотъ, служитъ основною мыслью всей данной (VII) главы.

Не слѣдуетъ, говоритъ онъ, думать, будто развитіе крупной промышленности идетъ вездѣ *насчетъ* мелкой. Эта тенденція существуетъ, но ей противостоятъ нѣкоторыя противоположныя теченія, вызывающія существованіе и даже образованіе вновь мелкой промышленности наряду съ крупной. Такія противоположныя тенденціи существуютъ въ индустріи, но съ особенною силою онѣ обнаруживаются въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ къ тому имѣются специфическія причины (138—142). Такъ, необходимо прежде всего принять во вниманіе весьма важный факторъ — „ограниченность земли". Каждый способъ производства требуетъ соотвѣтствующихъ средствъ производства. Послѣднія неограниченны, имѣются всегда въ достаточныхъ размѣрахъ для индустріи. Въ земледѣліи же въ числѣ орудій и средствъ производства имѣется одно весьма специфическое — земля. Земля по самому существу своему — ограниченна. Притомъ же она, въ большинствѣ случаевъ, находится въ рукамъ мелкихъ собственниковъ. Для развитія крупнаго сельскаго хозяйства требуется, слѣдовательно, предварительно уничтоженіе этихъ мелкихъ собственниковъ. Такимъ образомъ, „исчезновеніе нѣскольких мелкихъ производствъ является здѣсь необходимою *предпосылкою* появленія крупнаго", въ то время, какъ въ индустріи крупная форма вполнѣ осуществима „безъ прекращенія самостоятельности мелкихъ производствъ. Послѣднее, по общему правилу, является *слѣдствіемъ*, а не *предпосылкою* образованія крупнаго индустріальнаго производства" (143). Это обстоятельство весьма важно. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время мелкіе производители могутъ быть устранены съ дороги лишь посредствомъ *покупки* ихъ земли. А для этого необходима трата денегъ — совсѣмъ особый расходъ сельскаго хозяина, не существующій для промышленника. Здѣсь мы имѣемъ „сильное препятствіе развитію крупнаго сельскохозяйственнаго производства, какими бы преимуществами оно ни обладало,—препятствіе, котораго не имѣетъ индустрія" (144). Но это препятствіе не единственное и даже не важнѣйшее. Каутскій ука-

зываетъ далѣе на то, что въ сельскомъ хозяйствѣ „болѣе крупное производство не является необходимо лучшимъ“ (замѣчаніе весьма любопытное въ устахъ автора, какъ мы видѣли, установившаго раньше тезисъ о „превосходствѣ“ крупнаго хозяйства), въ то время, какъ въ индустріи „болѣе крупное производство при нормальныхъ условіяхъ всегда превосходитъ мелкое“ (144). Объясняется это, по мнѣнію Каутскаго, слѣдующимъ. Въ индустріи всякое увеличеніе размѣровъ хозяйства вызываетъ *соотвѣтствующую* же концентрацію производительныхъ силъ со всѣми вытекающими отсюда выгодами—экономіей во времени, сбереженіемъ матеріаловъ и сокращеніемъ другихъ издержекъ, облегченіемъ надзора и т. д. Ничего подобнаго нѣтъ въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ увеличеніе размѣровъ предпріятія необходимо связано съ его *пространственнымъ расширеніемъ*. Поэтому, увеличеніе размѣровъ сельскохозяйственнаго предпріятія можетъ быть выгодно только до извѣстной степени. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и другой законъ, состоящій въ томъ, что чѣмъ интенсивнѣе ведется хозяйство въ данномъ имѣніи, тѣмъ меньше должна быть его площадь при данной величинѣ капитала. Наибольшіе размѣры допускаетъ хозяйство лѣсное и луговое. Обратное имѣетъ мѣсто по отношенію къ зерновымъ хозяйствамъ. Во всякомъ случаѣ, при переходѣ отъ экстенсивнаго хозяйства къ интенсивному хозяйство должно мельчать. И вообще можно сказать, что „процессъ централизаціи земли, необходимой для расширенія имѣнія, помимо того, что онъ самъ по себѣ гораздо затруднительнѣе, нежели процессъ аккумуляціи и централизаціи капитала, встрѣчаетъ еще при данныхъ условіяхъ свои опредѣленныя границы для каждаго отдѣльнаго производства“ (150). Но и это еще не все. Правда, путемъ сдачи земли въ аренду, землевладѣлецъ можетъ расширить свое имѣніе. „Но тамъ производство не совпадаетъ съ владѣніемъ. Отдѣльный землевладѣлецъ не превращаетъ всего своего владѣнія (если оно слишкомъ велико) въ одно хозяйство съ однимъ предпринимателемъ. Онъ раздѣляетъ его на нѣсколько арендъ (149). Гдѣ же имѣніемъ завѣдуетъ самъ землевладѣлецъ или его управляющій, гдѣ, слѣдовательно, единица владѣнія и единица хозяйства совпадаютъ,—тамъ мы видимъ, что тенденція къ концентраціи выражается не въ расширеніи даннаго имѣнія до безконечности, а въ созданіи рядомъ съ нимъ, *внѣ* его, другого имѣнія. Такой концентраціи не хозяйствъ, а концентраціи владѣній Каутскій придаетъ весьма важное значеніе. Въ гигантскихъ латифундіяхъ, соединяющихъ въ однѣхъ рукахъ владѣніе многими хозяйствами, онъ провидитъ „будущее современнаго раціональнаго сельскаго хозяйства“ (155) *). Однако,

---

*) Говоря о концентраціи *землевладѣнія*, Каутскій забываетъ повидимому, что такая концентрація не хозяйства, о собственности можетъ быть

и здѣсь не все обстоитъ благополучно. Оказывается, что „эти гигантскія предпріятія наталкиваются на одну границу, которая развитію крупной индустріи угрожаетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ,—на недостатокъ въ рабочихъ“ (155). Каутскій даетъ далѣе нѣсколько поверхностный, но не лишенный интереса анализъ этого вопроса. Необходимою частью современнаго капиталистическаго предпріятія, говоритъ онъ, являются рабочіе. Въ нихъ нѣтъ недостатка для индустріи. Къ услугамъ послѣдней всегда имѣются достаточныя количества потерявшихъ всякую собственность пролетаріевъ. Наоборотъ, въ сельскомъ хозяйствѣ не существуетъ предпріятія, не соединеннаго съ домашнимъ хозяйствомъ. Здѣсь, поэтому, вмѣсто пролетаріевъ, потерявшихъ связь съ землю, вырабатывается особый типъ полу-крестьянъ, полу-рабочихъ; отсюда (и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ) возникаетъ недостатокъ въ рабочей силѣ для крупныхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій. Въ дальнѣйшемъ Каутскій, отступая въ сторону отъ анализа этого интереснаго вопроса, развиваетъ положеніе о существованіи нѣкоторой гармоніи между крупнымъ и мелкимъ сельскимъ производствомъ. Съ одной стороны, крупное производство создаетъ иногда рядъ мелкихъ арендаторовъ. Съ другой стороны лишь при наличности мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ крупное производство находитъ нужныя ему рабочія силы. Такимъ образомъ, крупное производство самимъ фактомъ своего существованія вызываетъ и поддерживаетъ мелкое. Въ свою очередь мелкое, въ качествѣ источника наемной рабочей силы для крупнаго производства, способствуетъ процвѣтанію послѣдняго. Въ виду этого крупное и мелкое сельское хозяйство, обусловливая другъ друга, могутъ существовать рядомъ. Невозможно, слѣдовательно, ожидать полнаго исчезновенія мелкаго сельскаго хозяйства. Оно существуетъ рядомъ съ крупнымъ, но не потому, что оно успѣшно конкуррируетъ съ послѣднимъ въ продажѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, а потому, что оно перестаетъ быть конкуррентомъ, превращаясь изъ продавца продуктовъ земли въ покупщика ихъ и въ продавца особаго товара—своей рабочей силы (155—163).

Въ этомъ Каутскій видитъ новое доказательство выставленнаго имъ положенія — о техническомъ преимуществѣ крупнаго сельскаго производства надъ мелкимъ. Однако въ правильности такого заключенія позволительно усомниться. Лишь игнорируя фактъ сельско-хозяйственнаго кризиса съ вытекающею отсюда сравнительною устойчивостью мелкаго хозяйства, Каутскій могъ придти къ своей мысли о невозможности для мелкаго хозяйства

поставлена на мѣсто требуемой защищаемою имъ „догмой“ концентраціи самого процесса производства лишь по недоразумѣнію. Въ отдѣльныхъ имѣніяхъ и еще болѣе—въ отдѣльныхъ арендныхъ участкахъ нельзя все-таки не видѣть ряда отдѣльныхъ болѣе или менѣе *мелкихъ хозяйствъ* со всѣми вытекающими отсюда общественными отношеніями.

успѣшной конкурренціи съ крупнымъ. Но дѣло, конечно, не въ этой частности. Изъ приведеннаго видно, что все содержаніе этой главы книги Каутскаго идетъ въ явный разрѣзъ съ содержаніемъ предыдущей главы и особенно съ выводомъ, въ ней установленнымъ. Замѣчанія Каутскаго по вопросу о „границахъ" капиталистическаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ даютъ довольно яркое представленіе о томъ, какъ затруднителенъ капитализмъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Иными словами, кромѣ тѣхъ технико-экономическихъ *преимуществъ* крупнаго сельскаго хозяйства, которыя были указаны Каутскимъ въ главѣ VI-ой, имъ же самимъ указаны въ слѣдующей главѣ весьма важные *недостатки*, невыгоды этой формы хозяйства. Но въ такомъ случаѣ Каутскій не имѣлъ права устанавливать впредь до анализа этихъ недостатковъ свой выводъ о „превосходствѣ" крупнаго сельскаго хозяйства. Выходитъ такъ, что сначала безповоротно рѣшается вопросъ о „превосходствѣ" крупнаго сельскаго хозяйства, а затѣмъ слѣдуютъ указанія на „границы" для этого хозяйства,—указанія, не принятыя, однако, во вниманіе при рѣшеніи основнаго вопроса о „превосходствѣ" *).

Помимо соображеній теоретическихъ, Каутскій выдвигаетъ въ защиту своего пониманія аграрнаго вопроса также и рядъ фактическихъ данныхъ.

Противники „догмы", говоритъ Каутскій, весьма часто ссылаются на „факты", на статистическія данныя, характеризующія аграрныя отношенія послѣдняго времени. Каутскій и даетъ нѣкоторое изложеніе этихъ „фактовъ". Однако, статистическая экскурсія, предпринятая Каутскимъ, носитъ довольно неудачный характеръ.

---

*) Нельзя не отмѣтить также и крайне тенденціозна ю отношенія Каутскаго къ источникамъ, которыми онъ пользуется. Желая доказать— въ этой же главѣ—что мелкое производство можетъ противопоставить перечисленнымъ преимуществамъ крупнаго только чрезмѣрное напряженіе силъ крестьянина и его семьи, да полуголодное существованіе, Каутскій въ подтвержденіе этого положенія выбираетъ *единичные факты*, говорящіе въ его пользу, и проходитъ мимо противоположныхъ. Въ особенности характерно въ этомъ случаѣ его отношеніе къ цитируемому имъ изданію общества соціальной политики „Положеніе крестьянъ въ Германіи" (Bauerliche Zustände in Deutschland, Schr. d. V. für. die. Soz. Pol., XXII—XXIV). Каутскій беретъ изъ него два указанія—одно о жалкомъ положеніи мелкихъ крестьянъ въ одномъ изъ округовъ Трира, и другое—относящееся къ низкому уровню крестьянской техники, и совершенно пропускаетъ цѣлый рядъ другихъ свидѣтельствъ того же источника,— грѣшащихъ скорѣе преувеличеніемъ въ благопріятную, нежели въ неблагопріятную сторону въ описаніи положенія крестьянъ въ разныхъ мѣстностяхъ и ихъ хозяйствъ. Каутскій не опровергаетъ и не разбираетъ этихъ свидѣтельствъ, а прямо ихъ игнорируетъ. Подобныхъ примѣровъ изъ его книги можно бы привести и еще не мало.

Авторъ, не давая представленія о всемъ разнообразіи аграрныхъ отношеній, обнаруживащемся въ главнѣйшихъ культурныхъ странахъ, указываетъ лишь на то, что за послѣдніе годы въ *Германіи* наиболѣе увеличились (по пространству занимаемой площади) среднія владѣнія, во Франціи—парцелярныя и крупныя хозяйства, въ Англіи — также среднія. Затѣмъ онъ нѣсколько подробнѣе останавливается на Америкѣ, желая сдѣлать нѣкоторыя поправки къ обычному представленію объ эволюціи ея аграрныхъ формъ. Онъ указываетъ, на то, что средній размѣръ фермъ въ Америкѣ съ 1850-го года, дѣйствительно, нѣсколько понизился. Но съ 1890-го года этотъ средній размѣръ фермъ снова увеличился; это указываетъ, по мнѣнію Каутскаго, на то, что пониженіе среднихъ размѣровъ хозяйства носило лишь временный характеръ, и его можно объяснить раздробленіемъ крупныхъ плантацій юга. Переходя затѣмъ къ наиболѣе важному вопросу о движеніи количества владѣній въ Америкѣ, Каутскій, за несравнимостью по этому пункту старыхъ американскихъ данныхъ съ новыми, конечно, лишенъ возможности сдѣлать какія нибудь опредѣленныя заключенія; взамѣнъ этого онъ ограничивается предположеніями, вся произвольность которыхъ уже доказана Гертцомъ въ его книгѣ по аграрному вопросу (о ней мнѣ еще придется говорить *). Вотъ и всѣ „статистическія данныя“, которыя счелъ нужнымъ привести Каутскій. Естественно, что въ такомъ элементарномъ видѣ эти цифры представляются ему мало внушительными, неспособными измѣнить его твердую вѣру въ приложимость „догмы“ къ развитію сельскохозяйственной жизни. Такое равнодушное отношеніе къ статистическимъ даннымъ врядъ ли можно однако признать основательнымъ. Именно на основаніи статистическихъ цифръ позднѣйшаго времени можно придти къ заключенію о правильности наиболѣе крупныхъ и рѣзкихъ положеній, составляющихъ содержаніе „догмы“, и о непримѣнимости вмѣстѣ съ тѣмъ этой „догмы“ къ аграрнымъ отношеніямъ. Если мы, напримѣръ, возьмемъ въ руки 111-й томъ германской статистики, мы найдемъ тамъ слѣдующій выводъ: „Общимъ моментомъ развитія современныхъ культурныхъ государствъ, — говорится въ текстѣ этого тома, — является то, что общественный классъ самостоятельныхъ лицъ, если не абсолютно, то относительно, становится болѣе слабымъ, а классъ зависимыхъ дѣлается, наоборотъ, болѣе сильнымъ — явленіе, которое находится во внутренней зависимости отъ повысившагося участія населенія въ производствѣ (Erwerb), отъ роста крупной промышленности, отъ успѣховъ техники и отъ возрастающаго раз-

*) *Friedrich Otto Hertz.* Die agrarischen Fragen im Verhältniss zum S. Mit einer Vorrede von Ed. Bernstein, Wien 1899, S. 31 ff.

дѣленія труда“ *). Итакъ, прогрессивное раздѣленіе труда, успѣхи техники, ростъ крупной промышленности, а въ результатѣ всего этого окончательное уменьшеніе самостоятельныхъ производителей съ одной стороны, и относительный ростъ зависимымъ лицъ, лицъ живущихъ заработной платой, съ другой стороны—это ли не „марксистское“ пониманіе экономической эволюціи? И все это констатируютъ авторы въ высшей степени цѣнной оффиціальной статистической работы въ заключеніи главы, содержащей сопоставленіе анализа основныхъ хозяйственныхъ измѣненій Германіи за 1882—95 гг., съ краткою, но мастерскою картиною соотвѣтствующихъ явленій въ другихъ культурныхъ странахъ: Австріи, Венгріи, Швейцаріи, Франціи, Бельгіи, Нидерландахъ, Даніи, Швеціи, Норвегіи, Великобританіи съ Ирландіей, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Разумѣется, не во всякой отдѣльной странѣ всѣ эти явленія обнаруживаются съ равною силой; разумѣется, въ частныхъ проявленіяхъ, да и въ общемъ ходѣ всего процесса можно замѣтить нѣкоторыя формы и изгибы, складывающіеся не такъ, какъ думали объ этомъ сторонники новой теоріи экономической эволюціи. Но *въ общемъ и цѣломъ, тенденція* хозяйственнаго развитія совершается, какъ можно видѣть и изъ приведенныхъ словъ, въ томъ именно направленіи, какое нарисовано былъ творцомъ теоріи капиталистическаго развитія. Это въ настоящее время не можетъ подлежать спору и, дѣйствительно, признается всѣми изслѣдователями хозяйственнаго быта культурныхъ странъ.

Однако, все это можетъ быть отнесено только къ индустріи, и если авторами германской статистики сдѣланы были указанные выводы по отношенію ко *всему хозяйству*, то это произошло *не потому*, что и эволюція сельскаго хозяйства совершается въ томъ же направленіи, а *не смотря на то*, что эволюція сельскаго хозяйства совершается въ иномъ и подчасъ противоположномъ направленіи. Въ этомъ не трудно убѣдиться, просмотрѣвъ какъ отдѣлы только что названнаго тома германской статистики, относящіеся къ сельскому хозяйству, такъ особый, слѣдующій, 112-й томъ той же статистики, посвященный спеціально изслѣдованію сельскаго хозяйства. Въ заключеніе этого изданія, авторы, помѣщая и тутъ для сравненія обзоръ эволюціи сельско-хозяйственныхъ формъ главнѣйшихъ культурныхъ государствъ, должны были отмѣтить для каждой страны въ отдѣльности ростъ то мелкаго, то средняго, то (въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ) крупнаго сельскаго производства; въ концѣ концовъ ими выражается патріотическая радость по поводу того,

*) Statistik des Deutschen Reichs, Neue Folge, B. 111: Die berufliche und soziale Gliederung des Deutschen Volkes nach der Berufszählung vom 14 Iuni 1895, Berlin 1899, S. 279.

что *крестьянство* Германіи въ промежуткѣ времени между 1882 и 1895 годами *окрѣпло* *). А комментаторъ этого статистическаго изданія, проф. Конрадъ, выражая ту же мысль въ нѣсколько иной формѣ, замѣчаетъ, что „условія времени... предоставляютъ крестьянину возрастающее преимущество надъ помѣщикомъ, такъ что послѣдній долженъ теперь все болѣе и болѣе уступать первому... Невозможно скрывать, что крупное землевладѣніе исполнило свою высокую миссію, и впредь за нимъ не можетъ быть признано былое значеніе для нашего культурнаго развитія въ хозяйственномъ и политическомъ отношеніи“ **). Такъ говоритъ подъ впечатлѣніемъ статистическихъ данныхъ о Германіи проф. Конрадъ и такихъ мнѣній, по отношенію не къ одной только Германіи, теперь не мало раздается въ экономической литературѣ.

Правда, весьма часто замѣчаютъ на это, что все это голоса буржуазныхъ экономистовъ, руководствующихся сторонними, ненаучными соображеніями, преслѣдующихъ при этомъ одну цѣль— выразить свою радость по поводу неприложимости ненавистной имъ „схемы“ къ явленіямъ аграрной жизни. Но къ такимъ критическимъ замѣчаніямъ слѣдуетъ относиться также критически. Справедливыя въ однихъ случаяхъ, они неосновательны въ другихъ. Такъ, напримѣръ, только что я привелъ мнѣніе Конрада,— ученаго, относящагося, какъ видно и изъ приведенныхъ словъ, даже съ нѣкоторымъ преувеличеннымъ благоговѣніемъ къ „исторической миссіи“ крупной поземельной собственности, паденіе былого величія которой онъ, однако, не отказывается констатировать. Съ другой стороны, далеко не научные пріемы обнаруживаютъ въ подобныхъ случаяхъ и лица, стоящія на сторонѣ „схемъ“ и „догмы“. Я не могу не привести, напр., слѣдующаго любопытнаго случая. По поводу вышедшихъ въ нынѣшнемъ году публичныхъ лекцій тюбингенскаго профессора Troeltsch'а о новѣйшихъ измѣненіяхъ въ хозяйственной жизни Германіи, въ „Neue Zeit“ появилась замѣтка, подписанная К. К. (аутскимъ?), въ которой отмѣчалось то любопытное явленіе, что этотъ чрезвычайно консервативный ученый съ совершенно марксистской точки зрѣнія изображаетъ процессъ экономической эволюціи вообще и эволюціи германской въ частности. Въ подтвержденіе этого указывалось на то, что Troeltsch говоритъ и о концентраціи капитала въ рукахъ немногихъ магнатовъ, и о все возрастающей зависимости народныхъ массъ отъ капитала, и, особенно, о смер-

*) Statistik des deutschen Reichs, Neue Folge, B. 112: Die Landwirtschaft im Deutschen Reich nach der landwirtschaftlichen Betriebszählung vom 14-ten Iuni 1895. Berlin, 1898. S. 11, 58—70.

**) *I. Conrad.* Die Landwirtschaft im Deutschen Reiche nach der landwirtschaftlichen Betriebszählung vom 14 Iuni 1895, Conrad's Jahrb. f. N. и St., III Folge B. 16, H. 4, S. 499.

тельной борьбѣ, которая ведется во всѣхъ культурныхъ государствахъ между крупнымъ и мелкимъ производствомъ со всѣми шансами побѣды (отчасти уже наступившей) на сторонѣ первой *). Несомнѣнно, все это говорится у Troeltsch'а, какъ говорится объ этомъ и у большинства буржуазныхъ экономистовъ, не имѣющихъ болѣе возможности отрицать правильность общей картины капиталистическаго развитія, нарисованой Марксомъ. Бѣда только въ томъ, что всѣ указанныя явленія Troeltsch относитъ къ *капитализму*, а о смертельной борьбѣ крупнаго и мелкаго производства говорится въ главѣ озаглавленной „*индустрія*“ **). Этой же главѣ предшествуетъ глава, „сельское хозяйство“, и здѣсь уже утверждается нѣчто обратное: „превосходство“ мелкаго земледѣлія и непримѣнимость къ сельскому хозяйству „марксистской“ точки зрѣнія ***). Этого не замѣтилъ авторъ упомянутой замѣтки. Этого не замѣчаетъ и авторъ „Аграрнаго вопроса“, для котораго остался незамѣтнымъ тотъ бросающійся въ глаза фактъ, что различные экономисты самыхъ разнообразныхъ направленій и съ самыми различными общими точками зрѣнія, опираясь именно на статистическія данныя, принуждены давать довольно таки „марксистское“ освѣщеніе новѣйшей экономической эволюціи въ области индустріи, хотя въ то же время считаютъ возможнымъ приходить къ совсѣмъ инымъ, противоположнымъ заключеніямъ по отношенію къ сельскому хозяйству. Должны же въ такомъ случаѣ эти статистическія данныя обладать извѣстной силой!

Каутскій, однако, съ этимъ не согласенъ. Ни въ теоретическихъ соображеніяхъ, ни въ статистическихъ данныхъ онъ не находитъ матеріала для проведенія существеннаго, кореннаго различія между индустріальными явленіями съ одной стороны, аграрными—съ другой.

Отказываясь отъ подробнаго фактическаго анализа современнаго сельскаго хозяйства во всемъ разнообразіи его явленій и всей запутанности отношеній, Каутскій обращается въ послѣдней части своей книги къ доказательству того, что сельское хозяйство самимъ процессомъ своего развитія теряетъ свое значеніе, сводится, такъ сказать, на нѣтъ. Доказательствами этого рода заняты VIII, IX, X и XI главы книги.

При этомъ Каутскій развиваетъ три положенія.

Первое изъ нихъ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ рядѣ отдѣльныхъ параграфовъ, составляющихъ содержаніе VIII и IX главъ, Каутскій рисуетъ яркую картину тѣхъ неудобствъ, которыми

---

*) „Neue Zeit“, Iahrg. XVII, B. II (1898—9), № 49, S. 729.

**) *W. Troeltsch.* Über die neuesten Veränderungen im deutschen Wirtschaftsleben, S. 56.

***) Ibidem, S. 30—5.

страдаетъ современное сельское хозяйство. Въ мелкомъ хозяйствѣ замѣчается раздробленіе крестьянскихъ земель и все возрастающая необходимость для крестьянъ прибѣгать къ побочнымъ занятіямъ. Въ свою очередь крупное сельское хозяйство страдаетъ отъ не менѣе серьезныхъ причинъ. На пути къ процвѣтанію этого хозяйства стоитъ, прежде всего, вліяніе *ренты*. Необходимость уплачивать цѣну земли, которая есть не что иное, какъ капитализированная земельная рента, является лишнимъ, такъ сказать, налогомъ на сельскаго хозяина, вычетомъ изъ суммы, которая могла бы быть употреблена на непосредственную обработку земли *). Въ томъ же неблагопріятномъ направленіи дѣйствуютъ и право наслѣдства, и нѣкоторыя формы залога, и фидеикоммиссы и проч. Всѣмъ этимъ подготовляется, по мнѣнію Каутскаго, почва для „эксплоатаціи деревни городомъ" (208). Взамѣнъ тайнаго ростовщичества, свившаго себѣ гнѣздо въ деревнѣ, устраиваются правильно организованныя кредитныя учрежденія, дѣйствующія въ городахъ, куда и уплываютъ деревенскія деньги. Значительная часть ренты опять таки тратится въ городѣ, привлекающемъ землевладѣльцевъ своею культурною жизнью. Абсентеизмъ помѣщиковъ, проводящихъ большую часть времени внѣ своихъ имѣній, извѣстенъ. Денежные налоги, столь обременяющіе крестьянъ, большею частью также расходуются въ городѣ. Кромѣ всего этого можно считать установленнымъ фактъ растущаго истощенія почвы подъ вліяніемъ эпизоотій, болѣзней растеній, вродѣ филоксеры и т. п. Подъ вліяніемъ всего этого наступаетъ постепенное „*обезлюденіе деревни*". Городъ отнимаетъ у деревни не только ея цѣнности, но и ея рабочія силы. Происходитъ положительное бѣгство сельскаго населенія изъ деревни въ городъ, чему способствуетъ быстрое развитіе путей сообщенія. Это стремленіе въ городъ охватываетъ сначала неимѣющихъ собственности рабочихъ, преимущественно неженатую молодежь, но мало по малу распространяется на всю крестьянскую среду. Каутскій приводитъ нѣсколько данныхъ, относящихся къ Германіи, Франціи и Англіи, въ доказательство силы этого движенія, причемъ оказывается, что въ города стремятся наиболѣе здоровые элементы, оставляя деревнѣ относительно больше стариковъ и малолѣтнихъ и наименѣе культурные элементы. Интеллектуальная пропасть между деревней и городомъ растетъ. Къ этому опустѣнію деревни и умственному ея отупѣнію нерѣдко присоединяется еще физическое вырожденіе. Каутскій упоминаетъ о нѣкоторыхъ отзывахъ, согласно которымъ индустріальное населеніе оказывается въ общемъ сравнительно болѣе годнымъ къ военной службѣ, но съ разумной осторож-

*) Въ первой статьѣ мы видѣли, что эта мысль проводится и Марксомъ въ III т. „Капитала".

ностью онъ отказывается отъ полнаго довѣрія къ этимъ не провѣреннымъ утвержденіямъ.

Такова картина, рисуемая Каутскимъ. Выводъ отсюда понятенъ: сельское хозяйство, по мѣрѣ экономическаго развитія, теряетъ свое значеніе. Въ этомъ и заключается первое изъ трехъ положеній, развиваемыхъ Каутскимъ. Можно ли съ этимъ положеніемъ согласиться? Я думаю, что нѣтъ. Правда, въ общемъ Каутскій аргументируетъ здѣсь удачнѣе, нежели въ предыдущей части своей книги. Здѣсь мѣтко указаны недостатки, отъ которыхъ страдаетъ современное сельское хозяйство, безъ различія его формы, слѣдовательно—и крупное, и мелкое. Здѣсь нѣтъ тѣхъ внутреннихъ противорѣчій, которыми страдаетъ первая часть. Явленія, здѣсь рисуемыя, отмѣчены и другими, вполнѣ объективными изслѣдователями. Такъ, авторы упомянутой уже мною германской статистики говорятъ, на основаніи статистическаго матеріала не одной Германіи, а всѣхъ главнѣйшихъ культурныхъ странъ, включая и Америку, о свойственномъ всѣмъ этимъ странамъ „процессѣ индустріализаціи“: „общимъ для отдѣльныхъ культурныхъ странъ является тотъ родъ и способъ (Art und Weise), которымъ развивается расчлененіе профессій (Berufsgliederung). Движеніе совершается въ ущербъ сельскому хозяйству, въ пользу промышленности и торговли и это имѣетъ мѣсто также въ государствахъ съ явно выраженнымъ аграрнымъ характеромъ“ *). Это же явленіе констатируетъ, на основаніи также статистическихъ данныхъ, и американскій изслѣдователь Джемсъ **). А нѣмецкій авторъ Rauchberg придаетъ этому „процессу индустріализаціи“ чрезвычайно важное значеніе. „Мы встрѣчаемся здѣсь“,—говоритъ онъ по этому поводу,—„въ мірѣ соціальныхъ образованій (Gebilde) съ явленіемъ, обладающимъ очевиднымъ сходствомъ съ закономъ тяготѣнія въ механикѣ. Центръ тяжести населенія передвигается все болѣе и болѣе по направленію къ городу“ ***). Тѣмъ не менѣе, необходимо помнить, что если и въ мірѣ физическомъ однимъ закономъ тяготѣнія невозможно объяснить всѣхъ конкретныя явленія движенія, принимающія ту или иную форму, то или иное направленіе подъ дѣйствіемъ многихъ другихъ причинъ, то еще съ большею силою это можетъ быть отнесено къ циклу явленій соціальныхъ. *Тенденція* въ сторону индустріализаціи населенія несомнѣнно замѣчается, но совершается ли она въ современ-

---

*) Die berufliche und soziale Gliederung des deutschen Reiches, S. 279.

**) *Edmund Y. James*. The growth of great Cities in Area and Population. A study in municipal statistics. Philadelphia, p. 1—12 и далѣе.

***) *H. Rauchberg*. Die Berufs-und Gewerbezählung im Deutschen Reich vom 14 iuni 1895. Braun's Archiw f. soc. Gesetzgeb. und St. B. XIV (1899) H. 3—4. S. 264.

ныхъ капиталистическихъ странахъ съ тою же быстротою и силою, какія характеризовали это явленіе въ странѣ, послужившей матеріаломъ для построенія „догмы“ въ Англіи, гдѣ по классическому изображенію Маркса въ 1-мъ томѣ „Капитала“ и по отзывамъ новѣйшихъ изслѣдователей *), замѣчалось въ полномъ смыслѣ „бѣгство изъ деревень“ („Landflucht“)? Чтобы имѣть возможность отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо вникнуть въ характеръ и содержаніе причинъ этого Drang nach der Stadt. Для Англіи такими причинами были, какъ извѣстно, властныя требованія нарождавшагося индустріальнаго капитализма, ощущавшаго нужду въ громадномъ количествѣ „рукъ“ въ виду монополіи своей на всемірномъ рынкѣ и болѣе мануфактурному нежели машинному характеру тогдашней индустріи **). Существуетъ ли и для современнаго капитализма та же камбинація условій? Послушаемъ, что говоритъ Каутскій о современной зависимости капиталистическаго производства отъ внѣшнихъ рынковъ: „Масса капиталистически произведенныхъ продуктовъ растетъ изъ года въ годъ въ капиталистическихъ націяхъ; она растетъ гораздо быстрѣе населенія... Это безпрерывно возрастающее богатство становится источникомъ возрастающихъ затрудненій для капиталистическихъ производителей... Расширеніе рынка за предѣлы своей націи, производство на *міровой рынокъ* и постоянное расширеніе послѣдняго становится условіемъ жизни капиталистической индустріи. Отсюда эти нынѣшнія стремленія и погоня за расширеніемъ рынковъ, за облагодѣтельствованіемъ негровъ посредствомъ сапогъ и шляпъ, китайцевъ посредствомъ броненосцевъ, пушекъ и желѣзныхъ дорогъ,—что образуетъ характерный признакъ нашего времени. Внутренній рынокъ самъ теперь почти всецѣло зависитъ отъ внѣшняго. Послѣдній, главнымъ образомъ, рѣшаетъ, бойко ли идутъ дѣла, много ли въ состояніи потребить пролетаріи и капиталисты, а вмѣстѣ съ ними торговцы, ремесленники, сельскіе хозяева. И, если внѣшній всемірный рынокъ не способенъ будетъ болѣе къ быстрому расширенію, тогда наступитъ конецъ премудрости капитализма“ (233—5). Не трудно сдѣлать необходимые выводы изъ этой теоріи рынковъ. „Конецъ премудрости капитализма“ не можетъ наступить внезапно, безъ предварительной долгой и весьма мучительной агоніи. Для странъ съ сложившимся и достаточно развитымъ капитализмомъ эта агонія будетъ выражаться въ невозможности дальнѣйшаго существованія наличныхъ способовъ производства; но та же агонія будетъ имѣть иной смыслъ для

---

*) *Dr. I. Goldstein.* Berufsliederung und Reichtum. Untersuchungen über den Einfluss der Veränderungen in der Berufsgliederung auf Reichtum und Staatsmacht. Stuttgart 1897, S. 9—43.

**) *Karl Marx.* Das Kapital., B. I, 4-te Auflage, Kap. XXIV, S. 679—729.

странъ или вовсе или не вполнѣ еще капитализировавшихся: для нихъ недостатокъ рынковъ будетъ означать невозможность полнаго развитія капитализма, невозможность, слѣдовательно, оторвать отъ земли и индустріализировать значительныя массы населенія, какъ то имѣло мѣсто въ странахъ съ болѣе старою культурою. Такимъ образомъ, и абсолютные, и относительные размѣры того „бѣгства изъ деревни“, на которомъ настаиваетъ Каутскій, должны оказаться различными для различныхъ странъ, и никоимъ образомъ нельзя игнорировать аграрный вопросъ, успокоившись на мысли о перемѣщеніи центра тяжести общественной жизни изъ деревни въ городъ. Общее рѣшеніе въ подобной формѣ невозможно принять, а необходимо тщательное соображеніе со всѣми конкретными условіями данной страны. Какъ и въ вопросѣ о жизнеспособности мелкаго крестьянскаго хозяйства, Каутскій и здѣсь погрѣшилъ склонностью къ обобщеніямъ, недопустимымъ по существу вопросовъ, подлежавшихъ его обсужденію. Притомъ же не мѣшаетъ принять во вниманіе еще одну подробность, не лишенную значенія. Послѣдняя перепись въ Германіи показала, что обнаруживающійся здѣсь отливъ населенія изъ деревень совершается больше насчетъ сельскихъ рабочихъ, нежели крестьянъ. Въ результатѣ этого отлива за время съ 1882 по 1895 г. уменьшилось количество сельскихъ рабочихъ и другихъ категорій зависимыхъ лицъ, число же самостоятельныхъ хозяевъ возрасло *). Это означаетъ, что данный процессъ связанъ съ такимъ явленіемъ или, по крайней мѣрѣ, не уничтожаетъ того явленія—относительнаго роста крестьянства,—въ которомъ весь смыслъ аграрнаго вопроса въ новой постановкѣ, непризнаваемой Каутскимъ. Если къ этому прибавить фактъ прогрессивнаго машинизированія индустріи, создающій—ceteris paribus—относительно все меньшее требованіе на рабочія руки вообще, и, въ частности, относительно возрастающее требованіе на женскій и дѣтскій трудъ; если принять далѣе во вниманіе обнаруженное тою же германскою статистикою явленіе, сводящееся къ тому, что убыль сельскаго населенія совершилась больше въ пользу торговли, нежели индустріи, а также цѣлый рядъ другихъ обстоятельствъ, обсужденіе которыхъ выходитъ далеко за рамки настоящей статьи— то станетъ до очевидности ясною вся неправильность равнодушнаго отношенія Каутскаго къ сельскому населенію, хотя бы и убывающему. Да, наконецъ, нельзя же забывать, что до сихъ поръ капиталистическимъ странамъ возможно было освобождаться отъ собственнаго сельскаго хозяйства, вознаграждая себя земледѣліемъ странъ не культурныхъ, некапитализировавшихся. Но на путь капитализма,

---

*) Die berufliche und soziale Gliederung des Deutschen Reiches, S. 97, cp. *Von der Golz*, Vorlesungen über Agrarwesen und Agrarpolitik, S. 147.

а, слѣдовательно, и индустріализаціи мало-по-малу выступаютъ и эти земледѣльческія страны, которыя, такимъ образомъ, перестанутъ въ концѣ концовъ играть роль всеобщихъ житницъ для прочаго капиталистическаго міра. И тогда, съ извѣстной точки мірового развитія, сельское хозяйство снова должно будетъ занять подобающее мѣсто, и аграрный вопросъ долженъ будетъ получить новое значеніе.

Отвѣтомъ на это возраженіе служитъ второе положеніе Каутскаго, развитію котораго посвящена X глава книги. Это положеніе касается „соединенія промышленности съ сельскимъ хозяйствомъ". Каутскій начинаетъ свою аргументацію съ замѣчанія, что капиталистическій способъ производства, сыгравшій по отношенію къ сельскому хозяйству прогрессивную роль, нынѣ развиваетъ тенденціи, все болѣе стѣсняющія это хозяйство. Далѣе онъ останавливается на отдѣльныхъ явленіяхъ этого ненормальнаго положенія: конкурренціи внѣ-европейскихъ странъ, сельско-хозяйственномъ кризисѣ и, наконецъ, переходитъ къ разсмотрѣнію средствъ и мѣръ, которыми сельскіе хозяева могутъ достигнуть улучшенія своей участи. Изъ этихъ средствъ Каутскій считаетъ главными и наиболѣе раціональными: „сокращеніе производства хлѣбовъ", переходъ къ производству мяса и другихъ не-хлѣбныхъ продуктовъ, но всего болѣе онъ ожидаетъ отъ „соединенія сельскаго хозяйства' съ индустріей". Это соединеніе уже совершается. Въ имѣніяхъ и деревняхъ вообще возникаютъ промышленныя предпріятія: крахмальные, пивоваренные, сахарные заводы, образуются на товарищескихъ началахъ винокурни, мельницы, пекарни, винные погреба и т. д., и, такимъ образомъ, внѣ городовъ, на лонѣ сельской жизни возникаетъ индустрія и подготовляется „вытѣсненіе сельскаго хозяйства индустріей". Изумленный читатель спроситъ: но куда же дѣнется сельское хозяйство? Какъ обойдется безъ него человѣчество? На это отвѣчаетъ Каутскій: „Индустрія, наконецъ, дойдетъ до того, что она или сама будетъ производить или замѣнитъ какимъ нибудь образомъ продукты, ранѣе производившіеся сельскимъ хозяйствомъ, такъ что продукты послѣдняго сдѣлаются излишними". Онъ говоритъ въ подтвержденіе этого о прогрессѣ мукомольнаго дѣла, объ успѣхахъ въ утилизаціи отбросовъ, о производствѣ искусственнаго масла и искусственнаго сыра, о производствѣ хмѣля, о дрожжевыхъ грибкахъ, изъ которыхъ выдѣлывается вино, о производствѣ изюмнаго вина, о возможномъ производствѣ вина изъ сахарной воды, объ успѣхахъ въ разработкѣ дегтя, объ успѣхахъ элекртотехники, которые должны уменьшить спросъ на лошадей и сократить, соотвѣтственно этому, производство кормовъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Каутскій, впрочемъ, не удаляется особенно въ область предсказаній и мечтаній о будущемъ. „Превращеніе сельско-хозяйственнаго производства въ индустріальное еще находится въ самомъ

началѣ. Смѣлые пророки, именно одаренные фантазіей химики, уже мечтаютъ о томъ времени, когда изъ камней будетъ производиться хлѣбъ, когда вся масса пищевыхъ средствъ будетъ производиться на химическихъ фабрикахъ. Съ такою музыкою будущаго мы, естественно, не можемъ здѣсь считаться" (289). Каутскаго болѣе интересуетъ „музыка настоящаго". „Нельзя еще",— замѣчаетъ онъ,—„говорить о гибели сельскаго хозяйства", но это хозяйство теряетъ свой консервативный характеръ, находится въ состояніи безпрестаннаго движенія (289). Куда приведетъ оно? Каково вѣроятное будущее сельскаго хозяйства? На этотъ вопросъ можно, конечно, отвѣтить только анализомъ настоящихъ судебъ этого хозяйства. Каутскій, однако, оставляетъ этотъ путь и обращается къ своему третьему положенію, содержащемуся въ XI-й главѣ, озаглавленной „Взглядъ на будущее", главнымъ образомъ, въ 1-мъ §-ѣ этой главы, носящемъ подзаголовокъ „Двигательныя силы развитія".

Въ современномъ обществѣ, разсуждаетъ здѣсь Каутскій, мы видимъ постоянную смѣну экономическимъ формъ. „Но гдѣ мы должны искать двигательный моментъ, дѣлающій необходимымъ это измѣненіе въ способахъ производства? Отвѣтъ не можетъ быть труденъ послѣ всего сказаннаго. *Индустрія* образуетъ двигательную силу не только своего собственнаго развитія, но и развитія сельскаго хозяйства", и тотъ путь, которымъ идетъ индустрія, окажется въ общемъ обязательнымъ и для сельскаго хозяйства (292). Въ доказательство этого Каутскій выдвигаетъ совсѣмъ особый аргументъ, который можно считать третьимъ его положеніемъ.

„Человѣческое общество",—говоритъ Каутскій,—„есть организмъ, не животный или растительный, но своеобразный организмъ; однако, все же это организмъ, а не только аггрегатъ индивидуумовъ, и какъ организмъ оно должно быть организовано единообразно. Абсурдъ—думать, будто въ одномъ обществѣ одна часть его можетъ развиваться въ одномъ направленіи, а другая, столь же важная—въ противоположномъ. Общество можетъ развиваться только *въ одномъ* направленіи. Нѣтъ, однако, необходимости въ томъ, чтобы каждая часть организма изъ самой себя создавала двигательную силу, необходимую для ея развитія; достаточно, чтобы одна часть организма производила для всего организма требуемыя силы. И если развитіе крупной индустріи, являющееся господствующею силою въ современномъ обществѣ, совершается въ направленіи къ обобществленію, то она, эта индустрія, захватитъ для обобществленія и приспособитъ къ своимъ потребностямъ и тѣ области, которыя неспособны изъ самихъ себя прозвести условія, необходимыя для этого переворота. Она должна это сдѣлать въ собственныхъ интересахъ единства гармоніи общества" (295).

Итакъ, въ конечномъ счетѣ своего изслѣдованія Каутскій приходитъ къ провозглашенію единства и гармоніи общества, творящихъ все. Откуда намъ извѣстны эти законы соціальной гармоніи? Почему во имя этой невѣдомой гармоніи одна часть общества можетъ навязывать другой несоотвѣтствующія ея текущимъ интересамъ формы? На какомъ основаніи индустрія должна преобразовать сельское хозяйство? Почему, наконецъ, сельское хозяйство не можетъ придти само собою естественнымъ путемъ своего экономическаго и общественнаго развитія къ тому же обобществленію, только достигнувъ его нѣсколько иными средствами, нежели тѣ, какими идетъ къ тому индустрія? Таковъ рядъ вопросовъ, естественно возникающихъ при чтеніи блестящей по изложенію послѣдней главы книги Каутскаго. Эти вопросы пріобрѣтаютъ тѣмъ большую силу и значеніе, что съ ними приходится обращаться къ писателю, принадлежащему къ направленію, по справедливости гордящемуся своимъ реализмомъ. Въ настоящую минуту это трезвое реалистическое теченіе все крѣпнетъ, но конечное рѣшеніе аграрнаго вопроса, предложенное Каутскимъ, способно вызвать только недоумѣніе.

Резюмируя въ двухъ словъ содержаніе всего приведеннаго по поводу книги Каутскаго, я могу сказать слѣдующее.

Каутскому предстояло изслѣдовать тенденціи развитія современнаго сельскаго хозяйства и показать, примѣнимы ли и къ нему законы экономическаго развитія, установленные Марксомъ на основаніи анализа явленій преимущественно въ области индустріи. Съ самаго начала своего изслѣдованія онъ заявилъ, что сельское хозяйство подчиняется своихъ особымъ законамъ, и что ни о какомъ „шаблонѣ“ развитія не должно быть рѣчи. Тѣмъ не менѣе онъ находитъ возможнымъ примѣнить и къ сельскому хозяйству старую „догму“. Это вытекаетъ изъ его пониманія аграрнаго вопроса. „Особые законы“ сельскаго хозяйства сводятся имъ, главнымъ образомъ, къ тому, что здѣсь менѣе возможенъ капитализмъ и болѣе живуче мелкое производство. Тѣмъ не менѣе, Каутскій на основаніи сравнительнаго анализа этихъ двухъ формъ сельскаго хозяйства приходитъ къ заключенію о „техническомъ“ или, вѣрнѣе, технико-экономическомъ превосходствѣ крупной формы, которая, въ концѣ концовъ, очевидно, должна получить господство или, по меньшей мѣрѣ, преобладаніе. Мы видѣли всю необоснованность этого заключенія, носящаго общій характеръ при чрезвычайной сложности даннаго явленія и отрывочно-случайномъ характерѣ доводовъ, легшихъ въ его основаніе. Однако, Каутскій не только такимъ путемъ обосновываетъ свой взглядъ на аграрный вопросъ. Онъ обращается вслѣдъ за тѣмъ къ фактическому анализу. Не придавая большого значенія обнаружившемуся за послѣднее время росту средняго и мелкаго хозяйства, онъ обращаетъ вниманіе на иныя тенденціи современ-

началѣ. Смѣлые пророки, именно одаренные фантазіей химики, уже мечтаютъ о томъ времени, когда изъ камней будетъ производиться хлѣбъ, когда вся масса пищевыхъ средствъ будетъ производиться на химическихъ фабрикахъ. Съ такою музыкою будущаго мы, естественно, не можемъ здѣсь считаться" (289). Каутскаго болѣе интересуетъ „музыка настоящаго". „Нельзя еще",— замѣчаетъ онъ,—„говорить о гибели сельскаго хозяйства", но это хозяйство теряетъ свой консервативный характеръ, находится въ состояніи безпрестаннаго движенія (289). Куда приведетъ оно? Каково вѣроятное будущее сельскаго хозяйства? На этотъ вопросъ можно, конечно, отвѣтить только анализомъ настоящихъ судебъ этого хозяйства. Каутскій, однако, оставляетъ этотъ путь и обращается къ своему третьему положенію, содержащемуся въ XI-й главѣ, озаглавленной „Взглядъ на будущее", главнымъ образомъ, въ 1-мъ §-ѣ этой главы, носящемъ подзаголовокъ „Двигательныя силы развитія".

Въ современномъ обществѣ, разсуждаетъ здѣсь Каутскій, мы видимъ постоянную смѣну экономическимъ формъ. „Но гдѣ мы должны искать двигательный моментъ, дѣлающій необходимымъ это измѣненіе въ способахъ производства? Отвѣтъ не можетъ быть труденъ послѣ всего сказаннаго. *Индустрія* образуетъ двигательную силу не только своего собственнаго развитія, но и развитія сельскаго хозяйства", и тотъ путь, которымъ идетъ индустрія, окажется въ общемъ обязательнымъ и для сельскаго хозяйства (292). Въ доказательство этого Каутскій выдвигаетъ совсѣмъ особый аргументъ, который можно считать третьимъ его положеніемъ.

„Человѣческое общество",—говоритъ Каутскій,—„есть организмъ, не животный или растительный, но своеобразный организмъ; однако, все же это организмъ, а не только аггрегатъ индивидуумовъ, и какъ организмъ оно должно быть организовано единообразно. Абсурдъ—думать, будто въ одномъ обществѣ одна часть его можетъ развиваться въ одномъ направленіи, а другая, столь же важная—въ противоположномъ. Общество можетъ развиваться только *въ одномъ* направленіи. Нѣтъ, однако, необходимости въ томъ, чтобы каждая часть организма изъ самой себя создавала двигательную силу, необходимую для ея развитія; достаточно, чтобы одна часть организма производила для всего организма требуемыя силы. И если развитіе крупной индустріи, являющееся господствующею силою въ современномъ обществѣ, совершается въ направленіи къ обобществленію, то она, эта индустрія, захватитъ для обобществленія и приспособитъ къ своимъ потребностямъ и тѣ области, которыя неспособны изъ самихъ себя провести условія, необходимыя для этого переворота. Она должна это сдѣлать въ собственныхъ интересахъ единства гармоніи общества" (295).

Итакъ, въ конечномъ счетѣ своего изслѣдованія Каутскій приходитъ къ провозглашенію единства и гармоніи общества, творящихъ все. Откуда намъ извѣстны эти законы соціальной гармоніи? Почему во имя этой невѣдомой гармоніи одна часть общества можетъ навязывать другой несоотвѣтствующія ея текущимъ интересамъ формы? На какомъ основаніи индустрія должна преобразовать сельское хозяйство? Почему, наконецъ, сельское хозяйство не можетъ придти само собою естественнымъ путемъ своего экономическаго и общественнаго развитія къ тому же обобществленію, только достигнувъ его нѣсколько иными средствами, нежели тѣ, какими идетъ къ тому индустрія? Таковъ рядъ вопросовъ, естественно возникающихъ при чтеніи блестящей по изложенію послѣдней главы книги Каутскаго. Эти вопросы пріобрѣтаютъ тѣмъ большую силу и значеніе, что съ ними приходится обращаться къ писателю, принадлежащему къ направленію, по справедливости гордящемуся своимъ реализмомъ. Въ настоящую минуту это трезвое реалистическое теченіе все крѣпнетъ, но конечное рѣшеніе аграрнаго вопроса, предложенное Каутскимъ, способно вызвать только недоумѣніе.

Резюмируя въ двухъ словъ содержаніе всего приведеннаго по поводу книги Каутскаго, я могу сказать слѣдующее.

Каутскому предстояло изслѣдовать тенденціи развитія современнаго сельскаго хозяйства и показать, примѣнимы ли и къ нему законы экономическаго развитія, установленные Марксомъ на основаніи анализа явленій преимущественно въ области индустріи. Съ самаго начала своего изслѣдованія онъ заявилъ, что сельское хозяйство подчиняется своихъ особымъ законамъ, и что ни о какомъ „шаблонѣ“ развитія не должно быть рѣчи. Тѣмъ не менѣе онъ находитъ возможнымъ примѣнить и къ сельскому хозяйству старую „догму“. Это вытекаетъ изъ его пониманія аграрнаго вопроса. „Особые законы“ сельскаго хозяйства сводятся имъ, главнымъ образомъ, къ тому, что здѣсь менѣе возможенъ капитализмъ и болѣе живуче мелкое производство. Тѣмъ не менѣе, Каутскій на основаніи сравнительнаго анализа этихъ двухъ формъ сельскаго хозяйства приходитъ къ заключенію о „техническомъ“ или, вѣрнѣе, технико-экономическомъ превосходствѣ крупной формы, которая, въ концѣ концовъ, очевидно, должна получить господство или, по меньшей мѣрѣ, преобладаніе. Мы видѣли всю необоснованность этого заключенія, носящаго общій характеръ при чрезвычайной сложности даннаго явленія и отрывочно-случайномъ характерѣ доводовъ, легшихъ въ его основаніе. Однако, Каутскій не только такимъ путемъ обосновываетъ свой взглядъ на аграрный вопросъ. Онъ обращается вслѣдъ за тѣмъ къ фактическому анализу. Не придавая большого значенія обнаружившемуся за послѣднее время росту средняго и мелкаго хозяйства, онъ обращаетъ вниманіе на иныя тенденціи современ-

наго сельскаго хозяйства. Одно за другимъ онъ выдвигаетъ три положенія, изъ которыхъ первыя два говорятъ о перемѣщеніи центра тяжести общественной жизни изъ деревень въ города и объ индустріализаціи самой сельской жизни, а послѣднее—бросаетъ „взглядъ на будущее“—взглядъ, возлагающій всѣ надежды на индустрію, въ виду ея преимущественной роли до сихъ поръ въ историческомъ процессѣ и въ виду невозможности, благодаря гармоніи и единству общественной жизни, двумъ частямъ послѣдней развиваться въ противоположныхъ направленіяхъ. И здѣсь мы видѣли, что если первыя два положенія грѣшатъ слишкомъ общимъ характеромъ, неприложимымъ къ современнымъ условіямъ и притомъ ко всѣмъ странамъ въ равной степени, то послѣднее представляетъ собою чистую утопію, служа лишь примѣромъ злоупотребленія теоріей, пренебреженія реальными фактами въ угоду недоказанной идеи о единствѣ и гармоніи соціальнаго міра.

Не смотря однако на всѣ эти крупные недостатки построеній Каутскаго, нельзя не считать его книгу весьма важнымъ произведеніемъ, мимо котораго отнынѣ не можетъ пройти ни одинъ изслѣдователь аграрнаго вопроса. Каутскій далъ замѣчательную попытку, исходя изъ основныхъ положеній Маркса, дорисовать его картину капиталистическаго развитія, распространивъ ее на незатронутую Марксомъ область аграрныхъ отношеній. Результаты, къ которымъ онъ пришелъ, въ общемъ (за исключеніемъ, пожалуй, ссылки на единство общественнаго движенія) подходятъ къ содержанію „догмы“, какъ это не безъ нѣкоторой гордости подчеркиваетъ самъ Каутскій. Подобно Марксу, Каутскій видитъ „двигательную силу развитія“ въ индустріи; подобно Марксу, онъ мрачно смотритъ на мелкое сельское хозяйство, хотя и не считаетъ его преходящимъ; подобно Марксу, онъ признаетъ затрудненія капиталистическаго сельскаго хозяйства, но въ конечномъ итогѣ у него, какъ и у Маркса, это капиталистическое сельское хозяйство „подаетъ руку“ капиталистической индустріи для пересозданія экономическихъ и общественныхъ формъ. Книга Каутскаго, такимъ образомъ, представляетъ собою дополненіе „Капитала“, написанное съ сознательною вѣрою въ истинность стараго произведенія. Но есть одна черта, отличающая Каутскаго отъ Маркса. Марксъ построилъ свое научное зданіе чрезвычайно давно, когда дѣйствительность не давала поводовъ къ сомнѣнію въ правильности его теоріи, къ требованіямъ поправокъ, относящихся къ сельскому хозяйству. Каутскій издалъ свою книгу годъ тому назадъ, когда капризная дѣйствительность раскрыла всю свою запутанность, сложность, отсутствіе прямолинейности. Каутскій рѣшилъ пожертвовать фактами ради догмы, а не наоборотъ.

Въ этомъ его основная и, думается мнѣ, роковая ошибка.

VI.

Роковой характеръ этой ошибки Каутскаго обнаруживается съ каждымъ днемъ. Книга его—до извѣстной степени оффиціальный трудъ, написанный почти по порученію цѣлой группы. Какъ-же отнеслись другіе члены этой группы къ попыткѣ своего теоретика? Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ теперь еще трудно дать опредѣленный и полный отвѣтъ. Появившіеся вслѣдъ за изданіемъ книги Каутскаго „нападки на основныя воззрѣнія“ отвлекли вниманіе отъ болѣе частнаго аграрнаго вопроса, и только теперь, въ ту минуту, когда я пишу эти строки, этотъ вопросъ—именно по поводу разобранной книги—дѣлается снова центромъ обсужденія и полемики. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что безусловно похвальныхъ отзывовъ о книгѣ Каутскаго до сихъ поръ не было, а отрицательно о немъ отозвались многіе его единомышленники. Но что особенно важно,—вслѣдъ за этой книгой появились другіе труды, посвященные вполнѣ или отчасти аграрному вопросу, и тутъ мы видимъ поворотъ совсѣмъ въ другую сторону, противъ „догмы“. Растянувшіеся размѣры моей статьи позволяютъ мнѣ лишь въ нѣсколькихъ чертахъ нарисовать это дальнѣйшее движеніе мысли въ области аграрнаго вопроса. Я долженъ это сдѣлать, чтобы этимъ обосновать свои собственныя заключенія.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія книги Каутскаго, вышла въ свѣтъ и книга Бернштейна *), вызвавшая такую бурю въ европейской литературѣ. Бернштейнъ поставилъ ребромъ вопросъ о правильности всей системы Маркса, о степени научной ея обоснованности и соотвѣтствія какъ современнымъ условіямъ дѣйствительной жизни, такъ и современному состоянію научной и философской мысли. Между прочимъ, имъ были выдвинуты и соображенія по аграрному вопросу, разсыпанныя по всей книгѣ. Въ первый разъ мы встрѣчаемся съ ними въ 3-ей главѣ, озаглавленной „Хозяйственное развитіе современнаго общества“. Бернштейнъ подвергаетъ здѣсь критической и притомъ фактической провѣркѣ всю научно-художественную картину процесса капиталистическаго развитія, нарисованную Марксомъ. Вѣрна-ли эта картина по отношенію къ настоящему времени? спрашиваетъ Бернштейнъ. „И да, и нѣтъ!“ Она вѣрна прежде всего, если понимать ее въ смыслѣ тенденціи. Изображенныя Марксомъ силы существуютъ и дѣйствуютъ въ указанномъ направленіи. И тѣмъ не менѣе, картина эта не вѣрна по отношенію къ современной дѣйствительности, не потому, чтобы она

*) *Ed. Bernstein.* Voraussetzungen und Aufgaben, Stuttgart, 1899.

была фальшива, а потому, что она недостаточна. Факторы, силы и явленія, которыхъ Марксъ или вовсе не замѣтилъ, или которымъ онъ не придалъ особаго значенія, развили теперь свою силу и накладываютъ рѣзкую печать на современную дѣйствительность (47). Въ дальнѣйшемъ Бернштейнъ иллюстрируетъ свою мысль ссылками на факты. При помощи этихъ фактовъ, онъ старается внести поправки въ теорію концентраціи производства и распредѣленія. Господство крупной формы производства, говоритъ онъ, далеко не является такимъ безспорнымъ и абсолютнымъ, какъ это принято думать по старой картинѣ, нарисованной въ „Капиталѣ". Даже въ такой ультра-капиталистической странѣ, какъ Англія, и до сихъ поръ еще мелкое производство занимаетъ въ общей сложности большее количество рукъ, нежели ихъ занято въ индустріи. Нужно-ли говорить о томъ, что то же явленіе съ несравненно большею силою проявляется въ странахъ менѣе капитализировавшихся. Крупное производство, прибавляетъ Бернштейнъ, несомнѣнно растетъ, но оно растетъ не столько *на счетъ* мелкаго и средняго производствъ, сколько *рядомъ* съ ростомъ этихъ послѣднихъ. Изображенный процессъ имѣетъ мѣсто и въ области промышленности и въ области торговли. Но особенно рельефнымъ онъ оказывается, по мнѣнію Бернштейна, въ *земледѣліи*. Здѣсь мы уже находимъ „движеніе, повидимому противорѣчащее всему, что до сихъ поръ предполагала марксистская теорія. Индустрія и торговля обнаружили лишь болѣе медленное, чѣмъ до сихъ поръ предполагали, движеніе въ сторону крупнаго производства, сельское же хозяйство обнаруживаетъ или *неподвижное состояніе* или движеніе, прямо *обратное концентраціи* производства (Rückgang des Grössenumfangs der Betriebe)" (61). Авторъ приводитъ въ доказательство этого статистическія данныя по Германіи, Бельгіи и Англіи. Съ особенною силою онъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что даже „въ Англіи, этой классической странѣ крупной земельной собственности и капиталистическаго сельскаго хозяйства... произошло уменьшеніе крупнаго и увеличеніе мелкаго и средняго производства" (64). Впослѣдствіи Бернштейнъ не разъ возвращается къ аграрному вопросу. „Поспѣшно было-бы, по примѣру нѣкоторыхъ писателей, утверждать",— говоритъ онъ, „что по отношенію къ преимуществамъ крупнаго и мелкаго производствъ къ сельскому хозяйству примѣнимъ діаметрально противоположный законъ, нежели въ индустріи. Но безъ преувеличенія можно сказать, что различіе необыкновенно велико, и что тѣ преимущества, которыми обладаетъ въ сравненіи съ мелкимъ богатое капиталомъ, благоустроенное крупное производство не настолько значительны, чтобы мелкое производство не въ состояніи было ихъ достигнуть въ значительной степени при помощи организаціи товариществъ. Пользованіе

механическими силами, нахожденіе кредита, лучшее обезпеченіе сбыта—все это товарищество можетъ сдѣлать доступнымъ крестьянину, въ то время какъ природа его хозяйства позволитъ ему легче, нежели то возможно для крупнаго сельскаго хозяйства, побороть случайныя неудачи. Ибо большая часть крестьянъ все еще не являются исключительными товаропроизводителями, но производятъ сами значительную часть необходимѣйшихъ средствъ существованія" (110). Въ книгѣ имѣются еще замѣчанія по аграрному вопросу (152—167), но они не представляютъ теоретическаго интереса. Приведенныя слова достаточно характеризуютъ отношеніе Бернштейна къ аграрному вопросу. Онъ отмѣтилъ факты, противорѣчащіе „догмѣ", но не рѣшается на основаніи ихъ придти къ опредѣленной постановкѣ вопроса. Онъ даже не дѣлаетъ опредѣленнаго вывода по вопросу о преимуществахъ и мелкаго, и крупнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ. Все, что онъ считаетъ возможнымъ установить, сводится къ утвержденію, что 1) въ сельскомъ хозяйствѣ положеніе, мелкаго производства благопріятнѣе, нежели въ индустріи, и что 2) значительную часть своихъ недостатковъ мелкое сельское хозяйство можетъ преодолѣть путемъ организаціи *товариществъ*. Нельзя, поэтому не замѣтить, что всѣ указанія Бернштейна носятъ преимущественно фактическій характеръ, но оторваны отъ теоретической почвы. Знаменательнымъ, однако, является то, что, въ полную противоположность Каутскому, Бернштейнъ ставитъ аграрный вопросъ въ видѣ одного изъ возраженій противъ сложившейся системы Маркса. Онъ смотритъ прямо въ лицо обнаружившимся новымъ фактамъ и не прочь отказаться отъ „догмы", если только дальнѣйшее изученіе фактовъ того потребуетъ.

Дальше Бернштейна пошелъ авторъ новѣйшей книги, посвященной спеціально аграрному вопросу,—австрійскій изслѣдователь Маркса—Гертцъ *). Въ противоположность Бернштейну, онъ въ основу своего изслѣдованія положилъ статистическія данныя, трактуемыя, однако, все время съ точки зрѣнія опредѣленной теоріи. Онъ дѣлаетъ это вполнѣ сознательно. „Физіологія крестьянскаго хозяйства,—говоритъ онъ,—нуждается не только въ описательныхъ, но и въ теоретическихъ экономическихъ изслѣдователяхъ" (6). Все изложеніе ведется на почвѣ полемики съ Каутскимъ, научные пріемы котораго Гертцъ цѣнитъ невысоко. Онъ говоритъ о частомъ замалчиваніи Каутскимъ неугодныхъ ему фактовъ (71), называетъ его методъ изслѣдованія „фельетоннымъ" (61) и „тенденціознымъ въ высшей степени" (71). Но у Гертца имѣются точки отличія отъ Каутскаго не только внѣшняго харак-

---

*) *Friedrich Otto Hertz.* Die agrarischen Fragen. Mit einer Vorrede von. Ed. Bernstein. Wien 1899.

тера. Такъ же, какъ и Бернштейнъ, Гертцъ, въ прямую противоположность Каутскому, полагаетъ, что разрѣшеніе аграрнаго вопроса должно привести къ внесенію серьезныхъ поправокъ въ систему Маркса. По его мнѣнію, „простая общая формула, выведенная дедуктивнымъ геніемъ Маркса изъ одной, принятой имъ за типическую, формы капитализма (англійскаго), не можетъ быть непосредственно (ohne weiteres) примѣнена къ измѣнившимся отношеніямъ и къ другимъ народнымъ хозяйствамъ, которыхъ—именно съ точки зрѣнія- историческаго матеріализма—не могъ предвидѣть и величайшій геній“ (98). Независимо отъ этого различнаго отношенія къ старой системѣ, Гертца отличаетъ отъ Каутскаго и методъ, положенный имъ въ основу изслѣдованія по аграрному вопросу. Въ этомъ пунктѣ Гертцъ попадаетъ въ самое слабое мѣсто своего предшественника. „Для Каутскаго“, говоритъ онъ,—„аграрный вопросъ вездѣ и всегда одинъ и тотъ же, вездѣ крупное производство обладаетъ преимуществомъ, вездѣ крестьянинъ бѣднѣетъ и т. д. и т. д. Во Франціи и Россіи, въ Бельгіи, Китаѣ и Америкѣ, въ Камерунѣ и на сѣверномъ полюсѣ—вездѣ аграрный вопросъ является однимъ и тѣмъ же, вездѣ можетъ помочь только одно средство—немедленное обобществленіе земли, организація централизованнаго хозяйства въ формѣ крупныхъ производствъ, при случаѣ съ электричествомъ и паровымъ отопленіемъ земли; въ лучшемъ случаѣ Каутскій готовъ оставить въ покоѣ нѣсколькихъ воздѣлывающихъ овощи мелкихъ крестьянишекъ. Охотнѣе всего онъ желалъ бы гладко обрить всю землю и устроить одно сельско-хозяйственное производство, пожалуй, съ центральнымъ управленіемъ въ Фриденау въ Берлинѣ *)“ (92). Такому, неправильному на его взглядъ, „генерализирующему“ методу, Гертцъ противопоставляетъ методъ разрѣшенія отдѣльныхъ „аграрныхъ вопросовъ“ **) примѣнительно къ конкретнымъ условіямъ отдѣльныхъ странъ. Съ этою цѣлью онъ даетъ довольно детальное фактическое изображеніе современнаго состоянія сельскаго хозяйства въ Россіи, въ пріальпійскихъ мѣстностяхъ, въ Америкѣ, Франціи (12—60). На общей канвѣ этого фактическаго анализа развита, мимоходомъ, цѣлая сѣть мѣткихъ и обоснованныхъ возраженій противъ Каутскаго, изъ которыхъ я упомяну о сильной по своему фактическому характеру критикѣ того положенія, будто крестьянство можетъ конкуррировать съ крупными сельскими хозяевами лишь съ помощью чрезмѣрной работы и недоѣданія. Тутъ же имѣются и возраженія противъ частныхъ замѣчаній Маркса, помѣщенныхъ преимущественно въ III томѣ „Капитала“. Послѣ этого интереснаго фактическаго анализа,

*) Мѣсто жительства Каутскаго.

**) Гертцъ умышленно съ этой цѣлью назвалъ свою книгу „Die agrarischen Fragen“, а не „Agrarfrage“.

установившаго крайнее разнообразіе, соотвѣтственно конкретнымъ условіямъ, какъ формъ сельскохозяйственнаго производства, такъ и положенія разныхъ группъ сельскохозяйственнаго населенія, Гертцъ переходитъ къ теоріи „аграрныхъ вопросовъ" (60—88).

Гертцъ ставитъ два такихъ вопроса.

Во первыхъ, его интересуетъ: „существуетъ ли (въ сельскомъ хозяйствѣ) форма производства, абсолютно, при всѣхъ условіяхъ обладающая преимуществомъ? Если существуетъ, то какова она?" (60). Гертцъ напоминаетъ, какъ въ старину марксистская литература, не обинуясь, давала на этотъ вопросъ отвѣтъ въ пользу крупнаго производства; какъ впослѣдствіи стали возникать на этотъ счетъ сомнѣнія, какъ Каутскому съ его книгою не удалось разрѣшить эти сомнѣнія и вернуть вѣру въ старую догму. Гертцъ съ фактами въ рукахъ критикуетъ отдѣльныя утвержденія Каутскаго по вопросу о „превосходствѣ" крупнаго хозяйства, доказываетъ, что въ громадномъ числѣ случаевъ крестьянское хозяйство снабжено машинами, вообще поставлено технически очень хорошо, приноситъ сравнительно съ крупнымъ высокій доходъ (61—75); въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, крестьянство работаетъ при самыхъ примитивныхъ условіяхъ техники (76). Часто среди крестьянъ одной и той же мѣстности „обнаруживаются величайшія различія въ техникѣ, образѣ жизни, условіяхъ работы" (78). Вообще „не подлежитъ сомнѣнію, что не всѣ мелкія производства обладаютъ указанною (высокою) продуктивностью, точно такъ же, какъ не всѣ крупныя производства могутъ быть разсматриваемы какъ образецъ" (75). Поэтому Гертцу кажется неправильною обычная постановка вопроса. Слѣдуетъ, по его мнѣнію, ставить вопросъ не о томъ, „какое производство больше *производитъ*", а о томъ „какое производство *можетъ* больше производить при наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ". И на этотъ послѣдній вопросъ, говоритъ онъ, „отвѣтъ ясенъ для всякаго свѣдущаго аграрполитика: *продуктивная способность (Leistungsfähigkeit) различныхъ формъ и способовъ производства совершенно относительна* (курс. автора). При различныхъ естественныхъ, общественныхъ, историческихъ условіяхъ то одно, то другое производство является болѣе приспособленнымъ къ достиженію наивысшей производительности" (76). Такимъ образомъ, уже на первый вопросъ у Гертца получается отвѣтъ, идущій въ разрѣзъ съ обычнымъ рѣшеніемъ вопроса въ старой марксистской литературѣ: въ сельскомъ хозяйствѣ не существуетъ одной, при всѣхъ условіяхъ совершенной формы; наоборотъ, въ зависимости отъ той или иной комбинаціи условій то та, то иная форма получаетъ перевѣсъ. Но отъ этой абстрактной постановки вопроса онъ переходитъ ко второму вопросу: о дѣйствительныхъ тенденціяхъ въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ. „Какія происходятъ измѣненія въ размѣрахъ производствъ? Какова естественная тенденція

сельскохозяйственнаго развитія? Статистика всѣхъ странъ показываетъ намъ, что разнообразнѣйшія движенія перекрещиваются другъ съ другомъ, но что въ общемъ среднее и мелкое производства держатся лучше крупнаго. Никоимъ образомъ послѣднее не обладаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ даже приблизительно такими преимуществами, какъ въ индустріи“ (80). Подобная тенденція сельскохозяйственнаго развитія является „статистически доказаннымъ фактомъ“; но она „можетъ быть доказана и теоретически“ слѣдующимъ образомъ. Въ индустріи исключительнымъ моментомъ, опредѣляющимъ превосходство той или иной формы хозяйства, является *техническое* превосходство, и оно всегда на сторонѣ крупной формы. Другое дѣло въ сельскомъ хозяйствѣ. Здѣсь нужно принимать во вниманіе превосходство: 1) техническое, 2) экономическое, 3) естественное, природное. И вотъ, *техническое* превосходство крупнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ не столь велико, какъ въ индустріи, часто оно вовсе отсутствуетъ; это объясняется особыми условіями примѣненія здѣсь машинъ и т. д. (объ этомъ достаточно говорилось въ главѣ о книгѣ Каутскаго). *Экономическое* превосходство въ сельскомъ хозяйствѣ лежитъ во многихъ случаяхъ на сторонѣ мелкаго производства, т. к. оно обходится безъ ренты и прибыли, располагаетъ болѣе интенсивною рабочею силою, часто производитъ дешевле и т. д. *Естественное* превосходство важно тѣмъ, что результатъ сельскохозяйственнаго производства находится въ гораздо бо́льшей зависимости отъ природныхъ условій, нежели отъ формы производства (80—1). Комбинація всѣхъ этихъ техническихъ, экономическихъ и природныхъ условій приводитъ къ самымъ запутаннымъ отношеніямъ и комбинаціямъ, въ хаосѣ которыхъ Гертцъ, однако, усматриваетъ тенденцію въ сторону скорѣе средняго и мелкаго, нежели крупнаго производства. Естественно, что, признавая подобную тенденцію сельскохозяйственнаго развитія, Гертцъ въ заключительной главѣ подчеркиваетъ фактъ силы въ настоящемъ и вѣроятной силы въ будущемъ мелкаго и средняго сельскохозяйственнаго производства. Капитализмъ, по его мнѣнію, внѣдряется и въ сельское хозяйство, но не приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, что въ индустріи. Здѣсь, въ сельскомъ хозяйствѣ „капитализмъ никоимъ образомъ не создаетъ экономическихъ и психологическихъ предпосылокъ для возможнаго обобществленнаго крупнаго производства, какъ это полагаетъ Каутскій по неумѣстной аналогіи съ индустріей“. Поэтому необходимо позаботиться о томъ, чтобы, „въ виду особаго характера сельскаго хозяйства, изъ мелкаго производства организовать крупное *при помощи товариществъ*“ (189). (Курс. мой).

Таково содержаніе интересной книги Гертца, на которой я не могу остановиться подробнѣе за недостаткомъ мѣста. Одно я долженъ подчеркнуть. Какъ видно и изъ приведеннаго краткаго

изложенія, Гертцъ настаиваетъ на непримѣнимости общей теоріи экономическаго развитія къ сельскому хозяйству; на томъ, что здѣсь нѣтъ процесса обобществленія въ сторону крупнаго производства, и что слѣдуетъ позаботиться, поэтому, объ обобществленіи сельскаго производства путемъ организаціи товариществъ.

Интересно отмѣтить тотъ сочувственный пріемъ, котораго удостоилась книга Гертца въ марксистской литературѣ. Даже Шиппель, который на бреславльскомъ партейтагѣ являлся крайнимъ защитникомъ старой точки зрѣнія по аграрному вопросу *), теперь привѣтствуетъ книгу Гертца въ такихъ выраженіяхъ: „Во многихъ отношеніяхъ книга Гертца является даже болѣе цѣнною, нежели книга Каутскаго... Если по отношенію къ Каутскому нельзя освободиться отъ чувства, что для него заранѣе былъ готовъ опредѣленный теоретическій принципъ, и что онъ поспѣшно пробѣжалъ нѣкоторые учебники, анкеты и изслѣдованія по аграрному вопросу, поскольку они могли служить ему матеріаломъ для украшенія остова его теоріи, то по отношенію къ Гертцу получается впечатлѣніе обратное. Чувствуется, что доводы Гертца органически выросли изъ внимательнаго наблюденія фактовъ и тенденцій и изъ внимательнаго изученія литературы по аграрному вопросу“ **).

Нечего говорить, что похвальные отзывы о книгѣ были даны лицами, сочувствующими общей точкѣ зрѣнія Гертца. Бернштейнъ снабдилъ книгу предисловіемъ, въ которомъ рекомендовалъ произведеніе австрійскаго экономиста нѣмецкой публикѣ. Эрнстъ рекомендуетъ книгу Гертца, которая „интересна въ цѣляхъ наблюденія того, какъ постепенно, въ противовѣсъ чистому доктринерству, не считающемуся съ дѣйствительностью, а лишь видящему предъ собою разъ созданную картину, реалистическое воззрѣніе все больше пролагаетъ себѣ путь“ ***). Давидъ въ одной газетѣ закончилъ свою статью о той же книгѣ словами: „Можно думать какъ угодно о пересмотрѣ марксистскихъ понятій по отношенію къ развитію индустріи, но по отношенію къ сельскому хозяйству необходимость этого пересмотра не можетъ болѣе подлежать спору“.

Теперь на очереди стоитъ обѣщанная Давидомъ книга по аграрному вопросу. Насколько можно судить по прежней литературной дѣятельности Давида и по тому положенію, которое этотъ писатель начинаетъ занимать среди теоретиковъ, книга его обѣщаетъ быть весьма интересною.

---

*) Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages zu Breslau (1895) S. 105—10.

**) *Max Schippel.* Hertz gegen Kautsky, „Monatshefte“ 1899, № 10, S. 507.

***) *Paul Ernst.* Die agrarischen Fragen, „Die Gegenwart“ vom 16 September 1899.

VI.

Я прослѣдилъ, насколько это было возможно въ тѣсныхъ рамкахъ небольшой журнальной работы, эволюцію теоретической мысли въ области аграрнаго вопроса и теперь могу подвести нѣкоторые итоги.

Согласно новѣйшей системѣ аграрный вопросъ, какъ и всякій другой экономическій вопросъ, является проблемою не столько экономическою, хозяйственною въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, сколько *соціологическою* проблемою о законахъ, которымъ подчинена извѣстная группа общественныхъ отношеній. Живыми носителями этихъ отношеній являются опредѣленные классы населенія, имѣющіе то или иное вліяніе на направленіе исторической жизни. Отсюда различное отношеніе къ различнымъ классамъ. Отношеніе къ тому или иному классу, конечно, прежде всего диктуется его положеніемъ. Но не это является въ данномъ случаѣ единственнымъ опредѣляющимъ моментомъ. Печальныхъ сторонъ быта крестьянъ не отрицаетъ, напримѣръ, никто: ни Каутскій, ни Гертцъ, и тѣмъ не менѣе эти лица различно относятся къ крестьянству, какъ классу. И дѣйствительно, основою глубокаго и планомѣрнаго воздѣйствія на направленіе общественной жизни не можетъ служить ни состраданіе, ни благотворительность. Чтобы разобраться въ путаницѣ явленій жизни и выработать въ себѣ сознательно прогрессивное отношеніе къ ней, необходимо избрать опредѣленный масштабъ для ея оцѣнки. Такой масштабъ былъ найденъ сторонниками новой системы и получилъ прекрасную формулировку въ словахъ Зомбарта, цитированныхъ мною въ первой статьѣ. Съ этой точки зрѣнія наиболѣе внимательнаго отношенія къ себѣ заслуживаютъ классы населенія, занятые въ формахъ промышленности, которымъ *ростъ производительныхъ силъ* обѣщаетъ будущее. На этомъ построенъ весь „Капиталъ“ Маркса, этимъ объясняется равнодушное отношеніе какъ этого писателя, такъ и его послѣдователей къ крестьянству. Крестьяне, какъ и мелкіе ремесленники, какъ средній классъ вообще, осуждены на гибель самою исторіей: прогрессивное шествіе производительныхъ силъ смететъ ихъ съ дороги прежде, нежели человѣчество подойдетъ къ возможности перестройки общественныхъ формъ. Такъ думалось когда-то. Впослѣдствіи на этотъ счетъ стали возникать сомнѣнія. Я показалъ въ первой статьѣ, что голоса недовѣрія къ этому пункту стараго ученія раздались впервые изъ практическихъ сферъ. Здѣсь указывалось на то, что построенное ученіе не совсѣмъ отвѣчаетъ явленіямъ дѣйствительности, которая во многихъ случаяхъ доказываетъ живучесть мелкаго сельскаго хозяйства, не исчезающаго, а наобо-

ротъ, подчасъ крѣпнущаго съ ростомъ производительныхъ силъ. Подъ вліяніемъ эихъ указаній обратились къ теоретическому пересмотру „схемы“. Образовалась группа лицъ, настаивавшихъ на изслѣдованіи аграрнаго вопроса, которое, по ихъ мнѣнію, должно было бы привести къ результатамъ, противоположнымъ установившемуся взгляду. Такое изслѣдованіе было предпринято однимъ изъ видныхъ теоретиковъ партіи, Каутскимъ. Каутскій сдѣлалъ отчаянную попытку спасти „догму“, колебавшуюся подъ натискомъ новаторовъ. Но эта попытка не привела къ желанному умиротворенію. Наоборотъ, теперь еще съ большею силою раздались голоса протеста. Новѣйшія теченія отходятъ далеко отъ взглядовъ Каутскаго. „Схема“ въ этомъ пунктѣ погибла безвозвратно, какъ это предвидѣли давно критически-настроенные умы.

Нельзя, конечно, не привѣтствовать этого освобожденія отъ ига доктрины, грозившей выродиться въ застывшую догму, нельзя не предвидѣть важныхъ результатовъ отъ начавшихся попытокъ трезваго и свободнаго изученія фактовъ новѣйшей дѣйствительности и измѣненія доктрины согласно этой дѣйствительности. Съ другой стороны, нельзя не признать положенія данной научной области въ настоящее время мало утѣшительнымъ. Объясняется это, конечно, прежде всего, чрезвычайною сложностью и запутанностью аграрныхъ отношеній. Эта запутанность до того велика, что даже такой трезвый и знающій изслѣдователь, какъ Зомбартъ, долженъ былъ признаться, что „до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, невозможно съ какою бы то ни было степенью достовѣрности установить ни того, какова тенденція развитія въ сельскомъ хозяйствѣ, ни того, какая форма производства обладаетъ преимуществомъ въ этомъ хозяйствѣ, и существуетъ ли вообще такая форма“ *). Мы видѣли, что и конечныя рѣшенія и Бернштейна и Гертца мало чѣмъ отличаются отъ этого неутѣшительнаго вывода. Поскольку эти авторы стоятъ на критической почвѣ, поскольку они протестуютъ противъ тенденціозныхъ и необоснованныхъ построеній въ стилѣ Каутскаго, они сильны. Но какъ только дѣло доходитъ до положительной части, до построенія опредѣленной теоріи, наступаетъ неясность, неопредѣленность, недосказанность и все это увеличивается во много разъ при попыткѣ сдѣлать какія либо практическія предложенія, построить программу практической дѣятельности.

Дѣйствительно, практическія трудности здѣсь возникаютъ громадныя. При изложеніи спора о технико-экономическихъ преимуществахъ различныхъ формъ сельскаго хозяйства выяснилось, что мелкое производство и здѣсь страдаетъ недостатками, которые, однако, можно преодолѣть путемъ организаціи крестьян-

---

*) *Werner Sombart.* Socialismus und sociale Bewegung im neunzehnten Jahrhundert, S. 63.

скихъ товариществъ. Къ этому выводу пришли всѣ сторонники новой постановки аграрнаго вопроса: Давидъ, Бернштейнъ, Гертцъ, а также еще раньше ихъ, Энгельсъ. У всѣхъ ихъ практическая постановка вопроса связана съ мыслью о необходимости организаціи крестьянскихъ товариществъ. Эту мысль въ общемъ нельзя не признать правильною. Я уже имѣлъ случай указывать, что „товарищества—вотъ та экономическая организація, которой суждено собрать разрозненныя силы крестьянства; вотъ та почва, на которой можетъ развиться процессъ обобществленія сельскохозяйственнаго труда, поскольку этотъ процессъ не достигается капиталистическимъ путемъ" *). Въ настоящее время этотъ вопросъ о товариществахъ поднятъ съ особой силой и вступилъ въ новую фазу развитія.

Товарищества, какъ извѣстный коррективъ капитализма,—такова мысль, раздѣляемая теперь всѣми послѣдователями Бернштейна. И можно дѣлать сколько угодно возраженій противъ цѣлесообразности и необходимости этихъ товариществъ въ индустріи, но въ сельскомъ хозяйствѣ безъ этихъ товариществъ обойтись невозможно. Только такимъ путемъ крестьянство можетъ успѣшно бороться за свое существованіе, только такимъ путемъ можетъ создаться среда обобществленнаго труда, которая является единственно прогрессивною, и къ которой можно обращаться безъ нарушенія основныхъ принциповъ теоріи капиталистическаго развитія. Притомъ же крестьянскія товарищества отличаются отъ промышленныхъ коопераций и въ другомъ отношеніи. Когда Каутскій еще въ старой полемикѣ съ Давидомъ замѣтилъ, а въ „Agrarfrage" повторилъ, что возможность достиженія нѣкоторыхъ преимуществъ путемъ организаціи товариществъ нельзя считать выгодою *мелкаго* сельскаго хозяйства, такъ какъ „товарищеское производство — *крупное* производство" **), то Давидъ резонно замѣтилъ на это слѣдующее: въ сельскомъ хозяйствѣ товарищества обыкновенно имѣютъ цѣлью пріобрѣтеніе орудій производства, организацію сбыта, кредита и т. п. функціи, но не затрагиваютъ самого процесса производства, продолжающаго носить индивидуальный характеръ ***).

Здѣсь, такимъ образомъ, передъ нами нѣсколько своеобразный классъ населенія. Съ одной стороны, это мелкіе производители, живущіе трудами рукъ своихъ, съ другой стороны—эти же лица заинтересованы въ успѣхахъ обобществленнаго—хотя и не въ собственномъ процессѣ производства—хозяйства. Трудно рѣ-

*) „Русское Богатство", 99, № 3, Отд. II, стр. 47.

**) *K. Kautsky.* Die Agrarfrage. S. 116.

***) *Dr. David.* Znr Frage der Konkurrenzfähigkeit des landwirtschaftlichen Kleinbetriebs, „N. Z.", Jahrg. XIII, B. II, № 48, S. 684—5. Vgl. Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages zu Hannover (1899) Berlin 1899, S. 133.

шить, какой изъ элементовъ хозяйственной дѣятельности и общественной обстановки подобныхъ крестьянъ,—индивидуалистическій или товарищескій—явится главнымъ опредѣлителемъ ихъ соціальнаго воспитанія. Поэтому, давно высказанное и не отрицаемое даже сторонниками товариществъ возраженіе или, вѣрнѣе, опасеніе, какъ бы товарищества не превратились, какъ это уже случалось не разъ, въ капиталистическія предпріятія, — это возраженіе сохраняетъ силу и по отношенію къ крестьянскимъ товариществамъ. Только опытъ нѣсколько измѣненной организаціи товариществъ можетъ отвѣтить на эти вопросы и разрѣшить опасенія. Поводовъ же къ измѣненію этой организаціи и способовъ этого измѣненія найдется не мало, и, слѣдовательно, лица, ставшія во главѣ движенія — пока еще идейнаго — далеко не обречены на миръ и покой; наоборотъ, предъ ними бездна работы и теоретической, и практической.

Пока же необходимо признать, что и теорія, и практика аграрнаго вопроса сопряжены съ большими трудностями. При такихъ обстоятельствахъ понятно, что аграрный вопросъ можетъ стать дѣломъ не только теоретическихъ препирательствъ, а живой дѣйствительности лишь подъ давленіемъ какихъ либо важныхъ обстоятельствъ и доводовъ. Эти обстоятельства и доводы теперь именно намѣчаются подъ вліяніемъ бернштейновскихъ споровъ, и въ связи съ этимъ аграрный вопросъ долженъ получить совсѣмъ новое значеніе. Какъ извѣстно, главный смыслъ бернштейновской критики заключается въ выраженіи сомнѣнія насчетъ правильности существовавшаго до сихъ поръ представленія о прямолинейности, такъ сказать, историческаго процесса. Онъ пытается доказать, что ростъ производительныхъ силъ не ведетъ съ представляемою обычно быстротою къ концентраціи на одной сторонѣ, пролетаризаціи на другой. Вообще какъ это ни странно сказать, — вопросъ о вѣроятной „вываркѣ въ фабричномъ котлѣ“ большей или меньшей части населенія теперь стоитъ на очереди въ европейской литературѣ. И если въ этомъ вопросѣ будетъ принято вѣроятное рѣшеніе о невозможности смотрѣть на историческій процессъ съ прежней узко-схематической точки зрѣнія, то аграрнымъ вопросомъ придется серьезно заняться, хотя бы и цѣною существеннаго измѣненія прежнихъ воззрѣній и программъ. И тогда исполнится предсказаніе одного изъ видныхъ представителей трудящихся массъ, сказавшаго: „Вы думаете нынѣ покончить съ этимъ вопросомъ, но будьте увѣрены—онъ явится предъ вами снова и снова“! *)

М. Б. Ратнеръ.

---

*) Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages zu Breslau, S. 124.

Послѣдній гость.

Возьми умолкнувшую лиру,
Въ изгнанье, муза, уходи.
Ты не нужна отнынѣ міру
И поощренія не жди.
Въ твоемъ нарядѣ устарѣломъ,
Съ твоей красою неземной,
Для поглощенныхъ важнымъ дѣломъ
Должна казаться ты смѣшной.
Не вѣрятъ больше вдохновенью,
Горящему въ душѣ твоей,
Блуждаешь ты забытой тѣнью
Въ кругу насмѣшливыхъ людей.
Ты запоздала въ мірѣ этомъ,
Какъ гость послѣдній на пиру,
Когда занявшимся разсвѣтомъ
Алѣетъ небо по утру.
Не видѣлъ онъ, какъ гасли свѣчи,
Какъ сталъ чертогъ съ зарею пустъ,
А пѣсни дивныя и рѣчи
Не льются больше съ вѣщихъ устъ.

О. Чюмина.

Мой безславный пріятель, мистеръ Рэгенъ.

Разсказъ Р. Гардинга Дэвиса.

Перев. съ англійскаго С. А. Гулишамбаровой.

Рагсъ Рэгенъ очутился внѣ своей стихіи. Вода была его родной стихіей, — главнымъ образомъ вода Восточной Рѣки (East River). Что же касается «бѣготни по крышамъ», какъ онъ самъ выражался, то это не было для него дѣломъ привычнымъ.

При другихъ оказіяхъ, когда его выслѣживала полиція, онъ заманивалъ ее къ рѣкѣ и смѣло нырялъ туда съ высокой пристани, ставя своихъ преслѣдователей въ совершенное замѣшательство и даже возбуждая въ ихъ сердцахъ нѣкоторую тревогу. Въ самомъ дѣлѣ, три раза полисмэны, незнакомые еще съ навигаторскими доблестями молодого Рэгена, возвращались въ участокъ и пресерьезно заявляли судебному приставу, что Рэгенъ погибъ; при этомъ они выражали самое искреннее сожалѣніе о томъ, что загнали своего согражданина въ рѣку, гдѣ онъ нашелъ злополучную кончину. Разсказывали даже, что разъ, когда полицейскіе неотступно гнались за нимъ по пятамъ, онъ нырнулъ въ воду со стапеля, на восточной сторонѣ Тридцать третьей улицы Нью-Іорка, и проплылъ подъ водою до ступенекъ пристани, а полисмэны и толпа грузчиковъ стояли розиня ротъ въ ожиданіи, что вотъ онъ снова появится въ томъ мѣстѣ, гдѣ исчезъ подъ водою. Разсказывали далѣе, что, обуреваемый безразсудной отвагой, дерзкій Рэгенъ подошелъ сзади къ тому же мѣсту и, протискавшись черезъ толпу, еще разъ кинулся у всѣхъ на глазахъ въ воду, яко-бы съ цѣлью выловить утопленника. Послѣ двухъ-трехъ напрасныхъ попытокъ отыскать свое собственное тѣло, онъ взобрался на докъ и заявилъ полицейскому досмотрщику, что онъ нащупалъ утопленника, завязшаго въ тинѣ. Вслѣдствіе этой выдумки рѣчная полиція прочистила дно рѣки вокругъ «рокового» мѣста желѣзными лапами, употребивъ на это благое дѣло четыре

часа, а Рагсъ все это время преспокойно сидѣлъ себѣ на пристани и давалъ указанія.

Но въ настоящемъ случаѣ полисмэны заняли позицію между нимъ и рѣкою, отрѣзавъ такимъ образомъ отступленіе въ эту сторону. А такъ какъ они видѣли, какъ онъ нанесъ ударъ Макъ-Гонеголу и какъ упалъ послѣдній, то Рагсу не оставалось ничего болѣе, какъ спасаться и искать убѣжища на крышахъ. Хуже всего было то, что печальная случайность застигла его не въ собственныхъ владѣніяхъ, а во владѣніяхъ Макъ-Гонегола; между тѣмъ какъ въ Вишневой улицѣ ему дали бы пристанище въ каждомъ домѣ изъ расположенія къ нему или изъ страха,—обитатели Тридцать третьей улицы были наоборотъ настроены враждебно какъ противъ него, такъ и противъ «всей этой шайки изъ Вишневой улицы», а «Щука» Макъ-Гонеголъ былъ ихъ любимцемъ и героемъ. Къ довершенію несчастія всякое помѣщеніе было надежнѣе того, куда Рагсъ повернулъ сразу, потому что тутъ никто не жилъ и большинство комнатъ пустовали; вслѣдствіе этого ему представлялось весьма мало шансовъ провести своихъ преслѣдователей, перебѣгая изъ одной комнаты въ другую. Знай онъ это, онъ бы конечно не сунулся сюда. Но въ томъ-то и вся бѣда, что это ему не было извѣстно. Нырнувъ въ темный проходъ и огромными прыжками перескакивая черезъ три ступени заразъ, онъ очутился въ четвертомъ этажѣ. На площадкѣ четвертаго этажа онъ споткнулся на ведро съ метлою и выругалъ того, кто ихъ оставилъ тутъ не кстати. Изъ шестого этажа приставная лѣстница вела на крышу. Онъ бросился туда и потащилъ за собою лѣстницу, но упалъ впередъ изъ деревяннаго трапа, открывавшагося на плоскую крышу все равно какъ трапъ на пароходѣ. Онъ могъ бы притаиться за трубами, но изъ другого трапа появилась каска городового, и Рагсъ увидалъ, что люди, высунувшись изъ окошекъ другихъ домовъ, показывали на него пальцами полицейскому. Итакъ онъ повисъ на кистяхъ рукъ и упалъ обратно внизъ. Паденіе было не очень сильное, но оно порядкомъ встряхнуло его, а отъ бѣготни у него занялся духъ. Спотыкаясь, сбѣжалъ онъ внизъ по узкой лѣстницѣ; ему живо вспомнилось ведро, на которое онъ уже разъ упалъ, а потому онъ шелъ осторожно, ощупью, выставивъ одну ногу впередъ. Будь онъ въ своемъ «районѣ», возбужденіе этой травли доставило бы ему скорѣе наслажденіе,—тамъ онъ былъ у себя дома, зналъ всѣ ходы и закоулки, зналъ, гдѣ поломаны загородки, и гдѣ находятся спускныя лѣстницы на крышахъ. Здѣсь же онъ путался, словно въ лабиринтѣ, и проходъ, казавшійся ему безопаснымъ, могъ предать его прямо въ руки враговъ.

Двигаясь ощупью, онъ испытывалъ страшно-острое сознаніе,

что до сихъ поръ ни одна дверь, ни одна площадка не раскрылась, чтобы гостепріимно предложить ему убѣжище. Ему очень не хотѣлось быть схваченнымъ; но, не смотря на это онъ былъ совершенно спокоенъ; услыхавъ быстрые, тяжелые шаги, затопавшіе по лѣстницѣ, онъ внезапно остановился, положивъ одну руку на стѣну, а другую на перила, и ждалъ, почти задыхаясь. До него ясно долетали снизу громкіе голоса женщинъ и дѣтей и возбужденные крики мужчинъ, собравшихся на улицѣ... Шаги приближались, но тутъ онъ услыхалъ, что кто-то спустилъ внизъ лѣстницу, которую онъ перебросилъ на крышу шестого этажа, собираясь сойти по ней.

— Ага! — усмѣхнулся Рэгенъ, едва дыша отъ сознанія неминучей бѣды, — вы воображаете, голубчики, что я такъ и дался вамъ въ лапы? Еще поглядимъ, чья возьметъ!

Его гораздо болѣе пугало то, что въ домѣ стояла гробовая тишина, нарушаемая только шагами городовыхъ, сновавшихъ то вверхъ, то внизъ. Казалось, что онъ былъ единственнымъ живымъ существомъ во всемъ этомъ темномъ, безмолвномъ зданіи.

Онъ не намѣревался вступать въ драку.

Конечно, на немъ тяготѣлъ уже его поступокъ съ Макъ-Гонеголомъ, но вѣдь онъ дѣйствовалъ въ видахъ необходимой самообороны, и былъ увѣренъ, что сумѣетъ доказать это въ случаѣ надобности. Теперь же онъ предпочиталъ бы выбраться отсюда по добру по здорову, вернуться къ «своимъ» и лежать, притаившись въ подвалѣ либо на чердакѣ, гдѣ «свои» будутъ кормить и оберегать его, пока не пронесется гроза.

А пока представители закона блокировали его съ обоихъ концовъ. Онъ повернулъ ручку двери, открывавшейся на площадку, гдѣ онъ стоялъ, но дверь была плотно заперта. Затѣмъ онъ быстро шагнулъ къ двери на противоположной сторонѣ и нажалъ ее плечомъ. Дверь отворилась, и Рагсъ вступилъ, спотыкаясь, въ совершенно темную комнату, почти пустую. Только въ маленькой коморкѣ, куда вела передняя комната, онъ увидалъ кучу простынь и одѣялъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ по полу. Онъ нырнулъ въ эти простыни и одѣяла, словно въ воду, и проползъ подъ ними вплоть до дальней стѣны, извиваясь ничкомъ на брюхѣ, вытягивая руки и ноги. Затѣмъ онъ легъ неподвижно, стараясь не дышать и прислушиваясь къ біенію своего сердца и къ шагамъ на лѣстницѣ. Шаги остановились на площадкѣ, которая вела въ переднюю комнату, и онъ услыхалъ тихій шопотъ двухъ голосовъ: люди эти обмѣнивались разспросами. Затѣмъ кто-то толкнулъ дверь. Она распахнулась и наступило глубокое молчаніе, рѣзко прерываемое щелканьемъ револьвера.

— Можетъ, онъ здѣсь, — промолвилъ чей-то басъ.

Люди эти переступили тяжелыми шагами черезъ комнату, смежную съ каморкой, гдѣ онъ лежалъ, и остановились у входа. Они постояли здѣсь не больше минуты и снова вернулись назадъ. Но Рэгену, задыхавшемуся подъ грудой тряпья, показалось, будто они наслаждались лицезрѣніемъ его мученій.

— Я былъ здѣсь часовъ двѣнадцать тому назадъ, не болѣе,—спокойно заявилъ одинъ изъ полисмэновъ.—Я приходилъ забрать мужа и жену, которые передрались между собою. Они орали «караулъ! городовой!» и колотили все, что имъ попадалось подъ руку. Но съ ними было мало хлопотъ: они преспокойно послѣдовали за мной. Мужчина — грузовщикъ, кажется. Онъ и жена его напивались пьяны, и всякую ночь у нихъ шла здѣсь катавасія. Мы ихъ отправили провѣтриться деньковъ на тридцать на островъ *).

— А кто смотритъ за этими комнатами?—спросилъ басъ.

Первый голосъ отвѣтилъ:—Да никто.—И затѣмъ прибавилъ:—Смотрѣть-то здѣсь не зачѣмъ—голь и пустота.

— Та-акъ, — согласился басъ, и затѣмъ быстро прибавилъ: — Ну его, голубчика, здѣсь нѣтъ. Но онъ, навѣрно, гдѣнибудь въ этомъ домѣ! Онъ удралъ назадъ, какъ увидѣлъ меня на крышѣ. И ужъ никакимъ образомъ не могъ онъ проскользнуть мимо меня, за это ручаюсь!

Затѣмъ басъ выразилъ предположеніе, что онъ могъ пройти незамѣтно въ нижній этажъ и прибавилъ еще что-то, чего не разслышалъ Рэгенъ, кажется о томъ, что Шафферъ занялъ прочную позицію на крышѣ и Рэгену отъ нихъ не уйти, такъ какъ ихъ рыжеволосый товарищъ подстерегаетъ его на улицѣ. Полицейскіе притворили за собою дверь, и шаги ихъ простучали по лѣстницѣ.

Затѣмъ огромный домъ погрузился въ безмолвіе и повидимому опустѣлъ совершенно. Молодой Рэгенъ поднялъ голову и вздохнулъ, глубоко, всею грудью, какъ вздыхалъ пробывъ долгое время подъ водою, затѣмъ осторожно вытеръ потъ съ глазъ и со лба. Былъ невыносимо знойный, душный вечеръ. Отъ спертаго дыханія подъ тяжелыми постельными принадлежностями и тревожнаго возбужденія его била лихорадка. На улицахъ становилось уже темно, но онъ узналъ объ этомъ только тогда, когда высунулъ голову на одинъ или на два дюйма изъ-подъ одѣялъ и заглянулъ въ грязныя оконныя стекла. Онъ все еще боялся встать и раскинулся на полу, нетерпѣливо вздыхая, снова нагромоздивъ надъ своей головою простыни, подушки и одѣяла и сталъ прислушиваться.

---

*) Блакуэльскій островъ (Blackwells Island) — на Восточной рѣкѣ (East River) близь Нью-Іорка, куда ссылаютъ въ наказаніе гражданъ, провинившихся противъ общественнаго порядка.

Минуту или двѣ онъ пролежалъ среди полнѣйшей тишины... Но въ его жилахъ застыла кровь, дыханіе у него перехватило отъ ужаса, когда онъ услыхалъ какіе-то крадущіеся звуки, словно что-то ползло на него изъ другой комнаты. Инстинктъ самозащиты побуждалъ его вскочить на ноги, взглянуть въ лицо опасности и сразиться съ нею, а затѣмъ послѣдовала такъ-же быстро безумная увѣренность въ безопасности въ его углу. Онъ призвалъ къ себѣ все свое мужество, пригнулъ свое лицо къ полу и лежалъ неподвижно, какъ камень, хотя внутренно содрогался отъ непривычнаго, безотчетнаго нервнаго страха. И снова онъ услыхалъ звуки этого живого существа, которое крадучись надвигалось на него... инстинктивный ужасъ побѣдилъ его волю, онъ съ яростнымъ крикомъ сбросилъ съ себя простыни и одѣяла, вскочилъ весь дрожа на ноги, упираясь спиною въ стѣну, приготовляясь встрѣтить непріятеля, бѣшеннымъ движеніемъ раскинувъ руки, чувствуя, что онѣ у него не дрогнутъ передъ необходимостью совершить убійство.

Въ комнатѣ было очень темно. Но изъ оконъ одной изъ комнатъ по ту сторону дома небольшая полоса свѣта падала на полъ, и въ этой свѣтлой полосѣ онъ увидалъ крошечнаго ребенка, который подвигался къ нему на четвереренькахъ, улыбаясь и кивая головенкой съ радостнымъ привѣтливымъ видомъ, какъ знакомому.

Испугъ Рэгена былъ такъ силенъ и реакція такъ велика, что у него подкосились колѣна. Онъ опустился на кучу постельныхъ принадлежностей и засмѣялся долгимъ, слабымъ смѣхомъ, а въ душѣ его все еще жило ощущеніе, что появленіе этого ребенка имѣло въ себѣ что-то необычайное и грозное.

Но крошкѣ повидимому понравился его смѣхъ. Она остановилась, откинула назадъ свою головку и улыбнулась, заворковала и засмѣялась потихоньку, вторя ему, словно то была презабавная шутка, которая веселила ихъ обоихъ. Затѣмъ малютка съ большими усиліями встала на ножки и, быстро перебирая ими, подбѣжала къ нему, вытянувъ обѣ свои голыя рученки. Глазки ея свѣтились такимъ довѣріемъ и личико было такъ ласково и миловидно, что Рэгенъ протянулъ руки и сжалъ пальчики малютки своими пальцами робко и нѣжно.

Никогда еще не видывалъ онъ такого прелестнаго ребенка. Ручки и личико были въ грязи, разорванное платьице перепачкано углемъ и золою. Въ голыя колѣнки малютки въѣлась пыль неметенаго пола, но личика такого Рагсъ еще не видывалъ во всю свою жизнь. Малютка смотрѣла на него такъ довѣрчиво, словно они давно знали другъ друга. Но въ глазахъ малютки было что-то, что, казалось, огорчало его; онъ отворачивалъ отъ ихъ взгляда свое лицо, а когда снова смотрѣлъ

въ нихъ, то въ немъ шевелилось странное, незнакомое прежде чувство недовольства собою и желаніе просить прощенія. Это были чудные глаза, черные, прелестные, сіявшіе глубокимъ превосходствомъ познанія, которое казалось выше познанія зла. А когда малютка улыбалась ему, глаза эти также улыбались, полные довѣрія и нѣжности, что пугало Рагса и заставляло его безпокойно двигаться.

— Неужели ты знала, что напугала меня, и я собирался убить тебя?—прошепталъ Рагсъ въ видѣ извиненія и оправданія, осторожно держа малютку на далекомъ разстояніи отъ себя.— Неужели ты знала?

Но крошка только улыбнулась въ отвѣтъ, протянула свою рученку и погладила пальчиками щеку Рагса. Въ ея движеніи было что-то удивительно мягкое и нѣжное. Рагсъ притянулъ къ себѣ малютку и вздохнулъ отъ незнакомаго ему удовольствія, когда она обвила своими ручками его шею и, близко приникнувъ личикомъ къ его подбородку, крѣпко обняла его. Ручки малютки были очень мягкія и полненькія. Ея щечки и спутанныя волосы были влажны и горячи, а ея дыханіе, касавшееся лица Рэгена, было пріятнѣе всего, что когда-либо онъ испыталъ. Онъ чувствовалъ себя удивительно счастливымъ, и счастіе это доставляло ему странную тревогу. Но молчаніе страшно тяготило его.

— Какъ тебя звать, крошка?—спросилъ Рагсъ.

Малютка крѣпче обхватила своими ручками шею Рэгена не говоря ни слова; вмѣсто отвѣта она что-то ворковала ему въ ухо.

— Какъ ты сказала? Какъ тебя звать?—настаивалъ Рэгенъ шепотомъ.

Малютка сдвинула свои бровки при этомъ вопросѣ, перестала ворковать и выговорила: «Маргрэтъ»,—машинально, по видимому, не придавая никакой связи этому имени со своей маленькой особой или съ чѣмъ-либо другимъ.

— Маргарэтъ! Эге!—повторилъ Рэгенъ съ серьезнымъ вниманіемъ.— Премиленькое имячко,—вѣжливо прибавилъ онъ, такъ какъ не могъ отдѣлаться отъ ощущенія, что передъ нимъ существо высшаго разряда.—А какъ ты сказала, зовутъ твоего папу?—неловко спросилъ Рэгенъ.

Но вопросъ его выходилъ за предѣлы терпѣнія или пониманія малютки. Она отстранилась отъ отвѣта обѣими ручками и, сжавъ кулачки, принялась тихонько выбивать ими зорю по его подбородку и горлу.

— Какая же ты силачка, не правда ли?—подсмѣивался молодой гигантъ.—Можетъ, вы и не знаете, милая барышня,—прибавилъ онъ печально, что вашего папу и вашу маму забрали на островъ, и вы не увидите ихъ цѣлый мѣсяцъ.

Нѣтъ, малютка повидимому совсѣмъ не знала да и не заботилась объ этомъ грустномъ обстоятельствѣ. Она казалась совершенно довольной Рагсомъ и его обществомъ. Иногда она отходила отъ него въ сторону и смотрѣла на него пристальнымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ; взглядъ этотъ рѣзалъ, словно ножомъ, по сердцу Рагса: онъ чувствовалъ себя виноватымъ и безмѣрно огорченнымъ; но вотъ она снова улыбалась ему и бѣжала къ нему на руки, прижимаясь своимъ личикомъ къ его лицу, и гладила своими крошечными пальчиками его жесткій подбородокъ.

Рагсъ позабылъ о позднемъ часѣ и о темнотѣ, наступившей въ комнатѣ, весь отдавшись этому непривычному времяпровожденію, которое было несравненно занимательнѣе и гораздо невиннѣе всякаго другого извѣстнаго ему развлеченія. У него почти вышелъ изъ головы тотъ фактъ, что онъ скрывается, что его окружаютъ враждебные ему сосѣди, и что въ каждую данную минуту представители мѣстнаго правосудія могутъ нагрянуть и грубо увести его отсюда. По этой причинѣ онъ не рѣшался зажечь огонь, но онъ перемѣнилъ свою позицію такъ, чтобы яркій свѣтъ электрическаго уличнаго фонаря могъ падать на личико малютки, которая лежала у него на рукахъ, то дремля, то просыпаясь, чтобы улыбнуться ему.

Разъ она запустила рученку за воротъ его рубашки и вытащила оттуда образокъ (который католики носятъ изъ чувства набожности:—Рагсъ былъ ирландецъ и католикъ) и долго смотрѣла на этотъ образокъ повидимому съ такимъ вниманіемъ, что Рагсу стало жутко. Снова его охватило убѣжденіе, что эта ласковая гостья имѣетъ въ себѣ нѣчто не отъ міра сего, и ему стоило невѣроятныхъ усилій согласить это предположеніе съ тѣмъ реальнымъ фактомъ, что родители этого ангелоподобнаго ребенка были въ заточеніи на Блакуэлльскомъ островѣ.

Онъ позабылъ про свой голодъ, впервые почувствовавъ его острый приступъ при мысли, что должно быть малютка сильно нуждалась въ пищѣ. Мысль эта ужасно его огорчила. Онъ положилъ свою милую обузу на одѣяла и, сбросивъ съ себя башмаки, пошелъ на цыпочкахъ разыскивать, не найдется ли въ комнатѣ чего съѣстного для нея. Въ шкапѣ для посуды лежала полуобглоданная кость отъ ветчины и половина черстваго хлѣба, а на столѣ онъ увидалъ полную бутылку плохой водки. Его ни чуточки не поразило, какъ это полиція, забирая родителей, не замѣтила ребенка; но что они не обратили вниманія на эту послѣднюю находку,— это понравилось ему чрезвычайно, и даже не потому, что она теперь досталась ему, а потому что *они* ее проморгали. Это показалось ему до такой степени забавнымъ, что онъ нѣсколько ми-

нуть хохоталъ, безшумно хлопая себя по бедрамъ, чтобы дать выходъ приливу бурной веселости. Но онъ сразу отрезвился, увидя, что въ комнатѣ и въ шкапу не оказалось ничего другого для ѣды.

Было очень жарко. Хотя окошки были открыты, на лицѣ его проступалъ потъ, а отъ испорченнаго спертаго воздуха, приносившагося со двора и съ улицы, у него захватывало дыханіе. Онъ намочилъ тряпку водою изъ-подъ крана въ коридорѣ, наполнивъ ею чашку, и омылъ личико и рученки малютки. Она проснулась, жадно отхлебнула нѣсколько глотковъ воды изъ чашки и посмотрѣла на него, словно прося у него еще чего-то. Рагсъ размочилъ черствую корку хлѣба въ водѣ и поднесъ къ губамъ ребенка, но, ухватившись сперва за корку съ жадностью, дѣвочка покачала головкой и снова посмотрѣла на него съ такимъ молящимъ укоромъ въ своихъ огромныхъ черныхъ глазахъ, что молчаніе ея уязвило Рагса больше самыхъ сильныхъ ругательствъ, когда-либо имъ слышанныхъ.

Оно такъ огорчило его, что на глазахъ у него показались слезы.

— Миленькая моя дѣвчоночка,—вскричалъ онъ,—я бы далъ тебѣ все, чего тебѣ хочется, ежели бы у меня было. Но откуда мнѣ что взять? Не потому, что я не хочу тебѣ дать... Боже ты мой, крошечка! вѣдь ты этого не думаешь, не правда ли?

Малютка улыбнулась, словно поняла его слова, и прикоснулась къ его лицу, будто желая утѣшить его, такъ что Рагсъ снова ощутилъ то особенное удовольствіе, которое такъ сильно волновало его при всякой ласкѣ ребенка и погружало въ степенное раздумье. Затѣмъ малютка вскарабкалась къ нему на колѣни и уснула, а Рагсъ сидѣлъ, боясь пошевельнуться и обмахивалъ ее свернутой газетой, останавливаясь по временамъ, чтобы провести мокрой тряпкой по ея горячему лицу и рукамъ. Теперь было совсѣмъ поздно. Со двора до его слуха доносились хохотъ и болтовня сосѣдей на крышахъ, а когда какая-нибудь группа принималась весело пѣть подъ акомпаниментъ гармоники, Рагсъ шепотомъ обзывалъ поющихъ горластыми, пьяными дураками; въ сердцахъ, какъ бы они не разбудили ребенка, спавшаго у него на рукахъ, онъ выражалъ надежду, что они полетятъ внизъ и сломаютъ свои негодныя шеи.

Къ ночи все постепенно смолкло и жара спала, но Рагсъ продолжалъ сидѣть неподвижно, по временамъ слегка вздрагивая и осторожно вытягивая свои замлѣвшія ноги... Рука, которою онъ поддерживалъ ребенка, совсѣмъ закоченѣла и онѣмѣла, хотя крошка была легка, какъ перышко, но онъ нахо-

дилъ жестокое наслажденіе въ своемъ страданіи и свыкся съ нимъ настолько, что впалъ въ безпокойную дремоту, просыпаясь безпрестанно, чтобы тихо провести руками по нѣжному тѣлу спавшей малютки и прижать ее покрѣпче къ груди. А потомъ, отъ сильнаго утомленія, глаза его сомкнулись и голова тяжело откинулась назадъ, къ стѣнѣ.

Мужчина и ребенокъ у него на рукахъ заснули мирнымъ сномъ въ темномъ углу покинутаго дома.

Солнце выплыло изъ за Восточной рѣки широкимъ, алымъ кругомъ, пышущимъ зноемъ. Оно пронизало своими безжалостными лучами всѣ перекрестныя улицы города, оно нагло засверкало во всѣ открытыя окна, раскаливъ сковороды и рѣшетки кроватей, на которыхъ спавшіе метались и ворочались съ одного бока на другой, и просыпались неосвѣженными, съ пересохшимъ горломъ.

Солнечный блескъ разбудилъ и Рагса. Съ просонья ему показалось, что все вокругъ него горитъ; онъ уставился испуганнымъ взоромъ на ребенка, лежавшаго у него на рукахъ, пока не вспомнилъ, гдѣ онъ находится. У него болѣли всѣ суставы и члены, а глаза его слѣпила сухая жара. Но болѣе всего остального его безпокоила малютка, потому что она дышала тяжелыми, долгими, неправильными промежутками, ротикъ ея былъ открытъ, а до нелѣпаго крошечные кулачки были плотно сжаты. Вокругъ ея закрытыхъ глазъ образовались глубокія синія впадины. У Рагса сердце холодѣло отъ ужаса и неизвѣстности при мысли о своей полнѣйшей безпомощности. Онъ и прежде видывалъ малютокъ, похожихъ на эту, въ квартирахъ, гдѣ ютится столичная бѣднота. Дѣтвора эта имѣла совершенно такой-же видъ, какъ эта *его* крошка, когда юные эскулапы изъ общества охраненія народнаго здравія карабкались въ чердачныя помѣщенія, чтобы осмотрѣть ихъ, и такой же видъ былъ у этихъ малютокъ, только вполнѣ спокойный и неподвижный, когда походный госпиталь проѣзжалъ съ трескомъ и грохотомъ по узкимъ улицамъ и увозилъ ихъ въ больницу.

Рагсъ отнесъ малютку въ переднюю комнату, куда солнце еще не успѣло проникнуть, и тихо-тихо положилъ ее на одѣяла. Затѣмъ онъ открылъ кранъ и далъ стечь водѣ, пока она не стала достаточно свѣжа. Этой прохладной водою онъ омылъ личико, ручки и ножки малютки и поднесъ чашку къ ея раскрытымъ губамъ. Тутъ она проснулась и снова улыбнулась, но очень слабо, а когда она взглянула на него, онъ съ ужасомъ убѣдился, что она не узнала его и взглядъ ея былъ устремленъ куда-то въ пространство, словно она видѣла вещи, которыхъ онъ не могъ видѣть.

Онъ не зналъ, что ему дѣлать, а радъ бы душою помочь.

Онъ зналъ лишь, что маленькія дѣти любятъ молоко, но, за неимѣніемъ послѣдняго, сдѣлалъ мѣсиво изъ сухой ветчины и хлѣбныхъ крошекъ, размоченныхъ въ чистой водкѣ, и поднесъ это импровизированное кушанье на кончикѣ ложки къ ея губамъ. Малютка отвѣдала и оттолкнула его руку, а затѣмъ подняла глаза и слабо вскрикнула. Она словно говорила ему совершенно такъ же ясно, какъ бы сказала или написала взрослая женщина:

— Напрасно хлопочешь, Рагсъ. Ты очень добръ ко мнѣ, но право я не могу. Не мучь себя этимъ, пожалуйста. Я тебя не обвиняю.

— Великій Боже,—прошепталъ Рагсъ и горло его перехватила странная судорога, — да вѣдь ей нечего перекусить..

Потомъ онъ вспомнилъ о тѣхъ людяхъ, которые, по его мнѣнію, жили въ этомъ домѣ; такъ какъ было еще очень рано, то вѣроятно они еще спали, а разъ они спали, онъ могъ «подтибрить» (какъ онъ мысленнно выразился) то, что они отложили себѣ на завтракъ. Побуждаемый этою надеждой, онъ безшумно сбѣжалъ босикомъ на слѣдующія площадки и пытался отворить двери. Но всѣ квартиры были пусты, нигдѣ не было ни души. Онъ подумалъ, что въ этотъ часъ ему можно было пожалуй рискнуть выйти на улицу. У него были при себѣ деньги, и каждую минуту могли проѣхать телѣжки съ молокомъ и повозки булочниковъ. Онъ побѣжалъ обратно на верхъ взять деньги изъ кармана сюртука, радуясь, что онѣ у него имѣются по счастью, и браня себя, что раньше не подумалъ объ этомъ. Онъ постоялъ минуту надъ ребенкомъ, прежде чѣмъ выйти изъ комнаты, и покраснѣлъ какъ дѣвчонка, нагнувшись, чтобы поцѣловать одну изъ ея голыхъ ручекъ.

— Я иду, чтобы раздобыть тебѣ что-нибудь къ завтраку,— сказалъ онъ. — Я вернусь скоро, а коли мнѣ не удастся, — прибавилъ онъ, передернувъ плечами послѣ минутнаго раздумья,—я пришлю за тобою сержанта изъ участка. Если бы я не былъ замѣшанъ въ это дѣло, — пробормоталъ онъ, спускаясь внизъ по лѣстницѣ...—Не будь этого, имъ бы не запереть меня больше, чѣмъ на мѣсяцъ, даже при всемъ, что имъ извѣстно обо мнѣ. Во всякомъ случаѣ, это была только уличная драка, и навѣрно кто-нибудь да видѣлъ, какъ онъ выхватилъ свой пистолетъ.

Онъ остановился наверху перваго ряда ступеней и присѣлъ въ ожиданіи. Ему была видна верхушка открытой парадной двери, мостовая и часть улицы. Заслышавъ скрипъ приближавшейся телѣжки, онъ быстро сбѣжалъ внизъ и вдругъ съ проклятіемъ повернулъ назадъ и снова поднялся на лѣстницу: онъ увидалъ агентовъ сыскной полиціи, которые подкарауливали кого-то на противоположной сторонѣ улицы.

— Что имъ понадобилось тутъ въ такую рань? — сердито спрашивалъ онъ себя. — Неужели мало имъ возни за цѣлый день, что шатаются кругомъ ни свѣтъ, ни заря, когда всѣ добрые люди мирно спятъ? Хотѣлось бы мнѣ знать, не за мною-ли они пожаловали?

Онъ опустился на колѣни въ той комнатѣ, гдѣ лежала малютка, и осторожно выглянулъ изъ окна. Къ сыщикамъ подошли еще два человѣка, и среди почтенной компаніи завязался серьезный разговоръ. Рэгенъ зналъ, что новоприбывшіе были пріятели Макъ Гонегола, и заключилъ изъ этого, съ мгновеннымъ приливомъ гордости, что эти сыщики были вынуждены подняться такъ рано исключительно ради его особы. Но вслѣдъ за этимъ у него явилась заключительная мысль, что вѣроятно онъ нанесъ серьезное поврежденіе Макъ Гонеголу и его дѣло очень плохо. Это его обезпокоило въ высшей степени, потому что лишало возможности пойти за молокомъ для ребенка.

— Кажется, мнѣ не достать молока для тебя, — молвилъ онъ шутливо, обращаясь къ малюткѣ, — солнце вредно для моего здоровья.

Малютка свернулась клубочкомъ у него на рукахъ и снова заснула. Это заставило Рэгена опомниться, потому что онъ счелъ за дурной знакъ сонъ ребенка,—его собственный волчій аппетитъ показывалъ ему, какъ долженъ страдать голодный ребенокъ.Когда онъ снова поднесъ дѣвочкѣ ужасное мѣсиво, приготовленное имъ для нея, она жадно принялась за него, и Рагсъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Затѣмъ онъ самъ съѣлъ немного хлѣба и ветчины, проглотилъ полбутылки водки, потомъ растянулся возлѣ дѣвочки и сталъ обмахивать ее.

А она спала. Для Рагса было что-то необычайное, непостижимое въ ощущеніи столь сильнаго удовольствія, которое онъ испытывалъ, дѣлая для нея даже немногое, но онъ забывалъ обо всемъ на свѣтѣ въ созерцаніи чудной красоты спящаго ребенка и въ странномъ чувствѣ отвѣтственности и самоуваженія, которое этотъ ребенокъ вызвалъ въ его душѣ.

Незамѣтнымъ для себя образомъ,—иначе онъ сопротивлялся бы до послѣдней возможности, — вслѣдствіе дневного зноя и безсонницы предыдущей ночи, а также вслѣдствіе воздѣйствія водочныхъ паровъ на его пустой желудокъ, онъ, повторяемъ, безсознательно впалъ въ тупое оцѣпенѣніе. Импровизированный вѣеръ—газета выскользнулъ у него изъ рукъ, и онъ свалился на груду одѣялъ въ тяжеломъ забытьи.

Проснулся онъ, когда уже смеркалось, въ седьмомъ часу. Онъ узналъ объ этомъ по выкрикамъ разносчиковъ газетъ на улицѣ. Онъ вскочилъ на ноги, ругая самого себя, а душу его грызли жестокія угрызенія совѣсти.

— Я пьяный дуракъ, вотъ кто я, — свирѣпо укорялъ себя

Рагсъ.—Оставилъ ее лежать здѣсь цѣлый день въ духотѣ безъ всякаго присмотра.

Дыханіе Маргарэтъ было такъ слабо, что онъ не могъ рѣшить, жива-ли она, и сердце въ немъ замерло отъ ужаса. Онъ взялъ ее на руки, обвѣвалъ ее и похлопывалъ. чтобы разбудить, а потомъ въ отчаяніи подошолъ къ окну и глянулъ внизъ. Никто не зналъ его здѣсь, да и онъ никого не зналъ изъ тѣхъ, кто толкался въ это время на улицѣ; поэтому онъ отважился на новую «вылазку» для того, чтобы достать чего нибудь съѣстного.

— Вѣдь уже почти двое сутокъ, какъ ребеночекъ ничего не ѣлъ,—укорялъ онъ самого себя,—а ты заставляешь ее страдать, лишь бы избавить свою особу отъ прогулки на островъ. Эхъ, ты грубый, неповоротливый бродяга! — продолжалъ онъ ворчать на себя.—И это послѣ того, какъ она пришла къ тебѣ, обратила на тебя свое вниманіе и, словно ангелъ небесный, прислонила свое личико къ твоему лицу!..

Онъ снялъ свои башмаки и осторожно прокрался на лѣстницу.

Въ ту самую минуту, какъ онъ очутился на площадкѣ перваго этажа, проходилъ разносчикъ съ вечерними газетами и прокричалъ что-то, чего не могъ разслышать Рагсъ. Ему захотѣлось купить газету. Онъ подумалъ, что такимъ образомъ узнаетъ что-нибудь о своемъ собственномъ дѣлѣ. Разносчикъ приближался, и Рагсъ перевѣсился черезъ перила, стараясь вслушаться.

— Экстренно! экстренно! «Sun», «World» и «Mail»! Полный отчетъ объ убійствѣ «Щуки» Макъ Гонегола Рагсомъ Рэгеномъ!—выкрикивалъ бѣжавшій разносчикъ.

Рагсу показалось, будто уличные фонари разомъ вспыхнули яркимъ свѣтомъ и вдругъ заволоклись туманомъ. Онъ былъ ошеломленъ.

— Стой!—завопилъ онъ внѣ себя, — стой! Не убивалъ я, нѣтъ, клянусь Богомъ, не убивалъ я его! — кричалъ онъ съ лѣстницы дрожа,—стой, стой!

Но никто не слыхалъ воплей Рагса, и звукъ его собственнаго голоса заставилъ его остановиться. Онъ опустился въ изнеможеніи на верхнюю ступеньку и принялся колотить себя обѣими руками по головѣ.

— Это ложь, это ложь, — часто зашепталъ онъ. — Я ударилъ его, защищаясь, Богъ мнѣ свидѣтель, я ударилъ его, защищаясь. Онъ вынудилъ меня къ этому. Онъ навелъ на меня свой пистолетъ. Я сдѣлалъ это, защищаясь!..

И вся внѣшность молодого упрямца измѣнилась; ужасъ и отвращеніе, отразившіеся на его лицѣ, замѣнились выраженіемъ низкой хитрости и злого лукавства. Губы его плотно

сжались, ноздри расширились, быстро вдыхая воздухъ, а пальцы его то сжимались, то разжимались вокругъ колѣнъ. Онъ призывалъ къ себѣ на помощь все, чему научился на улицахъ, на пристаняхъ и на крышахъ, весь жалкій опытъ и всѣ опасныя познанія, сдѣлавшія его главаремъ и героемъ посреди воровъ и «теплыхъ ребятъ» его квартала. Онъ разсматривалъ совершившійся фактъ прямо и хладнокровно, словно посторонній ему человѣкъ. Онъ зналъ, что исторія его жизни записана въ черновой книгѣ полицейскаго суда съ того дня, какъ ему минуло десять лѣтъ, съ безжалостными подробностями. Друзей у него было мало, да и тѣхъ онъ держалъ скорѣе страхомъ, чѣмъ расположеніемъ, а враговъ была масса, и они ждали именно такого удобнаго случая, какъ этотъ, чтобы выместить на немъ долго претерпѣваемыя обиды, память о которыхъ они горько лелѣяли въ свой душѣ. Единственное, что ему оставалось сдѣлать ради безопасности своей—бѣжать тайкомъ и не теряя минуты. Разумѣется на переправахъ черезъ рѣку были поставлены караулы; онъ зналъ также, что и на желѣзнодорожныхъ станціяхъ находились люди, на обязанности которыхъ лежалъ присмотръ за новоприбывающей публикой и задержаніе бѣглыхъ преступниковъ. Но онъ зналъ также одного старика, который былъ черезчуръ уменъ, чтобы разспрашивать своихъ кліентовъ, и который перевезъ бы его черезъ Восточную рѣку въ Асторію; зналъ онъ и другого человѣка на восточной сторонѣ Нью-Іорка, лодка котораго была всегда къ услугамъ молчаливыхъ, блѣдныхъ молодыхъ людей. Послѣдніе могли явиться къ нему въ какое угодно время, утромъ или вечеромъ, а онъ ужъ брался подвести ихъ къ берегу Джерси и уберечь отъ огней мимо плывущихъ перевозныхъ судовъ и зеленой лампы полицейской лодки. А разъ онъ переправится за рѣку, ему стоитъ только перемѣнить имя, написать, чтобы ему выслали деньги на это имя, да приняться за работу, пока не пройдетъ довольно времени, чтобы эта исторія позабылась.

Онъ всталъ и выпрямился во весь свой ростъ. Опасность и возможность рокового конца его приключенія сильно и пріятно возбуждали его духъ... Но вотъ, внезапно, словно обухомъ по головѣ, его поразило воспоминаніе о маленькомъ ребенкѣ, который лежалъ тамъ наверху, на грязной кучѣ постельнаго бѣлья.

— Не могу я,—яростно бормоталъ онъ,—никакъ не могу,—кричалъ онъ, словно разсуждалъ съ кѣмъ-то другимъ.—Вѣдь моей шеѣ угрожаетъ веревка, и всѣ обстоятельства противъ меня. Каждому человѣку своя рубашка ближе къ тѣлу.

Онъ вытянулъ руки, словно отталкивая эту мысль отъ себя, и провелъ пальцами по волосамъ и лицу. Прежнее *я* воскресло въ немъ; оно называло его жалкимъ дуралеемъ

Рагсъ.—Оставилъ ее лежать здѣсь цѣлый день въ духотѣ безъ всякаго присмотра.

Дыханіе Маргарэтъ было такъ слабо, что онъ не могъ рѣшить, жива-ли она, и сердце въ немъ замерло отъ ужаса. Онъ взялъ ее на руки, обвѣвалъ ее и похлопывалъ. чтобы разбудить, а потомъ въ отчаяніи подошолъ къ окну и глянулъ внизъ. Никто не зналъ его здѣсь, да и онъ никого не зналъ изъ тѣхъ, кто толкался въ это время на улицѣ; поэтому онъ отважился на новую «вылазку» для того, чтобы достать чего нибудь съѣстного.

— Вѣдь уже почти двое сутокъ, какъ ребеночекъ ничего не ѣлъ,—укорялъ онъ самого себя,—а ты заставляешь ее страдать, лишь бы избавить свою особу отъ прогулки на островъ. Эхъ, ты грубый, неповоротливый бродяга! — продолжалъ онъ ворчать на себя.—И это послѣ того, какъ она пришла къ тебѣ, обратила на тебя свое вниманіе и, словно ангелъ небесный, прислонила свое личико къ твоему лицу!..

Онъ снялъ свои башмаки и осторожно прокрался на лѣстницу.

Въ ту самую минуту, какъ онъ очутился на площадкѣ перваго этажа, проходилъ разносчикъ съ вечерними газетами и прокричалъ что-то, чего не могъ разслышать Рагсъ. Ему захотѣлось купить газету. Онъ подумалъ, что такимъ образомъ узнаетъ что-нибудь о своемъ собственномъ дѣлѣ. Разносчикъ приближался, и Рагсъ перевѣсился черезъ перила, стараясь вслушаться.

— Экстренно! экстренно! «Sun», «World» и «Mail»! Полный отчетъ объ убійствѣ «Щуки» Макъ Гонегола Рагсомъ Рэгеномъ!—выкрикивалъ бѣжавшій разносчикъ.

Рагсу показалось, будто уличные фонари разомъ вспыхнули яркимъ свѣтомъ и вдругъ заволоклись туманомъ. Онъ былъ ошеломленъ.

— Стой!—завопилъ онъ внѣ себя, — стой! Не убивалъ я, нѣтъ, клянусь Богомъ, не убивалъ я его! — кричалъ онъ съ лѣстницы дрожа,—стой, стой!

Но никто не слыхалъ воплей Рагса, и звукъ его собственнаго голоса заставилъ его остановиться. Онъ опустился въ изнеможеніи на верхнюю ступеньку и принялся колотить себя обѣими руками по головѣ.

— Это ложь, это ложь, — часто зашепталъ онъ. — Я ударилъ его, защищаясь, Богъ мнѣ свидѣтель, я ударилъ его, защищаясь. Онъ вынудилъ меня къ этому. Онъ навелъ на меня свой пистолетъ. Я сдѣлалъ это, защищаясь!..

И вся внѣшность молодого упрямца измѣнилась; ужасъ и отвращеніе, отразившіеся на его лицѣ, замѣнились выраженіемъ низкой хитрости и злого лукавства. Губы его плотно

сжались, ноздри расширились, быстро вдыхая воздухъ, а пальцы его то сжимались, то разжимались вокругъ колѣнъ. Онъ призывалъ къ себѣ на помощь все, чему научился на улицахъ, на пристаняхъ и на крышахъ, весь жалкій опытъ и всѣ опасныя познанія, сдѣлавшія его главаремъ и героемъ посреди воровъ и «теплыхъ ребятъ» его квартала. Онъ разсматривалъ совершившійся фактъ прямо и хладнокровно, словно посторонній ему человѣкъ. Онъ зналъ, что исторія его жизни записана въ черновой книгѣ полицейскаго суда съ того дня, какъ ему минуло десять лѣтъ, съ безжалостными подробностями. Друзей у него было мало, да и тѣхъ онъ держалъ скорѣе страхомъ, чѣмъ расположеніемъ, а враговъ была масса, и они ждали именно такого удобнаго случая, какъ этотъ, чтобы выместить на немъ долго претерпѣваемыя обиды, память о которыхъ они горько лелѣяли въ своей душѣ. Единственное, что ему оставалось сдѣлать ради безопасности своей—бѣжать тайкомъ и не теряя минуты. Разумѣется на переправахъ черезъ рѣку были поставлены караулы; онъ зналъ также, что и на желѣзнодорожныхъ станціяхъ находились люди, на обязанности которыхъ лежалъ присмотръ за вновь прибывающей публикой и задержаніе бѣглыхъ преступниковъ. Но онъ зналъ также одного старика, который былъ черезчуръ уменъ, чтобы разспрашивать своихъ кліентовъ, и который перевезъ бы его черезъ Восточную рѣку въ Асторію; зналъ онъ и другого человѣка на восточной сторонѣ Нью-Іорка, лодка котораго была всегда къ услугамъ молчаливыхъ, блѣдныхъ молодыхъ людей. Послѣдніе могли явиться къ нему въ какое угодно время, утромъ или вечеромъ, а онъ ужъ брался подвести ихъ къ берегу Джерси и уберечь отъ огней мимо плывущихъ перевозныхъ судовъ и зеленой лампы полицейской лодки. А разъ онъ переправится за рѣку, ему стоитъ только перемѣнить имя, написать, чтобы ему выслали деньги на это имя, да приняться за работу, пока не пройдетъ довольно времени, чтобы эта исторія позабылась.

Онъ всталъ и выпрямился во весь свой ростъ. Опасность и возможность рокового конца его приключенія сильно и пріятно возбуждали его духъ... Но вотъ, внезапно, словно обухомъ по головѣ, его поразило воспоминаніе о маленькомъ ребенкѣ, который лежалъ тамъ наверху, на грязной кучѣ постельнаго бѣлья.

— Не могу я,—яростно бормоталъ онъ,—никакъ не могу,—кричалъ онъ, словно разсуждалъ съ кѣмъ-то другимъ.—Вѣдь моей шеѣ угрожаетъ веревка, и всѣ обстоятельства противъ меня. Каждому человѣку своя рубашка ближе къ тѣлу.

Онъ вытянулъ руки, словно отталкивая эту мысль отъ себя, и провелъ пальцами по волосамъ и лицу. Прежнее *я* воскресло въ немъ; оно называло его жалкимъ дуралеемъ

и доказывало ему, какъ велика опасность, угрожающая его личности. И вотъ, онъ уже повернулся и бросился бѣжать не просто на улицу, но словно спасаясь отъ того другого *я*, которое удерживало его. Онъ былъ еще безъ башмаковъ, босикомъ; онъ остановился, замѣтилъ это и поднялся опять на лѣстницу за обувью. Но тутъ ему представилась такая картина: малютка лежала, какъ онъ ее оставилъ, въ безпомощномъ безсознательномъ состояніи, съ темными кругами подъ глазами, и онъ сталъ спрашивать себя съ волненіемъ, что сдѣлаетъ онъ, увидя, какъ она улыбнется ему проснувшись и станетъ протягивать ему рученки.

— Не смѣю идти туда,—молвилъ онъ, едва дыша.—Не смѣю. Плевое дѣло убивать такихъ, какъ этотъ «Щука» Макъ Гонеголъ, но я не въ силахъ бороться съ маленькими ребятишками. И можетъ статься, коли я вернусь туда, у меня уже не хватитъ силы оставить ее. Не могу я...—бормоталъ онъ,—не смѣю я идти туда.

Но онъ всетаки не двигался впередъ, а стоялъ, не шевелясь, опустивъ одну дрожащую руку на перила, а другую зажавъ въ кулакъ. Такъ боролся онъ самъ съ собою въ тиши пустого зданія.

Одинъ за другимъ зажглись огни въ нижнихъ этажахъ, минуты шли за минутами, а онъ все стоялъ здѣсь. До него доносился уличный шумъ и гамъ, подсказывая о побѣгѣ, о долгой жизни среди безпорядочныхъ наслажденій... а рядомъ въ темной, душной комнатѣ лежала малютка и во снѣ простирала къ нему свои крошечныя безсильныя рученки. . . . .

Угрюмый старый сержантъ двадцать перваго участка прочиталъ уже въ третій разъ вечернія газеты отъ доски до доски и дремалъ при яркомъ свѣтѣ газоваго рожка надъ высокимъ письменнымъ столомъ, какъ вдругъ его разбудилъ вошедшій молодой человѣкъ,—блѣдный, съ блуждающимъ взглядомъ. На рукахъ у него былъ маленькій ребенокъ.

— Мнѣ надобно видѣть женщину, которая находится при участкѣ, поскорѣе!—сказалъ онъ.

Угрюмому старому сержанту не понравился рѣшительный тонъ молодого человѣка, не понравился также общій видъ его: онъ былъ безъ шляпы, безъ сюртука, да вдобавокъ босъ. Поэтому сержантъ заявилъ съ мудрымъ достоинствомъ, что дежурная спитъ на верху... Что нужно отъ нея въ такое позднее время молодому человѣку?

— Этотъ ребенокъ...—отвѣчалъ посѣтитель страннымъ голосомъ,—она больна. Она лежала въ жару, два дня ничего не ѣла и умираетъ отъ голода. Позвоните, пожалуйста, женщину и пошлите кого нибудь изъ вашихъ людей за домашнимъ докторомъ.

Сержантъ преспокойно облокотился на столъ, подперевъ

подбородокъ руками; его расшитые золотомъ обшлага ярко заблестѣли при свѣтѣ газа. Онъ считалъ себя острякомъ и не кстати выбралъ минуту для своего остроумія.

— Вы, кажется, приняли это мѣсто за даровую лѣчебницу, юноша?—спросилъ онъ.—Или,—шутливо прибавилъ онъ,—за воспитательный домъ?

Молодой человѣкъ сдѣлалъ свирѣпый прыжокъ къ рѣшеткѣ, отдѣлявшей его отъ высокаго стола.

— Чортъ бы васъ побралъ!—выпалилъ онъ, задыхаясь.— Позвоните, говорю вамъ, не то я вамъ покажу, какъ шутки шутить!

Малютка расплакалась, испуганная этимъ внезапнымъ взрывомъ. Рагсъ отступилъ и принялся нѣжно успокаивать ее, похлопывая руками и бормоча невнятныя слова сквозь стиснутыя зубы.

Сержантъ позвалъ солдатъ изъ резервнаго отряда, находившихся въ задней комнатѣ, и позвонилъ привратницу, исполняя требованіе этого неистоваго посѣтителя. Резервъ собрался безпечно, съ картами въ рукахъ и съ трубками въ зубахъ.

— Человѣкъ этотъ,—проворчалъ сержантъ,—указывая концомъ сигары на Рагса,—либо пьянъ, либо съ ума сошелъ, а можетъ и то, и другое вмѣстѣ.

Привратница пришла снизу—величественная, въ длинномъ распашномъ капотѣ, обмахиваясь пальмовымъ вѣеромъ, но при видѣ ребенка вся ея величавость спала съ нея, словно маска. Она быстро подбѣжала къ Рагсу и схватила малютку на руки.

— Ахъ ты, бѣдняжечка!—прошептала она.—И, Господи, какая красавица!

Затѣмъ, обернувшись къ одному изъ солдатъ:

— Коннорсъ,—приказала она,—сходи въ мою комнату и принеси молоко, что стоитъ въ шкапу со льдомъ. А ты, Муръ, надѣнь-ка свой сюртукъ, да живо сбѣгай за докторомъ, скажи, что мнѣ надо его видѣть. А кто нибудь изъ васъ наколите помельче льду въ полотенце. Возьмите ледъ изъ холодильника. Ну-же, скорѣе за дѣло.

Рэгенъ робко подошелъ къ ней.

— Очень она плоха?—спросилъ онъ умоляющимъ голосомъ.—Умретъ она, какъ вы думаете?

— Конечно нѣтъ,—быстро отвѣчала женщина.—Но она страшно утомлена отъ жары и за нею дурно смотрѣли. Этого ребенка, кажется, совсѣмъ не кормили. А вы отецъ ея?— рѣзко спросила она.

Но Рагсъ не сказалъ ни слова. Въ ту минуту, какъ она отвѣтила на его вопросъ, что ребенокъ не умретъ, онъ быстро приблизился къ ней, вырвалъ ребенка у нея изъ рукъ и сильно прижалъ малютку къ своей груди, словно она была потеряна, и онъ опять нашелъ ее.

Голова его склонилась надъ малюткой, поэтому онъ не замѣтилъ Уэда и Геффнера, двухъ извѣстныхъ ньюіоркскихъ сыщиковъ, которые вошли сюда съ улицы. Они были въ поту, усталые и измученные. Они разсѣянно взглянули на эту группу и вдругъ удивленно вздрогнули. Одинъ изъ нихъ издалъ продолжительный, медленный свистъ.

— Вотъ оно что!—воскликнулъ Уэдъ, вздохнувъ съ облегченіемъ.—Итакъ, Рэгенъ, ты здѣсь, не правда ли? Ну, ужъ и задалъ же ты намъ хлопотъ. Кто взялъ тебя?

Услыхавъ имя человѣка, который поставилъ на ноги всю полицію за послѣдніе два дня, солдаты резерва потихоньку заняли свои позиціи и съ любопытствомъ уставились на Рэгена. А женщина перестала наливать молоко изъ бутылки, которую держала въ рукѣ, и глядѣла на него широко открытыми, удивленными глазами. Рэгенъ откинулъ голову и плечи назадъ и холоднымъ взглядомъ обвелъ лица людей, окружавшихъ его полукругомъ.

— Кто взялъ меня?—началъ онъ вызывающимъ тономъ хвастливаго торжества... Затѣмъ, словно игра не стоила свѣчъ и словно присутствіе ребенка ставило его выше всего остального, онъ остановился и приподнялъ дѣвочку, пока ея щечка коснулась его щеки. Минуту Рагсъ простоялъ такимъ образомъ въ молчаніи.

— Кто взялъ меня?—повторилъ онъ спокойно, не подымая глазъ съ лица малютки.—Никто меня не бралъ,—объявилъ онъ.— Я самъ пришелъ сдаться.

Разъ утромъ, три мѣсяца послѣ только что разсказаннаго, когда Рэгенъ остановился у дверей моего дома съ своей тележкой, въ которой онъ развозилъ ледъ, я спросилъ не являлось ли у него когда нибудь сожалѣніе относительно его поступка?

— Вотъ что, сэръ,—сказалъ онъ съ достоинствомъ,—такъ какъ уже я отдѣлался отъ этой шайки, и такъ какъ общество порѣшило, что ея родные не способны заботиться о ней, то я и полагаю, сэръ, что все устроилось къ лучшему. Таково мое мнѣніе, сэръ... Что же касается того, чтобы я сожалѣлъ... то долженъ сказать, что даже когда дѣло мое было изъ рукъ вонъ плохо, когда все было противъ меня, то есть, до той минуты, когда тотъ полисмэнъ показалъ подъ присягой, что видѣлъ, какъ Макъ Гонеголъ вынулъ пистолетъ... И когда я сидѣлъ въ тюрьмѣ, ожидая, что меня повѣсятъ за это дѣло,—ну, даже тогда ко мнѣ приносили ее каждый день... А когда ее приподнимали, и она протягивала мнѣ свои рученки, и цѣловала меня черезъ рѣшетку, ну... они могли взять и повѣсить меня! И чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ, и я ни капельки не горевалъ бы объ этомъ!..

Новый трудъ по исторіи русской литературы.

I.

Мы имѣемъ въ виду недавно закончившуюся печатаніемъ обширную исторію русской литературы А. Н. Пыпина, заключающую въ своихъ четырехъ томахъ исторію изученія послѣдовательнаго развитія русской литературы отъ ея возникновенія до послѣдняго времени. Появленіе этого труда отвѣчаетъ давно уже назрѣвшей потребности уяснить цѣлый рядъ общихъ задачъ, которыя были выдвинуты, особенно въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, множествомъ детальныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ, еще не занявшимъ опредѣленнаго мѣста въ научномъ пониманіи содержанія и развитія литературы. Не было введено въ общую схему и значительное число вновь открытыхъ и изданныхъ памятниковъ; громадное количество записей произведеній народно-поэтическаго творчества заставляло, напримѣръ, существенно измѣнить прежнюю точку зрѣнія на внутренній характеръ народной поэзіи и ея отношеніе къ письменности древнерусской и позднѣйшей. Наконецъ, русская литература совпадала, въ процессѣ своего развитія, съ постепеннымъ ростомъ тѣхъ фактовъ, изъ которыхъ слагалась исторія русскаго просвѣщенія, національнаго самосознанія и умственной жизни въ самомъ широкомъ смыслѣ, съ выработкой характернаго для каждой данной эпохи міросозерцанія, общественныхъ и политическихъ идеаловъ; разсмотрѣніе исторіи литературы съ этой точки зрѣнія — а едва ли возможно ее разсматривать въ настоящее время иначе,—нуждалось въ широкомъ идейномъ освѣщеніи, въ указаніи ея органической связи съ той средой, въ которой она зародилась и развилась, и совокупностью тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ общественной и народной жизни, среди которыхъ она сама являлась могучимъ факторомъ въ дѣлѣ духовнаго развитія народныхъ массъ, культурнаго и политическаго прогресса. Труды Галахова и Порфирьева въ этой области, имѣвшіе извѣстное научное значеніе, уступаютъ новому труду въ томъ отношеніи, что въ нихъ предлагалась главнымъ образомъ исторія книгъ, а не исторія идей, и первый опытъ построить

исторію литературы на началахъ внутренняго преемства и идейной послѣдовательности долженъ быть признанъ крупной заслугой, оказанной А. Н. Пыпинымъ русскому просвѣщенію.

Такого рода точка зрѣнія, конечно, значительно расширяетъ прежнія пониманія исторіи литературы и ея задачъ и вызываетъ необходимость новыхъ методовъ изученія, новыхъ историко-литературныхъ пріемовъ. Если девятнадцатый вѣкъ внесъ съ собою всеобъемлющую идею о такой „всеобщей" литературѣ, которая отразила бы въ своемъ философскомъ синтезѣ основныя черты цѣльнаго поэтическаго движенія во всемъ человѣчествѣ, то понятіе ближайшихъ задачъ изученія въ исторіяхъ литературъ національныхъ установилось далеко не сразу. Первоначальные взгляды на объемъ исторіи литературы никоимъ образомъ не могли претендовать на узкость созданныхъ ими рамокъ, скорѣе—наоборотъ, послѣднія были слишкомъ обширны и вслѣдствіе этой обширности, вслѣдствіе стремленія захватить все сколько нибудь смежное съ литературой, „отражавшей въ себѣ общество", были слишкомъ неопредѣленны. Прежде въ исторію литературы входили всѣ памятники, изъ которыхъ впослѣдствіи, независимо отъ ихъ характера и содержанія, сложилась „письменность" въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: тутъ были и древняя эпопея, лирика и драма, и произведенія историческія, и памятники права и памятники языка. Представляя собой первоначально безразличные каталоги писателей и ихъ произведеній, эта исторія литературы съ внѣшней стороны являлась одной изъ предшествовавшихъ ступеней развитія той величественной исторіи духовной жизни народовъ, о которой мечталъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, и которая, подъ именемъ филологіи, захватываетъ въ современной нѣмецкой наукѣ всю нравственно-поэтическую дѣятельность народа, выразившуюся въ словѣ, его языкъ, поэзію, преданія старины, обычай и творчество индивидуальное во всемъ многообразіи его личныхъ и общественныхъ условій; многія области археологіи, исторія культуры, психологія, искусство являются, при такой постановкѣ вопроса, лишь вспомогательными средствами, второстепенными отраслями этой многогранной науки о законахъ и формахъ духовнаго развитія народа. Въ такомъ родѣ выполнены, напримѣръ, при содѣйствіи цѣлаго ряда ученыхъ сотрудниковъ, громадныя предпріятія Пауля—о германской филологіи, гдѣ цѣлые отдѣлы посвящены, между прочимъ, такимъ вопросамъ, какъ хозяйство, право, военное дѣло, обычай, и обработка народныхъ обычаевъ настоящаго времени, и Густава Грёбера— филологіи романской; по столь-же обширной программѣ задуманъ въ послѣднее время И. В. Ягичемъ, извѣстнымъ славистомъ, цѣльный обзоръ славянской филологіи. Исторія литературы представляетъ собою также одну изъ отраслей этой обширной науки, но ей отведено въ ней одно изъ существенныхъ

мѣстъ. И она пользуется услугами сопредѣльныхъ съ нею наукъ и уже не можетъ довольствоваться ролью простого каталога писателей и ихъ прозведеній, хотя опредѣленію ея далеко еще не указаны границы. Когда изъ общей массы памятниковъ были выдѣлены такіе, которые являлись памятниками литературными по существу, съ художественнымъ элементомъ въ основѣ, объемъ и содержаніе исторіи литературы были опредѣлены, прежде всего, художественной критикой, устанавливавшей преемственность явленій въ исторіи прогресса художественнаго творчества; при этомъ, естественно, отъ исторіи литературы отпадало все, что не носило на себѣ явнаго художественнаго отпечатка и не было произведеніемъ первостепеннаго достоинства, отмѣчавшимъ въ яркихъ, осязательныхъ формахъ ту или другую черту художественнаго прогресса. Это былъ тотъ „аристократизмъ“ эстетической критики, за который такъ нападалъ на Бѣлинскаго покойный Буслаевъ. Для критика одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника было неизмѣримо выше всѣхъ произведеній народной поэзіи вмѣстѣ взятыхъ“. „Естественная поэзія“ представлялась ему дѣтскимъ лепетомъ въ сравненіи съ художественной, которая есть „опредѣленное слово мужа“. Отрицая народную поэзію, Бѣлинскій оставлялъ безъ вниманія и всю до-петровскую литературу, что было уже слишкомъ большой крайностью, и неудивительно, поэтому что, когда на первый планъ изслѣдованія стали „интересы національной психологіи“, указавшіе важность изученія фактовъ творчества отдѣльныхъ массъ, эта исключительно эстетическая точка зрѣнія потеряла подъ собой устойчивую почву. Изученіе нашей древней письменности, ставшее особенно серьезнымъ съ сороковыхъ годовъ, открывавшее вопросъ о реставраціи древнѣйшихъ формъ внѣшняго и внутренняго быта нашихъ предковъ, выясняло необходимость строгаго историческаго пониманія отдѣльныхъ литературныхъ фактовъ и ихъ взаимоотношеній. Къ этому историческому изученію нашей старины вскорѣ примкнуло изученіе бытовое, этнографическое и—шедшее почти параллельно—изученіе славянства,—устанавливавшее, на основаніи племенного родства и историческихъ связей, представленіе о славянскомъ цѣломъ, въ которомъ русскій народъ являлся одною, правда, могущественнѣйшею частью. Складывавшаяся такимъ образомъ сложная задача исторіи литературы встрѣтила въ своемъ разрѣшеніи поддержку въ новыхъ научныхъ методахъ, принесенныхъ русскими учеными съ запада. Сравнительно-филологическій методъ Якова Гримма былъ блистательно примѣненъ Буслаевымъ сначала къ изслѣдованію древнѣйшей поры церковно-славянскаго языка, а затѣмъ къ народнымъ преданіямъ и миѳамъ, впервые этимъ путемъ раскрывъ народно-поэтическій элементъ въ древней письменности и поставивъ его въ связь съ современными записями народнаго творчества. Сдѣ-

исторію литературы на началахъ внутренняго преемства и идейной послѣдовательности долженъ быть признанъ крупной заслугой, оказанной А. Н. Пыпинымъ русскому просвѣщенію.

Такого рода точка зрѣнія, конечно, значительно расширяетъ прежнія пониманія исторіи литературы и ея задачъ и вызываетъ необходимость новыхъ методовъ изученія, новыхъ историко-литературныхъ пріемовъ. Если девятнадцатый вѣкъ внесъ съ собою всеобъемлющую идею о такой „всеобщей" литературѣ, которая отразила бы въ своемъ философскомъ синтезѣ основныя черты цѣльнаго поэтическаго движенія во всемъ человѣчествѣ, то понятіе ближайшихъ задачъ изученія въ исторіяхъ литературъ національныхъ установилось далеко не сразу. Первоначальные взгляды на объемъ исторіи литературы никоимъ образомъ не могли претендовать на узкость созданныхъ ими рамокъ, скорѣе—наоборотъ, послѣднія были слишкомъ обширны и вслѣдствіе этой обширности, вслѣдствіе стремленія захватить все сколько нибудь смежное съ литературой, „отражавшей въ себѣ общество", были слишкомъ неопредѣленны. Прежде въ исторію литературы входили всѣ памятники, изъ которыхъ впослѣдствіи, независимо отъ ихъ характера и содержанія, сложилась „письменность" въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: тутъ были и древняя эпопея, лирика и драма, и произведенія историческія, и памятники права и памятники языка. Представляя собой первоначально безразличные каталоги писателей и ихъ произведеній, эта исторія литературы съ внѣшней стороны являлась одной изъ предшествовавшихъ ступеней развитія той величественной исторіи духовной жизни народовъ, о которой мечталъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, и которая, подъ именемъ филологіи, захватываетъ въ современной нѣмецкой наукѣ всю нравственно-поэтическую дѣятельность народа, выразившуюся въ словѣ, его языкъ, поэзію, преданія старины, обычай и творчество индивидуальное во всемъ многообразіи его личныхъ и общественныхъ условій; многія области археологіи, исторія культуры, психологія, искусство являются, при такой постановкѣ вопроса, лишь вспомогательными средствами, второстепенными отраслями этой многогранной науки о законахъ и формахъ духовнаго развитія народа. Въ такомъ родѣ выполнены, напримѣръ, при содѣйствіи цѣлаго ряда ученыхъ сотрудниковъ, громадныя предпріятія Пауля—о германской филологіи, гдѣ цѣлые отдѣлы посвящены, между прочимъ, такимъ вопросамъ, какъ хозяйство, право, военное дѣло, обычай, и обработка народныхъ обычаевъ настоящаго времени, и Густава Грёбера— филологіи романской; по столь-же обширной программѣ задуманъ въ послѣднее время И. В. Ягичемъ, извѣстнымъ славистомъ, цѣльный обзоръ славянской филологіи. Исторія литературы представляетъ собою также одну изъ отраслей этой обширной науки, но ей отведено въ ней одно изъ существенныхъ

мѣстъ. И она пользуется услугами сопредѣльныхъ съ нею наукъ и уже не можетъ довольствоваться ролью простого каталога писателей и ихъ прозведеній, хотя опредѣленію ея далеко еще не указаны границы. Когда изъ общей массы памятниковъ были выдѣлены такіе, которые являлись памятниками литературными по существу, съ художественнымъ элементомъ въ основѣ, объемъ и содержаніе исторіи литературы были опредѣлены, прежде всего, художественной критикой, устанавливавшей преемственность явленій въ исторіи прогресса художественнаго творчества; при этомъ, естественно, отъ исторіи литературы отпадало все, что не носило на себѣ явнаго художественнаго отпечатка и не было произведеніемъ первостепеннаго достоинства, отмѣчавшимъ въ яркихъ, осязательныхъ формахъ ту или другую черту художественнаго прогресса. Это былъ тотъ „аристократизмъ“ эстетической критики, за который такъ нападалъ на Бѣлинскаго покойный Буслаевъ. Для критика одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника было неизмѣримо выше всѣхъ произведеній народной поэзіи вмѣстѣ взятыхъ“. „Естественная поэзія“ представлялась ему дѣтскимъ лепетомъ въ сравненіи съ художественной, которая есть „опредѣленное слово мужа“. Отрицая народную поэзію, Бѣлинскій оставлялъ безъ вниманія и всю до-петровскую литературу, что было уже слишкомъ большой крайностью, и неудивительно, поэтому что, когда на первый планъ изслѣдованія стали „интересы національной психологіи“, указавшіе важность изученія фактовъ творчества отдѣльныхъ массъ, эта исключительно эстетическая точка зрѣнія потеряла подъ собой устойчивую почву. Изученіе нашей древней письменности, ставшее особенно серьезнымъ съ сороковыхъ годовъ, открывавшее вопросъ о реставраціи древнѣйшихъ формъ внѣшняго и внутренняго быта нашихъ предковъ, выясняло необходимость строгаго историческаго пониманія отдѣльныхъ литературныхъ фактовъ и ихъ взаимоотношеній. Къ этому историческому изученію нашей старины вскорѣ примкнуло изученіе бытовое, этнографическое и — шедшее почти параллельно — изученіе славянства, — устанавливавшее, на основаніи племенного родства и историческихъ связей, представленіе о славянскомъ цѣломъ, въ которомъ русскій народъ являлся одною, правда, могущественнѣйшею частью. Складывавшаяся такимъ образомъ сложная задача исторіи литературы встрѣтила въ своемъ разрѣшеніи поддержку въ новыхъ научныхъ методахъ, принесенныхъ русскими учеными съ запада. Сравнительно-филологическій методъ Якова Гримма былъ блистательно примѣненъ Буслаевымъ сначала къ изслѣдованію древнѣйшей поры церковно-славянскаго языка, а затѣмъ къ народнымъ преданіямъ и миѳамъ, впервые этимъ путемъ раскрывъ народно-поэтическій элементъ въ древней письменности и поставивъ его въ связь съ современными записями народнаго творчества. Сдѣ-

давшее громадные успѣхи сравнительное языкознаніе указало тѣсную родственную связь народовъ индо-европейскаго племени въ основныхъ началахъ ихъ историческаго развитія, и за сравненіемъ языковъ совершенно естественно возникло сравнительное изученіе миѳологіи, религіи, права, наконецъ, народной поэзіи. Сходныя черты въ этихъ областяхъ удобно объяснялись Гриммовой теоріей до-историческаго сродства, но уже вскорѣ Бенфей вноситъ въ эту теорію существенную поправку, указывая, что это сходство было очень часто дѣломъ простого заимствованія однимъ народомъ у другого, и что, стало быть, далеко не все могло быть объясняемо возведеніемъ къ древнѣйшему племенному родству. Эта теорія заимствованія прочно утвердилась въ нашей наукѣ и существенно измѣнила господствовавшій прежде взглядъ на національную исключительность и исконность поэтическаго преданія.

Пока вырабатывались методы и устанавливались тѣ или другія точки зрѣнія, шла обширная дѣятельность по изданію памятниковъ древней письменности и собиранію произведеній народно-поэтическаго творчества. Открываются богатыя залежи эпоса, записываются тысячи лирическихъ пѣсенъ, уже готовыхъ исчезнуть изъ памяти народной; сказки, пословицы, загадки, повѣрья и обычаи открываютъ доступъ въ сокровеннѣйшіе тайники народнаго міросозерцанія и духа. Народная стихія ложится въ то-же время краеугольнымъ камнемъ въ основу реалистическаго, правдиваго отраженія жизни у величайшихъ нашихъ писателей-гуманистовъ, и изъ недавней подражательницы русская художественная литература становится равноправнымъ членомъ въ семьѣ европейскихъ литературъ.

Послѣдовательно вырабатываясь и развиваясь, задача историческаго изученія литературы, начавшаяся простымъ каталогомъ писателей и ихъ сочиненій, осложнялась все болѣе и болѣе и постепенно приняла тотъ видъ, какой современнымъ историкомъ литературы былъ формулированъ уже болѣе или менѣе опредѣленно: „новѣйшая литературная исторія, во-первыхъ, стремится обнять поэтическое творчество во всемъ его національномъ объемѣ, начиная съ его первыхъ проявленій въ древней народной поэзіи; во-вторыхъ, не ограничиваясь чисто художественной областью, привлекаетъ къ изслѣдованію сопредѣльныя проявленія народной и общественной мысли и чувства, разсматривая матеріалъ литературы, какъ матеріалъ для психологіи народа и общества; наконецъ, эта исторія изучаетъ явленія литературы сравнительно въ международномъ взаимодѣйствіи“. Такое широкое пониманіе основной историко-литературной задачи А. Н. Пыпинъ и ставитъ во главу своего обширнаго труда. Если отдѣльныя части его и не дадутъ вполнѣ удовлетворительнаго и обстоятельнаго отвѣта на всѣ вопросы, которые могутъ воз-

никнуть при разсмотрѣніи того, какъ осуществляется эта широко намѣченная программа, зато въ цѣломъ этотъ трудъ представляетъ собой наиболѣе полную картину итоговъ изученія исторіи литературы, изученія, которое далеко еще не достигло своего апогея, которое въ нѣкоторыхъ областяхъ идетъ неувѣренно, по непроторенныимъ путямъ, и само только еще намѣчаетъ вопросы, на которые отвѣтитъ, можетъ быть, не скоро. Задаваясь цѣлью обнять поэтическое творчество во всемъ его *національномъ* объемѣ, изслѣдователь ставитъ его въ непосредственную связь съ сопредѣльными проявленіями народной и общественной мысли и чувства. Онъ опредѣляетъ ту среду, въ которой развивалось поэтическое творчество; понятно, эта среда наложила неизгладимый національный отпечатокъ на все, что становилось въ устахъ народа поэтическимъ словомъ, независимо отъ путей и источниковъ, которыми отдѣльныя произведенія проникали въ народную массу. Историческія условія были могучимъ факторомъ, вліявшимъ на образованіе этого національнаго склада. Это признавалось и признается всѣми историками и историками литературы, но научное, или лучше сказать, общественно-научное отношеніе къ нимъ еще далеко не установилось,—вспомнимъ, напримѣръ, безконечные и сравнительно недавніе споры о петровской реформѣ, ея необходимости и примѣнимости къ русскому укладу. Поэтому познакомиться въ общихъ чертахъ съ тѣмъ, какъ смотритъ г. Пыпинъ на историческія условія русскаго національнаго развитія, тѣмъ болѣе необходимо, что характеристика ихъ явится въ то же время отраженіемъ его основного взгляда на „органическій смыслъ“ нашего историко-литературнаго развитія, въ особенности на тѣ явленія поэтическаго творчества, въ которыхъ нашли наиболѣе полное выраженіе народная и общественная мысль. Господствующее освѣщеніе большихъ и малыхъ величинъ нашей литературы опредѣлится прежде всего, какъ увидимъ, глубокимъ сочувствіемъ автора идеямъ національнаго и въ ближайшей связи съ этимъ общечеловѣческаго прогресса, свободно совершаемаго, въ условіяхъ правильнаго распредѣленія просвѣтительныхъ и культурныхъ благъ, при отсутствіи задерживающихъ внѣшнихъ стѣсненій, сочувствіемъ идеаламъ общаго всѣмъ матеріальнаго и духовнаго преуспѣянія, чуждымъ какой бы то ни было шовинистской окраски или классовыхъ и иныхъ предразсудковъ.

II.

Говоря о національныхъ особенностяхъ и національномъ развитіи русскаго народа, авторъ опредѣляетъ этими словами лишь индивидуальность русской національности въ ея отношеніи къ другимъ племенамъ и формамъ развитія. Въ опредѣленіи этихъ

особенностей и ихъ послѣдовательнаго образованія литература и ея судьба не могутъ не играть одной изъ наиболѣе важныхъ ролей: она является тѣмъ живымъ словомъ, въ которомъ отразилось прошлое народной жизни во всемъ разнообразіи ея матеріальныхъ и духовныхъ формъ. Но особенно важное значеніе получаютъ факты историческаго развитія литературы въ тѣхъ случаяхъ, когда говорятъ, что русскій міръ, вмѣстѣ съ греческимъ и славянскимъ, заключаетъ въ себѣ такія отличія и преимущества, которыя неизвѣстны міру западному, романскому и германскому, или когда въ русскомъ „культурномъ типѣ“ находятъ черты, совершенно исключающія мысль о возможности преемственности цивилизаціи отъ другихъ народовъ. Авторъ не вдается въ разсмотрѣніе этого послѣдняго взгляда, настаивающаго на исключительности русскаго народнаго характера и исторіи,—противъ подобнаго взгляда уже были приведены достаточные аргументы, и отрицаніе преемственности опровергается каждый день самими событіями. Но прежде, чѣмъ перейти къ основнымъ фактамъ литературной исторіи, которые были отраженіемъ основныхъ фактовъ дѣйствительности, онъ останавливается на вопросѣ о степени исключительности нашего культурнаго типа.

„Въ сущности, говоритъ г. Пыпинъ, очень трудно опредѣлить, гдѣ начиналась бы особенность „культурнаго типа“, отличающая русскій народъ или славянское племя“. По происхожденію изъ общеарійскаго племени русскій народъ родственъ со всѣми другими отраслями этого племени, въ частности съ народами западно-европейскими; позже исторія, по даннымъ языкознанія, имѣетъ возможность судить о славянскомъ племени въ нераздѣльномъ сліяніи съ племенами литовскимъ и германскимъ; еще позже изъ этого германо-литовско-славянскаго зерна обособляется общеславянская семья, въ свою очередь разбивающаяся въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи на цѣлый рядъ современныхъ намъ славянскихъ племенъ. Каждая изъ отмѣченныхъ стадій развитія оставляла свою печать прежде всего въ языкѣ, и эти слѣды наслѣдственно переходили въ каждую изъ эпохъ послѣдующихъ. Спрашивается: на какой же изъ этихъ историческихъ ступеней образовался тотъ исключительный культурный типъ, который, какъ предполагается, отдѣляетъ насъ отъ всего остального человѣчества? Такой ступени указать нельзя, такъ какъ первоначально, въ древнѣйшую эпоху существованія единаго, въ смыслѣ недѣлимости, индо-европейскаго или арійскаго племени, былъ одинъ лишь основной культурный типъ, содержаніе котораго безконечно дифференцировалось послѣдующей исторіей „подъ вліяніемъ всѣхъ тѣхъ условій географической мѣстности, климата, сосѣдства, племенного смѣшенія, бытовыхъ воздѣйствій,—условій, которыя воспринимаются физической и нравственной природой человѣка и отзываются на ней болѣе или менѣе быстрыми и

прочными видоизмѣненіями и передаются по наслѣдству". Условія эти были въ высшей степени разнообразны у различныхъ народовъ европейской территоріи; они вызвали столь же разнообразныя послѣдствія, которыя, тѣмъ не менѣе, не могли уничтожить общія родовыя свойства въ народныхъ массахъ и исконный характеръ ихъ культурно-прогрессивной дѣятельности. *Внутреннія* основы развитія у русскаго народа, стало быть, были тѣ же, что и у народовъ западно-европейскихъ, но громадная разница была во *внѣшнихъ* условіяхъ, въ историческихъ обстоятельствахъ, которыми сопровождалась историческая дѣятельность русскаго народа.

Эти внѣшнія условія извѣстны; они надолго задержали народное развитіе. Благодаря имъ, русскій народъ явился на опредѣленной исторической сценѣ почти на тысячу лѣтъ позднѣе народовъ романо-германскаго племени. Его обширнѣйшей восточной части не коснулось непосредственное вліяніе классическихъ культурныхъ преданій, которыя на западѣ дѣйствовали непрерывно; народныя массы нашего востока долго отличались характеромъ первобытной патріархальности: иногда разсказъ нашего начальнаго лѣтописца рисуетъ первобытныя ступени народной жизни, какія за тысячу лѣтъ рисовалъ Тацитъ для германскаго племени. Основаніе русскаго государства, создававшее почву для объединенія разрозненныхъ прежде племенъ въ одно цѣлое и придававшее этому объединенію національный характеръ, и затѣмъ принятіе христіанства, роднившее, при всемъ различіи исповѣданій, русскій народъ съ народами запада на почвѣ религіознаго чувства, были рѣшающими моментами въ русской исторіи. Но послѣдующія обстоятельства полагаютъ рѣзкую грань между востокомъ и западомъ. За замѣчательной дѣятельностью Кирилла и Меѳодія, установившихъ первое славянское христіанство, послѣдовало разъединеніе церквей, и послѣдствія церковной вражды Рима и Византіи съ самаго начала отразились и на церкви русской. „Каковы бы ни были основанія спора, дѣленіе греческаго востока и латинскаго запада, безъ сомнѣнія, повлекло за собой для русскаго народа и отчужденіе отъ той умственной жизни, какая тѣмъ временемъ уже широко развивалась на западѣ".

Татарское иго изолировало русскій народъ отъ общенія съ западомъ еще болѣе; достигшіе извѣстной высоты умственные и нравственные интересы загрубѣли. Русь выдержала гнетъ азіатскаго господства, но своей побѣдой надъ нимъ она была несомнѣнно обязана превосходству своей европейской культуры надъ восточной косностью. Татарское иго было причиной суженія того національнаго горизонта, которое обусловилось напряженнымъ стремленіемъ народныхъ силъ къ одной цѣли—къ централизаціи и освобожденію. Съ другой стороны въ русскомъ обществѣ, а затѣмъ и въ народѣ, подъ вліяніемъ побѣды, развивается самомнѣніе, гордое самовосхваленіе и приниженіе того, что не было

русскимъ и православнымъ. Паденіе Византіи обращаетъ взоры православнаго востока на Москву;—въ ней видятъ третій Римъ, который долженъ былъ замѣнить павшую греческую имперію. И въ то время какъ церковно-учительная литература, рѣшительно господствовавшая надъ всѣми другими литературными направленіями, предостерегала всѣми возможными средствами противъ общенія съ еретическимъ западомъ,—московскіе великіе князья, начиная съ XV вѣка, выказываютъ упорное желаніе познакомиться съ пріобрѣтеніями европейскаго просвѣщенія и воспользоваться тѣми изъ нихъ, которыя могли служить для государственной защиты и для украшенія быта. Съ половины XVI столѣтія начинается книгопечатное дѣло въ Москвѣ. Уже Годуновъ мечтаетъ объ основаніи русскаго университета, европейскаго, конечно, типа и посылаетъ, правда безуспѣшно, русскихъ людей учиться заграницу. Въ XVII в. эти европейскія вліянія усиливаются въ значительной степени: съ одной стороны, ихъ боятся по вѣроисповѣдной исключительности, а съ другой, чувствуютъ ихъ практическую необходимость и въ извѣстныхъ случаяхъ не могутъ обходиться безъ нихъ. Въ томъ же вѣкѣ, въ полномъ развитіи московскаго царства, въ самой Москвѣ нашла себѣ прочный пріютъ обширная „нѣмецкая слобода", въ которой были всевозможные спеціалисты техники, художества, научнаго знанія. Подписывая указъ объ изловленіи и наказаніи гудцовъ, гусельниковъ, скомороховъ, всякаго рода „веселыхъ людей", которые играли „бѣсовскія" игры и пѣли „бѣсовскія" пѣсни (а среди нихъ было немало сюжетовъ западнаго происхожденія), царь Алексѣй Михайловичъ самъ былъ не прочь подивиться заморскому искусству подобнаго рода и къ концу своего царствованія до страсти увлекся театральными представленіями, дававшимися во дворцѣ. Дочь его, говорятъ, пыталась переводить Мольера.

Сильная полоса западнаго вліянія шла въ то же время черезъ Польшу при посредствѣ Малороссіи. Западная наука была принята тамъ, какъ оружіе, которое требовалось для культурной борьбы, въ защиту православія отъ католицизма и уніи. Вліяніе кіевской академіи, устроенной по образцу латинскихъ школъ на западѣ, скоро сказалось на Москвѣ устройствомъ подобной же школы и притокомъ научныхъ и литературныхъ силъ съ юго-запада. Западное вліяніе просачивается и въ сухой и чопорный строй произведеній нашей „письменности"; неизвѣстная дотолѣ простая бытовая повѣсть, шуточный разсказъ, наконецъ, романъ отвоевываютъ себѣ мѣсто рядомъ съ „поученіями" и „бесѣдами" и находятъ все большій и большій кругъ читателей. Эта новая литература широко пользовалась нѣмецкими и французскими источниками и незамѣтно подготовляла новый періодъ литературы.

Параллельно съ этимъ усиливались заботы самого государства

объ увеличеніи средствъ русской культуры, и не можетъ подлежать сомнѣнію для безпристрастнаго взгляда, что преобразованія Петра В. были только продолженіемъ гораздо ранѣе начавшагося дѣла, что, если и были отступленія и колебанія, они являлись лишь слѣдствіемъ тяжело сложившихся внѣшнихъ условій, но не самой національной природы, и что, такимъ образомъ, „послѣдній переломъ, какимъ считаютъ петровскую реформу, былъ органическимъ требованіемъ этой самой природы". Поэтому-то въ различныхъ своихъ формахъ нововведенія Петра В., продолженныя XVIII и XIX в., столь органически привились къ русской жизни, содѣйствовали оживленному и широкому развитію національныхъ силъ и сообщили литературѣ—„единственному выраженію общественнаго сознанія"—національный и вмѣстѣ съ тѣмъ европейскій характеръ, „по основамъ ея умственнаго, нравственнаго, поэтическаго и соціальнаго содержанія".

Авторъ предвидитъ возраженіе противъ подобнаго взгляда въ томъ смыслѣ, что это образовательное движеніе и литература были дѣломъ только высшихъ классовъ общества и оставались чужды народу не только внѣшнимъ образомъ, но и по духу. „Но въ этой точкѣ зрѣнія, говоритъ онъ, заключается большая историческая ошибка. Неучастіе народной массы въ движеніи XVIII—XIX вѣка не имѣетъ ничего принципіальнаго и свидѣтельствуетъ только о печальномъ фактѣ политической и общественной подавленности народа, оставшейся наслѣдіемъ отъ старыхъ тяжелыхъ эпохъ нашей исторіи". Національная потребность въ новой наукѣ и литературѣ достаточно ярко выразилась въ личности и дѣятельности Ломоносова, который былъ „самый подлинный человѣкъ изъ народа". Характеръ и значеніе литературнаго развитія двухъ послѣднихъ вѣковъ „наглядно изображается тѣмъ началомъ новой литературы, когда Ломоносовъ ставилъ уже вопросъ о „размноженіи и сохраненіи россійскаго народа", и тѣмъ концомъ—современнымъ періодомъ русской литературы,—когда столько лучшихъ силъ науки и литературы посвящается именно изученію народа и заботамъ объ его „размноженіи и сохраненіи". На новой литературѣ лежала важная задача въ области общественныхъ вопросовъ, насколько они были ей доступны,—она призвана была „разъяснить общественную ненормальность и безнравственность угнетенія, лежавшаго на народныхъ массахъ, и объяснить необходимость той новой реформы, совершеніе которой въ наши дни было и великимъ національно-государственнымъ дѣломъ, и фактомъ торжества просвѣтительныхъ идей, которымъ служила литература".

При такомъ взглядѣ на ходъ историческаго и историко-литературнаго развитія вопросъ о „культурномъ типѣ" и исконной самобытности его образованія устраняется самъ собою. Слѣдуетъ не ограждаться китайской стѣною отъ европейскихъ вліяній

просвѣтительнаго характера, а напротивъ, идти къ нимъ навстрѣчу въ глубокомъ убѣжденіи въ ихъ однородности съ коренными стремленіями, двигающими русскій народъ по его историческому пути. „Народъ, по происхожденію принадлежащій къ одному племени съ культурными народами Европы, обладающій христіанскимъ просвѣщеніемъ, несомнѣнно способный къ воспріятію науки, создавшій—при всѣхъ трудныхъ условіяхъ—замѣчательную поэтическую литературу, обнаруживаетъ всѣ основныя данныя европейскаго характера, и его будущее должно совершаться въ средѣ высшихъ умственныхъ и нравственныхъ пріобрѣтеній европейскаго образованія". Если литература является „единственнымъ выраженіемъ общественнаго сознанія", то совершающееся въ ея формахъ осмысленіе историческаго процесса, которое даетъ возможность дѣлать подобнаго рода коренные выводы, ближайшимъ образомъ указываетъ на ея обширное значеніе, превышающее область ея непосредственнаго художественнаго воздѣйствія.

III.

Основной взглядъ А. Н. Пыпина на значеніе литературы, въ связи съ историческимъ развитіемъ русской общественной и народной жизни, совпадаетъ съ тѣмъ внутреннимъ, философскимъ смысломъ, который вытекаетъ изъ объединенія и объясненія разнородныхъ литературныхъ фактовъ. Обратимся теперь къ внѣшней или, лучше сказать, конкретной сторонѣ его труда, къ тому, какимъ образомъ осуществляетъ онъ взятую имъ на себя задачу, съ одной стороны, представить исторію идей, а не исторію книгъ, а съ другой—доставить „любознательному читателю и начинающему ученому возможность войти въ подробности предмета и познакомиться съ настоящимъ положеніемъ его разработки".

Первый вопросъ, котораго мы должны коснуться,—вопросъ о распредѣленіи историко-литературнаго матеріала. Это вопросъ чрезвычайно важный самъ по себѣ, независимо отъ того, для какого контингента читателей предназначаетъ авторъ свой трудъ: именно исторія идей должна быть особенно послѣдовательной и выдержанной со стороны плана. Основными періодами исторіи русской литературы, какъ вообще русской исторіи, говоритъ А. Н. Пыпинъ, могутъ быть приняты три. Границами имъ служатъ эпоха татарскаго нашествія, а затѣмъ вторая половина XVII вѣка, какъ преддверіе Петровской реформы, открывающей новую пору русской литературы. Конечно, это періоды приблизительные въ хронологическомъ отношеніи и намѣченные столько же для разграниченія по группамъ болѣе или менѣе однородныхъ признаковъ, сколько для облегченія самого изслѣдователя, принужденнаго имѣть дѣло съ значительнымъ количествомъ фак-

товъ, переходящихъ въ дѣйствіи своемъ изъ одной эпохи въ другую.

Древнему періоду литературы посвященъ первый томъ настоящаго труда. За главой о начаткахъ русской письменности идетъ глава о первыхъ церковныхъ памятникахъ и древнѣйшихъ свидѣтельствахъ о народной словесности, гдѣ авторъ отмѣчаетъ враждебное отношеніе церковно-учительной литературы къ народной поэзіи. „Древніе книжники достигли своей цѣли: не дали въ книгѣ мѣста бѣсовскимъ пѣснямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это былъ великій ущербъ для поэтическаго развитія народа: національное преданіе разбивалось и, быть можетъ, это обстоятельство имѣло свою роль въ позднѣйшемъ взаимномъ отдаленіи юга (а также запада) и сѣвера. Но природа брала свое. Поэтическая жизнь, остановленная въ одномъ направленіи, должна была искать себѣ выраженія въ тѣхъ новыхъ областяхъ, которыя открывались теперь народному чувству и фантазіи". Складывавшееся, подъ вліяніемъ новыхъ христіанскихъ понятій, отличное отъ прежняго міросозерцаніе открывало широкій просторъ легендѣ и апокрифическому сказанію; оно создавало новый обычай и существенно вліяло на измѣненіе нравовъ, юридическихъ и бытовыхъ понятій въ народной средѣ. Съ одной стороны апокрифъ и легенды, съ другой такіе памятники, какъ „Вопросы черноризца Іакова" или „Вопросы Кирика Нифонту", не говоря уже о лѣтописяхъ и поученіяхъ, наглядно характеризуютъ сложный процессъ смѣшенія стараго съ новымъ и ту роль, которую играло духовенство въ вопросѣ о выработкѣ новой почвы, на которой становилось возможнымъ прокладывать пути нравственнаго усовершенствованія человѣка. Говоря о византійскомъ источникѣ назидательной литературы, уживавшейся рядомъ съ легендарной, авторъ останавливается на томъ фактѣ, что весьма часто византійское вліяніе совершалось чрезъ южно-славянское посредство. „Въ первомъ вѣкѣ нашей письменности, повидимому, господствовала особенно литература болгарская, гдѣ блестящій вѣкъ царя Симеона собралъ значительный запасъ христіанскаго назидательнаго чтенія". Болгарскія книги, отвѣчавшія тѣмъ же потребностямъ и стремленіямъ болгарскаго народа, которыя возникли у русскихъ съ принятіемъ христіанства, внесли готовое содержаніе и формы старо-славянскаго языка, который „далъ тонъ церковнаго стиля, сохранявшагося потомъ цѣлые вѣка". Вмѣстѣ съ многочисленными сборниками назидательнаго характера и переводомъ книгъ св. писанія, въ которыхъ было много „недоумѣннаго" для малоопытнаго читателя, являются толковники въ вопросо-отвѣтной формѣ, возникаютъ „азбуковники", разростающіеся впослѣдствіи въ цѣлую энциклопедію стариннаго русскаго книжника. Ветхозавѣтная исторія съ апокрифическими дополненіями (палея), житія святыхъ („прологъ") становятся любимѣй-

просвѣтительнаго характера, а напротивъ, идти къ нимъ нав
въ глубокомъ убѣжденіи въ ихъ однородности съ кор
стремленіями, двигающими русскій народъ по его истори
пути. „Народъ, по происхожденію принадлежащій къ одно
мени съ культурными народами Европы, обладающій хр
скимъ просвѣщеніемъ, несомнѣнно способный къ вос
науки, создавшій—при всѣхъ трудныхъ условіяхъ—замѣ
ную поэтическую литературу, обнаруживаетъ всѣ основн
ныя европейскаго характера, и его будущее должно сове
въ средѣ высшихъ умственныхъ и нравственныхъ пріо
европейскаго образованія". Если литература является „ед
нымъ выраженіемъ общественнаго сознанія", то соверш
въ ея формахъ осмысленіе историческаго процесса,
даетъ возможность дѣлать подобнаго рода коренные выв
жайшимъ образомъ указываетъ на ея обширное значе
вышающее область ея непосредственнаго художествен
дѣйствія.

III.

Основной взглядъ А. Н. Пыпина на значеніе литер
связи съ историческимъ развитіемъ русской общественно
ной жизни, совпадаетъ съ тѣмъ внутреннимъ, философс
сломъ, который вытекаетъ изъ объединенія и объясненія
ныхъ литературныхъ фактовъ. Обратимся теперь къ внѣ
лучше сказать, конкретной сторонѣ его труда, къ тому, ка
зомъ осуществляетъ онъ взятую имъ на себя задачу,
стороны, представить исторію идей, а не исторію кн
другой—доставить „любознательному читателю и нач
ученому возможность войти въ подробности предмет
комиться съ настоящимъ положеніемъ его разработки"

Первый вопросъ, котораго мы должны коснуться,
о распредѣленіи историко-литературнаго матеріала. Э
чрезвычайно важный самъ по себѣ, независимо отъ
какого контингента читателей предназначаетъ авторъ
именно исторія идей должна быть особенно послѣдов
выдержанной со стороны плана. Основными період
русской литературы, какъ вообще русской исторіи,
Н. Пыпинъ, могутъ быть приняты три. Г[illegible]ми
эпоха татарскаго нашествія, а затѣм
вѣка, какъ преддверіе Петровской ре
пору русской литературы. Конечно
ные въ хронологическомъ отношені
для разграниченія по группамъ бо
признаковъ, сколько для облегчен
нужденнаго имѣть дѣло съ зна

ствен-
обще-
торіи,
ь объ-
ональ-

усскую
гую не
, назы-
еко не
опросы
икорус-
іъ гово-
народ-
го пере-
зя исто-
епосред-
і Львовъ
ническі
вѣтвями
ой націо-
ы (пола-
азнообра-
. Авторъ
гвовала и
южными,
мъ и шва-
онтцемъ и
мѣшала ни
степенной
бъ господ-
одобное-же
вопросѣ о
ги исключи-
рѣпостномъ,
возстанія у
народность,
ывшую ста-
ніе „попра-

итіи древне-
гольскій пе-
ности и свѣ-
венную энер-
Зъ древнихъ
земли и на-

шими книгами для чтенія; сношенія съ Византіей облегчаютъ переходъ на русскую почву легендарныхъ сказаній богомиловъ, въ числѣ которыхъ была донынѣ извѣстная въ народѣ легенда о томъ, что сотвореніе міра совершилось Богомъ при соучастіи дьявола. „Поэтическая производительность все больше и больше направлялась въ область новаго міровоззрѣнія и новаго чуда, смѣнявшаго чудесное старой миѳологіи“.

Опредѣляя, въ слѣдующей главѣ, особенности древняго періода, какъ времени „преобладающаго значенія южной Руси“, А. Н. Пыпинъ останавливается на томъ выдвинутомъ въ послѣднее время и все еще спорномъ вопросѣ,—какое именно племя представляла эта южная Русь? Одни изслѣдователи считаютъ современную южную Русь продолженіемъ и потомствомъ древней, другіе (вслѣдъ за Погодинымъ) полагаютъ, что въ южной Руси жили и дѣйствовали „кіевскіе великороссіяне“. „Отнимая у южнаго племени преданія древней исторіи, эта точка зрѣнія давала опору и тому взгляду, который находилъ вреднымъ современное развитіе малорусской литературы, какъ опасный или ненужный сепаратизмъ. Такимъ образомъ, историческій вопросъ о древней южной Руси пріобрѣтаетъ и важность современнаго общественнаго вопроса“.

Для рѣшенія его, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ, прежде всего необходимо выдѣлить вопросъ о литературномъ правѣ малорусской народности. Ведутъ ли нынѣшніемалоросы свой родъ непрерывно отъ кіевлянъ IX—X вѣка или отъ галицко-волынской Руси XIII—XIV в., — совершенно безразлично. Вѣка историческаго существованія опредѣлили характерныя отличительныя черты этой народности, отразившіяся въ быту, въ поэзіи, въ языкѣ. Въ исторіи на ея долю выпала тяжелая защита русскаго и иноплеменнаго элемента отъ иноплеменнаго и иновѣрнаго гнета; во время борьбы она основала первую правильную русскую школу, которая помогла вскорѣ „образовательному обновленію“ самой Москвы; изъ ея среды вышелъ цѣлый рядъ ревностныхъ помощниковъ Петра; создавъ богатую народную поэзію, составляющую украшеніе русскаго національнаго генія въ его цѣломъ, она проявила способность къ самостоятельной литературной дѣятельности и воспитала великаго писателя въ лицѣ Гоголя, словомъ обнаружила, при свободномъ развитіи народныхъ силъ, богатые задатки умственнаго, нравственнаго и поэтическаго творчества, которые, какъ показала исторія, при всемъ видимомъ различіи исторически-сложившихся особенностей, ведутъ въ своемъ окончательномъ дѣйствіи на пользу національнаго цѣлаго. „Стѣсненіе жизненныхъ проявленій отдѣльныхъ вѣтвей племени является поэтому противнымъ историческому опыту и вреднымъ для національнаго

организма. Истинная его сила заключается не въ насильственномъ объединеніи особенностей, а въ широкомъ развитіи общественныхъ силъ, которое, при громадности народа и территоріи, по необходимости принимаетъ мѣстные оттѣнки, но затѣмъ объединяется все на болѣе широкихъ началахъ цѣлой національной жизни".

Установивъ, такимъ образомъ, точку зрѣнія на малорусскую литературу и отмѣтивъ, съ одной стороны, тревогу, поднятую не такъ давно „особаго рода публицистами" по поводу, такъ называемаго, малороссійскаго сепаратизма и исходившую далеко не всегда изъ лучшихъ побужденій, а съ другой—спорные вопросы исторической и лингвистической науки, въ области великорусской и малорусской діалектологіи и ея исторіи, г. Пыпинъ говоритъ: „Каково-бы ни было происхожденіе малорусской народности, древнее кіевское или болѣе позднее, отъ галицкаго переселенія (какъ нѣкоторые думаютъ), какова-бы ни была ея исторія, она все-таки не есть для насъ чуждый элементъ, а непосредственное потомство древней Руси, которой принадлежали Львовъ и Галичъ, и намъ, другой вѣтви этого потомства, органически близкое и по тому уже, что было пережито обѣими вѣтвями вмѣстѣ. Присутствіе ея въ современномъ составѣ русской національности не ограничиваетъ подлинной русской основы (полагаемой великорусскою), но напротивъ обогащаетъ ее разнообразіемъ національной натуры, характеровъ и дарованій". Авторъ напоминаетъ затѣмъ, какая областная разница существовала и существуетъ между различными, особенно сѣверными и южными, типами въ Германіи, Франціи, Италіи—между пруссакомъ и швабомъ, сѣвернымъ французомъ и провансаломъ, пьемонтцемъ и неаполитанцемъ,—однако эта областная разница не помѣшала ни національному развитію, ни общей работѣ надъ первостепенной литературой: „такое разнообразіе вовсе не есть ущербъ господствующей народности; это, напротивъ; ея богатство". Подобное-же „историческое недоразумѣніе" отмѣчаетъ авторъ и въ вопросѣ о народности бѣлорусской, на которую издавна смотрѣли исключительно съ польской точки зрѣнія, забывая о крѣпостномъ, издавна русскомъ населеніи. Со времени польскаго возстанія у русскихъ дѣятелей явился взглядъ на бѣлорусскую народность, какъ на „испорченную" польскими вліяніями и забывшую старину, и поэтому явилось весьма понятное стремленіе „поправить" ее по великорусскому образцу.

Какіе-бы элементы ни принимали участіе въ развитіи древнерусской цивилизаціи, несомнѣнно однако, что домонгольскій періодъ носитъ „характеръ свободной непосредственности и свѣжаго проявленія силъ"; онъ „обнаруживаетъ воинственную энергію, которая дѣлаетъ его героическимъ вѣкомъ". Въ древнихъ памятникахъ этого періода ясно сознаніе единства земли и на-

ціональныхъ интересовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что народная жизнь носила въ себѣ зародыши сильнаго и свободнаго развитія. Эти черты существенно отличаютъ этотъ періодъ отъ послѣдующихъ вѣковъ московской письменности, когда въ народѣ стало исчезать чувство общественной самобытности, и „онъ болѣе и болѣе превращался въ податную массу, пассивную и неподвижную, судьба которой могла окончиться только полнымъ закрѣпощеніемъ“.

Цѣлый рядъ сочиненій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ естественной науки, исторіи, географіи и космографіи, и школы, какъ бы примитивны они ни были, также не могли не оказать своего вліянія на тѣ элементы, которые проявили столь живую культурную дѣятельность въ кіевской Руси. Но съ XIII—XIV вѣка начинается различная исторія для юга и сѣвера; центръ дѣятельности переходитъ на сѣверъ, и уже тамъ начинаетъ дѣйствовать опредѣлившаяся великорусская народность.

IV.

Этотъ переходъ совершился не сразу. Литература продолжала служить по прежнему церковнымъ интересамъ; дѣленіе на земли и княженія съ ихъ мѣстными интересами и княжескими раздорами мѣшало политической устойчивости; сохранялся тотъ же характеръ образованія въ книжномъ меньшинствѣ и „простодушное двоевѣріе“ въ массѣ. Однако извѣстныя изъ исторіи внѣшнія событія и стремленія къ государственной организаціи оказали громадное вліяніе на судьбы образованія и литературы и сообщили среднему періоду нашей письменности и просвѣщенія особыя, новыя по сравненію съ прежними, отличительныя черты. Въ главѣ о среднихъ вѣкахъ нашей письменности А. Н. Пыпинъ подробно останавливается на выясненіи этихъ чертъ, объясняя ихъ вліяніемъ такихъ событій, какъ татарское иго, или новыхъ формъ московской жизни, образовавшихся въ эпоху объединенія Москвы и расширенія территоріи. Татарское нашествіе, удаляя изъ склада русской жизни европейскія вліянія, вносило въ него восточные элементы. Московская централизація находила прочную поддержку въ ордынской власти, „но эта поддержка пріобрѣталась особой покорностью; восточный взглядъ татаръ на власть, безъ сомнѣнія, сообщался ихъ союзникамъ, и привычка къ насилію пріобрѣталась тѣмъ легче, когда собственная власть покупалась униженіемъ“. Въ этнографическомъ отношеніи—въ великорусскую народность входили сѣверные (финскіе) и восточные элементы, и въ окончательномъ результатѣ эта примѣсь не могла не содѣйствовать пониженію національнаго уровня, уровня тѣхъ культурныхъ данныхъ, съ которыми племя начинало свою исторію; но ассимиляція совершалась при неизмѣнномъ

господствѣ русскаго языка и православнаго быта. Въ борьбѣ за принципъ централизаціи погибала независимость областей, а вмѣстѣ съ ней до неузнаваемости измѣнялись старыя стихіи народной жизни, которыя могли имѣть въ иномъ случаѣ органическое и правильное развитіе. Борьба сопровождалась страшными насиліями, которыя не могли не ожесточать народные нравы. Продолжительный, хотя пассивный протестъ народныхъ массъ сказался въ бѣгствѣ людей изъ государства, въ усиленіи казачества, въ возстаніяхъ; другой путь для неудовлетворенныхъ господствовавшимъ духовенствомъ или свѣтской властью открывался въ расколѣ, который, какъ говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 360), „въ теченіе вѣковъ держитъ милліоны народа внѣ гражданскихъ правъ и общественности, и дѣлаетъ для нихъ религіозную ревность источникомъ бѣдствія и преслѣдованія".

Неудивительно, что при этихъ условіяхъ упадокъ образованія въ русскомъ обществѣ сказался довольно рѣзко. Первые успѣхи въ этомъ отношеніи или заглохли, или остановились, не найдя себѣ почвы для благопріятнаго развитія. Особенно въ первые вѣка средняго періода, литература замыкается въ тѣсный кругъ церковно-схоластическаго содержанія, куда съ трудомъ проникаетъ жизненное вѣяніе или назрѣвающая общественная мысль. Тогдашнимъ литераторомъ и образованнымъ человѣкомъ становится начетчикъ въ церковныхъ книгахъ, которому не подъ силу роль просвѣтительно-нравственнаго руководителя народа. Духовенство само въ большинствѣ невѣжественно, и заявленія властей о томъ, что „должно быть книжное ученіе", слышатся все чаще и чаще, но только съ половины XVII вѣка принимаются серьезныя мѣры къ этому. Византія становится источникомъ мудрости уже не только религіозной, но даже законодательной и общественно-политической. Лежащая въ ея основѣ мысль о единомъ верховномъ властителѣ находитъ въ русской іерархіи сильную поддержку, и на этой почвѣ, когда во внутреннихъ отношеніяхъ стало обнаруживаться стремленіе къ централизаціи и единовластію, общественная сила духовенства все болѣе и болѣе возростаетъ,—она возвышается политически и матеріально, вмѣстѣ съ возвышеніемъ великаго князя московскаго. Введенная съ Софьей Палеологъ обстановка царской власти, находившей опору, во исполненіе требованій благочестія, въ духовной санкціи, не безъ основанія представлялась тогдашнимъ политикамъ „переставливаньемъ обычаевъ", и они считаютъ его небезопаснымъ даже для существованія государства: такъ много необычно-новаго вноситъ съ собою въ русскую жизнь византійское вліяніе. Паденіе Византіи сдѣлало Москву „третьимъ Римомъ", къ которой обращаются за „милостыней" южно-славянскіе, греческіе и восточные іерархи и монастыри. Рѣчи пришельцевъ льстили національному самолюбію, и „аѳонскіе старцы" не мало посодѣйствовали тому,

что люди московскаго царства стали считать себя въ концѣ концовъ избраннымъ народомъ, представителемъ и хранителемъ истиннаго христіанства, въ отличіе отъ христіанства не-византійскаго, къ которому относились съ крайней нетерпимостью. Эта нетерпимость объяснялась не исключительно впрочемъ вліяніемъ Византіи, настроенной враждебно противъ отдѣлившагося Рима: религіозные противники оказывались и политическими врагами, какъ поляки и нѣмцы, питавшими своекорыстные теократическіе замыслы, которые естественно вызывали отпоръ, принимавшій формы ожесточеннаго фанатизма. Серьезный вредъ такого порядка вещей заключался въ томъ, что свою нетерпимость къ католицизму Москва распространила на всю западную Европу, со всей ея культурой и знаніями. „Славянофильская школа думала осмыслить этотъ отказъ, утверждая, будто европейское просвѣщеніе такъ проникнуто было католической идеей, что вездѣ представляло переодѣтое латинство. Не вдаваясь въ вопросы, подлежащіе богословію, припомнимъ, что, напротивъ, именно въ эти вѣка западная жизнь представляетъ давно подготовлявшійся протестъ противъ католической теократіи: отъ Гуса, въ концѣ XIV вѣка, до реформаціи, въ первой половинѣ XVI-го, этотъ протестъ внѣшнимъ образомъ освободилъ отъ папскаго ига большую долю Европы, — во-вторыхъ, защищалъ національныя стороны нравственной жизни, наконецъ полагалъ первыя прочныя основы свободнаго научнаго изслѣдованія".

Говоря о боязни всего иноземнаго, какъ „гангрены огненныя и злѣйшія коросты", авторъ припоминаетъ слова Котошихина о томъ, что московскіе люди „для науки и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычаи, и вольность благую, не начали-бъ свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили". Иностранцы, понятно, свысока смотрѣли на русскихъ, но въ своихъ отзывахъ они далеки отъ недоброжелательства; напротивъ, они считаютъ ихъ за племя близкое и родственное имъ, отмѣчаютъ положительныя черты русскаго народа, его здравый смыслъ, любознательность и способность къ образованію, отсутствіе котораго они объясняли дурнымъ управленіемъ, непониманіемъ властями пользы науки, народнымъ рабствомъ.

За главами о татарскомъ нашествіи, въ его историческомъ значеніи и отраженіяхъ литературныхъ, и древнемъ просвѣщеніи, характерной чертой котораго является то, что его литературные источники, по выраженію историка церкви Голубинскаго, „не составляютъ между собою ни малѣйшаго преемства внутренняго и ни малѣйшаго порядка прогрессивно-историческаго", идутъ главы историко-литературныя въ собственномъ смыслѣ: лѣтопись,

историческія сказанія, житія; мѣстныя черты историческихъ сказаній и легенды; паломничество до половины XV вѣка; отреченныя книги. Государственное объединеніе, совершавшееся въ Москвѣ, отражалось на литературѣ въ томъ отношеніи, что обезличивало мѣстные элементы народности. „Объединеніе было иногда только разрушеніемъ, какъ въ Новгородѣ, и господство насилія, составлявшее одинъ изъ главныхъ способовъ московской политики, не поощряло просвѣщенія и не могло не понизить народнаго характера. Въ этомъ смыслѣ судьба Максима Грека, бѣгство Курбскаго, бѣдствія Крижанича—факты характеристическіе и знаменательные". Заглушаемые съ XVI вѣка мѣстные элементы въ восемнадцатомъ вѣкѣ, сознавшемъ опредѣленно скудость искусственно-книжнаго языка и литературнаго содержанія, призваны были обогатить ихъ, оживить и направить литературу уже не къ одной легендарной сторонѣ, но и къ живой и общественной дѣйствительности, къ насущнымъ народнымъ потребностямъ, практическимъ и нравственнымъ, которымъ она служитъ въ настоящее время.

Второй томъ посвященъ главнымъ образомъ историко-литературному матеріалу, уже объясненному съ общихъ точекъ зрѣнія въ первомъ томѣ. Онъ заключаетъ въ себѣ обозрѣніе формъ и видовъ древней письменности во времена московскаго царства, начиная отъ легендъ и сказаній, отражающихъ идеи о преемствѣ Византійской имперіи и кончая произведеніями конца XVII в., въ которыхъ рельефно отразились черты стараго московскаго быта и міровоззрѣнія и сказалось ожиданіе уже подготовленнаго западными вліяніями и лучшими умами эпохи новаго порядка вещей. Литература служила многочисленнымъ церковнымъ и общественно-политическимъ началамъ, среди которыхъ съ особой настойчивостью даетъ себя чувствовать необходимость просвѣщенія. „Это общественное броженіе (нашедшее выраженіе въ литературѣ), по складу міровоззрѣнія тѣхъ вѣковъ, вращалось на церковныхъ предметахъ и въ своихъ крайностяхъ выразилось ересями. Церковь, заключавшая тогда наиболѣе просвѣщенныхъ людей, какихъ могло выставить общество, въ лицѣ наиболѣе вліятельныхъ дѣятелей возстала противъ ересей со всей своей энергіей, и не смотря на всѣ препятствія, ревнители достигли своей цѣли—казней и заточенія еретиковъ. Но уже въ ту минуту послышались голоса совсѣмъ иного рода—голоса исходившіе отъ учителей безупречно святой жизни и напоминавшіе объ истинныхъ требованіяхъ христіанскаго ученія, о братолюбіи и терпимости къ заблужденію. Большого практическаго значенія эти голоса не возымѣли; взяли верхъ „іосифляне", и весьма естественно, потому что именно они были приверженцами стараго консервативнаго формализма, слѣпого подчиненія авторитету книги, не подвергаемой критическому анализу"... Самому

духовенству не доставало просвѣщенія; оно должно было обращаться къ вызову свѣдущихъ лицъ въ родѣ Максима Грека, а съ другой стороны надъ низменнымъ уровнемъ массы грамотныхъ людей возвышаются дѣятели совсѣмъ иного круга, каковъ былъ Курбскій, напримѣръ, и въ ихъ сочиненіяхъ отражается другая, чисто политическая сторона тогдашняго внутренняго движенія. Въ этомъ отношеніи Москва несомнѣнно начинала играть видную роль въ отношеніяхъ къ востоку и западу, но успѣхъ этотъ былъ односторонен въ томъ отношеніи, что средства умственнаго образованія и культуры далеко не отвѣчали широкому политическому горизонту. Литература отражаетъ смутныя настроенія въ области мысли и чувства. Многочисленые виды древней повѣсти, приходившей чрезъ южно-славянское посредство изъ византійскихъ и латино-романскихъ источниковъ, и позже—непосредственно съ запада, путешествія, рыцарскій романъ, историческія сказанія, оригинальные опыты въ этомъ родѣ составляютъ одну сторону литературнаго матеріала въ это время; съ другой—сочиненія такихъ дѣятелей, какъ Іосифъ Волоцкій и Нилъ Сорскій, Максимъ Грекъ, Курбскій, митр. Макарій и писатели и ученые кіевской школы обрисовываютъ состояніе эпохи съ точки зрѣнія религіозныхъ и этическихъ началъ. Авторъ подробно останавливается на вопросахъ объ исправленіи книгъ и началѣ раскола, на смѣшеніи литературныхъ теченій, когда „латинская часть“, какъ ее тогда прозвали на Москвѣ, боролась съ „греческимъ ученіемъ“. Западное вліяніе, типично выраженное однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ кануна реформы, Сильвестромъ Медвѣдевымъ, руководилось мыслью „вывести наконецъ русское общество изъ безсознательнаго невѣжества и внушить самостоятельную заботу о просвѣщеніи“. Люди „латинской“ партіи, эти московскіе „западники“ дореформенной эпохи далеко не были безпочвенны въ своихъ начинаніяхъ и стремленіяхъ: они остались русскими—православными людьми и, если и брали съ съ запада то, что было тамъ хорошаго, то не отвергали въ то же время и того изъ византійскаго наслѣдства, что принадлежало къ общечеловѣческому культурному достоянію. Таковъ былъ и Котошихинъ, которому А. Н. Пыпинъ посвящаетъ въ своемъ трудѣ проникнутый живымъ сочувствіемъ очеркъ. Указывая на несостоятельность мнѣнія о тенденціозности сочиненія этого злополучнаго эмигранта, соединявшаго въ себѣ тогдашній „европеизмъ“ съ чертами вполнѣ московскаго служилаго человѣка, г. Пыпинъ характеризуетъ его взгляды на просвѣщеніе и сознававшуюся имъ необходимость посылать молодыхъ людей учиться заграницу, его отрицательное отношеніе къ затворничеству женщинъ и боярской спеси, въ которой „великая порода“ играла роль выше „разума“, и говоритъ, что эти взгляды соотвѣтствуютъ вполнѣ взглядамъ Петра: „эти совпаденія не оставляютъ сомнѣнія, что въ

стремленіяхъ Котошихина было вовсе не какое-то произвольное и предосудительное отрицаніе, а именно предчувствіе иного порядка вещей, инстинктъ общественнаго сознанія, подготовлявшаго новый періодъ государственной жизни и образованія".

V.

Третій томъ „исторіи русской литературы" посвященъ судьбамъ народной поэзіи, которую авторъ разсматриваетъ, какъ стоящую на рубежѣ двухъ періодовъ, затѣмъ эпохѣ преобразованій Петра Великаго и вопросу объ установленіи новой литературы съ дѣятельностью Ломоносова въ исходномъ пунктѣ. Такое исключительное положеніе народная словесность заняла въ этомъ трудѣ не случайно, и соображенія автора въ этомъ отношеніи въ общемъ заслуживаютъ полнаго вниманія. Естественно ставить народную поэзію во главу изслѣдованія тамъ, гдѣ литература развивалась органически изъ собственнаго источника народной культуры, внѣ чуждыхъ овладѣвающихъ ею воздѣйствій, и гдѣ народная словесность заключала въ себѣ задатки всего послѣдующаго развитія нравственныхъ и художественныхъ элементовъ литературы. Но иначе было у насъ: древняя народно-политическая основа играла крайне ограниченную роль въ нашей старой письменности, которая слагалась враждебно-народному преданію, какъ проникнутому языческимъ міровоззрѣніемъ. Не являясь исходнымъ пунктомъ литературнаго развитія, народное преданіе наше только въ новѣйшее время стало привлекать къ себѣ вниманіе и вызывать ревностное собираніе и изученіе. Послѣднее оказываетъ существенныя услуги въ томъ отношеніи, что опредѣляетъ по произведеніямъ народной словесности черты древняго народнаго быта и міросозерцанія, и во-вторыхъ объясняетъ многіе факты позднѣйшей литературной исторіи непосредственнымъ вліяніемъ народно-поэтической стихіи на произведенія индивидуальнаго творчества. Это вліяніе можно начинать хронологически съ рубежа XVII—XVIII в.; съ XVII-же вѣка начинаются и первыя записи народной поэзіи; къ этому приблизительно времени сложились основныя формы и содержаніе ея. „Итакъ, здѣсь характеристическій пунктъ исторіи: окончательное завершеніе народной поэзіи и начало ея литературнаго вліянія".

Прослѣдивъ судьбы народной поэзіи въ древней письменности, авторъ останавливается послѣдовательно на ея основахъ, миѳологическихъ и бытовыхъ, отмѣчаетъ въ ней историческія наслоенія, характеризуетъ ея народно-христіанскую миѳологію и вліяніе историческихъ событій и слѣдитъ за ея видоизмѣненіемъ при переходѣ въ новыя бытовыя и географическія условія. Громадное количество записанныхъ въ недавнее время эпическихъ

пѣсенъ говоритъ о богатствѣ и свѣжести былинной традиціи въ дальнихъ захолустьяхъ, но, съ другой стороны, изслѣдователи единогласно утверждаютъ, что это богатство у нихъ на глазахъ отходитъ въ исторію, что желѣзная дорога, школа, близость культурныхъ центровъ губительно дѣйствуютъ на старое преданіе. Новѣйшее время не только изъ видовъ науки стремится возстановить содержаніе народной поэзіи: имъ руководитъ и общественной интересъ къ народнымъ массамъ, столь возбужденный освобожденіемъ крестьянъ и развитіемъ крестьянской реформы.

Интересъ, пробудившійся къ народности въ XVIII вѣкѣ, былъ слѣдствіемъ прежде всего дѣла Петра; послѣ прежняго вѣкового застоя, обусловившаго собою невѣроятную грубость нравовъ и невѣжество древней Руси, это обращеніе къ народу являлось свидѣтельствомъ органичности реформы. „Восемнадцатый вѣкъ чрезвычайно характерно начинается писаніями стариннаго русскаго человѣка, умѣвшаго понять реформу, Посошкова, и завершается сочиненіями ревностнаго послѣдователя всякихъ западныхъ философій, сумѣвшаго, однако, понять русскую народную жизнь, Радищева“... Послѣдній вносилъ въ нее болѣе широкое пониманіе, чѣмъ Татищевъ, Новиковъ, Аблесимовъ, имп. Екатерина, искавшіе въ народной словесности историческаго или бытового матеріала, и, несмотря на нѣкоторую въ духѣ времени сентиментальную окраску, „и подражая Стерну, какъ говоритъ г. Пыпинъ, Радищевъ умѣлъ правдиво почувствовать и смѣло высказать негодованіе противъ угнетенія народа“...

Эти „начатки“ воздѣйствія народной поэзіи въ XVIII в. развиваются въ девятнадцатомъ, съ одной стороны, въ обширное научное изслѣдованіе, съ другой—въ восторженный идеализмъ. То, что лишь инстинктомъ угадывалось въ народно-поэтическомъ преданіи въ прошломъ вѣкѣ, какъ нравственно-воспитательная и художественная стихія, теперь получало ясный и опредѣленный смыслъ какъ со стороны общественнаго значенія, такъ и съ точки зрѣнія научнаго доказательства. Стремленія либеральныхъ кружковъ во времена Имп. Александра I сливались въ общемъ національномъ возбужденіи съ литературнымъ романтизмомъ, пробуждавшимъ сочувствіе къ поэтической старинѣ и народности вообще. Пушкинъ далеко оставилъ за собой Жуковскаго въ этой реставраціи сказочной и исторической старины; языкъ его поэзіи „узаконилъ“ право народной рѣчи въ литературномъ языкѣ. Послѣ Пушкина и Гоголя изображеніе народной жизни становится однимъ изъ постоянныхъ теченій русской литературы. Одновременно съ этимъ начинается усиленная научная дѣятельность по собиранію и изслѣдованію памятниковъ народнаго творчества и, тогда какъ понятіе „народности“ становится предметомъ ожесточенныхъ споровъ между западниками и славянофилами, это изслѣдованіе, сначала любительское и наивное, приводитъ народ-

ную словесность на высоту положительной и въ настоящее время необходимой науки. Если Бѣлинскій и брался сравнивать художественную поэзію съ народной—вещи, которыя слѣдуетъ разсматривать, замѣтимъ, безотносительно съ эстетической точки зрѣнія, то онъ же такъ опредѣлилъ понятіе „народнаго“ въ его отношеніяхъ къ обще-человѣческому: „Только та литература истинно народна, которая, въ то же время, есть литература общечеловѣческая, и только та литература — истинно человѣческая, которая въ то же время и народна“. Въ концѣ пятидесятыхъ и въ шестидесятыхъ годахъ общественный и научный интересъ сосредоточился на освобожденіи крестьянъ, въ связи съ которымъ были подняты вопросы о народномъ характерѣ, бытѣ, народномъ міровоззрѣніи и т. д. Хотя вопросы эти обособлялись, такъ что экономистъ могъ совсѣмъ не думать о миѳологіи, а филологъ имѣть слабое представленіе о соображеніяхъ политической экономіи, однако „не подлежало сомнѣнію одно: что „народность“ становилась впервые *реальнымъ элементомъ жизни*, потому что ожидалась впереди полноправная гражданская дѣятельность освобожденныхъ милліоновъ“...

Мы видѣли, что авторъ приводитъ въ непосредственную связь пробужденіе интереса къ народности съ сущностью преобразованій Петра. Послѣднія, какъ уже было указано въ первой главѣ, не являются для него, вопреки мнѣніямъ нѣкоторыхъ историковъ и публицистовъ, чѣмъ-то искусственно пересаженнымъ съ запада на русскою почву и дурно привившимся на ней. „Весь смыслъ дѣла, рѣшеннаго Петромъ Великимъ, состоялъ въ томъ, что русская жизнь въ послѣднее время передъ нимъ стремилась выйти изъ своего прежняго тѣснаго круга на широкое поприще общечеловѣческаго просвѣщенія, изъ исключительныхъ понятій средневѣковаго міровоззрѣнія выйти на просторъ научнаго знанія: споръ двухъ направленій шелъ давно, въ неясныхъ стремленіяхъ къ чему-то новому и въ упорной защитѣ неподвижнаго преданія, и Петръ рѣшилъ этотъ споръ авторитетомъ геніальной личности, необычайной энергіи, безустаннаго личнаго труда, страшной борьбы. Съ нимъ кончаются *средніе* вѣка“. Опредѣляя петровскую литературу, какъ „литературное междуцарствіе“, въ которомъ происходила та же борьба стараго съ новымъ, что и въ жизни, А. Н. Пыпинъ останавливается на характеристикѣ сотрудниковъ и противниковъ петровской реформы, прибѣгавшихъ къ литературѣ уже какъ къ непосредственному орудію общественной борьбы, отмѣчаетъ въ ней исканіе новыхъ литературныхъ формъ и содержанія и посвящаетъ одну изъ наиболѣе интересныхъ главъ своего труда сложному вопросу объ „установленіи новой литературы“ подъ западно-европейскими вліяніями. Послѣднія не были измѣной народности или національному „культурному типу“, такъ какъ русская жизнь покоилась на общеевропейскихъ осно-

вахъ и въ культурномъ развитіи не могла остаться внѣ круга исторической преемственности цивилизаціи, которая слагается изъ длиннаго ряда заимствованій, взаимодѣйствій и національныхъ развитій. Заимствуя съ запада новыя формы и новое содержаніе, Ломоносовъ и его современники являлись въ то же время первыми *писателями* въ настоящемъ смыслѣ слова, писателями по профессіи и по призванію, и это было чрезвычайно важнымъ фактомъ: съ ними открывалась литературная арена, сознательная дѣятельность, путемъ печати вступавшая въ соотношеніе съ кругомъ наличныхъ читателей, подчинявшаяся *критикѣ*. Словомъ возникала литературная жизнь не какъ случайное явленіе жизни общественной,—это былъ цѣлый переворотъ въ постановкѣ литературы въ цѣляхъ ея общественнаго служенія... Задача созиданія новой литературы призвала къ себѣ дѣятелей изъ различныхъ слоевъ общества: Ломоносовъ былъ свободный крестьянинъ, Тредьяковскій—церковникъ, Сумароковъ происходилъ изъ стараго дворянскаго рода. При всемъ различіи характеровъ и содержанія, эти первые писатели сходились въ одномъ: они одинаково были проникнуты могущественнымъ впечатлѣніемъ, которое оставила по себѣ дѣятельность Петра. „Въ силѣ политической Россія равнялась теперь съ самыми могущественными государствами Европы; нужно было, чтобы она не уступала имъ въ просвѣщеніи и литературѣ. Если можно было заимствовать устройство войска, флота, усвоить разнообразныя техническія знанія, отчего нельзя было такимъ-же образомъ усвоить успѣхи литературы?“ Служа литературѣ, они и ихъ преемники вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ театру, какъ образовательному средству, и школѣ,—авторъ слѣдитъ за ея развитіемъ отъ славяно-греко-латинской академіи до основанія московскаго университета.

VI.

Указывая на несомнѣнно-большой и естественный авторитетъ иноземныхъ образцовъ для первыхъ русскихъ писателей, А. Н. Пыпинъ въ то же время подчеркиваетъ, что съ первыхъ же опытовъ въ ихъ сочиненіяхъ пробиваются уже черты русскаго содержанія и проблески будущаго расцвѣта поэтическаго языка. Изученію этого процесса развитія новой литературы отъ временъ Петра и Ломоносова до самобытныхъ созданій Пушкина и Гоголя отводитъ четвертый томъ своего труда, который, такимъ образомъ, органически связанъ съ третьимъ томомъ и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ вторую часть „исторіи русской литературы“. Четвертый томъ начинается главами о характерѣ и просвѣтительно-литературной дѣятельности Екатерининской эпохи. Авторъ выясняетъ, какъ теорія, воспитанная вліяніемъ французской философіи, приходила въ столкновеніе съ жизнью, и въ результатѣ

первой половины дѣятельности просвѣщенной императрицы явились колебаніе, неувѣренность, которыя потомъ превратились въ раздраженіе отъ противорѣчія. Вопросы свободы, просвѣщенія и гуманности были поставлены, но развитіе ихъ въ общественномъ пониманіи было задержано. Тогда какъ наиболѣе значительныя и знаменитыя произведенія писателей, какъ прославлявшихъ, „золотой вѣкъ“ Екатерины, такъ и оттѣнявшихъ его оборотную сторону, вродѣ Радищева, создавались именно во вторую половину ея царствованія, въ императрицѣ усиливалась реакція противъ прежнихъ идеалистическихъ стремленій. Обыкновенно полагали, что причиной этой перемѣны были событія французской революціи, которыя казались; Екатеринѣ послѣдствіемъ излишества свободы умовъ, созданнаго философіей, которой она сама недавно еще поклонялась, но въ дѣйствительности, говоритъ г. Пыпинъ, эта перемѣна началась значительно раньше, и уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ было ясно, что теоретическая философія не казалась ей особенно примѣнимой на практикѣ и свобода мнѣній признавалась излишней для русскаго общества и писателей; дальше, чѣмъ больше она знакомилась съ грубой дѣйствительностью, тѣмъ больше привыкала къ безграничному авторитету власти. Значеніе французской революціи не было понято императрицей, она не видѣла въ ней распаденія стараго порядка, органически вылившейся непримиримой вражды между старой монархіей и народными массами. О послѣднихъ она думала, что онѣ необходимо должны быть привержены къ монархіи; монархія можетъ быть только абсолютной и должна лишь отличаться „просвѣщеніемъ“, которое принесетъ необходимыя и полезныя улучшенія; депутаты представляются императрицы какъ будто случайнымъ сбродомъ необузданныхъ людей, которыхъ она потомъ называла „гидрой о 1200 головахъ“. Броженіе умовъ, возбужденное философскимъ вольномысліемъ въ поискахъ за естественнымъ и справедливымъ устройствомъ человѣческаго общества и не бывшее дѣломъ только немногихъ свѣтлыхъ или необузданныхъ умовъ, но отражавшихъ стремленіе цѣлыхъ массъ, утомленныхъ устарѣвшими формами быта, отражалось и въ другихъ странахъ Западной Европы, но только не въ русской жизни съ ея элементарнымъ, мало распространеннымъ образованіемъ, съ ея привычнымъ, безгласнымъ общественнымъ бытомъ. Въ глазахъ императрицы революція грозила большими опасностями Европѣ; она не только колеблетъ монархію, но возвѣщаетъ наступленіе варварства, погибель французской литературы...

Въ это время въ руской литературѣ господствующій тонъ давало, по выраженію Тихонравова, „пресмыкательство“, изъ котораго выдѣлялось только немногое, что хотѣло говорить о настоящей дѣйствительности и становилось публицистикой и сатирой. Издатели журналовъ не были такъ услужливы, какъ бы

слѣдовало, но на самомъ дѣлѣ ихъ публицистическая дѣятельность была довольно элементарна: они не могли придумать рѣшенія ни по одному изъ насущныхъ вопросовъ времени; изобличая въ сатирѣ тѣ или другія черты быта, эти публицисты при мысли о средствахъ къ искорененію зла предлагали одни только моральныя сокрушенія. Но и этотъ тонъ пугливой и умѣренной публицистики безпокоилъ Екатерину. Еще въ 1780 году она говорила: „chez moi tout le monde a son franc parler", а немного лѣтъ спустя она же подвергаетъ суровымъ преслѣдованіямъ Новикова, Радищева, даетъ внушительное предостереженіе Фонъ-Визину... „Самымъ печальнымъ было то, что, какъ замѣчаютъ даже иноземные историки (De Larivière), эти послѣдніе взгляды стали антецедентомъ къ послѣдующему тяжелому положенію русской литературы: недовѣріе къ просвѣщенію, которое по исторической необходимости было въ своемъ источникѣ чуждымъ, „западнымъ",—осталось до самой второй половины нашего вѣка, а въ сущности донынѣ".

Послѣ характеристики писателей екатерининской эпохи, поэтовъ, сатириковъ и историковъ, въ связи съ новымъ движеніемъ, выразившимся въ масонствѣ, А. Н. Пыпинъ переходитъ къ девятнадцатому вѣку, вѣку „утвержденія національнаго значенія литературы", съ Пушкинымъ и Гоголемъ въ центрѣ. Затронутыя въ книгѣ общественныя и литературныя явленія становятся уже настолько сложны и разнообразны, что передать ихъ сжато въ статьѣ, имѣющей цѣлью дать самыя общія указанія на характеръ и направленіе труда нашего историка литературы, становится положительно невозможнымъ. Имѣя въ виду вернуться по другому поводу къ четвертому тому настоящей исторіи литературы съ цѣлью коснуться освѣщенныхъ ею вопросовъ, укажемъ принципіальныя точки зрѣнія автора въ его дальнѣйшемъ изложеніи. Окрасившіе собою первую четверть XIX столѣтія Карамзинъ и Жуковскій были полны еще отголосками прошлаго вѣка, но за обоими останется великая заслуга сближенія литературы и поэзіи съ жизнью и выработки литературнаго языка. Въ общественномъ смыслѣ первый остался консерваторомъ, которому были чужды не только либеральныя стремленія тогдашней молодежи, но и бросавшіяся въ глаза серьезныя потребности русскаго общественнаго и государственнаго быта; второй былъ мечтателемъ, который впервые создалъ изъ всей сложности элементовъ своего творчества возвышенное представленіе объ источникѣ и назначеніи поэзіи, но не могъ дать ей русскаго содержанія. Послѣднее досталось на долю его великаго младшаго современника; „самъ онъ впослѣдствіи шелъ съ нимъ только рядомъ, какъ ранѣе шелъ рядомъ съ той новой поэзіей, которая рождалась въ Европѣ подъ вліяніями пережитыхъ общественныхъ и нравственныхъ потрясеній".

Въ главѣ, посвященной событіямъ начала нашего вѣка въ ихъ отраженіяхъ на общественныхъ понятіяхъ и литературныхъ фактахъ, авторъ касается „фатальнаго" вопроса объ отношеніяхъ новаго просвѣщенія и литературы къ народу. При наилучшихъ желаніяхъ писателей, говоритъ онъ, литература не могла сдѣлаться народною, потому что для этого нужно было бы, чтобы она могла говорить о народѣ серьезно и безъ умолчаній,—но это было невозможно. Съ другой стороны, народъ не подозрѣвалъ существованія этой литературы, потому что былъ безграмотенъ. „Такъ было въ теченіе XVIII вѣка, такъ это продолжалось теперь и, въ сущности (дѣлая нѣкоторую уступку ревнителямъ современной народной школы), даже донынѣ". Подробныя указанія на факты, идущіе изъ прошлаго и ожидающіе своего разрѣшенія еще и въ настоящее время, выводятъ трудъ А. Н. Пыпина за предѣлы только историко-литературнаго изложенія и дѣлаютъ его необходимымъ для всѣхъ интересующихся современностью главнымъ образомъ, которымъ прежде всего предстоитъ задача разобраться въ массѣ нависшихъ надъ русской жизнью недорѣшенныхъ и неразрѣшенныхъ вопросовъ. Такъ и въ главѣ о Грибоѣдовѣ авторъ отмѣчаетъ забываемую критикой „Горя отъ ума" черту—„то угнетенное состояніе русской литературы, въ которомъ для нея остаются недоступными именно самые животрепещущіе вопросы нашей общественности: съ двадцатыхъ годовъ и до девяностыхъ не было другого драматическаго произведенія, которое въ живомъ дѣйствіи театра раскрыло бы передъ нами эту борьбу мрака и свѣта". Выше, обращаясь къ Гончарову, который говорилъ о Бѣлинскомъ, этомъ горячемъ импровизаторѣ на мотивы Грибоѣдовскаго Чацкаго, что онъ, Бѣлинскій, умеръ, уничтоженный „милліономъ терзаній", убитый лихорадкой ожиданія и недождавшійся исполненія своихъ грезъ, „которыя теперь уже не грезы больше", — авторъ говоритъ: „Мы только думаемъ, что грезы остаются грезами и теперь, и время Чацкихъ — не только въ широкомъ отвлеченномъ, но и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ—далеко не прошло... Довольно оглянуться на ежедневные факты нашей общественной жизни, чтобы видѣть, какъ много матеріала нашелъ бы новѣйшій Чацкій для „раздражительныхъ монологовъ"... Смыслъ произведенія Грибоѣдова для нашего времени заключается вовсе не въ какой-либо спеціальной славянофильской или „настоящей русской общественной теоріи, а, какъ вѣрно замѣтилъ Гончаровъ, въ тонѣ, настроеніи его рѣчей, въ этомъ исканіи выхода изъ окружающаго мрака къ свѣту и свободѣ, въ чемъ бы ни былъ этотъ mракъ и этотъ исходъ для лучшихъ людей данной эпохи"...

Слѣдующія главы посвящены Пушкину, этому поэту правды, утвердившему поэзію въ ея духовномъ и національномъ правѣ въ тяжелой и неравной борьбѣ съ общественными условіями, не

дававшими простора для его труда,—его сверстникамъ, Гоголю, Лермонтову и Кольцову. Значеніе творца „Мертвыхъ душъ“ авторъ опредѣляетъ такимъ образомъ: „Гоголь не далъ многосторонняго изображенія русской жизни, не развилъ русскаго народнаго идеала, но его творенія, отмѣченныя глубокимъ реализмомъ и вмѣстѣ психологической проницательностью, горячей любовью къ человѣку и полу-сознаннымъ, но сильнымъ общественнымъ чувствомъ, стали завѣтомъ для дальнѣйшаго развитія русской литературы, гдѣ его преемниками явились Тургеневъ, Островскій, Некрасовъ, Достоевскій и гр. Л. Н. Толстой“. Въ заключительной главѣ авторъ опредѣляетъ тѣ элементы, изъ которыхъ сложилось общественно-литературное теченіе „послѣ Гоголя“, останавливается на вопросѣ о томъ, какъ опредѣлялось въ нашей критикѣ историческое дѣйствіе Пушкина и Гоголя, и слѣдитъ за дальнѣйшимъ развитіемъ литературы изъ основъ, положенныхъ этими художниками, въ новомъ поколѣніи литературныхъ силъ и въ новыхъ условіяхъ образованія и общественности. Оставливаясь въ концѣ на сжатой характеристикѣ конца пятидесятыхъ годовъ, этой „знаменательной эпохи“ въ нашей исторіи, авторъ ставитъ ей въ особую заслугу укрѣпленіе сознанія, что истинная національная литература можетъ быть создана только на пути широкаго народнаго просвѣщенія и нравственнаго общенія съ народомъ. Литература того времени служила возникавшимъ общественнымъ интересамъ, въ ней впервые отражалось волненіе общественныхъ идей, задолго раньше искавшихъ средствъ для своего выраженія въ печати. „Но одновременно съ первыми порывами преобразовательнаго труда вернулась и реакція стараго порядка вещей, которая во многихъ случаяхъ производила гнетущее вліяніе на общественное мнѣніе и обрушилась въ особенности противъ тѣхъ, кто остался вѣренъ началамъ, изъ которыхъ проистекало преобразовательное движеніе. Реакція нашла ревностныхъ партизановъ въ печати, и шестидесятые годы стали предметомъ осужденія и настоящей клеветы“. Но для той эпохи уже начинается „неподкупная“ исторія; ея правдивое рѣшеніе оцѣнитъ по достоинству глубоко благотворныя дѣла недавняго прошлаго, въ крестьянской реформѣ, судѣ, народной школѣ, женскомъ образованіи, какъ идеалъ истинно-человѣчныхъ и, въ глубинѣ, истинно-національныхъ начинаній...

Смѣемъ думать, характеръ труда А. Н. Пыпина опредѣлился изъ нашего изложенія. Пора подвести общіе итоги, къ которымъ приводитъ знакомство съ его „исторіей русской литературы“. Намѣренно не останавливаясь на изложеніи собственно литературныхъ фактовъ, которымъ опредѣляется, такъ сказать, „учебное“ достоинство книги и которое найдетъ, безъ сомнѣнія, всестороннюю

оцѣнку въ спеціальныхъ изданіяхъ, мы старались подчеркнуть, по мѣрѣ возможности, руководящую нить изслѣдованія, указать на обнаруженную въ трудѣ живую связь строго-научнаго изложенія съ убѣжденностью писателя-гуманиста, имѣющаго не только научныя, но и общественныя убѣжденія, исходящія изъ глубокаго желанія блага и просвѣщенія своей родинѣ. По этому поводу—разъ ужъ представляется случай—вспомнимъ, что А. Н. Пыпинъ остался въ этомъ отношеніи вѣренъ тону, взятому имъ много лѣтъ назадъ, при началѣ своей общественно-литературной дѣятельности, въ ту эпоху, которая, какъ самъ онъ говоритъ, уже начинаетъ отходить въ исторію, и на себѣ явилъ живой примѣръ того, что убѣжденія, научныя, общественныя и прочія, если только они есть у писателя, не всегда мѣняются съ годами, даже когда они идутъ въ разрѣзъ съ теченіемъ, признаваемымъ въ извѣстный моментъ единственно благонамѣреннымъ и заслуживающимъ поощренія...

„Исторія русской литературы“—не учебникъ, который можетъ быть введенъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для начинающихъ свою научную карьеру трудъ г. Пыпина важенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ они найдутъ указанія о настоящемъ положеніи главнѣйшихъ вопросовъ въ ихъ спеціальной разработкѣ. Для читателей, вообще подготовленныхъ къ серьезному чтенію и знакомыхъ съ основными фактами, этотъ трудъ имѣетъ существенное значеніе еще и потому, что введетъ ихъ въ пониманіе наиболѣе важныхъ сторонъ русской исторіи и современности, поскольку она соприкасается съ частными вопросами литературы и просвѣщенія. Въ этомъ смыслѣ необходимымъ дополненіемъ къ ней служитъ другой капитальный трудъ нашего автора—„исторія русской энтографіи“, въ соединеніи съ которымъ „исторія литературы“ имѣетъ полное право быть названной исторіей русскаго просвѣщенія въ обширномъ смыслѣ.

Наиболѣе разработанными съ историко-литературной точки зрѣнія являются, безъ сомнѣнія, древній и средній періоды, къ которымъ относится наибольше детальныхъ изысканій; какъ и слѣдуетъ ожидать, въ послѣднихъ двухъ томахъ главное вниманіе удѣляется общественнымъ теченіямъ, и литературнымъ фактамъ приходится играть въ этомъ отношеніи нерѣдко служебную роль, а послѣдняя не всегда даетъ просторъ оттѣнить всѣ стороны художественнаго дарованія того или другого писателя или поэта. При этомъ, стремясь установить явленія литературы въ послѣдовательности ихъ историческаго развитія, въ ихъ внутреннихъ соотношеніяхъ и въ ихъ связи съ событіями жизни государства, народа и общества, авторъ могъ останавливаться только на главныхъ явленіяхъ, которыя являлись показателями постояннаго роста внѣшнихъ формъ и внутренняго содержанія литературы. Излагать сполна явленія второстепенныя, писателей и произве-

дававшими простора для его труда,—его сверстникамъ, Гоголю, Лермонтову и Кольцову. Значеніе творца „Мертвыхъ душъ" авторъ опредѣляетъ такимъ образомъ: „Гоголь не далъ многосторонняго изображенія русской жизни, не развилъ русскаго народнаго идеала, но его творенія, отмѣченныя глубокимъ реализмомъ и вмѣстѣ психологической проницательностью, горячей любовью къ человѣку и полу-сознаннымъ, но сильнымъ общественнымъ чувствомъ, стали завѣтомъ для дальнѣйшаго развитія русской литературы, гдѣ его преемниками явились Тургеневъ, Островскій, Некрасовъ, Достоевскій и гр. Л. Н. Толстой". Въ заключительной главѣ авторъ опредѣляетъ тѣ элементы, изъ которыхъ сложилось общественно-литературное теченіе „послѣ Гоголя", останавливается на вопросѣ о томъ, какъ опредѣлялось въ нашей критикѣ историческое дѣйствіе Пушкина и Гоголя, и слѣдитъ за дальнѣйшимъ развитіемъ литературы изъ основъ, положенныхъ этими художниками, въ новомъ поколѣніи литературныхъ силъ и въ новыхъ условіяхъ образованія и общественности. Оставливаясь въ концѣ на сжатой характеристикѣ конца пятидесятыхъ годовъ, этой „знаменательной эпохи" въ нашей исторіи, авторъ ставитъ ей въ особую заслугу укрѣпленіе сознанія, что истинная національная литература можетъ быть создана только на пути широкаго народнаго просвѣщенія и нравственнаго общенія съ народомъ. Литература того времени служила возникавшимъ общественнымъ интересамъ, въ ней впервые отражалось волненіе общественныхъ идей, задолго раньше искавшихъ средствъ для своего выраженія въ печати. „Но одновременно съ первыми порывами преобразовательнаго труда вернулась и реакція стараго порядка вещей, которая во многихъ случаяхъ производила гнетущее вліяніе на общественное мнѣніе и обрушилась въ особенности противъ тѣхъ, кто остался вѣренъ началамъ, изъ которыхъ проистекало преобразовательное движеніе. Реакція нашла ревностныхъ партизановъ въ печати, и шестидесятые годы стали предметомъ осужденія и настоящей клеветы". Но для той эпохи уже начинается „неподкупная" исторія; ея правдивое рѣшеніе оцѣнитъ по достоинству глубоко благотворныя дѣла недавняго прошлаго, въ крестьянской реформѣ, судѣ, народной школѣ, женскомъ образованіи, какъ идеалъ истинно-человѣчныхъ и, въ глубинѣ, истинно-національныхъ начинаній...

Смѣемъ думать, характеръ труда А. Н. Пыпина опредѣлился изъ нашего изложенія. Пора подвести общіе итоги, къ которымъ приводитъ знакомство съ его „исторіей русской литературы". Намѣренно не останавливаясь на изложеніи собственно литературныхъ фактовъ, которымъ опредѣляется, такъ сказать, „учебное" достоинство книги и которое найдетъ, безъ сомнѣнія, всестороннюю

оцѣнку въ спеціальныхъ изданіяхъ, мы старались подчеркнуть, по мѣрѣ возможности, руководящую нить изслѣдованія, указать на обнаруженную въ трудѣ живую связь строго-научнаго изложенія съ убѣжденностью писателя-гуманиста, имѣющаго не только научныя, но и общественныя убѣжденія, исходящія изъ глубокаго желанія блага и просвѣщенія своей родинѣ. По этому поводу—разъ ужъ представляется случай—вспомнимъ, что А. Н. Пыпинъ остался въ этомъ отношеніи вѣренъ тону, взятому имъ много лѣтъ назадъ, при началѣ своей общественно-литературной дѣятельности, въ ту эпоху, которая, какъ самъ онъ говоритъ, уже начинаетъ отходить въ исторію, и на себѣ явилъ живой примѣръ того, что убѣжденія, научныя, общественныя и прочія, если только они есть у писателя, не всегда мѣняются съ годами, даже когда они идутъ въ разрѣзъ съ теченіемъ, признаваемымъ въ извѣстный моментъ единственно благонамѣреннымъ и заслуживающимъ поощренія...

„Исторія русской литературы"—не учебникъ, который можетъ быть введенъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для начинающихъ свою научную карьеру трудъ г. Пыпина важенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ они найдутъ указанія о настоящемъ положеніи главнѣйшихъ вопросовъ въ ихъ спеціальной разработкѣ. Для читателей, вообще подготовленныхъ къ серьезному чтенію и знакомыхъ съ основными фактами, этотъ трудъ имѣетъ существенное значеніе еще и потому, что введетъ ихъ въ пониманіе наиболѣе важныхъ сторонъ русской исторіи и современности, поскольку она соприкасается съ частными вопросами литературы и просвѣщенія. Въ этомъ смыслѣ необходимымъ дополненіемъ къ ней служитъ другой капитальный трудъ нашего автора—„исторія русской энтографіи", въ соединеніи съ которымъ „исторія литературы" имѣетъ полное право быть названной исторіей русскаго просвѣщенія въ обширномъ смыслѣ.

Наиболѣе разработанными съ историко-литературной точки зрѣнія являются, безъ сомнѣнія, древній и средній періоды, къ которымъ относится наибольше детальныхъ изысканій; какъ и слѣдуетъ ожидать, въ послѣднихъ двухъ томахъ главное вниманіе удѣляется общественнымъ теченіямъ, и литературнымъ фактамъ приходится играть въ этомъ отношеніи нерѣдко служебную роль, а послѣдняя не всегда даетъ просторъ оттѣнить всѣ стороны художественнаго дарованія того или другого писателя или поэта. При этомъ, стремясь установить явленія литературы въ послѣдовательности ихъ историческаго развитія, въ ихъ внутреннихъ соотношеніяхъ и въ ихъ связи съ событіями жизни государства, народа и общества, авторъ могъ останавливаться только на главныхъ явленіяхъ, которыя являлись показателями постояннаго роста внѣшнихъ формъ и внутренняго содержанія литературы. Излагать сполна явленія второстепенныя, писателей и произве-

денія второй величины значило-бы, говоритъ авторъ, отвлекать вниманіе отъ главной темы, и онъ даетъ имъ мѣсто въ біографическихъ и библіографическихъ дополненіяхъ.

Въ строгомъ научномъ смыслѣ, авторъ не претендуетъ на полную законченность изслѣдованія въ трудѣ, имѣющемъ дѣло со сложными историческими и литературными явленіями, въ то время какъ все еще открываются не только новыя точки зрѣнія, но даже невѣдомые ранѣе факты; „для новѣйшихъ періодовъ исторіи недостаетъ полнаго простора критики,—такъ что въ данную минуту обзоръ историческаго цѣлаго можетъ, при всей доброй волѣ, дать только относительную законченность...“ Но здѣсь важна общая постановка вопроса, — она облегчитъ рѣшеніе тѣхъ или другихъ спорныхъ или частныхъ вопросовъ, недостаточно разработанныхъ, можетъ быть, въ сочиненіи общаго свойства. Спеціальная критика отмѣтитъ детальные недосмотры, не согласится, весьма возможно, кое-гдѣ съ группировкой матеріала, при которой одинъ и тотъ же отдѣлъ или литературный видъ трактуется въ разныхъ частяхъ работы, благодаря чему утрачивается представленіе объ его эволюціи и создается необходимость повтореній, иногда довольно частыхъ, одного и того-же въ разныхъ мѣстахъ книги, но въ общемъ—это будутъ недостатки во всякомъ случаѣ несравнимые съ громадными достоинствами труда, которымъ справедливо можетъ гордиться русская общественность и наука. Остается пожелать только, чтобы завѣтная мысль нашего историка литературы о необходимости общенія съ народомъ на почвѣ просвѣщенія и нравственной правды нашла возможно болѣе благопріятныя условія для своего осуществленія и сказалась на двадцатомъ вѣкѣ расцвѣтомъ художественныхъ и научныхъ силъ, проникнутыхъ лучшими вѣяніями общечеловѣческихъ и національныхъ стремленій.

Евг. Ляцкій.

Новыя книги.

С. Елпатьевскій. Очерки и разсказы. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. СПБ. 1899.

Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ извѣстны нашимъ читателямъ, и они не пожалѣютъ, познакомившись съ остальными. Въ очеркахъ г. Елпатьевскаго есть нѣчто особенно привлекательное, что, очевидно, зависитъ не столько отъ размѣровъ его дарованія, сколько отъ его внутренняго склада. Разобраться въ его особен-

ностяхъ, быть можетъ, еще трудно и преждевременно; но нѣкоторыя черточки опредѣляются съ достаточной ясностью и ихъ можно намѣтить.

Почти во всѣхъ разсказахъ есть *я*. Авторъ, собственно, на второмъ планѣ, но онъ присутствуетъ повсюду; онъ какъ будто чувствуетъ, что дѣло не въ тѣхъ фактахъ, о которыхъ онъ разсказываетъ, а въ томъ мягкомъ, прерывистомъ свѣтѣ, въ которомъ онъ видитъ образы своихъ воспоминаній и своей фантазіи. Воспоминаній по преимуществу: если не всегда по существу, то по формѣ, по настроенію эти очерки неизмѣнно похожи на картины пережитаго, вереницей всплывающія въ памяти вдумчиваго наблюдателя. Впечатлѣнія набѣгали на него бурными массами, кой что изъ нихъ отлагалось, кой что разсѣивалось, но въ опредѣленную художественную форму откристаллизовалось лишь то, что нашло тѣсную связь съ интимными глубинами его мысли. И это вноситъ особенный интересъ въ книгу и роднитъ читателя съ авторомъ; читатель заражается его глубокимъ, дѣятельнымъ, пристальнымъ вниманіемъ къ жизни. Онъ чувствуетъ, что писатель все ищетъ чего то. Куда бы ни забросила его судьба — въ туруханскую тайгу, въ римскій Колизей, во французскій парламентъ или въ Вяземскую лавру — онъ съ какой то жадностью всматривается въ окружающее, наполняя его своей мыслью и о чемъ то спрашивая у него. Природа полна для него духовнаго трепета и запросовъ человѣческой жизни. Весна,—„міръ просыпается мятежный, громко говоритъ о своихъ правахъ на жизнь, властно требуетъ счастья"; сибирскій лѣсъ, — „въ тайгѣ было жутко, деревья стояли тревожно и настороженно. Блѣдный серпъ луны испуганно смотрѣлъ сквозь темныя мохнатыя лапы... Кто то былъ въ тайгѣ, кто то разбудилъ ее"; когда авторъ говоритъ: „осенніе сумерки вползли съ улицы въ огромный непривѣтный залъ и легли на всемъ тяжелымъ, сѣрымъ тономъ" — читателю ясно, что это не поэтическая персонификація, что авторъ не олицетворяетъ природу для того, чтобы образнѣе представить ее— онъ одухотворяетъ ее для себя, для своей внутренней жизни; онъ какъ будто ничего не видитъ въ ней, кромѣ ея отраженія въ людяхъ, и, говоря съ виду о ней, на самомъ дѣлѣ говоритъ только о себѣ, о тѣхъ вопросахъ, съ которыми онъ обращается къ окружающему. И люди для него, еще больше, чѣмъ природа,—вѣчный источникъ вопросовъ. Его неудержимо влечетъ войти въ міръ чужой мысли; мимолетныя встрѣчи оставляютъ въ немъ долговѣчное, глубокое впечатлѣніе; случайно увидавъ человѣка, онъ пристально всматривается въ него и вся сумма впечатлѣній складывается для него въ заключеніе въ одинъ вопросъ: что дѣлается тамъ, въ нѣдрахъ чужой души? Можно сказать: всегда тамъ, гдѣ другой писатель думалъ бы о чужой *судьбѣ*, онъ задумывается надъ чужой *мыслью* — для него это одно и

то же, и онъ глубоко правъ. Невинный на скамьѣ подсудимыхъ,—„его, *очевидно*, не было въ залѣ, онъ былъ тамъ, вверху, гдѣ смутно мерцала лампада“; и послѣ оправданія, — „онъ, *должно быть*, не слыхалъ ничего, онъ былъ еще тамъ, у Заступницы“; кончилась перепись въ Вяземской лаврѣ—всѣ разошлись съ скорбной думой о трагической долѣ обитателей мрачнаго притона: у нашего автора эта дума естественно и непроизвольно переходитъ въ размышленіе объ ихъ мысли — „*быть можетъ*, тревожно ворочается на своемъ жесткомъ ложѣ та незаконнорожденная „въ родѣ какъ жена“ и думаетъ о своемъ отцѣ — вѣтрѣ въ полѣ или глядитъ не спящими глазами въ будущее и спрашиваетъ его,—когда придетъ ея время идти на улицу. Можетъ быть, и та равнодушная женщина теперь тоже неравнодушна и также не спящими глазами смотритъ въ тьму замолкшей низкой комнаты. И нахально ли вызывающе смотрятъ теперь лица тѣхъ двухъ проститутокъ и не дрожатъ ли слезы на печальныхъ глазахъ?“ И мысль о нашей отвѣтственности за ихъ судьбу складывается у автора въ размышленіе о томъ вліяніи, которое произвело вторженіе счетчиковъ въ ихъ внутренній міръ: „а что, если мы своимъ приходомъ разбудили эти три тысячи полузаснувшихъ жизней, разбудили ихъ дремавшія думы, всколыхнули до дна ихъ души, заставили ихъ вспомнить то, что они, быть можетъ, съ такимъ трудомъ забыли, и своими разспросами освѣтили имъ ихъ несчастную, разбитую, отброшенную отъ міра жизнь,—жизнь Вяземской лавры, съ которой, быть можетъ, они такъ трудно сживались? И „думчивый блеклый мальчикъ, все просившій людей, чтобы пожалѣли его“ и „большіе черные лучистые глаза“ больной тунгузки, „напуганные, жалующіеся, молящіе о жизни“—все оставитъ прочный слѣдъ въ памяти писателя, главнымъ образомъ потому, что это иныя, загадочныя для него организаціи мысли. Эта мысль о чужой внутренней жизни основной мотивъ каждаго очерка г. Елпатьевскаго—каждый изъ нихъ звучитъ въ душѣ читателя однимъ неотвязнымъ вопросомъ. Мы едва ли ошибемся, предположивъ, что это чрезвычайное вниманіе къ людямъ вытекаетъ не изъ однихъ художественныхъ созерцаній. Тогда это вниманіе носило бы совсѣмъ иной характеръ: его эстетизмъ лишилъ бы его этой чуткой, почти болѣзненной напряженности; быть можетъ, его результаты выиграли бы въ объективности, въ полнотѣ и точности обобщенія, но едва ли они сохранили бы ту привлекательность, то сочувствіе читателя, которое мы вскользь отмѣтили въ началѣ нашей замѣтки. Есть такіе счастливые художники: за ихъ созданіями чувствуется нѣчто иное, что влечетъ насъ къ нимъ больше, чѣмъ ихъ художественные образы; все въ ихъ произведеніи ставитъ насъ въ непосредственное общеніе съ ними самими. Отъ величины художника это, конечно, не зависитъ — это дѣло особаго психическаго склада.

Разъ художникъ заставилъ насъ повѣрить, что видѣлъ въ насъ не „толпу—рабыню суеты", что въ своемъ произведеніи дѣлился съ нами своимъ сокровеннымъ *я*, что творя для себя, думалъ и о насъ—мы въ его власти. Всѣ чары творческаго генія въ рукахъ безстрастнаго наблюдателя жизни не привлекутъ того сочувствія, не вызовутъ тѣхъ слезъ, какія окружатъ скромное и быть можетъ даже недолговѣчное произведеніе человѣколюбца. Человѣколюбіемъ нельзя, конечно, замѣнить талантъ, и если бы живой талантъ не пульсировалъ подъ оболочкой этихъ разсказовъ—мы бы о нихъ не стали говорить. Но еще меньше можно замѣнить человѣколюбіе талантомъ—въ сущности, также мало, какъ хорошимъ почеркомъ.

А. Ф. Погосскій. Полное собраніе сочиненій въ четырехъ томахъ. Съ портретомъ, біографіей автора и примѣчаніями. т. I. СПБ. 1899.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось 25 лѣтъ со смерти А. Ф. Погосскаго, и предпринято впервые изданіе полнаго собранія его сочиненій. Напомнимъ, что Погосскій въ свое время былъ извѣстнымъ дѣятелемъ на пользу народнаго образованія. Въ 1858 г. онъ основалъ „Солдатскую Бесѣду" — журнальчикъ, весь матеріалъ для котораго доставлялся самимъ издателемъ, съ 1862 г. издавалъ „Народную и Солдатскую Бесѣду", а съ 1867—„Досугъ и Дѣло"; кромѣ того, Погосскій выпустилъ отдѣльными изданіями очень много популяризацій для народа и принималъ живѣйшее участіе въ устройствѣ воскресныхъ школъ, народныхъ чтеній и другихъ народно-образовательныхъ учрежденій. Но насъ здѣсь интересуетъ только Погосскій-литераторъ.

По мнѣнію составителя біографическаго очерка, приложеннаго къ сочиненіямъ Погосскаго, „истинное значеніе этого писателя пока далеко еще не выяснено", не смотря на то, что его повѣсти и разсказы представляютъ собою „*самую пригодную умственную пищу* для народа (курсивъ біографа); должную же оцѣнку онъ можетъ получить только „съ развитіемъ національнаго сознанія". Мы не могли какъ слѣдуетъ уяснить себѣ всѣ разсужденія неизвѣстнаго автора біографіи но, во всякомъ случаѣ, настолько поняли, чтобы съ нимъ не согласиться. И думаемъ, что „интеллигенція" нѣсколько равнодушна къ этому писателю и не ставитъ его очень высоко не потому, что Погосскій писалъ для „народа", а потому, что давалъ онъ этому народу не *самую* пригодную пищу, — если и слѣдуетъ вообще говорить о какой то особой пищѣ для народа. Въ противномъ случаѣ, при его недюжинномъ повѣствовательномъ талантѣ, при мѣткости и образности его языка, при его, наконецъ, искренней и горячей любви къ дѣлу народнаго просвѣщенія—Погосскій былъ бы, конечно, извѣстенъ всей грамотной Россіи, занималъ очень видное мѣсто въ ряду

другихъ „народныхъ“ писателей и о немъ никому не приходилось бы напоминать.

Говоря о литературной физіономіи Погосскаго и о воспитательномъ и образовательномъ значеніи его произведеній, нельзя пройти мимо одного важнаго событія въ его жизни, которое имѣло на него, повидимому, рѣшающее вліяніе и, какъ намъ кажется, во всѣхъ отношеніяхъ пагубное. Трудно, конечно, сказать, что „было бы“; но вотъ, что съ нимъ случилось. „Въ 1836 г. Погосскій — читаемъ мы въ его біографіи — по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ, не кончивъ курса, выйти изъ высшаго училища и, *шестнадцати* лѣтъ отъ роду поступить *рядовымъ* въ одинъ изъ финляндскихъ линейныхъ баталіоновъ“. Въ какую среду подростокъ — Погосскій попалъ безправнымъ членомъ и при какихъ условіяхъ пришлось ему служить восемь лѣтъ въ нижнихъ чинахъ—все это читатель легко можетъ себѣ представить, и распространяться объ этомъ лишнее. Таковъ фактъ; а вотъ, что мы наблюдаемъ post factum, при обзорѣ сочиненій этого, во всякомъ случаѣ, интереснаго писателя. Первое—это то, что Погосскій на всю свою послѣдующую жизнь остался въ душѣ солдатомъ. А второе то, что изъ Погосскаго выработался писатель, поражающій (и приводящій даже въ недоумѣніе) своимъ крайнимъ оптимизмомъ. Какъ ни странна эта вторая особенность покойнаго писателя, но она—тоже фактъ, которому, правда, не легко дать объясненіе. Нужно думать, что юношѣ, почти отроку, брошенному въ обстановку солдатской жизни Николаевскихъ временъ, случайно посчастливилось быть свидѣтелемъ или объектомъ проявленій природной, неискорененной еще или неискоренимой, душевной доброты со стороны нѣкоторыхъ его товарищей по несчастью: и такъ какъ подобныя проявленія сердечности и нѣжнаго участія (на нихъ есть указанія въ біографіи) яркимъ контрастомъ вырѣзывались на черномъ фонѣ той суровой жизни, то они глубоко запали въ душу молодого Погосскаго, оставили въ ней неизгладимый слѣдъ. Пораженный, почти ослѣпленный этимъ свѣтомъ, который оживилъ его духъ и не далъ ему нравственно умереть, онъ уже навсегда увѣровалъ въ несокрушимую силу добра и въ благое Провидѣніе, разсыпающее по землѣ добродѣтель; тогда же онъ полюбилъ и сосудъ, черезъ который излился на него этотъ животворящій бальзамъ,—солдата, доходя впослѣдствіи до наивной и восторженной его идеализаціи.

Цѣль, которую преслѣдовалъ Погосскій въ своей литературной дѣятельности—это просвѣщеніе народа, о невѣжествѣ котораго онъ искренно сокрушался. „Эхъ, Русь, ты матушка, сердечная! — читаемъ мы въ одной изъ повѣстей. — Скоро ли во всю твою безбрежную ширь пройдетъ... не сказка — дребедень, не басня, съ похмѣлья на печи выдуманная, а живое, разумное и правдивое слово?.. Скоро ли покончишь ты на вѣкъ съ Бовами

королевичами, Жаръ птицами, тридевятыми царствами да Иванушками дурачками безпутными, и обозришься разумнымъ окомъ кругомъ себя, на свои поля и лѣса, на свое богатство, Богомъ данное, да на ребятишекъ своихъ любопытныхъ и безграмотныхъ?" Задача народнаго просвѣщенія, по мнѣнію автора, неотложна; уже давно пора народу „за разумъ взяться и честь узнать! *Учиться добру* пришла пора". Въ подчернутыхъ сейчасъ словахъ заключается указаніе и на характеръ просвѣтительной дѣятельности Погосскаго. Это писатель-моралистъ, и въ своихъ сочиненіяхъ онъ неустанно поучаетъ: будь нравственнымъ, будь христіаниномъ, твори добро! А чтобы проповѣдь добра сильнѣе подѣйствовала на душу читателя и глубже была имъ воспринята, Погосскій выводитъ въ своихъ разсказахъ цѣлую коллекцію добродѣтельныхъ людей, сплошь окрашивая ихъ однообразной, яркосвѣтлой краской. Вотъ, напр., какъ вдохновенно онъ описываетъ одного изъ своихъ добродѣтельныхъ героевъ, простого солдатика, прозваннаго „Камнемъ-Кремневичемъ". „Камень Кремневичъ — это одна изъ тѣхъ незамѣтныхъ, прекрасныхъ нездѣшнею красотою душъ, съ которыми само Провидѣніе незримо нисходитъ въ среду корыстнаго, себялюбиваго и бѣднаго міра. Подвигъ ихъ — добро невидимое, слѣдъ ихъ — тихая радость, мысль о нихъ — это сама любовь чистая. Изъ за нихъ то и прекрасенъ такъ міръ Божій! Но гдѣ же она, эта прекрасная душа? Вездѣ—куда нѣтъ доступу гордости и праздному любопытству; она — въ чистомъ лонѣ природы, въ евангельской, неропщущей бѣдности, въ терпѣливыхъ страданіяхъ христіанскихъ". Этими „прекрасными душами" переполнены произведенія Погосскаго, и его пристрастіе къ такъ называемымъ положительнымъ типамъ не имѣетъ границъ. И потому нашъ авторъ очень часто напоминаетъ собой человѣка ослѣпленнаго, который, благодаря своей зрительной аномаліи, за деталью не видитъ общаго и не можетъ разобраться въ его истинномъ освѣщеніи. Насколько самъ авторъ былъ ослѣпленъ, объ этомъ, конечно, судить трудно; но что онъ ослѣпляетъ своихъ читателей—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Приведемъ образчики. Описываетъ, напр., авторъ крѣпостное село 30-хъ годовъ. Ему извѣстно, что „не такое было время въ тѣ поры, чтобы очень покоиться да благоденствовать; — у самыхъ хорошихъ и добрыхъ помѣщиковъ работишки мужику было вдоволь и надзоръ за нимъ былъ бдительный". Однако, сдѣлавъ эту оговорку, *только эту*, авторъ уже забываетъ о времени и мѣстѣ и любовно рисуетъ свое село, благоденствовавшее и веселившееся, въ которомъ крестьяне жили „безпечно, вольно и безъ присмотра", въ которомъ старикъ бурмистръ былъ „святая душа", а барыню такъ любили, что даже послѣ смерти ея творили добрыя дѣла во имя этой любви. Получается, словомъ, идиллія. И если на свѣтломъ, идиллическомъ фонѣ и появляется какой-ни-

будь звѣрь, то, во первыхъ, это ужъ именно „звѣрь“, а главное—читателю онъ представляется только смѣшнымъ или жалкимъ. Это обычный пріемъ автора, и спрашивается: какое понятіе можетъ получить читатель, напр., о крѣпостномъ правѣ? Въ другомъ мѣстѣ рѣчь идетъ о солдатскихъ постояхъ. Погосскій знаетъ, конечно, лучше всякаго другого, что значатъ для деревни эти постои, и самъ говоритъ, что мужичкамъ хозяевамъ „больше отъ нашего брата воеводы безпокойства да хлопотъ, нежели помощи“. Въ доказательство этого безпокойства приводится даже нѣсколько примѣровъ и соображеній. Но все это только мимоходомъ, только „въ теоріи“, а какъ начинается повѣствованіе, авторъ сейчасъ же забываетъ обо всякомъ безпокойствѣ и въ герои разсказа *непремѣнно* выбираетъ такого постояльца, который не только оказываетъ помощь пріютившей его семьѣ, но является для нея благодѣтелемъ и необходимо нужнымъ человѣкомъ. Мы взяли первые попавшіеся на глаза примѣры, но, повторяемъ, въ такомъ духѣ почти все написанное Погосскимъ. Дѣйствительность въ его разсказахъ покрывается какимъ то розовымъ флеромъ, и „міръ бѣдности, нуждъ, слезъ, а вмѣстѣ и грубаго, темнаго невѣжества“, о которомъ упоминается лишь вскользь, блѣднѣетъ передъ яркими картинами торжествующаго добра, устраивающаго все ко всеобщему благополучію, и уплываетъ съ глазъ наивнаго читателя, подобно нехорошему ночному видѣнію, гонимому занимающейся зарею. Но и этого мало. Если читатель не наивенъ, если онъ захочетъ приподнять уголокъ розовой завѣсы и „отъ себя“ поразмыслить, напр., о „мірѣ бѣдности, нужды и слезъ“, его окружающемъ—онъ можетъ прочесть у Погосскаго и такія строки: „Кто сотворилъ нищету эту—одному Богу извѣстно; людское ли безсердіе, грѣхи ли родителей, свое ли безпутство блудное довело человѣка до сумы нищенской?... Кому жъ знать это!—И не ищи узнавать, добрый человѣкъ, тайны гнѣва и попущенія Божія,—не тебѣ судить осужденнаго! Не разуму твоему строгому нищій молится, а поетъ онъ горькую пѣсню сердцу теплому“... Хорошо, конечно, уповать на Бога; но надо же при этомъ и самому хоть немножко думать, а не ограждать себя отъ всякихъ сомнѣній заученнымъ: „одинъ Богъ“, „а никто какъ Богъ“!... Замѣтимъ еще, что положительные типы Погосскаго, подающіе „нищему“ милостыню, чрезвычайно однообразны. Вообще, хорошій разсказчикъ, Погосскій—по вполнѣ понятной причинѣ — слабъ, какъ художникъ. Созданные имъ типы являются оторванными отъ среды, въ которой они сложились и которая должна была бы наложить на нихъ свою печать. И можно даже сказать, что въ его произведеніяхъ фигурируетъ, за выключеніемъ чисто внѣшнихъ отличій, все одинъ и тотъ же типъ: *добраго* чаловѣка.

Другой особенностью Погосскаго, которая характерна для него не менѣе прекраснодушія, является, какъ мы уже говорили,

его пристрастіе къ военнымъ людямъ. Авторъ относится къ солдатамъ любовно, даже нѣжно, и надѣляетъ солдатика всевозможными добродѣтелями. Конечно, человѣческую душу можно вездѣ найти, и всякій воленъ искать ее тамъ, гдѣ ему нравится. Но если принять во вниманіе, что всѣ излюбленные герои Погосскаго солдаты, что въ его произведеніяхъ всѣ солдаты добродѣтельны (исключеній почти нѣтъ) и что солдаты фигурируютъ во всѣхъ его повѣстяхъ и разсказахъ, то приходится опять сдѣлать заключеніе о невѣрной окраскѣ дѣйствительности, объ искусственномъ освѣщеніи цѣлаго общественнаго слоя. Солдатъ у Погосскаго напоминаетъ подчасъ какого-то сказочнаго богатыря. Онъ все можетъ и всюду сѣетъ добро. Онъ—„одинъ человѣкъ, которому смѣло могла броситься на грудь всѣми оставленная „посестра Танька“; онъ дѣлаетъ „хорошее, никому непосильное дѣло“; когда всѣ знаютъ, что „темная сила“ строитъ подкопы и „всѣ помалчиваютъ, глядя на то, что дѣлается“—солдатъ одинъ не молчитъ, а дѣйствуетъ, побѣдоносно разбиваетъ ковы всесильнаго кабатчика и предварительно еще жеманится. Изобиліе военныхъ людей и военныхъ терминовъ въ произведеніяхъ Погосскаго дѣлаетъ его не столько народнымъ, сколько спеціально солдатскимъ писателемъ, и eo ipso значительно суживаетъ контингентъ его читателей. Еще когда Погосскій издавалъ „Солдатскую Бесѣду“, нѣкоторые изъ подписчиковъ „изъявляли ему претензію на то, что во всемъ журналѣ только и есть рѣчи, что о солдатахъ, да для солдатъ“; то же приходится сказать о произведеніяхъ Погосскаго вообще. А что касается ограниченнаго круга читателей то объ этомъ можно и не жалѣть. Уже изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что произведенія этого писателя можно рекомендовать только съ очень и очень большими оговорками, осторожно и съ выборомъ...

Маркъ Криницкій. Цвѣты репейника. Разсказы для взрослыхъ. М. 1899.

„Отдѣльные моменты жизни — говоритъ одинъ изъ героевъ г. Марка Криницкаго — всего менѣе похожи на тѣ крохотныя психологическія повѣстушки, въ которыхъ авторы нашего времени такъ любятъ упражнять свою изобрѣтательность. Жизнь чрезвычайно вздорная и непослѣдовательная исторія...“ Если вы, читатель, въ этомъ не убѣждены, то прочтите психологическія повѣстушки г. Криницкаго—не только вздорныя, но даже больныя, и не только непохожія на литературныя упражненія авторовъ нашего времени, но и вообще ни на что непохожія. Но еще лучше—не читать совсѣмъ этихъ „разсказовъ для взрослыхъ“: пусть ужъ жертвами больного и извращеннаго духа г. Криницкаго будемъ только мы, рецензенты, подневольные козлы отпу-

щенія. Кажется, вотъ и маленькая книжица „Цвѣты репейника“, а вѣдь какъ одолѣваетъ! Разсужденія о „породистыхъ“ и непородистыхъ женщинахъ; описанія „смѣлыхъ“ и несмѣлыхъ „самцовъ“; души „испуганныя и блѣдныя“, „сотканныя изъ болѣе грубаго вещества“ или менѣе грубаго; герои, возбуждающіе свое половое чувство похотливымъ созерцаніемъ женской обуви или занимающіеся анализомъ самихъ себя, „лживыхъ, гаденькихъ, самолюбивыхъ до пошлости, до умопомѣшательства“—все это чего нибудь да стоитъ! А „странные трепеты“, „истерическіе, почти сладострастные порывы“ или, для разнообразія, „необузданные порывы сладострастія“, „истерическіе вопли“, „изступленные вопросы“ и т. п. психопатическіе аксессуары! Впечатлѣніе отъ нихъ получается тяжелое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гадливое. Они наводятъ на мысль о чемъ-то изломанномъ, истертомъ жизнью и нравственно свихнувшемся; въ нихъ проглядываетъ порой отчаянье, но чаще какое-то бравированіе безпринципностью; а въ одностороннемъ и безплодномъ ковыряніи души, которымъ какъ бы ex professione занимается авторъ, на первомъ планѣ бросается въ глаза разнузданность воображенія и какая-то чудовищная гипертрофія чувственности. Послѣдняя составляетъ отличительную особенность большинства разсказовъ и сообщаетъ цвѣтамъ репейника специфическій букетъ изъ смѣси патологической эротоманіи съ самымъ обыкновеннымъ и пошлымъ развратомъ, который выставляется дѣйствующими лицами на показъ подъ видомъ глубокаго, тонкаго и откровеннаго анализа своихъ душевныхъ движеній.

Многіе герои г. Криницкаго больные люди. Героиня „Часовъ“, напр., мечтательная Элли, „должна покинуть землю“ и улетѣть на небо и „съ дикимъ восторгомъ“ оглядывается на свои плечи, воображая, что на нихъ выросли крылья; другой герой попадаетъ въ сумасшедшій домъ; третьяго смущаютъ какіе-то „неземные звуки“, онъ убѣждается, что его кто-то зоветъ, и идетъ „смотрѣть въ лицо самой вѣчности“, обѣщаясь, впрочемъ, возвратиться, чтобы повѣдать всѣмъ „священное безуміе Вѣчности“. Далѣе, почти всѣ они любятъ философствовать и отличаются еще одной любопытной особенностью: своимъ неравнодушіемъ къ лѣтнимъ, главнымъ образомъ, весеннимъ ночамъ. Для нихъ эти ночи, которыя „пахнутъ чѣмъ-то одуряющимъ“—все равно, что валеріанка для котовъ. „Въ такія майскія ночи — повѣствуетъ одинъ изъ нихъ („Цвѣты репейника“)—часто испытывалъ я припадки томительнаго голода любви (какъ есть котъ на крышѣ!) Я ощущалъ особаго рода безпокойство во всемъ организмѣ, сопровождаемое глухими ударами сердца“. Другой („Сирень“) не понимаетъ, почему, когда цвѣтетъ сирень, ему „хочется неудержимо плакать“ и идетъ ночью подслушивать бесѣду незнакомой ревнивой парочки... Но мы боимся, что вы начинаете утомляться,

а потому позвольте привести in extenso еще одну (только одну, читатель!) сценку изъ разсказа „Акаціи", чтобы вы могли имѣть должное понятіе о томъ, какіе цвѣты порой произрастаютъ на нивѣ россійской литературы, и лично рѣшить, годятся ли эти цвѣты „для взрослыхъ" или, быть можетъ, они вовсе ни для кого не годятся. „Былъ вечеръ, была весна и острое чувство зарождающагося сладострастнаго порыва". Герой, по обыкновенію, не спалъ, и его, по обыкновенію, томили какія-то „таинственныя желанія": „я хотѣлъ презрѣнія къ себѣ, негодованія на свою слабость; мнѣ хотѣлось отчаянія, сумасшествія". Въ такомъ настроеніи онъ пошелъ бродить по пустыннымъ улицамъ города, но, когда увидѣлъ подъ акаціями сквера хорошенькую женщину, ему „сдѣлалось вдругъ, сразу, какъ-то безумно-весело, меланхолически-весело (?), наивно, нелѣпо-весело". „Я могъ ее догнать, схватить, затащить въ темный скверъ... Я... я былъ готовъ на все, чтобы только завладѣть ею!... Я слѣдилъ за нею, какъ изступленный. Виски мои бились. Тѣло охватывала сладостная истома..." Но вотъ, незнакомка „метнула взоръ" и „я застылъ, какъ очарованный... я потонулъ въ немъ, исчезъ, затерялся... Сверхъестественный ужасъ въ то же время шевелилъ мои волосы"... „Вдругъ она сдѣлала рѣзкое движеніе въ мою сторону. Я стоялъ, какъ приговоренный къ смерти... Колѣни мои подгибались отъ дикаго, бѣшенаго блаженства..." Потомъ „она" потащила его, а „онъ" потащилъ ее и слышалъ при этомъ, что „сердце ея стучало, какъ молотъ. Ясно, она была невинная дѣвушка: ее выдавалъ свѣжій, упругій, я сказалъ-бы—музыкальный, тонъ ударовъ сердца"....

Кажется, довольно!

К. Ельцова. Въ чужомъ гнѣздѣ. Романъ. Спб. 1899.

Романъ г-жи Ельцовой представляетъ собою объемистую книгу почти въ 400 страницъ. Роману предпосылается эпиграфъ: „Вешній путь—не дорога". Эпиграфъ, въ связи съ содержаніемъ романа, очень мѣткій: „вешній путь" также оказывается „не дорогой" для героини романа, Зины Черновой. Смутныя стихійныя силы, бродившія въ ея молодомъ сердцѣ, какъ вышедшія изъ своихъ береговъ полыя воды, сбили было ее съ избраннаго и отвѣчающаго ея натурѣ пути, но миновала весенняя ростепель, блеснули молніи, прогремѣла первая гроза и воды опять вошли въ свое строгое русло и потекли по предназначенному имъ пути.

Безъ метафоръ, суть романа заключается въ томъ, что Зина Чернова, дочь литератора, курсистка, увлекается графомъ Торжицкимъ, „сердцеѣдомъ" изъ гвардейскихъ офицеровъ, который всю жизнь свою только и дѣлаетъ, что съ необыкновенной серьез-

ностью занимается амурными дѣлами. На перепутьи отъ одной женщины къ другой онъ занимается Зиной, какъ гастрономъ рѣдкимъ фруктомъ, а затѣмъ бросаетъ и ее, пораженный смертью своего ребенка, которая возвращаетъ его къ женѣ. На прощаньи онъ пишетъ Зинѣ письмо, гдѣ изливаетъ свою скорбь по поводу рокового для дѣвушки происшествія. Между прочими фразами онъ въ этомъ письмѣ сознается, что вина его передъ нею такъ велика, что ее заглаживаютъ только смертью. Другими словами, онъ готовъ подраться на дуэли, если кто нибудь вступится за ея оскорбленную честь. „Я жду заслуженнаго мною возмездія", пишетъ обольстительный и обольщающій графъ. „И даю вамъ слово, которому вы имѣете право не вѣрить, но которому я умоляю васъ повѣрить, что окажу полное содѣйствіе тѣмъ, кто захочетъ смыть нанесенную вамъ обиду. Это, къ несчастію, все, чѣмъ я могу заплатить вамъ за то благо, которое вы мнѣ дали, сдѣлавъ меня навсегда другимъ человѣкомъ..." Надо полагать, что послѣднія слова не что иное, какъ фраза, такъ какъ ни откуда не видно, что-бы графа Торжицкаго сдѣлала „другимъ человѣкомъ" именно эта послѣдняя жертва его. Скорѣе по ходу романа его сдѣлала „другимъ человѣкомъ"—смерть сына, если только повѣрить его словамъ. Вѣрнѣе всего происшедшую въ графѣ перемѣну надо приписать просто усталости, такъ какъ человѣку пора было и устать отъ неисчислимыхъ любовныхъ передрягъ и кутежей, да и года ужъ подступали такіе, что надо было и объ отдыхѣ, если не о спасеніи души подумать. Вотъ и потянуло его къ покаянію и къ долготерпѣливой и многомилостивой женѣ, готовой простить все причиненное ей зло блудному, но раскаявшемуся мужу. Но заключительный аккордъ романа—въ письмѣ, который Зина пишетъ своему соблазнителю. Потрясенная горемъ до сумасшествія, Зина скоро, однако, оправляется отъ своей болѣзни и, несмотря на то, что ей, по тонкимъ намекамъ автора, предстоитъ быть матерью,—успокоившаяся отъ своего горя, такъ сказать, переболѣвшая имъ въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ,—она пишетъ:

„Не знаю, тревожитъ-ли васъ до сихъ поръ ожиданіе „возмездія", о которомъ вы пишете, и продолжаете-ли вы все еще опасаться за вашу жизнь. Мое дѣло сказать вамъ только, что вы можете быть совершенно спокойны за вашу безопасность и за все, что вы боялись потерять, вслѣдствіе несчастной нашей встрѣчи".

Вѣроятно, отъ этихъ строкъ порядочно-тяжелый камень свалился съ графской души, такъ какъ онъ, разрѣшая *смыть* обиду, далъ раньше клятву своему товарищу—Кроткову, (которому, къ слову сказать, по шерсти и кличка дана) не стрѣлять въ отвѣтъ на выстрѣлы, направленные въ его сердце. Но соль не въ этомъ отрывкѣ письма, а въ дальнѣйшихъ его строкахъ.

„Даю вамъ съ своей стороны слово, которому вы не имѣете никакой причины не вѣрить, что жизнь ваша и ваши страданія нужны мнѣ теперь также мало, какъ то воображаемое счастье, исканіе котораго меня погубило. Страшное мѣсто страданій, въ которое оно привело меня, дало мнѣ нѣчто единственно необходимое для того, чтобы имѣть мужество жить, научило меня цѣнить и уважать только то, что дѣйствительно достойно уваженія. Если-бы ваши собственныя мученія, о которыхъ вы мнѣ говорите, дали вамъ хоть сотую долю этого сознанія, вы поняли бы, что *кромѣ людскихъ страданій и возможности облегчить ихъ, нѣтъ на свѣтѣ ничего, стоющаго великаго труда жизни и заслуживающаго какого нибудь вниманія...*“ и т. д.

Это и есть настоящая дорога, на которую, надо надѣяться, ступитъ теперь Зина Чернова, а то, что было раньше, эта молнія любви, опалившая ее, какъ молодое дерево, это исканіе *воображаемаго* счастія,—это былъ только „вешній путь“.

Такова фабула романа. Какъ видите, ничего интереснаго и новаго въ ней нѣтъ, но и то сказать, фабулы всѣхъ романовъ до извѣстной степени похожи одна на другую, какъ скелеты одного и того-же вида; но когда эти скелеты облечены плотью, когда въ нихъ бьется живое сердце и струится живая кровь, тогда ихъ нельзя, или, по крайней мѣрѣ, трудно смѣшать одинъ съ другимъ. Въ каждомъ изъ нихъ живетъ духъ творца, озаряющій ихъ своимъ собственнымъ свѣтомъ. Какой-же духъ вдохнулъ въ свой романъ авторъ и какимъ свѣтомъ онъ озарилъ своихъ героевъ?

Обладая настоящимъ дарованіемъ, г-жа Ельцова страдаетъ до нѣкоторой степени отсутствіемъ чувства мѣры, оттого романъ ея, чѣмъ дальше, тѣмъ становится утомительнѣе. Много лишняго, много повтореній и пережевыванія, много мелочей, за которыми гонится авторъ, не замѣчая того, что изъ-за лѣса у него становится не видно деревьевъ. Необыкновенная тщательность и усердіе въ подборѣ разныхъ черточекъ и штришковъ слишкомъ становятся замѣтны для читателя, а это не хорошо. Даже въ описаніяхъ природы, этихъ нѣжныхъ, свѣтлыхъ обликахъ, сдѣланныхъ любящей рукою, проникнутыхъ соотвѣтственнымъ ходу романа настроеніемъ, даже въ нихъ сказывается черезъ чуръ усердная погоня за тщательностью и нѣтъ нѣтъ, да попадается придуманный образъ, искусственная черта, которые вносятъ досадный диссонансъ. Затѣмъ—слишкомъ ужъ много описаній: перестаралась г-жа Ельцова. Сокращенный чуть не въ половину, романъ много-бы выигралъ.

Съ большой симпатіей и даже какъ-то по родственному относясь къ своей героинѣ, г-жа Ельцова создала изъ нея наиболѣе живую фигуру въ романѣ, но ужъ черезъ чуръ заволокла ее туманомъ любви. Проще говоря, очень ужъ много ея героиня

занята своею любовью и къ кому же? Къ какому-то банальному фату, котораго г-жа Ельцова тщетно желаетъ выставить интереснымъ. Напрасно она увѣряетъ, что онъ надѣленъ какой-то особенной внутренной силой, умомъ, храбростью и прочими блестящими свойствами. Ничего этого по его дѣламъ и даже словамъ не видно и напрасно онъ притворяется и интересничаетъ тѣмъ, что если-бы не то, да не это, изъ него могло-бы что-нибудь выйти не совсѣмъ обыкновенное,—ровно ничего изъ него выйти не могло, такъ какъ кромѣ любовныхъ похожденій, кутежей, да, пожалуй, верховой ѣзды, онъ, повидимому, ни на что не способенъ. Вообще, фигура пошловатая, но „любовь зла, полюбишь и козла“, и мы не удивляемся, что такая умная дѣвушка, какъ Зина Чернова, такъ страстно влюбилась въ него; мы только жалѣемъ, что авторъ очень ужъ длинно тянулъ эту любовную канитель. Гораздо удачнѣе фигуры отца Зины, дяди ея и нѣкоторыхъ эпизодическихъ лицъ, составляющихъ то „чужое гнѣздо“, въ которое попала Зина Чернова и гдѣ встрѣтилась съ графомъ Торжицкимъ.

Ѳ. А. Витбергъ. Ревнители русскаго слова прежняго времени. (Чтенія и бесѣды въ союзѣ ревнителей русскаго слова). Спб. 1889.

Первые параграфы устава „Союза ревнителей русскаго слова“ такъ опредѣляютъ его задачи:

„Союзъ ревнителей русскаго слова ставитъ себѣ цѣлью пробуждать въ русскомъ обществѣ уваженіе къ самобытности и кореннымъ свойствамъ русской рѣчи, поддерживать и развивать любовь къ ней, способствовать сближенію книжнаго языка съ народнымъ и тѣмъ содѣйствовать выработкѣ общепонятнаго русскаго языка, какъ главнѣйшаго орудія распространенія просвѣщенія во всѣхъ слояхъ русскаго народа“. Съ этой цѣлью союзъ предполагаетъ изыскать мѣры къ освобожденію нашего современнаго языка отъ *излишнихъ* иностранныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, разрабатывать богатства русскаго языка и этимъ путемъ усиливать его образовательное значеніе въ семьѣ и школѣ.

Членъ союза, говорившій въ первомъ его засѣданіи о тѣхъ, кого онъ считаетъ своими предшественниками, предвидѣлъ вполнѣ естественный вопросъ: зачѣмъ понадобился такой союзъ? Но онъ вложилъ въ него произвольный смыслъ и не далъ на него никакого отвѣта. „Неужели—спрашиваетъ себя отъ имени своихъ воображаемыхъ оппонентовъ г. Витбергъ—неужели въ настоящее время можно говорить о необходимости пробуждать въ русскомъ обществѣ „уваженіе къ самобытнымъ и кореннымъ свойствамъ русской рѣчи“? Неужели надо въ настоящее время „поддерживать и развивать любовь къ ней“? Неужели и въ настоящее время приходится еще „содѣйствовать выработкѣ общепонятнаго

русскаго языка“? И это послѣ цѣлаго ряда такихъ писателей, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій, Майковъ, Островскій, графъ Л. Н. Толстой, въ произведеніяхъ которыхъ русскій языкъ именно и достигъ своего полнаго развитія и является во всей силѣ своей красоты и выразительности, во всемъ разнообразіи своихъ природныхъ свойствъ!“

На эти ненужные риторическіе вопросы г. Витбергъ даетъ весьма упрощенный и легкій отвѣтъ:

„Но что же тутъ страннаго?! Въ сочиненіяхъ нашихъ писателей русскій языкъ дѣйствительно является во всемъ своемъ блескѣ, но онъ въ нихъ остался и, къ сожалѣнію, далеко еще не перешелъ въ общее употребленіе, не сдѣлался общимъ достояніемъ“.

И такъ далѣе. Вопросъ „зачѣмъ понадобился такой союзъ“?—устраненъ, но по существу не получилъ отвѣта. Ибо изъ того, что зло существуетъ, не слѣдуетъ, что для борьбы съ нимъ пригодны всякія средства—даже и совершенно безсильныя. И изъ того, что мы говоримъ дурно, совсѣмъ не слѣдуетъ, что ревнители русскаго слова заставятъ насъ говорить хорошо; если это оказалось не по силамъ великимъ писателямъ и замѣчательнымъ языковѣдамъ, то почему это удастся обществу ревнителей, которое не обладаетъ для этого никакими иными средствами, кромѣ тѣхъ, которыя примѣняются повсюду—и безъ особеннаго успѣха.

Весьма знаменательна и характерна для нашего времени эта вспышка пуризма: въ газетахъ то и дѣло появляются статейки и письма въ редакцію, негодующія на ходячія вольности живой рѣчи, и образуется даже особое общество для надзора за поведеніемъ родного языка. Въ языкѣ ли тутъ по существу дѣло?

Стремленіе къ чистотѣ литературнаго языка, къ изгнанію изъ него всякихъ постороннихъ и искажающихъ примѣсей въ основѣ своей совершенно законно. Языкъ есть органическое цѣлое, находящееся въ живомъ взаимодѣйствіи съ своеобразнымъ организмомъ народной мысли и могущее оказать на нее всякое вліяніе. Понятны поэтому заботы о томъ, чтобы жизнь языка протекала свободно отъ случайныхъ, вредныхъ воздѣйствій и чтобы въ составъ его не входили чуждыя и ненужныя ему примѣси; такія примѣси—несмотря на свободную и цѣлесообразную жизнь языка—возможны; иногда онѣ не нужны (какъ ненуженъ *фриштыкъ*, когда есть *завтракъ*, какъ ненужны *мерси* и *пардонъ* и т. п.), иногда сообщаютъ мысли невѣрный оттѣнокъ и во всякомъ случаѣ не обѣщаютъ слиться съ живымъ тѣломъ языка. Но языкъ понемногу—какъ и настоящій живой организмъ—самъ борется и справляется съ этими посторонними элементами. Онъ не боится заимствованныхъ словъ, какъ не боится воплощенная въ немъ мысль заимствованныхъ идей: и чужое слово, и чужая мысль или погибнутъ на чуждой имъ почвѣ или пустятъ корни,

акклиматизируются и превратятся въ новую національную форму. Сильный и развитой языкъ усвоитъ и ненужное заимствованіе и, внеся въ него новый оттѣнокъ мысли, извлечетъ изъ него пользу. Быть можетъ, слова *школа*, *солдатъ* были ненужны для того языка, въ которомъ *училище*, *воинъ* значили тоже самое, но они необходимы въ томъ языкѣ, въ которомъ *солдатъ* можетъ быть браннымъ словомъ, а *воинъ*—нѣтъ, въ которомъ можно говорить о *школѣ* Боткина.

Нѣтъ, у языка не было бы горячихъ ревнителей, если бы въ основѣ пуризма лежали одни литературныя и филологическія соображенія. Весьма характерно, что объекты преслѣдованія мѣняются: русская оффиціальная литература прошлаго вѣка, оторванная отъ народа, боялась, какъ огня, „подлыхъ“ народныхъ словъ, шестидесятые годы смѣялись надъ утрированными архаизмами противниковъ, реакція и націонализмъ возмущаются неологизмами и иностранными словами. Борьба со словомъ прикрываетъ часто борьбу съ идеей—борьбу не всегда сознательную, но подчасъ тѣмъ болѣе ожесточенную.

Иногда же — какъ было съ пресловутымъ Шишковымъ— карты раскрываются, и пуризмъ отходитъ къ сторонкѣ, почтительно уступая мѣсто неприкрашенному, откровенному шовинизму: введеніе въ языкъ иностраннаго слова разсматривается какъ преступленіе не только противъ чистоты литературнаго языка, но и противъ устоевъ народной жизни. А между тѣмъ, если бы эти противники варваризмовъ сообразили, до какой степени ихъ замыслы выдаютъ ихъ недостаточное знакомство съ жизнью языка, если бы они оцѣнили всю многосложность психическихъ мотивовъ, по которымъ вносится въ обиходъ иностранное слово, они бы поняли, что они до смѣшного безсильны въ той борьбѣ, которую вздумали вести, что ихъ дѣло— пустое и ненужное дѣло. Русскій языкъ не нуждается въ поборникахъ его самобытнаго развитія, разъ не нуждается въ нихъ русская мысль. *Излишнія* заимствованныя слова вымрутъ сами; ихъ употребленіе понемногу становится признакомъ дурного тона, какъ были когда то признакомъ хорошаго: „амуры“, „метрессы“, „променады“, которые такъ нравились барскому XVIII вѣку, остались теперь только въ лакейскомъ языкѣ; и нѣмецкій языкъ Екатерины II еще былъ испещренъ французскими словами, а теперь лишь въ полукультурныхъ слояхъ можно услышать „es ist mir égal“ и т. п. Но нелѣпыя заимствованія не прекратятся, потому что никогда не перестанутъ быть дѣломъ моды, средствомъ выдать себя не за то, что ты есть: барыня, которая смѣется надъ „фриштыкать“ своей горничной, говоритъ еще пріятельницѣ „шерочка“. Однако бояться здѣсь нечего и бороться не съ чѣмъ. Самобытная народная группа заимствуетъ слова, потому что заимствуетъ идеи. Общность духовной жизни

народовъ—ея сила; національная окраска мысли—этотъ незамѣнимый двигатель ея прогресса—скажется и на заимствованномъ словѣ: слово *интеллигенція*, если смотрѣть не на его звуковую оболочку, а на его содержаніе, есть чисто русское слово, созданное условіями русской жизни. А переносить въ область языка борьбу, которую если и должно вести, то въ иномъ мѣстѣ, значитъ оноситься не съ тѣмъ уваженіемъ къ языку, какого онъ заслуживаетъ и какое выставляютъ на своемъ знамени его ревнители. А то можетъ получиться такое недоразумѣніе, въ какое впалъ одинъ прискорбный ревнитель.

Г. Витбергъ, правда, обнаружилъ неблагодарность къ Шишкову, котораго могъ бы по всей справедливости считать предтечей теперешнихъ ревнителей. Но онъ хоть цѣнитъ изслѣдователей родного языка и чувствуетъ, что его бережное и любовное изученіе,—которое кстати сказать не нуждается въ ревнительскихъ кружкахъ—есть настоящее дѣло истиннаго ревнителя; между этими изслѣдователями онъ называетъ и Потебню. Въ свое время нашелся, однако, такой ревнитель, который счелъ возможнымъ и нужнымъ во имя чистоты русскаго языка поставить кой-что въ упрекъ именно замѣчательному ученому, которому изученіе исторіи русскаго языка обязано чуть не больше, чѣмъ кому бы то ни было. Это, конечно, типичный оффиціальный „ревнитель“—гимназическій преподаватель русской словесности; онъ указываетъ въ своемъ учебникѣ „Теоріи словесности“ на стиль классическаго труда „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“—какъ на образецъ ученаго языка, запруженнаго варваризмами и потому труднаго для пониманія. О чрезвычайной сложности и глубинѣ идей, впервые развитыхъ въ этомъ произведеніи, онъ не имѣлъ возможности подумать: онъ ихъ не понялъ, обвинилъ въ этомъ иностранныя слова и съ негодованіемъ накинулся на такія выраженія, какъ „фиктивность субстанціи“ и т. п. Любопытно знать, какими тяжеловѣсными „мокроступами“ онъ замѣнилъ бы эти обиходные и—во всей полнотѣ своего значенія—незамѣнимые термины. И если бы ему удалось это, мы предложили бы ему еще одну задачу, нѣкогда предложенную въ Гете—Шиллеровскихъ „Ксеніяхъ“ нѣмецкому пуристу поэтомъ, котораго и ревнители не заподозрятъ въ пренебреженіи къ родному языку:

Ты такъ удачно чистишь языкъ отъ словъ иностранныхъ—
Переведи-жъ намъ, другъ, также словечко *педантъ*.

Гіальмаръ Бойезенъ. „Фаустъ“ Гете. Комментарій къ поэмѣ. Переводъ Н. В. Арскаго. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1899.

Гяльмаръ Гйортъ Бойэзенъ. Комментарій къ трагедіи Гете „Фаустъ“. Пер. и издалъ А. Л. Шкловскій. Елисаветградъ. 1899.

Не преувеличивая оригинальность Бойезена, мы считаемъ

его книжку, при всей ея несамостоятельности, хорошимъ пріобрѣтеніемъ Гетевской литературы. „Комментарій“ сжатъ, но содержателенъ, ясенъ, популяренъ въ лучшемъ смыслѣ слова; онъ проникнутъ любовью къ великому произведенію нѣмецкаго поэта и преклоненіемъ предъ идеями, нашедшими выраженіе въ безсмертной драмѣ. Онъ сближаетъ съ ней читателя, заставляя его видѣть въ „Фаустѣ“ не просто замѣчательное художественное произведеніе, но настоящую „книгу жизни“, въ которой читатель можетъ сконцентрировать громадную долю своего духовнаго капитала. Поэтъ, не лишенный фантазіи и вдохновенія, Бойезенъ сумѣлъ извлечь изъ прозаическихъ объясненій тѣ элементы эмоціональнаго сочувствія, которыми только и живетъ истинное пониманіе художественнаго произведенія; слѣдуя завѣту Гете, онъ переноситъ читателя „in Dichters Land“—въ страну поэта—но не на его географическую родину, а въ міръ его задушевныхъ мыслей и творческихъ грезъ. Еще одно достоинство комментарія, отмѣченное и г. Арскимъ: „будучи написано не нѣмцемъ, это произведеніе чуждо тѣхъ преувеличеній и крайностей, въ которыя, вслѣдствіе національныхъ увлеченій и другихъ причинъ, впадаютъ даже лучшіе нѣмецкіе комментаторы, часто желающіе усматривать глубоко скрытый смыслъ даже тамъ, гдѣ по намѣреніямъ самого поэта все должно быть просто и ясно“. Несмотря на то, что Бойезенъ ведетъ свое объясненіе по сценамъ, какъ-бы разбивая его на части, именно частности интересуютъ его менѣе всего: онъ объясняетъ основные мотивы драмы, а не ея подробности. Это заставило нѣмецкаго и одного изъ русскихъ переводчиковъ „Комментарія“ приложить къ нему „объяснительныя примѣчанія“, гдѣ нашла истолкованіе масса историческихъ и миѳологическихъ намековъ, географическихъ названій, старинныхъ научныхъ и философскихъ терминовъ, которыми переполнена драма, особенно ея вторая часть, и знаніе которыхъ трудно предположить у современнаго читателя.

Возраженіе, направленное противъ объясненій къ художественнымъ произведеніямъ и сводящееся къ тому, что произведеніе истиннаго художника говоритъ само за себя и не нуждается ни въ какихъ непрошенныхъ комментаріяхъ, отлично отвергается работой Бойезена. Не нужны и вредны тѣ объясненія, которыя, влагая въ безбрежный міръ художественнаго образа одинъ опредѣленный смыслъ, не позволяютъ читателю толковать и понимать его по своему; эти объясненія суживаютъ произведеніе, тогда какъ ихъ задача расширить его; это можетъ исполнить лишь такое толкованіе, которое, ничего не навязывая читателю, даетъ ему не готовыя мысли, а, такъ сказать, лишь программу для свободныхъ размышленій. Въ этихъ рамкахъ и держится комментарій Бойезена; знакомство съ нимъ не суживаетъ многообразнаго содержанія „Фауста“, но, наобо-

ротъ, раздвигаетъ его смыслъ, наводя на новыя, плодотворныя мысли.

Переводъ г. Арскаго сопровождается интереснымъ историко-литературнымъ очеркомъ легенды о Фаустѣ, объяснительными примѣчаніями къ поэмѣ (трагедіи?) и библіографическимъ указателемъ, гдѣ слѣдовало указать пушкинское подражаніе и, пожалуй,—среди пародій—„Сродство міровыхъ силъ“ Кузьмы Пруткова. Въ предисловіи помѣщена между прочимъ краткая біографія Бойезена, котораго, кстати сказать, г. Арскій напрасно считаетъ еще живымъ. Переводъ г. Шкловскаго сдѣланъ съ нѣмецкаго перевода Отфрида Миліуса, объяснительный словарь котораго сохраненъ и въ русскомъ изданіи.

Э. Вурмъ. Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ. Ихъ питаніе, квартиры, доходы, косвенные налоги, болѣзни и смертность. Перев. съ нѣм. М. Мандельштама. Редакція Д. Протопопова. (Изд. т-ва „Знаніе“). Спб. 1899.

Книжка Вурма не можетъ быть названа ни теоретическимъ изслѣдованіемъ, ни статистическою монографіею въ строгомъ смыслѣ этого слова. Это скорѣе рядъ небольшихъ публицистическихъ очерковъ, дающихъ въ общемъ довольно вѣрное и живое представленіе о положеніи нѣмецкихъ рабочихъ, условіяхъ ихъ питанія, квартирной обстановки, болѣзненности, смертности, распредѣленія доходовъ. Способъ исполненія задачи, поставленной себѣ авторомъ, достоинства и недостатки его труда опредѣлились главнымъ образомъ самымъ методомъ, положеннымъ въ основу этой работы. Матеріалами для послѣдней послужили какъ сводки другихъ авторовъ, такъ и статистическія изданія различныхъ учрежденій и обществъ. Въ выборѣ этихъ статистическихъ данныхъ Вурмъ обнаружилъ весьма похвальную осторожность. Онъ не желалъ оперировать надъ „средними“ цифрами, опредѣляющими, напримѣръ, сколько единицъ такого-то продукта потребляется въ такой-то мѣстности, или сколько такихъ единицъ приходится въ среднемъ на голову населенія. „Нѣтъ болѣе безполезной игры въ цифры, какъ эти среднія вычисленія“,—замѣчаетъ авторъ и приводитъ въ доказательство этой мысли простой примѣръ. „Было-бы“,—говоритъ онъ,—„совершенно невѣрно предположить, что въ Лейпцигѣ населеніе питается лучше, чѣмъ въ Дрезденѣ, такъ какъ въ первомъ оно расходуетъ по 164, а во второмъ по 108 ф. мяса на каждаго жителя. Лейпцигъ посѣщается множествомъ иностранцевъ, тамъ живетъ гораздо больше богатыхъ людей, всѣ они съѣдаютъ много мяса. Но на ряду съ сытыми тамъ существуетъ много, очень много голодныхъ, и вопреки большему потребленію, которое наблюдается въ Лейпцигѣ, тамъ можетъ существовать больше,

чѣмъ въ Дрезденѣ, голодныхъ, никогда не видящихъ мяса“ (58—9). Этому-то шаткому методу „среднихъ цифръ“ авторъ противопоставляетъ, пользуясь имъ въ дѣйствительности, методъ, предложенный извѣстнымъ германскимъ статистикомъ Энгелемъ, согласно которому рекомендуется производить изслѣдованія и дѣлать выводы на основаніи „достовѣрныхъ и точныхъ данныхъ объ отдѣльныхъ хозяйствахъ, которыя могутъ считаться типичными и образцовыми для цѣлыхъ слоевъ населенія“ (59). Этотъ методъ имѣетъ свои выгоды и невыгоды, отразившіяся и на работѣ Вурма. Съ одной стороны, извѣстно, что подобныхъ „достовѣрныхъ и точныхъ данныхъ“ имѣется въ статистической литературѣ весьма мало (богатый матеріалъ этого рода представляютъ русскія земскія подворныя переписи; образцовую обработку этихъ данныхъ даетъ работа Щербины о крестьянскихъ бюджетахъ, помѣщенная во II томѣ изданія „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ“); съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что выводы, построенные на основаніи такихъ данныхъ, отличаются большою цѣнностью.

Такой именно характеръ и носитъ книжка Вурма. Она не даетъ исчерпывающей картины „жизни нѣмецкихъ рабочихъ“. Эта жизнь здѣсь обрисована немногими, но вѣрными дѣйствительности штрихами, создающими въ общемъ не полную, но цѣнную картину. Нельзя сказать, чтобы эта картина производила отрадное впечатлѣніе. Бытъ трудящихся массъ въ странѣ, приближающейся чуть ли не къ вершинѣ промышленнаго подъема, является въ изображеніи Вурма весьма плачевнымъ. „Питаніе рабочаго населенія (Германіи) ни по отношенію къ составу пищи, ни по отношенію къ содержащимся въ ней питательнымъ веществамъ приблизительно даже не подходитъ къ требованіямъ, предъявляемымъ къ нему наукою“ (7). „Питаніе населенія въ Германіи все ухудшается“ (8). Не лучше обстоитъ дѣло и по отношенію къ квартирному вопросу. Пользуясь сплошь и рядомъ скверными, анти-гигіеничными жилищами, рабочій людъ при томъ же платитъ за эти жилища сравнительно дороже, нежели состоятельные классы за свои удобныя квартиры (57). Статистика распредѣленія доходовъ показываетъ, что въ Пруссіи „число богатыхъ крайне незначительно сравнительно съ массой бѣдняковъ“ (126). Между тѣмъ, въ силу неправильной организаціи податного дѣла, лица, получающія болѣе мелкіе доходы, принуждены уплачивать относительно большую сумму податей (127). Совокупность всѣхъ этихъ ненормальныхъ условій приводитъ, конечно, къ самымъ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ. Продолжительность жизни нѣмецкихъ рабочихъ значительно ниже средней (129). Замѣтно чрезвычайное развитіе разнообразныхъ профессіональныхъ болѣзней. Всѣ эти положенія доказываются Вурмомъ на большомъ количествѣ

данныхъ, которыя интересующіеся найдутъ въ самой книгѣ. Въ общемъ небольшая работа Вурма заслуживаетъ полнаго вниманія русскихъ читателей.

Сидней и Беатриса Веббъ. Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма (Industrial Democracy) Томъ первый. Переводъ съ англійскаго Владиміра Ильина. Спб. 1900 (Экономическая библіотека, изд. О. Н. Поповой, подъ общею редакціею П. Струве).

Сидней Веббъ пользуется заслуженною репутаціею лучшаго знатока англійскаго профессіональнаго рабочаго движенія. Ему принадлежатъ два капитальныя сочиненія, посвященныя этому движенію—оба составленныя въ сотрудничествѣ съ женою его, Беатрисою Веббъ. Это именно — вышедшая въ 1894 двухтомная „Исторія рабочихъ союзовъ“ (History of Trade Unionism) и появившаяся чрезъ 4 года книга объ „Индустріальной Демократіи (тоже въ 2 томахъ). Первый томъ этого послѣдняго сочиненія, озаглавленнаго русскимъ переводчикомъ (по примѣру его нѣмецкаго предшественника К. Гуго) „Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма“, и лежитъ въ настоящее время передъ нами. Редакція издаваемой г-жею Поповой „экономической библіотеки“ (въ составъ которой вошелъ переводъ названной книги Вебба) обѣщаетъ выпустить также переводъ и его History of Trade-Unionism.

Англійскіе профессіональные рабочіе союзы, такъ называемые „трэдъ юніоны“, носятъ на себѣ очень своеобразный характеръ. Это очень широкая и могучая организація, — внушительная уже по одной численности входящихъ въ нее рабочихъ. По послѣднему оффиціальному отчету англійскаго — Bood of Trade (министерства промышленности) въ 1897 году въ соединенномъ королевствѣ насчитывалось 1,287 рабочихъ союзовъ съ 13,335 подраздѣленіями и 1.609.909 членами. Но, какъ и всѣ крупныя явленія англійской жизни, эта организація не представляетъ собою чего нибудь внѣшне стройнаго, соразмѣрнаго въ своихъ частяхъ и такъ сказать планомѣрнаго. Не смотря на свою недавнюю относительно исторію (большая часть союзовъ выросла въ нынѣшнемъ столѣтіи) трэдъ-юніонизмъ имѣетъ уже нѣсколько совершенно разнородныхъ напластованій; причемъ новыя формы не вытѣсняли собою старыя, а создавались рядомъ съ ними. Рабочее движеніе росло безъ общаго направляющаго и руководящаго плана, росло подъ тѣми импульсами, которые давались непосредственными практическими запросами и потребностями жизни. Въ результатѣ его сложилась жизненная и могучая, но въ то же время пестрая и сложная, какъ сама жизнь, рабочая организація.

Такой характеръ объекта изслѣдованія требовалъ особыхъ свойствъ и отъ его изслѣдователя. Къ изученію англійскаго рабо-

чаго движенія менѣе всего можно подходить съ готовыми общими схемами. Всякія обобщенія здѣсь должны дѣлаться съ сугубою осторожностью,—чтобы не навязать искусственно цѣлому черты, свойственныя только нѣкоторымъ его частямъ.

С. Веббъ представляетъ собою типъ ученаго, который какъ будто нарочно приспособленъ для изученія явленій подобныхъ трэдъ-юніонизму. Если трэдъ - юніонизмъ типичный продуктъ англійской жизни, то и его историкъ—типичный англичанинъ,—въ хорошемъ значеніи этого слова. Это прежде всего дѣловитый и серьезный практикъ. Главная его сила заключается не столько въ широкомъ теоретическомъ захватѣ, сколько въ чисто англійскомъ умѣніи овладѣть огромнымъ фактическимъ матеріаломъ, и расположить его такъ, чтобы для читателя легко было охватить главныя, типическія черты изучаемыхъ явленій, не теряя изъ виду все ихъ разнообразіе.

Всѣ выводы Вебба носятъ строго индуктивный характеръ. Чтобы создать для нихъ прочное основаніе, онъ затратилъ массу труда. „Въ предлагаемыхъ томахъ — говоритъ онъ въ предисловіи къ переведенному на русскій языкъ сочиненію—мы попытались дать научный анализъ трэдъ-юніонизма въ Соединенномъ королевствѣ. Мы посвятили этой задачѣ *шесть лѣтъ занятій по изученію организаціи каждаго трэдъ-юніона* (курсивъ нашъ) въ его внѣшнихъ сношеніяхъ и внутреннемъ строѣ, вмѣстѣ съ изученіемъ тѣхъ пріемовъ и тѣхъ правилъ, которыми онъ пользуется для своей цѣли". Пріемы такого изученія были очень разнообразны. Веббъ широко пользовался всѣми тѣми тремя способами, которые онъ указываетъ, какъ путь „къ раскрытію истины при изслѣдованіи фактовъ": изученіемъ документальныхъ данныхъ, личнымъ наблюденіемъ и опросомъ. Вся его книга свидѣтельствуетъ о самомъ широкомъ, можно сказать, исчерпывающемъ знакомствѣ его съ печатными источниками по трэдъ-юніонизму, разумѣя подъ этими источниками не только литературу о трэдъ-юніонизмѣ, но и дѣловую литературу *самого* трэдъ-юніонизма, т. е. сотни ежегодно появляющихся отчетовъ, докладовъ, циркуляровъ и другихъ печатныхъ документовъ, въ которыхъ отпечатывается, такъ сказать, будничная, дѣловая жизнь рабочихъ союзовъ. Показанія этихъ документальныхъ источниковъ дали основной, главный матеріалъ для книги. Затѣмъ авторъ (или, правильнѣе, авторы) ея, не довольствуясь этими мертвыми свидѣтельствами, сочли необходимымъ дополнить ихъ и непосредственными, живыми наблюденіями. Личное „продолжительное наблюденіе *изъ внутри самой организаціи* за дѣйствительными рѣшеніями ея членовъ, за игрою мотивовъ, изъ которыхъ вытекаютъ эти рѣшенія"—является, по мнѣнію Вебба, слѣдующимъ по важности, послѣ документовъ, способомъ изученія. Но „трудность состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы изслѣдователь занялъ такой наблюдательный постъ, не измѣ-

няя своимъ присутствіемъ нормальнаго хода событій“. Въ такомъ благопріятномъ положеніи находятся члены администрацій разныхъ учрежденій, „но къ несчастію — замѣчаетъ Веббъ — въ высшей степени рѣдко можно встрѣтить въ администраторѣ — практикѣ охоту, способность или подготовку, необходимыя для успѣшнаго изслѣдованія“. Стороннему же человѣку, „желающему пользоваться этимъ методомъ, приходится на практикѣ выбирать одно изъ двухъ: онъ можетъ примкнуть къ тому соціальному классу, присоединиться къ той организаціи или заняться той профессіей, которыя онъ хочетъ наблюдать“. Авторы книги такъ именно и поступили. Одинъ изъ нихъ „нашелъ полезнымъ—на разныхъ ступеняхъ изслѣдованія — сдѣлаться сборщицей квартирной платы, швеей, работающей мужское платье, и жилицей въ семьяхъ изъ рабочаго класса“. А другой авторъ книги „пріобрѣлъ много свѣдѣній, будучи активнымъ членомъ демократическихъ организацій и принимая личное участіе въ различныхъ отрасляхъ управленія“. Наконецъ, на третьемъ мѣстѣ въ ряду средствъ изслѣдованія фактовъ Веббъ ставитъ „опросъ или интервью“, подразумѣвая подъ этимъ словомъ „умѣлый допросъ компетентнаго свидѣтеля по предметамъ его личнаго опыта“. Авторы широко пользовались и этимъ пріемомъ — который при извѣстныхъ условіяхъ и на данныхъ ступеняхъ изслѣдованія можетъ оказать большія услуги изученію. При этомъ какъ среди печатныхъ источниковъ особенное вниманіе авторовъ привлекали къ себѣ документы дѣловые, относящіеся къ отдѣльнымъ, частнымъ явленіямъ, такъ и здѣсь, по ихъ словамъ, наибольшая часть существенныхъ свѣдѣній получалась ими не отъ вожаковъ организаціи, а отъ „ихъ подчиненныхъ, которые лично заняты отдѣльными фактами“ и показанія которыхъ носятъ на себѣ болѣе непосредственный и менѣе окрашенный общими теоретическими воззрѣніями характеръ.

Книга С. и Б. Веббъ, переведенная на русскій языкъ, распадается на три части; двѣ первыя — „Строеніе трэдъ-юніоновъ“ и „Функціи трэдъ-юніоновъ“, посвящены фактическому описанію изучаемой организаціи. Только въ третьей, послѣдней части — „Теорія трэдъ-юніоновъ“, — авторы переходятъ къ всесторонней оцѣнкѣ экономическаго и соціальнаго значенія этой организаціи и къ изложенію собственной теоріи трэдъ-юніонизма. Первый томъ сочиненія, появившійся пока въ переводѣ, содержитъ въ себѣ первую часть и большую часть второй. Четыре главы, описывающія „Строеніе трэдъ-юніоновъ“—„Примитивная демократія“, „Представительныя учрежденія“, „Единица правленія“ и „Отношенія между трэдъ-юніонами“,—въ мастерскомъ и полномъ фактическаго содержанія очеркѣ знакомятъ насъ съ постепенною эволюціею трэдъ-юніоновъ отъ примитивныхъ формъ мѣстныхъ промышленныхъ клубовъ до широкихъ федеративныхъ организа-

чаго движенія менѣе всего можно подходить съ готовыми общими схемами. Всякія обобщенія здѣсь должны дѣлаться съ сугубою осторожностью,—чтобы не навязать искусственно цѣлому черты, свойственныя только нѣкоторымъ его частямъ.

С. Веббъ представляетъ собою типъ ученаго, который какъ будто нарочно приспособленъ для изученія явленій подобныхъ трэдъ-юніонизму. Если трэдъ - юніонизмъ типичный продуктъ англійской жизни, то и его историкъ—типичный англичанинъ,— въ хорошемъ значеніи этого слова. Это прежде всего дѣловитый и серьезный практикъ. Главная его сила заключается не столько въ широкомъ теоретическомъ захватѣ, сколько въ чисто англійскомъ умѣніи овладѣть огромнымъ фактическимъ матеріаломъ, и расположить его такъ, чтобы для читателя легко было охватить главныя, типическія черты изучаемыхъ явленій, не теряя изъ виду все ихъ разнообразіе.

Всѣ выводы Вебба носятъ строго индуктивный характеръ. Чтобы создать для нихъ прочное основаніе, онъ затратилъ массу труда. „Въ предлагаемыхъ томахъ — говоритъ онъ въ предисловіи къ переведенному на русскій языкъ сочиненію—мы попытались дать научный анализъ трэдъ-юніонизма въ Соединенномъ королевствѣ. Мы посвятили этой задачѣ *шесть лѣтъ занятій по изученію организаціи каждаго трэдъ-юніона* (курсивъ нашъ) въ его внѣшнихъ сношеніяхъ и внутреннемъ строѣ, вмѣстѣ съ изученіемъ тѣхъ пріемовъ и тѣхъ правилъ, которыми онъ пользуется для своей цѣли". Пріемы такого изученія были очень разнообразны. Веббъ широко пользовался всѣми тѣми тремя способами, которые онъ указываетъ, какъ путь „къ раскрытію истины при изслѣдованіи фактовъ": изученіемъ документальныхъ данныхъ, личнымъ наблюденіемъ и опросомъ. Вся его книга свидѣтельствуетъ о самомъ широкомъ, можно сказать, исчерпывающемъ знакомствѣ его съ печатными источниками по трэдъ-юніонизму, разумѣя подъ этими источниками не только литературу о трэдъ-юніонизмѣ, но и дѣловую литературу *самого* трэдъ-юніонизма, т. е. сотни ежегодно появляющихся отчетовъ, докладовъ, циркуляровъ и другихъ печатныхъ документовъ, въ которыхъ отпечатывается, такъ сказать, будничная, дѣловая жизнь рабочихъ союзовъ. Показанія этихъ документальныхъ источниковъ дали основной, главный матеріалъ для книги. Затѣмъ авторъ (или, правильнѣе, авторы) ея, не довольствуясь этими мертвыми свидѣтельствами, сочли необходимымъ дополнить ихъ и непосредственными, живыми наблюденіями. Личное „продолжительное наблюденіе *изъ внутри самой организаціи* за дѣйствительными рѣшеніями ея членовъ, за игрою мотивовъ, изъ которыхъ вытекаютъ эти рѣшенія"—является, по мнѣнію Вебба, слѣдующимъ по важности, послѣ документовъ, способомъ изученія. Но „трудность состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы изслѣдователь занялъ такой наблюдательный постъ, не измѣ-

няя своимъ присутствіемъ нормальнаго хода событій". Въ такомъ благопріятномъ положеніи находятся члены администрацій разныхъ учрежденій, „но къ несчастію — замѣчаетъ Веббъ — въ высшей степени рѣдко можно встрѣтить въ администраторѣ — практикѣ охоту, способность или подготовку, необходимыя для успѣшнаго изслѣдованія". Стороннему же человѣку, „желающему пользоваться этимъ методомъ, приходится на практикѣ выбирать одно изъ двухъ: онъ можетъ примкнуть къ тому соціальному классу, присоединиться къ той организаціи или заняться той профессіей, которыя онъ хочетъ наблюдать". Авторы книги такъ именно и поступили. Одинъ изъ нихъ „нашелъ полезнымъ—на разныхъ ступеняхъ изслѣдованія — сдѣлаться сборщицей квартирной платы, швеей, работающей мужское платье, и жилицей въ семьяхъ изъ рабочаго класса". А другой авторъ книги „пріобрѣлъ много свѣдѣній, будучи активнымъ членомъ демократическихъ организацій и принимая личное участіе въ различныхъ отрасляхъ управленія". Наконецъ, на третьемъ мѣстѣ въ ряду средствъ изслѣдованія фактовъ Веббъ ставитъ „опросъ или интервью", подразумѣвая подъ этимъ словомъ „умѣлый допросъ компетентнаго свидѣтеля по предметамъ его личнаго опыта". Авторы широко пользовались и этимъ пріемомъ — который при извѣстныхъ условіяхъ и на данныхъ ступеняхъ изслѣдованія можетъ оказать большія услуги изученію. При этомъ какъ среди печатныхъ источниковъ особенное вниманіе авторовъ привлекали къ себѣ документы дѣловые, относящіеся къ отдѣльнымъ, частнымъ явленіямъ, такъ и здѣсь, по ихъ словамъ, наибольшая часть существенныхъ свѣдѣній получалась ими не отъ вожаковъ организаціи, а отъ „ихъ подчиненныхъ, которые лично заняты отдѣльными фактами" и показанія которыхъ носятъ на себѣ болѣе непосредственный и менѣе окрашенный общими теоретическими воззрѣніями характеръ.

Книга С. и Б. Веббъ, переведенная на русскій языкъ, распадается на три части; двѣ первыя — „Строеніе трэдъ-юніоновъ" и „Функціи трэдъ-юніоновъ", посвящены фактическому описанію изучаемой организаціи. Только въ третьей, послѣдней части — „Теорія трэдъ-юніоновъ", — авторы переходятъ къ всесторонней оцѣнкѣ экономическаго и соціальнаго значенія этой организаціи и къ изложенію собственной теоріи трэдъ-юніонизма. Первый томъ сочиненія, появившійся пока въ переводѣ, содержитъ въ себѣ первую часть и большую часть второй. Четыре главы, описывающія „Строеніе трэдъ-юніоновъ"—„Примитивная демократія", „Представительныя учрежденія", „Единица правленія" и „Отношенія между трэдъ-юніонами",—въ мастерскомъ и полномъ фактическаго содержанія очеркѣ знакомятъ насъ съ постепенною эволюціею трэдъ-юніоновъ отъ примитивныхъ формъ-мѣстныхъ промышленныхъ клубовъ до широкихъ федеративныхъ организа-

цій, развѣтвляющихся на всю страну, организацій съ разработанною представительною системою и развитою спеціальною администраціею. Мы можемъ прослѣдить, какъ новыя высшія формы постепенно складывались и пробивали себѣ дорогу среди съ трудомъ уступавшихъ имъ мѣсто и до сихъ поръ еще во многомъ сохранившихся остатковъ старыхъ устройствъ. Вторая часть книги — „Функціи трэдъ-юніонизма“—посвящена изложенію *методовъ* дѣятельности трэдъ-юніоновъ и тѣхъ *цѣлей*, къ достиженію которыхъ она стремится. Отъ начала XVIII вѣка до настоящаго времени — говоритъ Веббъ (стр. 118) — трэдъ-юніонисты „добиваются исполненія своихъ правилъ посредствомъ трехъ различныхъ средствъ или рычаговъ: метода взаимнаго страхованія, метода коллективныхъ сдѣлокъ и метода законодательныхъ постановленій“. Подробный анализъ этихъ методовъ мы находимъ въ четырехъ главахъ, которыми начинается вторая часть книги. Отъ методовъ, употребляемыхъ для того, чтобы обезпечить исполненіе правилъ, авторы переходятъ затѣмъ къ самымъ этимъ правиламъ. Они сводятся въ книгѣ къ семи главнымъ группамъ: 1) нормальный уровень рабочей платы (Standart Rate); 2) нормальный рабочій день, 3) санитарныя условія и безопасность промысла; 4) новые процессы производства и новыя машины, 5) постоянство занятія, 6) доступъ въ промыселъ и 7) право на промыселъ. Первыя пять группъ разсматриваются въ первомъ томѣ сочиненія (гл. 5—9 второй части). Двѣ послѣднія вмѣстѣ съ двумя заключительными главами фактической части работы („Выводы трэдъ-юніонизма“ и „Предпосылки трэдъ-юніонизма“) и всею теоретическою частью книги составляютъ содержаніе 2-го тома „Теоріи и практики трэдъ-юніонизма“.

Мы горячо рекомендуемъ вниманію нашихъ читателей это въ высокой степени цѣнное и интересное изслѣдованіе.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссій по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

Сочиненія **А. Луговаго**. Т. IV. Спб. 1900. Ц. 2 р. 50 к.

Собраніе сочиненій **Виктора Рышкова**. Изданіе П. А. Картавова. Спб. 1900. Т. I. Женихи. Романъ. Ц. 1 р. 25 к. Т. II. Разсказы. Ц. 1 р.

Анна Иноземцева. Собраніе сочиненій. Т. I. Съ портретомъ автора. Н.-Новгородъ. 99. Ц. 1 р.

Ек. Лѣткова. Повѣсти и разсказы. Спб. 1900. I. Мертвая зыбь. Ц. 1 р. II. Отдыхъ. Ц. 1 р.

А. Вербицкая. Первыя ласточки. Повѣсть. М. 1900. Ц. 80 к.

В. Авсѣенко. Петербургскіе очерки. Изданіе А. С. Суворина. 2 тома. Спб. 1900. Ц. 1 р. за томъ.

П. П. Гнѣдичъ. Туманы. Романъ. Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

П. П. Гнѣдичъ. По духовнымъ завѣщаніямъ и др. разсказы. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

В. П. Авенаріусъ. Передъ разсвѣтомъ. Повѣсть для юношества изъ послѣднихъ лѣтъ крѣпостного права. Съ 20 рис. и портретами. Изданіе кн. магазина П. В. Луковникова. Спб. 1900.

В. П. Авенаріусъ. За тридцать лѣтъ. Образцы новой русской поэзіи. (Выбрано для юношества). Изданіе кн. магазина П. В. Луковникова. Спб. 1900.

Поэты Швеціи. Изданы подъ редакціей Н. Новича. Спб. 99. Ц. 50 к.

„Думы мои думы"... Стихотворенія русскихъ поэтовъ. Составилъ С. Ан. Г—инъ. Изданіе Н. В. Смирновой. Спб. 1900. Ц. 8 к.

Стихотворенія гимназиста и нѣкоторыя данныя относительно процесса ихъ творчества. Составилъ и издалъ **Викторъ Склифасовскій.** М. 99.

Задушевныя пѣсни. Сборникъ стихотвореній **Н. Н. Иванова.** Воронежъ. 99. Ц. 25 к.

Вл. Юревичъ. Стихотворенія. Спб. 99.

Эдмондъ де-Амичисъ. Новеллы. Переводъ Е. П. Тарасовой. М. 1900 I. Альберто.—Камилла. Ц. 50 к. II. Фуріо.—Стойкость.—Школьные товарищи. Ц. 50 к.

Джіовани Верга. Ева. Разсказъ. Переводъ Е. П. Тарасовой. М. 1900 Ц. 50 к.

Элиза Ожешкова. Повѣсти и разсказы. Переводъ В. М. Лаврова. Т. II. Изданіе редакціи „Русской Мысли". М. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

О. Шрейнеръ. Грезы и сновидѣнія. Переводъ съ англ. Ц. В. Изданіе С. Дароватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1900. Ц. 25 к.

Бомарше. Театръ. Севильскій цирульникъ. Свадьба Фигаро. Виновная мать. Переводъ А. А. Криль. М. 99. Ц. 1 р. 25 к.

А. А. Ѳоминъ. Положеніе русской женщины въ семьѣ и обществѣ въ произведеніяхъ А. Н. Островскаго. М. 99. Ц. 35 к.

Исторія русскаго искусства Соч. **А. П. Новицкаго.** Изданіе магазина „Книжное Дѣло". Вып. IV и V. М. 99. Подписная ц. 10 р., съ пересылкой и доставкой 12 р.

Очерки исторіи сербохорватской литературы. **А. Степовича.** Кіевъ. 99. Ц. 3 р.

Исторія новѣйшей французской литературы. Составлена подъ редакціей Л. Пти-де-Жюльвилля. Переводъ съ франц. Ю. А. Веселовскаго со вступительной статьей А. Н. Веселовскаго. Съ рис. Изданіе магазина „Книжное Дѣло". Вып. I и II. М. 1899—1900. Подписная ц. 7 р., съ доставкой и пересылкой 8 р. 50 к.

Джоржъ Элліотъ и ея романъ „Даніэль Деронда". Этюдъ **С. С—скаго.** Екатеринославъ. 99. Ц. 10 к.

Всеволодъ Чешихинъ. Русскій литературный кружокъ въ г. Ригѣ въ первое 25-лѣтіе его существованія. Рига. 99.

Павелъ Кротъ. Психографія. II. Обзоръ психографіи семи поэтовъ. М. 99. Ц. 50 к.

Романессъ. Теорія Дарвина. Переводъ Н. К. Кольцова подъ ред. и съ предисл. М. А. Мензбира. М. 99. Ц. 70 к.

Гетчинсонъ. Вымершія чуовища и животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ. Съ 48 табл. и 133 рис. Переводъ М. В. Павловой съ предисл. А. П. Павлова. М. 99. Ц. 1 р. 25 к.

І. А. Томсонъ. Жизнь животныхъ. Переводъ съ англ. подъ ред. В. К. Агафонова. Вып. I. Съ 15 рис. въ текстѣ. Изданіе магазина „Книжное Дѣло". М. 1900. Ц. 30 к.

Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Переводъ съ нѣм. К. П. Пятницкаго. 11 цвѣтныхъ таблицъ, 185 портретовъ и рис. въ текстѣ. 2-е изданіе т-ва „Знаніе". Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Юнгъ. Солнце. Переводъ Л. Г. Малиса подъ ред. К. П. Пятницкаго Съ портретами, цвѣтными таблицами и иллюстраціями. 2-е изданіе т-ва „Знаніе". Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Ж. М. Шарко. Исцѣляющая вѣра. Переводъ съ франц. Изданіе магазина „Книжное Дѣло". М. 99. Ц. 15 к.

Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства отъ древности до нашихъ дней. Составилъ д-ръ **Леманнъ**. Переводъ съ нѣм. подъ ред. В. Н. Линдъ. Вып. IV—VI. Изданіе магазина „Книжное Дѣло". М. 99. Подписная ц. 3 р., съ доставкой и пересылкой 4 р.

Очеркъ врачебно-санитарной организаціи русскихъ городовъ. **П. А. Граціанова**. Минскъ. 99. Ц. 50 к.

Какъ вести бѣдное хозяйство, чтобы сохранить здоровье. Женщины-врача **М. И. Покровской**. Спб. 1900. Ц. 60 к.

А. М. Виршубскій. Очерки вопросовъ изъ области кумысолѣченія. М. 99. Ц. 30 к.

Эйдоль. Лѣченіе безъ лѣкарствъ. Переводъ съ англ. Изданіе М. Е. Конусова. М. 99. Ц. 1 р.

Опытъ упрощенія жизни. **Г. Д. Торо**. Переводъ съ англ. Съ портретомъ автора и 2 рис. Изданіе М. Е. Конусова. М. 1900. Ц. 60 к.

Э. Демоленъ. Новое воспитаніе. Реформа средняго образованія. Переводъ съ франц. подъ ред. В. Н. Линда. Изданіе магазина „Книжное Дѣло". М. 1900. Ц. 80 к.

Проф. **Л. Іолли**. Народное образованіе въ разныхъ странахъ Европы. Переводъ съ нѣм. А. Санина. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Ю. Надеждинъ. Курсы для рабочихъ и ремесленниковъ во Франціи. Спб. 1900.

Главныя основы общей системы народнаго образованія. Спб. 99. Ц. 40 к.

В. В. Розановъ. Религія и культура. Сборникъ статей. Изданіе П. Перцова. Спб. 99. Ц. 1 р.

В. В. Розановъ. Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Изданіе П. Перцова. Спб. 99. Ц. 1 р.

В. В. Розановъ. Литературные очерки. Сборникъ статей. Изданіе П. Перцова. Спб. 99. Ц. 1 р.

Ф. Бѣлявскій. Старая и новая вѣра. („Лурдъ", „Римъ" и „Парижъ" Э. Золя)). Спб. 1900. Ц. 1 р.

О царской власти съ библейской точки зрѣнія. **А. Сапожникова**. Спб. 99. Ц. 25 к.

Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. Лекціи объ обще-

ственной философіи и ея исторіи. **Людвига Штейна**. Переводъ съ нѣм. П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 99. Ц. 3 р.

Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Французы. **Е. Н. Водовозовой**. Съ 10 картинками. Спб. 99. Ц. 40 к.

Альфредъ Фулье. Психологія французскаго народа. Съ приложеніемъ статьи Бугле: Философія антисемитизма. Перевелъ съ франц. Б. Никитинъ. М. 1900. Ц. 1 р.

Современные русско-еврейскіе дѣятели. Біографическіе очерки и характеристики. **Н. С. Рапковскаго**. Изданіе Е. Меча. Вып. I. Одесса. 99. Ц. 75 к.

Гильомъ Ферреро. Милитаризмъ. Перевела съ итал. А. Ф. Гретманъ. Изданіе А. А. Никитина. М. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Прогрессъ, какъ эволюція жестокости. **М. А. Энгельгардта**. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 99. Ц. 75 к.

Опасность милиціи. Соч. генерала **Леваля**. Переводъ съ франц. Асхабадъ. 99. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Исторія римской республики по **Моммсену**. Переводъ Н. Н. Шамонина. Вып. I. („Библіотека для самообразованія"). М. 1900. Ц. 2 р.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей П. Г. Виноградова. Вып IV. М. 1900. Ц. 1 р. 75 к.

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Т. I. Части III и IV. Изданіе 2-е. К. Т. Солдатенкова. М. 99. Ц. 2 р. 50 к.

Адольфъ Гаусратъ. Средневѣковые реформаторы. Переводъ съ нѣм. подъ ред. Э. Л. Радлова. Т. I. Абеляръ. Арнольдъ Брешіанскій. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900. Ц. 2 р. 50 к.

Проф. **Р. Випперъ**. Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв. въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ. Изданіе журнала „Міръ Божій". Спб. 1900. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Біографическій очеркъ **Е. П. Карновича**. Съ портретами, иллюстраціями и автографами. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 99. Ц. 3 р.

Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Составлена подъ руководствомъ **Эрнеста Лависса** и **Альфреда Рамбо**. Т. VI. Переводъ В. Невѣдомскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 99. Ц. 3 р.

Г. Ф. Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи. Переводъ съ нѣм. Л. И. Зака. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Эдуардъ Чекей. Аграрный переворотъ въ Англіи въ XVI в. Переводъ съ англ. В. Я. и И. Я. Гердъ подъ ред. Н. А. Рубакина. Изданіе Г. А. Куклина. Спб. 99. Ц. 35 к.

Жоржъ Блондель. Торгово-промышленный подъемъ Германіи. Переводъ подъ ред. М. И. Туганъ-Барановскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Желѣзодѣлательная промышленность всего свѣта. Статистическое изслѣдованіе **Ант. Ант. Радцига**. Спб. 1900. Ц. 1 р.

А. Гурьевъ. Промышленные синдикаты. Вып. II. Спб. 99. Ц. 1 р.

Коммерческая географія Россіи. Составилъ **М. Н. Соболевъ**. Изданіе магазина „Книжное Дѣло". М. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Георгъ Майръ. Статистика и обществовѣдѣніе. Т. I. Переводъ съ нѣм. В. Я. Желѣзнова. Изданіе т-ва „Знаніе". Спб. 99.

Организація русскаго отдѣла соціальной экономіи на всемірной выставкѣ 1900 г. въ Парижѣ. М. 99. Ц. 20 к.

Очеркъ исторіи оптики и исторіи оптическаго производства въ Россіи. Спб. 99. Ц. 60 к.

Отчетъ о дѣятельности иркутскаго о-ва для вспомоществованія переселенцамъ. Иркутскъ. 99.

Отчетъ кишиневской городской общественной библіотеки за 1898 г. Кишиневъ. 99.

Отчетъ совѣта о-ва попеченія о начальномъ образованіи въ г. Красноярскѣ за 1898 г. Красноярскъ. 99.

Обзоръ дѣятельности земствъ по кустарной промышленности. Т. IV. (1897—1898). Спб. 99.

Vues contemporaines de sociologie et de morale sociale. Par **Henry Lagrésille.** Paris 99. Pr. 5 fr.

Science sociale et démocratie. Essai de philosophie sociale. Par **G. L. Duprat.** Paris. 1900. Pr. 6 fr.

Les lois sociales devant le droit naturel. Par **F. Dugast.** Paris. 1900. Pr. 75 c.

La philosophie naturelle. Par le **Dr. W. Nicati.** Paris. 1900. Pr. 3 fr. 50 c.

Политика.

Война въ южной Африкѣ.

I.

Прошло два мѣсяца со времени нашей послѣдней бесѣды о политикѣ и, оставленная нами на прологѣ, южно-африканская драма успѣла за это время развернуть передъ нами весь первый актъ. Что этотъ первый актъ жестокой трагедіи, поставленный на всемірную сцену англійскими націоналистами, не будетъ англичанамъ такъ легокъ и дешевъ, какъ мечтали его легкомысленные авторы, не трудно было предвидѣть, и по примѣру прежнихъ столкновеній англичанъ и буровъ, и по той сдержанной и спокойной рѣшимости, которую проявляли буры, ополчившіеся на защиту своей свободы и своего родного очага. Однако, никакія самыя благопріятныя для буровъ предвидѣнія не могли, не смѣли ожидать, чтобы затѣянное англійскими націоналистами хищеніе въ Южной Африкѣ обратилось въ первой стадіи своего развитія въ такое національное бѣдствіе для ихъ родины, которое заставило ее напрягать всѣ свои силы для бѣдственной борьбы и котораго исходъ зависитъ отъ возможныхъ осложненій въ другихъ частяхъ британскаго свѣта, осложненій, столь воз-

можныхъ и вѣроятныхъ въ наше сложное и неустойчивое время!.. Взглянемъ теперь пристальнѣе на эту поучительную страницу современной исторіи.

9-го октября (27 сентября) 1899 г. правительство трансваальской республики обратилось къ англійскому съ послѣднею нотою, явившеюся послѣднимъ словомъ дипломатическаго столкновенія и первымъ военнаго. Въ этой нотѣ президентъ Крюгеръ сначала указывалъ на противозаконность англійскаго вмѣшательства во внутреннія дѣла южно-африканской республики, которое нарушало ясныя постановленія договоровъ 1881 и 1884 годовъ. „Это незаконное вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла, продолжала нота, и сопровождающія его военныя приготовленія Англіи, уже въ теченіи полугода собирающей значительныя силы въ Южной Африкѣ и придвигающей ихъ къ границамъ республики, никому не угрожающей, ставятъ республику въ невозможное положеніе". Необходимо найти изъ него исходъ и нота предлагаетъ для этого третейскій судъ, а покуда, въ виду передачи дѣла суду, прекратить вооруженія. Нота прибавляетъ, что республика проситъ отвѣтить не позже 11 октября (29 сент.); неполученіе отвѣта будетъ принято за отказъ и начало непріязненныхъ дѣйствій. Англійскій резидентъ въ Преторіи Коннингамъ Гринъ не дождался истеченія всего назначеннаго срока и уже утромъ 11 октября взялъ свои паспорта, выѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ предѣловъ республики и передалъ защиту англійско-подданныхъ резиденту Соединенныхъ Штатовъ. Вмѣстѣ съ этимъ разрывъ сталъ оффиціальнымъ, обѣ союзныя голландскія республики оказались vis à vis Англіи en état de guère, какъ выражаются дипломаты и профессора международнаго права. Республика Оранжъ сама не имѣла непосредственнаго столкновенія съ Англіей, но союзный договоръ съ Трансваалемъ обязываетъ и ее войти въ дѣло. Президентъ Оранжа Стейнъ уже 11 октября подписалъ объявленіе войны и обратился къ населенію Оранжа съ прокламаціей, въ которой указывалъ на неправую аггрессивную политику Англіи и призывалъ гражданъ ополчиться единодушно на защиту свободы, права и отечества, угрожаемаго англичанами. 11 же октября начались и военныя дѣйствія, сразу на восточномъ и западномъ театрахъ войны, на границѣ Наталя и въ Бечуаналандѣ.

Колонія Наталя, наиболѣе англійская изъ южно-африканскихъ британскихъ колоній, занимаетъ по берегу Индійскаго океана все побережье отъ португальской бухты Делагоа до Капской колоніи, но на сѣверѣ это узкая береговая полоса, занятая англичанами недавно, въ 1894 году, съ единственною цѣлью недопустить къ морю трансваальцевъ, къ которымъ тогда добровольно присоединилось негритянское княжество Свази, владѣвшее этими берегами. Большая часть княжества и теперь со-

ставляетъ часть Трансвааля, но берегъ захваченъ англичанами, несмотря на протесты трансваальцевъ. Эта узкая полоса, нынѣ почти не населенная и отдѣляющая трансваальцевъ отъ моря, составляетъ около одной трети всего берега Наталя; южныя двѣ трети имѣютъ обширный и плодородный arrière pays, еще въ 40-хъ годахъ отнятый англичанами у дѣдовъ и отцовъ нынѣшнихъ гражданъ Оранжа и Трансвааля. Главный портъ—*Дурбанъ* (40 тыс. жителей) на берегу удобной и обширной бухты; главный городъ — *Питермарицбургъ* (20 тыс. жителей) лежитъ въ 70 англійскихъ миляхъ (118 верстахъ) отъ Дурбана, съ которымъ соединенъ желѣзною дорогою. Этотъ рельсовый путь продолжается дальше въ сѣверо-западномъ направленіи, подлѣ Уэстона переходитъ Муй-Риверъ (125 миль отъ Дурбана), у Эсткорта—Бушменъ-Риверъ (146 миль), у Коленсо—Тугелу (173 мили) и упирается въ 189 миляхъ (330 верстъ) отъ Дурбана въ *Ледисмитъ* (4,500 жит.), откуда далѣе идутъ двѣ желѣзнодорожныя линіи: одна — почти прямо на западъ черезъ высокіе перевалы Драконовыхъ горъ, въ предѣлы Оранжа, гдѣ и оканчивается у Гаррисмита (въ 60 миляхъ или 105 верстахъ отъ Ледисмита, 435 верстъ отъ Дурбана), а другая направляется отъ Ледисмита на сѣверъ, проходитъ черезъ Эландслааге (28 верстъ отъ Ледисмита), Денди (84 версты) и фортъ Нью-Кестль (122 версты) въ Преторію, столицу Трансвааля (912 верстъ отъ Дурбана, 542 версты отъ Ледисмита). Нью-Кестль—пограничный англійскій фортъ въ горахъ Драконовыхъ. Подлѣ Нью-Кестля лежитъ *Маюба-Гилль*, гдѣ въ 1881 г. буры одержали побѣду надъ англичанами. Вся мѣстность отъ Нью-Кестля черезъ Ледисмитъ до Питермарицбурга представляетъ собою восточный склонъ Драконова хребта, очень гориста, лѣсиста и пересѣчена многочисленными рѣчками, изъ которыхъ важнѣйшія выше названныя: Тугела (главная артерія) и ея притоки съ юга, Муй-Риверъ и Бушменъ-Риверъ; кромѣ того съ сѣвера отъ Беффало, вытекающая изъ Трансвааля, текущая параллельно желѣзной дорогѣ и впадающая въ Тугелу ниже Коленсо, недалеко отъ Ледисмита. Сама Тугела — значительная рѣка, текущая съ Драконовыхъ горъ въ восточномъ направленія, въ своемъ нижнемъ теченіи орошающая Зулуландъ и впадающая въ океанъ невдалекѣ къ югу отъ побережья Свази, захваченнаго, какъ выше сказано, англичанами лѣтъ пять тому назадъ. Такова территорія, на которой разыгрались главныя сцены кровавой англо-голландской драмы.

11 октября трансваальскіе буры перешли границу у Нью-Кестля, который англичане очистили безъ боя. 12 октября на укрѣпленіяхъ Нью-Кестля былъ поднятъ флагъ Трансвааля, и трансваальскій авангардъ продолжалъ наступленіе вдоль желѣзной дороги и по долинѣ Беффало на югъ въ то время, какъ передовыя колонны буровъ Оранжа выступили изъ Гаррисмита

и стали переходить перевалы Дракона. По англійскимъ свѣдѣніямъ, наступающіе располагали контингентомъ всего въ 18 тыс. комбатантовъ при нѣсколькихъ орудіяхъ. Главныя силы англичанъ подъ командою генерала Уайта стояли въ Ледисмитѣ, пунктѣ, куда направлялись обѣ наступающія колонны, трансваальская съ сѣвера и оранжійская съ запада. Послѣднюю, менѣе значительную, Уайтъ ждалъ спокойно въ Ледисмитѣ, но противъ трансваальцевъ онъ выдвинулъ въ Денди сильный авангардъ изъ двухъ бригадъ подъ командою генерала Саймонса, связью служила бригада Френча, расположенная у Эландслааге (28 верстъ впереди Ледисмита и 56 верстъ позади Денди). Повидимому не больше двухъ бригадъ оставалось у самого Уайта въ Ледисмитѣ, но съ сильною артиллеріей. Отъ Питермарицбурга двигались подкрѣпленія, но имъ не удалось принять участіе въ первомъ фазисѣ кампаніи. Англійская бригада представляетъ собою очень неопредѣленную единицу, потому что и англійскій пѣхотный полкъ заключаетъ то 2, то 3 батальона, иногда даже всего 1 батальонъ, иногда же 4, такъ что въ то время, какъ бригада на континентѣ равняется 6—8 батальонамъ, англійская колеблется между 2 и 8 батальонами, однако чаще всего заключаетъ 4 батальона. Останавливаясь на этой средней цифрѣ, мы опредѣлимъ численность арміи генерала Уайта въ 20 батальоновъ, что даже съ присоединеніемъ спеціальныхъ родовъ оружія еле составитъ 20 тысячъ комбатантовъ, растянутыхъ на 90 верстъ крайне гористой и лѣсистой мѣстности съ непривычнымъ для европейцевъ субтропическимъ климатомъ. Сличая всѣ данныя, можно сказать, что въ Ледисмитѣ стояло около 8 — 9 тысячъ англичанъ, у Эландслааге 3 — 4 тысячи и въ передовомъ отрядѣ генерала Саймонса 6 — 7 тысячъ. Это раздробленіе силъ было, повидимому, послѣдствіемъ невѣрныхъ свѣдѣній англичанъ о численности непріятеля, отчасти и ничѣмъ не оправдываемаго пренебреженія къ противнику. Англичане собирались мстить за Маюба-Гилль, но не помнили урока, имъ даннаго на этихъ холмахъ. Впрочемъ, вначалѣ англійскимъ ошибкамъ буры противопоставляли свои собственныя, тоже увлекаясь борьбою до сосредоточенія достаточныхъ силъ. 20 (8) октября произошло первое значительное сраженіе трансваальскаго авангарда съ отрядомъ генерала Саймонса. Ранѣе того была только стычка буровъ Оранжа съ аванпостами генерала Уайта, верстахъ въ 20 къ западу отъ Ледисмита; англичане отступили, но буры ихъ не преслѣдовали. Уайтъ ожидалъ, однако, наступленія, чѣмъ и были задержаны всѣ его силы отъ движенія навстрѣчу трансваальцамъ, авангардъ которыхъ въ ночь съ 19 на 20 октября занялъ высоты въ виду лагеря генерала Саймонса у Денди.

Утромъ 20 октября буры открыли огонь по англичанамъ изъ двухъ орудій, бывшихъ при авангардѣ; англичане дѣятельно от-

ставляетъ часть Трансвааля, но берегъ захваченъ англичанами, несмотря на протесты трансваальцевъ. Эта узкая полоса, нынѣ почти не населенная и отдѣляющая трансваальцевъ отъ моря, составляетъ около одной трети всего берега Наталя; южныя двѣ трети имѣютъ обширный и плодородный arrière pays, еще въ 40-хъ годахъ отнятый англичанами у дѣдовъ и отцовъ нынѣшнихъ гражданъ Оранжа и Трансвааля. Главный портъ—*Дурбанъ* (40 тыс. жителей) на берегу удобной и обширной бухты; главный городъ — *Питермарицбургъ* (20 тыс. жителей) лежитъ въ 70 англійскихъ миляхъ (118 верстахъ) отъ Дурбана, съ которымъ соединенъ желѣзною дорогою. Этотъ рельсовый путь продолжается дальше въ сѣверо-западномъ направленіи, подлѣ Уэстона переходитъ Муй-Риверъ (125 миль отъ Дурбана), у Эсткорта—Бушменъ-Риверъ (146 миль), у Коленсо—Тугелу (173 мили) и упирается въ 189 миляхъ (330 верстъ) отъ Дурбана въ *Ледисмитъ* (4,500 жит.), откуда далѣе идутъ двѣ желѣзнодорожныя линіи: одна — почти прямо на западъ черезъ высокіе перевалы Драконовыхъ горъ, въ предѣлы Оранжа, гдѣ и оканчивается у Гаррисмита (въ 60 миляхъ или 105 верстахъ отъ Ледисмита, 435 верстъ отъ Дурбана), а другая направляется отъ Ледисмита на сѣверъ, проходитъ черезъ Эландслааге (28 верстъ отъ Ледисмита), Денди (84 версты) и фортъ Нью-Кестль (122 версты) въ Преторію, столицу Трансвааля (912 верстъ отъ Дурбана, 542 версты отъ Ледисмита). Нью-Кестль—пограничный англійскій фортъ въ горахъ Драконовыхъ. Подлѣ Нью-Кестля лежитъ *Маюба-Гилль*, гдѣ въ 1881 г. буры одержали побѣду надъ англичанами. Вся мѣстность отъ Нью-Кестля черезъ Ледисмитъ до Питермарицбурга представляетъ собою восточный склонъ Драконова хребта, очень гориста, лѣсиста и пересѣчена многочисленными рѣчками, изъ которыхъ важнѣйшія выше названныя: Тугела (главная артерія) и ея притоки съ юга, Муй-Риверъ и Бушменъ-Риверъ; кромѣ того съ сѣвера отъ Беффало, вытекающая изъ Трансвааля, текущая параллельно желѣзной дорогѣ и впадающая въ Тугелу ниже Коленсо, недалеко отъ Ледисмита. Сама Тугела — значительная рѣка, текущая съ Драконовыхъ горъ въ восточномъ направленія, въ своемъ нижнемъ теченіи орошающая Зулуландъ и впадающая въ океанъ невдалекѣ къ югу отъ побережья Свази, захваченнаго, какъ выше сказано, англичанами лѣтъ пять тому назадъ. Такова территорія, на которой разыгрались главныя сцены кровавой англо-голландской драмы.

11 октября трансваальскіе буры перешли границу у Нью-Кестля, который англичане очистили безъ боя. 12 октября на укрѣпленіяхъ Нью-Кестля былъ поднятъ флагъ Трансвааля, и трансваальскій авангардъ продолжалъ наступленіе вдоль желѣзной дороги и по долинѣ Беффало на югъ въ то время, какъ передовыя колонны буровъ Оранжа выступили изъ Гаррисмита

и стали переходить перевалы Дракона. По англійскимъ свѣдѣніямъ, наступающіе располагали контингентомъ всего въ 18 тыс. комбатантовъ при нѣсколькихъ орудіяхъ. Главныя силы англичанъ подъ командою генерала Уайта стояли въ Ледисмитѣ, пунктѣ, куда направлялись обѣ наступающія колонны, трансваальская съ сѣвера и оранжійская съ запада. Послѣднюю, менѣе значительную, Уайтъ ждалъ спокойно въ Ледисмитѣ, но противъ трансваальцевъ онъ выдвинулъ въ Денди сильный авангардъ изъ двухъ бригадъ подъ командою генерала Саймонса, связью служила бригада Френча, расположенная у Эландслааге (28 верстъ впереди Ледисмита и 56 верстъ позади Денди). Повидимому не больше двухъ бригадъ оставалось у самого Уайта въ Ледисмитѣ, но съ сильною артиллеріей. Отъ Питермарицбурга двигались подкрѣпленія, но имъ не удалось принять участіе въ первомъ фазисѣ кампаніи. Англійская бригада представляетъ собою очень неопредѣленную единицу, потому что и англійскій пѣхотный полкъ заключаетъ то 2, то 3 батальона, иногда даже всего 1 батальонъ, иногда же 4, такъ что въ то время, какъ бригада на континентѣ равняется 6—8 батальонамъ, англійская колеблется между 2 и 8 батальонами, однако чаще всего заключаетъ 4 батальона. Останавливаясь на этой средней цифрѣ, мы опредѣлимъ численность арміи генерала Уайта въ 20 батальоновъ, что даже съ присоединеніемъ спеціальныхъ родовъ оружія еле составитъ 20 тысячъ комбатантовъ, растянутыхъ на 90 верстъ крайне гористой и лѣсистой мѣстности съ непривычнымъ для европейцевъ субтропическимъ климатомъ. Сличая всѣ данныя, можно сказать, что въ Ледисмитѣ стояло около 8 — 9 тысячъ англичанъ, у Эландслааге 3 — 4 тысячи и въ передовомъ отрядѣ генерала Саймонса 6 — 7 тысячъ. Это раздробленіе силъ было, повидимому, послѣдствіемъ невѣрныхъ свѣдѣній англичанъ о численности непріятеля, отчасти и ничѣмъ не оправдываемаго пренебреженія къ противнику. Англичане собирались мстить за Маюба-Гилль, но не помнили урока, имъ даннаго на этихъ холмахъ. Впрочемъ, вначалѣ англійскимъ ошибкамъ буры противопоставляли свои собственныя, тоже увлекаясь борьбою до сосредоточенія достаточныхъ силъ. 20 (8) октября произошло первое значительное сраженіе трансваальскаго авангарда съ отрядомъ генерала Саймонса. Ранѣе того была только стычка буровъ Оранжа съ аванпостами генерала Уайта, верстахъ въ 20 къ западу отъ Ледисмита; англичане отступили, но буры ихъ не преслѣдовали. Уайтъ ожидалъ, однако, наступленія, чѣмъ и были задержаны всѣ его силы отъ движенія навстрѣчу трансваальцамъ, авангардъ которыхъ въ ночь съ 19 на 20 октября занялъ высоты въ виду лагеря генерала Саймонса у Денди.

Утромъ 20 октября буры открыли огонь по англичанамъ изъ двухъ орудій, бывшихъ при авангардѣ; англичане дѣятельно от-

вѣчали и, имѣя значительный перевѣсъ артиллеріи, къ полудню принудили артиллерію противника замолчать, послѣ чего подъ личнымъ предводительствомъ генерала Саймонса два полка пошли въ аттаку и, послѣ упорнаго боя, овладѣли высотами, принудивъ непріятеля къ отступленію, но, увлекшись преслѣдованіемъ, англійская кавалерія наткнулась на подходившія свѣжія силы буровъ и опередившій другіе гусарскій эскадронъ положилъ оружіе и взятъ въ плѣнъ. Англичане потеряли выбывшими изъ строя около 340 человѣкъ, въ томъ числѣ смертельно раненъ генералъ Саймонсъ. Начальство принялъ генералъ Юли и англичане отступили въ свой лагерь. Это сраженіе при Денди (называютъ его также „при Гленко") было въ сущности авангарднымъ столкновеніемъ, въ которомъ англичане выказали много мужества, но которое въ концѣ концовъ обнаружило несомнѣнный перевѣсъ силъ непріятеля. Генералъ Юли, однако, медлилъ отступленіемъ, вѣроятно, разсчитывая, что его аттакуютъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, но буры оставили противъ него наблюдательный отрядъ и обошли Денди, массируя свои силы въ его тылу, такъ что уже 21 октября отрядъ буровъ занялъ позицію въ виду Элендслааге, гдѣ стоялъ генералъ Френчъ. Подкрѣпленный изъ Ледисмита, Френчъ аттаковалъ буровъ и, послѣ упорнаго боя, заставилъ ихъ отступить. Однако, и самъ Френчъ не рѣшился оставаться на полѣ побѣды и отступилъ къ Ледисмиту, угрожаемый съ фланга новыми силами непріятеля. Это отступленіе ставило, однако, въ затруднительное положеніе отрядъ генерала Юли, принужденный, наконецъ, выступить изъ своего укрѣпленнаго лагеря у Денди и угрожаемый опасною фланговою аттакою превосходными силами непріятеля, занявшаго у Ритфонтена (вблизи Элендслааге) позиціи, господствовавшія надъ путемъ отступленія дендійскаго отряда. Это побудило генерала Уайта выступить съ главными силами къ Ритфонтену и завязать здѣсь серьезное дѣло съ бурами, что дало возможность отряду Юли, хотя и съ потерями, присоединиться къ главнымъ силамъ, затѣмъ отступившимъ въ Ледисмитъ, къ которому на плечахъ у англичанъ подошли и главныя силы трансваальцевъ въ то время, какъ съ запада пододвинулись главныя силы Оранжа. Такимъ образомъ, къ 24—25 октября окончилось стратегическое сосредоточеніе обѣихъ армій (англійскія потери достигли къ этому времени 800—900 человѣкъ, т. е. около 5% всего состава арміи).

Оглядываясь на исторію этого предварительнаго фазиса кампаніи, нельзя не признать, что англичане имѣли нѣсколько тактическихъ успѣховъ, но уже тогда потерпѣли очень серьезное стратегическое пораженіе, уступивъ непріятелю значительную полосу территоріи, которую предполагали сначала защищать, и допустивъ благополучное соединеніе главныхъ силъ двухъ армій

противника вмѣсто того, чтобы отразить ихъ по очереди, какъ это имѣлось въ виду. Какъ бы то ни было, противники сошлись у Ледисмита и надо было ожидать генеральнаго сраженія.

II.

Время отъ 21 до 28 (16) октября прошло безъ серьезныхъ столкновеній. Генералъ Уайтъ усиливалъ укрѣпленія города, далъ отдыхъ войскамъ, сражавшимся въ теченіе предыдущей недѣли, и подтянулъ подкрѣпленія, расположенныя въ тылу Ледисмита, въ томъ числѣ отрядъ морской артиллеріи съ дальнобойными орудіями крупнаго калибра, снятыми съ военныхъ судевъ. Въ это же время оставилъ Ледисмитъ ген. Френчъ, получившій назначеніе въ Капъ, гдѣ мы его еще встрѣтимъ. Этимъ бездѣйствіемъ англичанъ воспользовались буры, чтобы окончательно сосредоточить свои силы, укрѣпить окружающія Ледисмитъ высоты, установить орудія и начать обходное движеніе въ тылъ Ледисмита съ цѣлью отрѣзать генералу Уайту сообщеніе съ операціоннымъ базисомъ. Это обходное движеніе буровъ вынудило англичанъ выйти въ поле и дать на холмахъ къ западу и къ югу отъ Ледисмита рѣшительную битву. Оставивъ въ Ледисмитѣ необходимый гарнизонъ и направивъ нѣсколько колоннъ въ разныхъ направленіяхъ для отвлеченія вниманія непріятеля, генералъ Уайтъ возложилъ главную аттаку на 2 колонны; первой колоннѣ, въ составѣ около 8 тыс. комбатантовъ съ сильною артиллеріею (въ реляціи говорится о двухъ артиллерійскихъ бригадахъ), была указана аттака съ фронта, тогда какъ выступившая еще ночью съ 27 на 28 октября другая вспомогательная колонна, въ составѣ около 1500 комбатантовъ при 6 орудіяхъ, должна была обойти непріятеля, содѣйствовать пораженію буровъ и очистить отъ нихъ пункты, угрожавшіе сообщенію англійской арміи.

28 октября рано утромъ первая колонна двинулась противъ указанныхъ ей позицій непріятеля. При колоннѣ находился и самъ главнокомандующій генералъ Уайтъ съ главнымъ штабомъ. Обстрѣлявъ ближайшія высоты, занятыя, повидимому, лишь непріятельскими аванпостами (въ реляціи не говорится о баттареяхъ на нихъ), англичане взяли ихъ въ штыки, оттѣснивъ буровъ на слѣдующій рядъ холмовъ. Далѣе англійская реляція говоритъ о рядѣ подобныхъ же успѣховъ, которые, однако, къ концу боя окончились отступленіемъ англичанъ по всей линіи, возвращеніемъ непріятеля на всѣ прежде занятыя позиціи и громадными потерями, понесенными англійскою арміею. Это называется рѣшительнымъ пораженіемъ. Еще плачевнѣе оказалась участь обходной колонны. Она никого не обошла, сама была обойдена и сдалась военно-плѣнными. Общія

потери англичанъ въ этомъ бою 28 октября превысили 2 тыс. выбывшихъ изъ строя, а съ прежними до $3^1/_2$ тыс., т. е. безъ малаго $^1/_5$ всей арміи, не считая всегда болѣе многочисленныя потери отъ болѣзней, особенно въ непривычномъ климатѣ. Пораженіе англичанъ подъ Ледисмитомъ парализовало дѣйствіе арміи ген. Уайта, которая была главною до этого времени. Она заключилась въ крѣпости и въ ней тѣсно блокирована, ожидая освобожденія или капитуляціи. Она отвлекаетъ, правда, значительныя силы буровъ для блокады, но постепенно таетъ отъ болѣзни и лишеній, отчасти и отъ бомбардировки, которая, впрочемъ, ведется вяло и не систематично. Буры осаждать не мастера и ограничиваются блокадой; англичане же, вслѣдствіе ли своей слабости, или деморализованные неудачами, тоже предпочитаютъ бездѣятельное сидѣніе за крѣпостными верками активной оборонѣ. За мѣсяцъ съ лишнимъ блокады мы знаемъ о двухъ незначительныхъ рекогносцировкахъ, окончившихся обмѣномъ нѣсколькихъ ранъ. По слухамъ, въ Ледисмитѣ свирѣпствуетъ малярія, что довольно вѣроятно въ виду наступленія жаркаго и вмѣстѣ съ тѣмъ дождливаго сезона. Въ южномъ полушаріи ноябрь соотвѣтствуетъ нашему маю, а декабрь—іюню.

Обложивъ Ледисмитъ и обезпечивъ его блокаду, буры двинули свободныя силы дальше къ югу, въ началѣ ноября заняли Коленсо и мостъ черезъ Тугелу, перейдя ее, продолжали наступленіе вдоль линіи желѣзной дороги; здѣсь 15 (3) ноября они настигли блиндированный поѣздъ, шедшій въ Коленсо съ англійскими подкрѣпленіями; нѣсколько орудій и около 100 плѣнныхъ достались въ руки буровъ, которые затѣмъ въ половинѣ ноября обложили фортъ-Эсткортъ на Бушменъ-Риверѣ, а 22 (10) ноября вышли, въ составѣ до 3.000 комбатантовъ, на берегъ Муй-Ривера, приблизительно на полпути между Ледисмитомъ и столицей Наталя Питермарицбургомъ (отъ послѣдняго около 100 верстъ). Здѣсь они наткнулись на сильный отрядъ высаженной на берегъ морской пѣхоты и морской артиллеріи и нѣкоторое время занимались съ нимъ довольно безвредною перестрѣлкою съ противоположныхъ береговъ Муй-Ривера, но когда 23 ноября подошли вновь пребывшіе изъ Европы англійскія войска, буры отступили къ Эсткорту, а 24 ноября въ виду обходнаго движенія бригады ген. Гильдъярда,, сняли блокаду этого форта и отступили къ Коленсо. Въ столкновеніи, происшедшемъ при этомъ, бригада ген. Гильдъярда потеряла около ста выбывшими изъ строя. Такимъ образомъ, не принявъ сраженія, передовыя колонны буровъ отошли къ Тугелѣ и здѣсь въ началѣ декабря сосредоточились въ виду рѣшительнаго наступленія новой значительной арміи, прибывшей изъ Англіи и поставившей своей задачей освобожденіе арміи ген. Уайта, заключенной въ Ледисмитѣ Предстояло новое рѣшительное сраженіе въ полѣ. Свѣжія англійскія войска

съ сильною артиллеріей находились подъ командою ген. Буллера, одного изъ лучшихъ англійскихъ боевыхъ генераловъ, опытнаго въ колоніальныхъ войнахъ и пользовавшагося довѣріемъ командуемой имъ арміи. Въ первую недѣлю декабря (по н. ст.) и англичане закончили концентрацію своихъ силъ по направленію къ Коленсо и 12 декабря ихъ авангардъ (стрѣлковая бригада въ 4 батальона и отрядъ морской артиллеріи) занялъ позицію передъ лагеремъ непріятеля. 14 декабря подошла бригада Бертона и, занявъ сильную позицію, начала обстрѣливать позицію буровъ, которые не отвѣчали. Это ободрило, но и обмануло англичанъ и 15 (3) декабря они перешли въ общее наступленіе подъ командою самого сэра Редверса Буллера.

Наступающая армія располагала четырьмя пѣхотными бригадами, отрядомъ морской пѣхоты, сильною артиллеріею и особымъ корпусомъ кавалеріи, всего должно было быть 20—22 тыс. комбатантовъ. Изъ нихъ въ резервѣ оставалась бригада Бертона и кавалерія; въ дѣлѣ участвовали бригады Гарта, Литльтона и Гильдъярда, 6 батарей и отрядъ морской артиллеріи. О расположеніи силъ непріятеля англичане были такъ мало освѣдомлены, что считали его на лѣвомъ (противоположномъ) берегу Тугелы; оказалось однако наоборотъ. Англичане думали форсировать переправу, а неожиданно для себя оказались аттакующими укрѣпленныя позиціи непріятеля. Первая вошла въ дѣло бригада Гарта, двинутая къ броду справа. Натквувшись на значительныя силы и на перекрестный огонь, бригада очутилась въ столь затруднительномъ положеніи, что для спасенія ея отъ совершеннаго разгрома была двинута ей на помощь бригада Литльтона, тогда какъ бригада Гильдъярда двинулась лѣвѣе къ другому броду, овладѣла желѣзнодорожною станціей, но встрѣтила затѣмъ сильныя позиціи, занятыя сильнымъ непріятелемъ. Посланный для поддержки Гильдъярда отрядъ артиллеріи (3 баттареи) подъ командою полковника Лонга былъ внезапно аттакованъ, лошади и прислуга перебиты, орудія, кромѣ двухъ, достались бурамъ. Эта потеря артиллеріи довершила пораженіе англичанъ, общее отступленіе которыхъ обратилось въ бѣгство, солдаты бросали оружіе и искали спасенія въ быстротѣ ногъ. Только появленіе бригады Бертона и кавалеріи спасло армію ген. Буллера отъ полнаго истребленія. Около тысячи ста англичанъ осталось на полѣ битвы; одиннадцать орудій потеряны. Разбитое войско ген. Буллера возвратилось въ свой укрѣпленный лагерь у Чивлея.

Этотъ бой 15 ноября въ сущности завершаетъ собою кампанію на восточномъ театрѣ войны. Двѣ англійскія арміи разбиты и обезсилены, а уже наступившее знойное и сырое лѣто едва ли дозволитъ англичанамъ повторить попытку ген. Буллера повернуть вѣсы побѣды въ свою сторону ранѣе марта—апрѣля, когда тамъ наступаетъ осень. Кампанія англичанами проиграна и имъ

остается покуда обороняться съ надеждою удержать необходимые опорные пункты для возобновленія войны въ мартѣ 1900 года. Трудно гадать, что произойдетъ въ эти три мѣсяца въ Наталѣ, но перспективы англичанъ здѣсь далеко не блестящія. Быть можетъ, будетъ сдѣлана попытка продолжать войну туземными индійскими войсками, привычными къ субтропическому зною?

III.

Разсмотрѣнныя нами военныя операціи на восточномъ театрѣ войны были, несомнѣнно, самыми важными въ кампанію 1899 г. Онѣ поглотили и разстроили главныя силы англичанъ (около 40 тыс. комбатантовъ); онѣ заняли собою и главныя силы буровъ, дѣйствовавшихъ подъ начальствомъ главнокомандующаго ген. Редв. Буллера. Участь, если не войны, то кампаніи рѣшена въ ущельяхъ и на холмахъ Наталя. Тѣмъ не менѣе и на другихъ театрахъ войны произошли немаловажныя событія, которыя могутъ имѣть очень крупное значеніе для будущихъ операцій. Къ тому же болѣе прохладный и сухой климатъ западнаго и особенно южнаго театровъ войны дозволяетъ здѣсь продлить военныя операціи, и возможно, что ближайшія болѣе или менѣе рѣшительныя дѣйствія произойдутъ именно здѣсь. Только здѣсь же англичане могутъ разсчитывать на нѣкоторый реваншъ, не откладывая его до марта. Сюда же поэтому и направляются новые подкрѣпленія изъ Европы; сюда спѣшатъ и новый главнокомандующій фельдмаршалъ Робертсъ, и новой начальникъ главнаго штаба лордъ Киченеръ, герой прошлогодняго похода противъ махди. Въ виду этого остановимся съ необходимымъ вниманіемъ и на военныхъ операціяхъ, происходившихъ на второстепенныхъ театрахъ войны, на западномъ и южномъ. Здѣсь дѣйствовали со стороны англичанъ лордъ Метуэнъ на западномъ театрѣ и ген. Гетекръ на южномъ. Со стороны голландцевъ руководилъ дѣйствіями генералъ Кронье, извѣстный побѣдой въ 1894 г. надъ Джемсономъ.

11 октября ген. Кронье съ 3,000 трансваальскихъ буровъ перешелъ западную границу Трансвааля и вступилъ въ англійскую область Бечуаналандъ. Если читатель помнитъ нашу прошлую бесѣду, то эта страна до 1884 г. составляла территорію небольшой независимой голландской республики Фрейбургъ. Англичане ее заняли въ 1884 году, не дозволили соединенія съ Трансваалемъ и объявили своей провинціей, которую и отдали въ аренду знаменитой Chartered Company. Фрейбургскіе буры покорились силѣ, частью выселились. Одновременно съ трансваальцами перешли западную границу и оранжійскіе буры въ числѣ 3,500 человѣкъ, вторгнувшись въ лежащій къ югу отъ Бечуаналанда западный Грикаландъ, территорія, которая до открытія тамъ знаменитыхъ алмазныхъ мѣсторожденій была частью Оранжа, но

затѣмъ занята англичанами и присоединена къ своимъ владѣніямъ. И здѣсь голландцы покорились силѣ.

Грикалавдъ съ главнымъ городомъ Кимберлеемъ и Бечуаналандъ съ главнымъ городомъ Мефкингомъ лежатъ вдоль западной границы голландскихъ республикъ и соединяютъ англійскую область Капландіи съ англійскою-же Родезіей. Черезъ Кимберлей и Мефкингъ идетъ и желѣзнодорожная линія отъ Капштадта въ главный городъ Родезіи Булувайо, представляя собою первый сегментъ этой великой трансафриканской линіи, которая, по мысли Сесиля Родса, должна связать Капштадтъ съ Александріей и Портъ-Саидомъ. По природнымъ условіямъ эта важная желѣзнодорожная линія проложена вдоль границы голландскихъ республикъ и потому легко можетъ быть ими прервана, что и явилось первою задачею вторгшихся буровъ, благополучно и скоро ими совершенною. При этомъ въ предѣлахъ Бечуаналанда, въ 40 милляхъ (70 в.) къ югу отъ Мефкинга, 12 окт. буры напали на блиндированный поѣздъ, шедшій въ Мефкингъ, и захватили его въ плѣнъ вмѣстѣ съ 7 орудіями, которыя предназначались для усиленія укрѣпленій города. Прервавъ желѣзнодорожное сообщеніе, Кронье обложилъ 16 окт. Мефкингъ, а около 20 отк. и Кимберлей. Оба города хорошо укрѣплены, снабжены гарнизономъ и припасами, такъ что съ тѣхъ поръ и до сего времени въ теченіе двухъ мѣсяцевъ благополучно выдерживаютъ блокаду, иногда обмѣниваясь выстрѣлами съ осаждающими. Эти военныя операціи, вѣроятно, мало обращали-бы на себя вниманіе, еслибы не смѣлая попытка лорда Метуэна освободить Кимберлей и Мефкингъ и энергическимъ наступленіемъ вызвать изъ Наталя часть голландскихъ силъ, облегчивъ освобожденіе и Ледисмита.

Кимберлей отстоитъ отъ Капштадта на разстояніи 647 миль (1,130 вв.), такъ что къ своей диверсіи лордъ Метуэнъ могъ приготовиться только къ концу ноября. Отъ 24 (12) ноября сообщали въ англ. газеты, что силы лорда Метуэна уже сосредоточились на берегу Оранжевой рѣки въ укрѣпленномъ лагерѣ. Рекогносцировка обнаружила присутствіе около 700 буровъ на пути предполагаемаго наступленія къ Кимберлею. Правда, были слухи, что ген. Кронье получилъ значительныя подкрѣпленія и что буры Грикаланда и Бечуаналанда тоже вошли въ составъ его небольшой арміи. Тѣмъ не менѣе англичане смотрѣли на предстоящую имъ задачу очень оптимистически и уже впередъ учитывали выгоды ожидаемаго успѣха. Почему-то и въ Африкѣ, и въ Европѣ ожидали отъ диверсіи лорда Метуэна блестящихъ результатовъ; самъ благородный лордъ раздѣлялъ эти надежды и, не потрудившись лучше освѣдомиться о силахъ непріятеля, ни обезпечить свои сообщенія, пролегающія вдоль непріятельской границы, смѣло и самоувѣренно двинулся впередъ 23 (11) ноя-

бря, какъ только сосредоточились всѣ предназначенныя въ его распоряженіе силы.

Слѣдуя реляціямъ лорда Метуэна, первые дни его наступленія ознаменовались слѣдующими событіями. Имѣя подъ своей командой три бригады пѣхоты (гвардію, шотландскихъ гайлендеровъ и 9-ю англійскую) съ сильною артиллеріей (42 орудія) и кавалеріей (всего 12 тыс. комбатантовъ), лордъ Метуэнъ 23 ноября аттаковалъ у Бельмонта по дорогѣ въ Кимберлей позицію авангарда ген. Кронье. Послѣ горячаго боя, въ которомъ англичане потеряли 296 человѣкъ, буры были оттѣснены. Продолжая наступленіе, лордъ Метуэнъ 25 ноября встрѣтилъ отрядъ буровъ въ 2,500 человѣкъ при 6 орудіяхъ у Граспана; послѣ упорнаго боя, буры и здѣсь были оттѣснены; англійскія потери—201. Увлекаясь этими удачами, лордъ Метуэнъ 28 ноября подошелъ къ Моддеръ-Риверу, гдѣ встрѣтилъ буровъ, занимающихъ позиціи въ числѣ до 8,000 комбатантовъ. Смѣлая аттака и на этотъ разъ была благопріятна англичанамъ; потерявъ 474 человѣка, они вынудили буровъ отступить. Такимъ образомъ, потерявъ въ бояхъ около 1,000 человѣкъ (приблизительно 1/12 всего корпуса), лордъ Метуэнъ въ теченіе пяти дней, съ 23 по 28 ноября послѣдовательно очищалъ себѣ дорогу къ Кимберлею и, казалось, былъ уже близокъ къ поставленной ему цѣли. Однако, эти тактическіе успѣхи англичанъ подготовили имъ полное стратегическое пораженіе, какъ то было мѣсяцемъ раньше и съ арміей ген. Уайта въ Наталѣ. Къ тому же и послѣдній тактическій успѣхъ англичанъ 28 ноября у Моддеръ-Ривера былъ далеко не рѣшительный. На это указываютъ и тяжкія потери, и послѣдовавшее за нимъ бездѣйствіе лорда Метуэна. Этимъ бездѣйствіемъ воспользовался ген. Кронье для сосредоточенія своихъ силъ, и скоро на укрѣпленной позиціи къ сѣверу отъ Моддеръ-Ривера между городками Спитфонтенъ на западѣ и Маггерсфонтенъ на востокѣ (длина позиціи около 7 верстъ) было собрано до 12,000 буровъ при 12 орудіяхъ; кромѣ того, другія колонны совершили обходныя движенія и вышли на сообщеніе лорда Метуэна. 6 декабря здѣсь уже было горячее дѣло. Словомъ, все, какъ подъ Ледисмитомъ и, какъ тамъ Уайтъ, такъ здѣсь Метуэнъ увидѣлъ себя вынужденнымъ для выхода изъ положенія, все болѣе затруднительнаго, аттаковать непріятеля за его окопами. 11 декабря произошелъ этотъ тягостный для англичанъ бой, разрушившій еще одну изъ ихъ иллюзій.

11 октября на зарѣ лордъ Метуэнъ занялъ позиціи противъ позицій ген. Кронье. Имѣя громадный перевѣсъ артиллеріи (42 орудія противъ 12, при качественномъ перевѣсѣ и калибра, и мѣткости), лордъ Метуэнъ сначала открылъ артиллерійскій бой, но сосредоточилъ его на правомъ флангѣ противъ Маггересфонтена, маскируя этимъ главное направленіе удара съ лѣваго

фланга, откуда еще передъ свѣтомъ бригада шотландскихъ гайлендеровъ выступила подъ командою ген. Ваучопа. На зарѣ она успѣла подойти къ непріятелю, который ее подпустилъ на разстояніе 130 метровъ, открывъ затѣмъ убійственный огонь съ фронта и съ фланга. Въ нѣсколько минутъ бригада была разстрѣляна, потерявъ больше половины своего состава. Отступая въ безпорядкѣ, она растеряла и остальныя свои силы, возвратившись всего въ числѣ 160 человѣкъ. Ген. Ваучопъ и большинство офицеровъ пали въ этой бѣдственной аттакѣ. Желая спасти гайлендеровъ, лордъ Метуэнъ двинулъ имъ на помощь 9 бригаду (изъ резерва) и ранѣе срока (до подготовки артиллеріей) аттаковалъ гвардейскою бригадою на правомъ флангѣ. Гвардія была отбита съ большимъ урономъ, а 9 бригада прикрыла вмѣстѣ съ кавалеріей общее отступленіе. Буры не преслѣдовали и ген. Метуэнъ возвратился въ свой лагерь на Моддеръ-Риверѣ. Буры же возобновили свои обходные марши. Въ битвѣ при Маггерсфонтенѣ англичане потеряли по первымъ неполнымъ свѣдѣніямъ около 1,000 чел.; буры же, по донесенію Кронье, около сотни.

О дальнѣйшей судьбѣ арміи лорда Метуэна свѣдѣнія довольно сбивчивы. Несомнѣнно, что съ 11 дек. до 22 (10) дек. онъ остается въ Моддеръ-Риверѣ. 15 (3) дек. 9 бригада (наименѣе пострадавшая въ сраженіи 11 дек.) выходила на рекогносцировку, но, наткнувшись на значительныя силы непріятеля, обмѣнялась артиллерійскими выстрѣлами и возвратилась въ лагерь. Далѣе изъ англійскихъ же источниковъ видно, что буры заняли значительными силами Якобсдаль, невдалекѣ отъ лагеря Метуэна къ востоку, причемъ ихъ силы исчисляются уже въ 20 тыс. человѣкъ. Это занятіе Якобсдаля значительными силами обнаруживаетъ серьезное обходное движеніе и, если Метуэнъ не можетъ проложить себѣ дорогу силою, ему грозитъ участь ген. Уайта, именно: очутиться въ блокадѣ, потому что возстаніе капскихъ голландцевъ дѣлаетъ очень мало вѣроятною скорую выручку изъ Капландіи. Переходимъ теперь къ самому возстанію и къ связаннымъ къ нимъ военнымъ операціямъ на южномъ театрѣ войны.

IV.

Первое извѣстіе о началѣ военныхъ операцій на южномъ театрѣ войны появилось въ англійскихъ газетахъ лишь около 10 ноября, т. е. приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ открытія непріязненныхъ дѣйствій на восточномъ и западномъ театрахъ. Не трудно отгадать причину этого промедленія. Именно Капландія есть африканское отечество голландской народности, но съ другой стороны она же самая драгоцѣнная область британской Африки. Перенести въ нее борьбу значитъ почти совсѣмъ

устранить возможность компромисса. Къ тому же надо было дать время самимъ капскимъ голландцамъ опредѣлить свое положеніе. Какъ-бы то не было, но 10 ноября въ „Times“ публика прочла: „извѣстія съ южной границы сообщаютъ, что буры вступили въ предѣлы Капландіи, дебушируя изъ Бетуліи. Осадное положеніе провозглашено въ области къ сѣверу отъ Де-Аара“. Бетулія—пограничное голландское мѣстечко на желѣзной дорогѣ, соединяющей Капштадтъ съ Блумфонтеномъ, столицей Оранжа. Эта колонна заняла Кольсбергъ, первый городокъ на англійской территоріи на упомянутой дорогѣ. Небольшой отрядъ англичанъ, его занимавшій, отступилъ безъ боя. Другая колонна буровъ одновременно наступала вдоль желѣзной дороги Блумфонтенъ—Ист-Лондонъ (гавань на полпути между Капштадтомъ и Дурбаномъ). Здѣсь около 15 ноября занятъ былъ Эльуэль-Нортсъ, значительный пограничный пунктъ и ж. д. станція. Затѣмъ былъ занятъ Джемстоунъ и другія мѣстности. Мѣстные голландскіе фермеры всюду съ энтузіазмомъ присоединялись къ наступающимъ, превращая этотъ набѣгъ въ серьезное вторженіе. Англичане рѣшили дать отпоръ и бригада Гетэкра, высадившись въ Портъ-Елизаветѣ, 18 (6) ноября заняла главный городъ края Квинстоунъ, на полпути къ границѣ Оранжа. Отсюда ген. Гетэкру предстояло нанести ударъ вторженію и тѣмъ удержать капскихъ буровъ отъ уже начинавшагося мятежа. Впрочемъ, ген. Гетэкръ не спѣшилъ; 27 (15) ноября онъ только настолько подвинулся (до Бушманбека), что могъ-бы встрѣтить непріятеля, если-бы тотъ не отошелъ заблаговременно. Слѣдующую недѣлю англичане занялись собираніемъ провіанта (проще говоря, грабежомъ его у заподозрѣнныхъ голландскихъ фермеровъ). Ген. Гетэкра не смутило даже занятіе бурами Дордрехта къ востоку отъ его лагеря, хотя это обнаруживало желаніе его обойти. 9 дек. Гетэкръ перешелъ въ наступленіе и 10 утромъ, послѣ форсированнаго ночного перехода, встрѣтилъ непріятеля у Стромберга. Буры, изъ которыхъ большая часть были мѣстные повстанцы, скрытно занимали высоты по обѣимъ сторонамъ пути наступленія и, когда англійскій отрядъ втянулся между этими высотами, открыли убійственный огонь съ фронта и съ обоихъ фланговъ. Два батальона пробовали овладѣть высотами справа, но были отбиты съ большимъ урономъ, а одинъ изъ нихъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ. Остатки отряда поспѣшно отступили, преслѣдуемые бурами. Въ плѣнъ взято англичанъ въ этой битвѣ 672, а вся потеря—три орудія и тысяча выбывшихъ изъ строя изъ двухъ съ половиною тысячъ всего отряда, т. е. $^2/_5$. Ген. Гетэкръ сначала отступилъ въ Мольтено, гдѣ думалъ укрѣпиться, но, угрожаемый обходомъ и окруженный возстаніемъ окрестнаго населенія, отошелъ еще дальше и остановился недалеко впереди Квинстоуна у Стеркстома, гдѣ укрѣпился въ

ожиданіи подкрѣпленій. Извѣстіе объ этомъ отступленіи относится къ 13 (1) дек., такъ что уже полторы недѣли объ отрядѣ Гетэкра нѣтъ новыхъ свѣдѣній.

Въ то время, какъ ген. Гетэкръ наступалъ изъ Квинстоуна на Стормбергъ противъ главныхъ силъ буровъ на южномъ театрѣ войны, ген. Френчъ во главѣ, кажется, одной бригады былъ направленъ западнѣе, параллельно пути Гетэкра, на правое крыло буровъ вдоль дороги Капштадтъ-Блумфонтенъ. Его задача была поддержать движеніе Гетэкра и войти въ связь съ лордомъ Метуэномъ. Осторожно двигаясь, Френчъ держался на одной линіи съ Гетэкромъ и около 10 дек. занялъ Наупортъ, а затѣмъ, еще продвинувшись, укрѣпился у Аренделя. Пораженіе подъ Стромбергомъ его здѣсь застало и принудило остановить наступленіе. Нѣсколько мелкихъ аванпостныхъ стычекъ скоро показали ему, что буры не намѣрены оставить его въ покоѣ: 13 (1) декабря произошло первое болѣе значительное дѣло. Узнавъ, что 1300 буровъ (повстанцевъ) направляются къ Наупорту, ген. Френчъ выслалъ противъ нихъ сильный отрядъ кавалеріи при конной батареѣ. Не имѣя сами ни конницы, ни артиллеріи, буры отступили за окопы. Другой отрядъ буровъ пробовалъ овладѣть фортомъ Ваалькопомъ, но былъ отбитъ. Англичане потеряли девять; буры же, по мнѣнію Френча, должны были потерять до сорока. 15 дек. снова буры потревожили англичанъ въ Аренделѣ, но дѣло ограничилось, повидимому, безвредной перестрѣлкой. За то у Ваалькопа дѣло было серьезнѣе. Буры подошли сюда съ значительными силами и, занявъ удобныя позиціи, открыли орудійный огонь. Англичане отвѣчали, но артиллерія буровъ оказалсь дальнобойнѣе англійской, снаряды которой не достигали непріятельскихъ позицій. Англичане отступили къ Аренделю. 18 (6) дек. снова было дѣло. Буры заняли и укрѣпили Ясфонтенъ. Ген. Френчъ обстрѣливалъ, но буры не удалились съ своихъ новыхъ позицій. Противъ него сражаются почти исключительно капскіе буры. Число возставшихъ достигаетъ 13000 человѣкъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, ген. Уорренъ, начальникъ 5-й дивизіи, которой части нынѣ высаживаются въ Капштадтѣ, выѣхалъ въ Де-Ааръ. Это показываетъ, что 5-я дивизія предназначена поправить дѣла англичанъ на южномъ театрѣ войны и, если возможно, выручить Метуэна. Когда эти строки попадутъ на глаза читателей, мы уже будемъ знать кое-что объ этомъ предпріятіи. Пятая дивизія состоитъ изъ четырехъ батальоновъ и 9 эскадроновъ, всего около 5—6 тыс. комбатантовъ (съ артиллеріей).

Извѣстно, что изъ Англіи уже выѣхали, кромѣ 5-й, еще 6-я и 7-я дивизіи, а 8-я (и послѣдняя) готовится къ отплытію. Всѣ эти дивизіи очень слабаго состава, еще значительно слабѣе пятой. Всѣ три вмѣстѣ заключаютъ 7 батальоновъ пѣхоты (въ одной 3, въ остальныхъ по 2) и 12 эскадроновъ кавалеріи съ соотвѣт-

ствующей артиллеріей, всего 9—10 тыс. комбатантовъ. Тѣ четыре дивизіи, съ которыми англичане до сихъ поръ вели войну, имѣютъ гораздо болѣе сильный составъ. Именно 44 батальона и 42 эскадрона. Вмѣстѣ съ войсками, постоянно расположенными въ колоніи, они и дали численность въ 60 тыс. комбатантовъ, которые потерпѣли неудачу въ кампанію 1899 года *).

Приведенныя данныя показываютъ, что отправленные и отправляемые остатки регулярной арміи едва-ли въ состояніи справиться съ задачею и что остается три исхода: или двинуть регулярныя войска изъ Индіи, или сформировать новую армію, или воспользоваться милиціей и волонтерами. Судя по извѣстіямъ изъ Лондона, тамъ останавливаются на послѣднемъ рѣшеніи. Англія останется совершенно беззащитной, но предполагается, что для ея обороны достаточно флота.

С. Южаковъ.

Изъ Англіи.

I.

Четырнадцатаго октября умеръ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и блестящихъ современныхъ англійскихъ журналистовъ,—выдающійся ученый, о трудахъ котораго съ уваженіемъ отзывались Дарвинъ, Спенсеръ и Уоллэсъ, совершенно исключительный популяризаторъ и остроумный беллетристъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ умеръ писатель, котораго два не имѣющихъ ничего общаго между собою класса англійскаго общества знали подъ различными видами. Одинъ классъ, цвѣтъ умственной силы Англіи, тотъ классъ, прогрессивныя идеи котораго доставили странѣ такую славу, зналъ покойнаго писателя, какъ талантливаго эволюціониста, приложившаго теоріи Спенсера и Дарвина къ объясненію различныхъ вопросовъ философіи, соціологіи, психологіи и т. д.; знали его, какъ блестящаго публициста, помѣщавшаго въ *Fortnightly Review* статьи, поражавшія какъ смѣлостью мысли, такъ

*) Кромѣ того, Англія располагаетъ слѣдующими регулярными батальонами (съ соотвѣтствующимъ количествомъ другихъ родовъ оружія): въ Европѣ крѣпостныхъ батальоновъ—одиннадцать (собственно, только ядро гарнизоновъ, образуемыхъ затѣмъ милиціей и волонтерами); въ Индіи—50 бат. европ. войска и 125 бат. туземнаго, въ Египтѣ—7 бат. и въ прочихъ колоніяхъ—18. Изъ послѣднихъ, всѣ, расположенные въ Южной Африкѣ, и часть расположенныхъ въ Канадѣ и Австраліи уже приняли участіе въ южно-африканской борьбѣ.

и граціознымъ стилемъ; знали его еще какъ совершенно исключительнаго популяризатора, который всякую сложную и запутанную научную доктрину умѣетъ изложить ясно, увлекательно и остроумно. Другой, крайне многочисленный, но, сравнительно, мало извѣстный у насъ классъ англійскаго общества зналъ покойнаго, какъ ловкаго и остроумнаго автора повѣстей, типъ которыхъ выработалъ себѣ самъ этотъ классъ. Въ данномъ случаѣ покойный писатель превращался въ своего рода литературнаго лепталиса, въ бабочку, имитирующую необыкновенно искусно другому виду бабочекъ, на которыхъ совершенно не похожа. Умеръ Грэнтъ-Аллэнъ, извѣстный отчасти и русской публикѣ. Мнѣ пришлось уже дважды говорить объ этомъ замѣчательномъ писателѣ: одинъ разъ, въ *„Русскомъ Богатствѣ“* въ статьѣ объ англійскихъ *Reviews*, другой недавно, въ *„Русскихъ Вѣдомостяхъ“*, но каждый разъ лишь бѣгло, мимоходомъ. Быть можетъ, поэтому, читателямъ будетъ не безинтересно познакомиться съ болѣе обстоятельной характеристикой Грэнтъ-Аллэна.

Родился онъ въ Канадѣ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Суровой природой Канады навѣянъ впослѣдствіи одинъ изъ самыхъ лучшихъ разсказовъ Грэнтъ-Аллэна „Жена Тома“. Воспитывался въ оксфордскомъ университетѣ, гдѣ рано пристрастился къ изученію естественныхъ наукъ. Послѣ окончанія университета Грэнтъ-Аллэнъ поѣхалъ учителемъ въ гимназію (на Ямайкѣ). Гимназія была для „разновѣрцевъ“, какъ выражался Грэнтъ-Аллэнъ, т. е. не только для бѣлыхъ, но и для метиссовъ и негровъ. Такъ какъ бѣлые на Ямайкѣ глубоко презираютъ цвѣтнокожихъ, то въ гимназіи учились лишь послѣдніе. Педагогическая дѣятельность не далась Грэнту-Аллэну. Пробылъ онъ на Ямайкѣ около двухъ лѣтъ. Въ это время онъ изучилъ богатую тропическую флору, занимался антропологіей и писалъ научныя статьи, которыя появлялись въ спеціальныхъ изданіяхъ. Статьи эти представляли значительный научный интересъ. Ихъ цитируетъ въ своихъ работахъ Дарвинъ. О нихъ съ большой похвалой отзывался Уоллэсъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Грэнтъ-Аллэнъ оставляетъ Ямайку и съ женой и дѣтьми (женился онъ рано, въ двадцать лѣтъ) пріѣхалъ въ Лондонъ пытать счастье какъ журналистъ.

Англійскіе журналисты раздѣляются на два класса, совершенно не похожихъ другъ на друга. Во первыхъ, — „professionals“, т. е. журналисты, имѣющіе имя и правильную работу. Эти зарабатываютъ очень много, составляютъ своего рода литературный цехъ, въ который новичковъ впускаютъ не особенно охотно. Большею частью, работаютъ они въ газетахъ. Хотя своихъ именъ они тамъ подъ статьями не подписываютъ, но ихъ знаютъ всѣ. Вторую категорію составляютъ литературные богемы, „вольные наѣздники“, Free lancers, какъ ихъ называютъ. Каждый де-

бютирующій журналистъ—вольный наѣздникъ. Если у него есть талантъ и если счастье ему улыбается, онъ попадаетъ потомъ въ цехъ, въ „authors society“. Въ противномъ случаѣ, онъ или оставляетъ навсегда журналистику, или до глубокой старости остается вольнымъ наѣздникомъ, полуголоднымъ, вѣчно думающимъ о томъ, какъ бы примостить статью. Вольному наѣзднику редакторъ не позволяетъ подписывать статью. Его имя совершенно неизвѣстно не только публикѣ, но большей частью даже въ литературномъ мірѣ. Въ силу этого, вольный наѣздникъ приноситъ въ редакцію, вмѣстѣ съ рукописью, какую нибудь напечатанную статью свою. Это — его литературный паспортъ. О чемъ только не приходится писать вольному наѣзднику! Въ особенности тяжело положеніе „клячъ“ (haéks); такъ зовутъ здѣсь вольныхъ наѣздниковъ, дерзанія которыхъ не выходятъ дальше газеты. Если вольный наѣздникъ знаетъ иностранные языки (что сравнительно рѣдко въ Англіи), онъ превращается въ „могильщика“, въ батрака ученыхъ и журналистовъ. Послѣднимъ нужны для ихъ работы справки и цитаты, а работать въ Британскомъ Музеѣ или нѣтъ времени, или нѣтъ возможности. Тогда является на помощь литературный наѣздникъ. Онъ найдетъ необходимыя книги въ томъ рудникѣ знанія, которому имя Британскій Музей, выищетъ цитаты, переведетъ, сгруппируетъ и поднесетъ за самую умѣренную плату баронамъ журнальнаго міра. Сколько появляется въ Англіи книгъ, блещущихъ эрудиціей, въ которыхъ авторамъ принадлежитъ лишь имя. Какъ часто авторъ такой книги не знаетъ даже азбуки того языка, на которомъ написано цитируемое имъ сочиненіе! За все справляется „Авдотья невидимка“ (героиня одного изъ разсказовъ Глѣба Успенскаго) вольный наѣздникъ. Работающій въ Британскомъ Музеѣ знаетъ всѣхъ ихъ въ лицо. Онъ ихъ каждый день найдетъ въ музеѣ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Онъ знаетъ, напримѣръ, заранѣе, что на такомъ то мѣстѣ сидитъ дама съ поблекшей улыбкой, со страннымъ бархатнымъ токомъ на головѣ. Она вѣчно роется въ какихъ то громадныхъ фоліантахъ, испещренныхъ массонскими фигурами. Это литературный наѣздникъ, собирающій матеріалъ для джентельмэна, пишущаго теософическія книги. Литературные наѣздники являются въ музей, какъ только его открываютъ, и уходятъ лишь тогда, когда запираютъ. И такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ. Литературный наѣздникъ сживается съ Британскимъ Музеемъ, гордится имъ, знаетъ, когда появляется новичекъ. Ежегодно въ началѣ октября, музей бываетъ запертъ пять дней. Тогда идетъ ремонтъ. Наѣздники отлично знаютъ, что музей запертъ; но, тѣмъ не менѣе, всетаки ровно въ девять часовъ, по привычкѣ, съ портфелемъ подъ мышкой, поднимаются по ступенямъ греческаго портала библіотеки. Узнавъ, что двери заперты, литера-

турные наѣздники бредутъ въ сосѣднія таверны (дамы — въ кофейныя); черезъ нѣсколько минутъ тамъ слышны старинныя англійскія и латинскія пѣсни; напр.:

„Mihi est propositum
In taverna mori".

Увы! Бѣднымъ наѣздникамъ приходится зачастую окончить жизнь даже не въ тавернѣ, а въ рабочемъ домѣ, въ рядахъ другого пролетаріата.

Но я нѣсколько уклонился. Въ рядахъ вольныхъ наѣздниковъ очутился молодой Грэнтъ-Аллэнъ. Онъ сталъ писать научныя статьи. Грэнтъ-Аллэнъ сдѣлалъ нѣсколько самостоятельныхъ изслѣдованій, но спеціальность его была не въ этомъ. „Въ наукѣ необходимъ тотъ небольшой классъ обобщителей, на важность и значеніе котораго указали Контъ и Спенсеръ, — пишетъ Грэнтъ-Аллэнъ въ предисловіи къ небольшой но крайне характерной книжкѣ „The Colour Sense", о которой дальше. Я имѣю дерзость полагать, что принадлежу тоже къ этому классу. Обобщитель не долженъ быть самъ спеціалистомъ во всѣхъ тѣхъ наукахъ, выводы которыхъ онъ пытается координировать. Въ своихъ выводахъ обобщитель основывается на монографіяхъ, которыя онъ долженъ изучить въ совершенствѣ". Научныя статьи въ спеціальныхъ журналахъ сдѣлали имя Грэнтъ-Аллэну, но не дали ему заработка. Какъ и въ другихъ странахъ, „наука не кормитъ", по выраженію нашего автора. Грэнтъ-Аллэнъ написалъ затѣмъ крайне интересную работу „Психологическая эстетика", которая, кажется, извѣстна русской публикѣ. Это было первое въ то время примѣненіе теоріи эволюціи въ области эстетики. За первой книгой явился второй трудъ, „Colour Sense", въ которомъ тотъ же вопросъ былъ поставленъ гораздо шире. Ученый міръ обратилъ вниманіе на книги, оцѣнилъ ихъ по достоинству; но большая публика не захотѣла знать этихъ трудовъ. Книги остались мертвымъ баластомъ на полкахъ склада издателя. Грэнтъ-Аллэнъ тогда попробовалъ свои силы, какъ популяризаторъ. Его статьи въ этомъ родѣ—настоящіе шедевры. Издатели „магазиновъ" и газетъ принимали эти статьи, но крайне неохотно. Они отлично знаютъ свою публику, физіономію которой я постараюсь набросать дальше, и знаютъ, что ей нужно. Популярныя статьи приносили нѣсколько больше, чѣмъ ученыя работы, но всетаки очень мало. И вотъ Грентъ-Аллэнъ попробовалъ свои силы въ новой области, въ области романа. Успѣхъ былъ мгновенный и колоссальный. Жизнь впроголодь сразу отступила въ невѣдомое пространство. Но прежде познакомимся нѣсколько ближе съ научно-популярными трудами Грэнтъ Аллэна.

Начнемъ съ книги „Colour Sense", которая дастъ намъ возможность познакомиться съ первымъ трудомъ автора.

Матеріалъ этой книги вначалѣ собирался для главы „Гене-

зисъ эстетики", которая должна была войти въ изданное въ 1877 г. сочиненіе „Психологическая эстетика". Въ послѣдней книгѣ эстетика разбирается, какъ элементъ человѣческой психологіи. Задачи, поставленныя авторомъ въ „Colour Sense",—гораздо шире: онъ разсматриваетъ аналогичные феномены во всемъ животномъ мірѣ. Основныя положенія „Психологической эстетики" заключаются въ слѣдующемъ. Вкусъ къ яркимъ цвѣтамъ былъ унаслѣдованъ человѣкомъ отъ его плодоядныхъ предковъ, которые, въ свою очередь, пріобрѣли этотъ вкусъ путемъ упражненія зрѣнія на ярко окрашенныхъ продуктахъ питанія. Вкусъ этотъ присущъ также всѣмъ животнымъ, питающимся плодами и цвѣтами. Въ половомъ подборѣ онъ проявляется также въ выборѣ наиболѣе ярко окрашенныхъ самцовъ.

Противъ этой книги выступили въ Германіи д-ръ Гуго Магнусъ, а въ Англіи—Уоллэсъ. Первый въ своей книгѣ „Geschictliche Entwickelung des Farbensinnes" доказываетъ, что цвѣтовое восприниманіе является сравнительно недавнимъ человѣческимъ пріобрѣтеніемъ и восходитъ лишь къ гомеровскому періоду. Уоллэсъ въ книгѣ „Tropical Nature" выступилъ рѣзкимъ противникомъ теоріи полового подбора. Книга Грэнтъ-Аллэна „Colour Sense" является отвѣтомъ и Магнусу, и Уоллэсу.

„Человѣкъ отнюдь не единственное существо, которое можетъ оцѣнить прелесть красокъ,—говоритъ нашъ авторъ... Многимъ животнымъ свойственно тоже ощущеніе, во всякомъ случаѣ, въ элементарной формѣ... Райская птица расправляетъ свой блестящій хвостъ передъ глазами не безучастной и не равнодушной къ яркимъ цвѣтамъ подруги. Пестро окрашенная бабочка не равнодушна къ прелестнымъ рисункамъ на крыльяхъ самца. Даже тропическія ящерицы и лягвы и тѣ могутъ оцѣнить сверкающую шкурку, малиновый гребешокъ и золотое брюшко подруги... У насъ есть основаніе подозрѣвать, что на птицъ и насѣкомыхъ производитъ впечатлѣніе не только окраска имъ подобныхъ, но также плодовъ и цвѣтовъ, которыми они питаются". Аллэнъ пытается прослѣдить генезисъ удовольствія, доставляемаго человѣку искуснымъ сочетаніемъ красокъ. „Если мы желаемъ изучить вполнѣ психологію цвѣтовыхъ ощущеній, мы должны прослѣдить генезисъ послѣднихъ, и найти тѣ причины, которыми они были порождены. Мы должны найти, какимъ образомъ глазъ доисторическихъ пресмыкающихся сталъ отличать различные виды эфирныхъ волнъ, что мы называемъ цвѣтами. Затѣмъ мы должны разсмотрѣть, какимъ образомъ окраска лепестковъ, сѣмянъ, плодовъ и мелкихъ животныхъ породила цвѣтовое восприниманіе у питающихся ими животныхъ. Восприниманіе, разъ развитое, становится источникомъ новыхъ наслажденій и почвой, на которой развиваются новыя чувства. ...Существованіе яркихъ цвѣтовъ въ природѣ почти всецѣло нахо-

дится въ зависимости отъ цвѣтовыхъ ощущеній, воспринимаемыхъ различными представителями животнаго царства. Я не думаю, разумѣется, утверждать, что абсолютное существованіе цвѣтныхъ лучей находится въ какой бы то ни было зависимости отъ животныхъ. Не думаю я также утверждать, что въ такой зависимости находятся цвѣтныя тѣни, лазурь неба и т. д. Я хочу лишь сказать, что цвѣтъ наиболѣе часто встрѣчающихся въ природѣ и вокругъ насъ предметовъ находится въ зависимости отъ цвѣтовыхъ ощущеній насѣкомыхъ, птицъ или животныхъ". Авторъ начинаетъ съ нѣсколькихъ частныхъ примѣровъ. Въ гостиной,—говоритъ онъ,—въ которой мы сидимъ, каждый предметъ пріобрѣлъ окраску соотвѣтственно вкусамъ человѣка. Не только картины тамъ, чтобы понравиться глазу; но ковры, обои, занавѣси, платья дамъ—все это окрашено для того, чтобы понравиться глазу. Въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли былъ или есть какой либо изготовленный человѣкомъ предметъ, начиная отъ грубо вылѣпленнаго горшка доисторическаго человѣка и деревянныхъ украшеній кимрійскаго воина, до севрскаго фарфора и рисунковъ моднаго кретона, — который не былъ бы подвергнутъ извѣстнымъ манипуляціямъ, дабы сдѣлать его при помощи красящихъ пигментовъ пріятнымъ для глаза. Вліяніе цвѣтового ощущенія въ данномъ случаѣ слишкомъ очевидно, чтобы требовалось развитіе этого положенія. Сдѣлаемъ шагъ дальше. Теорія полового подбора объясняетъ намъ, какимъ образомъ безпрерывный выборъ красивыхъ самцовъ имѣлъ вліяніе на образованіе ярко окрашеннаго вида, такъ какъ менѣе окрашенные индивидуумы погибали безъ потомства. Грэнтъ-Алленъ доказываетъ, что пернатыми эстетиками, оказывающими предпочтеніе ярко окрашеннымъ самцамъ, являются тѣ птицы, цвѣтовое ощущеніе которыхъ уже развито лепестками, плодами или блестящими насѣкомыми, служащими имъ пищей. Сдѣлаемъ еще шагъ дальше. Мы имѣемъ теперь дѣло съ тѣми ярко окрашенными цвѣтами и плодами, которые породили цвѣтовое ощущеніе въ животныхъ. У насъ, какъ доказалъ Дарвинъ, есть много основаній предполагать, что насѣкомыя имѣли огромное вліяніе на развитіе окраски лепестковъ. Аллэнъ идетъ дальше по слѣдамъ Дарвина и доказываетъ такимъ же образомъ, какъ и онъ, что на окраску плодовъ сильное вліяніе имѣли птицы и млекопитающія. Цвѣтовыми ощущеніями насѣкомыхъ, птицъ и млекопитающихся обусловливаются, по мнѣнію Гр.-Аллэна, всѣ оттѣнки въ растительномъ мірѣ, кромѣ зеленаго цвѣта листьевъ. Сравнительно рѣже случаи, когда окраска пріобрѣтена, какъ средство защиты (имитація). Не цвѣтовымъ ощущеніемъ,—говоритъ Грэнтъ-Алленъ,—обусловливается существованіе въ природѣ радуги, пурпура солнечнаго заката и другихъ свѣтовыхъ эффектовъ, лазури небесъ, синевы моря, красныхъ скалъ, зеленой листвы, желтизны осеннихъ красокъ и

зисъ эстетики", которая должна была войти въ изданное въ 1877 г. сочиненіе „Психологическая эстетика". Въ послѣдней книгѣ эстетика разбирается, какъ элементъ человѣческой психологіи. Задачи, поставленныя авторомъ въ „Colour Sense",—гораздо шире: онъ разсматриваетъ аналогичные феномены во всемъ животномъ мірѣ. Основныя положенія „Психологической эстетики" заключаются въ слѣдующемъ. Вкусъ къ яркимъ цвѣтамъ былъ унаслѣдованъ человѣкомъ отъ его плодоядныхъ предковъ, которые, въ свою очередь, пріобрѣли этотъ вкусъ путемъ упражненія зрѣнія на ярко окрашенныхъ продуктахъ питанія. Вкусъ этотъ присущъ также всѣмъ животнымъ, питающимся плодами и цвѣтами. Въ половомъ подборѣ онъ проявляется также въ выборѣ наиболѣе ярко окрашенныхъ самцовъ.

Противъ этой книги выступили въ Германіи д-ръ Гуго Магнусъ, а въ Англіи—Уоллэсъ. Первый въ своей книгѣ „Geschictliche Entwickelung des Farbensinnes" доказываетъ, что цвѣтовое восприниманіе является сравнительно недавнимъ человѣческимъ пріобрѣтеніемъ и восходитъ лишь къ гомеровскому періоду. Уоллэсъ въ книгѣ „Tropical Nature" выступилъ рѣзкимъ противникомъ теоріи полового подбора. Книга Грэнтъ-Аллэна „Colour Sense" является отвѣтомъ и Магнусу, и Уоллэсу.

„Человѣкъ отнюдь не единственное существо, которое можетъ оцѣнить прелесть красокъ,—говоритъ нашъ авторъ... Многимъ животнымъ свойственно тоже ощущеніе, во всякомъ случаѣ, въ элементарной формѣ... Райская птица расправляетъ свой блестящій хвостъ передъ глазами не безучастной и не равнодушной къ яркимъ цвѣтамъ подруги. Пестро окрашенная бабочка не равнодушна къ прелестнымъ рисункамъ на крыльяхъ самца. Даже тропическія ящерицы и лягвы и тѣ могутъ оцѣнить сверкающую шкурку, малиновый гребешокъ и золотое брюшко подруги... У насъ есть основаніе подозрѣвать, что на птицъ и насѣкомыхъ производитъ впечатлѣніе не только окраска имъ подобныхъ, но также плодовъ и цвѣтовъ, которыми они питаются". Аллэнъ пытается прослѣдить генезисъ удовольствія, доставляемаго человѣку искуснымъ сочетаніемъ красокъ. „Если мы желаемъ изучить вполнѣ психологію цвѣтовыхъ ощущеній, мы должны прослѣдить генезисъ послѣднихъ, и найти тѣ причины, которыми они были порождены. Мы должны найти, какимъ образомъ глазъ доисторическихъ пресмыкающихся сталъ отличать различные виды эфирныхъ волнъ, что мы называемъ цвѣтами. Затѣмъ мы должны разсмотрѣть, какимъ образомъ окраска лепестковъ, сѣмянъ, плодовъ и мелкихъ животныхъ породила цвѣтовое восприниманіе у питающихся ими животныхъ. Восприниманіе, разъ развитое, становится источникомъ новыхъ наслажденій и почвой, на которой развиваются новыя чувства. ...Существованіе яркихъ цвѣтовъ въ природѣ почти всецѣло нахо-

дится въ зависимости отъ цвѣтовыхъ ощущеній, воспринимаемыхъ различными представителями животнаго царства. Я не думаю, разумѣется, утверждать, что абсолютное существованіе цвѣтныхъ лучей находится въ какой бы то ни было зависимости отъ животныхъ. Не думаю я также утверждать, что въ такой зависимости находятся цвѣтныя тѣни, лазурь неба и т. д. Я хочу лишь сказать, что цвѣтъ наиболѣе часто встрѣчающихся въ природѣ и вокругъ насъ предметовъ находится въ зависимости отъ цвѣтовыхъ ощущеній насѣкомыхъ, птицъ или животныхъ". Авторъ начинаетъ съ нѣсколькихъ частныхъ примѣровъ. Въ гостиной,—говоритъ онъ,—въ которой мы сидимъ, каждый предметъ пріобрѣлъ окраску соотвѣтственно вкусамъ человѣка. Не только картины тамъ, чтобы понравиться глазу; но ковры, обои, занавѣси, платья дамъ—все это окрашено для того, чтобы понравиться глазу. Въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли былъ или есть какой либо изготовленный человѣкомъ предметъ, начиная отъ грубо вылѣпленнаго горшка доисторическаго человѣка и деревянныхъ украшеній кимрійскаго воина, до севрскаго фарфора и рисунковъ моднаго кретона, — который не былъ бы подвергнутъ извѣстнымъ манипуляціямъ, дабы сдѣлать его при помощи красящихъ пигментовъ пріятнымъ для глаза. Вліяніе цвѣтового ощущенія въ данномъ случаѣ слишкомъ очевидно, чтобы требовалось развитіе этого положенія. Сдѣлаемъ шагъ дальше. Теорія полового подбора объясняетъ намъ, какимъ образомъ безпрерывный выборъ красивыхъ самцовъ имѣлъ вліяніе на образованіе ярко окрашеннаго вида, такъ какъ менѣе окрашенные индивидуумы погибали безъ потомства. Грэнтъ-Алленъ доказываетъ, что пернатыми эстетиками, оказывающими предпочтеніе ярко окрашеннымъ самцамъ, являются тѣ птицы, цвѣтовое ощущеніе которыхъ уже развито лепестками, плодами или блестящими насѣкомыми, служащими имъ пищей. Сдѣлаемъ еще шагъ дальше. Мы имѣемъ теперь дѣло съ тѣми ярко окрашенными цвѣтами и плодами, которые породили цвѣтовое ощущеніе въ животныхъ. У насъ, какъ доказалъ Дарвинъ, есть много основаній предполагать, что насѣкомыя имѣли огромное вліяніе на развитіе окраски лепестковъ. Аллэнъ идетъ дальше по слѣдамъ Дарвина и доказываетъ такимъ же образомъ, какъ и онъ, что на окраску плодовъ сильное вліяніе имѣли птицы и млекопитающія. Цвѣтовыми ощущеніями насѣкомыхъ, птицъ и млекопитающихся обусловливаются, по мнѣнію Гр.-Аллэна, всѣ оттѣнки въ растительномъ мірѣ, кромѣ зеленаго цвѣта листьевъ. Сравнительно рѣже случаи, когда окраска пріобрѣтена, какъ средство защиты (имитація). Не цвѣтовымъ ощущеніемъ,—говоритъ Грэнтъ-Алленъ,—обусловливается существованіе въ природѣ радуги, пурпура солнечнаго заката и другихъ свѣтовыхъ эффектовъ, лазури небесъ, синевы моря, красныхъ скалъ, зеленой листвы, желтизны осеннихъ красокъ и

игры драгоцѣнныхъ камней. Но цвѣтовымъ ощущеніемъ обусловливается существованіе яркихъ полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ: розъ, лилій, гвоздикъ, сирени, альпійскаго ракитника, фіалокъ, подснѣжниковъ, бѣлой буквицы и маргаритокъ. Этимъ же ощущеніемъ обусловливается прелестный румянецъ яблока, персика, краснота вишни и богатство красокъ апельсина, земляники, сливы, дыни, барбариса и гранатоваго яблока. Та же причина создала красную грудку у нашего ряполова, затѣмъ—розовыя щеки и алыя губы англійскихъ дѣвушекъ и, наконецъ, краски въ произведеніяхъ искусства всѣхъ временъ и народовъ. Въ своей книгѣ авторъ дѣлаетъ смѣлую попытку прослѣдить генезисъ цвѣтового воспринимаиія. Задача задумана крайне широко. Авторъ указываетъ, какъ зародилось это восприниманіе у обитателя палеозоическаго моря, и заканчиваетъ цвѣтовымъ ощущеніемъ, какъ оно проявилось въ современныхъ картинныхъ галлереяхъ.

Къ какимъ же выводамъ приходитъ авторъ въ своей книгѣ „Colour sense"? Разсматривая объективно, цвѣтъ зависитъ отъ различныхъ колебаній эфира и отъ длины этихъ волнъ. Колебанія эти, взятыя вообще, называются свѣтомъ, а взятыя въ нѣкоторыхъ составныхъ частяхъ—цвѣтомъ. Глазъ первобытнаго животнаго различалъ лишь свѣтъ и отсутствіе его. Затѣмъ, по всей вѣроятности, выработалась способность различать форму, а за тѣмъ уже явилась способность различать цвѣтъ. Восприниманіе цвѣтовъ, по всей вѣроятности, развилось у насѣкомыхъ яркой окраской цвѣтовъ. Въ этомъ отношеніи окраска цвѣтовъ и насѣкомыхъ обязана взаимному вліянію. У простыхъ морскихъ животныхъ способностѣ распознавать цвѣта, по мнѣнію автора, появилась подъ вліяніемъ окружающихъ животныхъ организмовъ. Эта разъ выработанная способность передавалась наслѣдственно въ формахъ высшаго развитія. Что касается до млекопитающихъ животныхъ, то въ нихъ развитіе цвѣтового воспринимаиія могло быть ускорено еще необходимостью искать плоды для питанія. Ярко окрашенные плоды возможно было найти скорѣе. Животное, отличающее краски, было болѣе приспособлено къ жизни, чѣмъ плохо рззличающее. И эта пріобрѣтенная способность культивировалась естественнымъ подборомъ. Четверорукія животныя, питающіяся по преимуществу плодами, проявляютъ въ высшей степени способность различать цвѣта. Они проявляютъ также любовь къ яркимъ цвѣтамъ и ихъ собственная окраска обнаруживаетъ часто вліяніе полового подбора. Человѣкъ, потомокъ плодоядныхъ четверорукихъ, надѣленъ въ высшей степени способностью цвѣтового распознаваніи. Эта способность проявляется во всѣхъ стадіяхъ развитія. Противъ этого положенія выставлялись факты, добытые филологіей: скудость словъ въ болѣе старыхъ языкахъ для различенія цвѣтовъ. Но, по мнѣнію Грэнта-Аллэна, эти доводы не согласуются съ другими добытыми фак-

тами. Распознаваніе цвѣтовъ явилось раньше, чѣмъ выработались слова для различія послѣднихъ. Всѣ наблюденія этнографовъ, а также факты, добытые путемъ раскопокъ, показываютъ, что дикари и доисторическій человѣкъ любили яркіе цвѣта. Человѣкъ унаслѣдовалъ отъ своихъ плодоядныхъ предковъ не только способность распознавать цвѣта, но и любовь къ нимъ. Любовь эта проявляется вначалѣ въ украшеніяхъ тѣла, а затѣмъ развивается въ искусства вообще. Въ дальнѣйшемъ фазисѣ развитія это цвѣтовое восприниманіе, унаслѣдованное отъ плодоядныхъ предковъ, проявляется почти въ каждомъ продуктѣ промышленности. Искусство,—говоритъ нашъ авторъ,—пользуется, главнымъ образомъ, красками, которыя не часто встрѣчаются въ окружающей природѣ. То же мы видимъ дѣлаютъ цвѣты и плоды для привлеченія птицъ и насѣкомыхъ. Поэзія пользуется тѣми же красками, но въ идеальной формѣ. Наиболѣе развитыя искусства пользуются красками въ строгой пропорціи. Но всѣ искусства сохраняютъ одно общее; ихъ генезисъ легко можетъ быть прослѣженъ.

Наиболѣе совершенное произведеніе эстетики составляетъ лишь заключительное звено цѣпи, первымъ кольцомъ которой является предпочтеніе, оказываемое насѣкомыми ярко окрашеннымъ цвѣтамъ. И Грэнтъ-Аллэнъ сжимаетъ свои воззрѣнія въ такую формулу: Насѣкомыми вызвано существованіе ярко окрашенныхъ вѣнчиковъ. Лепестки породили въ насѣкомыхъ цвѣтовое ощущеніе. Цвѣтовое ощущеніе создало вкусъ къ краскамъ. Вкусомъ къ краскамъ объясняются яркія надкрылья бабочекъ и жуковъ. Плоды выработали вкусъ къ цвѣтамъ у птицъ и животныхъ. Вкусомъ къ цвѣтамъ объясняются яркія перья колибри, попугаевъ и золотистая шкурка тропическихъ обезьянъ. Плодоядные предки человѣка породили въ немъ подобный же вкусъ. И этотъ вкусъ создалъ всѣ искусства (The Colour-Sense, p. 281).

II.

Самымъ крупнымъ произведеніемъ Грэнтъ-Аллэна является книга „The Evolution of Idea of God". Авторъ очень дорожилъ этимъ произведеніемъ. Матеріалы для книги онъ собиралъ двадцать лѣтъ, а писалъ ее десять лѣтъ Грэнтъ Аллэнъ желалъ, чтобы имя его было извѣстно потомству, какъ автора этой книги. Въ этомъ трудѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, Грэнтъ-Аллэнъ является ученикомъ Спенсера и исходнымъ пунктомъ беретъ „Ghost theory" своего учителя, которую измѣняетъ нѣсколько. Грэнтъ-Аллэнъ доказываетъ, что концепція метафизическаго начала у первобытнаго человѣко порождена не силами природы, не солнцемъ и луной, а умершимъ предкомъ, котораго считали все еще живымъ (духомъ, привидѣніемъ) и которато надѣляли все большей и большей сверхъестественной силой. Въ той части

книги, гдѣ авторъ говоритъ о генезисѣ монотеизма, видно сильное вліяніе Кюнена и труда проф. Робертсона Смита „The Religion of the Semites"; но центральнымъ пунктомъ является новая и оригинальная теорія, предложенная Грэнтъ-Аллэномъ, теорія обстоятельствъ, которыя повели къ возвышенію божества одного племени надъ пантеономъ другихъ племенъ. Повидимому, Грэнтъ-Аллэнъ крайне дорожитъ тѣмъ, что онъ первый въ трудѣ подобнаго рода при анализѣ отдѣлилъ вѣрованіе отъ миѳологіи. Оригинальнымъ является также то, что Грэнтъ-Аллэнъ прослѣдилъ, какъ дикари образовали культъ убитыхъ (убитаго бога). Новымъ является установленіе трехъ фазисовъ въ концепціи первобытныхъ народовъ: поклоненіе тѣлу умершаго, поклоненіе духу и поклоненіе тѣни его (corpse-worship, ghost worship, shade-worship). Выводъ, къ которому приходитъ авторъ, таковъ: „поклоненіе тѣлу является протоплазмой первобытнаго вѣрованія; фолклоръ же является протоплазмой миѳологіи и дальнѣйшей систематизированной стадіи послѣдней" (p. 438).

Я не берусь сдѣлать оцѣнку Грэнтъ-Аллэна, какъ самостоятельнаго ученаго. Я знаю, что о спеціальныхъ трудахъ его съ большимъ уваженіемъ и крайне лестно отзывались Дарвинъ и Спенсеръ. Быть можетъ гипотезы, развитыя Аллэномъ, какъ детали, въ упомянутомъ большомъ трудѣ,—о которомъ, къ сожалѣнію, въ силу различныхъ обстоятельствъ, я не могу здѣсь распространяться,—и имѣютъ важное научное значеніе въ глазахъ спеціалистовъ; но обыкновенному читателю бросается прежде всего въ глаза спенсеровскій методъ и спенсеровскій отправный пунктъ (ghost-theory). Я сомнѣваюсь, чтобы Грэнтъ-Аллэнъ дошелъ до потомства, какъ самостоятельный, оригинальный ученый (хотя, судя по отзывамъ, *спеціалистами* онъ не будетъ забытъ); но за то его долго будутъ помнить, какъ замѣчательнаго остроумнаго и блестящаго популяризатора теоріи эволюціи. Онъ оставилъ цѣлый рядъ книгъ, читающихся даже не какъ романъ, а какъ волшебная сказка и, между тѣмъ, заключающихъ изложеніе важныхъ законовъ біологіи. Эти книги зачастую состоятъ изъ статей, появлявшихся въ различныхъ газетахъ, большею частью, типичныхъ органахъ миссисъ Гранди. Авторъ отлично зналъ, что его читатель—это тотъ самодовольный, безгранично глупый и въ такой же степени гордый представитель „black-coated classes", котораго Грэнтъ-Аллэнъ такъ презиралъ. Любовь къ природѣ побѣдила въ немъ даже отвращеніе къ самодовольнымъ приспѣшникамъ миссисъ Гранди. Вотъ, напримѣръ, книга „The Evolutionist at large". Она составлена изъ статей, появившихся въ *С. Джемсовой Газетѣ*, которая, навѣрное, получила-бы премію за самодовольную тупость, если-бы какой-либо чудакъ вздумалъ-бы установить такую награду.

„Моей задачей было познакомить большую публику съ основ-

ными принципами и методомъ эволюціонной теоріи,—говоритъ Грэнтъ-Аллэнъ въ предисловіи. Біологъ обыкновенно разбираетъ тѣ глубоко скрытыя детали организма, которыя являются предметомъ первой важности, ибо на нихъ зиждутся всѣ дальнѣйшія разсужденія. Но обыкновенному читателю дѣла нѣтъ до мельчайшихъ анатомическихъ и физіологическихъ деталей. Нельзя и требовать, чтобы такой читатель заинтересовался какимъ нибудь flexor pollicis longus или же hippocampus major, даже само существованіе котораго ему невѣдомо, а названіе наводитъ уныніе. Большая публика желаетъ знать лишь, какимъ образомъ создались видимые и наружные органы животныхъ и растеній. Она желаетъ знать, почему птицы покрыты перьями, но мало интересуется тѣмъ, почему у птицы грудная кость имѣетъ ладьевидную форму. Такой читатель полагаетъ, что происхожденіе ярко окрашенныхъ лепестковъ гораздо интереснѣе, чѣмъ происхожденіе односѣмянодольныхъ. Объ этихъ-то видимыхъ явленіяхъ я и говорю въ моей книжкѣ". Къ слову сказать, миссисъ Гранди такъ же мало интересовалась тѣмъ, почему птица покрыта перьями, какъ и тѣмъ, почему у нея ладьевидная грудная кость. Это сказалось въ томъ, что редакторъ отказался впослѣдствіи помѣщать статьи Грэнтъ-Аллэна.

Планъ Грэнтъ-Аллэна въ его книгѣ таковъ. Авторъ беретъ хорошо извѣстный предметъ и объясняетъ путемъ теоріи эволюціи, какъ создалась форма его. Такой „предметный урокъ" прочитывается по поводу земляники, раковины улитки, головастика, зяблика, подорожника и т. д. Чтобы быть понятнымъ миссисъ Гранди, онъ упрощаетъ до крайности научную терминологію. Книга открывается своеобразной „балладой объ эволюціи", на сколько мнѣ извѣстно, кажется, единственнымъ „стихотвореніемъ" Грэнтъ-Аллэна. Авторамъ подобныхъ „стихотвореній" (попытки въ этомъ родѣ, кажется, были и у насъ) никогда не удавалось еще уподобиться Лукрецію, за то зачастую они напоминаютъ „Разсужденіе о пользѣ стекла". За „балладой" слѣдуетъ рядъ граціозныхъ по формѣ и увлекательныхъ по содержанію главъ: „На лугу лѣтомъ", „Изученіе костей", „Среди верещака", „Психологія бабочекъ", „Эстетика бабочекъ", etc. Каждая строка говоритъ о глубокомъ пониманіи природы и о страстной любви къ ней. Эти очерки являются, мнѣ кажется, чѣмъ-то совершенно исключительнымъ въ небѣдной популярной литературѣ.

Другой не менѣе талантливый сборникъ,—„Vignettes from Nature" составленъ изъ ряда статей, появившихся въ „Pall Mall Gazette", въ органѣ, который будетъ, пожалуй, еще почище *С.-Джемсовой Газеты*. Публика этой газеты, хотя тоже принадлежитъ къ „black-coated classes", въ умственномъ развитіи еще болѣе убога, чѣмъ читатели „St. Iames's Gazette". Этимъ объ-

ясняется еще болѣе популярная форма „Виньетокъ“. Авторъ то популяризируетъ теорію эволюціи, то излагаетъ свои собственные научные взгляды; и все это облечено въ форму волшебной сказки. „Быть можетъ — говоритъ авторъ, — мои „Виньетки“ распространятъ знаніе тѣхъ великихъ біологическихъ и космогоническихъ доктринъ, которыя теперь революціонизировали науку; доктринъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ великимъ трудамъ Дарвина и Спенсера“. Въ своей книжкѣ авторъ бесѣдуетъ о лани, о болиголовѣ, о вероникѣ, о кустѣ крапивы и т. д. На каждомъ шагу онъ находитъ интересную тему для бесѣдъ и съ большимъ искусствомъ освѣщаетъ различныя явленія въ растительномъ и животномъ мірѣ одною и тою-же доктриною. Вотъ, напр., начало лекціи о крапивѣ. „Я протянулъ руку къ зарослямъ, чтобы сорвать длинную, гибкую, цвѣтущую вѣтвь дѣвьяго корня и больно обжегъ себѣ руку крапивой, которая въ изобиліи растетъ въ грязной канавѣ, подъ зарослями. Ничто такъ быстро не успокаиваетъ боль отъ обжоговъ крапивой, какъ философія и листъ щавеля. Въ силу этого, я натру руку зеленымъ листомъ и присяду на пригорокъ пофилософствовать о крапивѣ и о вещахъ вообще“.

Читателю можетъ показаться этотъ приступъ слишкомъ элементарнымъ; пожалуй, даже въ излишней степени элементарнымъ. Между тѣмъ, авторъ въ томъ же тонѣ далѣе излагаетъ живо и образно, какимъ образомъ, путемъ естественнаго подбора, растенія вырабатываютъ себѣ оружіе для защиты. Онъ сообщаетъ, зачѣмъ чистотѣлу и песьему языку надобенъ ѣдкій сокъ, почему у терновника шипы, а у крапивы—жигучки. Изложеніе эволюціонныхъ доктринъ пересыпано описаніями природы, при чемъ ландшафтъ набросанъ нѣсколькими бѣглыми, но яркими штрихами.

III.

Какъ я сказалъ, редакторы магазиновъ морщились, помѣщая популярно-научныя статьи. Грэнтъ-Аллэнъ обратился къ беллетристикѣ. Онъ написалъ повѣсть (The Reverend John Creedy), которую послалъ подъ псевдонимомъ „Арбатнотъ Вильсонъ“ въ *Корнхиллъ*, въ „магазинъ“, гдѣ печатались его научные очерки. Грэнтъ-Аллэнъ любилъ разсказывать слѣдующій эпизодъ. Одновременно авторъ получилъ изъ редакціи два письма: одно было адресовано Грэнтъ-Аллэну, а другое—Арбатноту Вильсону. (Редакторъ, конечно не зналъ, что Floridor c'est Celestin et Celestin c'est Floridor, что Аллэнъ и Вильсонъ одно и то же лицо). Въ первомъ редакторъ сухо сообщалъ, что отказывается помѣщать научные очерки, такъ какъ „публикѣ это не интересно“; въ другомъ письмѣ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ редакторъ

просилъ Арбатнота Вильсона прислать еще кое-что и предлагалъ авансъ. Повѣсть имѣла огромный успѣхъ, и ученый сталъ беллетристомъ. „Я предпочелъ лучше жить повѣстями, чѣмъ умирать на чистой наукѣ“,—говорилъ Грэнтъ-Аллэнъ.

Публика, предъ которой дебетировалъ теперь писатель, крайне своеобразна.

Джонъ Булль теперь не столько производитель для мірового рынка, сколько міровой банкиръ и посредникъ. Огромные капиталы, накопленные имъ, находятъ себѣ примѣненіе въ различныхъ частяхъ свѣта. Точно такъ, какъ машины требуютъ совершенно особенной арміи труда, на которую производство наложило свой характерный отпечатокъ, точно такъ же міровая банкирская контора требуетъ своей милиціи, въ Англіи крайне многочисленной. „Дѣло“ наложило на нее свою печать. По общественному положенію, армія эта принадлежитъ къ двумъ классамъ: „среднему“ и „нижне-среднему“ (low-middle). Именно эти два класса составляютъ ту „самодовольную толпу сплоченной посредственности“, блестящую характеристику которой мы находимъ въ „On Liberty“ Милля. Грэнтъ-Аллэнъ называлъ эту „сплоченную посредственность“ — The black coated classes. Умственный уровень этихъ классовъ очень не высокъ. Въ шестнадцать лѣтъ юноша кончаетъ школу, гдѣ его учатъ „чему-нибудь и какъ нибудь“. Онъ выходитъ оттуда съ крѣпкими мышцами, нагуленными въ „футболлъ“ и на рѣкѣ, съ твердой вѣрой, что англичане величайшая нація въ мірѣ, и съ крайне смутнымъ представленіемъ о жизни другихъ народовъ. Въ шестнадцать лѣтъ отецъ отдаетъ сына въ „business“, въ Лондонѣ или, если есть средства, въ колоніи. Тамъ начинается лихорадочная, настойчивая погоня за состояніемъ. Всѣ умственныя способности, вся энергія сконцентрирована на этомъ. Свободнаго времени остается очень мало. Оно заполняется спортомъ, который укрѣпляетъ тѣло и даетъ ему возможность выдерживать эту лихорадочную дѣятельность. Въ 35—40 лѣтъ желанная цѣль достигнута. Тогда такой англичанинъ женится, чтобы имѣть дѣтей, которыхъ онъ, въ свою очередь, отдаетъ въ „business“. „Black coated classes“ застыли на одной зарубкѣ умственнаго развитія. По политическимъ убѣжденіямъ они тори; они благоговѣютъ предъ каждымъ титуломъ и этимъ пользуются они же сами, чтобы стричь другъ друга и вовлекать въ дутыя предпріятія. Black coated classes создали свою собственную науку, свою беллетристику и свою періодическую прессу. Ученые этихъ классовъ это тѣ „крѣпостные люди, которые приписаны къ научнымъ фабрикамъ и схоластическимъ заводамъ“ (выраженіе Искандера). Ихъ спеціальность—охранять традиціи отъ вторженія новыхъ и „сюбверсивныхъ“ идей. Такой „крѣпостной“, приписанный къ „схоластическому заводу“, получаетъ въ достодолжное

время въ награду за полезную ученую дѣятельность титулъ баронета. И тогда авторитетъ его въ глазахъ black coated classes становится еще выше. Еще бы! человѣкъ, возведенный въ рыцарское достоинство ея величествомъ, навѣрное долженъ болѣе знать толкъ въ наукахъ, чѣмъ какія нибудь простые „мистеры"! Газеты, созданныя этими классами, возводятъ джингоизмъ въ перлъ созданія. Основной политическій принципъ ихъ слѣдующій: „Такой-то и такой-то край богатъ, слѣдовательно, онъ долженъ принадлежать намъ. Если населеніе этой страны защищаетъ свою родину, то это доказываетъ, что земля населена скверными людьми, которыхъ нужно проучить разрывными пулями и бомбами, начиненными лидитомъ". Въ своей жестокости эти газеты доходятъ до крайнихъ предѣловъ. Приведу одинъ примѣръ. Въ послѣднее время въ независимыхъ англійскихъ газетахъ писали много о жестокомъ обращеніи англичанъ съ плѣнными бургерами. Въ то время, какъ бургеры обращаются съ плѣнными англичанами хорошо, разрѣшаютъ имъ прогулки, чтеніе газетъ и книгъ, бургеровъ держатъ на военныхъ судахъ, какъ арестантовъ, кормятъ впроголодь хлѣбомъ и картофелемъ, не даютъ книгъ и газетъ. Плѣнники обносились до послѣдней степени, ходятъ босые, въ лохмотьяхъ, въ одномъ и томъ же бѣльѣ. Плѣнники сидятъ безъ гроша, потому что англійскіе солдаты ограбили ихъ и отняли не только деньги, но даже часы, обручальныя кольца, перочинные ножи и носовые платки. На это отвѣчаетъ одна изъ газетъ. „Они еще жалуются, когда они сдѣлали все возможное, чтобы убивать нашихъ солдатъ... Плѣнники должны благодарить судьбу, что живутъ въ такой гуманный вѣкъ, какъ нашъ. Попадись они въ другое время, имъ дали-бы изъ растеній не хлѣбъ, а пеньковую петлю".

Беллетристика „black coated classes" это — повѣсти „съ приключеніями". Онѣ имѣютъ много общаго съ наркозомъ. Какъ извѣстно, люди, принимающее опіумъ для возбужденія нервовъ, вынуждены прибѣгать къ все болѣе и болѣе громаднымъ пріемамъ. Малыя порціи уже не дѣйствуютъ. Современная литература съ приключеніями порождена вполнѣ условіями жизни „black coated classes". Короткими путешествіями въ омнибусѣ и по желѣзной дорогѣ на службу и со службы обусловливается небольшой размѣръ повѣсти. Ее нужно кончить, пока придетъ пора оставить вагонъ. Далѣе нужно думать о „business", а не о повѣсти. Нервнымъ переутомленіемъ обусловливается необходимость чего-либо остраго, возбуждающаго для ума. Эту роль играютъ приключенія. Но такъ какъ умъ все болѣе и болѣе переутомляется, то и пріемъ приключеній все болѣе увеличивается, притомъ приключенія принимаются въ сконденсированномъ видѣ. Шесть разбоевъ, восемь убійствъ, четырнадцать поджоговъ и 32 пули— такова ежедневная порція. Явились знаменитости, составившія

себѣ спеціальность писаніемъ подобныхъ повѣстей. И съ этими невѣжественными, бездарными мазилками сталъ конкуррировать блестящій, талантливый, широко образованный ученый. Романы доставили ему большое состояніе. Здѣсь хорошо извѣстенъ анекдотъ, какъ Аллэнъ сталъ поставщикомъ этого нелѣпаго и уродливаго вида беллетристики.

Типичный выразитель художественныхъ и умственныхъ идеаловъ англійской улицы Tit-Bits объявилъ премію въ 10 тысячъ рублей за лучшій романъ съ приключеніями. Гр. Аллэнъ увидѣлъ объявленіе и въ шесть недѣль настрочилъ романъ „What is Bred in the Bone“, отъ котораго законодатели улицы пришли въ неистовый восторгъ. Съ тѣхъ поръ романы и повѣсти посыпались у плодовитаго писателя, какъ грибы изъ опрокинутаго кузова...

Въ англійской литературѣ есть типичное олицетвореніе закостенѣвшихъ black coated classes: миссисъ Гранди (Grundy). Это чопорная, вѣчно затянутая дама неопредѣленныхъ лѣтъ, съ плотно поджатыми губами, съ выцвѣтшими бѣлыми глазами. Миссисъ Гранди ограничена, невѣжественна, лицемѣрна и полна предразсудковъ. Себя она считаетъ олицетвореніемъ всѣхъ добродѣтелей, свѣточемъ ума, избраннымъ сосудомъ. Въ силу этого она иначе не говоритъ, какъ категорическими императивами. Для миссисъ Гранди существуетъ не просто церковь и религія, а „my church“, „my religion“, *моя* церковь, *моя* религія. Малѣйшее проявленіе самобытности, все то, чего миссисъ Гранди не понимаетъ, — она считаетъ тяжкимъ преступленіемъ. Когда она снисходитъ до бесѣды съ кѣмъ нибудь, то ея главный аргументъ: „Mrs Grundy said“ (такъ сказала миссисъ Гранди). Миссисъ Гранди глубоко презираетъ массы и считаетъ ихъ какими-то низшими существами, только для того и созданными, чтобъ служить ей. Она ни за что не пошлетъ своихъ дѣтей въ школу, гдѣ учатся дѣти, родители которыхъ стоятъ хоть-бы на одинъ дюймъ ниже на общественной лѣстницѣ, чѣмъ она.

Грэнтъ Аллэнъ глубоко презиралъ миссисъ Гранди и въ то же время почти двадцать лѣтъ писалъ повѣсти и романы, стараясь угодить вкусамъ этой самодовольной дуры.

Крайне интересенъ въ автобіографическомъ отношеніи разсказъ „Pot-Boiler“ *). Въ предисловіи къ сборнику, въ которомъ помѣщенъ этотъ разсказъ, Грэнтъ - Аллэнъ говоритъ, что „Pot-boiler“ не принадлежитъ къ числу произведеній, написанныхъ лишь для того, чтобы заткнуть глотку церберу - публикѣ: разсказъ нравится самому автору. Жилъ молодой, талантливый ху-

*) Презрительный терминъ, введенный Браунингомъ для обозначенія художниковъ и писателей, ушедшихъ всецѣло въ заботы о насущномъ хлѣбѣ и работающихъ только для этого. Съ особенной силой поэтъ выступилъ противъ pot-boilers въ поэмѣ Andrea del Sarto.

дожникъ Эрнэстъ Грей. Ему захотѣлось писать картины съ глубокимъ содержаніемъ; но такъ какъ у него были жена и ребенокъ, то онъ рисовалъ то, что могло бы найти покупателей, т. е. вѣчныя и безцвѣтныя „семейныя сцены“. Лишь этотъ родъ живописи понятенъ заплывшимъ саломъ биржевикамъ, покупающимъ картины. На „семейныхъ“ картинахъ всегда фигурировали дѣвочки съ тоненькими ножками, обутыми въ великолѣпныя шелковыя чулки, и одинъ и тотъ же пугливый, улыбающійся ребенокъ. „Все время, покуда Эрнэстъ Грей рисовалъ своихъ дѣвочекъ въ шелковыхъ чулкахъ и въ чистенькихъ платьицахъ, въ его головѣ роились другіе образы. Онъ жилъ въ другомъ мірѣ, чудномъ, поэтическомъ, полномъ глубокими символами... Какую бы прекрасную картину онъ могъ написать, если бы только кто нибудь заплатилъ за нее! Онъ въ мечтахъ часто писалъ эту картину... Но жизнь не мечта. Жизнь, увы! это очень солидная реальность. Въ силу этого, молодой художникъ все продолжалъ рисовать дѣвочекъ въ шелковыхъ чулкахъ. „Спросъ и предложеніе часто впрягаютъ въ извозчичью бричку—кровныхъ лошадей“. И вотъ разъ, когда Грэй рисовалъ семейную картину „Папа пришелъ!“—товарищъ его, богема Бернаръ Юмъ прочелъ ему поэму Браунинга о поэтахъ, убившихъ свой талантъ въ поискахъ за насущнымъ хлѣбомъ. Послѣ душевной бури, Грэй рѣшаетъ забросить на всегда „чулочный товаръ“ и засѣсть за большую картину, „Въ поискахъ за идеаломъ“, которая не была бы понята, навѣрное, меценатами. Она изображала отрядъ рыцарей, пробивающихся съ мечами въ рукахъ, въ густомъ лѣсу, къ таинственному прекрасному призраку, выдѣляющемуся среди деревьевъ. Картина быстро подвигалась впередъ. Когда Бернаръ Юмъ увидалъ ее, онъ пришелъ въ восторгъ. „Это—воплощеніе духа девятнадцатаго вѣка!—воскликнулъ онъ;—всего, что есть возвышеннаго и чистаго въ немъ. Духъ этотъ пытливъ, таинственъ, но, въ то же время, нерѣшителенъ и потерялъ кормило. Вѣра ушла. Небо утеряно; но за то добыта увѣренность, что земля не должна быть юдолью плача. Загорѣлыя лица вашихъ рыцарей выражаютъ, что они покончили со всѣми сомнѣніями; рыцарямъ не разъ приходилось разочаровываться; имъ приходилось разставаться съ воззрѣніями, которыя были имъ дороги; но теперь они твердо идутъ впередъ, сомкнувшись плечомъ къ плечу. Они видятъ уже идеалъ, къ которому стремятся“. Еще недѣлю проработалъ художникъ. Но вотъ однажды врывается въ мастерскую съ плачемъ жена: единственный ребенокъ заболѣлъ скарлатиной. Кисти и палитра брошены. Рыцари оставлены въ недописанномъ лѣсу. Три недѣли проболѣлъ ребенокъ. Три недѣли просидѣли у его изголовья мать и отецъ. И въ это время художникъ остановился на окончательномъ рѣшеніи. Когда ребенокъ выздоровѣлъ, Бернаръ Юмъ пришелъ вновь навѣстить пріятеля. Художникъ говоритъ ему:

— Въ то время, какъ я сидѣлъ у изголовья маленькой дочки, я передумалъ очень много и понялъ, что̀ будетъ истиннымъ героизмомъ. Быть можетъ, оно и хорошо говорить торжественнымъ и глухимъ басомъ о талантѣ, который тебѣ врученъ для пользы человѣчеству. Я самъ могу говорить на эту тему до безконечности; но я женился на Бертѣ, имѣю ребенка, и потому, прежде всего, обязанъ доставить имъ насущный хлѣбъ и сдѣлать ихъ счастливыми. Быть можетъ (я самъ увѣренъ, что такъ), истинный героизмъ заключается въ пожертвованіи всѣмъ ради идеала; но мнѣ кажется еще большій героизмъ заключается въ томъ, чтобы дѣлать работу, которую не любишь, ради ребенка и жены. Сравнительно, не трудно слѣдовать своему собственному влеченію. Я былъ безконечно счастливъ, когда писалъ мою картину „Въ поискахъ за идеаломъ". Но то, что вы мнѣ проповѣдывали, является лишь высшей формой самоугожденія. Если бы я послѣдовалъ моему влеченію, всѣ хвалили бы меня, но за это заплатили бы моя жена и мой ребенокъ. Нужно раньше подготовить и воспитать публику, а потомъ ужъ дать ей новыя произведенія. Если новаторъ богатъ, онъ можетъ говорить новое, не дожидаясь того, пока публика воспитана. Такъ было дѣло съ Броунингомъ. Если онъ одинокій, онъ можетъ провозглашать новое, даже будучи бѣденъ, ибо пострадаетъ лишь онъ одинъ. Но если художникъ женатъ и бѣденъ, тогда дѣло обстоитъ иначе. Онъ не имѣетъ права думать о чемъ либо другомъ раньше, чѣмъ обезпечитъ жену и дѣтей. Мнѣ кажется, тогда болѣе героизма заключается въ томъ, что человѣкъ засѣлъ за черную работу, чѣмъ въ томъ, что онъ послѣдовалъ за идеаломъ"...

Эрнестъ Грэй разрываетъ свою картину, бросаетъ ее въ огонь и вновь принимается за „чулочный товаръ". Миссисъ Гранди, конечно, съ большой похвалой отозвалась бы объ катехизисѣ пониманія долга. „Это случается со всякимъ, — заканчиваетъ уже отъ себя разсказъ Гр. Аллэнъ; но все же тутъ заключается цѣлая трагедія".

„Англійскій авторъ,—часто говорилъ Грэнтъ-Аллэнъ,—если только онъ не настолько богатъ, чтобы пренебрегать ненавистью миссисъ Гранди,—долженъ работать при условіяхъ, убивающихъ буквально душу". Съ тѣмъ же положеніемъ мы встрѣчаемся нѣсколько разъ въ повѣстяхъ и романахъ нашего автора.

— Господа,—говоритъ своимъ застольнымъ собесѣдникамъ литераторъ Чарльзъ-Пауэль („Ivan Greet's Masterpiece")—въ нашъ вѣкъ имѣющій что либо новое высказать міру долженъ быть богатъ и совершенно независимъ. Въ противномъ случаѣ, ему не позволятъ ничего высказать. Если онъ бѣденъ, онъ долженъ прежде всего заработывать средства къ существованію, а для этого приходится писать, что не хочешь. Приходится дѣлать такую работу, которая душитъ и заглушаетъ образы и мысли, роя-

щіеся у писателя въ головѣ. Издатель является хозяиномъ положенія. То, чего онъ требуетъ,—оплачивается хорошо... Мы живемъ хлѣбомъ насущнымъ. Мы прежде всего должны ѣсть, иначе какъ же мы станемъ писать эпическія поэмы или философствовать. Нашъ вѣкъ требуетъ, чтобы мы пожертвовали нашей индивидуальностью. Быть можетъ, будетъ житься легче, когда Моррисъ и Беллами отольютъ міръ въ новую форму: жизнь будетъ проще и средства къ существованію станутъ добываться съ меньшимъ трудомъ. Но пока все по старому, я подчиняюсь неизбѣжному. Я стану писать, что мнѣ закажетъ издатель, и буду ѣсть, и пить. Моя философія обождетъ, покуда я разбогатѣю и добуду досугъ. Тогда я выскажу все, что думаю.

Въ предисловіи къ одному сборнику разсказовъ Грэнтъ-Аллэнъ говоритъ уже отъ себя: „Здѣсь, кромѣ произведеній, написанныхъ, чтобы понравиться редакторамъ, есть два три разсказа, нравящихся мнѣ... Таковы разсказы „Шестая заповѣдь“ и „Недостающее звено“. Они появляются въ этомъ сборникѣ въ первый разъ. Я ихъ посылалъ во всѣ журналы; повсюду мнѣ ихъ возвращали назадъ. Когда вы пишете, что вамъ нравится,—разсказъ не найдетъ мѣста въ лондонскомъ журналѣ. До сихъ поръ я обыкновенно бросалъ въ огонь мертворожденныхъ дѣтей моей фантазіи. Теперь я рѣшилъ измѣнить тактику и печатаю ихъ.

Мнѣ припоминается характеристика, сдѣланныя Миллемъ: „У насъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ настоящее направленіе общественнаго мнѣнія не представляетъ самостоятельныхъ проявленій личности. Мало того, что оно умѣренно по своему разуму, но умѣренно и въ своихъ наклонностяхъ: въ немъ нѣтъ ни желаній, ни страстей на столько сильныхъ, чтобы оно рѣшилось на что нибудь необыкновенное, и вотъ, не понимая такихъ людей, которые способны браться за сильныя рѣшенія, умѣренная середина причисляетъ все личное и независимое къ дикому и неумѣренному, на которые она уже привыкла смотрѣть съ пренебреженіемъ“ (On Liberty). Характеристика „black coated classes“, „хорошо воспитаннаго невѣжества“ (оба термина принадлежатъ Гр. Ал.), сдѣланная Миллемъ, совпадаетъ съ оцѣнкой Гр. Аллэна. Но только Милль не училъ, что мыслитель долженъ поглупѣть и писать пошлости, чтобы угодить миссисъ Гранди, если только онъ самъ не богатъ.

— Всю мою жизнь я только и дѣлалъ, что старался въ интересахъ ремесла (as a matter of business) попасть въ тонъ публикѣ, съ которой у насъ нѣтъ ничего общаго во взглядахъ на политику, на соціальные вопросы, этику, литературу и т. д.— Эти слова мнѣ пришлось слышать самому отъ Грэнтъ-Аллэна.

IV

На первое время талантъ протестовалъ противъ вѣчнаго угожденія самодовольной, глупой, невѣжественной миссисъ Гранди. Въ душѣ накипали вопросы, которые хотѣлось отлить въ образахъ. И вотъ разъ талантъ взялъ верхъ. Авторъ засѣлъ за романъ. „Тема меня захватила всецѣло. Я писалъ, пылая энтузіазмомъ,—говоритъ Гр.-Аллэнъ. Я вложилъ въ произведеніе всю душу и влилъ туда, что было мнѣ особенно дорого. Я много работалъ, передѣлывая много разъ каждую главу. И наконецъ произведеніе было готово". То былъ романъ: „Woman who did". Издатель, прочитавъ рукопись, пришелъ въ ужасъ и дружески посовѣтовалъ Грэнтъ-Аллэну сжечь ее поскорѣе, покуда никто не видалъ. Романистъ не послушался и напечаталъ романъ на свой счетъ. Поднялся журнальный шквалъ. Автора проклинали съ ужасомъ и съ отвращеніемъ въ газетахъ, съ церковныхъ папертей, въ гостиныхъ. Романъ сразу попалъ въ категорію „неприличныхъ". Нужно имѣть въ виду слѣдующее. Въ настоящее время можно совершенно свободно высказывать въ Англіи самыя крайнія политическія или философскія доктрины. Никто не будетъ шокированъ. За то есть одна тема, касаться которой не дерзаютъ самые смѣлые романисты, тема, за которую грудью стоитъ миссисъ Гранди: сфера личныхъ отношеній между мужчиной и женщиной. „Нѣтъ другой любви, кромѣ той, которая разрѣшена правильно выполненнымъ брачнымъ контрактомъ. Романъ кончается, разъ этотъ контрактъ подписанъ. Всякая любовь внѣ этого—неприличная гадость, о которой писать нельзя"—такъ можно формулировать воззрѣнія миссисъ Гранди. Воззрѣнія эти проводятся деспотически всюду. Мнѣ кажется, талантливые англійскіе романисты разрабатываютъ такъ усиленно авантюру еще потому, что имъ настрого заказано миссисъ Гранди посвящать свой талантъ анализу цѣлой области психической жизни. Вопросы, которые кажутся давно рѣшенными на континентѣ, средней англійской публикѣ кажутся страшно смѣлыми и новыми, и наоборотъ, многіе вопросы, которые кажутся страшно смѣлыми на континентѣ, кажутся совершенно простыми и естественными въ Англіи. Миссисъ Гранди никакъ не могла помириться съ „неприличіемъ" Ибсена (жена уходитъ отъ мужа). „Накануне" Тургенева шокируетъ миссисъ Гранди. Одинъ не умный, но лютый руссофобъ, какъ образецъ безнравственности русскихъ, указалъ на то, что Елена считается героиней въ Россіи. Миссисъ Гранди признаетъ лишь одинъ романъ Толстаго, Анну Каренину и именно за то, что „ужасная женщина, ушедшая отъ мужа", погибаетъ подъ поѣздомъ. Въ силу этого, англійскому автору нужно имѣть много мужества не для того,

чтобы высказать въ печати новую политическую или философскую доктрину, а для того, чтобы трактовать любовь иначе, чѣмъ того требуетъ миссисъ Гранди. А романъ Грэнтъ-Аллэна былъ именно произведеніемъ подобнаго рода. Критическія статьи, вызванныя романомъ, составили цѣлую литературу. Общій выводъ былъ таковъ: никогда еще не появлялось ничего болѣе безнравственнаго, чѣмъ „Woman who did". Я выберу изъ этой груды „критическихъ" статей одну, подписанную сравнительно извѣстнымъ именемъ—миссисъ Миллисентой Фаусетъ. (Contemporary Review, 1895, V). „Нѣкоторые мои друзья, прочитавшіе романъ, смотрятъ на него, какъ на сатиру. Романъ,—говорятъ они,—отнюдь не является посягательствомъ на брачный институтъ и на семью; напротивъ, онъ желаетъ поддержать ихъ, показывая, какая страшная деморализація наступитъ, когда эти институты будутъ разрушены.—Можно много сказать по поводу этого мнѣнія и прежде всего то, что оно не основательно. Прочитавъ внимательно романъ отъ доски до доски, я пришла къ заключенію, во всякомъ случаѣ, что авторъ не иронизируетъ. Онъ дѣйствительно думаетъ разрушить бракъ; онъ дѣйствительно желаетъ ослабить узы семьи; онъ дѣйствительно вѣритъ, что цѣломудріе вредно и жестоко... Авторъ совершенно искренно ненавидитъ свою родную страну, клянетъ ее и говоритъ, что она „покрыта коростой респектабельности". Въ его глазахъ патріотизмъ—предосудительный порокъ, столь же зазорный, какъ и вѣрность клятвѣ, данной предъ алтаремъ. Авторъ называетъ англичанъ гнусной націей. Онъ не скрываетъ своего отвращенія къ женскимъ университетамъ въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ, п. ч. воспитывающіяся тамъ дѣвушки не хотятъ внимать глупостямъ, проповѣдываемымъ авторомъ, и остаются обыкновенными, здравомыслящими англичанками. Ибо здравый смыслъ—другой пунктъ, противъ котораго ополчается Грэнтъ-Аллэнъ. И всѣ эти мерзости размазаны на 240 стр." (p. p. 626 — 631). Это, какъ видите, настоящій обвинительный актъ. „Общественный переворотъ, намѣченный въ романѣ,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ суровый критикъ,—практическимъ результатомъ своимъ имѣлъ бы не освобожденіе женщины, а распутство; онъ породилъ бы безконечное униженіе женщины и создалъ бы анархію въ наиболѣе незыблемыхъ человѣческихъ отношеніяхъ: въ отношеніяхъ между мужемъ и женой и между родителями и дѣтьми... По словамъ Гр.-Аллэна, наша скверная Англія не много еще дала такихъ типовъ, какъ героиня. И слава Богу. Въ противномъ случаѣ, пришлось бы выстроить новое отдѣленіе Бэдлама". Очень часто, вмѣсто критики, миссисъ Фаусетъ ограничивается категорическимъ замѣчаніемъ: „Это мнѣніе до того нелѣпо и дико, что не заслуживаетъ даже опроверженія" (p. 630). Заканчиваетъ свою статью миссисъ Фаусетъ не менѣе патетически. „Обезьяна и тигръ, жи-

вущіе въ мужчинѣ, возстаютъ иногда противъ тѣхъ узъ, которыми цивилизація сковала ихъ похоть. По мѣрѣ того, какъ цивилизація растетъ, обезьяна и тигръ слабѣютъ. Порой, однако, они пытаются разорвать оковы и издаютъ глухое рычаніе. Доказательствомъ тому является романъ Грэнтъ-Аллэна".

Знающій романъ готовъ обратиться къ суровому критику съ тѣми же словами, что Клитандтъ къ Армандѣ въ „Ученыхъ женщинахъ":

«Hé! doucement, de grâce. Un peu de charité,
Madame, ou tout au moins un peu d'honnêteté»!

Познакомимся въ общихъ чертахъ со страшнымъ произведеніемъ. Романъ вышелъ съ двумя предисловіями автора. И оба крайне лаконичны. „Писано въ Перуджіи весною 1893 г. Въ первый разъ въ моей жизни я писалъ, прислушиваясь только къ тому, что диктовала мнѣ совѣсть и литературный вкусъ". Это—первое предисловіе. Другое не менѣе сжато. „Мой другъ сказалъ мнѣ: „навѣрное ни одна женщина не осмѣлится поступить такъ". Я отвѣтилъ: „я знаю женщину, которая поступила такъ и вотъ ея исторія". На нашъ взглядъ, въ романѣ нѣтъ ничего ужаснаго; нѣтъ ничего такого, что не было бы сказано болѣе полустолѣтія тому назадъ Жоржъ-Зандъ. „Woman who did" это—романъ англійской Леліи, Герминіи Бартонъ, болѣе реальной, но менѣе протестующей, чѣмъ героиня Жоржъ Зандъ. Стеніо романа—не поэтъ, но художникъ—Алланъ Меррикъ. Героиня не желаетъ накладывать на себя и на своего избранника узъ. Герминія отравляется, подавленная пошлостью и нетерпимостью миссъ Гранди. Англійская Лелія не является Сивиллой; не произноситъ бурныхъ монологовъ въ родѣ слѣдующаго: „истина, истина, гдѣ-же ты! десять тысячъ лѣтъ тебя ищутъ, и десять тысячъ лѣтъ, въ отвѣтъ на эти исканія, со всѣхъ сторонъ этой проклятой земли раздается лишь безотрадный стонъ всего живущаго"! Мнѣ кажется, русскаго читателя поразитъ въ романѣ лишь нѣкоторая приподнятость тона. Вотъ, напр., описаніе героини. „Она была высокая брюнетка. Черные, густые волосы тяжелой волной падали на плечи; отдѣльные локоны почти закрывали высокій, прекрасный лобъ. На миссъ Бартонъ было странное, восточнаго покроя платье изъ темносиней мягкой, шерстяной матеріи, ниспадавшей красивыми складками. То былъ родъ мѣшка безъ рукавовъ, затканный арабесками изъ золотыхъ нитей и перехваченный въ таліи золоченымъ поясомъ съ мавританской пряжкой, украшенной драгоцѣнными камнями"... Но въ особенности поразило Алана Меррика (Стеніо романа)—лицо. „Это прежде всего было лицо свободной женщины. Во взорѣ Герминіи сіяло нѣчто такое открытое и безстрашное, что Аланъ, цѣнившій въ людяхъ болѣе всего независимость, былъ пораженъ".

Грэнтъ-Алленъ, повидимому, не рѣшился нарядить свою Лилію въ прозаическую юбку и блузу, какъ носятъ всѣ англичанки. Для „героинь“ нужны „восточные хитоны“, расшитые золотомъ и перехваченные мавританскими поясами съ драгоцѣнными камнями. „Героинѣ“ рѣшительно было все равно до того, что скажутъ филистеры. Она избрала своимъ девизомъ: „Aiut: quid aiut? aiant“. Въ романѣ гораздо болѣе разсужденій, чѣмъ дѣйствія. Вотъ то мѣсто о воспитаніи женщинъ въ Кембриджѣ, которое отмѣчаетъ въ своемъ обвинительномъ актѣ миссисъ Фаусетъ: „Чтобы женщины стали свободны, имъ нужно воспитаніе свободныхъ людей,—говоритъ Герминія. Воспитаніе же въ Гиртонѣ *) является лишь пародіей. Въ сущности говоря, мои подруги по университету такъ же скованы предразсудками, какъ и всякія другія дѣвушки. Главной цѣлью гиртонской коллегіи является—дать образованіе дѣвушкѣ, не освобождая ея разума. Насъ пытаются развить интелектуально; но въ моральномъ и соціальномъ отношеніи насъ желаютъ держать также взаперти, какъ и прежде“. Вотъ одно изъ самыхъ „страшныхъ“ мѣстъ романа. „Мужчина... долго не можетъ оставаться одинокимъ. Онъ *долженъ* жениться молодымъ; или, во всякомъ случаѣ, если онъ не женится, онъ долженъ найти товарища-женщину по сердцу, помощника въ жизни. То, что обыкновенно зовется въ подобныхъ случаяхъ благоразуміемъ, есть лишь замаскированный порокъ. Наиболѣе чистые и лучшіе люди женятся раньше двадцати лѣтъ. Лишь люди себялюбивые, мелочные и разсчетливые ждутъ до тѣхъ поръ, „покуда явятся средства, чтобы жениться“. Подлая фраза эта плохо прикрываетъ порокъ, зіяющій подъ нею. Истинный мужчина, способный любить, долженъ любить, покуда онъ юноша. Это—первая необходимость въ жизни. Хлѣбъ, одежда, домъ, опредѣленный доходъ—все это отступаетъ на задній планъ передъ главной, насущной потребностью. Есть нѣсколько теорій, стремящихся остановить ростъ населенія. Самая худшая и самая подлая изъ нихъ предложена Мальтусомъ. Его „благоразуміе“ замѣняетъ бракъ въ расцвѣтѣ жизни—проституціей“. (Woman who did, p. 26—27).

Миссисъ Гранди объявила, что романъ достоинъ того, чтобы его сожгли рукой палача. Грэнтъ-Алленъ смирился. Мораль литературной лягушки-древесницы, мѣняющей шкурку сообразно съ сезономъ года — взяла верхъ. Грэнтъ-Алленъ, затаивъ глубокую ненависть къ миссисъ Гранди, сталъ поставлять романы съ приключеніями, романы съ убійствами и сыщиками, сообразно сезону. Были въ модѣ русскіе сектанты,—онъ писалъ повѣсти изъ ихъ жизни въ Канадѣ („Karen“), затѣмъ пошелъ „сезонъ“ трансваальскихъ буровъ, клондейкскихъ пріискателей,

*) Женская коллегія въ Кэмбриджѣ.

итальянской „мафіи“ и „каморы“ и т. д., и т. д. безъ конца. Безъ сомнѣнія, эти романы Гр.-Аллэна неизмѣримо выше модной мазни современныхъ знаменитостей Конона Дойли, Маріи Корелли или Гая Бузсби. Романы Гр.-Аллэна написаны живо, остроумно и мѣстами не безъ таланта. Авторъ все же путешествовалъ много и много зналъ; въ силу этого, ему не приходилось писать романовъ изъ жизни гаучо послѣ знакомства съ страной по картѣ Южной Америки, а couleur' local заимствовать изъ испанско-англійскаго словаря *); но все же, по собственному выраженію Грэнтъ-Аллэна, большинство его романовъ написаны ради рыночнаго спроса на нихъ. Въ сборникахъ разсказовъ Гр.-Аллэна мы находимъ иногда настоящія жемчужины (напр., трогательный разсказъ „Tom's Wife“, идиллію Ivan Greet's Masterpiece, гдѣ дѣйствіе происходитъ на Ямайкѣ, которую авторъ знаетъ хорошо). По нимъ мы видимъ, что у Гр.-Аллэна былъ настоящій художественный талантъ. Автору пришлось пройти еще одно испытаніе. Миссисъ Гранди—суевѣрна; только чертей, домовыхъ и вѣдьмъ она замѣнила привидѣніями, живущими въ мірѣ, лежащемъ за четвертымъ измѣреніемъ. Выходитъ, по ея мнѣнію, совсѣмъ „научно“. Миссисъ Гранди большая любительница „спиритическихъ“ разсказовъ. Такъ какъ она вѣритъ въ выходцевъ съ того свѣта, то она требуетъ „истинныхъ происшествій“. И вотъ въ „магазинахъ“ (т. е. литературныхъ сборникахъ) появляются безконечныя серіи „Real Ghost stories“ т. е. истинныхъ происшествій, въ которыхъ фигурируютъ привидѣнія. Для этнографа и соціолога этотъ рецидивъ грубаго суевѣрія среди „black-coated classes“, вѣроятно, представлялъ бы много поучительнаго; но теперь не стану останавливаться на этомъ явленіи. Гранди потребовала у Грэнтъ-Аллэна повѣстей съ привидѣніями, притомъ, замѣтьте *Real* ghost stories. И вотъ, естествоиспытатель, горячій поклонникъ Спенсера и Дарвина, написавшій книгу о генезисѣ вѣры въ привидѣнія,

---

*) „Couleur local“ накладывается, приблизительно, такъ. Романистъ пишетъ, скажемъ, такую фразу: „Возлюбленный молодой дѣвушки осѣдлалъ лошадь, взялъ ружье, засунулъ за поясъ револьверъ (безъ послѣдняго—романъ не романъ), надвинулъ шляпу и поскакалъ“. Затѣмъ идетъ справка съ испанскимъ словаремъ, и авторъ начинаетъ накладывать „мѣстный калоритъ“, т. е. замѣняетъ нѣсколько англійскихъ словъ—испанскими. Фраза принимаетъ послѣ этой операціи точный видъ: „*Amoroso* молодой дѣвушки осѣдлалъ *caballo*, засунулъ за поясъ *pistola*, взялъ *carabina*, надвинулъ *sombrero* и поскакалъ“. По этому рецепту пишутся романы изъ какой угодно жизни. Насъ, русскихъ журналистовъ, иногда просятъ назвать нѣсколько „real russian names“ (настоящихъ русскихъ именъ) для повѣстей изъ „русской“ жизни. Рецептъ приготовленія „русской“ повѣсти слѣдующій: „двѣ княгини, десять нигилистовъ, стая волковъ и снѣжная мятель. Смѣшать все и сдобрить *мѣстнымъ колоритомъ*, т. е. пятью, шестью словами, въ томъ числѣ и „водка“, „изба“ и „мужикъ“...

начинаетъ писать таинственные разсказы. Миссисъ Гранди не хочетъ сказокъ, не хочетъ таинственнаго элемента, какъ поэтическаго начала. Привидѣнія существуютъ. „Пишите дѣйствительный случай, когда они появились“,—приказала миссисъ Гранди.

Интересно видѣть, какъ выпутался Гр.-Аллэнъ изъ затруднительнаго положенія. Онъ написалъ не лишенный поэзіи и оригинальности разсказъ „Pallinghurst Barrow“. Привидѣнія въ немъ фигурируютъ; но естествоиспытатель оставилъ лазейку для себя: герой Рудольфъ Ривъ видитъ ихъ послѣ того, какъ взялъ сильный пріемъ Canabis Indica, лѣкарства, хорошо знакомаго современнымъ парижскимъ демонологамъ и, говорятъ, средневѣковымъ вѣдьмамъ. Но авторъ оставилъ въ то же время вопросъ открытымъ для миссисъ Гранди: привидѣнія видитъ также двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, не принимавшая настоя индійской конопли. Содержаніе повѣсти таково. Переутомившійся ученый Рудольфъ Ривъ гоститъ въ деревнѣ у богатой дамы. Передъ закатомъ солнца, осенью, онъ сидитъ на Pallinghurst Barrow, на курганѣ доисторическихъ временъ. Онъ чувствуетъ внезапно странное ощущеніе, какъ будто внутри въ курганѣ копошится и ползаетъ что то невѣдомое, волосатое, жившее въ отдаленныя времена. Ученый идетъ домой и ему кажется, что „невѣдомое“ слѣдуетъ зъ нимъ. Ривъ испытываетъ какой то гнетъ. За обѣдомъ двѣнадцатилѣтняя дѣвочка сообщаетъ, что сегодня день осенняго равноденствія; и въ эту ночь надъ холмомъ виденъ бываетъ голубоватый огонь. Говорятъ, что тамъ давно давно похороненъ кто то, кто былъ богомъ и кому приносили жертвы, убивая ихъ кремневыми топорами. Одинъ изъ обѣдающихъ, профессоръ Спенсъ, даетъ научное объясненіе происхожденія легенды. Курганъ этотъ—одна изъ могилъ, въ которыхъ хоронило своихъ вождей племя, что жило въ Англіи до вторженія арійцевъ. Эти курганы, въ которыхъ покойники похоронены въ сидячемъ положеніи, породили всѣ легенды о таинственныхъ горахъ и подземныхъ гномахъ. Племя, похороненное въ курганахъ, пикты, приносило человѣческія жертвы.—Странно слѣдующее обстоятельство,—говоритъ д-ръ Портеръ, другой собесѣдникъ, матеріалистъ, — люди видятъ лишь привидѣнія, жившія на землѣ, сравнительно, не много лѣтъ тому назадъ. Мы слышали много разсказовъ про привидѣнія въ костюмахъ XVIII вѣка, ибо всѣ по картинамъ имѣютъ ясное представленіе о томъ, что въ прошломъ вѣкѣ носили пудренные парики и шитые камзолы. Никто никогда не видалъ привидѣнія, одѣтаго въ древній костюмъ англо-саксовъ, ибо эти костюмы извѣстны лишь ученымъ, а послѣднихъ привидѣнія, повидимому, не любятъ.

Къ ночи голова у Рудольфа Рива сильно разбаливается и онъ выпиваетъ Canabis Indica, но, по ошибкѣ, принимаетъ слишкомъ сильный пріемъ. Головная боль еще усилилась. Ривъ про-

буетъ читать сборникъ народныхъ легендъ; но не можетъ. Онъ думаетъ о теоріи д-ра Портера о томъ, что мы видимъ только тѣхъ духовъ, которыхъ мы желаемъ увидать. Около двухъ часовъ ночи Ривъ видитъ изъ окна надъ курганомъ голубоватое пламя. Онъ замѣтилъ также у окна другой комнаты дѣвочку, разсказывавшую ему за обѣдомъ про курганъ. Она подняла руку, указала Риву на пламя и сказала: „ступайте!“ „Рудольфъ находился теперь въ странномъ состояніи самовнушеннаго гипноза. Всякое приказаніе для него было закономъ. Дрожа, онъ поднялся, спустился съ лѣстницы и пошелъ по направленію къ кургану“. Пропускаю, какъ Ривъ подошелъ къ кургану, какъ онъ вошелъ туда. Когда Рудольфъ снова открылъ глаза, странное зрѣлище представилось ему. Мгновенно онъ сознаЛъ, что вѣка ушли назадъ; онъ перенесся въ другой міръ, за семь тысячъ лѣтъ. Съ точностью ученаго описываетъ авторъ внутренность кургана пиктовъ. Фантазія его воскрешаетъ пещерныхъ обитателей, смуглыхъ, съ выдающимся челюстями, съ огромными надбровными дугами, съ уходящими назадъ лбами, закрытыми спутанными волосами. Они готовы принести Рива въ жертву своему убитому вождю... На утро находятъ Рива въ безсознательномъ состояніи возлѣ кургана. „Бѣдняга!—говоритъ др. Портеръ,—онъ, повидимому, принялъ слишкомъ сильный пріемъ настойки индійской конапли“. Послѣ обѣда къ больному зашла дѣвочка.

— Такъ вы вырвались изъ рукъ короля кургана?—говоритъ она.

— Да; но какъ вы узнали?—спросилъ Ривъ, довольный, что можетъ поговорить съ кѣмъ нибудь о своемъ приключеніи.

— Около двухъ часовъ ночи я увидала, что огни на курганѣ горятъ ярче.... Я задрожала отъ ужаса. Затѣмъ они погасли вновь, и я услышала стоны и крики отчаянья. И я тогда поняла, что жертва вырвалась изъ рукъ короля.

Этимъ заканчивается разсказъ. Грэнтъ Аллэнъ уподобился въ немъ бобру, который, какъ извѣстно, оставляетъ всегда двѣ двери. Авторъ тоже оставилъ двѣ двери: одну для себя, другую для миссисъ Гранди. Я могу только сказать, что огромная литература „ghost stories“ неизмѣримо хуже разсказа Гр.-Аллэна. Послѣдній воскресилъ сѣдую старину, оставаясь при этомъ этнографомъ и антропологомъ. Другіе же сочинители просто выдумываютъ грубыя нелѣпости и выдаютъ ихъ за дѣйствительность.

Безпрерывное угожденіе вкусамъ глупой миссисъ Гранди, не смотря на навыкъ, должно опротивѣть. И тогда Грентъ Аллэнъ обращался въ видѣ отдыха къ научнымъ занятіямъ. Онъ страстно любилъ природу и ненавидѣлъ городъ.

— Городъ,—говорилъ онъ, — мертвъ. Есть восхищающіеся имъ. Бѣдные слѣпцы! Они мотивируютъ свое восхищеніе тѣмъ, что „въ городахъ жизнь кипитъ“. Но гдѣ же эта жизнь? На

улицахъ ни одной былинки; въ переулкахъ не видать цвѣтовъ, а на холодныхъ камняхъ мостовой—жуковъ и бабочекъ. Кирпичъ и известь убили всякую жизнь. Лично я люблю больше кипящія жизнью поля, чѣмъ эти созданныя человѣкомъ вымощенныя пустыни съ населяющими ихъ дураками и мошенниками.

„Vignettes from Nature“, „The Evolutionist at Large“ и безчисленное множество увлекательныхъ популярныхъ очерковъ доказываетъ, что для Грэнтъ-Аллэна поля, дѣйствительно, были болѣе населены, чѣмъ созданныя человѣкомъ пустыни. Въ городахъ онъ видѣлъ лишь „миссисъ Гранди“, которую ненавидѣлъ и презиралъ. И изъ за этого презрѣнія онъ проглядѣлъ, что въ городахъ живутъ еще кое-кто, кромѣ миссъ Гранди.

Есть старинная и странная испанская драма, „El embozado a el encapotado“. Герою во всѣхъ планахъ жизни мѣшаетъ непостижимый уму, таинственный замаскированный врагъ, своего рода Аласторъ. Всѣ попытки героя открыть имя врага кончаются неудачей. Въ концѣ концовъ, взбѣшенный герой заставляетъ незнакомца снять маску. „Embozado“ дѣлаетъ это и спрашиваетъ: „удовлетворены ли вы?“ Герой узнаетъ во врагѣ самого себя и умираетъ, пораженный ужасомъ. Такимъ же „врагомъ самого себя“ былъ Грэнтъ Аллэнъ. Онъ отдалъ весь свой огромный талантъ глупой, невѣжественной, самодовольной миссисъ Гранди, стараясь угодить ей, онъ вынесъ изъ жизни лишь ненависть и отвращеніе. Въ странѣ менѣе уравновѣшанной и менѣе зрѣлой въ общественномъ смыслѣ, чѣмъ Англія, писатель съ такимъ громаднымъ талантомъ, какъ Гр.-Аллэнъ, и съ такой готовностью стать „бабочкой лепталисомъ“ могъ бы принести неисчислимый вредъ; но здѣсь онъ былъ лишь „врагомъ самого себя“.

Діоне.

Черная армія противъ республики.

(Письмо изъ Франціи).

У жизни есть своя несокрушимая логика, которая изъ опредѣленныхъ фактическихъ посылокъ выводитъ опредѣленныя фактическія заключенія. Болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ я указалъ на опасные симптомы милитаристской и клерикальной реакціи, которая сдѣлала такіе успѣхи при „прогрессивномъ“ министерствѣ Мелина. Я отмѣчалъ усиленіе культа милитаризма, сказывавшееся въ чествованіи рѣчами и статуями такихъ подозритель-

ныхъ въ республиканскомъ смыслѣ генераловъ, какими были Макъ-Магонъ, Канроберъ, Бурбаки. Я обращалъ вниманіе читателей на угрожающій походъ клерикаловъ противъ свѣтской цивилизаціи подъ покровомъ и на почвѣ папскихъ энцикликъ, приглашавшихъ католиковъ „присоединиться" формальнымъ образомъ къ республикѣ, съ тѣмъ, чтобы разрушить самые принципы ея. Послѣдующія событія показали, что я не преувеличивалъ опасностей, угрожавшихъ свободному политическому режиму во Франціи, и различныя перипетіи дѣла Дрейфуса раскрыли глаза самымъ умѣреннымъ республиканцамъ на силу и широту того реакціоннаго теченія, мутныя волны котораго чуть не захлестнули бѣдной и довѣрчивой Маріанны. Это пробужденіе демократическихъ элементовъ и объясняетъ, между прочимъ, образованіе министерства „республиканской защиты", которое должно опираться на различныя фракціи республиканской партіи и которому нельзя отказать, по крайней мѣрѣ, въ искреннемъ желаніи отстаивать свѣтскую цивилизацію противъ вѣчныхъ враговъ ея. Вышедшая было изъ моды фраза Гамбетты: „клерикализмъ—вотъ нашъ врагъ" снова получаетъ свое прежнее значеніе, и „новому духу" фальшивыхъ республиканцевъ приходится оплакивать „тираннію" правительства, которое своими податными, ассоціаціонными, образовательными и т. п. законопроектами пытается положить извѣстные предѣлы безпрерывному заговору реакціонеровъ противъ свободныхъ учрежденій страны. Я и хочу посвятить эту статью выясненію истиннаго характера французскаго клерикализма, какъ въ виду жгучести этого вопроса, такъ и для устраненія различныхъ ложныхъ представленій по этому предмету, представленій, усердно распространяемыхъ самими заинтересованными въ томъ клерикалами.

Прежде всего надо разъ навсегда установить то положеніе, что клерикализмъ есть законное дѣтище католицизма, и что между тѣмъ и другимъ разница не больше той, какая замѣчается между теоріей и практикой, между принципомъ и его приложеніемъ. Католицизмъ и клерикализмъ въ сущности представляютъ собой одну и ту же вещь, и пытаться указать границу между ними значитъ „расщепливать волосъ на четыре части", какъ картинно характеризуютъ французы игру въ безполезныя тонкости. Когда двадцать лѣтъ тому назадъ республиканцы принуждены были вступить въ ожесточенную борьбу съ клерикалами и провести рядъ мѣръ, охранявшихъ свѣтское общество отъ вторженія духовной реакціи, ораторы правой во время парламентскихъ преній неизмѣнно повторяли: „не смѣйте касаться этого или того клерикальнаго,—какъ говорите вы,—учрежденія: это не клерикальное, а истинно католическое начало, ибо нѣтъ разницы

между клерикализмомъ и католицизмомъ". И депутаты лѣвой, главнымъ образомъ оппортунисты, возражали на то, пытаясь именно отграничить одно понятіе отъ другого. Въ послѣдніе же года клерикалы стали на болѣе удобную для нихъ точку зрѣнія ихъ прежнихъ противниковъ, и вы могли слышать, напр., изъ устъ такого реакціонера, какъ Кассаньякъ, комичное заявленіе, что онъ—католикъ, но не клерикалъ. На этомъ же различеніи держалась и вся политика „присоединившихся", когда „прогрессисты" въ родѣ Мелина и К° распахивали настежь этимъ лицемѣрнымъ друзьямъ двери республиканской цитадели и предупредительно усаживали ихъ на лучшія мѣста. Съ другой стороны крайняя лѣвая становится теперь на точку зрѣнія, которую клерикалы развивали двадцать лѣтъ тому назадъ, и приглашаетъ правительство на борьбу противъ католицизма, именно указывая на то, что въ періодъ открытой вражды сами же сторонники клерикализма не находили никакой разницы между нимъ и католицизмомъ.

И, въ сущности говоря, достаточно самаго поверхностнаго знанія догмъ и исторіи развитія католицизма, чтобы признать справедливость такой точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое клерикализмъ? Это—ни болѣе ни менѣе какъ католицизмъ, но католицизмъ историческій, католицизмъ реальный, католицизмъ, совлеченный съ лазурныхъ облаковъ теологической фантазіи и поставленный на почву дѣйствительности, словомъ католицизмъ какъ онъ есть и какъ онъ проявляется среди живыхъ людей. У каждой системы, у каждаго міровоззрѣнія есть своя логика, которая связываетъ необходимо различныя части его, подобно тому, какъ у всякаго организма есть біологическая зависимость между органами. И всякое міровоззрѣніе развивается опредѣленнымъ образомъ опять таки подобно тому, какъ организмъ пробѣгаетъ опредѣленныя фазы эволюціи. А католицизмъ принадлежитъ къ числу наиболѣе цѣльныхъ и наилучше организованныхъ міросозерцаній. Въ его основныхъ догматахъ заключается уже вся исторія его послѣдующаго развитія, и папа рано или поздно, но долженъ явиться на извѣстной ступени эволюціи съ его обязательною для всѣхъ вѣрующихъ католиковъ непогрѣшимостью. Точно также въ извѣстной историческій моментъ абстрактныя построенія католицизма превращаются въ практическую организацію клерикализма съ его безусловнымъ притязаніемъ господствовать столь же надъ тѣломъ, какъ и надъ духомъ людей, и съ подчиненіемъ свѣтскаго общества духовной власти. Различать между католицизмомъ и клерикализмомъ представляетъ съ практической точки зрѣнія такое же безплодное умственое упражненіе, какъ различать между абстрактнымъ характеромъ человѣка, неизвѣстнымъ даже самому ему, и характеромъ человѣка, поскольку онъ обнаруживается въ его словахъ и дѣйствіяхъ.

Правда, подъ давленіемъ необходимости, католицизмъ нѣсколько разъ въ разныя времена и въ разныхъ странахъ надѣвалъ на себя маску чисто духовнаго авторитета, царство котораго не отъ міра сего, который поэтому, молъ, отнюдь не вмѣшивается въ свѣтскія дѣла. Но природа брала свое, и по минованіи надобности католицизмъ являлся тѣмъ, чѣмъ и есть на самомъ дѣлѣ, т. е. системой клерикализма, тиранія котораго рѣшительно не знаетъ предѣловъ и ревниво старается овладѣть всѣмъ человѣкомъ и всею совокупностью общественной жизни. Такъ упругая стальная пружина, придавленная грузомъ, моментально выпрямляется, какъ только снимешь тяжесть. Во Франціи, странѣ галликанизма и сильной центральной власти, которая имѣла такихъ типичныхъ представителей, какъ Людовикъ XIV и Наполеонъ I, духовенство оказалось въ концѣ концовъ проникнутымъ идеями ультрамонтанства,—мало того: въ этомъ вѣкѣ оно скорѣе растеряло прежній багажъ галликанскихъ взглядовъ относительно извѣстной независимости національной церкви отъ папы. Ибо если каноническое право, идущее отъ среднихъ вѣковъ, торжественно провозглашало, что „подданные еретическаго государя освобождаются отъ всякой обязанности по отношенію къ нему, отъ всякой вѣрности и отъ всякаго почтенія“, то аббатъ Пельтье (Peltier), переведшій въ 50-хъ годахъ съ латинскаго одну ультрамонтанскую книгу прошлаго вѣка, преспокойно строитъ такого рода теорію:

Разъ свѣтскія вещи имѣютъ важность для спасенія государей и народовъ, по причинѣ законнаго или преступнаго употребленія, которое они изъ нихъ дѣлаютъ, то сказать, что короли, которымъ принадлежитъ высшее управленіе свѣтскими дѣлами, не подлежатъ въ этомъ пунктѣ никакой церковной власти, и что ихъ подданные ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть освобождены отъ вѣрноподданнической присяги,—сказать это значитъ поставить божественному авторитету въ самомъ источникѣ его такія границы, какихъ ему не поставилъ Царь царствующихъ и Господь господствующихъ; это значитъ преслѣдовать не священную политику, а политику, чуждую всякой нравственности, какъ и всякой религіи *).

Если принять во вниманіе, что духовный авторитетъ рѣшаетъ вопросъ о законномъ или „преступномъ употребленіи свѣтскихъ вещей“, то ясно, что никакая свѣтская власть не застрахована отъ вмѣшательства и политической анаѳемы папы, и католицизмъ проявляетъ свою настоящую природу, свой характеръ безграничной клерикальной тиранніи, тяготѣющей надъ всею современною цивилизаціею.

Усиленіе ультрамонтанства среди французскаго духовенства

---

*) Цитирую по классическому въ извѣстномъ смыслѣ сочиненію: F. Laurent, L'Eglise et l'Etat en Belgique; Брюссель — Лейпцигъ, 1862, стр. 194.

и вообще католиковъ въ настоящемъ вѣкѣ вынужденъ признать и Тэнъ, который въ посмертномъ и самомъ реакціонномъ томѣ своего большого труда о „Происхожденіи современной Франціи" такъ часто распространяется объ „энтузіазмѣ" и „рвеніи", о „политической преданности" и „удивительномъ самопожертвованіи" служителей папы. Онъ слѣдующими чертами обрисовываетъ картину этого повсемѣстнаго распространенія клерикальнаго духа:

Шагъ за шагомъ пріобрѣтается или завоевывается согласіе католическаго міра (съ доктриной универсальной власти папы); около 1870 г. это согласіе дѣлается почти всеобщимъ; а послѣ 1870 г. оно становится рѣшительно всеобщимъ и не можетъ не быть такимъ; кто отказывается повиноваться, исключается изъ общины вѣрующихъ и самъ исключаетъ себя; ибо онъ отрицаетъ догматъ, исповѣдуемый церковью, догматъ, бывшій предметомъ откровенія, членъ вѣры, который декретированъ папою и соборомъ. Отнынѣ въ глазахъ всякаго человѣка, который есть католикъ и хочетъ остаться имъ, папа на своей учительской каѳедрѣ является непогрѣшимымъ; когда онъ произноситъ сужденіе по предметамъ вѣры и нравственности, самъ Іисусъ Христосъ говоритъ его устами, и его доктринальныя опредѣленія „не подлежатъ измѣненію"; „они таковы сами по себѣ, въ силу присущаго имъ качества, а не въ силу соглашенія церкви"... Папа обладаетъ „этою верховною властью во всей полнотѣ" не косвенно и не въ чрезвычайныхъ случаяхъ, но „непосредственно и всегда, надъ всѣми церквями вообще и надъ каждою изъ нихъ въ отдѣльности, надъ всѣми пастырями и всѣми вѣрующими, надъ каждымъ изъ вѣрующихъ и надъ каждымъ изъ пастырей *).

Третьей республикѣ пришлось съ самаго же начала жить и развиваться въ борьбѣ съ только что принятымъ въ Римѣ догматомъ непогрѣшимости и всеобщаго господства папы (республика была провозглашена, какъ извѣстно, 4-го сентября 1870 г.; принятіе такъ называемой *constitutio dogmatica prima de ecclesia Christi* произошло окончательно 18 іюля того же года). Первое время, когда „республика безъ республиканцевъ" довольно покорно подчинялась клерикальнымъ притязаніямъ, эта борьба велась лишь крайними радикалами. Когда же опасность монархическаго переворота, къ которому такъ дѣятельно толкали ультрамонтаны и іезуиты, заставила всѣхъ республиканцевъ обратить вниманіе на происки черной арміи, защита свѣтскаго общества противъ злѣйшихъ враговъ его объединила большинство сторонниковъ свободныхъ учрежденій. На рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ борьба съ клерикализмомъ отличалась наиболѣе искреннимъ и смѣлымъ характеромъ, но затѣмъ постепенно затихла и въ 90-хъ годахъ уступила мѣсто заигрыванію испуганной соціализмомъ буржуазіи съ католиками, которые чувствовали себя въ особенности хорошо при послѣднемъ двухлѣтнемъ господствѣ „прогрессистовъ" подъ

---

*) H. Taine, *Les origines de la France contemporaine. Le regime moderne*, t. II; Парижъ, 1894, изд. 4-е, стр. 63—65, passim.

знаменемъ „мудрой и терпимой республики“ Мелина и его друзей „присоединившихся“.

Но каковы ни были перипетіи этой борьбы третьей республики съ клерикализмомъ, послѣдній остался вѣренъ себѣ: пряча при случаѣ и по мѣрѣ надобности свою программу господства надъ свѣтскимъ обществомъ, онъ ни на минуту не забываетъ своей ультрамонтанской миссіи. Его политика, его мораль, его личный и общественный идеалы цѣликомъ проникнуты ученіемъ іезуитовъ, этихъ вѣрнѣйшихъ служителей папы. Казалось бы, что съ тѣхъ поръ, какъ „Провинціальныя письма“ Паскаля заклеймили заслуженнымъ позоромъ іезуитскую доктрину, сдѣлавъ ее предметомъ ненависти всѣхъ честныхъ людей, католицизмъ долженъ былъ отказаться отъ этого компрометтирующаго ученія. Не тутъ то было: правда, папамъ пришлось осудить не одинъ десятокъ грубо скандальныхъ тезисовъ, пригвожденныхъ къ позорному столбу Паскалемъ; но надо было видѣть, чего стоило римскимъ первосвященникамъ это осужденіе доктринъ столь дорогого имъ ордена. Не забудьте, что и „Провинціальныя письма“ попали въ пресловутой Index librorum prohibitorum, т. е. списокъ сочиненій, чтеніе которыхъ подъ опасеніемъ духовной кары воспрещено всѣмъ католикамъ. Какъ бы то ни было, вліяніе іезуитскихъ ученій осталось въ католицизмѣ преобладающимъ, и даже осужденныя самими папами положенія были снова окольнымъ путемъ и въ болѣе двусмысленной редакціи введены въ теологическо-нравственныя руководства, служащія духовною пищею духовенству, а черезъ него и всѣхъ вѣрующихъ. Ученики семинарій до сихъ поръ набираются теоретической и практической мудрости въ классическихъ — съ точки зрѣнія католика — сочиненіяхъ іезуита Гюри „Compendium Theologiae moralis“ и „Casus conscientiae“; съ другой стороны, до сихъ поръ дѣти учатся въ католическихъ школахъ по катехизису патера Маротта. Мнѣ пришло въ голову показать читателю, до какой степени столь возмутительное за послѣдніе два года поведеніе почти всѣхъ католиковъ (исключенія очень незначительны) вполнѣ объясняется тѣмъ источникомъ, изъ котораго они черпаютъ свою нравственность. При этомъ я буду пользоваться извѣстной книгой Поля Бэра „Мораль іезуитовъ“, которая представляетъ собою сокращенный, но очень точный переводъ четырехъ объемистыхъ томовъ, написанныхъ по латыни уже упомянутымъ Гюри *).

Но мнѣ хотѣлось бы прежде всего поставить вопросъ о нравственности іезуитовъ на возможно объективную и серьезную точку зрѣнія. Я не стану повторять обычный полемическій пріемъ анти-клерикальныхъ газетныхъ публицистовъ, которые

*) Paul Bert, *La morale des jésuites;* Парижъ, послѣднее изд. 1892 г. (21-я тысяча); первое изданіе вышло въ 1880 г.

стараются увѣрить читателей, что прямая цѣль ордена заключается какъ разъ въ разрушеніи всякой морали и проповѣди прямой безнравственности. Этого уже не можетъ быть потому, что іезуиты были всегда заняты выработкою среди вѣрующихъ возможно болѣе полнаго и совершеннаго повиновенія той образцовой духовной организаціи, которую представляетъ католицизмъ: расшатываніе всякихъ нормъ и обязательныхъ нравственныхъ правилъ должно было бы идти въ разрѣзъ съ этою дѣятельностью созидающаго и объединяющаго типа. Но за то слѣдуетъ сказать—и въ этомъ-то вся суть дѣла! — что іезуиты, эти фанатичные приверженцы чудовищнаго по своей узости міровоззрѣнія, строго требуя отъ всякаго живого существа безусловнаго подчиненія духовной власти, полнѣйшаго отчужденія нравственной личности и передачи ея въ руки внѣшняго авторитета, въ то-же самое время крайне снисходительно смотрятъ на сомнительныя дѣйствія людей въ области практической морали. Можно смѣло утверждать, что безусловное, хотя бы чисто абстрактное принятіе клерикальнаго міровоззрѣнія со стороны самой низкопробной личности вполнѣ достаточно въ глазахъ истиннаго іезуита, чтобы поставить ее неизмѣримо выше добродѣтельнаго, но разсуждающаго, а порою сомнѣвающагося католика, — я не говорю уже о человѣкѣ, исповѣдующемъ другую религію. „Вѣра безъ дѣлъ мертва есть“ кажется іезуиту непозволительной ересью: его жаждѣ прозелитизма, идейнаго господства надъ людьми вполнѣ удовлетворяетъ чисто формальное, но безусловное подчиненіе человѣка теоретическимъ принципамъ католицизма. Этимъ объясняется, почему иные безупречные въ личной жизни іезуиты прекрасно сходятся съ отъявленными негодяями и готовы свирѣпо защищать ихъ отъ нападеній дѣйствительно нравственныхъ и прекрасныхъ людей. Уже Паскаль превосходно схватилъ эту психологію сыновъ Лойолы:

Знайте же, что они вовсе не задаются цѣлью портить нравы: не таково ихъ намѣреніе. Но точно также и исправленіе нравовъ отнюдь не составляетъ ихъ единственной цѣли: это было бы плохой политикой. Но вотъ какова ихъ мысль. Они имѣютъ достаточно хорошее мнѣніе о себѣ, чтобы полагать, какъ полезно и необходимо для религіи, чтобы ихъ авторитетъ распространялся повсюду, и чтобы они управляли совѣстью всѣхъ и каждаго. И такъ какъ евангельскія строгія истины годятся для руководства извѣстнаго разряда людей, то они пользуются ими лишь въ такихъ благопріятныхъ случаяхъ. Но такъ какъ эти же самыя истины не согласуются съ намѣреніями большинства людей, то здѣсь они оставляютъ ихъ совершенно въ сторонѣ, чтобы удовлетворить такимъ образомъ всевозможнымъ требованіямъ. Потому то, имѣя дѣло съ лицами всякаго состоянія и столь различныхъ національностей, іезуиты должны имѣть казуистовъ, подобранныхъ для всѣхъ этихъ разнообразныхъ случаевъ *).

---

*) См. Lettres provinciales, V, въ гашеттовскомъ полномъ собраніи сочиненій Паскаля: *Oeuvres complètes de Blaise Pascal;* Парижъ, 1899, т. I, стр. 51.

Краеугольнымъ камнемъ этой эластичной системы нравственности, которая позволяетъ іезуитамъ опираться безразлично на порокъ и на добродѣтель, и даже всего чаще на порокъ, краеугольнымъ камнемъ этой морали, говорю я, является пресловутая теорія пробабилизма, или нравственныхъ вѣроятностей. Суть ея можно охарактеризовать такъ: если у васъ возникаетъ какое-нибудь моральное недоумѣніе, борьба между различными побужденіями, то, нисколько не смущаясь, останавливайтесь на томъ рѣшеніи, которое наиболѣе выгодно или наиболѣе пріятно вамъ, лишь бы вы могли подыскать мало-мальски вѣроятное въ нравственномъ смыслѣ оправданіе вашего поступка. Подыскать же такое оправданіе очень не трудно: по ученію іезуитовъ, церковь даже прямо осуждаетъ „ригоризмъ, согласно которому должно всегда слѣдовать самому достовѣрному мнѣнію, т. е. такому, какое благопріятствуетъ закону“ *); вамъ стоитъ только найти хоть „одинъ авторитетъ“, который бы оправдалъ ваше поведеніе, „хотя бы и въ противоположность общему мнѣнію“ **). А въ длинномъ ряду казуистовъ такой авторитетъ, несомнѣнно, отыщется. Съ другой стороны, вы можете обойтись даже и безъ такого церковнагo авторитета: стоитъ вамъ счесть себя за человѣка недостаточно свѣдущаго и въ качествѣ таковаго обратиться за совѣтомъ къ тому изъ вашихъ знакомыхъ, который можетъ подсказать вамъ желательное для васъ рѣшеніе подъ условіемъ, чтобы вы вѣрили въ добропорядочность совѣтующаго. Въ самомъ дѣлѣ:

Несвѣдущій человѣкъ, слыша отъ другого, считаемаго имъ за честнаго, благоразумнаго и ученаго, что то или другое мнѣніе вѣроятно, можетъ разсматривать его за таковое, ибо самъ онъ не можетъ судить о томъ, а въ то же время у него нѣтъ другого средства опредѣлить внѣшнюю вѣроятность подобнаго мнѣнія ***).

И для того, чтобы еще болѣе убѣдить католика въ безполезности излишней нравственной щепетильности, его духовный руководитель развиваетъ рядъ афоризмовъ, касающихся „приложенія пробабилизма“, въ родѣ, напр., такихъ: „въ случаѣ сомнѣнія слѣдуетъ предпочтительно искать того, что благопріятно тебѣ, и избѣгать того, что противно“; „въ смутныхъ обстоятельствахъ слѣдуетъ дѣлать то, что наименѣе обременительно для тебя“, и т. д.; и наконецъ, достойно завершаетъ эту очень удобную теорію пробабилизма, ставя слѣдующій вопросъ: „позволительно-ли между различными вѣроятными мнѣніями слѣдовать то одному, то другому?“ и прехладнокровно отвѣчая: „да“! ****)

---

*) *Morale des jesuites,* стр. 30.

**) Ibid., стр. 31.

***) Ibid., стр. 31.

****) Ibid., стр 43—44.

Изъ этого основного принципа, или, вѣрнѣе, безпринципія логически вытекаютъ всѣ тѣ частныя положенія іезуитской морали, которыя такъ глубоко возмущаютъ всякаго порядочнаго человѣка. Я думаю, читателю не безъинтересно видѣть на какомъ-нибудь опредѣленномъ примѣрѣ вліяніе развращающаго клерикальнаго кодекса нравственности на поведеніе католиковъ. Я беру столь извѣстное всѣмъ дѣло Дрейфуса и постараюсь показать, какъ вся та масса беззаконій и преступленій, которая была совершена въ этой области военными и штатскими питомцами іезуитовъ, была не печальной случайностью, а типичнымъ выраженіемъ католическаго міровоззрѣнія.

Вы, напр., удивляетесь, какъ реннскій военный судъ могъ вторично осудить Дрейфуса, зная, что онъ невиненъ. Не удивляйтесь: казуисты предусмотрѣли такой случай. Вѣрующимъ католикамъ преподносится такая высоко нравственная гипотеза съ мнѣніемъ церковныхъ авторитетовъ:

Судья Ламберъ, хотя и вполнѣ зная невинность Казиміра, обвиняемаго въ тяжеломъ преступленіи, тѣмъ не менѣе осуждаетъ его на пожизненное заключеніе, потому что подсудимый оказался виновнымъ на основаніи юридическихъ уликъ *).

Спрашивается, поступилъ-ли судья какъ слѣдуетъ?

Отвѣтъ: „теологи имѣютъ разное мнѣніе". Θома Аквинатъ говоритъ да, Бонавентура нѣтъ, Лигуори тоже нѣтъ, если дѣло можетъ кончиться „казнью невиннаго". Не правда-ли, можно подумать, что нашъ казуистъ пророчески прозрѣвалъ дѣло Дрейфуса? И вполнѣ естественно, что господа военные, воспитанные у іезуитовъ, слѣдуютъ при разницѣ мнѣній совѣту теологовъ, дающихъ пріятный имъ утвердительный отвѣтъ, и устраняя въ въ своей неизреченной милости смертную казнь для невиннаго, закатываютъ послѣдняго на десять лѣтъ заключенія, на основаніи сфабрикованныхъ генеральнымъ штабомъ „юридическихъ уликъ"!

Но вѣдь эта кара, это заключеніе можетъ кончиться смертью несчастной жертвы іезуитовъ въ мундирахъ? Мы знаемъ, дѣйствительно, какъ послѣ перваго суда тюремщики истязали Дрейфуса. Ничего, блюстители военнаго правосудія могутъ успокоить тревоги совѣсти, прочитавъ слѣдующее тонкое-претонкое разсужденіе:

Никогда не дозволительно прямо убивать невиннаго человѣка ни частному лицу, ни общественной власти... Но по важнымъ причинамъ дозволительно совершить дѣйствіе, само по себѣ хорошее, хотя бы, противъ нашего намѣренія, оно повело къ смерти невиннаго **).

Знаменитый Деніэль, тюремщикъ Дрейфуса, устраивавшій фик-

---

*) Morale des Jésuites, стр. 337.

**) Ibid., стр. 125

тивный побѣгъ послѣдняго, съ цѣлью пристрѣлить его; или министръ колоній Лебонъ, истязавшій заключеннаго двойнымъ палисадомъ и двойною же цѣпью; или тѣ правительственные агенты, которые посылали Дрейфусу фальшивую телеграмму о беременности его жены, надѣясь довести его до сумасшествія,—всѣ эти почтенные господа вели себя совершенно въ духѣ католической морали: они, видите-ли, и не думали „прямо убивать невиннаго", но прибѣгали къ разнымъ „самимъ по себѣ хорошимъ дѣйствіямъ", которыя, „противъ ихъ намѣренія", могли бы вызвать смерть Дрейфуса, что было бы въ состояніи, по ихъ мнѣнію, положить конецъ агитаціи противъ милитаристовъ и клерикаловъ,—„причина очень важная", какъ замѣтитъ какой-нибудь Коппэ, Дерулэдъ или Рошфоръ.

Или вотъ, напр., всякаго свѣжаго человѣка могло возмущать до глубины души поведеніе военныхъ и свѣтскихъ свидѣтелей по обвиненію Дрейфуса во время перваго и второго военныхъ судовъ, или же на процессахъ Эстергази, Золя, или при дачѣ показаній передъ кассаціоннымъ судомъ, и т. д. Тенденціозныя умолчанія Пеллье, прямая ложь Мерсье, Буадеффра и т. п., двусмысленные отвѣты всѣхъ этихъ генераловъ, полковниковъ и прочихъ чиновъ арміи казались какимъ-то чудовищнымъ забвеніемъ элементарныхъ понятій чести и совѣсти. Увы! все это было нормальнымъ проявленіемъ іезуитской нравственности; все это предусмотрѣно, классифицировано, объяснено и все это рекомендуется въ моральныхъ трактатахъ клерикаловъ. Чего стоитъ хотя бы знаменитый пріемъ „мысленнаго ограниченія" (restrictio mentalis), благодаря которому, отвѣчая на данный вопросъ, вы имѣете право влагать въ опредѣленныя слова особый, лишь вамъ извѣстный смыслъ, съ цѣлью ввести спрашивающаго въ заблужденіе! Единственное условіе для практикованія этого низкаго пріема безъ грѣха состоитъ въ томъ, чтобы вашъ отвѣтъ не совершенно исключалъ возможность понять его и въ спеціальномъ, подразумѣваемомъ вами смыслѣ. Въ этомъ случаѣ ваше „мысленное ограниченіе" принадлежитъ къ разряду „широкихъ", которыя вы можете употреблять „даже и подъ присягой". И опять таки, словно провидя дѣло Дрейфуса, католическій моралистъ предупредительно поучаетъ:

Этотъ способъ ограниченія можетъ практиковаться всѣми государственными служащими, когда ихъ спрашиваютъ относительно вещей, ввѣренныхъ ихъ скромности, каковы секретари, посланники, *генералы*, судьи... и всѣ тѣ, которые имѣютъ основаніе скрывать какую-либо истину по причинѣ самой должности своей. Ибо если бы тайны, ввѣренныя этимъ лицамъ, были оглашены, то отсюда могли бы произойти серьезныя неудобства для общества *).

---

*) Ibid., стр. 149—150.

Для того, чтобы дать читателю понятіе, до какой степени можетъ далеко заходить практика „мысленнаго ограниченія", достаточно напомнить, что католику позволяется, напр., даже давъ присягу показывать правду, тѣмъ не менѣе сказать ложь по слѣдующей удобной формулѣ: если васъ спрашиваютъ, сдѣлали-ли вы такое или иное дѣйствіе, то вы смѣло можете отвѣчать „нѣтъ, не сдѣлалъ ничего такого", присовокупивъ мысленно „о чемъ ты, судья, могъ бы меня справедливо спрашивать". Оцѣнка же этой справедливости допроса предоставляется вамъ, такъ что, напр., вы въ качествѣ духовнаго лица можете считать такой допросъ со стороны свѣтскаго судьи лишь „юридически законнымъ", но не опирающимся на дѣйствительное „право"; а въ качествѣ свѣтскаго чиновника можете мысленно отклонить нравственную компетенцію судьи въ виду „общественнаго блага". Наконецъ, вы можете прибѣгнуть къ еще болѣе простому пріему: если васъ спрашиваютъ подъ клятвой, совершили-ли вы какое-нибудь дѣйствіе, а вамъ не хотѣлось бы признаться въ томъ, то вы должны громко произнести: „клянусь", затѣмъ про себя: „что теперь говорю", снова громко: „что не сдѣлалъ ничего подобнаго". Такимъ образомъ вы свободны отъ всякаго клятвопреступленія, ибо даете клятву лишь въ томъ, что въ данный моментъ передъ судомъ утверждаете, будто не сдѣлали извѣстнаго поступка; и не ваша вина, если судья слышитъ лишь двѣ громко произнесенныя ваши фразы и, не зная вставленнаго между ними „мысленнаго ограниченія", наивно заключаетъ о вашей невинности *).

Спрашивается, чѣмъ же другимъ занимались въ послѣдніе два года птенцы военной „іезуитни" (выраженіе Золя), какъ не усерднымъ культивированіемъ системы „мысленнаго ограниченія"? Вспомните театральный жестъ подполковника Анри, который на первомъ процессѣ Дрейфуса, въ 1894 г., указавъ рукою на распятіе, торжественно воскликнулъ: „клянусь вотъ этимъ крестомъ, что человѣкъ, сидящій на скамьѣ подсудимыхъ, есть дѣйствительно измѣнникъ"! Васъ поражаетъ эта ужасная ложь въ устахъ офицера, который именно и былъ самъ, если не прямымъ измѣнникомъ, то пособникомъ измѣнника Эстергази. Но вставьте въ эффектную фразу Анри рекомендуемое іезуитами

---

*) Впрочемъ, и прямое клятвопреступничество находитъ оправданіе у іезуитовъ, въ особенности, когда клятвопреступниками являются важныя лица, могущія быть полезными клерикаламъ. См. объ отцѣ Вентурѣ и его формальной защитѣ Наполеона III, измѣнившаго республикѣ 2 декабря 1851 г., въ книгѣ: H. Depasse, *Le cléricalisme*; Парижъ, 1880, 2-е изд., стр. 217—218. Что большинство епископовъ раздѣляли въ то время тотъ взглядъ, можно видѣть изъ ихъ пастырскихъ посланій, часть которыхъ на стр. 138—140 интересной брошюры той эпохи: *Le pilori*; Лондонъ, Женева и Нью-Іоркъ.

ограниченіе „что я въ данный моментъ говорю" и т. д., и вы легко представите себѣ ту силу убѣжденія, съ какой этотъ якобы христіанинъ могъ бросить въ невиннаго человѣка чудовищную клевету, удовлетворяя требованіямъ іезуитской морали. Или въ васъ могли, напр., вызывать чувство омерзѣнія неоднократныя увѣреніи Буадеффра и другихъ генераловъ и вообще чиновъ генеральнаго штаба въ томъ, что они знать не знали Эстергази, и это въ тотъ самый моментъ, какъ ими были организованы свиданія съ измѣнникомъ при помощи „дамъ подъ вуалемъ" и джентльмэновъ съ подвязными бородами и синими очками. И опять таки, представьте себѣ, что какой нибудь Буадеффръ, говоря, что онъ и не зналъ Эстергази, хочетъ, благодаря системѣ „мысленнаго ограниченія", сказать просто на просто, что онъ не зналъ его лично и сносился съ нимъ при помощи другихъ лицъ; переодѣвавшіеся же господа военные, утверждая, что они не видались съ Эстергази, хотятъ лишь сказать, что они не встрѣчались съ Эстергази въ качествѣ военныхъ, потому что были замаскированы. Можно ручаться, что этимъ поведеніемъ рыцари іезуитни должны были заслужить полнѣйшее одобреніе учителей клерикальной морали.

Возьмите въ особенности дѣйствія Анри, женѣ котораго въ память самоубійцы партія милитаризма и католицизма собрала по подпискѣ не даромъ чуть не полтораста тысячъ франковъ *). Вотъ ужъ, можно сказать, вѣрный ученикъ іезуитовъ! Въ самомъ дѣлѣ, какъ, зная свою вину, клеветать на невиннаго человѣка? Какъ, по осужденіи несчастнаго, не употребить всѣхъ усилій на то, чтобы реабилитировать репутацію пострадавшаго и самому явиться съ повинной головой на судъ? Разгадка найдется на тѣхъ страницахъ іезуитской морали, которыя опять таки, словно провидя дѣло Дрейфуса, разсматриваютъ случай о „невинномъ, осужденномъ вмѣсто преступника". Благочестивый моралистъ строитъ дѣйствительно такую гипотезу: нѣкій воръ, въ отсутствіи хозяина дома, забирается къ нему и взламываетъ шкатулку; хозяинъ подозрѣваетъ въ кражѣ своего слугу и доноситъ на него; испуганный слуга ведетъ себя такъ неумѣло на судѣ, что судья считаетъ его виновнымъ въ преступленіи и присуждаетъ на вѣчную каторгу. Тогда воръ, котораго зазрѣла совѣсть, является въ слезахъ къ священнику, кается въ своемъ грѣхѣ и спрашиваетъ, что ему дѣлать. Какой совѣтъ долженъ дать ему патеръ? Я предпочитаю цѣликомъ цитировать отвѣтъ казуиста, потому что иначе читатель, пожалуй, и не повѣритъ. Въ самомъ дѣлѣ:

*) См. списокъ подписчиковъ изъ духовнаго сословія, съ свирѣпыми отнюдь не христіанскими девизами въ интересномъ документѣ: Pierre Guilard, *Le Monument Henry;* Парижъ, 1899, стр. 94—104.

Что сдѣлаетъ священникъ? Принудитъ-ли кающагося вполнѣ исправить зло? Прикажетъ-ли, напр., онъ ему не только возвратить украденныя деньги, но и отдаться въ руки правосудія? Вовсе нѣтъ. Достаточно лишь, чтобы онъ тайно вознаградилъ обворованнаго за убытокъ и покаялся на исповѣди... Онъ нисколько не обязанъ объявить себя виновнымъ, даже и до осужденія невиннаго, хотя бы онъ могъ тѣмъ помѣшать несправедливому приговору. Дѣло въ томъ, что воръ не былъ дѣйствительной причиной (?) осужденія, но лишь простымъ поводомъ (?!), или случайной, или очень отдаленной (?!!) причиной... Несчастіе слуги должно быть приписано ошибкѣ свидѣтелей или судьи; но воръ не былъ прямой причиной этого; стало быть онъ вовсе не обязанъ отдаваться въ руки правосудія, чтобы предупредить зло *).

Совѣтую читателю внимательно перечесть это по истинѣ ужасающее разсужденіе: для него тогда станетъ понятнымъ, что какой-нибудь Анри и его пріятель Эстергази, погубивъ Дрейфуса, могли ограничиться исповѣдью хотя бы, напр., у почтеннаго отца Дюлака, самаго вліятельнаго іезуита во Франціи (см. о немъ ниже), и мирно заниматься предательскими гешефтами, въ то время, какъ жертва „ошибки свидѣтелей или судей" будетъ проводить мучительные дни и безсонныя ночи на Чортовомъ островѣ.

Мало того: и Анри, и Эстергази сфабриковали фальшивые документы, чтобы „подкрѣпить матеріальными доказательствами нравственную увѣренность генеральнаго штаба въ измѣнѣ Дрейфуса". Опять таки и этотъ поступокъ вполнѣ предусмотрѣнъ іезуитскимъ кодексомъ, который, дѣйствительно, можетъ быть названъ пророческимъ руководствомъ къ беззаконіямъ дѣла Дрейфуса. Въ самомъ дѣлѣ, разверните главу, касающуюся „обязанностей свидѣтелей", и вы найдете слѣдующій теологическій діалогъ, который я считаю снова нужнымъ выписать цѣликомъ,— иначе читатель опять таки можетъ не повѣрить:

Вопросъ. Что думать о тѣхъ, которые сфабрикуютъ или поддѣлаютъ бумаги и документы съ тѣмъ, чтобы замѣнить потерянные акты или защитить свое несомнѣнное право?

Отвѣтъ. 1) Въ данномъ случаѣ существуетъ простительный грѣхъ лжи, потому что каковъ бы ни былъ документъ, онъ все же отличается отъ настоящаго; 2) порою можно сильно согрѣшить такимъ образомъ противъ любви къ ближнему, даже и по отношенію къ себѣ тѣмъ, что подвергаешься опасности быть очень строго наказаннымъ, если тебя уличатъ въ подлогѣ; 3) противъ формальной справедливости здѣсь нѣтъ грѣха, а, слѣдовательно, вы не обязаны и возвращать ничего.

Итакъ, стоитъ вамъ вообразить, что вы возмѣщаете потерянный (или недостающій, какъ въ дѣлѣ Дрейфуса) документъ, т. е. пресловутый бордеро или не менѣе пресловутое письмо Шварцкоппена къ Паниццарди, и что вы защищаете этимъ „свое несомнѣнное право",—стоитъ вамъ, говорю я, стать на эту точку

---

*) Morale des jésuites, стр. 221—222.

зрѣнія, какъ поддѣлка бумаги явится для васъ сущимъ пустякомъ: есть, правда, тутъ „грѣхъ лжи", но грѣхъ „простительный"; противъ „формальной справедливости" вы не грѣшите, значитъ и о послѣдствіяхъ вамъ нечего думать; есть, точно, возможность сильно согрѣшить противъ „любви къ самому себѣ", угодивъ въ тюрьму, но вѣдь это „если уличатъ тебя въ подлогѣ", а пока не пойманъ, не воръ и не поддѣлыватель фальшивыхъ документовъ, и потому, значитъ, дерзай, чадо!..

Анри, если чѣмъ и согрѣшилъ съ іезуитской точки зрѣнія, такъ это тѣмъ, что попался. Эстергази же и по сіе время живетъ себѣ благополучно и считаетъ себя по праву вполнѣ хорошимъ католикомъ. И словно чтобы еще болѣе подчеркнуть католическую ортодоксальность поддѣлки фальшивыхъ бумагъ „для защиты несомнѣннаго права"... упечь жида, Дрюмонъ, этотъ истинный іезуитъ по духу, прямо сталъ при апологіи Анри на точку зрѣнія финансовой и биржевой практики: что, молъ, такое въ сущности фальшивый документъ Анри? Это ни больше ни меньше, какъ знакъ, символъ дѣйствительнаго акта измѣны Дрейфуса, ибо еврей не можетъ не быть измѣнникомъ.

Или вотъ еще: генералъ Гонсъ, бывшій начальникъ Пикара, оказывая ему внѣшнимъ образомъ знаки расположенія, въ то же время допустилъ—а, можетъ быть, и прямо приказалъ,—чтобы сослуживцы Пикара распечатывали всѣ письма, приходившія на имя неудобнаго защитника правды. Васъ возмущаетъ это? Позвольте въ такомъ случаѣ обратить ваше вниманіе на слѣдующее мѣсто „морали":

Вопросъ. Тяжелый-ли грѣхъ вскрывать или читать чужія письма?
Отвѣтъ. Въ принципѣ да, за исключеніемъ слѣдующихъ случаевъ: 1) когда существуетъ молчаливое или предполагаемое согласіе того лица, которое пишетъ, или того, которому пишутъ; 2) когда вы знаете или предполагаете, что въ письмѣ говорится о неважныхъ вещахъ; 3) когда у васъ есть на то законная причина, напр., предотвращеніе общественнаго или частнаго несчастія...; 4) когда вы вскрываете письмо по легкомыслію или какой-нибудь оплошности *).

Итакъ, вотъ вамъ цѣлая радуга изъ различныхъ оттѣнковъ психологическаго обоснованія права распечатывать чужія письма: не стѣсняйтесь, выбирайте любой изъ рекомендованныхъ вамъ путей для залѣзанія въ чужую душу! Дѣйствительно, сослуживцы Пикара могли оградить себя четверной броней отъ укоровъ обыкновенной свѣтской совѣсти: они могли распечатывать письма „по легкомыслію", или „предполагая", что самъ Пикаръ ничего не имѣетъ противъ этого, или что въ письмахъ нѣтъ ничего важнаго, или, наоборотъ, что въ нихъ заключаются всякіе ужасы,

---

*) Ibid., стр. 157.

напр. гибель Франціи. И мы видѣли, что питомцы „іезуитни“ въ самомъ дѣлѣ съ увлеченіемъ предавались низкой практикѣ съ благословенія духовныхъ руководителей.

А сами духовные руководители! Вы не забыли еще, конечно, читатель, благороднаго поступка отца Дюлака, который, услышавъ на исповѣди отъ одной замужней женщины, что она была одно время близка къ Пикару, не нашелъ ничего лучшаго, какъ пойти и разсказать о томъ генералу Буадеффру, который, стремясь повредить Пикару, передалъ въ свою очередь этотъ секретъ мужу упомянутой дамы. Вы, конечно, не можете предполагать, чтобы іезуитъ Дюлакъ совершилъ такую мерзость спроста и не справившись предварительно съ моралью своего ордена. И вы не ошибаетесь: въ трактатѣ отца Гюри существуетъ особый отдѣлъ, носящій многообѣщающее заглавіе „о нарушеніи тайны“, а въ этомъ отдѣлѣ, въ числѣ „справедливыхъ причинъ для обнаруженія секрета“, упомянутъ эластичный принципъ „вреда, который этотъ секретъ можетъ нанести обществу или частнымъ интересамъ“ *). Нечего говорить, что если не секретъ Пикара, то самъ Пикаръ, который началъ мужественную борьбу противъ „патріотовъ“ генеральнаго штаба, приносилъ вредъ „обществу“, или вѣрнѣе „частнымъ интересамъ“ фабрикантовъ фальшивыхъ документовъ. А потому и самый „секретъ“ его, хотя бы чисто личнаго характера, долженъ былъ подвергнуться оглашенію.

Итакъ, вотъ съ представителями какого міровоззрѣнія приходится въ настоящее время бороться республикѣ, бороться не на жизнь, а на смерть. И условія этой борьбы тѣмъ тяжелѣе, что политика формальнаго „присоединенія“ къ республикѣ даетъ возможность клерикаламъ опираться на широкіе слои консервативной республиканской буржуазіи и въ то же время подрывать самыя основанія демократическихъ учрежденій во имя лицемѣрныхъ требованій „свободы“ и „равенства“. Ибо, не забудьте, опасность современнаго положенія заключается особенно въ томъ, что люди, міровоззрѣніе которыхъ всегда требовало истребленія огнемъ и мечемъ всѣхъ свободомыслящихъ элементовъ, теперь надѣваютъ на себя маску „либераловъ“ и безпрестанно заявляютъ о своей любви къ демократіи. Мы, словомъ, переживаемъ теперь время, когда, по энергичному выраженію Гейне, „ехидны воркуютъ о любви, а волкъ и оселъ заливаются пѣснями свободы“. Черная армія идетъ теперь на приступъ республики подъ видомъ новаго союзнаго отряда, скрывъ свою рясу ультрамонтанства подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ и горланя марсельезу. Въ такіе моменты крайне важно положить конецъ этому опасному маскараду, раскрывъ истинные политическіе и соціальные идеалы клерикализма.

Не безинтересно привести одну-двѣ характерныя мысли Вейльйо

*) Ibid. стр. 156.

и другихъ католическихъ писателей, чтобы видѣть въ настоящемъ свѣтѣ современную эволюцію черной арміи. Я нѣсколько разъ уже въ своихъ корреспонденціяхъ цитировалъ циничную и столь популярную въ католическомъ мірѣ фразу Вейльйо: „когда либералы у власти, мы требуемъ у нихъ полной свободы во имя ихъ собственныхъ принциповъ; а когда мы у власти, мы отказываемъ либераламъ въ какой бы то ни было свободѣ во имя нашихъ принциповъ". Но вотъ вамъ въ поученіе другая мысль Вейльйо, менѣе циничная, хотя выраженная въ болѣе іезуитской и менѣе откровенной формѣ:

Для насъ, католиковъ, свобода не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ средствомъ войти въ состояніе порядка и мира. А миръ и порядокъ заключается прежде всего въ уваженіи церковнаго закона. Я требую свободы пера только для того, чтобы писать и доказывать эту вещь. Я не желаю свободы помимо законовъ; я не считалъ бы себя свободнымъ при такомъ законѣ, который позволяетъ мнѣ все, кромѣ свободы протестовать изо всѣхъ силъ противъ свободы, не терпящей законовъ... *).

Отбросьте недомолвки и изгибы этой типичной клерикальной прозы, которая шипитъ и вьется, словно змѣя, передъ тѣмъ, какъ впустить въ васъ свое жало, и вы найдете въ основаніи ея слѣдующію мысль: я пользуюсь свободой печати, которую мнѣ дали глупые либералы, для того, что бы „изо всѣхъ силъ" пропагандиравать разрушеніе этого свободнаго строя, позволяющаго мнѣ такое злоупотребленіе перомъ; а когда этотъ строй будетъ сваленъ, я вырву перо изъ рукъ всѣхъ тѣхъ людей, которые будутъ писать о чемъ-либо иномъ, кромѣ „порядка" и „мира" на почвѣ „церковнаго (католическаго) закона". Такова настоящая доктрина католицизма, и если теперь мы видимъ іезуитовъ, съ необыкновеннымъ усердіемъ требующихъ „свободы" и „равенства" для всѣхъ гражданъ и бичующихъ республиканцевъ за „преслѣдованія католиковъ", то это указываетъ лишь на измѣненіе политическихъ условій, къ которымъ приходится приспособляться исконнымъ врагамъ демократическихъ учрежденій. Я совѣтую читателю хорошенько вдуматься въ смыслъ слѣдующихъ разсужденій епископа Сегюра, дающихъ ключъ къ современной тактикѣ клерикаловъ:

Католическая церковь можетъ находиться лицомъ къ лицу или съ враждебнымъ правительствомъ, или съ правительствомъ индифферентнымъ, или съ правительствомъ дружественнымъ.

Она говоритъ первому: зачѣмъ ты преслѣдуешь меня? Я имѣю право жить, говорить и исполнять свою божественную миссію, цѣликомъ основанную на благотворительности; ты несправедливо причиняешь мнѣ зло, не давая мнѣ полной свободы.

Она говоритъ второму: кто не за меня, тотъ противъ меня. Почему ты остаешься равнодушнымъ къ Божьему дѣлу? Почему ты обращаешься

---

*) Louis Veuillot, *Les odeurs de Paris;* Парижъ, 1867, 5-е изд., стр. 13.

одинаково съ ложью, какъ и съ истиною, съ зломъ, какъ и съ добромъ, съ Сатаною, какъ и съ Іисусомъ Христомъ? Ты не имѣешь права оставаться при такомъ индифферентизмѣ.

Она говоритъ третьему: ты стоишь на истинной точкѣ зрѣнія и творишь волю Божію... помоги же мнѣ, насколько только можешь, истребить все, что противно этой волѣ и истинному благу людей.

Таковъ голосъ католической церкви среди міра; въ сущности она требуетъ всегда одной и той же вещи: свободы блага, единой истинной свободы *).

Оставьте въ сторонѣ католическую теологію, которая, кстати сказать, всуе произноситъ здѣсь имя Того, Кто осудилъ всякое насиліе, сказавъ: „извлекшій мечъ отъ меча и погибнетъ“; съ практической точки зрѣнія вы находите здѣсь цѣльную теорію іезуитскаго лицемѣрія и вмѣстѣ клерикальнаго деспотизма, теорію, которая объясняетъ какъ нельзя лучше и современную тактику католиковъ. Когда республика вынуждена защищаться противъ черной арміи, вожди ея играютъ изъ себя несчастныхъ жертвъ притѣсненія и съ паѳосомъ восклицаютъ: „за что ты меня бьешь? я занимаюсь лишь благотворительностію. Дай мнѣ полную свободу!“ Пусть правительство попробуетъ совершенно не вмѣшиваться въ отношенія между церковью и свѣтскимъ обществомъ: клерикалы ободряются и начинаютъ упрекать власть въ снисходительности къ „лжи“. Пусть, наконецъ, правительство пойдетъ въ сторону католиковъ: нѣтъ такого угнетенія, такой формы тираніи, такого вида произвола, которые бы не выпали на долю не-католиковъ при господствѣ клерикализма, присвоивающаго себѣ монополію „истины“ и „свободы блага“! Тѣ страницы исторіи, на которыхъ идетъ рѣчь о дѣйствіяхъ „правительствъ, дружественныхъ“ католической церкви, освѣщены заревомъ костровъ инквизиціи и забрызганы кровью героевъ мысли и убѣжденія...

Нѣтъ поэтому ничего наивнѣе, какъ поведеніе консервативныхъ республиканцевъ, которые упорно закрываютъ глаза на современную тактику клерикаловъ подъ тѣмъ предлогомъ, что католики, вѣрные голосу папы, начинаютъ теперь все больше и больше становиться на почву свободныхъ учрежденій и „принимать“ республику. Опасность современнаго положенія именно и заключается въ томъ, что ультрамонтаны и іезуиты измѣнили характеръ своей кампаніи противъ демократіи и, оставивъ открытую борьбу съ свѣтскимъ обществомъ, простираютъ къ нему якобы дружески руки

*) Цитирую по выдержкѣ, сдѣланной въ рѣчи Поля Бера отъ 21-го іюня 1879 г. См. Paul Bert, *Discours parlementaires*; Парижъ, 1882, стр. 163 (многія изъ этихъ рѣчей пріобрѣтаютъ въ настоящее время самый животрепещущій интересъ).

съ тѣмъ, чтобы удушить его. Не безъ волненія я прочиталъ въ одной изъ рѣчей Поля Бэра пророческое указаніе на опасность, которая можетъ угрожать свободному строю въ томъ случаѣ, если клерикалы, порвавъ свои связи съ монархическими партіями, формально присоединятся къ республикѣ, чтобы завладѣть ею, оставаясь вѣчными врагами современой цивилизаціи. Двадцать лѣтъ тому назадъ Поль Бэръ говорилъ:

...Дѣйствительно, іезуиты не роялисты и не республиканцы. И я думаю даже, что еслибы имъ приходилось выбирать, они были бы республиканцами; ибо въ республикѣ нѣтъ короля, который требуетъ своей доли власти, и іезуиты могли бы, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, захватить всю ее въ свои руки... Они очень охотно примутъ французскую республику, но подъ условіемъ завладѣть ею и сдѣлать изъ нея служанку католической церкви. Но какъ достигнуть этого? Такъ какъ теперь и думать нечего о королѣ, то и королевскаго исповѣдника не достаточно. Верховная власть принадлежитъ націи; значитъ, нужно овладѣть ею. Націею руководятъ буржуазные классы; значитъ, нужно прибрать ихъ къ рукамъ. И вотъ іезуиты развернули свою удивительную обычную тактику... Они образовали клерикальную партію. И эта партія повсюду и нигдѣ; эта партія — фея, которую вездѣ встрѣчаешь и ни въ одномъ мѣстѣ не въ силахъ схватить. Она въ администраніи, въ судебныхъ сферахъ, въ арміи, въ гражданской жизни, во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности и на всѣхъ ступеняхъ общественной іерархіи. Эта партія представляетъ массу, которая разсѣяна съ точки зрѣнія составляющихъ ее личностей, но скучена съ точки зрѣнія интересовъ, и положительно всемогуща. А почему? Потому что различные члены ея оказываютъ другъ другу взаимную помощь, поддержку, покровительство, защищаютъ и толкаютъ другъ друга впередъ; потому что она увѣрила французскую буржуазію, что для того, чтобы повышаться въ различныхъ вѣтвяхъ администраціи, занимать самый высокій рангъ въ арміи, блистать въ первыхъ рядахъ магистратуры и дипломатіи, находить въ качествѣ медика или адвоката въ самомъ началѣ карьеры готовыхъ кліентовъ, и даже въ торговой сферѣ получить для своей фирмы благословеніе, капиталы и покупателей, что для всего этого достаточно вступить въ клерикальную партію, оказывать ей уваженіе, помощь и любовь. И общество іезуитовъ является единственнымъ судьею этихъ заслугъ. Вотъ въ чемъ оно убѣждало французскую буржуазію; а когда окончательно убѣдило ее въ этомъ, то и дѣйствительно вышло, что іезуиты говорили правду... Но къ несчастію для нихъ самихъ, іезуиты связали свою политическую судьбу съ монархической партіей, само имя которой не популярно... и вызываетъ гнѣвъ въ народѣ и при всеобщей подачѣ голосовъ. Іезуиты сдѣлали эту крайнюю ошибку. Политическая партія ихъ была разбита. И съ этой стороны опасности больше нѣтъ; опасность угрожаетъ намъ въ будущемъ; и эта опасность — видѣть превращеніе іезуитовъ въ республиканцевъ. Эта грядущая опасность—видѣть, какъ они станутъ возставать противъ столь невыгоднаго для нихъ политическаго союза, разрывать связь съ старой монархіей и отдѣлываться отъ того стараго режима, который былъ и признакомъ и клеймомъ ихъ въ глазахъ народа. Но намъ достаточно будетъ заранѣе сорвать маску съ этихъ происковъ, указать заранѣе на нихъ благородному и умному французскому народу. Мы можемъ быть спокойны; никогда въ такой странѣ, какъ наша, никогда въ этой Франціи, имя которой является синонимомъ откровенности, нѣтъ, никогда здѣсь не будутъ царить іезуиты! *).

*) Discours, стр. 254—258, passim.

Я нарочно привелъ эту длинную выдержку изъ рѣчей одного изъ крупнѣйшихъ представителей оппортунизма, чтобы показать, какъ уже двадцать лѣтъ тому назадъ проницательные политики предугадывали новую эволюцію черной арміи. Но увы! изображая такими яркими чертами подпольную и неустанную дѣятельность іезуитовъ, ихъ тактику, ихъ умѣнье, ихъ силу, республиканскій ораторъ не предвидѣлъ, однако, что пропаганда служителей папы должна была рано или поздно отравить „благородный и умный французскій народъ“, и что, не смотря на политическую ошибку, іезуиты должны были снова пріобрѣсти потерянную было ими почву. Мало того: въ 1879 г. свободомыслящему буржуа казалось, что достаточно будетъ предупредить націю, чтобы разбить мечты клерикаловъ о господствѣ; въ 1899 г. свободомыслящіе буржуа идутъ какъ разъ на удочку, предупредительно выкинутую іезуитами, и способствуютъ той самой тактикѣ служителей папы, которую Поль Бэръ клеймилъ во имя „откровенности“. И надо было исключительное стеченіе обстоятельствъ въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, чтобы открыть глаза наиболѣе искреннимъ представителямъ буржуазіи и сблизить ихъ съ крайними демократами для защиты свѣтской цивилизаціи. Если-бы цитированный мною ораторъ поднялся изъ гроба, куда его уложила тонкинская холера, какъ-бы дико показалось ему современное положеніе вещей, когда выдающіеся представители гамбеттизма въ родѣ Вальдека-Руссо принуждены призывать къ себѣ на помощь соціалистовъ, чтобы бороться съ третье-степенными членами своей-же (оппортунистской) партіи, въ родѣ Мелина, выросшаго въ вожака реакціи, благодаря поддержкѣ „присоединившихся“ и чистыхъ монархистовъ.

Ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно эта политика „присоединившихся“ была заранѣе охарактеризована Полемъ Бэромъ, какъ „опасность“, грозящая республикѣ со стороны іезуитовъ; не достаетъ только самаго термина ralliés, но ихъ тактика опредѣлена по истинѣ съ пророческой ясностью. Посмотрите, дѣйствительно, что означаетъ „либерализмъ“ папы и слѣдующихъ его наставленіямъ католиковъ. Я уже цитировалъ однажды подробно пресловутую энциклику Льва XIII го отъ 12 февраля 1892 г., которая дала оффиціальный сигналъ новому движенію черной арміи, и потому не буду останавливаться долго на этомъ документѣ. Напомню лишь, что въ немъ папа, „настойчиво увѣщевая“ католиковъ „признать гражданскую власть“ республики, предписываетъ въ то же время „всѣмъ добрымъ людямъ соединиться, какъ одинъ человѣкъ, чтобы бороться всѣми честными и легальными средствами противъ прогрессивно растущихъ злоупотребленій французскаго законодательства“. Для того, чтобы лучше понять смыслъ этой папской политики, надо изучать ее не въ тонкихъ и отшлифованныхъ энцикликахъ Льва XIII-го,

который не даромъ-же соотечественникъ Маккіавеля, а въ болѣе откровенныхъ пастырскихъ посланіяхъ французскихъ епископовъ, но въ особенности въ самой дѣятельности клерикаловъ.

Что касается до епископскихъ посланій, то я приведу наиболѣе характерныя мѣста этихъ увѣщаній, разъясняющихъ вѣрующимъ, какъ понимать папскій совѣтъ. Кардиналъ Ришаръ, парижскій архіепископъ, вмѣняетъ въ обязанность католикамъ, „принимая откровенно наши современныя учрежденія, работать энергично молитвою и дѣйствіемъ надъ реформою противохристіанскаго законодательства". Епископъ Гиллуа (изъ Пюи) приглашаетъ свою паству „выйти изъ старой колеи" республиканскаго законодательства во имя „искренняго либерализма и справедливости" (вспомните „либерализмъ" Сегюра!): тогда, молъ, Франція, „снова обрѣтши въ своихъ старинныхъ вѣрованіяхъ истинныя начала честности и нравственности, не будетъ болѣе подвержена возобновленію скандаловъ, которые столь глубоко унижали и смущали страну въ теченіе послѣднихъ лѣтъ" (очевидно, намекъ на борьбу противъ свѣтскихъ и военныхъ іезуитовъ въ дѣлѣ Дрейфуса: въ самомъ дѣлѣ, развѣ не скандалъ требовать справедливости—просто человѣческой, а не клерикальной,—даже и для еврея?). Изоаръ, „либеральный" епископъ города Анси (Annecy), признавъ, что „современная форма правительства фатально вызвана законами исторіи", ополчается противъ „кишащихъ заблужденіями и опасностями предпріятій тѣхъ людей, которые, желая расположить къ себѣ такъ называемый современный духъ, силятся повсюду истреблять духъ католической церкви". Кардиналъ Перро, отэнскій епископъ и парижскій академикъ, „присоединяется" къ „учрежденіямъ, освященнымъ всеобщею подачею голосовъ", но требуетъ „полной свободы благодѣтельнаго дѣйствія церкви" (опять-таки вспомните „свободу блага" Сегюра!). Гутъ-Суляръ, епископъ Экса, извѣстный своими неоднократными вылазками противъ республиканскаго правительства, совѣтуетъ „завладѣть всеобщей подачей голосовъ не съ тѣмъ, чтобы уничтожать ее, но съ тѣмъ, чтобы руководить ею". Кардиналъ Куллье такъ даже грозитъ „судомъ Божіимъ" и наказаніемъ на томъ свѣтѣ тѣмъ, кто плохо вотируетъ, т. е. не за католиковъ, или совсѣмъ не вотируетъ. Азра̀, епископъ города Динь (Digne), приглашаетъ „принять безъ задней мысли учрежденія, которыя дала себѣ Франція", но съ тѣмъ, чтобы въ эту форму влить клерикальное содержаніе; и аллегорія, къ которой онъ прибѣгаетъ для выясненія этой мысли, настолько ясна и характерна, что я цѣликомъ выписываю это мѣсто пастырскаго увѣщанія:

...У васъ есть, положимъ, совсѣмъ отстроенный домъ, въ который вы можете войти: что же, захотите-ли остаться на улицѣ, пока его не разрушатъ, чтобы замѣнить другимъ? Вамъ пришлось бы въ такомъ слу-

чаѣ долго спать подъ открытымъ небомъ! Не благоразумнѣе-ли войти сначала въ домъ? А потомъ вы уже увидите, какъ меблировать его по вашимъ средствамъ и вкусу... *).

И вы сейчасъ убѣдитесь, какъ католики примѣняютъ на практикѣ эту прозрачную аллегорію, изъ которой явствуетъ, что клерикализмъ только за тѣмъ и входитъ въ „домъ“ Маріанны, чтобы изгнать ее, только потому и „присоединяется“ къ ненавистной республикѣ, что надѣется сдѣлать изъ нея пустой звукъ, замѣнивъ ее правленіемъ іезуитовъ и другихъ тиранническихъ орденовъ. Изъ массы толпящихся въ моей головѣ фактовъ я возьму нѣсколько наиболѣе характерныхъ и поставлю ихъ передъ глазами читателей. Присмотримся къ силѣ и значенію различныхъ католическихъ конгрегацій, съ которыми третья республика вынуждена была вступить въ борьбу двадцать лѣтъ тому назадъ, въ связи съ реформой народнаго образованія, но которыя, лишь только ослабѣлъ антиклерикальный пылъ буржуазіи, сдѣлались еще болѣе могущественными и стали теперь центрами вѣчной конспираціи противъ свѣтской власти и демократической республики. Въ 1881 г., т. е. нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ правительство декретировало **) уничтоженіе ордена іезуитовъ во Франціи и закрытіе всѣхъ конгрегацій, которыя не запаслись въ опредѣленный срокъ законнымъ разрѣшеніемъ,— въ 1881 г., говорю я, недвижимая собственность духовныхъ орденовъ исчислялась приблизительно въ 800 милліоновъ франковъ. Въ настоящее время эта собственность достигла цифры двухъ милліардовъ, а все имущество конгрегацій равняется, по меньшей мѣрѣ, десяти милліардамъ! Пользуясь ослабленіемъ антиклерикальнаго духа среди оппортунистовъ и ложно истолковывая въ свою пользу тексты двухъ финансовыхъ законовъ, устанавливающихъ налоги съ „разрѣшенныхъ и неразрѣшенныхъ ассоціацій“***), іезуиты и члены прочихъ недозволенныхъ орденовъ снова наводнили Францію и пріобрѣли сильнѣйшее вліяніе въ сферѣ народнаго образованія, въ печати, среди чиновниковъ, въ арміи и

---

*) Цитирую по выдержкамъ, приведеннымъ въ ежегодникѣ по соціальному вопросу Paul Fesch, *L'année sociale en France et à l'etranger. 1898. Première année;* Парижъ, стр. 68—74, passim (сборникъ этотъ даетъ довольно интересный сводъ фактовъ, авторъ—ревностный католикъ).

**) Изданные по этому поводу декреты,—въ числѣ двухъ,—были опубликованы 29 марта и 5 апрѣля 1880 г.

***) Дѣло идетъ о законахъ 29-го декабря 1884 г. и 16 апрѣля 1895 г. Административные авторитеты выводятъ изъ этихъ текстовъ лишь то заключеніе, что „правительство можетъ допустить фактическое существованіе и неразрѣшенныхъ ассоціацій и взимать съ нихъ опредѣленные закономъ налоги, но остается въ случаѣ надобности вооружено правомъ распущенія, даннымъ ему предшествующимъ законодательствомъ“. (См. I.-B. Simonet, *Traite elémentaire de droit public et administratif;* Парижъ, 1897, 3-е изд., стр. 761.

вообще въ широкихъ слояхъ населенія. Цѣлая сѣть клерикальныхъ организацій охватываетъ Францію, и главныя нити этой сѣти, которой католицизмъ надѣется окончательно опутать и удушить демократическую республику, находятся въ рукахъ трехъ мужскихъ орденовъ: іезуитовъ, доминиканцевъ и августиновъ—ассумпціонистовъ, причемъ послѣдніе являются вдохновителями этого обширнаго заговора. Делегатами упомянутыхъ трехъ орденовъ во Франціи служатъ: для перваго отецъ Дюлакъ, для второго отецъ Дидонъ, для третьяго отецъ Пикаръ.

Дюлакъ — типъ страстнаго и энергичнаго фанатика, нѣчто вродѣ Торквемады, заблудившагося въ скептическомъ XIX вѣкѣ и мечтающаго силою возвратить современный міръ къ „глубоко католической" эпохѣ среднихъ вѣковъ. Узкій, но чрезвычайно изворотливый умъ; могучій отъ природы и закаленный іезуитскою дисциплиною характеръ; страшная смѣсь непомѣрнаго личнаго властолюбія и безкорыстнаго служенія интересамъ католицизма,—таковы нравственныя черты Дюлака, который живетъ въ маленькой комнатѣ, чуть не подъ самой крышей одного изъ громадныхъ парижскихъ домовъ, и оттуда управляетъ движеніемъ тѣхъ жалкихъ маріонетокъ націоналистическаго, антисемитскаго и вообще реакціоннаго міра, которыя движутся на политической сценѣ Франціи. Всѣмъ извѣстна громадная роль, которую онъ игралъ въ дѣлѣ Дрейфуса при посредствѣ генерала Буадеффра, вдохновляя въ сильной степени тактику генеральнаго штаба, какъ онъ вдохновлялъ и вдохновляетъ большинство предпріятій противъ современнаго режима.

Дидонъ—фигура совершенно иного рода: жуиръ, любящій пожить въ свое удовольствіе, мечтающій о первосвященнической тіарѣ съ тѣмъ, чтобы возобновить эру жизнерадостныхъ папъ-меценатовъ, а пока модный проповѣдникъ, модный педагогъ и модный литераторъ аристократическихъ и вообще фешіонэбельныхъ слоевъ,—онъ напоминаетъ тѣхъ средневѣковыхъ духовныхъ феодаловъ, которые такъ же хорошо владѣли шпагой, какъ и четками, и тратили свою сангвиническую энергію на охоту и удалые походы противъ еретиковъ, а то и просто противъ своихъ сосѣдей. Это—„солдатъ въ душѣ", какъ говорятъ его политическіе друзья, „рейтаръ въ рясѣ", какъ утверждаютъ его политическіе враги: военный міръ—его излюбленная стихія, и недаромъ въ прошломъ году, на публичномъ актѣ въ католической шикарной гимназіи (въ Отейлѣ), находящейся подъ его руководствомъ, онъ призывалъ „свѣтскій мечъ" опуститься на непокорныя головы „измѣнниковъ отечества". Онъ не безъ самодовольства называетъ себя „профессоромъ энергіи католическаго молодого поколѣнія" и гордится тѣми изъ своихъ учениковъ, которые прославились, за неимѣніемъ войны въ Европѣ, своими колонизаторскими подвигами надъ неграми и говасами.

Но самымъ опаснымъ врагомъ современнаго режима является отецъ Пикаръ, настоятель ассумпціонистовъ и главный руководитель газеты „La Croix“, которая стала теперь извѣстна, по крайней мѣрѣ по названію, всему міру съ тѣхъ поръ, какъ въ ея парижской и провинціальныхъ редакціяхъ были произведены обыски. У Пикара самый дикій мистицизмъ счастливо сочетается съ необыкновенною практичностью: насколько его общее міровоззрѣніе проникнуто элементами грубѣйшаго средневѣковаго суевѣрія, настолько въ житейскихъ вопросахъ онъ отличается замѣчательною трезвостью и первоклассными организаторскими способностями. Онъ былъ однимъ изъ иниціаторовъ той католической эволюціи, которая основана на формальномъ „присоединеніи“ къ республикѣ. Нѣкоторые изслѣдователи французскаго клерикализма считаютъ даже именно его главнымъ совѣтникомъ папы, который рѣшился, какъ говорятъ, ступить на путь „либерализма“ лишь послѣ того, какъ установилъ планъ новой кампаніи съ отцомъ Пикаромъ. Необыкновенное вліяніе, которымъ послѣдній пользуется среди своего ордена, придало дѣятельности ассумпціонистовъ такой централизованный, а потому и удачный характеръ, что эта конгрегація стала главнымъ фокусомъ всѣхъ реакціонныхъ предпріятій противъ республики и оттѣснила въ этомъ отношеніи на второй планъ даже знаменитое „общество Іисуса“. Я остановлюсь поэтому нѣсколько подробнѣе на дѣятельности ассумпціонистовъ и прежде всего на роли, которую играетъ во Франціи газета „La Croix“.

Гдѣ бы вамъ ни приходилось жить въ провинціи, вы непремѣнно встрѣтитесь съ продавцомъ этой газеты, по большей части мальчишкой, который стремительно бѣжитъ по дорогѣ съ тюкомъ номеровъ подъ мышкою и звуками рожка вызываетъ потребителей клерикальной прозы. „La Croix“ издается въ Парижѣ подъ руководствомъ трехъ воинственныхъ „отцовъ“: уже упомянутаго Пикара, который не столько пишетъ, сколько вдохновляетъ общую политику органа въ гармоніи съ дѣятельностью ордена; Байльи, главнаго редактора, подвизающагося перомъ подъ псевдонимомъ „Монаха“ (Le Moine); и Адеода, воздѣлывающаго ниву клерикализма подъ скромнымъ названіемъ „Мужичка“ (Le Petit Laboureur). Но кромѣ этого столичнаго изданія, въ каждомъ мало-мальски важномъ провинціальномъ городѣ выходитъ мѣстное изданіе „La Croix“, которое перепечатываетъ передовыя и вообще руководящія статьи изъ столичнаго номера, а при составленіи прочаго матеріала полагается на силы, талантъ и нюхъ провинціальныхъ клерикаловъ. Вы можете себѣ представить, какое могучее вліяніе на своихъ читателей оказываетъ этотъ органъ, въ которомъ разнообразіе мѣстныхъ деталей лишь сильнѣе оттѣняетъ единство, или, вѣрнѣе, тожество редакціонныхъ статей. Эти статьи изо дня въ день разносятъ по всей Франціи тенден-

ціозную ложь и клевету на республиканскій персоналъ и учрежденія подъ предлогомъ, что, „присоединившись“ къ республикѣ, „вѣрующіе католики“ желаютъ „очистить ее отъ всякихъ шлаковъ и грязи и сдѣлать ее достойнымъ жилищемъ святыхъ идей и истиннаго христіанства“ (читай: ультрамонтанства). Борьба противъ современной мысли и свѣтской цивилизаціи ведется на столбцахъ „La Croix“ съ такою нехристіанскою свирѣпостью и такимъ ядовитымъ оружіемъ, что даже среди католиковъ умѣренные элементы неоднократно протестовали противъ направленія газеты, которая, молъ, дискредитируетъ высшіе духовные интересы. Одинъ изъ вліятельныхъ лицъ этой категоріи какъ-то выразился даже, что „крестъ, изображенный на виньеткѣ газеты (откуда и ея названіе), напоминаетъ не орудіе искупленія, а тяжелое распятіе, которымъ монахи испанской инквизиціи раздробляли голову еретикамъ“. И нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшій парижскій архіепископъ (Гиберъ) формально приказалъ редакторамъ „La Croix“ убрать съ заглавной виньетки крестъ, изъ кототораго, молъ, руководители органа сдѣлали кощунственное употребленіе. Но крестъ снова появился на клеветническихъ столбцахъ, и снова монашескій тріумвиратъ проводитъ подъ флагомъ истины и любви омерзительную ложь и злѣйшее человѣконенавистничество.

Попробуйте читать нѣсколько дней подрядъ „La Croix“: это вѣрнѣйшее средство набрать силъ и энергіи для борьбы съ клерикализмомъ, ибо нигдѣ истинныя идеи ультрамонтанства не обнаруживаются съ большею яркостію и полнотой. Такъ, замѣтивъ, что демагогическій антисемитизмъ можетъ дѣйствовать на массы, редакція „La Croix“ послѣдніе два года вела такую кампанію противъ „жидовъ“, какой можетъ позавидовать и самъ Дрюмонъ. Распространяя кличку „измѣнниковъ“ и „членовъ космополитскаго синдиката“ не только на всѣхъ евреевъ, но на всѣхъ протестантовъ, всѣхъ свободныхъ мыслителей и даже всякаго француза, боровшагося въ дѣлѣ Дрейфуса за справедливость, ассумпціонисты приглашали „искреннихъ католиковъ и патріотовъ“ вооружиться „святымъ гнѣвомъ“ и выгнать „всѣ чуждые элементы за дверь Франціи“. Въ минуты наибольшаго возбужденія улицы, напр. во время процесса Золя или реннскаго суда, „La Croix“ давалъ очень прозрачные совѣты своимъ „вѣрующимъ читателямъ“ всякими средствами заставить замолчать „предателей“.

Чтенія самого „La Croix“ вполнѣ достаточно, для пониманія смысла клерикальнаго движенія во Франціи. Я не буду уже говорить объ умышленномъ искаженіи фактовъ, фальшивыхъ обвиненіяхъ противъ лицъ, чудовищно тенденціозныхъ оцѣнкахъ современныхъ учрежденій и законовъ: въ странѣ свободы печати наилучшимъ противоядіемъ противъ лжи служитъ опять таки сама свободная печать. Но на религіозномъ

лукѣ „La Croix“ натянута не одна публицистическая тетива: вы найдете въ этомъ органѣ массу различныхъ пріемовъ воздѣйствія на публику. Тамъ есть отдѣлъ юридическихъ консультацій, въ которыхъ клерикальными адвокатами подробно излагаются пріемы обманыванія казны при обложеніи налогами религіозныхъ общинъ, при передачѣ наслѣдства изъ рукъ въ руки членами конгрегаціи, при отказываніи посторонними лицами имущества въ пользу монастырей. Тамъ есть отвѣты редакціи по „военной корреспонденціи“, гдѣ „патріотическимъ“ читателямъ „La Croix“ указываются различныя уловки, какъ получать льготы по службѣ или совсѣмъ избѣгать ея. Тамъ есть филантропическій отдѣлъ, принимающій пожертвованія въ пользу „хлѣба для бѣдныхъ Антонія Падуанскаго“, пожертвованія по различнымъ религіознымъ обѣтамъ, которые выражаютъ не только грубѣйшее католическое суевѣріе, но и низкій нравственный уровень жертвующихъ. У меня собрана цѣлая коллекція этихъ обѣтовъ, аккуратно печатаемыхъ „La Croix“ на третьей страницѣ перваго листа (второй листъ занятъ литературнымъ и политическимъ „приложеніемъ“), и я затрудняюсь лишь обиліемъ выбора. Но вотъ нѣкоторые наиболѣе типичные мотивы жертвованій: „посылаю вамъ 100 франковъ“, пишетъ студентъ—южанинъ, „согласно обѣщанію, данному мною Антонію Падуанскому, ибо я противъ всякаго ожиданія съ успѣхомъ выдержалъ экзаменъ“; „примите 10 франковъ отъ меня“, изъясняется сынъ одного фабриканта, „за то, что отецъ мой, наконецъ, нашелъ хорошихъ рабочихъ, которые его слушаются и не ставятъ никакихъ требованій насчетъ прибавки“; „при семъ прилагая 37 франковъ, прошу васъ передать вашимъ бѣднымъ эту сумму, какъ обѣщанную долю съ прибыли при продажи трески“—пишетъ благочестивый бретонскій капиталистъ — рыбопромышленникъ; „примите и отъ меня 1 франкъ“, говоритъ вдова провинціальнаго ремесленника: „я обѣщалась внести эту сумму св. Антонію, если онъ вылѣчитъ моего мужа отъ пьянства: мой мужъ упалъ въ пьяномъ видѣ изъ окна и смертельно расшибся, но въ теченіе своей двухнедѣльной болѣзни раскаялся и умеръ, какъ подобаетъ истинному католику со слезами умиленія“; и т. д. Есть, наконецъ, при „La Croix“ и отдѣлъ объявленій, въ заголовкѣ котораго стоитъ широковѣщательное заявленіе отцовъ-редакторовъ, что они въ эту рубрику не мѣшаются. Но это не препятствуетъ имъ рекомендовать здѣсь публикѣ исключительно клерикальные продукты какъ для тѣлеснаго, такъ и для духовнаго потребленія, напр. изданія клерикальной печати (торговаго дома Bonne presse), премія къ которымъ состоитъ въ скидкѣ 2% съ цѣны вина, продаваемаго благочестивой католической фирмой; разные элексиры, ликеры, шоколадъ—траппистовъ и прочихъ орденовъ; статуэтки святыхъ (по удешевленнымъ цѣнамъ, если берутъ сотней) и т. п.

Разъ у насъ уже зашла рѣчь о нѣкоторыхъ остроумныхъ коммерческихъ пріемахъ, которые пускаются въ ходъ редакторами „La Croix“ для округленія бюджета газеты, то мы коснемся кстати и другихъ ихъ стяжательныхъ операцій, хотя лишь косвенно, а то и совсѣмъ не связанныхъ съ публицистическою дѣятельностію. Къ числу ихъ принадлежатъ, между прочимъ, часто повторяющіяся благочестивыя подписки въ пользу опредѣленныхъ цѣлей: такъ вся типографія „La Croix“, стоющая нѣсколько сотенъ тысячъ франковъ и помѣщающаяся въ Парижѣ на улицѣ Франциска I, была куплена на деньги, вырученныя отъ своеобразныхъ билетиковъ — индульгенцій, подписная цѣна которыхъ была съ удивительнымъ коммерческимъ нюхомъ назначена въ 29 (а не 30, замѣтьте это!) сантимовъ. Съ другой стороны, и трудъ наборщиковъ ничего не стоитъ почтеннымъ отцамъ изъ „La Croix“: газета набирается задаромъ монашенками ордена облатокъ (soeurs Oblates), и этотъ рабочій персоналъ надрывается возлѣ станка по 16 часовъ въ сутки, безропотно и благоговѣйно, надѣясь заслужить тѣмъ расположеніе католическихъ святыхъ *). Но однимъ изъ самыхъ геніальныхъ изобрѣтеній ассумпціонистовъ является организація „національнаго паломничества“ въ Лурдъ и Іерусалимъ, и въ особенности установленіе категоріи такъ называемыхъ „паломниковъ желанія“ (или „паломниковъ въ мысли“ или „платоническихъ паломниковъ“: я ужъ, право, не знаю, какъ перевести безподобный терминъ „pèlerin de désir“). Эта категорія доставляетъ самые крупные барыши отцамъ-предпринимателямъ. Дѣйствительно, мы знаемъ, что даже вѣрующіе католики въ родѣ Шэншолля, этого всевѣдующаго и вездѣсущаго репортера изъ „Фигаро“, указывали на рѣзко-коммерческій характеръ путешествій въ Лурдъ, организуемыхъ духовенствомъ, которое за вычетомъ расходовъ получаетъ значительную прибыль отъ этого предпріятія. Но представьте себѣ, каковъ же долженъ быть доходъ отъ платоническихъ паломниковъ, которые и названіе то свое получили отъ того, что посылаютъ лишь деньги на свое путешествіе, сами же остаются преспокойно дома. Этимъ путемъ, по увѣренію ассумпціонистовъ, вы можете съѣздить, не выходя изъ комнаты, не только въ Лурдъ, но и въ Іерусалимъ, и съѣздить съ такимъ же успѣхомъ для спасенія души, какъ если бы вы дѣйствительно продѣлали длинную дорогу. Вы послали деньги на путешествіе—этого довольно: вы этимъ выразили свое искреннее „желаніе“, вы „паломникъ желанія“, и вамъ зачтется это на небѣ наравнѣ съ подвигами настоящихъ пилигримовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ,

*) Недавнія пренія въ палатѣ бросаютъ свѣтъ на ужасную эксплуатацію и истязанія въ женскихъ католическихъ монастыряхъ, сиротскихъ домахъ, пріютахъ и т. п.

увѣряютъ васъ благочестивые отцы, потирая руки отъ удовольствія и цѣликомъ откладывая въ кассу ордена деньги платоническихъ путешественниковъ по святымъ мѣстамъ...

И вотъ такими-то разнообразными способами ассумпціонисты стянули въ своихъ рукахъ громадные капиталы, какъ наглядно показываетъ сумма въ 1.800,000 фр., случайно попавшаяся при обыскѣ въ парижскомъ „La Croix", рядомъ съ массою завѣщаній, сдѣланныхъ разными лицами въ пользу ордена, равно какъ документами, доказывавшими принадлежность газетѣ недвижимой собственности, которую наши правдивые отцы выдавали за чужую, чтобы не платить налоговъ. Но вѣдь такія случайно найденныя колоссальныя суммы, и притомъ найденныя лишь въ одномъ изъ помѣщеній ордена и не въ видѣ процентныхъ бумагъ, а червонцами и банковыми билетами, достаточно ясно указываютъ на величину матеріальныхъ средствъ, которыми можетъ располагать для политическихъ плановъ черная армія, борющаяся противъ республики. Мы видѣли выше, что общій итогъ клерикальнаго имущества равняется десяти милліардамъ. Недаромъ, останавливаясь надъ этой цифрой, одинъ свободомыслящій писатель восклицаетъ почти трагически:

Подумайте же о той безграничной власти, которую можетъ дать подобная сумма, если ею ловко маневрируютъ! Подумайте о той массѣ человѣческихъ совѣстей и литературныхъ перьевъ, которыя продаются съ аукціона тому, кто предлагаетъ наивысшую цѣну! Вы проникнете тогда въ тайну столькихъ случаевъ внезапной перемѣны убѣжденій, которые могли показаться удивительными, вы узнаете тогда, почему столько писателей хотятъ насъ тихонько перевести на лоно католической церкви вы поймете движущія пружины приготовляющейся гражданской войны, т. е. въ сущности войны религіозной! *).

Я и заключу эту статью указаніемъ на нѣкоторые типичные факты политической дѣятельности клерикаловъ, оговариваясь, что дѣло идетъ лишь о болѣе или менѣе извѣстныхъ проявленіяхъ ультрамонтанства, тогда какъ значительная часть его разрушительной подпольной дѣятельности противъ демократіи и свѣтскаго общества остается почти въ совершенной тайнѣ. И опять таки здѣсь на первый планъ выступаетъ политическая организація ассумпціонистовъ. Въ правилахъ этого ордена выставлена троякая цѣль, совпадающая съ пожеланіями, которыя находятся въ завѣщаніи знаменитаго отца д'Альзона (умершаго въ 1878 г.): „борьба противъ революціи", т. е. противъ демократическихъ учрежденій, вытекшихъ изъ переворота прошлаго вѣка; „война съ тайными обществами", т. е. со всѣми ассоціаціями свободной мысли; „дѣятельность противъ схизмы", т. е. противъ всѣхъ другихъ видовъ христіанства, кромѣ католичества,

---

*) Michel Zévacs, *Les Jésuites contre le Peuple. La nouvelle Inquisition*; Парижъ, 1899, стр. 7—8.

равно какъ противъ еврейства, скептицизма и свободомыслія. Для выполненія этой программы уже въ концѣ 70-хъ годовъ ассумпціонисты выставили своимъ девизомъ „воздѣйствіе на массы путемъ газетъ", а десять лѣтъ спустя присоединили къ этому „воздѣйствіе на массы при помощи проповѣдей". И впереди католическихъ газетъ быстро развился и пошелъ послѣ первыхъ неудачъ уже знакомый намъ органъ „La Croix", который, благодаря громаднымъ средствамъ ассумпціонистовъ, скоро превратился изъ выходящаго два раза въ недѣлю въ ежедневный, а цѣна его была спущена уже въ началѣ 90-хъ годовъ до 5 сантимовъ номеръ въ розничной продажѣ, давая ему возможность проникать, вмѣсто прежнихъ ограниченныхъ слоевъ знати и духовенства, и въ народныя массы. Въ настоящее же время продавцы газетъ покупаютъ его по 1 сантиму за номеръ, если берутъ не менѣе пятидесяти экземпляровъ, и находятъ возможность такимъ образомъ уступать съ большой выгодой для себя семь недѣльныхъ номеровъ всего за пятнадцать сантимовъ. Эта баснословная дешевизна была бы, впрочемъ, безполезна, еслибы руководители „La Croix" не создали во всей Франціи знаменитыхъ „комитетовъ распространенія" этой газеты. А эти учрежденія, наводнивъ страну номерами клерикальнаго органа, скоро превратились вмѣстѣ съ тѣмъ въ могущественные политическіе центры, роль которыхъ далеко не исчерпывается ихъ первоначальнымъ и до извѣстной степени чисто казовымъ назначеніемъ. Образовавшись въ 1888 г. въ самый разгаръ буланжизма, первые комитеты такъ ловко повели дѣло, что весною 1889 г. ихъ уже насчитывалось четыреста, самые важные изъ которыхъ функціонировали въ большихъ центрахъ въ родѣ Марселя, Бордо, Тулузы, Ліона, Орлеана, Реймса, Лилля и т. д. Въ настоящее же время число этихъ комитетовъ дошло до четырехъ тысячъ, а такъ какъ минимумъ состава комитета полагается въ 20 человѣкъ, большіе же комитеты насчитываютъ болѣе сотни членовъ, то лишь одинъ орденъ ассумпціонистовъ долженъ располагать теперь арміей въ 150,000—200,000 послушныхъ и дисциплинированныхъ солдатъ. А что это—настоящая армія, которая при случаѣ попытается перейти въ дѣйствіе, можно видѣть изъ самаго способа ихъ организаціи. Въ архивахъ ассумпціонистовъ сохраняется карта Франціи, представляющая дѣленія на провинціи, департаменты и округа сообразно съ развитіемъ „комитетовъ распространенія". Мелкіе комитеты подчиняются комитету округа, окружные комитеты департаментальному, департаментальные центральному. Во главѣ каждаго комитета стоитъ „начальникъ", который для большаго удобства и свободы дѣйствія никогда почти не принадлежитъ къ духовному сословію, а является мѣстнымъ вліятельнымъ лицомъ: фабрикантомъ, адвокатомъ, нотаріусомъ и т. п.; но возлѣ каждаго начальника находится тай-

ный агентъ ассумпціонистовъ, чтобы контролировать его дѣйствія и шпіонить за нимъ. Комитеты сносятся между собою при посредствѣ этой іерархіи „начальниковъ“, которая въ концѣ концовъ повинуется приказаніямъ главнаго начальника (опять-таки свѣтскаго лица). Этотъ же избирается руководителями ордена, отцомъ Пикаромъ и отцомъ Байльи, находится подъ ихъ непосредственнымъ контролемъ и управляетъ всей своей арміей, подобно генералиссимусу духовнаго правительства. Личность этого главнаго начальника тщательно сохраняется въ тайнѣ, и мѣстныя организаціи не знаютъ даже имени его. Слухи относительно его очень противорѣчивы: одни говорятъ, что это одинъ изъ парламентарныхъ вожаковъ правой, другіе, что это генералъ. Какъ бы то ни было, когда благочестивые отцы „La Croix“ считаютъ нужнымъ устроить манифестацію по всей Франціи, вся армія комитетовъ маневрируетъ, какъ одинъ человѣкъ, и этою организаціею объясняются, между прочимъ, быстрота и единство „патріотическихъ“ безобразій, уличныхъ свалокъ и чуть не прямыхъ возстаній, грязная волна которыхъ прокатилась по всей странѣ въ теченіе трехъ-четырехъ дней послѣ появленія въ L'Aurore знаменитаго письма Золя „Я обвиняю“. Мѣстные военные, мѣстные студенты, мѣстные торгаши и вообще бушевавшая вслѣдъ за Парижемъ провинціальная улица были лишь простымъ орудіемъ, матеріаломъ „патріотическаго самопроизвольнаго движенія“, въ рукахъ клерикальныхъ комитетовъ. Сами того не зная, массы слѣдовали за вожаками этихъ организацій, отвѣчая восторженнымъ ревомъ на ихъ лозунгъ: „да здравствуетъ армія! долой жидовъ! долой измѣнниковъ! долой протестантовъ! долой массоновъ“! То отцы „La Croix“, эксплуатируя глупость шовинистовъ и цезаристовъ, старались выполнять на практикѣ завѣщанную имъ отцомъ Д'Альзономъ „борьбу противъ революціи“.

Другой формой политическаго воздѣйствія клерикаловъ не столько на массы вообще, сколько на болѣе развитой элементъ среди нихъ, на рабочій классъ, является такъ называемый „христіанскій соціализмъ“. И въ этой сферѣ ассумпціонисты являются если не единственными, то главными руководителями движенія. Было бы, конечно, невѣрно отрицать существованіе искреннихъ людей между „христіанскими соціалистами“; но, какъ организованное теченіе, съ его конгрессами, обществами пропаганды, библіотеками, кружками католическихъ рабочихъ, „христіанскій соціализмъ“ есть сознательное эксплуатированіе клерикалами тѣхъ стремленій рабочаго класса, которыя составляютъ все болѣе и болѣе характеристичную черту нашей эпохи. Интересна во всякомъ случаѣ быстрая перемѣна фронта мыслящими клерикалами по отношенію къ политическому и соціальному во-

просу подъ давленіемъ необходимости съ тѣхъ поръ, какъ они рѣшили „проникнуть въ сердце народа“ (выраженіе Пикара) и привлечь симпатіи народовъ. Въ 1878—1879 г. ихъ органы яростно нападали на республику и особенно соціализмъ; два-три года спустя среди нихъ уже обнаружились первые признаки „присоединенія“ къ республикѣ; а въ началѣ 90-хъ годовъ клерикалы ступили массами на этотъ путь съ благословенія папы, а въ то же время люди въ родѣ аббата Гарнье развернули подъ видомъ христіанскаго соціализма знамя антисемитической демагогіи. И этотъ послѣдній характеръ принимается все болѣе и болѣе христіанскимъ соціализомъ во Франціи съ тѣхъ поръ, какъ наиболѣе выдающіеся и старые представители его, вродѣ графа де-Мэна, затушевали свои прежнія, довольно смѣлыя требованія въ экономической сферѣ, но за то съ тѣмъ большею готовностью подчеркнули его клерикально-политическую сторону.

Я не могу входить въ подробности различныхъ рабочихъ обществъ, вызванныхъ къ жизни клерикалами. Но не могу удержаться, чтобы не привести одного очень типичнаго примѣра, который показываетъ, какова задняя мысль этихъ различныхъ организацій. Вотъ вамъ программа „христіанскихъ демократовъ“, которые считаютъ себя наиболѣе передовою группою католиковъ и которые по ихъ словамъ, если почему не хотятъ называть себя „соціалистами“, то потому лишь, что боятся якобы, чтобы ихъ не приняли за революціонеровъ. Почтенная партія „христіанскихъ демократовъ“ начинаетъ свою программу очень чувствительно, ставя въ число основныхъ принциповъ „общественную справедливость“. Вотъ какъ примѣняетъ она этотъ принципъ къ постановкѣ практическихъ требованій; въ числѣ „политическихъ реформъ“ она провозглашаетъ необходимость

> приниженія еврейскаго и массонскаго могущества: 1) отмѣны декрета 1791 г., дающаго евреямъ права и преимущества французскихъ гражданъ, и 2) строгихъ законовъ противъ массонства и тайныхъ обществъ *).

И этого требуютъ тѣ самые люди, которые кричатъ о „преслѣдованіи католиковъ“, тѣ самые люди, которые покрыли всю Францію цѣлою сѣтью тайныхъ обществъ! Поистинѣ клерикалы всегда остаются вѣрны себѣ!.. *).

Въ настоящее время уловленіе рабочихъ въ сѣти клерикальнаго „соціализма“ практикуется не только католиками-фабрикантами, въ родѣ пресловутаго Гармеля, который каждый годъ является въ Римъ съ депутаціею своихъ рабочихъ, чтобы поцѣловать туфлю у папы; съ рабочими заигрываютъ и аристократы, и кле-

*) Цитирую по уже упомянутому *L'Année sociale*, стр. 78—80.

**) См., напр., курьезную обличительную брошюру брата Вейльо противъ массоновъ во имя „свободы“: François Veuillot, *La Franc-maçonnerie contre la liberté;* Парижъ, 1899, особенно стр. 58—60.

рикальная интеллигенція, и золотая молодежь съ католическимъ міровоззрѣніемъ. Бывшій аббатъ Викторъ Шарбонель, о которомъ я писалъ года два тому назадъ и котораго клерикальная партія вынудила своими преслѣдованіями съ тѣхъ поръ сбросить рясу и стать въ ряды соціалистовъ, указываетъ на знаменательную попытку молодыхъ и богатыхъ католиковъ привлечь въ свой лагерь простыхъ рабочихъ, открывая имъ кружки для занятій, библіотеки и залы для даровыхъ консультацій въ своихъ роскошныхъ отеляхъ *). И въ отвѣтъ на эту предостерегающую пролетаріатъ статью одинъ изъ такихъ „демократовъ“ - католиковъ и редакторъ газеты „Le Sillon“, нѣкто Санье-Лашо, печатаетъ очень ловкое и сантиментальное опроверженіе, въ которомъ клянется въ своей любви къ народу и говоритъ, что уже самый фактъ помѣщенія рабочаго кружка въ великолѣпномъ отелѣ свидѣтельствуетъ, что для него, искренняго католика, нѣтъ разницы между его свѣтскими друзьями и друзьями изъ народа; не устраивать же ему, молъ, двухъ различныхъ входовъ для этихъ двухъ категорій,—парадной лѣстницы для фешіонэбельныхъ персонъ и чернаго хода для братьевъ - рабочихъ *).

Хотѣлось бы мнѣ еще для полноты этого этюда очертить клерикальную пропаганду въ войскѣ, пропаганду, которой заняты, подъ покровительствомъ католическаго офицерства, цѣлыхъ 600 патеровъ, принадлежащихъ къ организаціи „Oeuvres paroissiales militaires de France“, хотя законъ отмѣнилъ должность полковаго священника; равно какъ изобразить дѣятельность духовенства въ школѣ, гдѣ идеи католической нетерпимости внушаются болѣе, чѣмъ половинѣ всѣхъ учащихся (2.534,198 изъ 4.650,149 дѣтей школьнаго возраста, по недавнему вычисленію Ривэ). Но я предпочитаю разсмотрѣть эти вопросы въ спеціальныхъ этюдахъ военной организаціи и о народномъ образованіи во Франціи. Впрочемъ, уже сказаннаго мною въ этой статьѣ достаточно, какъ мнѣ кажется, чтобы читатель убѣдился въ могуществѣ клерикальной арміи, ведущей неустанную борьбу противъ демократической республики. Знаменитая фраза „католицизмъ есть шпага, рукоятка которой находится въ Римѣ, а остріе во всемъ мірѣ“ остается вполнѣ вѣрной и для настоящаго времени; и для истинныхъ друзей французской демократіи однимъ изъ жгучихъ вопросовъ внутренней политики является вопросъ о томъ, успѣетъ ли третья республика отвести отъ своей груди это предательское лезвіе. Въ этомъ можно было отчаиваться въ періодъ гибельной тактики „присоединенія“ и „примиренія“. Но событія двухъ послѣднихъ лѣтъ открыли глаза

---

*) Victor Charbonnel, *Les jeunes catholiques et l'action sociale;* въ „Le Mouvement Socialiste“ отъ 1-го ноября 1899 г., стр. 523—530.

**) Sangnier-Lachaud, *Réponse à M. Victor Charbonnel;* въ томъ же изданіи, 15-го ноября 1899, стр. 617—625.

искреннимъ республиканцамъ на грозящую опасность, и это пробужденіе демократіи является наилучшей гарантіей побѣды. Маски сорваны; перчатка поднята; противъ враговъ республики, требующихъ „свободы“ для того, чтобы удушить свободу, и „равенства“ для того, чтобы ввести привилегію клерикальной тираніи, противъ этой „черной арміи“ организуется и идетъ въ борьбу демократическій авангардъ третьей республики, идетъ, сознавая, что онъ защищаетъ не только свободный строй Франціи, но и цивилизацію всего міра.

Н. Кудринъ.

Экскурсія въ „мало-изслѣдованную и таинственную“ область.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ мы не безъ интереса слѣдимъ за статьями г. Е. Соловьева о семидесятыхъ годахъ, печатающимися въ „Жизни“, хотя, говоря по правдѣ, слѣдить настоящимъ образомъ за этими статьями очень трудно, такъ какъ онѣ касаются чрезвычайнаго множества вопросовъ и касаются ихъ по большей части только слегка. Въ сущности, въ этомъ нельзя даже и винить самого автора въ виду большой сложности и разносторонности выпавшей на его долю задачи. Не смотря на то, что предметъ его критическаго изслѣдованія—семидесятые годы—опредѣленъ довольно точно, автору приходится на каждомъ шагу дѣлать отступленія и торопливо переходить отъ одного важнаго вопроса къ другому еще болѣе важному, благодаря исключительно той точкѣ зрѣнія, съ которой онъ относится къ своему предмету, или—лучше сказать—благодаря той внезапной метаморфозѣ, которая, какъ извѣстно, произошла съ нѣкоторыхъ поръ въ міросозерцаніи довольно значительной части нашего мыслящаго общества.

Представьте себѣ, что вамъ пришлось-бы характеризовать десятилѣтіе очень отдаленной отъ васъ эпохи, положимъ, девятаго или десятаго вѣка,—эпохи, съ которой вы и ваши читатели уже не связаны непосредственной преемственностью настроенія и взглядовъ, и которая стала поэтому совершенно чуждой и непонятной для васъ. Каждая сторона этой таинственной эпохи потребовала-бы тогда отъ васъ разъясненій и притомъ болѣе или менѣе гадательныхъ, особенно еслибы она была „до обидности мало изслѣдована“. Въ такомъ же приблизительно положеніи оказался и авторъ вышеуказанныхъ статей. Онъ говоритъ объ

эпохѣ, хотя и близкой по времени, но, по его собственнымъ словамъ, „такой далекой отъ насъ по своему духовному строю, что намъ почти невозможно проникнуть въ ея истинное настроеніе“ (Іюль, стр. 279). Такимъ образомъ, о многомъ ему, очевидно приходится только догадываться, и онъ часто принужденъ съ недоумѣніемъ останавливаться на той или другой странной чертѣ этой, такъ сказать, внутренно забытой эпохи. Такъ какъ, по поводу каждой изъ задѣваемыхъ имъ сторонъ общественной жизни, авторъ стремится вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить свои собственные взгляды, не имѣющіе ничего общаго со взглядами чуждаго ему періода семидесятыхъ годовъ, то ему приходится одновременно исполнять двойную работу, причемъ иногда онъ ограничивается только тѣмъ, что торопливо ссылается въ подстрочномъ примѣчаніи на какую-нибудь соціологическую доктрину или даже на цѣлую философскую систему. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ, не смотря на всю видимую серьезность намѣреній автора, его довольно обширныя критическія статьи оказались чрезвычайно поверхностными.

Возьмемъ, напримѣръ, одно изъ самыхъ основныхъ положеній автора и даже, если хотите, самое основное, — то, на которомъ построено его объясненіе происхожденія такъ называемаго народническаго движенія. Откуда взялось оно? „Западъ не зналъ никогда ничего подобнаго“, говоритъ авторъ. „Это наше собственное, правда, исчезающее, но далеко еще не стершееся съ нашихъ настроеній и чувствъ“. (Январь, стр. 128). Въ послѣднихъ словахъ авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду не самого себя, а позднѣйшихъ представителей народничества, которое, по его собственнымъ словамъ, „выродилось, измельчало до бормотанія, до слезливыхъ восторговъ передъ мужикомъ“. (Іюнь, стр. 271). Откуда же взялось это странное явленіе, пронесшееся какъ вихрь надъ русской землей и оставившее послѣ себя только жалкое бормотаніе?

На этотъ основной вопросъ всего своего изслѣдованія авторъ даетъ краткій и категорическій отвѣтъ: народничество семидесятыхъ годовъ, по его словамъ, не иное что какъ порожденіе славянофильства и старо-барскаго духа.

„Народники—духовныя дѣти славянофиловъ, говоритъ онъ,— и даже въ гораздо большей степени, чѣмъ пресловутые почвенники...“. „Взявши у славянофильства основы своего ученія“, читаемъ мы дальше, народничество „оплодотворило ихъ мощной мыслью Запада, хотя и боялось договориться до конца, чему больше всего мѣшалъ его старо-барскій духъ, отчасти заимствованный, отчасти прямо ему принадлежащій“. (Стр. 271, 272).

Вотъ ключъ къ пониманію „таинственной и до обидности мало изслѣдованной“ эпохи семидесятыхъ годовъ. Но какъ ни просто кажется съ перваго взгляда это рѣшеніе, оно всетаки

невольно вызываетъ на сомнѣнія. Всякому, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ тою второстепенною ролью, какую играло славянофильство въ литературномъ движеніи шестидесятыхъ годовъ, а главное—съ его полной непримиримостью съ „мощною мыслью Запада“, составлявшею несомнѣнную основу этого движенія, утвержденіе автора сразу же представляется крайне загадочнымъ, и читатель, разумѣется, въ правѣ ожидать отъ него самаго строгаго доказательства.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не странное явленіе, когда идея славянофильства, совершенно чуждая чрезвычайно сильному литературному движенію, всецѣло господствовавшему надъ умами своей эпохи, вдругъ овладѣваетъ поколѣніемъ, воспитавшимся подъ его непосредственнымъ вліяніемъ? Ибо вѣдь невозможно же отрицать, что поколѣніе семидесятыхъ годовъ, создавшее свою собственную литературу и охваченное своимъ собственнымъ движеніемъ, само-то было воспитано литературою шестидесятыхъ годовъ. Г. Е. Соловьевъ также признаетъ это, когда утверждаетъ, что семидесятые годы оплодотворили основы славянофильства мощною мыслью Запада. Откуда же пришла къ нимъ эта мощная мысль Запада? Она, очевидно, была передана имъ литературой шестидесятыхъ годовъ. Какимъ же чудомъ могучее вліяніе этой литературы могло быть побѣждено мало распространенной и даже враждебной господствовавшему тогда міросозерцанію идеей славянофильства? Въ какой моментъ это произошло и путемъ какихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ литературныхъ произведеній?

Какъ-бы въ отвѣтъ на эти неизбѣжные вопросы, г. Е. Соловьевъ выдвигаетъ не менѣе странную идею: онъ устанавливаетъ различіе между отрицательной стороной общественнаго міросозерцанія и его положительной программой. „Всякая новая идея, пишетъ онъ, воплощаясь въ жизни, играетъ двойную роль: отрицательную и положительную. Идея справедливости, равенства, братства, святости человѣческаго достоинства, кѣмъ бы она ни принималась, кого бы и когда бы она ни вдохновляла, не могла не встать въ противорѣчіе съ крѣпостнымъ правомъ, отрицая его всплошную. На этомъ отрицаніи должны были сойтись и дѣйствительно сошлись люди самыхъ различныхъ настроеній, самой противорѣчивой окраски... Тутъ сословный элементъ незамѣтенъ; если онъ и различимъ, то лишь въ чисто субъективной окраскѣ отрицанія... Въ своемъ отрицаніи, продолжаетъ авторъ, идея можетъ и не имѣть (особенно при подражательномъ характерѣ общественнаго развитія) ясно выраженнаго сословнаго характера, но этотъ характеръ всегда обнаруживается, когда идея начинаетъ играть созидающую, построительную роль“. (Іюнь, стр. 264).

Этимъ авторъ какъ будто хочетъ сказать, что пока дѣло шло

объ одномъ отрицаніи, сыны дворянскаго сословія вдохновлялись господствовавшею литературою шестидесятыхъ годовъ; когда же рѣчь зашла о положительныхъ сторонахъ, то тутъ-то вотъ и выступилъ на сцену сословный, барскій духъ въ формѣ славянофильской идеи. По крайней мѣрѣ, это-единственное объясненіе, какое мы находимъ въ статьяхъ г. Е. Соловьева въ отвѣтъ на сомнѣнія, возникающія по поводу его родословной семидесятыхъ годовъ.

Но можно-ли удовлетвориться такимъ объясненіемъ? Можно-ли, въ самомъ дѣлѣ, отдѣлить отрицательныя стороны какого-нибудь міросозерцанія отъ его положительныхъ сторонъ? Можно-ли отдѣлить отрицательныя идеи шестидесятыхъ годовъ отъ ихъ положительныхъ идей? Или, быть можетъ, г. Е. Соловьевъ присоединяется къ мнѣнію публициста старыхъ „Отечественныхъ Записокъ", Громеки, писавшаго когда-то, что литературная дѣятельность „Современника" была только разрушительной и что у нея не было никакихъ положительныхъ идеаловъ? А если эти положительные идеалы существовали, то развѣ они не были связаны органически съ критической стороной матеріалистическаго и западническаго направленія „Современника", несовмѣстимаго съ полу-мистическимъ міросозерцаніемъ славянофиловъ?

Если остановиться на объясненіи происхожденія народничества, даваемомъ г. Е. Соловьевымъ, то необходимо будетъ предположить, что поколѣніе семидесятыхъ годовъ сохранило критическую сторону міросозерцанія шестидесятыхъ годовъ, воплощавшую въ себѣ мощную мысль Запада, но отбросило связанные съ нею идеалы, а затѣмъ сочетало эту критическую сторону съ идеей славянофильства. Но для того, чтобы показать на дѣлѣ возможность такихъ операцій, автору слѣдовало-бы твердо установить два положенія: во-первыхъ, что положительныя стремленія семидесятыхъ годовъ отличались отъ идеаловъ шестидесятыхъ годовъ, а во-вторыхъ — что эти стремленія совпадали съ идеями славянофильства.

Вмѣсто сколько-нибудь обстоятельнаго доказательства всего этого, мы находимъ у г. Е. Соловьева только одно единственное обоснованіе его утвержденія о духовномъ родствѣ семидесятыхъ годовъ и славянофильства: онъ нѣсколько разъ упоминаетъ о ихъ одинаково сильной и безотчетной вѣрѣ въ народъ. Но вѣдь это еще вовсе не указываетъ на одинаковость ихъ идеаловъ. Славянофилы, какъ извѣстно, видѣли и видятъ въ народѣ носителя своей специфической, славянофильской идеи о христіанскомъ государствѣ; семидесятые годы вѣрили въ еще невѣдомую для нихъ народную силу и въ крестьянскую общину, какъ въ единственный, по ихъ мнѣнію, залогъ осуществленія въ русской жизни западно-европейскихъ идеаловъ. Положимъ, что они ошибались; но значитъ-ли это, что они замѣнили западническіе

идеалы шестидесятыхъ годовъ домостроевскими? А если нѣтъ, то что-же они заимствовали у славянофильства? Его вѣру въ народныя силы, независимо отъ содержанія, какое вкладывалось въ эту вѣру? Одни вѣрили въ то, что русскій народъ по самому существу своему настолько чуждъ западныхъ идей, что составляетъ самый надежный оплотъ противъ нихъ; другіе, напротивъ, вѣрили въ то, что онъ-то именно и призванъ осуществить въ русской жизни западно-вропейскіе идеалы, ибо носитъ нѣкій зародышъ ихъ въ своемъ трудовомъ общинномъ строѣ. Такъ какъ содержаніе этихъ двухъ вѣръ прямо противоположно, то очевидно, что заимствовать у славянофильства семидесятые годы могли только ихъ общую подкладку, т. е. вѣру въ рѣшающее значеніе народа въ общественной жизни.

Но можно-ли отстоять даже и такое заимствованіе? Нѣтъ, и чтобы доказать это, стоитъ только обратиться къ литературѣ шестидесятыхъ годовъ. Г. Е. Соловьевъ самъ указываетъ на иной источникъ народническаго направленія въ русской общественной жизни. Его статьи начинаются съ констатированія огромнаго мѣста, которое занялъ мужикъ въ русской литературѣ еще съ конца сороковыхъ годовъ. Затѣмъ онъ приводитъ характерныя слова Добролюбова, привѣтствовавшаго начинавшее проникать въ литературу „сознаніе великой силы народныхъ массъ въ экономіи человѣческихъ обществъ" и высоко ставившаго „желаніе и умѣніе прислушиваться къ еще отдаленному отъ насъ, но сильному въ самомъ себѣ гулу народной жизни". Но г. Е. Соловьевъ напрасно ограничился только этими бѣглыми указаніями. Если-бы онъ обратилъ надлежащее вниманіе на историческую преемственность идей семидесятыхъ годовъ, то онъ увидѣлъ-бы, что эта вѣра въ народныя массы, какъ источникъ общественнаго возрожденія, лежала въ самой основѣ міросозерцанія „Современника" и служила точкой опоры для всего его отрицательнаго направленія.

Читатель, конечно, знакомъ съ тою насмѣшливою нотою, которая звучала въ тѣхъ публицистическихъ статьяхъ Добролюбова, гдѣ онъ касался общественной роли культурныхъ слоевъ русскаго общества, и которая производила такой рѣзкій диссонансъ въ ликующемъ хорѣ тогдашней либеральной печати. Въ подтвержденіе этого мы могли бы привести множество выписокъ изъ сочиненій Добролюбова, но считаемъ это излишнимъ, особенно имѣя въ виду, что и самъ г. Е. Соловьевъ неоднократно ссылается на знаменитую фразу: „Въ настоящее время когда..."

Но что думаетъ г. Е. Соловьевъ о томъ, какими-же положительными данными русской общественной жизни поддерживалось и вдохновлялось это рѣзкое отрицательное отношеніе къ ея культурнымъ слоямъ въ руководителяхъ общественной мысли шестидесятыхъ годовъ? Г. Е. Соловьевъ упоминаетъ о томъ, что Добролюбовъ смотрѣлъ на народъ, какъ на матеріалъ вполнѣ

пригодный къ принятію общеевропейской культуры (январь, стр. 113). Но это слишкомъ неопредѣленно и недостаточно. Взгляды на этотъ счетъ Добролюбова были гораздо ярче и рѣшительнѣе, для выясненія чего мы и должны привести нѣсколько цитатъ изъ его сочиненій.

Еще въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности (1858 г.), набрасывая картину старо-помѣщичьяго быта на основаніи „Семейной Хроники" С. Аксакова, Добролюбовъ говоритъ: „Грустно становится, когда раздумаешься объ этихъ временахъ... Но и тутъ, какъ вездѣ, есть одна сторона отрадная, успокаивающая: это видъ добраго, свѣжаго крестьянскаго населенія... Много силъ должно таиться въ томъ народѣ, который, не опустился нравственно среди такой жизни, какую онъ велъ много лѣтъ, работая на Багровыхъ, Куролесовыхъ и т. п..." (т. I, стр. 352).

Характеризуя, около того же времени, по поводу „Губернскихъ Очерковъ" Щедрина, „талантливыя натуры", составлявшія, по его мнѣнію, все-же лучшую часть молодого русскаго общества, Добролюбовъ останавливается на нарисованной Щедринымъ картинѣ богомольцевъ и странниковъ, и заканчиваетъ статью такими словами: „Это не то, что фразёры, о которыхъ мы говорили въ началѣ статьи. Толками тѣхъ господъ нечего увлекаться, на нихъ нечего надѣяться: ихъ стаетъ только на фразу, а внутри существа ихъ господствуетъ лѣнь и апатія. Не такова эта живая, свѣжая масса: она не любитъ много говорить, не щеголяетъ своими страданьями и печалями, и часто даже сама ихъ не понимаетъ хорошенько. Но ужъ за то если пойметъ что-нибудь этотъ „міръ", толковый и дѣльный, если скажетъ свое простое, изъ жизни вышедшее слово, то крѣпко будетъ его слово, и сдѣлаетъ онъ, что обѣщалъ. На него можно надѣяться" (т. I, стр. 469),

Читатель видитъ, что здѣсь рѣчь идетъ уже не объ одной способности народа къ культурному развитію, но и о большихъ положительныхъ свойствахъ, пріобрѣтенныхъ имъ даже среди самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій. Говоря затѣмъ. въ статьѣ по поводу книги Милюкова, о русской народной поэзіи, Добролюбовъ и въ ней находитъ признаки, подтверждающіе это идеализированное представленіе о народѣ: „По нашему мнѣнію, говоритъ онъ, въ ней заключается много доказательствъ того, что въ народѣ нашемъ издревле хранилось много силъ для дѣятельности обширной и полезной, много было задатковъ самобытнаго, живого развитія" (т. I, стр. 519). Видите: даже *самобытнаго*!

Въ той-же большой статьѣ объ участіи народности въ развитіи русской литературы, Добролюбовъ пишетъ: „Нѣтъ, и Гоголь не постигъ вполнѣ, въ чемъ тайна русской народности, и онъ

перемѣшалъ хаосъ современнаго общества, кое-какъ изнашивающаго лохмотья взятой взаймы цивилизаціи со стройностью простой, чисто народной жизни, мало испорченной чуждыми вліяніями и еще способной къ обновленію на началахъ правды и здраваго смысла“ (т. I, стр. 548). Далѣе онъ говоритъ, что только Лермонтовъ, обладая громаднымъ талантомъ и „умѣвши рано постичь недостатки современнаго общества, умѣлъ понять и то, что *спасеніе отъ этого ложнаго пути находится только въ народѣ*“. (*Ibid*).

Позднѣе, въ концѣ 1860 г., въ своемъ разборѣ разсказовъ Марка Вовчка, Добролюбовъ уже подробнѣе и глубже анализируетъ черты, служащія „для характеристики русскаго простонародья“. Проводя параллель между простолюдинами и людьми „образованными“, онъ находитъ, что въ первыхъ „уваженіе къ личности и правамъ другихъ, и вслѣдствіе того внимательность къ общему мнѣнію гораздо сильнѣе...“ „Наше образованное общество, продолжаетъ онъ, какъ извѣстно, не имѣетъ себѣ подобнаго въ безразличности, съ которою оно смотритъ на общественную мораль. Люди, завѣдомо негодные, уличенные, осужденные, принимаются у насъ въ хорошемъ обществѣ, какъ будто бы за ними ничего дурного съ роду не бывало... Не сущность дѣла, а лишь принятая и условленная форма обращаетъ на себя общее вниманіе... Не тотъ характеръ имѣетъ страхъ общественнаго суда въ простомъ быту. Есть, правда, и тамъ свои привычки... Немудрено, что и въ крестьянскомъ быту общее мнѣніе часто бываетъ нелѣпо, иногда нечестно по неискренности, иногда совсѣмъ скрыто по малодушію. Противъ всего этого мы не думаемъ спорить... Но мы утверждаемъ одно, что тамъ болѣе внимательности къ достоинству человѣка, менѣе безразличія къ тому, каковъ мой сосѣдъ и какимъ я кажусь моему сосѣду. Забота о *доброй славѣ* тамъ встрѣчается чаще, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ, и въ видѣ болѣе нормальномъ... Стремленіе къ доброй славѣ есть прямое послѣдствіе благожелательства къ людямъ и уваженія къ ихъ личности. Въ своемъ крайнемъ развитіи оно переходитъ опять въ излишнюю угодливость, робость, боязнь общественнаго мнѣнія, и это мы нерѣдко видимъ въ нашихъ крестьянахъ, которыхъ вообще всѣ обстоятельства жизни такъ и ведутъ къ пресловутому *смиренномудрію* славянофиловъ. Но, во всякомъ случаѣ, по своему основанію и существеннымъ свойствамъ, эта чуткость народа къ общественному мнѣнію, къ доброй славѣ служитъ однимъ изъ доказательствъ способности его къ высокому гражданскому развитію, на началахъ живыхъ и справедливыхъ“. (Стр. 385—388, *passim*).

Здѣсь мы опять видимъ признаніе въ крестьянской массѣ положительныхъ общественныхъ свойствъ, ставящихъ ее выше всѣхъ другихъ сословій. Добролюбовъ не берется говорить о томъ,

какими путями можно устранить все, „что такъ страшно мѣшаетъ развитію хорошихъ качествъ народа“; но еще разъ обращаетъ вниманіе читателей „на мысль, развитіе которой составляетъ главную задачу“ его статьи, — „мысль о томъ, что народъ способенъ ко всевозможнымъ возвышеннымъ чувствамъ и поступкамъ наравнѣ съ людьми всякаго другого сословія, если еще не больше, и что слѣдуетъ строго различать въ немъ послѣдствія внѣшняго гнета отъ его внутреннихъ и естественныхъ стремленій, которыя совсѣмъ не заглохли, какъ многіе думаютъ“.

„Кто серьезно проникнется этой мыслью, продолжаетъ Добролюбовъ, тотъ почувствуетъ въ себѣ болѣе довѣрія къ народу, больше охоты сблизиться съ нимъ, въ полной надеждѣ, что онъ пойметъ, въ чемъ заключается его благо, и не откажется отъ него по лѣни или малодушію. Съ такимъ довѣріемъ къ силамъ народа и съ надеждою на его добрыя расположенія, можно дѣйствовать на него прямо и непосредственно, чтобы вызвать на живое дѣло крѣпкія, свѣжія силы и предохранить ихъ отъ того искаженія, которому онп такъ часто подвергаются при настоящемъ порядкѣ вещей“. (Т. III, стр. 393).

Мы хотѣли бы обратить особое вниманіе г. Е. Соловьева на эти слова, на этотъ призывъ къ вѣрѣ въ свѣжія силы народа и на вытекающее изъ нея желаніе прямо и непосредственно дѣйствовать на него во имя живого дѣла. Мы должны прибавить, что эти слова даже цитируются, съ небольшимъ пропускомъ въ серединѣ, самимъ г. Е. Соловьевымъ; но онъ старается ослабить ихъ значеніе ссылкою на желаніе Добролюбова во что бы то ни стало оградить разсказы Марка Вовчка отъ упрековъ въ идеализаціи народа, хотя очевидно, что Добролюбовъ идетъ здѣсь гораздо дальше такого желанія и высказываетъ собственные взгляды на народъ, находящіе для себя лишь очень слабую опору въ разсказахъ Марка Вовчка. Такъ послѣдніе, конечно, не заключаютъ въ себѣ никакого призыва къ сближенію съ народомъ для прямого воздѣйствія на него, во имя живого дѣла.

Затѣмъ, въ той же самой статьѣ, Добролюбовъ высказываетъ мысль, на которой построена его лучшая, по нашему мнѣнію, и написанная съ наибольшимъ одушевленіемъ и глубиною чувства статья „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“. Эта мысль заключается въ томъ, что единственное противодѣйствіе, какое могутъ встрѣтить произволъ и самодурство въ обществѣ, они встрѣчаютъ въ самозащитѣ подавленной личности. Упомянувъ въ выше приведенной цитатѣ объ искаженіи крѣпкихъ и свѣжихъ народныхъ силъ, онъ прибавляетъ: „Но не надо забывать, что бываетъ оборотъ и въ противную сторону: не все натуры мягкія и податливыя, какъ Саша или Надёжа, не все твердыя и благоразумныя, какъ Катерина, не все отрицательно-упорныя противъ зла, какъ Маша (героини разсказовъ Марка Вовчка),—встрѣчаются и дру-

гія, суровыя, безпощадныя натуры, въ которыхъ внутренняя реакція всякому посягательству на ихъ личность развивается до размѣровъ поистинѣ сокрушительныхъ и принимаетъ наступательный характеръ. Насъ заставилъ подумать объ этомъ обстоятельствѣ (котораго, впрочемъ, упускать изъ вида ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ) характеръ Ефима въ разсказѣ Марка Вовчка „Купеческая дочка". Обрисовавъ затѣмъ необузданную натуру Ефима, Добролюбовъ говоритъ, что въ ней „нельзя отрицать присутствія силы", и прибавляетъ, что „сила эта вовсе не есть исключительная принадлежность немногихъ натуръ, а составляетъ явленіе, довольно обыкновенное въ нашемъ простонародьи". (т. III, стр. 398). Но гораздо подробнѣе онъ останавливается на этой своей мысли о внутренней реакціи личности противъ всякаго посягательства на нее при разборѣ характера Катерины въ „Грозѣ" Островскаго.

Въ этой статьѣ Добролюбовъ опредѣляетъ прежде всего сущность исторіи, какъ борьбу естественныхъ стремленій человѣчества, ищущихъ своего удовлетворенія. (Т. III, стр. 422).

„Во всѣ времена и во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, говоритъ онъ, появлялись люди, настолько здоровые и одаренные натурою, что естественныя стремленія говорили въ нихъ чрезвычайно сильно, незаглушаемо. Въ практической дѣятельности они часто дѣлались мучениками своихъ стремленій, но никогда не проходили безслѣдно, никогда не оставались одинокими; въ общественной дѣятельности они пріобрѣтали партію, въ чистой наукѣ дѣлами открытія, въ искусствахъ, въ литературѣ образовали школу". (Т. III, стр. 422).

Такую именно натуру и видитъ Добролюбовъ въ Катеринѣ Островскаго. Въ ней „не убита человѣческая природа" и эта именно природа заставляетъ ее противостоять безсмысленному произволу окружающей ее обстановки. Она руководится „не отвлеченными принципами, не практическими соображеніями, не мгновеннымъ паѳосомъ, а просто *натурою*, всѣмъ существомъ своимъ. Въ этой цѣльности и гармоніи характера заключается его сила и существенная необходимость его въ то время, когда старыя дикія отношенія, потерявъ всякую внутреннюю силу, продолжаютъ держаться внѣшнею, механическою связью". (Т. III, стр. 448).

„Человѣкъ, только логически понимающій нелѣпость самодурства Дикихъ и Кабановыхъ, продолжаетъ Добролюбовъ, ничего не сдѣлаетъ противъ нихъ, уже потому, что передъ ними всякая логика исчезаетъ". Здѣсь требуется непосредственная сила непреодолимыхъ естественныхъ стремленій человѣческой природы. „*Натура* замѣняетъ здѣсь и соображенія разсудка, и требованія чувства и воображенія: все это сливается въ общемъ чувствѣ организма, требующаго себѣ воздуха, пищи, свободы". (стр. 452).

Изъ столкновенія такого характера съ дикой средой, особенно

сильно и ярко обрисованной Островскимъ въ его „Грозѣ“, и разыгрывается потрясающая драма. Добролюбовъ находитъ, что, не смотря на роковую развязку, „Гроза“ производитъ „менѣе тяжкое и грустное впечатлѣніе, нежели другія пьесы Островскаго“— именно потому, что въ ней выведенъ характеръ, являющійся единственнымъ возможнымъ свѣтлымъ лучемъ въ этомъ темномъ царствѣ самодурства. Только такой характеръ способенъ отстоять себя, „не смотря ни на какія препятствія; а когда силъ не хватитъ, то погибнуть, но не измѣнить себѣ“. Даже фатальный конецъ Катерины кажется Добролюбову отраднымъ, потому что „въ немъ данъ страшный вызовъ самодурной силѣ; онъ говоритъ ей, что нельзя идти дальше, нельзя долѣе жить съ ея насильственными, мертвящими началами“. „Въ Катеринѣ видимъ мы, продолжаетъ Добролюбовъ, протестъ противъ кабановскихъ понятій и нравственности, доведенный до конца, провозглашенный и подъ домашней пыткой, и надъ бездной, въ которую бросилась бѣдная женщина“. „Безъ сомнѣнія, лучше бы было, еслибъ возможно было Катеринѣ избавиться другимъ образомъ отъ своихъ мучителей, или ежели бы эти мучители могли измѣниться и примирить ее съ собою и съ жизнью. Но ни то, ни другое—не въ порядкѣ вещей“. (Стр. 468). „Поэтому, въ данномъ положеніи, Катерина олицетворяетъ собою истинно-сильный характеръ въ его высшемъ развитіи, а драма Островскаго представляетъ собою „самое рѣшительное“ изъ его произведеній и соотвѣтствуетъ „новой фазѣ нашей народной жизни“. Островскій „почувствовалъ, что не отвлеченныя вѣрованія, а жизненные факты управляютъ человѣкомъ, что не образъ мысли, не принципы, а натура нужна для образованія и проявленія крѣпкаго характера; и онъ умѣлъ создать такое лицо, которое служитъ представителемъ великой народной идеи, не нося великихъ идей ни на языкѣ, ни въ головѣ, самоотверженно идетъ до конца въ неравной борьбѣ и гибнетъ, вовсе не обрекая себя на высокое самоотверженіе. Ея поступки находятся въ гармоніи съ ея натурой; они для нея естественны и необходимы; она не можетъ отъ нихъ отказаться, хотя бы это имѣло самыя гибельныя послѣдствія“. (Стр. 462).

Мы остановились нѣсколько дольше на этой статьѣ, потому что Добролюбовъ, какъ извѣстно, видѣлъ въ нѣкоторыхъ чертахъ „темнаго царства“ Островскаго много свойственнаго русской жизни вообще, а также потому, что въ этой статьѣ высказана одна изъ основныхъ его мыслей, и, наконецъ, потому, что эта мысль тѣсно связана съ его вѣрой въ народъ и его отрицательнымъ отношеніемъ къ культурной средѣ. По его мнѣнію, въ русской жизни ощущалась тогда „неотлагаемая потребность въ людяхъ, хотя бы и менѣе прекрасныхъ, но болѣе дѣятельныхъ и энергичныхъ“; „добродѣтельныя и почтенныя, но слабыя и безличныя существа“ не удовлетворяли общественнаго сознанія и

признавались никуда негодными. (Стр. 446). Островскій угадалъ „это новое движеніе народной жизни“ и создалъ характеръ Катерины, отражающій его въ себѣ (стр. 460). Но гдѣ же, спрашивается, надо было по преимуществу искать этихъ сильныхъ, непосредственеыхъ характеровъ, такъ необходимыхъ для русской жизни? Ужъ, конечно, не въ культурной средѣ. Мы уже приводили достаточно выписокъ, свидѣтельствующихъ объ отношеніи Добролюбова къ этой средѣ. Вотъ, въ заключеніе, еще нѣсколько цитатъ: „Еслибы весь нашъ народъ былъ хоть въ половину таковъ, какъ эти господа, читаемъ мы снова у него, то нужно было бы безусловно согласиться съ безотрадными, отчаянными выводами пессимистовъ. Но къ счастію, въ народѣ, въ коренномъ народѣ, нѣтъ и тѣни того, что преобладаетъ въ нашемъ цивилизованномъ обществѣ. Въ народной массѣ нашей есть дѣльность, серьезность, есть способность къ жертвамъ“. (Т. IV, стр. 97). „Да, въ этомъ народѣ есть такая сила на добро, какой положительно нѣтъ въ развращенномъ и полупомѣшанномъ обществѣ, которое имѣетъ претензію одного себя считать образованнымъ и годнымъ на что-нибудь дѣльное“. (*Ibid*). „Народныя массы не умѣютъ красно говорить... Слово ихъ никогда не праздно... Въ этой-то способности приносить существенныя жертвы разъ сознанному и порѣшенному дѣлу и заключается величіе народной массы, величіе, котораго никогда не можемъ достичь мы со всею нашей отвлеченной образованностью и прививною гуманностью“. (*Ibid.*, стр. 98).

Итакъ, ясно, что не культурную среду, а именно народную массу имѣлъ въ виду Добролюбовъ, когда говорилъ о цѣльныхъ и сильныхъ характерахъ, способныхъ реагировать на окружающую обстановку; а въ этой именно реакціи, въ этой борьбѣ естественныхъ стремленій съ враждебными имъ силами и заключалась, по собственному опредѣленію Добролюбова, сущность историческаго процесса. Такимъ образомъ, мы видимъ, что вѣра въ народъ достигла у Добролюбова своего высшаго развитія, такъ какъ съ нею связывалось у него самое представленіе о прогрессивномъ ходѣ исторіи. Въ противоположность „развращенному и полупомѣшанному обществу“, народныя массы хранили въ себѣ тѣ дѣятельныя и энергичныя силы, въ которыхъ безотлагательно нуждалась общественная жизнь. Трудно было-бы въ болѣе сильныхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ высказать эту чисто народническую точку зрѣнія, соединенную съ безусловнымъ признаніемъ всеобъемлющей роли личности въ исторіи.

Отсюда можно видѣть, что мы были совершенно правы, когда говорили, что семидесятымъ годамъ не было никакой надобности обращаться къ славянофильству или вдохновляться старо-барскими традиціями, чтобы проникнуться стремленіемъ къ сближенію съ народными массами. Это стремленіе было преемственно передано имъ шестидесятыми годами, съ которыми ихъ связы-

сильно и ярко обрисованной Островскимъ въ его „Грозѣ“, и разыгрывается потрясающая драма. Добролюбовъ находитъ, что, не смотря на роковую развязку, „Гроза“ производитъ „менѣе тяжкое и грустное впечатлѣніе, нежели другія пьесы Островскаго“— именно потому, что въ ней выведенъ характеръ, являющійся единственнымъ возможнымъ свѣтлымъ лучемъ въ этомъ темномъ царствѣ самодурства. Только такой характеръ способенъ отстоять себя, „не смотря ни на какія препятствія; а когда силъ не хватитъ, то погибнуть, но не измѣнить себѣ“. Даже фатальный конецъ Катерины кажется Добролюбову отраднымъ, потому что „въ немъ данъ страшный вызовъ самодурной силѣ; онъ говоритъ ей, что нельзя идти дальше, нельзя долѣе жить съ ея насильственными, мертвящими началами“. „Въ Катеринѣ видимъ мы, продолжаетъ Добролюбовъ, протестъ противъ кабановскихъ понятій и нравственности, доведенный до конца, провозглашенный и подъ домашней пыткой, и надъ бездной, въ которую бросилась бѣдная женщина“. „Безъ сомнѣнія, лучше бы было, еслибъ возможно было Катеринѣ избавиться другимъ образомъ отъ своихъ мучителей, или ежели бы эти мучители могли измѣниться и примирить ее съ собою и съ жизнью. Но ни то, ни другое—не въ порядкѣ вещей“. (Стр. 468). „Поэтому, въ данномъ положеніи, Катерина олицетворяетъ собою истинно-сильный характеръ въ его высшемъ развитіи, а драма Островскаго представляетъ собою „самое рѣшительное“ изъ его произведеній и соотвѣтствуетъ „новой фазѣ нашей народной жизни“. Островскій „почувствовалъ, что не отвлеченныя вѣрованія, а жизненные факты управляютъ человѣкомъ, что не образъ мысли, не принципы, а натура нужна для образованія и проявленія крѣпкаго характера; и онъ умѣлъ создать такое лицо, которое служитъ представителемъ великой народной идеи, не нося великихъ идей ни на языкѣ, ни въ головѣ, самоотверженно идетъ до конца въ неравной борьбѣ и гибнетъ, вовсе не обрекая себя на высокое самоотверженіе. Ея поступки находятся въ гармоніи съ ея натурой; они для нея естественны и необходимы; она не можетъ отъ нихъ отказаться, хотя бы это имѣло самыя гибельныя послѣдствія“. (Стр. 462).

Мы остановились нѣсколько дольше на этой статьѣ, потому что Добролюбовъ, какъ извѣстно, видѣлъ въ нѣкоторыхъ чертахъ „темнаго царства“ Островскаго много свойственнаго русской жизни вообще, а также потому, что въ этой статьѣ высказана одна изъ основныхъ его мыслей, и, наконецъ, потому, что эта мысль тѣсно связана съ его вѣрой въ народъ и его отрицательнымъ отношеніемъ къ культурной средѣ. По его мнѣнію, въ русской жизни ощущалась тогда „неотлагаемая потребность въ людяхъ, хотя бы и менѣе прекрасныхъ, но болѣе дѣятельныхъ и энергичныхъ“; „добродѣтельныя и почтенныя, но слабыя и безличныя существа“ не удовлетворяли общественнаго сознанія и

признавались никуда негодными. (Стр. 446). Островскій угадалъ „это новое движеніе народной жизни“ и создалъ характеръ Катерины, отражающій его въ себѣ (стр. 460). Но гдѣ же, спрашивается, надо было по преимуществу искать этихъ сильныхъ, непосредственеыхъ характеровъ, такъ необходимыхъ для русской жизни? Ужъ, конечно, не въ культурной средѣ. Мы уже приводили достаточно выписокъ, свидѣтельствующихъ объ отношеніи Добролюбова къ этой средѣ. Вотъ, въ заключеніе, еще нѣсколько цитатъ: „Еслибы весь нашъ народъ былъ хоть въ половину таковъ, какъ эти господа, читаемъ мы снова у него, то нужно было бы безусловно согласиться съ безотрадными, отчаянными выводами пессимистовъ. Но къ счастію, въ народѣ, въ коренномъ народѣ, нѣтъ и тѣни того, что преобладаетъ въ нашемъ цивилизованномъ обществѣ. Въ народной массѣ нашей есть дѣльность, серьезность, есть способность къ жертвамъ“. (Т. IV, стр. 97). „Да, въ этомъ народѣ есть такая сила на добро, какой положительно нѣтъ въ развращенномъ и полупомѣшанномъ обществѣ, которое имѣетъ претензію одного себя считать образованнымъ и годнымъ на что-нибудь дѣльное“. (*Ibid*). „Народныя массы не умѣютъ красно говорить... Слово ихъ никогда не праздно... Въ этой-то способности приносить существенныя жертвы разъ сознанному и порѣшенному дѣлу и заключается величіе народной массы, величіе, котораго никогда не можемъ достичь мы со всею нашей отвлеченной образованностью и прививною гуманностью“. (*Ibid.*, стр. 98).

Итакъ, ясно, что не культурную среду, а именно народную массу имѣлъ въ виду Добролюбовъ, когда говорилъ о цѣльныхъ и сильныхъ характерахъ, способныхъ реагировать на окружающую обстановку; а въ этой именно реакціи, въ этой борьбѣ естественныхъ стремленій съ враждебными имъ силами и заключалась, по собственному опредѣленію Добролюбова, сущность историческаго процесса. Такимъ образомъ, мы видимъ, что вѣра въ народъ достигла у Добролюбова своего высшаго развитія, такъ какъ съ нею связывалось у него самое представленіе о прогрессивномъ ходѣ исторіи. Въ противоположность „развращенному и полупомѣшанному обществу“, народныя массы хранили въ себѣ тѣ дѣятельныя и энергичныя силы, въ которыхъ безотлагательно нуждалась общественная жизнь. Трудно было-бы въ болѣе сильныхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ высказать эту чисто народническую точку зрѣнія, соединенную съ безусловнымъ признаніемъ всеобъемлющей роли личности въ исторіи.

Отсюда можно видѣть, что мы были совершенно правы, когда говорили, что семидесятымъ годамъ не было никакой надобности обращаться къ славянофильству или вдохновляться старо-барскими традиціями, чтобы проникнуться стремленіемъ къ сближенію съ народными массами. Это стремленіе было преемственно передано имъ шестидесятыми годами, съ которыми ихъ связы-

вало общее міросозерцаніе, и было само вызвано глубокими особенностями русской общественной жизни. Эти особенности отразились прежде всего на блѣдной общественной роли культурныхъ классовъ въ Россіи, что уже одно заставляло переносить центръ тяжести въ глубину народной жизни; туда же переносила его постановка соціальнаго вопроса, обусловленная господствовавшимъ западническимъ направленіемъ литературы. Впрочемъ, насъ занимаетъ въ данную минуту чисто-историческая сторона открытія г. Е. Соловьева, и мы снова спрашиваемъ: чѣмъ подтверждается найденная имъ духовная связь славянофильства съ такъ называемымъ народничествомъ? Г. Е. Соловьевъ выставляетъ два главныхъ признака этого духовнаго родства: вѣру въ народъ и „преклоненіе передъ устоями крестьянской жизни, ту же вѣру въ силу ихъ внутренняго развитія". (Іюнь, стр. 273). Что касается перваго пункта, то, какъ мы только что видѣли, онъ составлялъ жизненный нервъ общественныхъ взглядовъ человѣка, несомнѣнно властвовавшаго надъ думами двухъ поколѣній. Вѣдь согласитесь, что трудно отрицать вліяніе Добролюбова на семидесятые годы? Впрочемъ, г. Е. Соловьевъ говоритъ, что „народничество, появившись, совершенно забыло о немъ и вернулось (?) къ точкѣ зрѣнія славянофиловъ". (Январь, стр. 113). Такъ говоритъ г. Е. Соловьевъ; но теперь мы уже знаемъ, что въ дѣйствительности выходитъ нѣчто совершенно обратное: оказывается, что г. Е. Соловьевъ забылъ о Добролюбовѣ или пересталъ понимать его. Такъ по крайней мѣрѣ заставляютъ насъ думать собственныя слова и подлинныя мысли Добролюбова, встрѣчаемыя нами притомъ не въ какой-нибудь одной, а во многихъ и главнѣйшихъ его статьяхъ. Оказывается, что г. Е. Соловьевъ построилъ свою гипотезу „сословнаго духа", такъ сказать, наобумъ, руководствуясь преимущественно своей *вѣрой* въ универсальность этой гипотезы, а не историческими данными. Но разъ установлено тождество взглядовъ вліятельнѣйшаго публициста шестидесятыхъ годовъ и умственнаго движенія семидесятыхъ въ этомъ главномъ пунктѣ, т. е. въ ихъ отношеніи къ народу, то положеніе г. Е. Соловьева становится еще затруднительнѣе. Не только идея сословнаго духа, озарившая въ его головѣ таинственную эпоху семидесятыхъ годовъ, теряетъ всякую свою *raison d'être*, но и самый вопросъ объ отношеніи семидесятыхъ годовъ къ народу принимаетъ болѣе общую форму. Пока дѣло шло о какомъ-то отдѣльномъ, замкнутомъ явленіи, мелькнувшемъ и исчезнувшемъ безслѣдно, можно было довольствоваться первой встрѣчной гипотезой: мало-ли странныхъ вещей бываетъ на свѣтѣ? мало-ли какихъ колѣнъ ни выкидывала „старо-барская закваска"? Но вотъ мы видимъ, что это явленіе значительно расширяется, что вѣрой въ народъ были охвачены два десятилѣтія и даже въ лицѣ своихъ наиболѣе избранныхъ

умовъ, совершенно независимо отъ сословныхъ вліяній. Г. Е. Соловьевъ не станетъ, конечно, утверждать, чтобы редакція „Современника“ была по своему составу дворянской или была проникнута дворянскимъ духомъ. Какъ же г. Е. Соловьевъ разрѣшитъ теперь эту задачу? Если онъ не съумѣетъ объяснить это явленіе коренными условіями русской жизни и закономѣрнымъ ходомъ ея общественнаго развитія, если онъ будетъ настаивать на томъ, что „ничего подобнаго не бывало на свѣтѣ“, то вѣдь онъ-то именно и станетъ тогда на точку зрѣнія *самобытности* въ самомъ славянофильскомъ смыслѣ этого слова. По мнѣнію славянофиловъ, русское простонародье является носителемъ какихъ-то неключимостей; по сущности взгляда, высказаннаго г. Е. Соловьевымъ, передавая часть русскаго культурнаго общества тоже являлась долгое время не только пассивнымъ хранителемъ, но восторженнымъ проводникомъ какихъ-то непостижимыхъ европейскому уму принциповъ. Одно изъ двухъ: или эти принципы были въ основѣ своей обще-европейскими и только носили мѣстную окраску, соотвѣтствовавшую особенностямъ русской жизни, или же русская общественная жизнь способна создавать какую-то свою самобытную и ни на что непригодную интеллигенцію (вопреки „всеобъемлющему принципу экономіи силъ“). Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, что это за необычайное выходитъ явленіе, если принять его даже въ размѣрахъ одного десятилѣтія. „Семидесятые годы, говоритъ г. Е. Соловьевъ, дѣйствительно отличались темпераментомъ и характеромъ. Эту справедливость имъ надо отдать въ полной мѣрѣ“. (Августъ, стр. 309). Но вмѣстѣ съ тѣмъ это было странное время, „странное по своему утопизму, по неосуществимости своихъ желаній, по страстной привязанности къ невозможному и недѣйствительному“. (Іюль, стр. 280).

Выходитъ, что русская жизнь создаетъ сильные характеры и темпераменты, и въ то же время наполняетъ ихъ призрачными страстями и фантастическими стремленіями, безъ всякаго соотношенія съ окружающею дѣйствительностью. Это—дѣйствительно очень самобытное явленіе и притомъ какъ-бы дополняющее вѣру славянофиловъ въ самобытность русскаго простонародья: нейтрализуя и обращая въ миражъ энергію западническихъ элементовъ, оно какъ-бы охраняетъ эту самобытность отъ какихъ-бы то ни было цѣлесообразныхъ посягательствъ на нее.

Въ подобнаго же рода дилемму попадаетъ г. Е. Соловьевъ по вопросу о значеніи личности въ исторіи. Въ этомъ вопросѣ, по его мнѣнію, также проявилось влеченіе сильныхъ темпераментовъ и характеровъ семидесятыхъ годовъ къ неосуществимому, невозможному и недѣйствительному. „Интеллигенція до странности вѣрила въ свои силы, строгую научность своихъ принциповъ, полную осуществимость своихъ надеждъ и мечтаній“, читаемъ мы у него; и далѣе: „Народническая и старо-

барская мистика окрасила собою мышленіе. „Личность“ страшно выросла въ своихъ глазахъ, творила судъ надъ исторіей и взяла на себя отвѣтственность за всю жизнь“. (Іюль, стр. 277). Напоминая читателю, въ довольно длинныхъ выдержкахъ, основные взгляды на этотъ счетъ Добролюбова, высказанные, повторяемъ, въ одной изъ его лучшихъ и послѣднихъ статей, мы имѣли въ виду показать, что та же самая вѣра въ силу личности вдохновляла избранные умы шестидесятыхъ годовъ. Мы видѣли, что Добролюбовъ смотрѣлъ на личный протестъ, на противодѣйствіе средѣ со стороны сильныхъ характеровъ, на борьбу личности за удовлетвореніе своихъ человѣческихъ стремленій, какъ на сущность историческаго процесса. На это одно опирались всѣ его надежды на выходъ изъ „темнаго царства“. Это фактъ, и г. Е. Соловьевъ не можетъ не признать его, хотя бы онъ распространялъ въ его глазахъ таинственность эпохи семидесятыхъ годовъ еще на одно крупное десятилѣтіе русской жизни. Но разъ констатированъ этотъ фактъ, то помимо все того же неразрѣшимаго вопроса о странной судьбѣ и самобытныхъ свойствахъ русской интеллигенціи, передъ г. Е. Соловьевымъ возникаетъ въ данномъ случаѣ еще другая дилемма. Какую роль сыграло умственное движеніе шестидесятыхъ годовъ на почвѣ своихъ утопическихъ взглядовъ на русское крестьянство и на значеніе личности въ исторіи? Мы знаемъ, что, согласно современному пониманію исторіи, раздѣляемому также и г. Е. Соловьевымъ, вліяніе личности на ходъ общественной жизни оказывается возможнымъ, осуществимымъ только въ томъ случаѣ, если оно построено на идеяхъ, совпадающихъ съ дѣйствительнымъ теченіемъ самой жизни; въ противномъ случаѣ оно разбивается этимъ теченіемъ и отбрасывается въ сторону. Но очевидно, что совершенно фантастическія идеи о народѣ и утопическое представленіе о роли личности въ исторіи не могли имѣть ничего общаго ни съ какимъ жизненнымъ теченіемъ. Итакъ, вотъ дилемма: или умственное движеніе шестидесятыхъ годовъ явилось просто мыльнымъ пузыремъ, не оказавъ никакого практическаго вліянія на русскую жизнь, или же оно было построено на взглядахъ, соотвѣтствовавшихъ жизненнымъ запросамъ. Во второмъ случаѣ падаютъ сами собой тѣ эпитеты, которыми такъ смѣло надѣляетъ г. Е. Соловьевъ умственное движеніе семидесятыхъ годовъ, такъ какъ въ основѣ его лежали тѣ же самые взгляды, что и въ основѣ умственнаго движенія шестидесятыхъ годовъ.

Теперь намъ слѣдуетъ обратиться ко второму признаку духовнаго родства семидесятыхъ годовъ съ славянофильствомъ, открытому г. Е. Соловьевымъ, а именно—преклоненію передъ устоями крестьянской жизни и вѣрѣ въ силу ихъ внутренняго развитія, т. е., иными словами, къ вопросу объ общинномъ землевладѣніи. Мы, конечно, коснемся этого вопроса только въ тѣхъ

рамкахъ, въ какихъ онъ связанъ съ движеніемъ семидесятыхъ годовъ. Извѣстно, что трудовое начало крестьянской жизни и общинное землевладѣніе служили двумя главными опорами для семидесятыхъ годовъ въ ихъ идеализированномъ отношеніи къ народнымъ массамъ. Посмотримъ-же теперь, каково было происхожденіе этой второй опоры народническаго движенія, и можно-ли пріурочивать происхожденіе ея къ „возврату" къ славянофильскимъ идеямъ?

Читатель не посѣтуетъ на насъ, если намъ придется опять упоминать о слишкомъ извѣстныхъ литературныхъ фактахъ. Къ этому насъ вынуждаетъ то обстоятельство, что въ представленіи г. Е. Соловьева, и—вѣроятно—многихъ его читателей, они какъ бы заслонены „таинственностью" эпохи семидесятыхъ годовъ.

Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи былъ въ первый разъ поднятъ въ литературѣ шестидесятыхъ годовъ Чернышевскимъ въ началѣ 1857 года, и не лишено интереса, что этотъ вопросъ былъ поднятъ имъ по поводу статей Самарина, появившихся въ январьской книжкѣ славянофильскаго органа „Русская Бесѣда" за тотъ-же годъ. По поводу этихъ статей Чернышевскій счелъ нужнымъ очень опредѣленно выразить свое сочувствіе лучшимъ изъ славянофиловъ, „которые, ошибаясь во многомъ и важномъ, о важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ вопросахъ жизни (потому что есть въ жизни нѣчто важнѣе отвлеченныхъ понятій) думаютъ правдиво и благородно". („Замѣтки о журналахъ", мартъ 1857 г.). Въ апрѣльской книжкѣ онъ опять возвращается къ славянофиламъ и повторяетъ, что хотя мнѣніе о чрезвычайно неудовлетворительномъ состояніи западно-европейской жизни и „облекается въ славянофильствѣ различными произвольными туманами, значительно уменьшающими чистую его справедливость, но ни у кого изъ образованныхъ людей между славянофилами не искажается до того, чтобы эти любимыя туманныя примѣси совершенно искажали его цѣнность для развитія гуманныхъ идей".

„Мы говорили также, продолжаетъ Чернышевскій, что даже со всѣми этими примѣсями оно всетаки гуманнѣе и полезнѣе для нашего развитія, нежели мнѣнія многихъ изъ такъ называемыхъ западниковъ, именно всѣхъ тѣхъ, которые воображаютъ, что, напримѣръ, Англія или Франція въ настоящее время—очень счастливыя земли..." и т. д.

Заканчиваетъ авторъ эту вторую статью слѣдующими словами: „Читатели, зная нашъ образъ мыслей, не могутъ, конечно, предполагать въ насъ особеннаго расположенія къ тѣмъ примѣсямъ славянофильской системы, которыя находятся въ противорѣчіи и съ идеями, выработанными современной наукой, и съ характеромъ нашего племени. Но мы повторяемъ, что выше

этихъ заблужденій есть въ славянофильствѣ элементы здоровые, вѣрные, заслуживающіе сочувствія. И если уже должно дѣлать выборъ, то лучше славянофильство, нежели та умственная дремота, то отрицаніе современныхъ убѣжденій, которое часто прикрывается эгидою вѣрности западной цивилизаціи" и т. д.

Мы привели эти интересныя выписки, чтобы показать наглядно, каково было настроеніе шестидесятыхъ годовъ по отношенію къ связи между экономическими вопросами и либеральными принципами западно-европейской государственной жизни, такъ какъ именно вѣрный взглядъ славянофиловъ на общинное землевладѣніе, т. е. на основной, по его мнѣнію, экономическій вопросъ, заставлялъ Чернышевскаго ставить славянофиловъ „выше многихъ изъ самыхъ серьезныхъ западниковъ", т. е. выше либеральныхъ принциповъ западно-европейской государственной жизни, отрицаемыхъ славянофилами. По этому поводу мы должны также напомнить читателю въ высшей степени характерныя статьи Добролюбова о Кавурѣ и итальянской парламентской жизни, статьи, проникнутыя горечью и безпощадной иронієй. Извѣстно, что эти статьи вызвали въ свое время даже порицаніе и недоумѣніе Тургенева.

Съ тѣхъ поръ утекло много воды, и г. Е. Соловьевъ можетъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ потрясать выхваченной имъ отдѣльной фразой, въ которой „властитель думъ" семидесятыхъ годовъ проклинаетъ права и свободу, „если они не только не дадутъ намъ возможности разсчитаться съ долгами (передъ народомъ), но еще и увеличатъ ихъ". (См. „Жизнь", Іюнь, стр. 272).

Эта фраза даетъ поводъ г. Е. Соловьеву произнести много краснорѣчивыхъ словъ о „старо-барскомъ духѣ нашего народничества и свободнаго принятія имъ славянофильскаго наслѣдства, тоже презиравшаго юридическія нормы, тоже одинаково лишеннаго общественнаго, политическаго смысла..." и т. д., и т. д. *(Ibid).*

Напоминая читателю о рѣзко обозначавшемся направленіи шестидесятыхъ годовъ въ смыслѣ выдѣленія, изолированія экономическихъ условій народной жизни и признанія за ними высшаго, самостоятельнаго значенія, мы имѣли въ виду не защищать, конечно, эту точку зрѣнія, а указать на истинный источникъ аналогичнаго-же явленія въ семидесятыхъ годахъ, принявшаго тогда даже еще болѣе рѣзкую форму. И въ этомъ случаѣ также обнаруживается совершенная произвольность утвержденій г. Е. Соловьева и недостаточное знакомство его съ историческою преемственностью идей семидесятыхъ годовъ. Только потому, что славянофилы раздѣляли взгляды „Современника" на общинное землевладѣніе и рѣзко указывали на бѣдственное положеніе западно-европейскаго пролетаріата, Чернышевскій счелъ возможнымъ ставить ихъ „выше многихъ изъ самыхъ серьезныхъ

западниковъ“. Развѣ это не отрицаніе необходимой связи между юридическими нормами и экономическимъ положеніемъ народа,— не то же самое отрицаніе, по поводу котораго г. Е. Соловьевъ говоритъ о презрѣніи юридическихъ нормъ и отсутствіи общественнаго, политическаго смысла?

Уже одно это показываетъ, какое огромное значеніе придавалъ Чернышевскій сохраненію общиннаго землевладѣнія въ Россіи. „Мы видимъ, писалъ онъ, какія печальныя слѣдствія породила на западѣ утрата общинной поземельной собственности, и какъ тяжело возвратить западнымъ народамъ свою утрату. Примѣръ запада не долженъ быть потерянъ для насъ. Вопросъ о земледѣльческомъ бытѣ—важнѣйшій для Россіи, которая очень надолго останется государствомъ по преимуществу земледѣльческимъ, такъ что судьба огромнаго большинства нашего племени долго еще—цѣлые вѣка—будетъ зависѣть, какъ зависитъ теперь, отъ сельско-хозяйственнаго производства“.

Далѣе онъ говоритъ о грядущемъ экономическомъ преобразованіи Россіи: „но того нельзя скрывать отъ себя, что Россія, доселѣ мало участвовавшая въ экономическомъ движеніи, быстро вовлекается въ него“. Онъ предсказываетъ, что „черезъ десять лѣтъ мы будемъ имѣть по крайней мѣрѣ четыре тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ, черезъ тридцать лѣтъ, по самому скромному разсчету—тридцать тысячъ“. Онъ говоритъ о неизбѣжномъ поднятіи цѣнъ на землю, о развитіи внѣшней торговли, быстромъ ростѣ торговыхъ промышленныхъ капиталовъ, измѣненіи всего матеріальнаго быта народа. „Но каковы-бы ни были эти преобразованія—такъ заканчиваетъ онъ—да не дерзнемъ мы коснуться священнаго, спасительнаго обычая, оставленнаго намъ нашею прошедшею жизнью, бѣдность которой съ избыткомъ искупается однимъ этимъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ, — да не дерзнемъ мы посягнуть на общинное пользованіе землями,—на это благо, отъ пріобрѣтенія котораго теперь зависитъ благоденствіе земледѣльческихъ классовъ западной Европы“.

Такъ говорилъ человѣкъ, наложившій свою неизгладимую печать на все экономическое пониманіе и на всю общественную мысль семидесятыхъ годовъ о значеніи русскаго общиннаго землевладѣнія; такъ смотрѣлъ онъ на связь между послѣднимъ и неизбѣжнымъ экономическимъ преобразованіемъ Россіи. Читатель видитъ также, съ какою настойчивостью онъ выставлялъ на видъ эту *особенность* русской народной жизни, по сравненію съ западно-европейской, въ этомъ важнѣйшемъ и капитальнѣйшемъ по его мнѣнію вопросѣ для всего государства.

Теперь мы попросимъ читателя еще разъ вспомнить, что именно по поводу взглядовъ семидесятыхъ годовъ на общинное землевладѣніе г. Е. Соловьевъ также распространяется о „свободномъ принятіи“ ими „славянофильскаго наслѣдства“, о ихъ

тождественномъ со славянофилами „признаніи особенностей нашей культуры“ и „преклоненіи передъ устоями крестьянской жизни“. (Іюнь, стр. 272—273). Да, много неосновательныхъ и смѣлыхъ догадокъ заставила сдѣлать г. Е. Соловьева его мысль о таинственности эпохи семидесятыхъ годовъ!

Теперь скажемъ еще нѣсколько словъ по поводу послѣдняго обвинительнаго пункта, выставленнаго г. Е. Соловьевымъ противъ семидесятыхъ годовъ, а именно—ихъ „вѣры въ силу внутренняго развитія“ устоевъ крестьянской жизни,—вѣры, которая также была навязана, по мнѣнію г. Е. Соловьева, семидесятымъ годамъ ихъ духовнымъ родствомъ со славянофилами *(Ibid.)*.

Собственно говоря, прямое признаніе жизнеспособности общиннаго землевладѣнія въ Россіи уже непосредственно вытекаетъ изъ только что цитированныхъ нами словъ Чернышевскаго. Онъ настойчиво предупреждаетъ о неизбѣжномъ преобразованіи всего экономическаго строя русской жизни, о неизбѣжномъ развитіи въ ней торговли и капиталистическаго производства, и въ то же время, со всею энергіею, указываетъ на необходимость сохранить общинное землевладѣніе. Ясно, что весь утопизмъ такого сопоставленія экомомическаго прогресса съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія,—утопизмъ, въ которомъ обвиняютъ семидесятые годы и въ которомъ г. Е. Соловьевъ усматриваетъ вліяніе старобарскаго духа, долженъ быть поставленъ прежде всего на счетъ главнѣйшаго ихъ авторитета во всѣхъ экономическихъ вопросахъ. Не входя въ обсужденіе по существу вопроса о русскомъ общинномъ землевладѣніи, мы имѣемъ только въ виду указать здѣсь на тѣсную идейную связь и въ этомъ вопросѣ двухъ разсматриваемыхъ нами десятилѣтій и такимъ образомъ обнаружить крайнюю несостоятельность историческихъ открытій г. Е. Соловьева.

Но разсматривая затронутый вопросъ еще глубже, мы находимъ въ немъ новое доказательство уже констатированной нами родственности представленій шестидесятыхъ годовъ о значеніи человѣка и субъективнаго элемента въ исторіи съ аналогичными-же взглядами семидесятыхъ годовъ,—и притомъ опять въ лицѣ одного изъ крупнѣйшихъ представителей шестидесятыхъ годовъ. Мы видѣли, что Чернышевскій даже не касается стихійнаго вліянія экономическаго прогресса на общинное землевладѣніе и во всякомъ случаѣ не считаетъ невозможнымъ борьбу съ этимъ стихійнымъ вліяніемъ, такъ какъ призываетъ къ ней общество. Говоря, что русскіе „волей или неволею“ должны будутъ „въ матеріальномъ бытѣ жить, какъ живутъ другіе цивилизованные народы“, перейти отъ натуральнаго хозяйства къ капиталистическому, замѣнить домашнее производство сукна и другихъ тканей, обуви, мебели и пр. фабричнымъ, онъ прибавляетъ: „Все это совершится еще на глазахъ нашего поколѣнія въ селахъ,

какъ до сихъ поръ совершилось только въ большихъ городахъ. Мы говоримъ это только для примѣра, чтобы разъяснить мысль о томъ, что неизбѣжны перемѣны въ экономическомъ бытѣ нашемъ, не рѣшая того, каковы именно будутъ онѣ. Но каковы-бы ни были эти преобразованія, да не дерзнемъ мы коснуться священнаго, спасительнаго обычая, оставленнаго намъ нашею прошедшею жизнью...“ и т. д. („Замѣтки о журналахъ“, апрѣль 1857 г.).

Ясно, что во всей постановкѣ вопроса стихійныя экономическія перемѣны отдѣляются у него отъ сознательнаго вмѣшательства человѣка въ ходъ общественной жизни и что этому сознательному вмѣшательству онъ придаетъ первостепенное значеніе, и имъ именно обусловливаетъ гибельные или благопріятные окончательные результаты. Эта субъективная точка зрѣнія, хотя не формулирована, но лежитъ въ основѣ всѣхъ его соображеній. Болѣе опредѣленное признаніе она получаетъ въ его философскомъ обоснованіи своихъ взглядовъ на общинное землевладѣніе, въ статьѣ о философскихъ предубѣжденіяхъ противъ послѣдняго.

Здѣсь, какъ извѣстно, онъ разсматриваетъ эволюцію формъ землевладѣнія и доказываетъ, что первобытное общинное землевладѣніе можетъ перейти въ усовершенствованное, минуя практически среднюю стадію личнаго права собственности на землю, подъ вліяніемъ соприкосновенія съ народами, уже пережившими эту среднюю стадію, подъ вліяніемъ опыта и знаній, пріобрѣтенныхъ въ качествѣ историческаго наслѣдія.

„Подъ вліяніемъ высокаго развитія, котораго извѣстное явленіе общественной жизни достигло у передовыхъ народовъ, читаемъ мы на послѣднихъ страницахъ вышеупомянутой статьи его, это явленіе можетъ у другихъ народовъ развиваться очень быстро, подниматься съ низшей ступени прямо на высщую, минуя средніе логическіе моменты“. И что всего характернѣе, этотъ взглядъ высказывается Чернышевскимъ непосредственно вслѣдъ за признаніемъ имъ во всей его полнотѣ гегелевскаго закона эволюціи: „Вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того-же стремленія, высшаго развитія того-же содержанія“.

„Какъ забавны, говоритъ вслѣдъ за этимъ Чернышевскій,— какъ забавны для человѣка, постигшаго этотъ принципъ, всѣ толки о такъ называемомъ органическомъ развитіи, о невозможности у насъ того или другого учрежденія въ настоящее время, о нашей неопытности, неприготовленности! Все, чего добились другіе,—готовое наслѣдіе намъ. Не мы трудились надъ изобрѣтеніемъ желѣзныхъ дорогъ,—мы пользуемся ими. Все хорошее,

что сдѣлано какимъ-бы то ни было народомъ для себя, на три четверти сдѣлано тѣмъ самымъ и у насъ".

Ясно, что въ этихъ словахъ отрицается непреодолимый законъ стихійнаго органическаго развитія общественной жизни. Къ нему присоединяется вліяніе чужого опыта, перенесеніе въ данную страну *всего хорошаго*, что достигнуто другими. Это квалифицированіе *хорошаго* прямо указываетъ на субъективную оцѣнку этихъ достигнутыхъ результатовъ и на сознательное проведеніе ихъ въ общественную жизнь только потому, что они хороши. Опытъ западно-европейской жизни заставляетъ высоко цѣнить благодѣянія общиннаго землевладѣнія; наученные этимъ опытомъ, мы должны стремиться къ поддержанію и развитію этой формы землевладѣнія у насъ, и это именно сознательное стремленіе является тою силой, которая дѣлаетъ возможнымъ устраненіе средняго, переходнаго термина эволюціоннаго процесса,—подобно тому какъ знаніе свойствъ фосфора и сѣры дѣлаетъ ненужнымъ долгій опытъ, приведшій людей отъ тренія двухъ кусковъ дерева одинъ о другой къ фосфорнымъ спичкамъ. Таковъ несомнѣнно логическій ходъ идей въ этой статьѣ, указывающей на признаніе ея авторомъ рѣшающей роли сознательныхъ стремленій человѣка въ процессѣ развитія формъ общественной жизни.

Этимъ мы считаемъ возможнымъ закончить нашъ разборъ основательности сужденій г. Е. Соловьева о происхожденіи и общемъ характерѣ общественнаго движенія семидесятыхъ годовъ. Мы высказали мнѣніе о крайней поверхностности его выводовъ и въ подтвержденіе этого остановились надъ однимъ изъ основныхъ положеній всей его статьи, а именно—на томъ положеніи, что умственное движеніе семидесятыхъ годовъ было исчадіемъ старо-барскаго духа и славянофильскихъ идей, нашедшихъ отголосокъ себѣ въ глубокихъ тайникахъ дворянскихъ душъ главнѣйшихъ представителей этого движенія.

Мы полагаемъ, что послѣ нашего даже бѣглаго разбора этого литературно-историческаго вывода намъ уже нѣтъ надобности останавливаться на другихъ сужденіяхъ нашего автора, относящихся къ области историческаго пониманія изслѣдуемой имъ эпохи. Всѣ они отличаются тою-же глубиною и тѣмъ-же умѣньемъ уловить связь между общественными явленіями и ихъ прецедентами.

Но мы хотѣли-бы сказать нѣсколько словъ о причинѣ этого своеобразнаго характера современной литературной критики, не составляющаго, какъ извѣстно, исключительной особенности г. Е. Соловьева, но свойственнаго въ большей или меньшей степени цѣлому литературному направленію.

Мы уже говорили въ началѣ статьи, что склонны приписать это явленіе той общей точкѣ зрѣнія, на которой

утвердился г. Е. Соловьевъ и которая является результатомъ какъ-бы настоящей метаморфозы, происшедшей въ способѣ пониманія историческихъ событій. Эта именно точка зрѣнія и провела предполагаемую рѣзкую грань между міросозерцаніями двухъ очень близкихъ другъ къ другу эпохъ, — близкихъ не только по времени, но и по основнымъ своимъ задачамъ. Не было-бы, конечно, ничего удивительнаго, если-бы при этомъ произошла болѣе или менѣе рѣзкая перемѣна во взглядахъ на ту или другую отдѣльную сторону дѣла, на тотъ или иной способъ постановки частнаго вопроса. Но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о полномъ отрицаніи самой основы общественныхъ взглядовъ предшествующаго поколѣнія. Не было-бы, конечно, ничего особенно удивительнаго и въ такомъ полномъ идейномъ переворотѣ, если-бы онъ произошелъ въ области, не связанной непосредственно съ самимъ человѣкомъ. Мы знаемъ о многихъ научныхъ открытіяхъ, совершенно измѣнявшихъ способъ пониманія обширныхъ областей явленій неорганическаго или органическаго міра. Достаточно указать, напримѣръ, на новое объясненіе геологическихъ переворотовъ Чарльза Лайелля или на теорію Дарвина. Но во всѣхъ такихъ случаяхъ дѣло шло о явленіяхъ, изучаемыхъ человѣкомъ въ качествѣ, такъ сказать, посторонняго наблюдателя, проникающаго въ сущность процессовъ, ходъ которыхъ не связанъ съ его собственнымъ развитіемъ, послѣдовательные фазисы котораго не оставляютъ слѣдовъ въ его собственной нервной организаціи. Совсѣмъ другое дѣло въ области общественныхъ явленій. Здѣсь человѣкъ выступаетъ одновременно въ качествѣ наблюдателя и дѣйствующаго лица. То или иное пониманіе имъ хода общественной жизни означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и соотвѣтствующій тому способъ его общественной дѣятельности; полный переворотъ въ способѣ пониманія общественныхъ явленій означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и полный переворотъ въ способѣ отношенія человѣка къ окружающей жизни. Но спрашивается: возможенъ-ли этотъ послѣдній переворотъ? Когда я говорю, что совершенно отбрасываю вулканическую теорію измѣненій земной поверхности и начинаю признавать теорію медленно дѣйствующихъ геологическихъ факторовъ, то въ этой смѣнѣ взглядовъ принимаетъ участіе только чисто мыслительная сторона моего существованія, съ нею нисколько не связана моя психическая организація, находящійся во мнѣ запасъ стремленій, ощущеній и эмоцій (если только я самъ не профессіональный геологъ). Поэтому вполнѣ осуществимо лично для меня и вполнѣ возможно для цѣлыхъ поколѣній болѣе или менѣе радикально измѣнить, въ теченіе очень непродолжительнаго времени, свои взгляды и свое отношеніе къ геологическимъ или біологическимъ процессамъ. Все мое отношеніе къ процессу образованія земной коры или происхожденію видовъ исчерпывалось тѣмъ или инымъ по-

пониманіемъ мною этихъ процессовъ; мои ощущенія и эмоціи не были связаны съ ними, а потому и нисколько не были затронуты совершившимися научными переворотами; эти научные перевороты не предполагали и не влекли за собой никакихъ превращеній въ моемъ отношеніи къ окружающему, въ моей нервной и психической организаціи.

Но очевидно, что въ мірѣ общественныхъ явленій взгляды и пониманіе человѣка тѣсно связаны съ его отношеніемъ къ окружающему и съ его личнымъ участіемъ въ общественной жизни, а это отношеніе и это участіе неразрывно соединены съ его нервной организаціей. Кромѣ чисто логическаго пониманія причинной связи общественныхъ событій, въ немъ самомъ дѣйствуютъ извѣстныя психическія силы, имъ руководятъ извѣстные внутренніе мотивы; онъ связанъ съ окружающею его общественною жизнью неразрывною органическою связью. Онъ принимаетъ то или иное рѣшеніе въ этой области не подъ вліяніемъ однихъ только логическихъ соображеній, но также и подъ неопреодолимымъ дѣйствіемъ накопившихся въ немъ, въ процессѣ исторіи, внутреннихъ психическихъ силъ.

Но въ такомъ случаѣ что же можетъ означать собою полный переворотъ въ общественномъ міросозерцаніи, во всемъ пониманіи хода общественной жизни? Можетъ ли такой переворотъ означать соотвѣтствующій ему полный переворотъ въ способѣ общественной дѣятельности, т. е. въ отношеніи человѣка къ окружающей жизни, изъ котораго, очевидно, вытекаетъ прежде всего сущность его общественныхъ стремленій, а слѣдовательно и основной характеръ его общественной дѣятельности? Очевидно, что этого онъ не можетъ означать, такъ какъ никакой идейный переворотъ не можетъ измѣнить основныхъ эмоціональныхъ свойствъ человѣка, обусловленныхъ его нервной организаціей. Признать противное, значило бы признать, что человѣкъ движется въ своей общественной жизни исключительно мыслительными стимулами, а не эмоціями, или же что эти эмоціи возникаютъ и исчезаютъ, и могутъ мѣняться въ немъ съ такою же быстротою, какъ и его идеи. Но такой взглядъ не выдерживаетъ критики. Мы знаемъ, что отношеніе человѣка къ окружающему опредѣляется его нервной организаціей, медленно развивающейся въ процессѣ его до-исторической и исторической жизни, а потому и мѣняется оно также очень медленно. Мы знаемъ, что въ основѣ общественной дѣятельности человѣка лежитъ извѣстный психическій, эмоціональный фундаментъ, на которомъ послѣдовательно воздвигаются тѣ или иныя надстройки формъ этой дѣятельности, соотвѣтствующія данному пониманію текущихъ практическихъ запросовъ. А отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ неспособенъ измѣнить радикально своего эмоціональнаго отношенія къ жизни подъ вліяніемъ какой бы то ни было новой общественной теоріи; онъ способенъ только видоизмѣнить практи-

ческія формы своего воздѣйствія на окружающую среду, отвѣчающія той или другой новой общественной теоріи.

Итакъ, никакой переворотъ въ способѣ пониманія общественныхъ явленій, если только онъ не перемѣщаетъ самихъ симпатій и стремленій человѣка, если онъ не заставляетъ его переносить ихъ на другія общественныя цѣли, не можетъ измѣнить одного изъ двухъ необходимыхъ составныхъ элементовъ общественной дѣятельности: ея внутреннихъ эмоціональныхъ мотивовъ. Въ теченіе небольшого промежутка времени эти послѣдніе необходимо остаются тѣми же самыми. Слѣдовательно, въ теченіе такого промежутка остается неизмѣнной основная подкладка, основныя стремленія и задачи, руководящія общественной дѣятельностью преемственныхъ поколѣній, все ихъ субъективное отношеніе къ окружающему; если же что и можетъ измѣниться, то только внѣшняя форма, объективное проявленіе этого отношенія.

Но, въ такомъ случаѣ, что же значитъ та внутренняя метаморфоза, которая произошла, по мнѣнію г. Е. Соловьева, въ психикѣ одного и того же общественнаго слоя, на протяженіи одного или двухъ десятилѣтій, которая сдѣлала для современнаго поколѣнія совершенно чуждыми и непонятными идеи и чувства, охватившія съ такою силою семидесятые годы и которая привела г. Е. Соловьева къ открытію въ нихъ такихъ несродныхъ ему элементовъ, какъ славянофильство и старо-барскій духъ? Какъ примирить психологическую невозможность этой метаморфозы съ несомнѣнной наличностью г. Е. Соловьева, съ тѣмъ его внутреннимъ непониманіемъ разсматриваемой имъ эпохи, о которомъ онъ говоритъ самъ и которое подтверждается объективно его статьею?

Разрѣшеніе этой загадки, очевидно, заключается не въ ниспроверженіи основныхъ положеній современной психологіи, а въ г. Е. Соловьевѣ или, лучше сказать, въ томъ пониманіи хода общественной жизни, выразителемъ котораго онъ является въ своей статьѣ о семидесятыхъ годахъ. Представьте себѣ, что возникаетъ новая общественная теорія, видоизмѣняющая такъ или иначе формы общественной дѣятельности, но не ограничивающаяся одною этою задачею, а опредѣляющая также и самую роль человѣка въ общественной жизни. Предположите затѣмъ, что въ послѣднемъ вопросѣ новая теорія опредѣляетъ эту роль внѣ всякой зависимости отъ основныхъ и медленно измѣняющихся свойствъ самого человѣка, исключительно въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, которыми опредѣляются, согласно этой теоріи, и самые внутренніе стимулы общественной дѣятельности. Тогда необходимо должно получиться слѣдующее.

Прежде всего, очевидно, устраняется самостоятельное значеніе внутреннихъ стимуловъ, присущая имъ, содержащаяся въ нихъ

самихъ общественная сила и ея естественный ростъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется и та органическая связь между поколѣніями, которая передается отъ одного изъ нихъ другому въ формѣ извѣстной ступени умственнаго и нравственнаго развитія. Эта связь, конечно не исчезаетъ фактически, но она игнорируется адептами новой теоріи, исчезаетъ съ ихъ умственнаго горизонта. Затѣмъ, такъ какъ форма общественной дѣятельности непрерывно приспособляется къ условіямъ общественной жизни и отражаетъ на себѣ не только измѣненіе самихъ этихъ условій, но и лучшее ознакомленіе съ ними подъ вліяніемъ опыта, то она можетъ значительно видоизмѣниться даже за сравнительно короткій промежутокъ времени и рѣзко отличаться отъ предшествующей ей. Хотя этому рѣзкому отличію соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности полное тождество внутреннихъ стимуловъ, но это тождество несовмѣстимо съ теоріей, подчиняющей внутренніе стимулы внѣшнимъ условіямъ, объективнымъ требованіямъ общественной жизни. Такъ какъ, съ точки зрѣнія новой теоріи, предшествующая постановка вопроса была неправильна и не отвѣчала общественнымъ запросамъ, то, и субъективныя стремленія, обусловившія эту постановку, не могли быть тождественны съ субъективными стремленіями, вызванными дѣйствительными требованіями общественной жизни и обусловившими правильную постановку вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, если признать, что субъективныя стремленія опредѣляются непреодолимыми стихійными теченіями общественной жизни, ищущими своего осуществленія, и представляютъ собою не что иное, какъ воплощенную въ человѣка, психическую форму этихъ самыхъ стихійныхъ теченій, послѣднее звѣно въ цѣпи необходимаго эволюціоннаго процесса, то очевидно, что ложная форма общественной дѣятельности, которой не суждено достигнуть практическихъ результатовъ, не можетъ имѣть своей ближайшей причиной тѣ же самыя субъективныя стремленія, какъ и тѣ, которыми обусловливается правильная постановка вопроса и которыя составляютъ послѣдній фазисъ въ процессѣ осуществленія непреодолимыхъ требованій общественной жизни. Въ противномъ случаѣ однѣ и тѣ же причины приводили бы къ прямо противоположнымъ результатамъ.

Такимъ образомъ, рѣзкому различію въ формахъ общественной дѣятельности должно соотвѣтствовать, согласно теоріи, подчиняющей внутренніе стимулы внѣшнимъ условіямъ, столь же рѣзкое различіе въ этихъ субъективныхъ мотивахъ. А такъ какъ, согласно той-же теоріи, внутреннія, психическія силы не составляютъ самостоятельнаго фактора общественной дѣятельности, то этотъ сравнительно постоянный элементъ, тѣсно связывающій между собой смежныя поколѣнія, не могъ служить въ глазахъ г. Е. Соловьева препятствіемъ для признанія того психическаго переворота, который произошелъ, по его мнѣнію, съ конца семи-

десятыхъ годовъ и окружилъ ихъ большою таинственностью. Отсюда всѣ его неудачныя историческія гипотезы, его стремленіе объяснить народничество особыми причинами, не имѣющими ничего общаго съ дѣйствующими въ современномъ поколѣніи и исчезнувшими вмѣстѣ съ измѣненіемъ общественныхъ условій, съ исчезновеніемъ слѣдовъ крѣпостного быта.

Мы видѣли, что г. Е. Соловьевъ пытался изолировать семидесятые годы, выдѣлить характеризующее ихъ умственное движеніе изъ цѣпи тѣхъ явленій, въ которыхъ выражалось главное прогрессивное теченіе русской общественной мысли, и тѣмъ самымъ опредѣлить положеніе своего собственнаго міросозерцанія въ этомъ теченіи, установить его духовное родство съ шестидесятыми годами. Онъ говоритъ, что народничество „совершенно забыло" Добролюбова, что „здоровое и трезвое наслѣдство шестидесятыхъ годовъ было въ значительной степени забыто" интеллигенціей семидесятыхъ годовъ. „Забытъ былъ скептицизмъ Добролюбова... забытъ былъ и Чернышевскій съ его враждою ко всякаго рода утопіямъ"... (Іюль, стр. 277). Но мы видѣли, что эта попытка г. Е. Соловьева оказалась крайне неудачной, что его общія и голословныя утвержденія опровергаются несомнѣнными свидѣтельствами, встрѣчаемыми въ изобиліи въ сочиненіяхъ самихъ же этихъ публицистовъ, опровергаются не отдѣльными ихъ фразами, а основными мыслями ихъ главнѣйшихъ произведеній. Такимъ образомъ, настаивая на полный отчужденности своего собственнаго міросозерцанія отъ общественныхъ взглядовъ семидесятыхъ годовъ, г. Е. Соловьевъ тѣмъ самымъ констатируютъ полную разобщенность этого міросозерцанія и съ основными общественными взглядами шестидесятыхъ годовъ, тождественными, какъ мы видѣли, со взлядами семидесятыхъ. А отсюда слѣдуетъ только то, что происхожденіе самаго міросозерцанія, защищаемаго г. Е. Соловьевымъ, является трудно объяснимымъ, не связаннымъ съ умственнымъ и общественнымъ развитіемъ Россіи и какимъ-то экзотическимъ. Мы не говоримъ, чтобы оно являлось таковымъ на самомъ дѣлѣ, но къ такому выводу приводитъ все содержаніе разсматриваемыхъ нами статей г. Е. Соловьева, основная мысль этихъ статей; таковыми оказываются результаты приложенія историко-философской точки зрѣнія, раздѣляемой нашимъ авторомъ, къ объясненію явленій русской жизни, а по свойству этихъ результатовъ можно судить и о достоинствахъ самой этой точки зрѣнія.

Во всѣхъ соображеніяхъ, во всей нашей аргументаціи, вызванной рѣзкой характеристикой семидесятыхъ годовъ г. Е. Соловьева, мы имѣли конечно въ виду, что онъ говоритъ вездѣ объ основныхъ свойствахъ разсматриваемой имъ эпохи и объ основномъ настроеніи, объ основныхъ внутреннихъ стимулахъ ея представителей. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о „странныхъ дикихъ

самихъ общественная сила и ея естественный ростъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется и та органическая связь между поколѣніями, которая передается отъ одного изъ нихъ другому въ формѣ извѣстной ступени умственнаго и нравственнаго развитія. Эта связь, конечно не исчезаетъ фактически, но она игнорируется адептами новой теоріи, исчезаетъ съ ихъ умственнаго горизонта. Затѣмъ, такъ какъ форма общественной дѣятельности непрерывно приспособляется къ условіямъ общественной жизни и отражаетъ на себѣ не только измѣненіе самихъ этихъ условій, но и лучшее ознакомленіе съ ними подъ вліяніемъ опыта, то она можетъ значительно видоизмѣниться даже за сравнительно короткій промежутокъ времени и рѣзко отличаться отъ предшествующей ей. Хотя этому рѣзкому отличію соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности полное тождество внутреннихъ стимуловъ, но это тождество несовмѣстимо съ теоріей, подчиняющей внутренніе стимулы внѣшнимъ условіямъ, объективнымъ требованіямъ общественной жизни. Такъ какъ, съ точки зрѣнія новой теоріи, предшествующая постановка вопроса была неправильна и не отвѣчала общественнымъ запросамъ, то и субъективныя стремленія, обусловившія эту постановку, не могли быть тождественны съ субъективными стремленіями, вызванными дѣйствительными требованіями общественной жизни и обусловившими правильную постановку вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, если признать, что субъективныя стремленія опредѣляются непреодолимыми стихійными теченіями общественной жизни, ищущими своего осуществленія, и представляютъ собою не что иное, какъ воплощенную въ человѣка, психическую форму этихъ самыхъ стихійныхъ теченій, послѣднее звѣно въ цѣпи необходимаго эволюціоннаго процесса, то очевидно, что ложная форма общественной дѣятельности, которой не суждено достигнуть практическихъ результатовъ, не можетъ имѣть своей ближайшей причиной тѣ же самыя субъективныя стремленія, какъ и тѣ, которыми обусловливается правильная постановка вопроса и которыя составляютъ послѣдній фазисъ въ процессѣ осуществленія непреодолимыхъ требованій общественной жизни. Въ противномъ случаѣ однѣ и тѣ же причины приводили бы къ прямо противоположнымъ результатамъ.

Такимъ образомъ, рѣзкому различію въ формахъ общественной дѣятельности должно соотвѣтствовать, согласно теоріи, подчиняющей внутренніе стимулы внѣшнимъ условіямъ, столь же рѣзкое различіе въ этихъ субъективныхъ мотивахъ. А такъ какъ, согласно той-же теоріи, внутреннія, психическія силы не составляютъ самостоятельнаго фактора общественной дѣятельности, то этотъ сравнительно постоянный элементъ, тѣсно связывающій между собой смежныя поколѣнія, не могъ служить въ глазахъ г. Е. Соловьева препятствіемъ для признанія того психическаго переворота, который произошелъ, по его мнѣнію, съ конца семи-

десятыхъ годовъ и окружилъ ихъ большою таинственностью. Отсюда всѣ его неудачныя историческія гипотезы, его стремленіе объяснить народничество особыми причинами, не имѣющими ничего общаго съ дѣйствующими въ современномъ поколѣніи и исчезнувшими вмѣстѣ съ измѣненіемъ общественныхъ условій, съ исчезновеніемъ слѣдовъ крѣпостного быта.

Мы видѣли, что г. Е. Соловьевъ пытался изолировать семидесятые годы, выдѣлить характеризующее ихъ умственное движеніе изъ цѣпи тѣхъ явленій, въ которыхъ выражалось главное прогрессивное теченіе русской общественной мысли, и тѣмъ самымъ опредѣлить положеніе своего собственнаго міросозерцанія въ этомъ теченіи, установить его духовное родство съ шестидесятыми годами. Онъ говоритъ, что народничество „совершенно забыло“ Добролюбова, что „здоровое и трезвое наслѣдство шестидесятыхъ годовъ было въ значительной степени забыто“ интеллигенціей семидесятыхъ годовъ. „Забытъ былъ скептицизмъ Добролюбова... забытъ былъ и Чернышевскій съ его враждою ко всякаго рода утопіямъ“... (Іюль, стр. 277). Но мы видѣли, что эта попытка г. Е. Соловьева оказалась крайне неудачной, что его общія и голословныя утвержденія опровергаются несомнѣнными свидѣтельствами, встрѣчаемыми въ изобиліи въ сочиненіяхъ самихъ же этихъ публицистовъ, опровергаются не отдѣльными ихъ фразами, а основными мыслями ихъ главнѣйшихъ произведеній. Такимъ образомъ, настаивая на полный отчужденности своего собственнаго міросозерцанія отъ общественныхъ взглядовъ семидесятыхъ годовъ, г. Е. Соловьевъ тѣмъ самымъ констатируютъ полную разобщенность этого міросозерцанія и съ основными общественными взглядами шестидесятыхъ годовъ, тождественными, какъ мы видѣли, со взлядами семидесятыхъ. А отсюда слѣдуетъ только то, что происхожденіе самаго міросозерцанія, защищаемаго г. Е. Соловьевымъ, является трудно объяснимымъ, не связаннымъ съ умственнымъ и общественнымъ развитіемъ Россіи и какимъ-то экзотическимъ. Мы не говоримъ, чтобы оно являлось таковымъ на самомъ дѣлѣ, но къ такому выводу приводитъ все содержаніе разсматриваемыхъ нами статей г. Е. Соловьева, основная мысль этихъ статей; таковыми оказываются результаты приложенія историко-философской точки зрѣнія, раздѣляемой нашимъ авторомъ, къ объясненію явленій русской жизни, а по свойству этихъ результатовъ можно судить и о достоинствахъ самой этой точки зрѣнія.

Во всѣхъ соображеніяхъ, во всей нашей аргументаціи, вызванной рѣзкой характеристикой семидесятыхъ годовъ г. Е. Соловьева, мы имѣли конечно въ виду, что онъ говоритъ вездѣ объ основныхъ свойствахъ разсматриваемой имъ эпохи и объ основномъ настроеніи, объ основныхъ внутреннихъ стимулахъ ея представителей. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о „странныхъ дикихъ

формулахъ", руководившихъ людьми въ ихъ стремленіи къ „неосуществимому, невозможному и не дѣйствительному", о „странныхъ утопіяхъ", лишенныхъ „общественнаго, политическаго смысла", и т. д., тамъ не можетъ идти рѣчи лишь о болѣе или менѣе второстепенныхъ и неуловимыхъ оттѣнкахъ въ проявленіи однихъ и тѣхъ-же стремленій, однѣхъ и тѣхъ-же основныхъ эмоцій,—оттѣнкахъ, которые могутъ отличать людей различныхъ сословій или различнаго воспитанія. Г. Е. Соловьевъ самъ говоритъ, напримѣръ, что „изъ живыхъ, извѣстныхъ намъ людей эпохи, Рахметовъ больше всего похожъ на Добролюбова" (январь, стр. 123); между тѣмъ одинъ изъ нихъ былъ бариномъ, а другой чистымъ демократомъ по своему происхожденію, и они, разумѣется, очень различались между собой по той или другой особой окраскѣ ихъ общественнаго міросозерцанія; но основа его была у нихъ одинакова, и она опредѣляла собою ихъ духовное родство. Съ другой стороны, когда г. Е. Соловьевъ говоритъ о духовномъ родствѣ семидесятыхъ годовъ со славянофильствомъ и о свободномъ принятіи ими его наслѣдія, которымъ опредѣлилась вся идейная и моральная физіономія этой эпохи, то онъ, очевидно, говоритъ не о второстепенныхъ и побочныхъ, а объ основныхъ чертахъ этой таинственной эпохи, сдѣлавшихъ ее не родственной, а далекой и чуждой современному поколѣнію.

Кстати: констатируя наибольшее сходство излюбленнаго героя Чернышевскаго съ Добролюбовымъ, г. Е. Соловьевъ говоритъ въ то же время, въ одномъ мѣстѣ, что „исторически Рахметовъ и и его мораль принадлежатъ не шестидесятымъ, а семидесятымъ годамъ" (январь, стр. 123), а въ другомъ,—что „суровый духъ Рахметова точно носился надъ эпохой" семидесятыхъ годовъ, „этотъ духъ, не находившій себѣ ни достаточнаго простора, ни достаточнаго примѣненія за десять лѣтъ тому назадъ" (августъ, стр. 314). Какъ примиряется въ пониманіи г. Е. Соловьевымъ семидесятыхъ годовъ рахметовскій духъ со славянофильскимъ и старо-барскимъ, мы не беремся рѣшить, какъ и вообще не беремся распутать цѣлую кучу отрывочныхъ мыслей и противорѣчивыхъ утвержденій, нагроможденныхъ въ его статьяхъ. Такъ, напримѣръ, онъ самъ говоритъ, что въ глубинѣ шестидесятыхъ годовъ таились „тѣ черты, которыя развернулись и достигли своего преобладающаго значенія лишь въ слѣдующее десятилѣтіе" (январь, стр. 116). Эти черты воплощались именно въ Рахметовѣ, время котораго пришло въ семидесятыхъ годахъ, когда „исчезъ какъ дымъ туманъ просвѣщеннаго эгоизма, и народъ, т. е. горе народное заняло господствующее мѣсто въ думахъ интеллигенціи" (январь, стр. 123). Въ то же время семидесятые годы оказываются порожденіемъ славянофильства и барскаго духа. Такимъ образомъ, не развитіе наиболѣе глубокаго

теченія шестидесятыхъ годовъ вызвало умственное и общественное движеніе семидесятыхъ, а въ концѣ концовъ всетаки возвратъ къ славянофильству. Въ другомъ мѣстѣ (іюль, стр. 277) г. Е. Соловьевъ говоритъ, что всѣ увлеченія и крайности публицистики семидесятниковъ—„плоть отъ плоти и кость отъ костей самой жизни, часто вдохновенной, часто взбаламученной, всегда тревожной, жизни, совершенно не понимавшей самое себя“... Съ другой стороны та же самая публицистика является у него продуктомъ отжившихъ традицій, старо-барскаго духа, проникнутой страннымъ стремленіемъ къ недѣйствительному и невозможному. Недѣйствительность и плоть отъ плоти самой жизни; „идеалы правды, добра, справедливости“ и старо-барская закваска, все это перемѣшивается и переплетается въ представленіи г. Е. Соловьева объ этомъ таинственномъ десятилѣтіи. Немного дальше онъ такъ характеризуетъ людей этой эпохи: „не были спокойны люди, мучительно тревожились они, видя себя окруженными несчастьемъ и страданьемъ. Страшно ненавидѣли они всю эту скверность жизни, всю ея жестокость, и ихъ ненависть была тяжелой болѣзнью“... и т. д. (стр. 280). Прочтя эти строки, невольно спрашиваешь себя, съ одной стороны, почему эти муки и ненависть составляли что-нибудь, исключительно принадлежавшее семидесятымъ годамъ, и почему онѣ связываются со славянофильствомъ и старо-барскимъ духомъ, а съ другой—развѣ ими однѣми не объясняется все настроеніе семидесятыхъ годовъ и ихъ страстный порывъ къ общественной дѣятельности, въ основу которой были положены переданные имъ литературою шестидесятыхъ годовъ взгляды на народъ, на общинное землевладѣніе и на силу личной иниціативы? Но всѣ эти вопросы и противорѣчія остаются неразрѣшенными въ статьяхъ г. Е. Соловьева. Дѣло въ томъ, что въ нихъ, съ одной стороны, констатируются факты, слишкомъ бросающіеся въ глаза, чтобы не найти себѣ мѣста въ историческомъ очеркѣ разсматриваемой эпохи, а съ другой—проводится теорія совершенно противорѣчащая этимъ фактамъ и всякой дѣйствительности вообще. Вслѣдствіе этого получается крайне сложная и запутанная ткань, въ которой, однако, красной нитью проходитъ категорически высказанное авторомъ положеніе о старо-барскомъ и славянофильскомъ происхожденіи умственнаго движенія семидесятыхъ годовъ, о его мистической окраскѣ и о его непонятномъ утопизмѣ. Это именно положеніе мы и имѣли въ виду, когда старались выяснить духовное родство и преемственную связь между шестидесятыми годами и семидесятыми.

П. Б.

Литература и жизнь.

О г. Розановѣ.

Въ замѣткахъ „о писателяхъ и писательствѣ“ В. В. Розанова („Литературные очерки“ Спб. 1899) есть любопытныя странички объ издателѣ „Гражданина“ кн. Мещерскомъ. Я написалъ было „любопытная характеристика“ кн. Мещерскаго, но зачеркнулъ эти слова, потому что характеристики, собственно говоря, нѣтъ, а есть „взглядъ и нѣчто... о чемъ, бишь, нѣчто?“ Г. Розановъ начинаетъ съ указанія на тотъ фактъ, что „имя кн. Мещерскаго и его органъ „Гражданинъ“ окружены въ нашей литературѣ зоной предубѣжденія“. Въ дальнѣйшемъ оказывается, впрочемъ, что зоной предубѣжденія князь Мещерскій и его органъ ограждены не только въ литературѣ,—его и въ публикѣ не читаютъ; но корень этого предубѣжденія лежитъ, повидимому, все-таки въ литературѣ, въ молчаливомъ соглашеніи собратовъ кн. Мещерскаго по профессіи: они какъ бы условились погубить его пренебреженіемъ. Но за что? почему? Г. Розановъ склоненъ думать, что ни за что, ни про что. Такъ вотъ и съ Булгаринымъ было, „Что такое сдѣлалъ Булгаринъ? сжегъ ли онъ новый храмъ Діаны Ефесской, какъ древній Геростратъ? Нѣтъ, но онъ сдѣлалъ хуже или, точнѣе, съ нимъ сдѣлалось худшее“: къ нему пренебрежительно относился Бѣлинскій, на него писалъ эпиграммы Пушкинъ. „И ничего больше, ничего еще, т. е. *опредѣленнаго, доказаннаго*, ставшаго *общеизвѣстнымъ*“ (курсивъ г. Розанова). Кн. Мещерскій находится въ такомъ же положеніи. Что онъ такое сдѣлалъ? Напримѣръ, онъ „требуетъ розги“, — недоумѣваетъ г. Розановъ,—„но вѣдь онъ же никого не сѣчетъ“. Вообще,—продолжаетъ г. Розановъ,—„прислушиваясь къ насмѣшкамъ, ничего въ нихъ почти не понимая, по крайней мѣрѣ, не имѣя знанія, чтобы ихъ отвергнуть или чтобы принять ихъ, я въ умѣ своемъ невольно сравнивалъ судьбу нашего консервативнаго публициста съ судьбою знаменитаго—но только радикальнаго—агитатора Парнелля. Онъ *былъ*; но что-то случилось, о чемъ-то заговорили, и вотъ его *нѣтъ* болѣе. Почему нѣтъ? даже *что* именно заговорили,—никто этого не зналъ, никто объ этомъ настойчиво не спрашивалъ“. А между тѣмъ, когда г. Розанову случайно попала въ руки пачка номеровъ „Гражданина“, имъ „овладѣло сильное волненіе“, онъ „увидѣлъ и почувствовалъ, до чего ярко дарованіе никѣмъ и никогда нечитаемаго публициста, какъ значительна похороненная заживо въ нихъ сила, сколько тонкости и остроты въ его *языкѣ* и *мысли* и,

главное, какая удивительная и привлекательная конкретность въ первомъ и во второй". Это ли открытіе или что другое подѣйствовало на г. Розанова, но „въ концѣ концовъ" ему „думается—не бываетъ дыма безъ всякаго подъ нимъ огня; и Булгаринъ не потому только погребенъ, отпѣтъ и, такъ сказать, имѣетъ фатальный „осиновый колъ" въ своей могилѣ, что онъ былъ „Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ" и что на него „наступилъ" Пушкинъ, но и кромѣ того еще почему нибудь, чего мы подлинно не знаемъ теперь". И въ заключеніи г. Розановъ пишетъ: „Слабый, какъ и всѣ, и я не читаю „Гражданина", по крайней мѣрѣ не выписываю. Просто—я не люблю смерти; не люблю того мѣста рѣки или озера, гдѣ, по остроумному, хотя и жестокому выраженію простонародья, кто-то „испортилъ воду" (утопился). Почему? какъ „испортилъ"?—быть можетъ, это былъ глубоко несчастный и глубоко прекрасный человѣкъ—я не знаю, и прохожу мимо".

Походивъ однако нѣкоторое время „мимо", г. Розановъ все-таки зашелъ... Слабый, какъ и всѣ, я тоже не читаю „Гражданина", но изъ № 45 „Русскаго Труда" и № 303 „Сына Отечества" знаю, что г. Розановъ излагаетъ въ „Гражданинѣ", въ томъ мѣстѣ, гдѣ „кто-то испортилъ воду", свои „Мысли о бракѣ" и и „О тѣлѣ и тайнахъ въ тѣлѣ".

Читатель видитъ, что я имѣлъ нѣкоторое основаніе назвать замѣтку г. Розанова любопытной „характеристикой" кн. Мещерскаго, но имѣлъ также основаніе зачеркнуть это слово и замѣнить его словами „взглядъ и нѣчто". Во всякомъ случаѣ, статья дѣйствительно любопытная и хотя и не исчерпывающая всѣхъ особенностей литературной физіономіи г. Розанова, но во многихъ отношеніяхъ для нея характерная. Мы еще вернемся къ ней. Теперь мнѣ хочется разсказать, какъ я испыталъ по отношенію къ г. Розанову нѣчто подобное тому, что онъ испыталъ относительно кн. Мещерскаго.

Лѣтъ, должно быть, восемь тому назедъ меня заинтересовали двѣ-три статьи г. Розанова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Я писалъ объ нихъ, г. Розановъ возражалъ; но убѣдившись въ безплодности этой полемики, я прекратилъ ее. Затѣмъ мнѣ лишь случайно попадались даже не статьи г. Розанова, а выдержки изъ нихъ въ разныхъ изданіяхъ, выдержки, не только не возбуждавшія желанія познакомиться съ подлинниками, но окружавшія автора „зоной предубѣжденія" для меня. Такова, напримѣръ, была одна, не знаю гдѣ напечатанная, статья, въ которой г. Розановъ, обращаясь къ гр. Л. Н. Толстому „на ты", съ изумительною наглостью призывалъ его покаяться, въ виду, дескать, близкой могилы, въ грѣхамъ и вторгался въ его интимную жизнь. Такова была еще одна его статья, напечатанная въ „Русскомъ Обозрѣніи", въ своемъ родѣ еще болѣе возмутительная. Отсюда—

зона брезгливаго предубѣжденія. Но вотъ одна статья г. Шарапова въ „Русскомъ Трудѣ“ заставила меня подумать о г. Розановѣ, и я прочиталъ три недавно вышедшія его книжки, изданныя г. П. Перцовымъ: „Литературные очерки“, „Религія и культура“, „Сумерки просвѣщенія“... Не скажу, чтобы я при этомъ испыталъ такое же чрезвычайное волненіе, какое потрясло г. Розанова при чтеніи случайно попавшей ему въ руки пачки номеровъ „Гражданина“, и чтобы такъ ужъ умилялся тонкостью, остротою, удивительностью и проч. Но передо мной появился писатель во всякомъ случаѣ чрезвычайно интересный. Боюсь однако, что и въ немъ мы имѣемъ, какъ, по его мнѣнію, въ кн. Мещерскомъ, нѣкоторую заживо погребенную силу, что и онъ представляетъ собою мѣсто, гдѣ „кто-то испортилъ воду“.

Статья г. Шарапова, возбудившая во мнѣ желаніе поближе познакомиться съ г. Розановымъ, начинается такъ:

Давно собирался я напечатать портретъ В. В. Розанова, котораго сердечно люблю и котораго такъ часто приходится бранить (до готовности иной разъ просто поколотить, до того бываетъ онъ нестерпимъ въ своихъ крайностяхъ и безпорядочности мышленія и писанія), но все откладывалось, пока не прочелъ о немъ статью г. Протопопова въ „Русской Мысли . Тогда рѣшилъ больше не откладывать. Еще раньше, въ одинъ изъ визитовъ ко мнѣ В. В—ча я поставилъ его къ стѣнѣ и снялъ, какъ умѣлъ, затѣмъ заставилъ его вытребовать на время отъ философа Я. Н. Колубовскаго написанную коротенькую автобіографію и, наконецъ, попросилъ моего друга написать „что нибудь умное и глубокое“, чтобы сдѣлать клише его почерка и помѣстить подъ его портретомъ. Словомъ, вывожу Василія Васильевича со всѣмъ церемоніаломъ, принятымъ для такихъ случаевъ въ „Русскомъ Трудѣ“. Это ничуть не помѣшаетъ черезъ самое короткое время и, можетъ быть, даже начиная съ № 43-го, подвергнуть В. В. Розанова истинному тѣлесному наказанію (безъ поврежденія мягкихъ частей) руками другого моего почтеннаго друга Н. П. Аксакова, которое будетъ гораздо похуже издѣвательства г. Протопопова надъ совершенно нелѣпой и невозможной „часовенькой“.

Г. Протопоповъ, положимъ, отшлепалъ В. В. Розанова подѣломъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно надѣть, хотя-бы въ самое жаркое время, халатъ „сверхъ ничего“, подпоясаться полотенцемъ и идти гулять по Невскому? Въ такомъ видѣ его захватилъ критикъ „Русской Мысли“ и весьма отшлепалъ, приподнявъ халатъ...

Но, отшлепавъ, г. Протопопову, дабы не уподобиться непочтительному сыну праотца Ноя, слѣдовало-бы извиниться и поцѣловать полу этого-же самаго халата, ибо все-таки шлепать г. Розанова г. Протопоповъ можетъ, а тѣмъ не менѣе онъ недостоинъ серьезно даже развязать ремень у сапога его. Г. Розанову русская жизнь и русская литература, несмотря на всѣ его чудачества, *страшно многимъ обязана*, а г. Протопопову ровно ничѣмъ.

Согласитесь, что это заинтересовываетъ? Курсивъ въ этой выпискѣ (*страшно многимъ обязана*) принадлежитъ г. Шарапову. Я подчеркнулъ бы совсѣмъ другія мѣста, тѣ именно, гдѣ писателю, которому жизнь и русская литература страшно многимъ

обязана, обѣщается отъ руки г. Аксакова *„истинное тѣлесное наказаніе (безъ поврежденія мягкихъ частей)"*; и далѣе, гдѣ сообщается, что г. Протопоповъ *„подѣломъ весьма отшлепалъ"* г. Розанова, *„приподнявъ халатъ"*. Интересно и то, что г. Протопоповъ, „отшлепавъ", долженъ „поцѣловать полу халата". Очевидно, г. Протопоповъ, какъ человѣкъ посторонній, не знаетъ ритуала, а гг. Шараповъ и Аксаковъ всегда ужъ такъ: поднимутъ халатъ, отшлепаютъ, а потомъ поцѣлуютъ полу халата...

Не успѣлъ еще я вдуматься въ оригинальную картину отшлепываемого великаго писателя (хотя бы и „безъ поврежденія мягкихъ частей"), нарисованную г. Шараповымъ въ № 42 „Русскаго Труда", какъ въ № 45 того же органа прочиталъ статью г. Петра Перцова подъ заглавіемъ: „Эквилибристика В. В. Розанова", а въ ней, между прочимъ, такія строки: „Бѣдняга Василій Васильевичъ, кажется, согласенъ былъ былъ бы печатать свои „Мысли о бракѣ" хотя въ „Тургайскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ" или хоть въ преисподней, даже въ какой нибудь тамошней „Адской почтѣ", только бы печатать. Это грѣхъ, можетъ быть, еще не такъ большой руки: писательскій зудъ неутолимъ, но вотъ что гораздо хуже: увлекаясь пыломъ своей проповѣди, В. В. все менѣе и менѣе сохраняетъ безпристрастіе и даже простую литературную добропорядочность, все болѣе и болѣе позволяетъ своей мысли и своему перу „вилять" вокругъ темы съ полной развязностью". Чѣмъ именно такъ огорчилъ г. Розановъ г. Перцова,— это для насъ безразлично, но въ концѣ статьи читаемъ: „Все это отдаетъ уже не религіозною мыслью, даже не философской софистикой, а прямо чѣмъ то клиническимъ и психопатологическимъ (по отдѣлу эротоманіи). Право, тутъ можно испугаться не только за писателя, но и за человѣка".

Замѣтьте, что г. Перцовъ есть издатель произведеній г. Розанова, человѣкъ, слѣдовательно, считающій нужнымъ, полезнымъ распространять его мысли. И очень поэтому вѣроятно, что, „отшлепавъ" г. Розанова, онъ, подобно г. Шарапову, прикладывается къ полѣ его халата. Согласитесь, что это оригинально. Ничего подобнаго въ нашей, да вѣроятно и во всемірной, литературѣ не бывало, а въ жизни есть только одинъ разрядъ людей, къ которымъ возможны подобныя отношенія: это—юродивые или юродствующіе. Тутъ мы видимъ то же странное сочетаніе глубокаго почтенія со всякого рода оскорбленіями и издѣвательствами. И, вчитываясь въ произведенія г. Розанова, по неволѣ вспоминаешь этихъ частью не вполнѣ нормальныхъ людей, частью людей, что называется, себѣ на умѣ. Ихъ напоминаетъ уже самая форма его изложенія: обиліе неожиданныхъ сравненій, метафоръ, иногда совершенно безсмысленныхъ, странные и внезапные выкрики, немотивированныя подчеркиванія отдѣльныхъ словъ, что-то очень цвѣтное, очень звонкое, иногда и очень

сильное, а иногда просто бредоподобное. Этой формѣ изложенія соотвѣтствуютъ и безпорядочные скачки мысли. Онѣ скачутъ и другъ черезъ друга, и черезъ чужія мысли, и отъ одного произвольно выбраннаго факта къ другому, столь же произвольно выбранному, и черезъ факты.

Взять хоть бы эту самую „часовеньку", за которую, по словомъ г. Шарапова, г. Протопоповъ правомѣрно г. Розанова „весьма отшлепалъ, приподнявъ халатъ". Я не знаю, какъ произвелъ эту педагогическую операцію г. Протопоповъ, такъ какъ не читалъ его статьи, и отнюдь не намѣренъ повторять „сѣкуцію", но „часовенька" такъ характерна, что мнѣ хочется показать ее и своимъ читателямъ. Часовенька эта вставлена въ предисловіе къ книгѣ „Религія и культура", а предисловіе начинается такъ: „По мѣрѣ того, какъ годъ за годомъ и пятилѣтіе за пятилѣтіемъ ложатся на усталыя вѣки человѣка, глаза его опускаются долу и начинаютъ видѣть иное и иначе, чѣмъ нѣкогда, чѣмъ ранѣе. Укорачиваются горизонтальныя созерцанія, удлиняются вертикальныя. „Политика", шумныя „партіи"—все становится глуше для слуха, скрывается „за гору Аменти", какъ сказали бы египтяне. Вокругъ видится семья—„земля, на которой я стою", священное „азъ есмь" каждаго изъ насъ: то, что смиренно и безвидно несетъ около насъ трудъ, заботу, любовь, несетъ на плечахъ своихъ безустанныхъ „ковчегъ" бытія нашего, суеты нашей, часто—„пустого" нашего".—Читатель заинтересовывается въ началѣ этого отрывка красиво-печальнымъ образомъ старѣющаго человѣка, у котораго глаза опускаются „долу" подъ бременемъ налегающихъ на усталыя вѣки годовъ, вслѣдствіе чего „укорачиваются горизонтальныя созерцанія". И изъ за этой красоты вы не замѣчаете, можетъ быть, что дѣло идетъ просто о суженіи поля зрѣнія, объ очерствѣніи ума и сердца, теряющихъ способность обнимать мыслью и чувствомъ широкіе горизонты. „Въ пору „горизонтальныхъ созерцаній"—продолжаетъ г. Розановъ — мы склонны считать „отечествомъ" то и иное, широкое или далекое, и вообще въ сущности нѣчто вовсе чуждое: пока, суживаясь во взорѣ, не открываемъ истинное свое отечество и такъ сказать „обитаемую имперію", всѣ „45 томовъ Codex'а" въ невинныхъ глазахъ дѣтей, въ супружеской вѣрности жены и вообще не далѣе порога своего „дома". Отечество обширное и совершенно для каждаго достаточное". И т. д. Вспоминается автору „Умирающій гладіаторъ" Лермонтова, котораго дѣти дома „ждутъ назадъ съ добычею и славой; напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь лѣсной, безчувственной толпы". И вмѣстѣ съ гладіаторомъ г. Розановъ восклицаетъ: „Прости, развратный Римъ". А затѣмъ:

„*Итакъ*, сборникъ этихъ интимныхъ (по происхожденію) статей я посвящаю малому храму бытія своего, тѣсной своей часовенькѣ: памяти

усопшихъ своихъ родителей - рабовъ Божіихъ Василія и Надежды, двѣ могилки и одна даже безвѣстная, даже безъ креста; памяти дочери, 9-ти-мѣсячной Надюши—этой поставленъ мраморный крестъ на Смоленскомъ; праведной труженицѣ, женѣ своей Варварѣ, урожденной Рудневой; и дѣтямъ-младенцамъ, которые всему то, всему меня научили именно въ „религіи“, именно въ „культурѣ“—Татьянѣ, Вѣрѣ, Варварѣ, Василію

... прости, о край родной!“

Вглядитесь не только въ эту „часовеньку“, за которую г. Розановъ уже былъ „весьма отшлепанъ“ и которую даже г. Шараповъ признаетъ „совершенно нелѣпой и невозможной“. Вглядитесь и вслушайтесь во все это предисловіе. Старѣющій человѣкъ сознаетъ, что кругъ его сочувствія суживается,—фактъ, можетъ быть, и естественный (хотя, какъ видно изъ напечатанной въ „Русскомъ Трудѣ“ автобіографіи г. Розанова, ему 43 года,—немножко, какъ будто, рано хорониться въ часовенькѣ); пусть естественный, но во всякомъ случаѣ идеализаціи не подлежащій. Что тутъ въ самомъ дѣлѣ хорошаго? Г. Розановъ считаетъ однако возможнымъ принарядить его въ красивый поэтическій образъ, который, впрочемъ, сейчасъ же уродуетъ разноцвѣтными словесными лоскутками и подчеркиваніями не только такихъ таинственныхъ выраженій, какъ „азъ есмь“ и т. п., но самыхъ обыкновенныхъ словъ, въ родѣ: „политика“, „партіи“, „ковчегъ“, „домъ“, „обитаемая имперія“, „45 томовъ Codex'а“. Все это имѣетъ для г. Розанова какое-то особенное, углубленное или иносказательное значеніе,—совершенно, однако, непонятно какое. Затѣмъ опять красивый образъ—на этотъ разъ чужой—умирающаго гладіатора. Чужой онъ не только потому, что взятъ у Лермонтова, а и потому еще, что не имѣетъ никакого отношенія къ г. Розанову. Какой же онъ въ самомъ дѣлѣ умирающій гладіаторъ? И смерть отъ него, надо надѣяться, далеко, и настигнетъ она его, конечно, не такъ, какъ гладіатора. Во всякомъ случаѣ сейчасъ мы не слышимъ, чтобы „торжественно гремѣла рукоплесканьями широкая арена“... дѣятельности г. Розанова. Правда, лермонтовскому умирающему гладіатору вспоминаются ожидающія его на родинѣ „съ добычею и славой“ „возлюбленныя дѣти“, а у г. Розанова тоже есть возлюбленныя дѣти. Но гладіаторъ не по своей волѣ умираетъ „безчувственной толпы минутною забавой“ и о возлюбленныхъ дѣтяхъ вспоминаетъ въ молчаливой тиши своего сердца,—эту мысль, это чувство онъ никому на потѣху не отдаетъ. Г. же Розановъ, во-первыхъ, слава Богу, живъ (и даже излѣчился недавно въ Пятигорскѣ отъ какой-то непріятной болѣзни, о чемъ самъ сообщаетъ въ „Литературныхъ очеркахъ“), а во-вторыхъ, вполнѣ добровольно отдаетъ своихъ родственниковъ въ восходящей и нисходящей линіи на потѣху всѣхъ желающихъ потѣшаться. И послѣднее онъ исполняетъ блистательно: потѣшился надъ его часовенькой

сильное, а иногда просто бредоподобное. Этой формѣ изложенія соотвѣтствуютъ и безпорядочные скачки мысли. Онѣ скачутъ и другъ черезъ друга, и черезъ чужія мысли, и отъ одного произвольно выбраннаго факта къ другому, столь же произвольно выбранному, и черезъ факты.

Взять хоть бы эту самую „часовеньку“, за которую, по словомъ г. Шарапова, г. Протопоповъ правомѣрно г. Розанова „весьма отшлепалъ, приподнявъ халатъ“. Я не знаю, какъ произвелъ эту педагогическую операцію г. Протопоповъ, такъ какъ не читалъ его статьи, и отнюдь не намѣренъ повторять „сѣкуцію“, но „часовенька“ такъ характерна, что мнѣ хочется показать ее и своимъ читателямъ. Часовенька эта вставлена въ предисловіе къ книгѣ „Религія и культура“, а предисловіе начинается такъ: „По мѣрѣ того, какъ годъ за годомъ и пятилѣтіе за пятилѣтіемъ ложатся на усталыя вѣки человѣка, глаза его опускаются долу и начинаютъ видѣть иное и иначе, чѣмъ нѣкогда, чѣмъ ранѣе. Укорачиваются горизонтальныя созерцанія, удлиняются вертикальныя. „Политика“, шумныя „партіи“—все становится глуше для слуха, скрывается „за гору Аменти“, какъ сказали бы египтяне. Вокругъ видится семья—„земля, на которой я стою“, священное „азъ есмь“ каждаго изъ насъ: то, что смиренно и безвидно несетъ около насъ трудъ, заботу, любовь, несетъ на плечахъ своихъ безустанныхъ „ковчегъ“ бытія нашего, суеты нашей, часто—„пустого“ нашего“.—Читатель заинтересовывается въ началѣ этого отрывка красиво-печальнымъ образомъ старѣющаго человѣка, у котораго глаза опускаются „долу“ подъ бременемъ налегающихъ на усталыя вѣки годовъ, вслѣдствіе чего „укорачиваются горизонтальныя созерцанія“. И изъ за этой красоты вы не замѣчаете, можетъ быть, что дѣло идетъ просто о суженіи поля зрѣнія, объ очерствѣніи ума и сердца, теряющихъ способность обнимать мыслью и чувствомъ широкіе горизонты. „Въ пору „горизонтальныхъ созерцаній“—продолжаетъ г. Розановъ — мы склонны считать „отечествомъ“ то и иное, широкое или далекое, и вообще въ сущности нѣчто вовсе чуждое: пока, суживаясь во взорѣ, не открываемъ истинное свое отечество и такъ сказать „обитаемую имперію“, всѣ „45 томовъ Codex'а“ въ невинныхъ глазахъ дѣтей, въ супружеской вѣрности жены и вообще не далѣе порога своего „дома“. Отечество обширное и совершенно для каждаго достаточное“. И т. д. Вспоминается автору „Умирающій гладіаторъ“ Лермонтова, котораго дѣти дома „ждутъ назадъ съ добычею и славой; напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь лѣсной, безчувственной толпы“. И вмѣстѣ съ гладіаторомъ г. Розановъ восклицаетъ: „Прости, развратный Римъ“. А затѣмъ:

„*Итакъ*, сборникъ этихъ интимныхъ (по происхожденію) статей я посвящаю малому храму бытія своего, тѣсной своей часовенькѣ: памяти

усопшихъ своихъ родителей - рабовъ Божіихъ Василія и Надежды, двѣ могилки и одна даже безвѣстная, даже безъ креста; памяти дочери, 9-ти-мѣсячной Надюши—этой поставленъ мраморный крестъ на Смоленскомъ; праведной труженицѣ, женѣ своей Варварѣ, урожденной Рудневой; и дѣтямъ-младенцамъ, которые всему то, всему меня научили именно въ „религіи", именно въ „культурѣ"—Татьянѣ, Вѣрѣ, Варварѣ, Василію

... прости, о край родной!"

Вглядитесь не только въ эту „часовеньку", за которую г. Розановъ уже былъ „весьма отшлепанъ" и которую даже г. Шараповъ признаетъ „совершенно нелѣпой и невозможной". Вглядитесь и вслушайтесь во все это предисловіе. Старѣющій человѣкъ сознаетъ, что кругъ его сочувствія суживается,—фактъ, можетъ быть, и естественный (хотя, какъ видно изъ напечатанной въ „Русскомъ Трудѣ" автобіографіи г. Розанова, ему 43 года,—немножко, какъ будто, рано хорониться въ часовенькѣ); пусть естественный, но во всякомъ случаѣ идеализаціи не подлежащій. Что тутъ въ самомъ дѣлѣ хорошаго? Г. Розановъ считаетъ однако возможнымъ принарядить его въ красивый поэтическій образъ, который, впрочемъ, сейчасъ же уродуетъ разноцвѣтными словесными лоскутками и подчеркиваніями не только такихъ таинственныхъ выраженій, какъ „азъ есмь" и т. п., но самыхъ обыкновенныхъ словъ, въ родѣ: „политика", „партіи", „ковчегъ", „домъ", „обитаемая имперія", „45 томовъ Codex'a". Все это имѣетъ для г. Розанова какое-то особенное, углубленное или иносказательное значеніе,—совершенно, однако, непонятно какое. Затѣмъ опять красивый образъ—на этотъ разъ чужой—умирающаго гладіатора. Чужой онъ не только потому, что взятъ у Лермонтова, а и потому еще, что не имѣетъ никакого отношенія къ г. Розанову. Какой же онъ въ самомъ дѣлѣ умирающій гладіаторъ? И смерть отъ него, надо надѣяться, далеко, и настигнетъ она его, конечно, не такъ, какъ гладіатора. Во всякомъ случаѣ сейчасъ мы не слышимъ, чтобы „торжественно гремѣла рукоплесканьями широкая арена"... дѣятельности г. Розанова. Правда, лермонтовскому умирающему гладіатору вспоминаются ожидающія его на родинѣ „съ добычею и славой" „возлюбленныя дѣти", а у г. Розанова тоже есть возлюбленныя дѣти. Но гладіаторъ не по своей волѣ умираетъ „безчувственной толпы минутною забавой" и о возлюбленныхъ дѣтяхъ вспоминаетъ въ молчаливой тиши своего сердца,—эту мысль, это чувство онъ никому на потѣху не отдаетъ. Г.-же Розановъ, во-первыхъ, слава Богу, живъ (и даже излѣчился недавно въ Пятигорскѣ отъ какой-то непріятной болѣзни, о чемъ самъ сообщаетъ въ „Литературныхъ очеркахъ"), а во-вторыхъ, вполнѣ добровольно отдаетъ своихъ родственниковъ въ восходящей и нисходящей линіи на потѣху всѣхъ желающихъ потѣшаться. И послѣднее онъ исполняетъ блистательно: потѣшился надъ его часовенькой

г. Протопоповъ, потѣшился г. Шараповъ, потѣшались, вѣроятно, еще многіе другіе...

Фактъ, положенный г. Розановымъ въ основаніе предисловія къ сборнику „Религія и культура“, есть фактъ несомнѣнно прискорбный, ни идеализаціи, ни похвальбы не заслуживающій, а г. Розановъ вонъ какъ его разукрасилъ! Но и вообще его отношеніе къ фактамъ чрезвычайно оригинально. Его мысль часто устраивается совсѣмъ независимо отъ фактовъ, отъ которыхъ ему надлежало бы отправляться или къ объясненію, опроверженію или утвержденію которыхъ направляться. Ему ничего не стоитъ отрицать несомнѣнный фактъ, равно какъ сочинить фактъ небывалый и на немъ построить иногда красивое, иногда безобразное словесное зданіе, обвѣшать словесными погремушками ничтожный фактъ и перескочить черезъ цѣлый рядъ фактовъ огромной важности. И, пожалуй, это нельзя ему поставить въ большую вину: онъ не воленъ въ себѣ. Музыка собственной словесности, обильно уснащенной красивыми образами и выразительными реченіями, взятыми изъ библіи или у поэтовъ, неожиданными сравненіями, метафорами,—до такой степени оглушаетъ его, что ему не до фактической достовѣрности и обоснованности. Тѣмъ хуже для такого-то факта, котораго не было, и для такого-то, который, напротивъ, былъ, если они своимъ бытіемъ или небытіемъ становятся поперекъ пути звонкаго словеснаго потока! Формы безцеремоннаго обращенія г. Розанова очень разнообразны, я приведу нѣсколько примѣровъ въ разномъ родѣ.

Въ сборникѣ „Религія и культура“ есть маленькая статейка „Франко-русскія впечатлѣнія“. Написана она по поводу пріѣзда въ Петербургъ французскихъ моряковъ, и на тему, достаточно уже надоѣвшую, такъ сказать, потухшую или утонувшую въ общемъ празднословіи. Но у г. Розанова нашлось, среди словеснаго тряпья, нѣсколько счастливыхъ выраженій и цѣлыхъ реченій. Напримѣръ: „Звуки марсельезы—„такъ себѣ“ на всемъ протяженіи, въ одномъ мѣстѣ, въ серединѣ—мистически прекрасны. Руже де Лиль, сочинившій слова ея и музыку, *ни раньше, ни потомъ не написалъ ни одной строчки, т. е. это было чистое вдохновеніе, „дыханіе“ исторіи.* Въ той части звуковъ, которую я назвалъ мистическою, проходитъ какая то невыразимая загадка, что то запутанное и неразрѣшимое, какъ въ геніальныхъ созданіяхъ, будетъ ли то слово, звукъ, краска“, и т. д. (стр. 111).— Не совсѣмъ ясно, но не правда ли красиво? Если однако читатель остановится на томъ, что въ этой тирадѣ вполнѣ ясно, а именно на подчеркнутомъ мною фактическомъ утвержденіи, то увидитъ, что хорошенькое словесное зданьице г. Розанова построено даже не на пескѣ. Дѣло въ томъ, что Руже де Лиль, кромѣ марсельезы, написалъ Chant des vengeances, Chant du combat, „дифирамбическій гимнъ“ на 9 термидора, нѣсколько

романсовъ, сочинялъ и оперныя либретто. Интересно, конечно, что все музыкальное и поэтическое наслѣдство Руже де Лиля пошло прахомъ и въ памяти потомства сохранилась только вѣчно живая марсельеза; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы г. Розановъ имѣлъ право строить какіе бы то ни было выводы на небываломъ, хотя и съ безапелляціонною рѣшительностью утверждаемомъ имъ фактѣ.

Въ сборникѣ „Религія и культура" есть статья „Христіанство активно или пассивно?" Авторъ желаетъ, между прочимъ, указать существующія въ современной цивилизаціи противорѣчія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: „Евангеліе есть книга безплотныхъ отношеній—цѣломудрія, возведеннаго къ абсолюту; и между тѣмъ цивилизація, казалось бы, на немъ основанная, есть *первая въ исторіи*, гдѣ проституція регистрируется, регламентируется и имѣетъ свое законодательство, какъ есть законодательство фабричное... „Не пецытеся на утро, утренній бо собою печется",— и *нѣтъ, не было еще міра,* который тревогу свою простиралъ бы такъ далеко, какъ нашъ: мы боимся и кометы, которая какъ бы не разбила землю, и пересыханія водъ на нашемъ шарѣ, и исчезновенія на немъ воздуха, и охлажденія солнца, и паденія земли на солнце, космическаго „пожара". Трусость и „попеченіе", которыя *рѣшительно не имѣютъ себѣ примѣровъ въ исторіи*" (156). Г. Розановъ категориченъ... И что ему за дѣло до такихъ фактовъ, какъ весьма регламентированная, такъ называемая „священная" проституція языческой древности или законодательство Солона? Что ему далѣе за дѣло до средневѣковой цивилизаціи, правда, „христіанской", но весьма несходной съ современною, которая однако испещрена взрывами всенароднаго трепета въ ожиданіи близкой кончины міра или пришествія Антихриста? Были эти факты, и всѣмъ они хорошо извѣстны, но такъ выходитъ ярче и звонче: „первая въ исторіи", „нѣтъ и не было еще міра", „рѣшительно не имѣютъ себѣ примѣровъ въ исторіи"...

Въ томъ же сборникѣ „Религія и культура" есть четыре-пять страничекъ, озаглавленныхъ „Теперь и прежде". Здѣсь сопоставлены два факта, отдѣленные одинъ отъ другого географически тысячами верстъ и хронологически—тысячелѣтіями. „Теперь"— это возмутительная исторія, случившаяся въ Павижѣ въ 1881 г., „прежде"—библейскій разсказъ о Сусаннѣ и двухъ сластолюбивыхъ старцахъ; и ничего, ровно ничего, кромѣ этихъ двухъ фактовъ... и основаннаго на нихъ сравненія двухъ цивилизацій, отдѣленныхъ одна отъ другой географически тысячами верстъ, хронологически—тысячелѣтіями...

Вернемся къ замѣткѣ о кн. Мещерскомъ, съ которой начали бесѣду о г. Розановѣ. Тамъ мы имѣемъ тоже очень своеобразное обращеніе съ фактами. Бѣлинскій насмѣшливо относился къ Булгарину, Пушкинъ писалъ на него эпиграммы, „и ничего больше

мы о Булгаринѣ не знаемъ",—утверждаетъ г. Розановъ. Онъ пишетъ и *подчеркиваетъ:* „ничего больше, ничего еще, т. е. *опредѣленнаго, доказаннаго,* ставшаго *общеизвѣстнымъ".* Не считаю нужнымъ распространяться о томъ, что для всякаго, сколько нибудь знакомаго съ исторіей нашей литературы, дѣятельность Булгарина вполнѣ ясна. Но зачѣмъ понадобилось г. Розанову какъ будто притворяться, что онъ не знаетъ „опредѣленныхъ, доказанныхъ, общеизвѣстныхъ" фактовъ? потому что вѣдь не можетъ онъ ихъ не знать. Однако и притворяться ему нѣтъ резона. Я думаю, дѣло объясняется просто тѣмъ, что онъ въ себѣ не воленъ. Мелькнула у него мысль, что писатели могутъ ни съ того, ни съ сего по безмолвному соглашенію окружить одного изъ своихъ собратовъ „зоной предубѣжденія", да такъ окружить, что и читатель не переступитъ этой „зоны". Мысль совершенно фантастическая, и въ дальнѣйшемъ изложеніи самъ г. Розановъ признаетъ, что нѣтъ дыма безъ огня. Но, разъ возникнувъ, мысль немедленно облекается въ свойственную г. Розанову пеструю и звонкую словесную форму, и всѣ эти образы, уподобленія, метафоры своею фиктивною реальностью заслоняютъ отъ него факты подлинной дѣйствительности. Ему въ голову не приходитъ даже такое простое соображеніе, что если такіе люди, какъ Бѣлинскій (котораго онъ цѣнитъ высоко, хотя и съ ухищреніями) и Пушкинъ (котораго онъ цѣнитъ еще выше и уже безъ всякихъ ухищреній) относились къ Булгарину извѣстнымъ образомъ, такъ интересно было бы доискаться причинъ такого ихъ отношенія. Но здѣсь, кромѣ своеобразнаго отношенія къ фактамъ, мы имѣемъ еще и чрезвычайно характерную аргументацію. „Что такое сдѣлалъ Булгаринъ?" наивно спрашиваетъ г. Розановъ и, вмѣсто того, чтобы справиться въ источникахъ, всѣмъ доступныхъ, всѣмъ извѣстныхъ, задаетъ второй, ни съ чѣмъ несообразный вопросъ: „сжегъ ли онъ новый храмъ Діаны Ефесской, какъ древній Герострать? Нѣтъ, но онъ сдѣлалъ хуже или, *точнѣе,* съ нимъ сдѣлалось худшее": его презирали Бѣлинскій и Пушкинъ. Какая ужъ это „точность!" это просто неожиданный поворотъ налимьяго хвоста, обладатель котораго, почуявъ опасность, вильнулъ въ сторону. А между тѣмъ г. Розановъ, вполнѣ довольный своимъ выводомъ, прилагаетъ его къ кн. Мещерскому, кстати (!) припоминая и Парнеля, о причинахъ политическаго краха котораго тоже будто бы никому ничего неизвѣстно...

Уподобивъ выше г. Розанова юродивымъ или юродствующимъ, я отнюдь не думалъ нанести ему обиду или вообще причинить какую нибудь непріятность. И даже совсѣмъ напротивъ, потому что г. Розановъ держится чрезвычайно высокаго мнѣнія о юродивыхъ. Въ маленькой, но въ высокой степени интересной ста-

тейкѣ „Катковъ, какъ государственный человѣкъ“ онъ развиваетъ цѣлую теорію юродства и опредѣляетъ историческую роль юродивыхъ. Статейка эта, содержащая въ себѣ нѣкоторые основные элементы духа г. Розанова и до извѣстной степени центральная въ его литературномъ багажѣ, написана по поводу статьи г. Грингмута, напечатанной въ сборникѣ „Памяти М. Н. Каткова“ (1897 г.). Г. Грингмутъ возвеличилъ Каткова на счетъ славянофиловъ и западниковъ, которыхъ, дескать, онъ затмилъ и сокрушилъ ясностью и трезвостью своего „государственнаго міросозерцанія“. Не входя въ разборъ и различеніе славянофильства и западничества, г. Розановъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Оставимъ ихъ: и вотъ однако же общее у нихъ—алканіе; и вотъ общее же у Каткова, неизмѣнное на всемъ протяженіи его дѣятельности—сытость: сытость души эмпирическимъ содержаніемъ дѣйствительности. „Въ этомъ заключается великая государственная заслуга Каткова“,—говоритъ г. Грингмутъ. О, нѣтъ, отвѣтимъ мы: въ этомъ его малость; въ этомъ и только въ этомъ лежитъ губительная для его памяти сторона его дѣятельности, тутъ—червь, точащій его пирамиду, и, наконецъ, мы рѣшаемся даже это сказать: тутъ, въ этомъ практицизмѣ его, лежитъ именно мечтательность его ума, неопытность сердца, незнаніе дѣйствительности. Тутъ онъ иллюзіонистъ, создатель самыхъ короткихъ и близко гибнущихъ видѣній“. И далѣе: „Катковъ и его „десятилѣтняя“ память; Катковъ, „какъ великій государственный человѣкъ“. Нѣтъ—малый. Почему? Онъ—среди идущихъ, а не тѣхъ, которые ведутъ“. „Мечтатель“ же Катковъ „потому, что имъ не принята въ разсчетъ коренная дѣйствительность въ исторіи, самый главный ея нервъ... онъ не зналъ человѣческаго сердца въ древнѣйшихъ, исконнѣйшихъ его основаніяхъ“. Истинный духъ исторіи „чуть-чуть брезжилъ у насъ въ почти политическихъ, т. е. узкихъ и сухихъ, слишкомъ „умныхъ“ для настоящей значительности, партіяхъ славянофиловъ и западниковъ. Но и это ему (Каткову) не понравилось: даже блѣдную зарю „взыскуемаго града“—какъ еще говоритъ и, говоря, конечно освящаетъ Апостолъ—онъ хотѣлъ бы согнать съ сѣренькаго неба нашей исторіи. Онѣ еще „ищутъ“ эти партіи; онѣ „алчутъ“—когда онъ такъ „сытъ“. Въ самомъ дѣлѣ, какая бѣда и „мука“ для уравновѣшанности отъ этого! И вотъ „великій государственный человѣкъ“, взявъ въ руки „государственную клюку“, хотѣлъ бы вымести всю эту „мистику“ („Литературные очерки“, стр. 127—131).

Это противопоставленіе катковской „сытости души эмпирическимъ содержаніемъ дѣйствительности“—всякимъ „алканіямъ“, въ чемъ бы они ни состояли и на что бы ни направлялись, превосходно и по мысли, и по яркости выраженія. Правъ г. Розановъ, и говоря о мечтательности Каткова: холодная, жесткая, лишенная всякаго блеска и подъема, это была именно, однако,

мечтательность; потому что вѣдь и щедринскій Угрюмъ-Бурчеевъ былъ своего рода мечтатель и, пожалуй, „неопытное сердце". Правъ, наконецъ, г. Розановъ и въ томъ отношеніи, что Катковъ „шелъ", но „не велъ". Но кто же „ведущіе", кто „создаетъ истинное, народами признанное, народами оплакиваемое и вспоминаемое величіе"? Кто „истинные зиждители узоровъ исторіи"? Читатель—и г. Розановъ знаетъ это, предвидитъ—будетъ пораженъ отвѣтомъ: „юродивые и полководцы"... Да, юродивые и полководцы,—и г. Розановъ выстрѣливаетъ въ читателя цѣлымъ залпомъ безпорядочно набранныхъ историческихъ именъ: Кромвель, Джонъ Ноксъ, Лойола, г-жа Крюднеръ, Густавъ Адольфъ, Тилли, Валенштейнъ, Лютеръ, блаженный Августъ, Магометъ, Тамерланъ, библейскій Іаковъ, Руссо, Іоанна Даркъ. Чрезвычайно характерно для г. Розанова теченіе мысли, связавшее этотъ странный букетъ именъ. Въ основаніи его лежитъ теорія „маттоидовъ" Ломброзо, по которой во главѣ всякаго общественнаго движенія, каковы бы ни были его цѣли, характеръ и результаты, стоятъ люди неуравновѣшаннаго духа, маттоиды, люди уже потому ненормальные, что стремятся нарушать нормальное для человѣчества тяготѣніе къ инертному покою; сплошь и рядомъ такой маттоидъ погибаетъ жертвою своего предпріятія, и тогда онъ или жалкая комическая фигура, безслѣдно исчезающая въ морѣ забвенія, или запоминается исторіей, какъ безумецъ, злодѣй, или безумный злодѣй; если же его дѣло удается,—исторія вѣнчаетъ его лаврами великаго человѣка и благодѣтеля человѣчества. Здѣсь не мѣсто обсуждать эту теорію (интересующіеся благоволятъ обратиться ко II тому моихъ „сочиненій"), тѣмъ болѣе, что г. Розановъ не упоминаетъ объ ней, равно какъ и о тѣхъ случаяхъ, когда дѣло маттоида не выгораетъ: его „юродивые" всегда велики, потому что всегда *ведутъ* за собой другихъ людей. Любопытно, между прочимъ, его мимоходомъ брошенное замѣчаніе, что теоріи славянофиловъ и западниковъ были „слишкомъ „умны" для настоящей значительности". Это совершенно въ духѣ Ломброзо и притомъ до извѣстной степени соотвѣтствуетъ истинѣ; въ томъ именно отношеніи, что умъ самъ по себѣ слишкомъ склоненъ оглядываться во всѣ стороны, чтобы съ рѣшительностью встать на опредѣленную практическую дорогу, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда внѣшнія обстоятельства непреодолимо препятствуютъ ему разрѣшиться дѣйствіемъ, не даютъ „вести" людей за собой.

Итакъ, юродивые „ведутъ". Но, написавъ или сказавъ себѣ это слово, г. Розановъ отнюдь не по идейной, а по чисто словесной ассоціаціи вспоминаетъ „полко*водцевъ*",—они вѣдь тоже ведутъ. Далѣе встрѣчается новая словесная ассоціація: „Юродивые,—пишетъ г. Розановъ,—т. е. уродливые, и еще съ печатью какого-то космическаго (?) неприличія на себѣ, истинные „хромцы"

духа. Это легенды передаютъ о Тамерланѣ, что когда онъ родился, то, сверхъ всякаго другого безобразія, оказался еще и „хромцомъ". Іаковъ тоже сталъ „хромать", поборовшись съ Богомъ „до утра". И всѣ они ясно, эти юродивые, гдѣ-то и какъ-то „поборолись съ Богомъ" и чувствуютъ Его: таинственное теистическое дуновеніе, при всей яркой и неукрытой отъ человѣчества „хромотѣ" ихъ, собственно у нихъ однихъ и замѣчается".

Вы видите, какъ безпомощно крутится мысль г. Розанова словеснымъ вихремъ: иносказаніе, реальный фактъ физическаго уродства, легенда, „хромота духа", полководцы, юродивые, цѣпляясь другъ за друга, исполняютъ какой-то фантастическій танецъ подъ музыку словесныхъ колокольцовъ и бубенцовъ. Но въ статейкѣ, о которой у насъ идетъ рѣчь, намѣчается еще одна особенность литературной физіономіи г. Розанова. Поболтавъ (сказать: „поговоривъ"—я не рѣшаюсь) о г-жѣ Крюднеръ и священномъ союзѣ, Густавѣ Адольфѣ, Тилли, Валенштейнѣ, Лютерѣ, г. Розановъ переходитъ къ блаженному Августину: „Его „Градъ Божій", Civitas Dei есть что то въ родѣ Священнаго же союза, но только прочнѣе воздвигнувшееся и всемірнѣе раскинувшееся; за цѣлость этого-то Civitas Dei противъ сомнѣній Лютера и встали Тилли и Валенштейнъ. Тамъ и здѣсь равно туманъ воображенія; какъ равно—если мы не хотимъ ограничиться христіанствомъ, такъ какъ имъ не ограничивается исторія—и у Магомета: „болѣе всего въ жизни любилъ я прекрасныхъ женщинъ и ароматы, но истинное наслажденіе находилъ только въ молитвѣ"; вѣхи бытія, категоріи желаемаго, которыя въ обратномъ порядкѣ могла-бы указать у себя Крюднеръ: „очень любила я молиться, еще болѣе—танцовать, но истинное наслажденіе находила только въ мужчинѣ". (Стр. 129).—Вы всматриваетесь, вслушиваетесь, перечитываете: что такое? Гдѣ логическія звенья между Civitas Dei, Священнымъ союзомъ, страстью Магомета къ молитвѣ и прекраснымъ женщинамъ, страстью г-жи Крюднеръ къ мужчинамъ и молитвѣ? Они, можетъ быть, были, эти логическія звенья, но читатель ихъ не видитъ, а, можетъ быть, ихъ и не было вовсе. Въ этой же книжкѣ „Русскаго Богатства" печатается разсказъ г. Булыгина „Любочкино горе", и въ немъ юродивый Кириллушка изрекаетъ: „Пѣтухъ пѣлъ, не допѣлъ... Ку-ка-ре-ку, барышня... Микита угодникъ палкой грозитъ, сѣчь велитъ... Батюшка, помилуй... Аллилуія!" Я не говорю, конечно, что г. Розановъ излагаетъ свои мысли именно такъ, но чуть не въ каждой его статьѣ можно встрѣтить цѣлыя страницы, переполненныя скачками, напоминающими выкрикиванія юродиваго Кириллушки. Въ особенности, когда рѣчь заходитъ „о тѣлѣ и о тайномъ въ тѣлѣ", какъ гласитъ заглавіе одной изъ статей г. Розанова въ „Гражданинѣ", или о „молитвѣ и прекрасныхъ женщинахъ",—этихъ „вѣхахъ бытія, категоріяхъ желаемаго". Тутъ г. Розановъ

впадаетъ почти въ настоящій бредъ, какъ напримѣръ въ статьѣ „Нѣчто изъ сѣдой древности“ (въ сборникѣ „Религія и культура“). Этого рода статьи, очевидно, и имѣетъ въ виду издатель сочиненій г. Розанова, г. П. Перцовъ, говоря, что отъ нихъ „отдаетъ уже не религіозною мыслью, даже не философской софистикой, а прямо чѣмъ-то клиническимъ и психопатологическимъ по отдѣлу эротоманіи“.

Итакъ, я не наношу обиды г. Розанову, уподобляя его юродивымъ... Не всѣ же, однако, юродивые и не всѣ полководцы. Англійскіе генералы, *ведущіе* нынѣ цвѣтъ своего народа на убой, тоже вожди, но, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, исторія не имѣетъ основаній прибавить плюсъ величія къ ихъ именамъ. Что же касается юродивыхъ, то допустимъ даже, что всѣ вышеприведенныя историческія лица дѣйствительно юродивые, и что, съ другой стороны, напримѣръ. г-жа Крюднеръ „создала истинное, народами оплакиваемое и воспоминаемое величіе“. Въ этомъ очень позволительно сомнѣваться, но допустимъ. Все же есть несомнѣнные юродивые, которые, однако, никого не ведутъ за собой, „народами не оплакиваются и не воспоминаются“. Вотъ хоть бы тотъ же Кириллушка: правда, невѣжественные люди иногда прислушиваются къ его бормотанью, ища въ немъ таинственнаго смысла, но они же при случаѣ съ презрительною грубостью „отшлепываютъ“ его.

Къ какому разряду юродивыхъ принадлежитъ г. Розановъ? Ведетъ ли онъ кого нибудь за собой, и если ведетъ, то кого именно?

Лѣтъ восемь тому назадъ г. Розановъ напечаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статью подъ очень громкимъ и рѣшительнымъ заглавіемъ: „Почему мы отказываемся отъ наслѣдства 60—70-хъ годовъ?“ Не смотря на столь рѣшительно и ясно поставленный вопросъ, позволявшій ожидать столь же рѣшительнаго, окончательнаго отвѣта, г. Розанову пришлось написать на эту тему еще цѣлый рядъ статей (онѣ перепечатаны въ сборникѣ „Литературные очерки“ подъ общимъ заглавіемъ „Старое и новое“). Содержанія этихъ статей я касаться не буду. Меня интересуетъ здѣсь только вопросъ: кто эти „мы“, отъ лица которыхъ говоритъ г. Розановъ, которыхъ онъ представительствуетъ? кого онъ *ведетъ* за собой?

Попробуемъ пересмотрѣть, кто еще заявлялъ или заявляетъ о своемъ отказѣ отъ наслѣдства и въ какихъ они отношеніяхъ находятся съ г. Розановымъ. Первое заявленіе было сдѣлано, кажется, „Недѣлей“. Но вотъ что мы читаемъ въ статьѣ г. Розанова „Кроткій демонизмъ“ („Литературные очерки“, стр. 160):

Нѣжнымъ блѣднорозовымъ задачамъ „Книжекъ Недѣли“ удивительно отвѣчаетъ г. Меньшиковъ, писатель юной мысли и юнаго языка, а главное—который никогда не обѣщаетъ состариться. Это писатель-мелодистъ; не богата и проста его мелодія:

Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ?—

но она льется, не утомляя и убаюкивая слухъ читателя, изъ страницы въ страницу, изъ книжки въ книжку журнала, переливается съ одной темы на другую и, кажется, сгинь всѣ сотрудники „Книжекъ Недѣли", г. Меньшиковъ безъ всякаго напряженія ума и утомленія слова могъ бы замѣстить ихъ всѣхъ. Если вы не подвержены чувству умственной скуки, вы никогда не устанете его читать; равно какъ если въ васъ есть этотъ скверный червякъ, вы никогда его читать не начнете.

И т. д.—но уже не тономъ добродушной насмѣшки, а съ уличеніями въ „прямой и беззастѣнчивой лжи" и т. п. Принимая въ соображеніе положеніе, занимаемое г. Меньшиковымъ въ „Недѣлѣ", можно, кажется, заключить, что хотя „недѣльные" люди такъ же, какъ и г. Розановъ, отрекаются отъ наслѣдства, но имъ съ нимъ не по дорогѣ.

Отказываются отъ наслѣдства еще такъ называемые „ученики" (мнѣ кажется, однако, что наиболѣе умные и добросовѣстные изъ нихъ скоро вернутся къ 70-мъ годамъ, конечно, не для буквальнаго ихъ повторенія, какъ и 70-е годы не буквально повторяли своихъ предшественниковъ). Но г. Розановъ смотритъ на „учениковъ" глазами г. Слонимскаго съ прибавленіемъ нѣкоторой собственной, не менѣе отрицательной отсебятины. (См. статью „Литературно-общественный кризисъ" въ „Литературныхъ очеркахъ").

Отказываются декаденты и символисты, но „отрицательное отношеніе" къ нимъ „безспорно" для г. Розанова („Религія и культура", 139). Правда, это, какъ я думаю, недоразумѣніе и рано или поздно декаденты примутъ г. Розанова въ свои объятія. Кажется, это уже и произошло на страницахъ одного иллюстрированнаго журнала. Но, насколько мнѣ этотъ эпизодъ извѣстенъ, г. Розановъ просто примкнулъ къ декадентамъ, а не повелъ ихъ ихъ за собой. Да и куда ихъ вести, когда они уже давно до точки дошли?

Въ упомянутыхъ статьяхъ, объединенныхъ подъ рубрикою „Старое и новое", г. Розановъ отказывался отъ наслѣдства во имя славянофильскаго ученія. Говорилъ онъ не только лично отъ себя,—въ его лицѣ „мы" отказывались отъ наслѣдства. Значитъ, эти „мы"—славянофилы? Но гдѣ же они? Что то давно не слыхать о нихъ, какъ не слыхать и ихъ самихъ. А кромѣ того, вотъ что, между прочимъ, разсказываетъ г. Розановъ. Покойный Н. Н. Страховъ, который относился къ славянофиламъ съ величайшимъ почтеніемъ, говорилъ однажды ему, г. Розанову: „вы славянофилъ или, по крайней мѣрѣ, поднялись съ почвы славянофильской; вы приносите, поэтому, неизмѣримый вредъ школѣ, ибо ваши мнѣнія могутъ быть поставлены ей на счетъ" („Литературные очерки", 257. Мы сейчасъ увидимъ, какъ серьезны были основанія Страхова для такой суровой отповѣди непрошенному защитнику славянофильства и самозванному его представителю).

Такимъ образомъ, куда ни кинь,—все клинъ: „мы" г. Розонова представляютъ собою плодъ его воображенія, и нѣтъ людей, которые могли-бы или захотѣли-бы идти даже рядомъ съ нимъ, а не только за нимъ. За нимъ идутъ, пожалуй, гг. Шараповъ и Перцовъ, но больше для того, чтобы въ этой цѣлесообразной позиціи время отъ времени приподнимать полы его халата и „отшлепывать" его, хотя и „безъ повреждения мягкихъ частей", какъ мило шутитъ г. Шараповъ.

Въ томъ, что г. Розановъ никого не ведетъ за собой, нѣтъ ничего удивительнаго. И не только потому, что его писанія слишкомъ часто напоминаютъ собою бормотаніе Кириллушки, или что онъ можетъ выскочить на площадь съ изувѣрски безстыдными и наглыми окриками на Л. Толстого. Это само собой. Но г. Розановъ не всегда-же говоритъ безсмысленныя рѣчи и не всегда совершаетъ неприличные поступки. У него есть страницы, блещущія и ясностью значительной мысли, и яркой силою ея выраженія. Такія страницы читатель найдетъ въ сборникѣ „Сумерки просвѣщенія", въ статьяхъ „Психологія русскаго раскола", („Религія и культура"), „Съ юга" („Литературные очерки") и еще кое-гдѣ. Любопытно сравнить двѣ рядомъ стоящія подъ общимъ заглавіемъ „Съ юга" замѣтки: первая—„Около болящихъ"—есть настоящее Кириллушкино бормотанье; вторая—„Въ Кисловодскомъ паркѣ" — истинно разумное и истинно-человѣчное слово на тему о положеніи инородцевъ въ нашемъ отечествѣ; конечно съ червоточиной, потому что совсѣмъ безъ червоточины г. Розановъ обойтись не можетъ.

Если бы можно бюло выбрать, выжать изъ произведеній г. Розанова то, что въ нихъ есть цѣннаго, то эту выборку или выжимку я озаглавилъ бы словами: „Не угашайте духа!" Именно такъ и именно съ восклицательнымъ знакомъ, символизирующимъ приподнятый тонъ статей, ихъ—я готовъ сказать—вдохновенность. Образчикъ этой точки зрѣнія мы видѣли въ характеристикѣ Каткова, выдѣленной изъ фантастической рамки „юродивыхъ и полководцевъ", „прекрасныхъ женщинъ, ароматовъ и молитвы". Не угашайте духа ищущихъ, „грядущаго града взыскующихъ", вы, „сытые эмпирическимъ содержаніемъ дѣйствительности"; не угашайте духа дѣтей, „малыхъ сихъ", наваливая на нихъ ненужное и неудобоносимое бремя, вы, неумѣлые спеціалисты по фабрикаціи педагогическихъ системъ; не угашайте животворящаго духа половой любви, вы, развратники съ одной стороны, вы, духовные кастраты—съ другой; не угашайте духа народовъ, вы, неумѣлые или лицемѣрные „патріоты". Такова свѣтлая искра, пробѣгающая по произведеніямъ г. Розанова, разгорающаяся иногда въ яркое пламя, но большею частью еле видимая сквозь дымъ юродства; въ

особенности, когда рѣчь заходитъ о половой любви, о „прекрасныхъ женщинахъ и молитвѣ“, „о тѣлѣ и о тайномъ въ тѣлѣ“. Тутъ г. Розановъ напоминаетъ гоголевскаго учителя исторіи, который „покамѣсть говоритъ объ ассиріянахъ и вавилонянахъ — еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго... сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хвать стуломъ объ полъ!“ Но съ этимъ Кириллушкинымъ бормотаньемъ еще можно бы было помириться, привыкнувъ къ нему и ставъ на точку зрѣнія соболѣзнованія, жалости. Въ ткани мышленія и писанія г. Розанова есть гораздо болѣе непріятныя нити.

Вышеупомянутая искра наиболѣе выдержана въ „Сумеркахъ просвѣщенія“. Это—горячій протестъ противъ казенщины, канцелярщины и придуманности нашихъ педагогическихъ системъ, и читатель найдетъ здѣсь истинно превосходныя страницы; въ особенности тамъ, гдѣ авторъ, какъ бывшій педагогъ, выступаетъ во всеоружіи личнаго опыта и наблюденія. Эта практическая почва личнаго опыта и наблюденія воздерживаетъ г. Розанова отъ паренія въ область Кириллушкина бормотанія (хотя есть и оно). Но въ положительной части работы эта же практическая почва подсказываетъ удивительно странныя вещи. Странныя уже своею мелкостью, своей—да простится мнѣ неуклюжее слово—terre-à-terre'ностью рядомъ съ широкими размахами словесной кисти, рисующей коренную фальшь и насиліе „эмпирической дѣйствительности“ и огромную отвѣтственность дѣятелей просвѣщенія. Напримѣръ: „это (все равно что) можетъ быть легко устроено черезъ простое перемѣщеніе суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе учительскихъ семинарій и институтовъ, съ ихъ сборными программами de omne res cibili—въ семинаріи и академіи духовныя на учрежденіе въ нихъ каѳедръ педагогики,—это съ одной стороны, и на увеличеніе штатовъ при сельскихъ и городскихъ церквахъ—съ другой („Сумерки просвѣщенія“, 29). Видите, какъ просто „устраивается“ и перестраивается „эмпирическая дѣйствительность“, полная лжи и насилія.

Я не могу входить въ подробности положительной части „Сумерекъ просвѣщенія“, но если читатель сравнитъ то, что тамъ говорится о роли церкви въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, что г. Розановъ говоритъ о церкви въ статьѣ „Психологія русскаго раскола“, — то безъ труда пойметъ, почему г. Розановъ не ведетъ и не можетъ никого вести за собой: просто потому, что физически невозможно идти заразъ и направо, и налѣво. А изъ „Сумерекъ просвѣщенія“ я приведу еще только одну интересную мысль. На стр. 131 г. Розановъ съ какимъ-то страннымъ умиленіемъ вспоминаетъ, какъ его въ дѣтствѣ разъ больно высѣкли. Онъ разсказываетъ: „Уже очень рано я забылъ и кто, и какъ, и за что меня наказывали, и до сихъ поръ помню только, какъ тетка въ зеленомъ платьѣ пришла и сѣла около

меня часа два спустя и, ощупывая наказанныя части, съ ужасомъ говорила: „что же они съ тобой сдѣлали!“ и утѣшала меня“. Затѣмъ г. Розановъ вспоминаетъ, что, въ бытность его учителемъ гимназіи и классныъ наставникомъ, къ нему „нерѣдко являлись матери учениковъ (всегда вдовы) съ просьбой наказать розгами (то есть, чтобы это было сдѣлано въ гимназіи) своего разбаловавшагося мальчугана“. Къ сожалѣнію, „это запрещено всѣми параграфами“,—съ скорбною ироніей замѣчаетъ г. Розановъ, и онъ долженъ былъ ограничиваться совѣтомъ—„обратиться къ кому нибудь по сосѣдству или изъ родственниковъ и больно-больно высѣчь“ гимназиста. „И теперь, — продолжаетъ г. Розановъ,—когда мнѣ приходится видѣть въ богатой и образованной семьѣ лимфатическихъ дѣтей, киснущихъ среди своихъ „глобусовъ“ и другихъ „пособій“, я всегда, вспоминая и свое дѣтство, думаю: какъ бы встряхнулись они, оживились, начали тотчасъ и размышлять, и чувствовать, еслибы, взамѣнъ всѣхъ этихъ для ихъ любознательности расшпиленныхъ букашекъ и запыленныхъ минераловъ, разъ другой ихъ самихъ вспрыснуть по старому. Все тотчасъ перемѣнилось бы въ „обстоятельствахъ“, и впечатлительность бы пробудилась, и сила сопротивленія требуемому,—именно *оживился бы* (курсивъ г. Розанова) духъ, который теперь только затягивается какою-то плѣсенью подъ музыку все поученій, поученій и поученій, все разъясненій, разъясненій и разъясненій“.

Замѣтьте, что тѣ гимназисты, на которыхъ матери жаловались г. Розанову, какъ классному наставнику, были „разбаловавшіеся мальчуганы“ („сестеръ колотитъ, меня не слушаетъ, ничего не могу сдѣлать“, жаловались матери), значитъ, даже слишкомъ живые и активные, и ихъ слѣдовало „больно-больно высѣчь“,—для укрощенія. „Лимфатическія дѣти“, о которыхъ дальше говоритъ г. Розановъ, смирно сидятъ за „глобусами“, и „пособіями“, „киснутъ“, но худого, повидимому, ничего не дѣлаютъ, по крайней мѣрѣ, ни о какихъ ихъ винахъ или проступкахъ и рѣчи нѣтъ, и ихъ слѣдуетъ *взамѣнъ* „пособій“ „разъ-другой вспрыснуть по старому“—для оживленія... Такова магическая всеисцѣляющая сила розги.

Но насиліе и въ частности, если не розга, то „рожонъ“ или „бичъ тѣлесный“ годится и для взрослыхъ. Я приводилъ уже слова покойнаго Страхова, обвинявшаго г. Розанова въ томъ, что онъ компрометируетъ славянофильство своими мнѣніями. Укоры Страхова оканчивались такъ: „славянофильство всегда было терпимо, никогда оно силы не проповѣдывало“.—Это эпизодъ изъ споровъ Страхова и г. Розанова по поводу какихъ-то статей послѣдняго, которыхъ я не нашелъ въ лежащихъ передо мной трехъ сборникахъ. Надо замѣтить, что Страховъ былъ, по свидѣтельству г. Розанова, человѣкъ вообще религіозный и въ

частности искренно вѣрующій христіанинъ. До такой степени, что сказалъ однажды г. Розанову: „душа безсмертна не отъ того, какъ вы говорите, что она есть одинъ изъ принциповъ бытія и что принципы неразрушаемы, но потому, что это твердо обѣщано намъ св. Писаніемъ". Но и этого человѣка нетерпимость г. Розанова довела однажды до того, что „однажды, забывшись, онъ просто сталъ кричать на меня, чего съ нимъ никогда не было",—разсказываетъ г. Розановъ. А объ упомянутыхъ статьяхъ послѣдняго Страховъ высказался такъ: „Вы не только темно и запутанно, сквернымъ синтаксисомъ написали эти статьи: это ваше дѣло; но вы совершили ими дурной поступокъ въ литературѣ". Повторяю, я не нашелъ этихъ статей, но характеръ ихъ достаточно выясняется слѣдующимъ сообщеніемъ г. Розанова:

Съ какимъ то недоумѣніемъ, тоской, наконецъ съ негодованіемъ и съ истиннымъ неуваженіемъ онъ (Страховъ) выслушивалъ мысль о возможномъ насиліи въ сферѣ религіозныхъ чувствъ; нельзя передать той красоты духовной, того ума и благородства, съ которымъ онъ указывалъ, что никогда и ни для какого случая Спаситель не разрѣшалъ насилія; что весь духъ Евангелія есть духъ убѣжденія и никогда принужденія. Повидимому, тутъ было недоразумѣніе: принудить *вѣрить*, *слиться* со мной въ вѣрѣ—никого нельзя; усвоеніе вѣры, какъ актъ чисто субъективный, внутренній, сердечный – eo ipso можетъ совершиться только усиліями вѣрующаго, т. е. только свободно. Но вѣрующіе не только не могутъ, но и не должны выносить присутствія отрицаній своей вѣры около себя: и такъ, не принужденіе къ вѣрѣ, но актъ сбрасыванія съ себя, физическій и территоріальный, всякаго легкомыслія въ вѣрѣ и ея искаженія—есть то, правоту и необходимость чего я всегда чувствовалъ. Это я говорилъ ему, т. е. въ формѣ отрицательной, не какъ принципъ *in*trare compelle, но—*ex*trare compelle. „Какъ сбрасывать? да если я *не могу* вѣрить, чистосердечно, искренно"... Въ смущеніи, я ничего не говорилъ... „Такъ рожномъ меня?" и онъ сдѣлалъ жестъ.—„Для чего вамъ жить среди вѣрующихъ, уѣзжайте въ Германію", сказалъ я. („Литературные очерки 252—253).

Вы понимаете: или „рожномъ", или убирайся въ Германію, гдѣ уже совсѣмъ вѣрующихъ нѣтъ, настоящихъ, какихъ г. Розанову требуется. Въ соотвѣтствіи съ этимъ находятся слѣдующія энергическія выраженія, подчеркивающія требованіе прямо физическаго насилія: „Настала нѣкоторая всемірная глухота къ истинѣ и въ наши дни; и нѣтъ средствъ преодолѣть ее иначе, какъ *жгущей* истиной—истиной, которая *кусала* бы ухо и *рвала* человѣка къ вниманію" (254). Курсивы этихъ глаголовъ *жечь*, *кусать*, *рвать*—принадлежатъ г. Розанову, потому что—„не угашайте духа!.." Или: „Слово есть бичъ духовный также, какъ и питающая манна; бичъ тѣлесный поднимается, когда безуміе или порокъ не внимаютъ никакому слову" (257), а впрочемъ и тогда, когда „лимфатическія дѣти" смирно сидятъ за глобусами и пособіями...

И вотъ, оглядываясь назадъ, г. Розановъ видитъ, что за нимъ

идутъ... дѣйствительно идутъ, но все люди недостаточно вѣрующіе: не жгутъ, не кусаютъ, не рвутъ, а только, приподнявъ полу его халата, „отшлепываютъ", и даже „безъ поврежденія мягкихъ частей"...

Ник. Михайловскій.

Хроника внутренней жизни.

„Правильно понимаемая задача земства".—Какъ осуществляютъ ее въ Тамбовской губерніи.—Сторонники ея въ другихъ мѣстахъ.—Ненадежность оплотовъ крѣпостничества на земской территоріи.—Антагонизмъ вообще и астраханскій въ частности.—Кое-что о добрыхъ чувствахъ.—Арестанты и рабочій вопросъ.—Два распоряженія по дѣламъ печати.

Какъ-то недавно „Московскія Вѣдомости" по одному частному случаю формулировали „правильно понимаемую задачу земства". „Мѣры, направленныя на пользу одного какого-нибудь сословія, говоритъ газета, могутъ имѣть своимъ оправданіемъ ненормальное положеніе этого сословія, необходимость оказать ему помощь во имя общественныхъ и государственныхъ интересовъ. Представьте себѣ, что, въ силу тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ условій, одно сословіе изо всѣхъ остальныхъ обнаруживаетъ признаки упадка своего быта, утраты самой основы своего благосостоянія—земельной собственности, орудій труда и т. п. Въ подобныхъ случаяхъ, конечно, прямой долгъ общественныхъ учрежденій придти на помощь этому сословію. Такое употребленіе общественныхъ средствъ нисколько не противорѣчитъ ни чувству справедливости, ни дѣйствующему законодательству". Въ такомъ именно положеніи, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", находится дворянское сословіе, т. е. оно „одно изо всѣхъ остальныхъ обнаруживаетъ признаки упадка своего быта, утраты самой основы своего благосостоянія—земельной собственности, орудій труда и т. п.". „Когда дворянство утрачиваетъ болѣе и болѣе свои помѣстья, землевладѣніе крестьянское постоянно, непрерывно и довольно быстро растетъ". Между тѣмъ земство „заботится объ оказаніи помощи тому, кто и безъ того оказывается въ экономической жизни сильнѣйшимъ,—крестьянству"... Это, конечно, въ высшей степени несправедливо. „Правильно понимаемая задача земства, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", заключалась-бы въ оказаніи помощи дворянству и для пріобрѣтенія помѣстій вновь, и для удержанія въ своихъ рукахъ существующихъ"...

„Московскія Вѣдомости", повидимому, не видали ни одной изъ

голодовокъ, пережитыхъ нами въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Онѣ, очевидно, ничего не слыхали ни о „бѣдственномъ состояніи крестьянскаго населенія", ни „о подорванномъ крестьянскомъ хозяйствѣ", хотя объ этомъ упоминается даже въ Высочайшихъ рескриптахъ *). Они не знаютъ и знать не хотятъ о томъ, какъ быстро растетъ число безлошадныхъ и безъинвентарныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, утратившихъ самыя подлинныя „орудія труда". Публицистамъ „Московскихъ Вѣдомостей", не въ примѣръ прочимъ, уши даны не за тѣмъ, чтобы слышать, и глаза не за тѣмъ, чтобы видѣть. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если они крестьянство считаютъ сильнѣйшимъ въ экономической жизни, а дворянство—слабѣйшимъ, первое преуспѣвающимъ, а второе—находящимся въ ненормальномъ положеніи и требующимъ общественной помощи. Вѣдь и статистика говоритъ тоже самое: несомнѣнно, что дворянское землевладѣніе убываетъ, а крестьянское, (можетъ быть, и не „постоянно" и не „довольно быстро")—растетъ. Вполнѣ естественно и „упрощенное" пониманіе этого процесса „Московскими Вѣдомостями". Понять, что онъ имѣетъ не сословный, а классовый характеръ (не всякій, вѣдь, дворянинъ продаетъ свои помѣстья и не всякій мужикъ покупаетъ), учесть результаты этого процесса для крестьянской массы (хотя-бы въ простѣйшей формѣ, растетъ-ли крестьянское землевладѣніе по разсчету на душу), и, наконецъ, принять во вниманіе непомѣрно высокій денежный эквивалентъ, какой выплачиваютъ крестьяне дворянскому сословію за бездоходную по его же словамъ землю,—имъ нельзя: иначе рухнуло-бы все столь логичное ихъ построеніе. Тѣмъ меньше они способны задуматься надъ тѣмъ, орудіе какого именно труда ускользаетъ изъ дворянскихъ рукъ, что это за „тѣ или другія хозяйственныя условія", дѣлающія дворянство непригоднымъ для современной экономической борьбы, и гдѣ, наконецъ, предѣлъ тратамъ изъ общесословныхъ средствъ на поддержаніе дворянскаго землевладѣнія „во имя общественныхъ и государственныхъ интересовъ"...

Любопытна во всякомъ случаѣ не только аргументація „Московскихъ Вѣдомостей", но еще больше, можетъ быть, конечная задача, какой газета дополняетъ нынѣ „дѣйствующія программы" въ ихъ отношеніяхъ къ земству. Въ дѣлѣ „обезвреживанія" земскаго самоуправленія, являющагося помѣхой для полнаго торжества этихъ программъ, сдѣлано уже много. Теперь открывается новая перспектива: привлечь обезличенное земство на дѣйствительную службу дворянству, обратить земскія „общесословныя

---

*) См. напр., Высочайшій рескриптъ Государыни Императрицы Александры Θеодоровны на имя дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Галкина-Врасскаго отъ 22 ноября.

средства“ на сословно дворянскія нужды. Это тѣмъ болѣе возможно, что „такое употребленіе общесословныхъ средствъ нисколько не противорѣчитъ ни чувству справедливости, ни дѣйствующему законодательству“.

Справедливость и законность, какъ ихъ понимаютъ „Московскія Вѣдомости“,—это, конечно, не больше, какъ фиговый листокъ, какъ маленькая уступка общественной стыдливости. Но мы не сомнѣваемся, что и въ обнаженной формѣ „правильно понимаемая задача земства“ найдетъ себѣ горячихъ поклонниковъ. Задача эта, пожалуй,—не нова. Исторія земскихъ учрежденій довольно богата фактами примѣненія ея на практикѣ. Однако успѣшное осуществленіе такой программы имѣло мѣсто лишь тамъ, гдѣ она находила опору въ „родственныхъ порядкахъ“, успѣвавшихъ избѣгать общественной критики и гласности, и лишь по стольку, по скольку она проводилась подъ сурдинкой. Можно сказать, что у нея были свои практики, но почти не было теоретиковъ. Теоретическое построеніе „Московскихъ Вѣдомостей“ заполняетъ этотъ пробѣлъ и легко можетъ объединить разрозненныхъ партизановъ подъ однимъ общимъ, высоко и смѣло поднятымъ, знаменемъ. Во всякомъ случаѣ не лишне будетъ пересмотрѣть съ этой точки зрѣнія нѣкоторые факты текущей земской жизни и хотя отчасти уяснить себѣ, на сколько подготовлена почва для выполненія откровенно поставленной задачи.

Сословное дворянское самосознаніе за послѣднія два десятилѣтія, безспорно, сдѣлало большіе успѣхи, и теперь съ его проявленіями приходится считаться во всѣхъ сферахъ жизни. Въ частности, въ реформированномъ земствѣ дворянскія нотки звучатъ, несомнѣнно, чаще и сильнѣе, чѣмъ въ прежнемъ. Въ апрѣльской хроникѣ намъ пришлось говорить о чернскомъ и новосильскомъ земствахъ Тульской губерніи, возбудившихъ ходатайства объ измѣненіи 75 ст. полож. о зем. учр. въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ денежныя ассигнованія въ земствахъ разрѣшались большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, такъ какъ, по мнѣнію чернскаго собранія, необязательные земскіе расходы можно приравнять дворянскимъ пожертвованіямъ, разрѣшаемымъ и нынѣ только при наличности $2/3$ голосовъ. Можно быть увѣреннымъ, что чернскіе и новосильскіе земцы будутъ несказанно рады указанной „Московскими Вѣдомостями“ задачѣ—обратить „дворянскія пожертвованія“, производимыя въ земскомъ собраніи, на нужды самаго дворянства. Тогда, пожалуй, не потребуется и проектированнаго ими измѣненія въ земскомъ положеніи. Будетъ благодаренъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ и И. А. Гуаданини—гласный борисоглѣбскаго земства Тамбовской губ.—за то, что газета такъ хорошо

формулировала и договорила его мысли. Вѣдь онъ тоже полагаетъ, что „поддерживать крестьянское землевладѣніе значитъ подрывать дворянство, безъ котораго Россія существовать не можетъ; это значитъ лишать дворянъ рабочихъ рукъ, прислуги и т. п.". Впрочемъ, это, очевидно, мысли не одного г. Гуаданини, а большинства борисоглѣбскаго собранія. На очереди стоялъ докладъ предсѣдателя управы г. Измайлова, предлагавшаго цѣлый рядъ мѣръ для поднятія крестьянскаго хозяйства на счетъ полумиліоннаго запасного капитала. Собраніе приняло предложеніе коммиссіи, „сведшее на нѣтъ докладъ г. Измайлова": вмѣсто цѣлой системы мѣропріятій, предложенныхъ послѣднимъ, оно рѣшило выдавать борисоглѣбскому обществу охотниковъ конскаго бѣга субсидію по 1200 р. и выдать 500 р. въ распоряженіе управы для заведенія улучшенныхъ породъ крестьянскаго рогатаго скота. Первая ассигновка была всѣмъ понятна: конскіе бѣга, вѣдь, это любимая дворянская забава среди зимней провинціальной скуки. Но вторая ассигновка поставила въ недоумѣніе управу: какія же породы заводить на отпущенные 500 руб.? На этотъ вопросъ, предложенный членомъ управы, „никакого отвѣта, кромѣ хохота собранія и публики, не послѣдовало" *). Это тоже была не больше, какъ забава, милая шутка надъ крестьянскимъ хозяйствомъ.

Тамбовскіе дворяне чувствуютъ себя въ земствѣ вообще не дурно. Во избѣжаніе возможныхъ случайностей—а отъ нихъ, какъ увидимъ ниже, и тамбовцы не застрахованы—неплатежъ земскихъ сборовъ они возвели въ цѣлую систему. „Недоимка земскаго сбора, читаемъ мы въ журналѣ тамбовскаго губернскаго правленія, возрасла до такихъ размѣровъ, что далеко превышаетъ годовой окладъ, причемъ многіе землевладѣльцы не производили платежей болѣе пяти лѣтъ, а нѣкоторые до десяти и болѣе лѣтъ". „Разсмотрѣвъ изложенное и находя отсутствіе надлежащей дѣятельности со стороны лицъ, обязанныхъ слѣдить за своевременнымъ поступленіемъ сборовъ", губернское правленіе предписало исправникамъ „немедленно доставить подробное объясненіе, что могло послужить причиной къ накопленію недоимокъ за нѣкоторыми землевладѣльцами въ теченіе пяти, десяти и болѣе лѣтъ; какія въ этихъ случаяхъ были предпринимаемы полиціей мѣры и почему имѣнія землевладѣльцевъ не были своевременно подвергнуты описи и продажѣ" **). Вмѣстѣ съ тѣмъ губернское правленіе рѣшило содержаніе журнала съ поименованіемъ недоимщиковъ напечатать въ „Тамбовскихъ Вѣдомостяхъ". Корреспондентъ „Сына Отечества" ***), просмотрѣвшій напечатанные послѣ этого

*) Тамбовскія Губернскія Вѣдомости. Цитируемъ по перепечаткѣ въ „Новомъ Времени" отъ 16 ноября.

**) Русскія Вѣдомости, 30 октября.

***) „Сынъ Отечества" 30 ноября.

списки недоимщиковъ, нашелъ, что „большинство недоимщиковъ— лица привилегированнаго сословія, въ числѣ коихъ находятся уѣздные предводители дворянства, земскіе начальники, губернскіе и уѣздные гласные и даже члены земскихъ управъ! Крестьянскія общества, наоборотъ, въ спискахъ почти отсутствуютъ“. Тотъ же корреспондентъ приводитъ характерные образчики недоимокъ по одному изъ уѣздовъ (Козловскому). Напримѣръ:

Окладъ.	Недоимка.	Пеня.
5 р. 32 к.	74 р. 85 к.	84 р. 40 к.
10 „ 16 „	73 „ 49 „	37 „ 32 „
41 „ 10 „	284 „ 54 „	137 „ 34 „
56 „ 16 „	560 „ 70 „	554 „ 91 „
222 „ 46 „	889 „ 46 „	946 „ 52 „
3361 „ 72 „	6522 „ 04 „	2875 „ 36 „
и т. д.		

На выдачу субсидій охотникамъ конскаго бѣга, очевидно, достаточно и крестьянскихъ денегъ.

Пока печатаются списки недоимщиковъ и происходитъ переписка съ исправниками, гг. недоимщики принимаютъ свои мѣры. Елатомское собраніе, напримѣръ, постановило сложить съ землевладѣльцевъ-недоимщиковъ земскаго сбора начисленную на нихъ за всѣ продшествующіе годы пеню и не начислять ее въ будущемъ. Осыпая такими милостями частныхъ землевладѣльцевъ, то же собраніе отказало въ сложеніи пени съ общества крестьянъ с. Еспинокъ въ размѣрѣ 29 р. 62 к. „Эти постановленія елатомскаго земскаго собранія, направленныя къ охраненію интересовъ лишь частныхъ лицъ, по словамъ „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, представляютъ воплощеніе далеко не новыхъ, а уже старыхъ, прочно укоренившихся въ елатомскомъ земствѣ традицій. Въ теченіе слишкомъ тридцатилѣтняго своего существованія елатомское земство, распредѣляя подлежащія обложенію земельныя угодья на четыре категоріи, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ распространяетъ эти распредѣленія на крестьянскія земли, которыя постановленіемъ земскаго собранія почти всѣ зачислены въ самый высшій разрядъ по обложенію“ *).

Любопытно, что тамбовскіе недоимщики-практики находятъ себѣ теоретика въ лицѣ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостей“. „Можно опасаться лишь одного, говоритъ эта газета, а именно, что, облегчивъ пополненіе земскихъ кассъ, новый законъ (т. е. законъ 22 марта 1899 г., нѣсколько улучшившій порядокъ поступленія земскихъ сборовъ) создастъ новый, несуществовавшій доселѣ импульсъ къ еще болѣе широкимъ, чѣмъ были донынѣ, земскимъ тратамъ. До сихъ поръ перспектива безцѣльнаго (?) на-

*) Цитируемъ по перепечаткѣ въ „Новомъ Времени“ отъ 20 ноября.

копленія недоимокъ была одною изъ серьезныхъ задержекъ земскихъ увлеченій при увеличеніи расходныхъ смѣтъ. Недоимочность по земельнымъ сборамъ во многихъ губерніяхъ достигаетъ такого предѣла, что на бумагѣ можно назначать какіе угодно земскіе оклады—въ дѣйствительности, все равно ихъ не взыщутъ". „Додуматься до теоріи благодѣтельности недоимокъ,—замѣтилъ по этому поводу „Сѣверный Курьеръ",—это верхъ глубокомыслія" **), но такое именно глубокомысліе и нужно сторонникамъ „правильно понимаемой задачи земства".

Опираясь на подобныя же глубокомысленныя соображенія, кирсановская земская управа все той Тамбовской губерніи, во главѣ со своимъ предсѣдателемъ г. Дашкевичемъ, выступила даже съ проектомъ „земскаго самоупраздненія", какъ назвали этотъ проектъ газеты—въ пользу, конечно, дворянства. „Управлять государствомъ, по мнѣнію г. Дашкевича, можно или посредствомъ посылаемыхъ со стороны чиновниковъ, іерархически подчиненныхъ и послушныхъ стоящему высоко и далеко отъ мѣстныхъ дѣлъ начальству, и этотъ способъ управленія называется бюрократическимъ; или же государство можетъ передать все управленіе мѣстностью прирожденнымъ мѣстности людямъ, подчиненнымъ не начальству, а закону и суду, и *этотъ способъ управленія называется самоуправленіемъ*. У насъ государство передаетъ хозяйственную власть надъ мѣстностью территоріальнымъ союзамъ населенія (земствамъ); все же прочее управленіе—представителямъ мѣстнаго землевладѣльческаго класса (земскимъ начальникамъ)". Итакъ, бюрократизма въ нашемъ мѣстномъ управленіи нѣтъ, есть только двѣ формы самоуправленія: „хозяйственная", т. е. земство, и „начальственная", т. е. земскіе начальники. „Изъ этихъ двухъ формъ самоуправленія *начальственная представляетъ даже форму высшаго порядка,* потому что для мѣстныхъ жителей интересы общественной безопасности и порядка выше интересовъ хозяйственныхъ". Нужно только „связать" эти двѣ формы. Исходя изъ той мысли, что „уѣздныя земскія собранія не всегда представляютъ изъ себя отраженіе дѣйствительнаго земства", кирсановская управа предлагаетъ замѣнить ихъ „естественной единицей, гдѣ мѣстные жители знаютъ одинъ другого и имѣютъ общія духовныя и матеріальныя нужды", т. е. приходомъ. Само собой понятно, что приходы при этомъ „должны быть связаны съ другой формой нашего самоуправленія—земскими начальниками".

Связать двѣ формы—это, несомнѣнно, блестящая идея. Такъ какъ формы не равно велики—одна низшая, а другая высшая,—то и безъ дальнѣйшихъ поясненій легко понять, какую роль въ проектируемой организаціи будетъ играть „начальственное само-

*) „Сѣверный Курьеръ", 26 ноября.

управленіе“, будто бы подчиненное только „суду и закону“. О такомъ приспособленіи земства къ нуждамъ дворянскаго сословія не мечтали, кажется, и „Московскія Вѣдомости“.

По отношенію къ Тамбовской губерніи значеніе дворянскаго элемента въ земствѣ оказалось возможнымъ прослѣдить отъ уѣзда къ уѣзду, не выходя изъ области текущихъ фактовъ. Но, и кромѣ Тамбовской губерніи, вѣсти о проявленіи сословно-дворянскихъ тенденцій доносятся изъ многихъ другихъ мѣстностей. Особенно часто даритъ подобными вѣстями обиженный и много жалующійся на свою судьбу „центръ“, гдѣ такъ многочисленны и такъ прочны еще „дворянскія гнѣзда“ и гдѣ такъ трудно живется крестьянству, гдѣ оно такъ темно и забито. Въ Орловской, Тульской, Рязанской, Пензенской, Симбирской губерніяхъ „истинно-земская“ программа „Московскихъ Вѣдомостей“ можетъ найти себѣ, пожалуй, не менѣе многочисленныхъ и не менѣе горячихъ приверженцевъ, чѣмъ въ Тамбовской губерніи. Пока земство не приспособлено еще окончательно и пока сословно-дворянское самосознаніе не успѣло еще объединить узаконенное съ 1890 года дворянское большинство земскихъ собраній, приходится вести, конечно, партизанскую борьбу и думать не столько о томъ, какъ бы раздѣлить земскій пирогъ между собою, сколько о томъ, чтобы затормазить удовлетвореніе крестьянскихъ нуждъ. Вотъ, напримѣръ, наровчатскій уѣздъ Пензенской губерніи. „Дѣло подачи врачебной помощи населенію въ этомъ уѣздѣ вообще находится не въ блестящемъ положеніи: три доктора живутъ въ городѣ; въ уѣздъ на каждый пунктъ врачъ выѣзжаетъ разъ въ недѣлю, да и то подчасъ нерегулярно; во время половодья почти полъуѣзда остается безъ докторской помощи, и это иногда чуть не на цѣлый мѣсяцъ“. Послѣднее же очередное собраніе, по заявленію гласнаго Г. М. Арапова, рѣшило увеличить сборъ съ каждаго рецепта, выдаваемаго амбулаторному больному, до десяти копѣекъ. „При обсужденіи этого вопроса говорилъ противъ только одинъ человѣкъ—не гласный, а представитель вѣдомства, но всѣ его доводы остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: вопросъ прошелъ при подавляющемъ большинствѣ—встало всего два человѣка“ *). Дѣло, конечно, не въ ничтожной суммѣ, которую земство соберетъ съ крестьянъ гривенниками, а въ томъ, чтобы отвадить—иногда прямо такъ и говорятъ „отвадить“—мужиковъ, назойливо лѣзущихъ къ докторамъ, которые нужны и для другихъ плательщиковъ. Гривенникъ въ этомъ случаѣ средство испытанное. Ревизіонная коммиссія малоархангельскаго земства Орловской губерніи поставила подобный вопросъ гораздо

---

*) „Новое Время“, 18 октября.

яснѣе. Она тоже обратила вниманіе на все болѣе и болѣе увеличивающуюся безплатную раздачу лѣкарствъ („особенно, по ея мнѣнію, разоряютъ земство сифилитики"), почему и предложила выработать проектъ уменьшенія или прекращенія вовсе безплатной выдачи лѣкарствъ сифилитикамъ *). Классифицировать болѣзни, раздѣлить ихъ на разорительныя для земства и неразорительныя, лѣчить послѣднія и оставить на произволъ судьбы первыя—это, пожалуй, верхъ многообѣщающаго глубокомыслія во вкусѣ „Московскихъ Вѣдомостей". Идя въ этомъ направленіи, можно сдѣлать очень и очень много въ дѣлѣ приспособленія земства: болѣзни, которыми страдаютъ многочисленные крестьяне, всегда, вѣдь, будутъ разорительнѣе для земства, чѣмъ болѣзни малочисленныхъ привилегированныхъ плательщиковъ. Пятачекъ или гривенникъ, назначаемый за лѣкарство, это, конечно, первый шагъ на пути устраненія крестьянской массы отъ пользованія благами земской медицины. Можно идти и дальше. Новой курмышской земской управой, въ лицѣ которой, по выраженію корреспондента, курмышское земство „вступило въ „новый курсъ", совершенно несогласный со старыми земскими традиціями", „три мѣсяца тому назадъ въ экстренномъ собраніи былъ проведенъ вопросъ объ установленіи платы при ручной выдачѣ лѣкарствъ. Теперь управа пошла дальше и представила докладъ объ установленіи платнаго амбулаторнаго и больничнаго лѣченія". Только благодаря энергичной защитѣ интересовъ крестьянскаго населенія двумя-тремя гласными, это предложеніе было отклонено" **). Борьба съ „безплатностью"—борьба настойчивая и, какъ показали послѣднія сессіи, небезуспѣшная—ведется во многихъ и другихъ мѣстахъ. Платная земская медицина, конечно, перестанетъ служить тому „кто и безъ того оказывается въ экономической жизни сильнѣйшимъ—крестьянству".

Умилительно то, что, осуществляя тѣмъ или инымъ путемъ земскую задачу, какъ ее толкуютъ „Московскія Вѣдомости", усвоившіе ее земскіе дѣятели не теряютъ своего „прирожденнаго благородства". Въ половинѣ сентября въ печати появилось сообщеніе о критическомъ состояніи кассы пронскаго земства (Рязанской губерніи) и о бѣдственномъ положеніи земскихъ служащихъ, не получающихъ по многимъ мѣсяцамъ жалованья. Это сообщеніе имѣло неожиданный эффектъ. „Крупные недоимщики, они же и крупные люди въ уѣздѣ, озаботились, наконецъ, пополненіемъ земской кассы, и къ открытію земскаго очередного собранія управа могла удовлетворить весь врачебный персоналъ пронскаго земства за время съ декабря 1898 года включительно по сентябрь 1899 г. ***). Достаточно было одного напоминанія о

*) „Орловскій Вѣстникъ".
**) „Сынъ Отечества", 13 октября.
***) „С.-Петербургскія Вѣдомости", 30 ноября.

долгахъ, чтобы „крупные люди“ выбросили мелкотѣ ея деньги. Престижъ „прирожденнаго благородства“ былъ поддержанъ какъ нельзя лучше. „Но одновременно съ этимъ была произведена и расправа за требованіе уплаты жалованья“. Корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ подробно описываетъ эту расправу, удивительную по своему остроумію. Прежде всего были призваны къ отвѣту фельдшера пронской земской больницы. „Нужно имѣть въ виду, прибавляетъ корреспондентъ, что фельдшера во всемъ пронскомъ уѣздѣ—ротные; со спеціальнымъ образованіемъ нѣтъ ни одного; управскія власти говорятъ имъ такъ же, какъ и земскимъ учителямъ, „ты“, на фельдшеровъ кричатъ, ихъ ругаютъ“. Ихъ выругали и выгнали, но черезъ три дня призвали вновь въ управу и, послѣ выданнаго ими письменнаго удостовѣренія въ томъ, будто бы они подавали заявленіе на счетъ выдачи жалованья по наущенью высшаго врачебнаго персонала, были вновь приглашены на службу въ пронскую земскую больницу“. Заручившись такимъ документомъ, управѣ было уже не трудно избавиться отъ врачебнаго персонала, а также отъ акушерки и фельдшерицы. За одно ужъ выгнали и маленькаго чиновника управы, котораго заподозрили, какъ автора непонравившейся пронскимъ земцамъ корреспонденціи. „Земское собраніе, прибавляетъ корреспондентъ, не пожелало обратить вниманіе на этотъ прискорбный случай (отставку врачей), который отчасти напоминаетъ очередное собраніе въ сентябрѣ 1897 г., послѣ котораго, и тоже вслѣдствіе недоразумѣній съ предсѣдателемъ, всѣ земскіе врачи Пронскаго уѣзда подали въ отставку“.

Не меньше благородства выказали и казанскіе земцы. Казанская управа предложила собранію увеличить жалованье учащимъ до 240 р. и помощникамъ до 200 р., на что потребовалось бы внести въ смѣту новыхъ 1,800 руб., „Но этого ничтожнаго возрастанія расхода было достаточно для того, чтобы предложеніе управы встрѣтило единодушный отказъ. А гласный г. Юшковъ выставилъ противъ этого предложенія такіе доводы, что большинство учительскаго персонала будто бы не заслуживаетъ и того вознагражденія, какое ими уже получается, и что у учительницъ прибавленныя деньги цѣликомъ уйдутъ на шляпки, перчатки, зонтики и т. п. Выходка эта разсмѣшила гласныхъ и присутствовавшую на засѣданіи публику, и предложеніе управы о прибавкѣ жалованія учителямъ было отвергнуто“ *). Читателю, пробѣжавшему замѣтку „Казанская драма“, помѣщенную въ предыдущей кн. „Русскаго Богатства“, нечего разъяснять, какъ много благородства скрывалось въ этихъ разсужденіяхъ гл. Юшкова и въ этомъ смѣхѣ казанскихъ гласныхъ надъ туалетами земскихъ учительницъ. Изъ этой же замѣтки читатели

*) „Сынъ Отечества“, 31 октября.

знаютъ, какъ вопль одной изъ обиженныхъ земскихъ учительницъ смутилъ благодушно настроенное казанское собраніе и вызвалъ отставку предсѣдателя. Казанскіе земцы смутились однако не надолго. Созванные въ чрезвычайное собраніе для выбора предсѣдателя, они пожелали выбрать прежняго, т. е. того же С. А. Бекетова. Онъ получилъ 18 записокъ, еще одинъ кандидатъ 8 и нѣкоторыя лица по одной *). Такимъ значительнымъ большинствомъ казанское собраніе просило изобличеннаго донъжуана вернуться на постъ, которымъ онъ пользовался для обольщенія земскихъ учительницъ...

Однако, и самые надежные, казалось бы, оплоты крѣпостничества на земской территоріи въ сущности оказываются далеко не неприступными укрѣпленіями. Любопытный образчикъ представляетъ въ этомъ случаѣ кирсановское земство, управа котораго, какъ мы видѣли, додумалась до проекта „начальственнаго самоуправленія". „Нынѣшнее собраніе, пишетъ изъ Кирсанова корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", — это побѣда свѣтлыхъ сторонъ земской дѣятельности надъ той заплесневѣлой рутиной, которая, къ глубокому прискорбію, до сихъ поръ висѣла надъ кирсановскимъ земствомъ. Никакое новое начинаніе не могло въ немъ пробиться, а если случайно и вспархивало что-либо освѣжающее, оно погребалось. При всякомъ новомъ предложеніи, при всякомъ проектѣ моментально выдвигался излюбленный жупелъ: ростъ, непомѣрный ростъ земскаго обложенія. „Помилуйте, куда мы идемъ? наша земля трещитъ подъ налогами"... „Конекъ земской дѣятельности было сокращеніе смѣты и расходовъ и, что важнѣе всего, стремленіе обратить земскіе расходы въ сословные"... „За послѣдніе годы былъ введенъ пятачковый амбулаторный сборъ съ рецептовъ", причемъ число обращавшихся за медицинскою помощью упало съ 222 тыс. до 105 тыс. „Собраніе 1897 года постановило поручить управѣ выработать тѣ условія, на которыхъ можно было бы ввести плату за обученіе въ земскихъ школахъ"... До 1898 года плата законоучителямъ земскихъ школъ производилась земствомъ, точно также и учебныя пособія разсылались въ школы за земскій счетъ. Собраніе постановило отнести половину расходовъ на учителей и учебныя пособія на сельскія общества, имѣющія школы. Въ собраніе текущаго года былъ внесенъ управскій докладъ о введеніи платы въ училищахъ. Управа придумала какой-то особый соусъ, подъ которымъ намѣревалась ввести плату, чтобы обойти сенатское разъясненіе, не допускавшее такой реформы. „Двойное обложеніе на крестьянъ кирсановскаго уѣзда такъ и сыпалось щедрой рукой Терпигоревскихъ персонажей (въ „Оскудѣ-

*) „Новое Время", 28 ноября.

ніи“ есть таки изъ нашихъ кирсановцевъ и даже земцевъ коэкто!). Не видно было конца краю такой своеобразно понимаемой земской дѣятельности. Но... появляется въ собраніи одно, богато одаренное энергіей и ораторскимъ даромъ лицо, и собраніе сразу мѣняетъ свою физіономію“... „Оно показало, что въ гласныхъ давно уже созрѣлъ протестъ противъ тѣхъ, которые давили всякое оживляющее начинаніе,—скрытая потенціальная энергія не умѣла, не смѣла и не могла найти проявленія и ждала только душу, которая бы ее одухотворила“. „Гласный этотъ по каждому вопросу говорилъ правдиво, сильно, умно и съ перваго же дня сдѣлался лидеромъ тѣхъ гласныхъ, въ которыхъ свѣтилась искра прогрессивности. Съ В. С. Кишкинымъ при баллотировкахъ его предложеній не вотировало лишь ничтожное меньшинство. Въ результатѣ собраніе сбросило съ населенія всѣ пресловутые пятачковые сборы и предприняло рядъ мѣръ въ цѣляхъ упорядоченія и улучшенія запущеннаго земскаго хозяйства *). Собраніе устыдилось и своей управы, и ея проекта „начальственнаго самоуправленія“. „Подъ земствомъ, писалъ въ редакцію „Курьера“ предсѣдательствовавшій въ собраніи г. Салтыковъ, мы должны въ данномъ случаѣ подразумѣвать собраніе, но никакъ не отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ управу. Члены собранія, быть можетъ, съ неменьшимъ негодованіемъ прочли этотъ докладъ управы, доказательствомъ чего можетъ служить то, что проектъ-докладъ управы былъ отклоненъ уѣзднымъ собраніемъ во всѣхъ его частяхъ, почему онъ поступитъ на обсужденіе тамбовскаго губернскаго собранія, но уже съ совершенно инымъ характеромъ **).

Можно бы указать и еще нѣсколько оплотовъ, утраченныхъ за послѣдніе годы нашими крѣпостниками. Крѣпостничество сдѣлалось крикливѣе, но, какъ общественная программа, не сдѣлалось сильнѣе. Уже тотъ фактъ, что реформированное земство съ узаконеннымъ сильнымъ преобладаніемъ дворянства поставило на очередь вопросъ о всеобщемъ обученіи и сравнительно быстро разрѣшаетъ эту задачу, свидѣтельствуетъ, что не только земство, но и значительная часть дворянства отнюдь не сремится повернуть жизнь вспять и съ готовностью идетъ на встрѣчу ея новымъ теченіямъ. Правда, эти новыя теченія, особенно при данномъ характерѣ земскаго представительства, далеко не всегда оказываются благопріятны для „сильнѣйшаго въ экономической жизни—крестьянства“, но это уже другой вопросъ. Нужно еще много приспособлять земство, чтобы обезпечить успѣхъ задачи, выдвигаемой „Московскими Вѣдомостями“. Пока же ея представителямъ приходится довольствоваться въ конечномъ итогѣ пятачками и въ лучшемъ случаѣ—отдѣльными уѣздами.

---

*) „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 23 ноября.
**) „Курьеръ“, 18 ноября.

„Правильно понимаемая задача земства“ страшна лишь по стольку, по скольку она осуществляется не гласно, обходными путями, внѣ общественнаго воздѣйствія, по стольку, по скольку она прячется по уѣздамъ и другимъ глухимъ уголкамъ, счастливо избѣгающимъ зоркаго взгляда періодической прессы... Вынесенная въ общественную среду, эта задача очень легко можетъ быть учтена и со стороны ничтожныхъ силъ, заинтересованныхъ въ ея осуществленіи, и со стороны ея идеологіи, прикрытой, какъ мы видѣли, только фиговымъ листкомъ. Съ этой точки зрѣнія, чѣмъ откровеннѣе наши реакціонеры ставятъ свои программныя задачи, тѣмъ лучше, тѣмъ дружнѣе сомкнутся прогрессивные элементы русскаго общества. И мы готовы привѣтствовать флагъ, выкинутый „Московскими Вѣдомостями“, съ давно ожидавшейся надписью: „Земство для дворянства“, какъ точное опредѣленіе занимаемой ими позиціи.

Антагонизмъ между органами нашего самоуправленія и администраціей сдѣлался общимъ мѣстомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и излюбленной темой реакціонной публицистики. Послѣдняя видитъ въ немъ всецѣло результатъ „пустой и шумливой оппозиціи правительственнымъ установленіямъ“ со стороны нѣкоторыхъ элементовъ, входящихъ въ составъ общественныхъ учрежденій. Едва ли правиленъ такой упрощенный взглядъ на одно изъ важнѣйшихъ золъ нашей провинціальной жизни, сказывающееся немалыми затрудненіями въ сферѣ губернскаго и уѣзднаго управленія и влекущее подчасъ самыя серьезныя осложненія въ этой области... За послѣдніе годы случаи разногласія общественныхъ учрежденій съ губернскою администраціей не только не сдѣлались рѣже, но даже участились, сказываясь даже въ такихъ вопросахъ, которые прежде проходили сравнительно гладко, безъ взаимныхъ неудовольствій. Очевидно, причины упомянутаго антагонизма гораздо сложнѣе и лежатъ гораздо глубже, чѣмъ это нѣкоторые думаютъ. Можно полагать, напримѣръ, что въ иныхъ случаяхъ въ этомъ не безвинна та борьба между различными теченіями, которая происходитъ внутри самого земства и о которой мы говорили на предыдущихъ страницахъ.

Позволимъ себѣ указать одинъ примѣръ. Тверской губернаторъ въ прошломъ году опротестовалъ уѣздныя земскія раскладки по 11 уѣздамъ, находя земскіе платежи непосильными для населенія. Между тѣмъ, Тверская губернія одна изъ наименѣе недоимочныхъ въ Россіи. Въ составленной Н. А. Черничинымъ и изданной недавно тверскимъ земствомъ брошюрѣ „Окладные платежи и недоимки“ мы находимъ, между прочимъ, такія цифры о крестьянскихъ недоимкахъ:

ніи“ есть таки изъ нашихъ кирсановцевъ и даже земцевъ коэкто!). Не видно было конца краю такой своеобразно понимаемой земской дѣятельности. Но... появляется въ собраніи одно, богато одаренное энергіей и ораторскимъ даромъ лицо, и собраніе сразу мѣняетъ свою физіономію“... „Оно показало, что въ гласныхъ давно уже созрѣлъ протестъ противъ тѣхъ, которые давили всякое оживляющее начинаніе,—скрытая потенціальная энергія не умѣла, не смѣла и не могла найти проявленія и ждала только душу, которая бы ее одухотворила“. „Гласный этотъ по каждому вопросу говорилъ правдиво, сильно, умно и съ перваго же дня сдѣлался лидеромъ тѣхъ гласныхъ, въ которыхъ свѣтилась искра прогрессивности. Съ В. С. Кишкинымъ при баллотировкахъ его предложеній не вотировало лишь ничтожное меньшинство. Въ результатѣ собраніе сбросило съ населенія всѣ пресловутые пятачковые сборы и предприняло рядъ мѣръ въ цѣляхъ упорядоченія и улучшенія запущеннаго земскаго хозяйства *). Собраніе устыдилось и своей управы, и ея проекта „начальственнаго самоуправленія“. „Подъ земствомъ, писалъ въ редакцію „Курьера“ предсѣдательствовавшій въ собраніи г. Салтыковъ, мы должны въ данномъ случаѣ подразумѣвать собраніе, но никакъ не отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ управу. Члены собранія, быть можетъ, съ неменьшимъ негодованіемъ прочли этотъ докладъ управы, доказательствомъ чего можетъ служить то, что проектъ-докладъ управы былъ отклоненъ уѣзднымъ собраніемъ во всѣхъ его частяхъ, почему онъ поступитъ на обсужденіе тамбовскаго губернскаго собранія, но уже съ совершенно инымъ характеромъ **).

Можно бы указать и еще нѣсколько оплотовъ, утраченныхъ за послѣдніе годы нашими крѣпостниками. Крѣпостничество сдѣлалось крикливѣе, но, какъ общественная программа, не сдѣлалось сильнѣе. Уже тотъ фактъ, что реформированное земство съ узаконеннымъ сильнымъ преобладаніемъ дворянства поставило на очередь вопросъ о всеобщемъ обученіи и сравнительно быстро разрѣшаетъ эту задачу, свидѣтельствуетъ, что не только земство, но и значительная часть дворянства отнюдь не сремится повернуть жизнь вспять и съ готовностью идетъ на встрѣчу ея новымъ теченіямъ. Правда, эти новыя теченія, особенно при данномъ характерѣ земскаго представительства, далеко не всегда оказываются благопріятны для „сильнѣйшаго въ экономической жизни—крестьянства“, но это уже другой вопросъ. Нужно еще много приспособлять земство, чтобы обезпечить успѣхъ задачи, выдвигаемой „Московскими Вѣдомостями“. Пока же ея представителямъ приходится довольствоваться въ конечномъ итогѣ пятачками и въ лучшемъ случаѣ—отдѣльными уѣздами.

---

*) „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 23 ноября.

**) „Курьеръ“, 18 ноября.

„Правильно понимаемая задача земства“ страшна лишь по стольку, по скольку она осуществляется не гласно, обходными путями, внѣ общественнаго воздѣйствія, по стольку, по скольку она прячется по уѣздамъ и другимъ глухимъ уголкамъ, счастливо избѣгающимъ зоркаго взгляда періодической прессы... Вынесенная въ общественную среду, эта задача очень легко можетъ быть учтена и со стороны ничтожныхъ силъ, заинтересованныхъ въ ея осуществленіи, и со стороны ея идеологіи, прикрытой, какъ мы видѣли, только фиговымъ листкомъ. Съ этой точки зрѣнія, чѣмъ откровеннѣе наши реакціонеры ставятъ свои программныя задачи, тѣмъ лучше, тѣмъ дружнѣе сомкнутся прогрессивные элементы русскаго общества. И мы готовы привѣтствовать флагъ, выкинутый „Московскими Вѣдомостями“, съ давно ожидавшейся надписью: „Земство для дворянства“, какъ точное опредѣленіе занимаемой ими позиціи.

Антагонизмъ между органами нашего самоуправленія и администраціей сдѣлался общимъ мѣстомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и излюбленной темой реакціонной публицистики. Послѣдняя видитъ въ немъ всецѣло результатъ „пустой и шумливой оппозиціи правительственнымъ установленіямъ“ со стороны нѣкоторыхъ элементовъ, входящихъ въ составъ общественныхъ учрежденій. Едва ли правиленъ такой упрощенный взглядъ на одно изъ важнѣйшихъ золъ нашей провинціальной жизни, сказывающееся немалыми затрудненіями въ сферѣ губернскаго и уѣзднаго управленія и влекущее подчасъ самыя серьезныя осложненія въ этой области... За послѣдніе годы случаи разногласія общественныхъ учрежденій съ губернскою администраціей не только не сдѣлались рѣже, но даже участились, сказываясь даже въ такихъ вопросахъ, которые прежде проходили сравнительно гладко, безъ взаимныхъ неудовольствій. Очевидно, причины упомянутаго антагонизма гораздо сложнѣе и лежатъ гораздо глубже, чѣмъ это нѣкоторые думаютъ. Можно полагать, напримѣръ, что въ иныхъ случаяхъ въ этомъ не безвинна та борьба между различными теченіями, которая происходитъ внутри самого земства и о которой мы говорили на предыдущихъ страницахъ.

Позволимъ себѣ указать одинъ примѣръ. Тверской губернаторъ въ прошломъ году опротестовалъ уѣздныя земскія раскладки по 11 уѣздамъ, находя земскіе платежи непосильными для населенія. Между тѣмъ, Тверская губернія одна изъ наименѣе недоимочныхъ въ Россіи. Въ составленной Н. А. Черничинымъ и изданной недавно тверскимъ земствомъ брошюрѣ „Окладные платежи и недоимки“ мы находимъ, между прочимъ, такія цифры о крестьянскихъ недоимкахъ:

Годы.	% недоимокъ къ окладу. По всѣмъ платежамъ.	По земскимъ.
1895	19,2	80,2
1896	18,7	78,2
1897	16,5	75,0
1898	15,8	69,0

Такимъ образомъ, за послѣдніе годы недоимка даже уменьшилась, т. е. населеніе не только справлялось съ текущими земскими платежами, но и постепенно погашало ранѣе накопленную недоимку, недоимку, объясняемую, какъ извѣстно, въ значительной мѣрѣ несовершенствомъ пріемовъ взысканія земскихъ сборовъ сравнительно съ казенными. Между тѣмъ, благодаря губернаторскому протесту, земское дѣло въ этой губерніи „самымъ неожиданнымъ образомъ" было поставлено въ исключительно неблагопріятныя условія; „неожиданно потому—объясняетъ одна изъ уѣздныхъ управъ, именно новоторжская, въ своемъ докладѣ земскому собранію нынѣшняго года,—что никакія особенныя бѣдствія не посѣтили населеніе уѣзда, и экономическое благосостояніе его нисколько не понизилось, такъ что условія эти создались исключительно вслѣдствіе нѣкоторыхъ распоряженій губернской администраціи, касающихся земской смѣты" *). Губернаторомъ были опротестованы, главнымъ образомъ, смѣтныя назначенія на народное образованіе, на народное здравіе и мѣропріятія, направленныя къ поддержанію крестьянскаго хозяйства, т. е. тѣ смѣтныя статьи, которыя, какъ мы видѣли, встрѣчаютъ наибольшія нареканія въ нѣкоторыхъ кругахъ земства и по поводу которыхъ въ Тверской губерніи уже нѣсколько лѣтъ ими ведется усиленная агитація. Невольно вспоминается прошлогодняя рѣчь того же губернатора предъ открытіемъ тверского губернскаго собранія. Подчеркнувъ „свое горячее желаніе, чтобы энергія тверского земства въ дѣлѣ народнаго образованія не ослабѣвала", губернаторъ, передавая свои протесты по смѣтамъ и раскладкамъ на разсмотрѣніе губернскаго собранія, настаивалъ лишь на томъ, „чтобы увеличеніе числа школъ не вызывало бы увеличенія обложенія, иначе, по его мнѣнію, крестьянскія дѣти будутъ просить милостыню, а школа будетъ стоять съ заколоченными дверями и окнами" **). Очевидно, это еще очень далеко отъ нынѣшней крайней и небывалой до того мѣры — пріостановки земскихъ раскладокъ по 11 уѣздамъ. Намъ нечего напоминать о томъ неожиданномъ и необъяснимомъ препятствіи, какое встрѣтили

*) Цитируемъ по „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ" отъ 19 октября.
**) Цитируемъ по „Русскимъ Вѣдомостямъ" отъ 2 сентября.

курское и харьковское земство въ осуществленіи намѣченнаго ими плана всеобщаго обученія. Въ настоящемъ году исторія съ земскими смѣтами, почти тождественная съ тверской, повторилась въ Вятской губерніи. „Недавно послѣдовало распоряженіе начальника губерніи, читаемъ мы въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, о пріостановкѣ новыхъ смѣтныхъ назначеній по исполненію всѣхъ уѣздныхъ земскихъ смѣтъ, безъ различія величины этихъ назначеній и самыхъ уѣздовъ. Возрастаніе какъ уѣздныхъ, такъ и губернской смѣтъ за послѣдніе годы въ Вятской губерніи, поясняетъ корреспондентъ, происходило исключительно въ виду открытія 600 новыхъ школъ, а также и другихъ мѣропріятій по народному образованію, сельскому хозяйству, кустарнымъ промысламъ и народному здравію, такъ что отнынѣ развитіе этой дѣятельности уѣздныхъ и губернскаго земствъ на благо сельскаго населенія Вятской губерніи встрѣчаетъ серьезное препятствіе *). Опять таки едва ли чѣмъ инымъ, кромѣ недоразумѣнія, можно объяснить это огульное разногласіе между губернаторомъ и всѣми уѣздными земствами.

Недавно всѣ газеты обошла рѣчь астраханскаго губернатора, который высказалъ причины своего неудовольствія на мѣстное городское общественное управленіе и высказалъ притомъ оффиціально, пригласивъ къ себѣ повѣсткой для объясненій по дѣламъ службы городского голову *съ полнымъ составомъ думы, членами управы и секретаремъ*! Хотя эта рѣчь была уже напечатана въ „Правѣ“, „Гражданинѣ“ и цѣломъ рядѣ другихъ газетъ, однако, въ виду ея большого интереса, мы позволимъ себѣ привести ее цѣликомъ, подчеркнувъ въ ней тѣ мѣста, которыхъ намъ придется коснуться въ дальнѣйшемъ изложеніи:

„Прошу извиненія, господа, что побезпокоилъ васъ явиться ко мнѣ. Въ сущности, я *могъ бы ограничиться приглашеніемъ для настоящаго объясненія лишь гор. головы и членовъ управы*, но я призналъ необходимымъ видѣться съ вами, тѣмъ болѣе, что мнѣ не приходилось обращаться ко всѣмъ вамъ лично, а лишь черезъ другихъ лицъ, причемъ нерѣдко, я не утверждаю, что умышленно, моимъ желаніямъ и мнѣніямъ придавался невѣрный смыслъ. Я созвалъ васъ съ тѣмъ, чтобы чистосердечно высказать все накопившееся у меня на душѣ противъ васъ неудовольствіе.

Приглашая васъ, я думалъ было обратиться къ вамъ *съ угрозою, но потомъ передумалъ, такъ какъ не въ моемъ характерѣ и не въ моихъ привычкахъ поступать такъ*. Благодаря моему долгому опыту, я знаю, что добромъ и убѣжденіемъ можно скорѣе и вѣрнѣе достигнуть желаемыхъ результатовъ, и потому я рѣшилъ забыть горечь обидъ и, миролюбиво высказавъ вамъ все, забыть всѣ ваши проступки противъ меня. Господа, я здѣсь 4 года. Въ теченіе этого времени вы *меня въ моихъ начинаніяхъ по благоустройству и благополучію города не слушаете, меня, мѣстнаго представителя царской власти*. Отношеніе ко мнѣ городскихъ представителей особенно ухудшилось *за послѣднее время*: такъ, почти всѣ мои предложенія городская дума отклоняетъ, конечно, я не хочу сказать, что

*) „Русскія Вѣдомости“, 17 ноября.

вся дума въ ея полномъ составѣ, но мнѣ оказываютъ противодѣйствіе 3—4 лица, которыя высказываются всегда противъ моихъ предложеній, а большинство идетъ за ними. Мало того, *оппозиція обзавелась своимъ органомъ печати*—это „Астраханскій Вѣстникъ", редактора котораго я тоже пригласилъ сюда; но пусть г. Длинбергъ не безпокоится, ни противъ него, ни противъ его газеты не будетъ принято никакихъ репрессивныхъ мѣръ. „Астраханскій Вѣстникъ", несмотря на мое гуманное отношеніе къ печати, *умышленно говорю, не только умалчиваетъ объ астраханскомъ губернаторѣ*, но моимъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ придаетъ невыгодный для меня смыслъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ мною будутъ указаны факты. Будучи въ Царевѣ, мнѣ пришлось читать въ столичныхъ газетахъ *телеграммы* изъ Астрахани, *облетѣвшія всю Европу*, о пребываніи въ Астраханской губерніи Его Высочества Принца Ольденбургскаго, причемъ *въ телеграммахъ этихъ не было упомянуто, что Принца сопровождалъ я*. Телеграммы эти были даны г. Длинбергомъ, такъ какъ онъ состоитъ мѣстнымъ агентомъ „Россійскаго телеграфнаго общества". Затѣмъ, въ отчетахъ той же газеты „Астраханскаго Вѣстника" о пребываніи Принца въ Астрахани *также совершенно умолчено, что Принцъ удостоилъ посѣщеніемъ мою квартиру, навѣстивъ въ ней мою супругу, съ которой вмѣстѣ ѣздилъ осматривать дешевую столовую благотворительнаго общества;* но въ то же время *было подробно указано о посѣщеніи Его Высочествомъ городской думы*, хотя посѣщеніе это вышло совершенно случайно, такъ какъ Принцъ не предполагалъ посѣщать думы, и я не знаю, какимъ образомъ могла получиться ошибка въ телеграммѣ, въ которой должно (?) было быть сказано, что Принцъ посѣтилъ архіерея въ городскомъ домѣ. Но я, узнавъ, что дума ожидаетъ Принца, *просилъ Его Высочество* не отказать въ своемъ посѣщеніи ея, чтобы *не обидѣть думы*. По поданной же мною телеграммѣ о желаніи Принца объ устройствѣ ночлежныхъ бараковъ и дешевыхъ столовыхъ городская дума не исполнила этого желанія. При этомъ я долженъ сказать, что пребываніе Его Высочества въ губерніи произвело самое *хорошее впечатлѣніе*, которое *было омрачено городскими представителями, именно безтактною подачею двухъ записокъ о субсидіи городу и о набившемъ всѣмъ оскомину вопросѣ о лѣвобережной дорогѣ*. Я же старался смягчить неудовольствіе Принца. Что же касается до моихъ отношеній къ городскимъ цѣлямъ, то я укажу на дѣло постройки трамвая, въ защиту котораго городскими представителями столько ломалось копій, и все-таки *на молебствіи, бывшемъ по случаю закладки зданія трамвая, присутствовалъ я*, и наоборотъ не было никого изъ представителей города.

Не могу не указать, что не только при отъѣздѣ моемъ въ нынѣшнемъ году въ отпускъ *никто изъ представителей города не явился меня проводить*, но даже по возвращеніи моемъ изъ Царева, *послѣ столь тяжкаго подвига, я не былъ встрѣченъ кѣмъ-либо изъ городскихъ представителей*. Не сомнѣваюсь, что въ другомъ городѣ губернатора, сдѣлавшаго для края то же, что было сдѣлано мною во время 51-го дневнаго пребыванія въ Царевскомъ уѣздѣ, *встрѣтили бы съ хлѣбомъ-солью; никакихъ отговорокъ* въ томъ, что мой пріѣздъ не былъ извѣстенъ, *принять не могу*, такъ какъ стоило лишь пожелать, и объ этомъ можно было узнать и по телефону, и по телеграфу. Вы могли бы еще исправить свою ошибку, *посѣтивъ, по моему приглашенію, бывшее вчера торжество по случаю трехлѣтняго существованія пріюта* прокаженныхъ, учрежденія, *столь дорогого моей женѣ* и осуществленнаго при вашемъ же содѣйствіи, но всѣ представители города отсутствовали, за исключеніемъ Н. К. Фонова.

Въ заключеніе я долженъ опять сказать вамъ, что, по своему характеру и привычкѣ, добытой годами, - мнѣ уже 56 лѣтъ, - да и думаю, что *надо себя пожалѣть, я не стану прибѣгать ни къ угрозамъ, ни къ какимъ*

либо репресивнымъ мѣрамъ, хотя бы я и могъ по отношенію къ городскимъ представителямъ, но, оставаясь такимъ же гуманнымъ и безпристрастнымъ въ городскихъ дѣлахъ, я буду надѣяться, что городскіе представители *измѣнятъ свое настоящее отношеніе ко мнѣ, буду терпѣливо ждать этого до открытія навигаціи будущаго года;* если же къ этому времени отношеніе не измѣнится, то я буду вынужденъ поѣхать въ Петербургъ, обратиться къ г. министру внутреннихъ дѣлъ, Государю Императору и сказать, что я не могу служить здѣсь, *переведите меня въ другую губернію, хотя, вѣроятно, вся Астраханская губернія и пожалѣетъ объ этомъ, но за то въ другомъ мѣстѣ скорѣе оцѣнятъ меня;* причемъ скажу, что вѣра въ то, что съ людьми можно достичь большаго не угрозой, а добромъ, не уничтожится во мнѣ. Я чистосердечно высказалъ вамъ *все, что наболѣло у меня на душѣ;* прошу извинить за безпокойство, затѣмъ до свиданья".

При настоящемъ объясненіи г. губернатора присутствовалъ вице-губернаторъ.

Нѣкоторыя газеты, комментировавшія рѣчь астраханскаго губернатора, сосредоточили главное свое вниманіе на предъявленномъ имъ требованіи, такъ сказать, „добрыхъ чувствъ", а также на личныхъ свойствахъ губернатора, твердо вѣрящаго, что „съ людьми можно достичь большаго не угрозой, а добромъ". При первомъ чтеніи приведеннаго „объясненія по дѣламъ службы" это дѣйствительно больше всего бросается въ глаза. Однако съ нашей точки зрѣнія гораздо важнѣе тѣ общія причины, благодаря которой порой „нѣтъ добрыхъ чувствъ между высшимъ представителемъ администраціи и мѣстнымъ городскимъ обществомъ". Для выясненія ихъ лучше всего обратиться къ поводамъ, вызвавшимъ самое объясненіе.

„Астраханскій губернаторъ", читаемъ мы въ „Новомъ Времени" отъ 26 октября „вынужденъ былъ (!) призвать къ себѣ управу и думу (въ полномъ составѣ) и сдѣлать ей отеческое внушеніе за откровенную игру въ оппозицію, выражающуюся не только въ мелочахъ. Именно дума постоянно приноситъ жалобы на губернатора въ Сенатъ". „Новое Время" въ дѣйствіяхъ астраханской думы сейчасъ же, конечно, усмотрѣло армянскую интригу („верховодятъ три-четыре армянскихъ вожака") и привело выдержку изъ указа правительствующаго сената въ доказательство того, насколько „неумѣстна борьба думы съ губернаторомъ". Этотъ вводный эпизодъ на счетъ „армянской интриги", чтобы не усложнять вопроса, мы оставимъ совершенно въ сторонѣ и скажемъ только, что, по требованію астраханской думы 17 ноября, „Новое Время" должно было напечатать пропущенный имъ пунктъ сенатскаго указа, изъ котораго видно, что жалоба астраханскаго городского головы была признана сенатомъ *не требующей въ настоящее время какихъ либо распоряженій* въ виду утвержденія г. министромъ проекта, встрѣтившаго противодѣйствіе губернатора. Гораздо важнѣе другое категорическое заявленіе астраханской управы: „За четыре года", пишетъ она,

„принесена была только одна жалоба. Новая же, вторая, имѣетъ быть принесена по дѣлу о разрѣшеніи г. губернаторомъ хоровъ пѣвицъ, музыки и проч. увеселеній въ гостиницахъ и трактирахъ, *не смотря на существованіе обязательнаго постановленія городской думы, воспрещающаго это.* Городская дума 11 октября, по закрытой баллотировкѣ 53 голосами противъ 6, постановила принести жалобу въ правительствующій сенатъ". „Принести въ четыре года одну жалобу", прибавляетъ управа, „стремиться къ разъясненію дѣла на основаніи права, предоставленнаго закономъ, далеко не одно и тоже, что постоянно приносить жалобы" *). На сколько права была дума въ вопросѣ о хорахъ и музыкѣ въ трактирахъ, это видно изъ объясненія самого губернатора. По поводу корреспонденціи, которая была помѣщена въ „Свѣтѣ", онъ обратился въ редакцію этой газеты съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, пишетъ: „одинъ только разъ, въ сентябрѣ прошлаго года, я допустилъ, въ видѣ опыта, въ одной изъ гостиницъ, хоръ пѣвцовъ и пѣвицъ австрійскаго подданнаго Реза-Вечей, но уже черезъ 3—4 недѣли взялъ разрѣшеніе обратно, *въ виду развившагося въ этой гостиницѣ безобразнаго кутежа.* Имѣя въ виду этотъ неудачный опытъ, я въ нынѣшнемъ году уже наотрѣзъ отказалъ въ разрѣшеніи зимняго кафе-шантана въ загородномъ лѣтнемъ театрѣ. *Едва-ли нужно прибавлять, что я распорядился въ обоихъ случаяхъ по собственному убѣжденію, а не по представленію городского управленія.* Въ Астрахани, прибавляетъ онъ, 102 гостиницы и трактира. Только въ 26 наиболѣе благонадежныхъ разрѣшена мною музыка, а арфистовъ и пѣвицъ нѣтъ нигдѣ. Да и въ составѣ всѣхъ хоровъ музыки всего только 7 женщинъ"? **)

Таково одно изъ служебныхъ разногласій между астраханскимъ губернаторомъ и мѣстнымъ городскимъ управленіемъ.

Наши матеріалы позволяютъ отмѣтить и другое существенное разногласіе, о которомъ г. губернаторъ мимоходомъ упомянулъ въ своей рѣчи, именно о разногласіи по „набившему всѣмъ оскомину вопросѣ о лѣвобережной дорогѣ". Вопросъ о желѣзной дорогѣ, которая должна будетъ связать Астрахань съ желѣзнодорожною сѣтью Имперіи, давно уже волнуетъ все нижнее Поволжье. Для этой дороги возможны два направленія: лѣвобережное, при которомъ дорога непосредственно подойдетъ къ Астрахани, и правобережное, при которомъ она будетъ имѣть конечный пунктъ на другомъ берегу Волги. Мы не станемъ приводить цифровыхъ данныхъ, говорящихъ всецѣло въ пользу лѣвобережной дороги, которая стала бы обслуживать

*) „Новое Время", 17 ноября.
**) Цитируемъ по перепечаткѣ въ „Новомъ Времени" отъ 19 ноября.

обширный районъ, вовсе лишенный въ настоящее время желѣзныхъ дорогъ. При выборѣ того или иного направленія желѣзной дороги за послѣдніе годы у насъ принималось во вниманіе не только то, гдѣ нужнѣе новая дорога, но и то, кому поручить ея постройку, причемъ послѣдній вопросъ часто доминировалъ надъ первымъ. Въ данномъ же случаѣ шла упорная борьба между двумя желѣзнодорожными обществами: Рязано-уральскимъ, которому была бы поручена дорога въ случаѣ лѣвобережнаго ея направленія, и Юго-восточнымъ, которому досталась бы дорога въ томъ случаѣ, если бы ее рѣшено было вести по правому берегу. Въ одной изъ предыдущихъ хроникъ мы уже упоминали, какъ выгодно строить дороги, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что борьба между названными обществами изъ за этой линіи была очень упорная. Въ этой борьбѣ значительный шансъ могли дать заключенія и ходатайства мѣстныхъ учрежденій о преимуществахъ того или другого направленія. Само собой понятно, что почти всегда эти заключенія бываютъ противорѣчивы: каждый городъ, каждый уѣздъ заинтересованы въ томъ, чтобы дорога прошла къ нему возможно ближе. Но въ данномъ случаѣ значительное число городовъ, земствъ и мѣстныхъ общественныхъ учрежденій высказалось за лѣвобережную дорогу. Въ Астрахани же произошло „разногласіе“: городское управленіе энергично настаивало на лѣвобережномъ направленіи, а губернаторъ и биржевой комитетъ высказались въ пользу правобережнаго. Характеръ этого разногласія выяснился нѣсколько лишь въ самое послѣднее время. 2 декабря въ „Новомъ Времени“ было помѣщено письмо уполномоченнаго астраханской городской думы Х. Н. Сергѣева, изъ котораго видно, что „вопросъ о соединеніи Астрахани съ общею сѣтью желѣзныхъ дорогъ обсуждался въ г. Астрахани при крайне ненормальныхъ условіяхъ“. „Послѣ крайне тягостной для рыбной торговли зимы 1898—1899 года, когда, вслѣдствіе отсутствія заморозковъ и бездорожья, астраханскіе рыбопромышленники понесли убытокъ болѣе 1½ милліона руб. отъ порчи рыбнаго товара въ гужевомъ пути, въ астраханскомъ биржевомъ комитетѣ была получена изъ Петербурга телеграмма, категорически заявлявшая, что, если астраханцы будутъ настаивать на лѣвобережномъ направленіи, то дороги совсѣмъ не получатъ. Телеграмма вызвала въ городѣ форменную панику. Немедленно было созвано экстренное засѣданіе, и совершенно естественно, что биржевое купечество, желая избавиться въ будущемъ отъ крупныхъ потерь въ торговлѣ, ухватилось за правобережное направленіе дороги, относительно быстрой постройки которой въ означенной телеграммѣ высказывалась полная увѣренность. Кромѣ того, въ Астрахани категорически высказывали, хотя и ни начемъ не основанные, но для купечества весьма убѣдительные доводы, что тарифъ на перевозку рыбы для правобережнаго направленія бу-

„принесена была только одна жалоба. Новая же, вторая, имѣетъ быть принесена по дѣлу о разрѣшеніи г. губернаторомъ хоровъ пѣвицъ, музыки и проч. увеселеній въ гостиницахъ и трактирахъ, *не смотря на существованіе обязательнаго постановленія городской думы, воспрещающаго это.* Городская дума 11 октября, по закрытой баллотировкѣ 53 голосами противъ 6, постановила принести жалобу въ правительствующій сенатъ“. „Принести въ четыре года одну жалобу“, прибавляетъ управа, „стремиться къ разъясненію дѣла на основаніи права, предоставленнаго закономъ, далеко не одно и тоже, что постоянно приносить жалобы“ *). На сколько права была дума въ вопросѣ о хорахъ и музыкѣ въ трактирахъ, это видно изъ объясненія самого губернатора. По поводу корреспонденціи, которая была помѣщена въ „Свѣтѣ“, онъ обратился въ редакцію этой газеты съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, пишетъ: „одинъ только разъ, въ сентябрѣ прошлаго года, я допустилъ, въ видѣ опыта, въ одной изъ гостиницъ, хоръ пѣвцовъ и пѣвицъ австрійскаго подданнаго Реза-Вечей, но уже черезъ 3—4 недѣли взялъ разрѣшеніе обратно, *въ виду развившагося въ этой гостиницѣ безобразнаго кутежа.* Имѣя въ виду этотъ неудачный опытъ, я въ нынѣшнемъ году уже наотрѣзъ отказалъ въ разрѣшеніи зимняго кафе-шантана въ загородномъ лѣтнемъ театрѣ. *Едва-ли нужно прибавлять, что я распорядился въ обоихъ случаяхъ по собственному убѣжденію, а не по представленію городского управленія.* Въ Астрахани, прибавляетъ онъ, 102 гостиницы и трактира. Только въ 26 наиболѣе благонадежныхъ разрѣшена мною музыка, а арфистовъ и пѣвицъ нѣтъ нигдѣ. Да и въ составѣ всѣхъ хоровъ музыки всего только 7 женщинъ“? **)

Таково одно изъ служебныхъ разногласій между астраханскимъ губернаторомъ и мѣстнымъ городскимъ управленіемъ.

Наши матеріалы позволяютъ отмѣтить и другое существенное разногласіе, о которомъ г. губернаторъ мимоходомъ упомянулъ въ своей рѣчи, именно о разногласіи по „набившему всѣмъ оскомину вопросѣ о лѣвобережной дорогѣ“. Вопросъ о желѣзной дорогѣ, которая должна будетъ связать Астрахань съ желѣзнодорожною сѣтью Имперіи, давно уже волнуетъ все нижнее Поволжье. Для этой дороги возможны два направленія: лѣвобережное, при которомъ дорога непосредственно подойдетъ къ Астрахани, и правобережное, при которомъ она будетъ имѣть конечный пунктъ на другомъ берегу Волги. Мы не станемъ приводить цифровыхъ данныхъ, говорящихъ всецѣло въ пользу лѣвобережной дороги, которая стала бы обслуживать

---

*) „Новое Время“, 17 ноября.

**) Цитируемъ по перепечаткѣ въ „Новомъ Времени“ отъ 19 ноября.

обширный районъ, вовсе лишенный въ настоящее время желѣзныхъ дорогъ. При выборѣ того или иного направленія желѣзной дороги за послѣдніе годы у насъ принималось во вниманіе не только то, гдѣ нужнѣе новая дорога, но и то, кому поручить ея постройку, причемъ послѣдній вопросъ часто доминировалъ надъ первымъ. Въ данномъ же случаѣ шла упорная борьба между двумя желѣзнодорожными обществами: Рязано-уральскимъ, которому была бы поручена дорога въ случаѣ лѣвобережнаго ея направленія, и Юго-восточнымъ, которому досталась бы дорога въ томъ случаѣ, если бы ее рѣшено было вести по правому берегу. Въ одной изъ предыдущихъ хроникъ мы уже упоминали, какъ выгодно строить дороги, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что борьба между названными обществами изъ за этой линіи была очень упорная. Въ этой борьбѣ значительный шансъ могли дать заключенія и ходатайства мѣстныхъ учрежденій о преимуществахъ того или другого направленія. Само собой понятно, что почти всегда эти заключенія бываютъ противорѣчивы: каждый городъ, каждый уѣздъ заинтересованы въ томъ, чтобы дорога прошла къ нему возможно ближе. Но въ данномъ случаѣ значительное число городовъ, земствъ и мѣстныхъ общественныхъ учрежденій высказалось за лѣвобережную дорогу. Въ Астрахани же произошло „разногласіе“: городское управленіе энергично настаивало на лѣвобережномъ направленіи, а губернаторъ и биржевой комитетъ высказались въ пользу правобережнаго. Характеръ этого разногласія выяснился нѣсколько лишь въ самое послѣднее время. 2 декабря въ „Новомъ Времени“ было помѣщено письмо уполномоченнаго астраханской городской думы Х. Н. Сергѣева, изъ котораго видно, что „вопросъ о соединеніи Астрахани съ общею сѣтью желѣзныхъ дорогъ обсуждался въ г. Астрахани при крайне ненормальныхъ условіяхъ“. „Послѣ крайне тягостной для рыбной торговли зимы 1898—1899 года, когда, вслѣдствіе отсутствія заморозковъ и бездорожья, астраханскіе рыбопромышленники понесли убытокъ болѣе 1½ милліона руб. отъ порчи рыбнаго товара въ гужевомъ пути, въ астраханскомъ биржевомъ комитетѣ была получена изъ Петербурга телеграмма, категорически заявлявшая, что, если астраханцы будутъ настаивать на лѣвобережномъ направленіи, то дороги совсѣмъ не получатъ. Телеграмма вызвала въ городѣ форменную панику. Немедленно было созвано экстренное засѣданіе, и совершенно естественно, что биржевое купечество, желая избавиться въ будущемъ отъ крупныхъ потерь въ торговлѣ, ухватилось за правобережное направленіе дороги, относительно быстрой постройки которой въ означенной телеграммѣ высказывалась полная увѣренность. Кромѣ того, въ Астрахани категорически высказывали, хотя и ни начемъ не основанные, но для купечества весьма убѣдительные доводы, что тарифъ на перевозку рыбы для правобережнаго направленія бу-

детъ десять коп., а для лѣвобережнаго зимою и до пятидесяти копѣекъ". Кто послалъ произведшую панику телеграмму, г. Сергѣевъ не говоритъ. „Въ настоящее время, сообщаетъ онъ, когда обнаружились ложныя основанія, которыми руководствовался биржевой комитетъ при своемъ рѣшеніи, болѣе четырехсотъ астраханскихъ промышленниковъ и торговцевъ подписали прошеніе на имя министра финансовъ о постройкѣ желѣзной дороги по лѣвому берегу Волги, на Камышинъ. Въ числѣ этихъ четырехсотъ есть многіе подписавшіе постановленіе биржевого общества". „Въ подтвержденіе того, что интересы промышленныхъ и вообще заинтересованныхъ группъ Астраханской губерніи, прибавляетъ г. Сергѣевъ, требуютъ именно лѣвобережнаго направленія, могутъ служить слова г. губернатора, совершенно категорически характеризующія положеніе вещей: „Спора нѣтъ, что для развитія края и усиленія сношеній съ средней Азіей лѣвобережное направленіе лучше. Но, къ сожалѣнію, желѣзнодорожный вопросъ, по моимъ свѣдѣніямъ, стоитъ такъ, что, если будутъ отстаивать непремѣнно лѣвую, то дороги не дадутъ вовсе, отложатъ въ дальній ящикъ". Приводя эти слова губернатора, г. Сергѣевъ ссылается на №№ 244 и 245 „Астраханскаго Листка" еще за 1897 годъ. Письмо г. Сергѣева появилось въ „Новомъ Времени" одновременно съ извѣстіемъ, что въ коммиссіи, разсматривавшей вопросъ о выборѣ направленія для Астраханской дороги, „большинство членовъ высказалось въ пользу лѣвобережнаго направленія, горячо защищаемаго представителями г. Астрахани!" Вслѣдствіе крупныхъ неправильностей въ веденіи дѣлъ, о которыхъ намъ приходилось упоминать въ предыдущихъ обозрѣніяхъ, и вслѣдствіе неудачныхъ операцій по расширенію сѣти дорогъ, находящихся въ вѣдѣніи Юго-восточнаго общества, дѣла его, какъ извѣстно, пришли въ значительное разстройство. Въ виду этого можно думать, что рѣшеніе коммиссіи не потерпитъ коренного измѣненія.

Вернемся однако къ губернаторской рѣчи. „Господа, сказалъ онъ, я здѣсь 4 года. Въ теченіе этого времени вы меня въ моихъ начинаніяхъ по благоустройству и благополучію города не слушаете, меня, мѣстнаго представителя царской власти". Мы познакомились съ двумя и нужно думать, самыми рѣзкими и самыми важными случаями астраханскаго непослушанія. *) Таковы ли они, чтобы въ нихъ видѣть достаточный поводъ для крайне тяжелыхъ осложненій въ жизни большого губернскаго города?

---

*) Въ рѣчи губернатора есть упоминаніе еще объ одномъ служебномъ разногласіи, именно по вопросу о трамваѣ, по поводу котораго и была принесена первая астраханская жалоба. Къ сожалѣнію, наши матеріалы не позволяютъ возстановить этотъ инциндентъ съ полною ясностью.

По закону попеченіе о „благоустройствѣ и благополучіи“ города ввѣрено городскому общественному управленію, при чемъ ему предоставлено право издавать установленнымъ порядкомъ обязательныя постановленія, которыя, по распубликованіи, для мѣстныхъ жителей имѣютъ силу закона. Обязанности губернатора въ сферѣ городского благоустройства опредѣлены закономъ въ томъ смыслѣ, что ему предоставленъ надзоръ за правильностью и законностью постановленій и распоряженій городского управленія. Законъ предвидитъ при этомъ два рода возможныхъ разногласій между губернаторомъ и думой и потому предоставляетъ ему право пріостанавливать постановленія думъ въ 2-хъ случаяхъ, а именно, если онъ найдетъ, что они 1) не согласны съ закономъ или 2) не соотвѣтствуютъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, либо явно нарушаютъ интересы мѣстнаго населенія. Законъ не требуетъ въ случаяхъ такого разногласія непремѣннаго послушанія губернатору со стороны городского управленія. Приведеніе въ дѣйствіе состоявшагося распоряженія въ такихъ случаяхъ, правда, пріостанавливается, но возникшее разногласіе разсматривается въ присутствіи по городскимъ дѣламъ, а если и тамъ оно не можетъ быть улажено, то переносится въ правительствующій сенатъ или въ комитетъ министровъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ государственный совѣтъ.

Легко видѣть, что оба случая описанныхъ нами астраханскихъ разногласій невозможно подвести подъ приведенныя статьи закона. Высказывая самостоятельное мнѣніе по вопросу о желѣзной дорогѣ и издавая обязательныя постановленія о содержаніи хоровъ и музыки въ трактирахъ, астраханская дума, очевидно, ни въ чемъ не нарушила требованій закона, такъ какъ иначе ея постановленія были бы опротестованы, а обязательныя постановленія не были бы изданы, пока возникшія разногласія не получили бы окончательнаго разрѣшенія въ установленномъ порядкѣ. Съ другой стороны, въ дѣйствіяхъ астраханскаго городского управленія, очевидно, не было и „несоотвѣтствія общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, либо явнаго нарушенія интересовъ мѣстнаго населенія“. Такъ, самъ губернаторъ убѣдился въ невозможности допустить пѣвческіе хоры въ гостиницы, по вопросу же о желѣзной дорогѣ онъ самъ признавалъ лѣвобережное направленіе болѣе отвѣчающимъ общимъ государственнымъ пользамъ и интересамъ мѣстнаго населенія, чѣмъ правобережное. Разногласія такимъ образомъ носили характеръ, не предусмотрѣнный закономъ. Внѣзаконная ихъ сущность, по нашему мнѣнію, и составляетъ ихъ характерную черту...

Астраханское дворянство, какъ телеграфировали въ „Новое Время“ отъ 4 декабря, единогласно постановило поднести адресъ губернатору генералъ-лейтенанту Газенкампфу за труды по прекращенію колобовской эпидеміи и вообще за заботы о пользахъ и

нуждахъ края. Губернатору поднесенъ также адресъ съ выраженіемъ тѣхъ же чувствъ астраханскими персами чрезъ генеральнаго консула. Нѣтъ ничего мудренаго, что и другія общественныя учрежденія Астраханской губерніи „до открытія навигаціи“ въ той или иной формѣ засвидѣтельствуютъ свои чувства начальнику губерніи. Вопросъ только въ томъ, будутъ ли въ состояніи эти внѣшніе признаки чувствъ исправить испортившіяся отношенія...

Еще 6 мая состоялось Высочайшее повелѣніе, поставившее на очередь крупный вопросъ о реформѣ каторги и ссылки въ Сибирь, причемъ для разработки этого вопроса была образована особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи изъ чиновъ подвѣдомственнаго ему министерства и представителей подлежащихъ вѣдомствъ. Широкая постановка въ означенномъ повелѣніи вопроса о ссылкѣ и каторгѣ, изъ коихъ первую предположено почти совершенно отмѣнить, а вторую подвергнуть коренному преобразованію, была привѣтствована въ свое время не только русскою, но и иностранною печатью, подвергшею этотъ вопросъ всестороннему обсужденію.

Послѣ того прошло 7 мѣсяцевъ. Свѣдѣнія, проникавшія въ печать о работахъ коммиссіи, были крайне скудны и отрывочны, напримѣръ, сдѣлалось извѣстнымъ, что вопросъ объ отмѣнѣ или ограниченіи административной ссылки по приговорамъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ переданъ на предварительное заключеніе губернскихъ и уѣздныхъ административныхъ учрежденій. Сдѣлался затѣмъ извѣстнымъ частный, но крайне важный фактъ, заставлявшій думать, что работы въ коммиссіи настолько подвинулись впередъ, что вопросъ о переустройствѣ каторги и отмѣнѣ ссылки перенесенъ уже на практическую почву и что уже приступлено въ этомъ отношеніи къ нѣкоторымъ практическимъ мѣропріятіямъ. Именно, въ концѣ августа въ прибалтійскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что въ Перновскій уѣздъ пріѣзжала изъ Петербурга особая коммиссія для осмотра фабрики, которую правительство предполагаетъ тамъ купить для устройства мѣстъ заключенія и рабочаго дома на 2,300 человѣкъ, причемъ этотъ фактъ газеты ставили въ непосредственную связь съ вопросами объ отмѣнѣ ссылки. Въ началѣ ноября сдѣлался извѣстнымъ еще одинъ фактъ, бросающій яркій свѣтъ на то, какое направленіе можетъ принять поставленная на очередь реформа.

На горнопромышленномъ съѣздѣ въ Харьковѣ обсуждался вопросъ о примѣненіи къ горнымъ работамъ, особенно къ добычѣ угля, арестантскаго труда. Начальникъ главнаго тюремнаго управленія, находя, что подобное примѣненіе согласуется съ задачею отмѣны ссылки въ Сибирь, выразилъ при посѣщеніи Харькова

мнѣніе о возможности предоставить для этого горнопромышленникамъ до десяти тысячъ арестантовъ. Но совѣтъ съѣзда рѣшительно высказался противъ этого проекта. По его мнѣнію, нужно стремиться къ подъему нравственнаго уровня горнорабочихъ, къ возвышенію ихъ культурности и созданію изъ нихъ особаго класса трудящихся, а ничто подобное не согласуется съ замѣною вольнаго труда арестантскимъ, который къ тому же всегда будетъ и менѣе производительнымъ; дешевизна платы не вознаградитъ малаго достоинства труда и изъ невольныхъ работниковъ не выработаются спеціалисты по разнымъ отраслямъ горныхъ работъ. Съ такимъ мнѣніемъ согласились и бывшіе на съѣздѣ горнопромышленники, отклонивъ мысль объ арестантскомъ трудѣ на южныхъ горныхъ промыслахъ вообще. Спустя однако нѣсколько дней, харьковскія газеты принесли извѣстіе, что, „въ виду недостатка рабочихъ на копяхъ, двое изъ владѣльцевъ шахтъ изъявили согласіе принять къ себѣ нѣсколько сотъ арестантовъ въ качествѣ рабочихъ“. Приведемъ, наконецъ, самое послѣднее извѣстіе по тому же вопросу. „Въ виду нежеланія южно-русскихъ углепромышленниковъ пользоваться арестантскимъ трудомъ, возбужденъ вопросъ объ устройствѣ на Югѣ казенныхъ копей съ приложеніемъ къ нимъ исключительно труда арестантовъ“ *).

Не лишне будетъ напомнить характеръ того момента, въ какой появилось на рабочемъ рынкѣ предложеніе арестантскаго труда. Подъ вліяніемъ все разростающагося, повидимому, промышленнаго кризиса, съ одной стороны, и ряда недородовъ, посѣтившихъ Россію за послѣдніе годы—съ другой, рабочій рынокъ находится въ замѣтно-угнетенномъ настроеніи. Изъ всѣхъ важнѣйшихъ пунктовъ нашей торгово-промышленной жизни идутъ извѣстія о начавшемся сокращеніи работъ и тѣсно связанной съ этимъ безработицѣ. Такъ, въ Иваново-Вознесенскѣ, по словамъ „Сѣвернаго Края“, съ 1 октября начали сокращать работу и лишній контингентъ рабочихъ увольнять на всѣ четыре стороны. Въ Бѣлостокѣ, по сообщенію „Сѣверо-Западнаго Слова“, „фабрики за немногими исключеніями сократили работы, многіе рабочіе бродятъ по городу въ поискахъ за заработкомъ или хлѣбомъ“. „Въ Царицынѣ, по словамъ „Волгаря“, цѣны на рабочія руки продолжаютъ понижаться. Рабочіе, проживающіе въ Царицынѣ. жалуются на отсутствіе заработковъ“. Денежный кризисъ въ Баку, какъ сообщаетъ мѣстный „Каспій“, сильно отразился на всѣхъ предпріятіяхъ. Такъ, напримѣръ, на механическихъ заводахъ заказовъ или нѣтъ, или же имѣются въ половинномъ размѣрѣ. Помимо того и по исполненнымъ заказамъ заводы часто не получаютъ денегъ. Такое положеніе вызвало сокращеніе штата мастеровыхъ, и въ настоящее время въ городѣ масса безработныхъ

*) „Русскія Вѣдомости“ 8 декабря.

слесарей и токарей. То же явленіе наблюдается въ Лодзи, Петербургѣ и цѣломъ рядѣ другихъ пунктовъ. Кризисъ захватилъ и Донецкій бассейнъ, гдѣ нѣсколько бельгійскихъ предпріятій уже прекратило платежи *).

Правда, углепромышленники настойчиво жалуются на недостатокъ рабочихъ рукъ. И это въ то время, когда „заработки горнорабочихъ (какъ доказывалъ г. Авдаковъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ южныхъ промышленниковъ, на харьковскомъ горнопромышленномъ съѣздѣ), идутъ отъ 20 до 45 руб. и выше въ мѣсяцъ, причемъ большая заработная плата создаетъ такое положеніе, что горнорабочіе не знаютъ, куда дѣвать излишки своего заработка послѣ покрытія своихъ ограниченныхъ потребностей, является даже особое щегольство и мотовство. При такомъ дѣйствительномъ положеніи матеріальнаго благополучія горнорабочихъ, по его словамъ, странно слышать упреки въ томъ, что „горнопромышленники чуть ли не эксплуатируютъ трудъ и т. п.". Передавая эту рѣчь, корреспондентъ „Приднѣпровскаго Края" прибавляетъ: „въ связи, очевидно, съ этимъ „излишкомъ" заработка находится ходатайство, предъявленное съѣзду о томъ, чтобы въ раіонѣ между ст. Бѣлая Юрьевка, Дебальцево, Алмазная и Марьевка были расположены казаки или пѣхотныя части войскъ. Присоединился къ ходатайству о „гарнизонахъ" и представитель рудниковъ Кривого Рога" **). Но не лишне имѣть въ виду, что жалобы на недостатокъ рабочихъ со стороны углепромышленниковъ находятся въ тѣсной связи съ „угольнымъ кризисомъ"— съ непомѣрно возросшими цѣнами на уголь, каковое обстоятельство для значительной части Россіи, гдѣ уголь вошелъ въ общее употребленіе, имѣетъ значеніе почти народнаго бѣдствія. Жалобы на недостатокъ рабочихъ и ихъ дороговизну,—какъ для всѣхъ очевидно, не больше, какъ ширма, за которую углепромышленники прячутъ свои барыши, полученные отъ искусственно вздутыхъ цѣнъ на уголь, и какъ доводъ противъ отмѣны пошлины на иностранный уголь, о чемъ былъ представленъ цѣлый рядъ ходатайствъ. И этотъ доводъ свою службу сослужилъ. Ходатайства потребителей о сложеніи пошлины на уголь удовлетворены въ очень слабой степени: безпошлинный привозъ угля въ теченіе предстоящаго 1900 года допущенъ лишь для города Варшавы, и съ пониженіемъ пошлины до 1½ коп. для Одессы, Николаева Севастополя, а также для отопленія пароходовъ, содержащихъ рейсы на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. За то, съ другой стороны, углепромышленники получили предложеніе облегчить для нихъ затрудненіе въ рабочихъ рукахъ посредствомъ эксплуатаціи труда арестантскаго. Но для большинства горнопромышленни-

*) „Новое Время", 30 ноября.
**) „Приднѣпровскій Край", 24 ноября.

ковъ такое предложеніе оказалось излишнимъ. Мы говоримъ „излишнимъ", потому что и ссылка горнопромышленниковъ на преимущества свободнаго труда предъ подневольнымъ намъ кажется не совсѣмъ искренней. Изъ справки, приведенной г. Шрейдеромъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", мы узнаемъ, что мысль объ арестантскомъ трудѣ возникала среди горнопромышленниковъ и самостоятельно. Еще въ 1881 году въ VI съѣздѣ горнопромышленниковъ г. Даниловымъ была внесена записка, въ которой доказывалось, что „единственный способъ обезпечить угольныя работы рабочими, если не всѣ рудники, то по крайней мѣрѣ, однѣ большія копи—*это размѣщеніе въ центрѣ такихъ копей арестантовъ*, которые распредѣлялись бы по работамъ по особому соглашенію владѣльца копей на основаніи выработанныхъ на то правилъ" *). Капитализмъ не отступитъ и предъ подневольнымъ трудомъ, если послѣдній для него будетъ выгоднѣе, а въ экономической жизни, несомнѣнно, могутъ возникать такія конъюнктуры, когда безусловный регрессъ съ общественной точки зрѣнія въ техникѣ или въ экономическихъ отношеніяхъ можетъ быть очень прибыльнымъ съ точки зрѣнія частнохозяйственной. Два углепромышленника, предъявившіе запросъ на нѣсколько сотъ арестантовъ, достаточно характерный тому образчикъ.

Конечно, на крупный вопросъ о реформѣ каторги и ссылки нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія временно, можетъ быть, стѣснительныхъ для рабочаго условій рынка. Но и независимо отъ нихъ, исходъ, намѣченный начальникомъ главнаго тюремнаго управленія, представляется намъ не вполнѣ отвѣчающимъ задачамъ реформы. Перенесеніе каторги изъ Сибири въ Европейскую Россію и замѣна ссылки и колонизаціоннаго труда ссыльныхъ подневольнымъ трудомъ среди сложной экономической обстановки значило бы „тяжкое бремя для Сибири и препятствіе на пути гражданскаго преуспѣянія этого края" только переложить на другія непривычныя и безъ того отягченныя плечи.

Направленіе, которое принимаетъ вопросъ о ссылкѣ и каторгѣ, крайне интересно, по нашему мнѣнію, и съ другой стороны.

Разрѣшеніе болѣе или менѣе крупныхъ вопросовъ внутренняго управленія происходитъ у насъ обыкновенно послѣ предварительнаго письменнаго сношенія между различными вѣдомствами или послѣ выясненія такихъ вопросовъ чрезъ представителей вѣдомства въ коммиссіяхъ. Само собою понятно, что каждое вѣдомство въ такихъ случаяхъ отстаиваетъ интересы ввѣренной ему части управленія. Въ результатѣ получается нѣкоторая равнодѣйствующая такихъ интересовъ. Къ сожалѣнію, въ числѣ вѣдомствъ у насъ нѣтъ такого, которое имѣло бы въ виду спеціально интересы труда и съ этой точки зрѣнія давало бы свои

*) „С.-Петербургскія Вѣдомости", 27 ноября.

слесарей и токарей. То же явленіе наблюдается въ Лодзи, Петербургѣ и цѣломъ рядѣ другихъ пунктовъ. Кризисъ захватилъ и Донецкій бассейнъ, гдѣ нѣсколько бельгійскихъ предпріятій уже прекратило платежи *).

Правда, углепромышленники настойчиво жалуются на недостатокъ рабочихъ рукъ. И это въ то время, когда „заработки горнорабочихъ (какъ доказывалъ г. Авдаковъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ южныхъ промышленниковъ, на харьковскомъ горнопромышленномъ съѣздѣ), идутъ отъ 20 до 45 руб. и выше въ мѣсяцъ, причемъ большая заработная плата создаетъ такое положеніе, что горнорабочіе не знаютъ, куда дѣвать излишки своего заработка послѣ покрытія своихъ ограниченныхъ потребностей, является даже особое щегольство и мотовство. При такомъ дѣйствительномъ положеніи матеріальнаго благополучія горнорабочихъ, по его словамъ, странно слышать упреки въ томъ, что „горнопромышленники чуть ли не эксплуатируютъ трудъ и т. п.“. Передавая эту рѣчь, корреспондентъ „Приднѣпровскаго Края“ прибавляетъ: „въ связи, очевидно, съ этимъ „излишкомъ“ заработка находится ходатайство, предъявленное съѣзду о томъ, чтобы въ раіонѣ между ст. Бѣлая Юрьевка, Дебальцево, Алмазная и Марьевка были расположены казаки или пѣхотныя части войскъ. Присоединился къ ходатайству о „гарнизонахъ“ и представитель рудниковъ Кривого Рога“ **). Но не лишне имѣть въ виду, что жалобы на недостатокъ рабочихъ со стороны углепромышленниковъ находятся въ тѣсной связи съ „угольнымъ кризисомъ“—съ непомѣрно возросшими цѣнами на уголь, каковое обстоятельство для значительной части Россіи, гдѣ уголь вошелъ въ общее употребленіе, имѣетъ значеніе почти народнаго бѣдствія. Жалобы на недостатокъ рабочихъ и ихъ дороговизну,—какъ для всѣхъ очевидно, не больше, какъ ширма, за которую углепромышленники прячутъ свои барыши, полученные отъ искусственно вздутыхъ цѣнъ на уголь, и какъ доводъ противъ отмѣны пошлины на иностранный уголь, о чемъ былъ представленъ цѣлый рядъ ходатайствъ. И этотъ доводъ свою службу сослужилъ. Ходатайства потребителей о сложеніи пошлины на уголь удовлетворены въ очень слабой степени: безпошлинный привозъ угля въ теченіе предстоящаго 1900 года допущенъ лишь для города Варшавы, и съ пониженіемъ пошлины до $1^1/_2$ коп. для Одессы, Николаева Севастополя, а также для отопленія пароходовъ, содержащихъ рейсы на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. За то, съ другой стороны, углепромышленники получили предложеніе облегчить для нихъ затрудненіе въ рабочихъ рукахъ посредствомъ эксплуатаціи труда арестантскаго. Но для большинства горнопромышленни-

---

*) „Новое Время“, 30 ноября.

**) „Приднѣпровскій Край“, 24 ноября.

ковъ такое предложеніе оказалось излишнимъ. Мы говоримъ „излишнимъ“, потому что и ссылка горнопромышленниковъ на преимущества свободнаго труда предъ подневольнымъ намъ кажется не совсѣмъ искренней. Изъ справки, приведенной г. Шрейдеромъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, мы узнаемъ, что мысль объ арестантскомъ трудѣ возникала среди горнопромышленниковъ и самостоятельно. Еще въ 1881 году въ VI съѣздѣ горнопромышленниковъ г. Даниловымъ была внесена записка, въ которой доказывалось, что „единственный способъ обезпечить угольныя работы рабочими, если не всѣ рудники, то по крайней мѣрѣ, однѣ большія копи—*это размѣщеніе въ центрѣ такихъ копей арестантовъ*, которые распредѣлялись бы по работамъ по особому соглашенію владѣльца копей на основаніи выработанныхъ на то правилъ“ *). Капитализмъ не отступитъ и предъ подневольнымъ трудомъ, если послѣдній для него будетъ выгоднѣе, а въ экономической жизни, несомнѣнно, могутъ возникать такія конъюнктуры, когда безусловный регрессъ съ общественной точки зрѣнія въ техникѣ или въ экономическихъ отношеніяхъ можетъ быть очень прибыльнымъ съ точки зрѣнія частнохозяйственной. Два углепромышленника, предъявившіе запросъ на нѣсколько сотъ арестантовъ, достаточно характерный тому образчикъ.

Конечно, на крупный вопросъ о реформѣ каторги и ссылки нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія временно, можетъ быть, стѣснительныхъ для рабочаго условій рынка. Но и независимо отъ нихъ, исходъ, намѣченный начальникомъ главнаго тюремнаго управленія, представляется намъ не вполнѣ отвѣчающимъ задачамъ реформы. Перенесеніе каторги изъ Сибири въ Европейскую Россію и замѣна ссылки и колонизаціоннаго труда ссыльныхъ подневольнымъ трудомъ среди сложной экономической обстановки значило бы „тяжкое бремя для Сибири и препятствіе на пути гражданскаго преуспѣянія этого края“ только переложить на другія непривычныя и безъ того отягченныя плечи.

Направленіе, которое принимаетъ вопросъ о ссылкѣ и каторгѣ, крайне интересно, по нашему мнѣнію, и съ другой стороны.

Разрѣшеніе болѣе или менѣе крупныхъ вопросовъ внутренняго управленія происходитъ у насъ обыкновенно послѣ предварительнаго письменнаго сношенія между различными вѣдомствами или послѣ выясненія такихъ вопросовъ чрезъ представителей вѣдомства въ коммиссіяхъ. Само собою понятно, что каждое вѣдомство въ такихъ случаяхъ отстаиваетъ интересы ввѣренной ему части управленія. Въ результатѣ получается нѣкоторая равнодѣйствующая такихъ интересовъ. Къ сожалѣнію, въ числѣ вѣдомствъ у насъ нѣтъ такого, которое имѣло бы въ виду спеціально интересы труда и съ этой точки зрѣнія давало бы свои

*) „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 27 ноября.

отзывы по возникающимъ вопросамъ въ сферѣ законодательства и управленія. На сколько трудно имѣть въ виду эти интересы другимъ вѣдомствамъ, имѣющимъ свои спеціальныя задачи, можетъ свидѣтельствовать хотя бы положеніе рабочихъ въ нашемъ казенномъ хозяйствѣ. Возьмемъ, напримѣръ, крупную отрасль— дѣло казенной продажи питей. Положеніе служащихъ и рабочихъ въ этой отрасли оказывается очень незавиднымъ, даже, можно сказать, тяжелымъ. „Въ нашемъ рабочемъ складѣ, сообщаетъ „Уралъ" про Екатеринбургъ, рабочій день продолжается съ 6 час. утра и до 9 вечера, хотя по разсчетной книжкѣ рабочіе обязаны выходить на работу лишь до семи вечера, причемъ по субботамъ даже работы предназначено кончать въ 6 час. Если казенный винный складъ, прибавляетъ газета, удлиняетъ рабочій день съ 12 до 16 час., то что же дѣлается въ частныхъ заводахъ и фабрикахъ?" *) Въ Подольской губерніи управляющимъ акцизными сборами изданъ циркуляръ, коимъ безусловно воспрещается продавцамъ замѣнять себя при продажѣ вина кѣмъ бы то ни было во все время, установленное для торговли. „Такъ какъ время это продолжается въ селахъ и мѣстечкахъ отъ 7 часовъ утра до 8 час. вечера, а въ городахъ отъ 7 час. утра до 10 час. вечера, то, согласно приведенному распоряженію, отъ продавцовъ винныхъ лавокъ требуется безпрерывная работа въ теченіе 13 и 15 часовъ въ сутки, безъ возможности замѣнить себя, хотя бы на полчаса, кѣмъ либо изъ домашнихъ. За исполненіемъ этого новаго правила установлено строгое наблюденіе чиновъ акцизнаго надзора, которые на вопросы продавцовъ „когда же обѣдать" разъясняютъ, что „обѣдать придется урывками"... На практикѣ въ большинствѣ городскихъ и мѣстечковыхъ лавокъ, устраиваемыхъ обыкновенно въ наиболѣе бойкихъ мѣстахъ, никакихъ интерваловъ въ торговлѣ не бываетъ, и нерѣдко входъ въ винную лавку охраняется полицейскимъ служителемъ, сдерживающимъ напирающую толпу и пропускающимъ въ лавку по три человѣка"... „Если принять во вниманіе, говоритъ по этому поводу корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", что по уставу о содержащихся подъ стражею самые важные преступники, осуждаемые въ каторжныя работы, назначаются на работы въ теченіе не болѣе 11 часовъ лѣтомъ и 10 зимою, „полагая въ то число время, посвящаемое занятіямъ въ школѣ и употребляемое на довольствіе работающихъ пищею" (ст. 351 т. XIV св. зак.), то приведенный циркуляръ г. управляющаго акцизными сборами долженъ быть признанъ неудобоисполнимымъ и несоотвѣтствующимъ современнымъ взглядамъ на продолжительность нормальнаго трудового дня".

---

*) Цитируемъ по „Нижегородскому Листку" отъ 25 ноября.

Между тѣмъ въ подобныхъ фактахъ нѣтъ ничего удивительнаго. Казенное учрежденіе или должностное лицо, коему поручено веденіе той или иной отрасли хозяйства, при современныхъ условіяхъ, естественно усваиваетъ чисто хозяйственную точку зрѣнія и, направляя всѣ усилія къ тому, чтобы порученное ему дѣло шло возможно лучше, совершенно упускаетъ изъ виду, что государство должно имѣть другія задачи, кромѣ узко-меркантильныхъ. Нѣтъ ничего мудренаго и въ томъ, что всѣ заботы министерства финансовъ, напримѣръ, при настоящихъ тяжелыхъ условіяхъ направлены къ поддержанію предпринимателей, а не рабочихъ, хотя послѣдніе неменѣе первыхъ страдаютъ отъ кризиса. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что тюремное вѣдомство разсматриваетъ вопросъ о ссылкѣ и каторгѣ съ своей спеціальной точки зрѣнія, игнорируя, а можетъ быть, и совершенно не зная тѣхъ экономическихъ условій, съ которыми приходится въ данномъ случаѣ считаться.

Между тѣмъ несомнѣнно, что интересы трудящейся массы съ государственной точки зрѣнія требуютъ болѣе внимательнаго и болѣе бережнаго къ себѣ отношенія.

Только что опубликованъ Высочайшій рескриптъ на имя г. министра финансовъ статсъ-секретаря Витте отъ 8 декабря, появившійся одновременно не только въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, но и нѣкоторыхъ частныхъ газетахъ (въ „Новомъ Времени“, „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“). Рескриптъ содержитъ въ себѣ заключенія комитета финансовъ, который „обсуждалъ настоящее положеніе денежнаго рынка въ связи съ послѣдовавшимъ по сему предмету сообщеніемъ отъ министерства финансовъ“. По заключенію комитета „денежный нашъ рынокъ испытываетъ весьма сильное вліяніе одновременно дѣйствующихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Во главѣ этихъ обстоятельствъ надо поставить повсемѣстное вздорожаніе капитала, усиливаемое нынѣ войною Англіи съ Трансваалемъ. Дѣйствіе этой причины осложняется у насъ плохими урожаями послѣднихъ лѣтъ и вслѣдствіе сего ухудшеніемъ разсчетнаго баланса и необыкновенно быстрымъ за послѣдніе годы ростомъ нашей промышленности“. При такихъ обстоятельствахъ „финансовая политика, по мнѣнію комитета, должна быть направлена къ охраненію устойчивости денежнаго обращенія, которая представляется важнѣйшимъ условіемъ правильнаго развитія государственнаго и народнаго хозяйства. Настоящее положеніе вещей не требуетъ, по мнѣнію комитета, никакихъ общихъ исключительныхъ мѣръ, принятыя же министерствомъ финансовъ и государственнымъ банкомъ частныя мѣры для поддержанія рынка и нѣкоторыхъ солидныхъ предпріятій должны быть, въ случаѣ необходимости, продолжаемы, не выходя

изъ предѣловъ ранѣе завязанныхъ и вполнѣ солидныхъ отношеній". Предположенія министерства финансовъ о необходимости пересмотра акціонернаго и биржевого законодательства финансовымъ комитетомъ признаны вполнѣ своевременными. „Одобривъ вышеизложенныя заключенія комитета финансовъ, подтверждающія цѣлесообразность принятыхъ вами мѣръ, говорится въ рескриптѣ, Я увѣренъ, что и при переживаемыхъ временно затрудненіяхъ вы съ полнымъ успѣхомъ будете блюсти интересы государственнаго и народнаго хозяйства".

Въ предыдущихъ обозрѣніяхъ намъ приходилось довольно много говорить о переживаемомъ кризисѣ и, въ частности, о тѣхъ мѣрахъ, которыя были предприняты „для успокоенія рынка и поддержки нѣкоторыхъ солидныхъ предпріятій", а потому возвращаться къ этому предмету въ настоящій разъ мы не будемъ. Отмѣтимъ здѣсь только одну мѣру, направленную къ „охраненію устойчивости денежнаго обращенія", о каковой намъ не приходилось еще упоминать, а именно: „министерство финансовъ рѣшило принять слѣдующія мѣры для урегулированія денежнаго обращенія: 1) отмѣнить обязательную выдачу при платежахъ золота до суммы 200—300 руб. въ однѣ руки, отнюдь не отказывая въ требованіяхъ на золото; 2) не только не отказывать въ выпускѣ 500 руб., 100 и 25 р., но выдавать ихъ по собственной иниціативѣ всегда, если это не вызываетъ возраженій со стороны кліентовъ; 3) выдавать золотую монету только 10 и 5 руб. достоинства, прекративъ выпускъ 15 рублевой монеты, за исключеніемъ случаевъ: а) прямого требованія на эту, именно, монету и б) недостатка въ монетѣ 10 руб. и 5 руб. достоинста" *).

Не лишне будетъ также отмѣтить, что, одновременно съ появленіемъ въ печати Высочайшаго рескрипта, пришли довольно тревожныя извѣстія изъ другихъ странъ. Такъ „Новому Времени" телеграфируютъ изъ Лондона, что „извѣстіе о пораженіи при р. Тугелѣ вызвало банкротство одиннадцати банковъ". Россійское Телеграфное Агентство отъ 7 декабря сообщаетъ изъ Бостона, что „объявлена несостоятельною одна изъ здѣшнихъ крупнѣйшихъ банкирскихъ и маклерскихъ фирмъ Dillaway and Stark".

Въ заключеніе приведемъ два состоявшихся за послѣднее время распоряжнеія по дѣламъ печати.

17 ноября изъ Тифлиса получена слѣдующая телеграмма: „Въ виду вреднаго направленія издаваемой въ Тифлисѣ, подъ редакціей князя В. М. Туманова, газеты „Новое Обозрѣніе", главноначальствующій гражданской частью на Кавказѣ призналъ нужнымъ пріостановить изданіе этой газеты на восемь мѣсяцевъ".

*) „Тифлисскій Листокъ" 14 ноября.

27 ноября состоялось слѣдующее распоряженіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: „Принимая во вниманіе, что газета „Сѣверный Курьеръ“, съ самаго начала ея изданія, усвоила себѣ вредное направленіе, особенно выразившееся въ статьяхъ „Усложненіе жизни“ и „Кто старше“, помѣщенныхъ въ №№ 1 и 21, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ. опредѣлилъ: объявить газетѣ „Сѣверный Курьеръ“ первое предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ея, состоящаго въ запасѣ флота мичмана князя Владиміра Барятинскаго и второго редактора надворнаго совѣтника Константина Арабажина“.

А. П.

9 декабря 1899 г.

Письмо въ редакцію.

(Къ вопросу „о нашихъ направленіяхъ“).

Въ сложной и пестрой борьбѣ современныхъ общественныхъ направленій России одинъ фактъ все болѣе выступаетъ наружу, все болѣе наводитъ на размышленія, не смотря на внѣшній, до извѣстной степени, характеръ свой. Дѣло въ томъ, что это столкновеніе различныхъ, подчасъ противоположныхъ идей и построеній, при неизбѣжной острой формѣ, сплошь и рядомъ осложняется второстепенными, фиктивными, не вытекающими изъ существа дѣла мотивами. Однимъ изъ такихъ мотивовъ является не совсѣмъ вѣрное, а иногда превратное представленіе о физіономіи и внутреннемъ содержаніи какъ цѣлыхъ ученій, такъ и отдѣльныхъ представителей послѣднихъ. Данное явленіе не ново и присуще не однимъ только русскимъ общественнымъ теченіямъ. Извѣстно, что въ свое время представители марксизма до того произвольно расширили и видоизмѣнили содержаніе этой системы, что творецъ ея, самъ Карлъ Марксъ, счелъ себя вынужденымъ заявить: „Moi je ne suis pas Marxiste“... Съ другой стороны, въ самое послѣднее время большія недоразумѣнія по части терминологіи, или вѣрнѣе, номенклатуры въ данной области произошли благодаря появленію новой группы „бернштейніанцевъ“, сторонниковъ новаго, критическаго отношенія къ Марксу, выраженнаго въ книгѣ Бернштейна. Остроумно жаловался недавно по этому поводу одинъ изъ нѣмецкихъ представителей Маркса — Ауэръ· „По поводу всей этой бернштейніады (Bernsbeinfrage) — говорилъ онъ — не существуетъ ни одной мною написанной и объ-

явленной строчки... Это не мѣшаетъ, однако, тому, что всякій разъ, когда называются худшіе изъ бернштейніанцевъ, во главѣ ихъ фигурируетъ Ауэръ... Кто же разсказалъ другимъ, что я бернштейніанецъ? Откуда знаютъ это другіе лучше, чѣмъ я самъ это знаю? Я вовсе не марксистъ въ шаблонномъ смыслѣ этого слова. Я и не бернштейніанецъ"... *).

Если все это имѣетъ мѣсто въ Западной Европѣ, то немудрено, что у насъ, при несомнѣнной и вполнѣ понятной путаницѣ понятій, данное явленіе разыгрывается въ болѣе рѣзкихъ, болѣе уродливыхъ формахъ. Нужно ли напоминать о всѣмъ извѣстномъ любопытномъ фактѣ перемѣщенія Н. К. Михайловскаго изъ одной группы въ другую. И такія недоразумѣнія составляютъ общее мѣсто современной русской литературы. Всякому автору немедленно приклеивается опредѣленный ярлыкъ, и во имя этого ярлыка владѣльцу его приписываются всѣ дѣйствительные или мнимые грѣхи его реальныхъ или воображаемыхъ единомышленниковъ.

Нѣчто подобное пришлось недавно испытать пишущему эти строки, и такъ какъ изображеніе этого эпизода въ состояніи бросить нѣкоторый свѣтъ на положеніе вопроса о „нашихъ направленіяхъ", то я и считаю возможнымъ нѣсколько занять этимъ вниманіе читателей.

Въ декабрьской книжкѣ „Русскаго Богатства" за 98-й годъ мною была помѣщена замѣтка „Теорія рынковъ" (по поводу книги г. Булгакова). Въ ней я позволилъ себѣ не согласиться ни съ народническою, ни съ новѣйшею марксистскою теоріями рынковъ, выставленными въ русской литературѣ. Народники, на мой взглядъ, исходили изъ правильнаго теоретическаго положенія о внутренней необходимости внѣшняго рынка для капиталистическаго производства; ошибка ихъ, однако, заключалась помимо неправильнаго способа доказательствъ этого положенія, въ ошибочномъ выводѣ изъ него примѣнительно къ Россіи, въ предположеніи отсутствія внѣшняго рынка для Россіи и невозможности, въ силу этого, русскаго капитализма. Справедливо вооружившись противъ этого вывода, наши представители новѣйшей марксистской теоріи рынковъ, впали, по моему мнѣнію, въ противоположную ошибку; по нѣмецкой пословицѣ, они вмѣстѣ съ водою выплеснули изъ ванны и ребенка, отказавшись не только отъ произвольнаго конечнаго вывода изъ правильнаго по существу теоретическаго положенія о необходимости для капиталистическаго производства внѣшняго рынка, но и отъ самаго этого положенія. Между тѣмъ изъ этого положенія возможно сдѣлать и другіе вы-

*) Protokoll über die Uerbandlungen der Parteitages zu Hannower, Berlin 1899, S. 207.

воды, одинаково не похожіе ни на народническіе, ни на марксистскіе въ установившемся у насъ смыслѣ.

На эту мою замѣтку откликнулось нѣсколько авторовъ. Не собираясь въ данный разъ отвѣчать этимъ авторамъ по существу вопроса, что будетъ мною сдѣлано въ другомъ мѣстѣ *), я хочу здѣсь только коснуться тѣхъ разнорѣчивыхъ *толкованій*, которыя были приданы моей попыткѣ критической провѣрки установившихся въ нашей литературѣ двухъ противоположныхъ теорій рынковъ.

Г. П. М. въ „Научномъ Обозрѣніи" нашелъ, что въ этой статьѣ о рынкахъ „г. Ратнеръ открещивается отъ единомыслія съ россійскими „невтонами", открывающими самобытные экономическіе пути". „Изложенные (въ моей статьѣ) выводы, помимо теоретическаго интереса, представляютъ интересъ еще и въ томъ отношеніи, что въ нихъ авторъ на страницахъ *Русскаго Богатства* отграничиваетъ себя отъ „народниковъ", раздѣляющихъ воззрѣнія гг. В. В. и Николая—она", въ виду чего моя статья „является своего рода знаменіемъ времени" **). Въ такомъ, на мой взглядъ, даже преувеличенно-хвалебномъ тонѣ г. П. М. говорилъ о моемъ отрицательномъ отношеніи къ народнической теоріи рынковъ.

Нѣсколько съ иной точки зрѣнія посмотрѣлъ на дѣло въ той же книжкѣ „Научнаго Обозрѣнія" г. П. Струве. Послѣдній находитъ неправильнымъ и неопредѣленнымъ мое отношеніе къ установившимся теоріямъ. „Въ статьѣ г. Ратнера",—по его мнѣнію,—„непріятно поражаетъ догматическое отношеніе къ Марксу: сотрудникъ *Русскаго Богатства* какъ будто хочетъ показать, что онъ истинный хранитель ученія Маркса. Этимъ отношеніемъ къ Марксу онъ обрекъ себя на почти полную неоригинальность и, въ концѣ концовъ, оказался сидящимъ между двухъ стульевъ" ***). Нетрудно признать всю эту реплику столь же сердитою, сколь и неосновательною. Сотрудникъ *Русскаго Богатства* совсѣмъ не стремился къ доказательству того, что онъ именно истинный марксистъ. Ему казалось только не безынтереснымъ разъяснить, что теорія Маркса въ рукахъ ея нѣкоторыхъ русскихъ представителей превратилась нѣкоторымъ образомъ „въ свою противоположность". И мнѣ думается, что констатировавъ у себя „нѣкоторыя точки соприкосновенія съ г. Ратнеромъ" и приписавъ далѣе гг. Тугану-Барановскому и Булгакову заслугу облеченія „идей Рикардо-Сэя въ костюмъ схемъ Маркса" ****), г. Струве въ свою очередь пришелъ къ совершенно тому же выводу. Далѣе,

*) Въ приготовляемой мною къ печати книгѣ, посвященной вопросу о рынкахъ въ связи съ теоріею кризисовъ.

**) „Научное Обозрѣніе", 1899, январь, стр. 197—8.

***) Ibidem, стр. 64.

****) Ibidem, стр. 64, 59.

что касается общаго отзыва о моей статьѣ, то, конечно, не мнѣ заниматься обсужденіемъ степени способности моей къ оригинальному мышленію; несомнѣнно только, что это замѣчаніе г. Струве построено путемъ, дѣйствительно, какой то особой, оригинальной логики. Пусть судитъ читатель: съ одной стороны, я обнаружилъ „догматическое отношеніе къ Марксу"; съ другой стороны, именно благодаря этому отношенію, я „оказался сидящимъ между двухъ стульевъ". Это заключеніе могло бы имѣть смыслъ лишь въ одномъ случаѣ: при предположеніи, что и Марксъ „сидѣлъ между двухъ стульевъ", — предположеніи, котораго не рѣшится сдѣлать, при всей своей строгости, и г. Струве. Но я понимаю причины оригинальнаго умозаключенія г. Струве. Съ его точки зрѣнія, въ русской литературѣ существуетъ только два направленія, два „стула": одинъ, ветхій, полуразрушенный, на которомъ, еле держась, сидятъ народники; другой—подобіе пьедестала, на которомъ величественно возсѣдаютъ самъ г. Струве и его единомышленники. Нечего и говорить, какъ узко и грубо это дѣленіе, какъ неспособно оно охватить существующія теченія. Лично я никакъ не могу принять этого дѣленія. Я очень далекъ отъ позиціи, которую занимаютъ наши народники. Слѣдуетъ ли отсюда, что я долженъ во всемъ соглашаться съ г. Струве и К°? Признаюсь, я не вижу къ тому достаточныхъ основаній, хотя и не могу себя считать на основаніи этого „сидящимъ между двухъ стульевъ..."

Какъ бы то ни было, и г. П. М., и г. Струве далеки отъ отождествленія моего пониманія вопроса о рынкахъ съ теоріею нашихъ народниковъ. Но такъ именно думаетъ г. Изгоевъ. Въ моей статьѣ онъ увидѣлъ именно „попытку воскресить старую народническую теорію *необходимости внѣшнихъ рынковъ* (курс. автора)" *). Итакъ, по представленію этого автора, теорія необходимости внѣшнихъ рынковъ для капиталистическаго производства является по самому существу своему народническою. Въ такомъ случаѣ я предложилъ бы г. Изгоеву вдуматься въ смыслъ слѣдующихъ словъ: „Въ виду постояннаго расширенія своихъ предѣловъ и постояннаго роста своей продуктивной способности, являющагося слѣдствіемъ постоянныхъ техническихъ и экономическихъ улучшеній, капиталистическое производство нуждается во все болѣе быстромъ расширеніи рынка и именно *внѣшняго рынка* (курс. автора). Послѣдній, однако, обнаруживаетъ тенденцію къ суженію взамѣнъ того, чтобы расширяться. Ибо всѣ культурныя націи земного шара сдѣлались уже капиталистическими націями или близки къ этому"... и т. д. Съ точки зрѣнія г. Изгоева, авторъ приведенной цитаты, указывающій не только на необходимость внѣшняго рынка для капиталистическаго производства, но и на фактъ недостаточности внѣшняго

*) „Жизнь", 1899, апрѣль, ст

рынка для всѣхъ капиталистическихъ странъ, долженъ быть несомнѣнно причисленъ къ типичнымъ народникамъ. Въ такомъ случаѣ мы очутились бы, однако, въ курьезномъ положеніи, такъ какъ авторами приведеннаго отрывка оказываются... Каутскій и Шенланкъ... *). Не очевидно ли изъ этого примѣра, что г. Изгоевъ совсѣмъ не понимаетъ смысла того народничества, противъ котораго мечетъ громы и молніи. Смыслъ этотъ, конечно, заключается не въ признаніи тѣхъ или иныхъ теоретическихъ положеній (напр., положенія о необходимости внѣшняго рынка для капиталистическаго производства), а въ характерѣ тѣхъ *выводовъ*, которые дѣлали изъ этихъ положеній народники въ примѣненіи къ Россіи. Совокупность же этихъ выводовъ сводилась къ признанію невозможности обычнаго капиталистическаго пути развитія для Россіи. Въ этомъ, а не въ чемъ либо иномъ заключался смыслъ народничества, а такъ какъ въ своей статьѣ я не только не соглашался съ этимъ выводомъ, а утверждалъ прямо противоположное: наличность и для Россіи внѣшнихъ рынковъ и возможность развитія въ ней капитализма,—то въ причисленіи меня къ народникамъ я усматриваю со стороны г. Изгоева лишь неубѣдительный полемическій пріемъ, прикрывающій собою грубое непониманіе самаго предмета спора. **).

*) *Karl Kautsky* und *Bruno Schönlank*. Grundsätze und Forderungen der Soz., Berlin 1892, S. 14.

**) Въ полемическихъ пріемахъ г. Изгоевъ вообще неразборчивъ. Ограничусь однимъ примѣромъ. Рѣчь идетъ о моемъ упрекѣ по адресу г. Туганъ-Барановскаго, незамѣтно договорившагося съ своею теоріею невозможности общаго товарнаго перепроизводства до невозможности кризисовъ и—отсюда—до признанія капитализма категоріею вѣчною, а не преходящею, историческою (стр. 95 моей статьи). „Странное умозаключеніе",—замѣчаетъ по этому поводу г. Изгоевъ,—„которое имѣло бы какой нибудь смыслъ, еслибы Туганъ-Барановскій отрицалъ вообще неизбѣжность кризисовъ въ капиталистическомъ производствѣ. но этого упрека автору „Промышленныхъ кризисовъ" сдѣлать нельзя. Единственнымъ объясненіемъ такого непонятнаго упрека можетъ служить, по нашему мнѣнію, только—horribile dictu—фатализмъ сотрудниковъ „Русскаго Богатства". Г. Ратнеръ, очевидно, думаетъ, что замѣна одной общественной категоріи другой должна произойти сама собой, при помощи миѳическаго перепроизводства всѣхъ товаровъ и кризиса. Г. Туганъ-Барановскій же склоняется къ мнѣнію, что реформа производится дѣйствіемъ общественныхъ силъ, порожденныхъ матеріальными условіями процесса производства. И послѣ этого сотрудники „Русскаго Богатства" упрекаютъ насъ въ отрицаніи банальной истины, что исторія дѣлается людьми" и т. д! (294). Вотъ для какого восклицательнаго предложенія подалъ поводъ г. Изгоеву мой „непонятный упрекъ" по адресу г. Туганъ-Барановскаго. Быть можетъ, однако, г. Изгоевъ окажется въ силахъ понять простой упрекъ въ... недостаточно внимательномъ отношеніи къ словамъ своего противника. Я предложилъ бы ему прочесть внимательнѣе слѣдующія относящіяся сюда слова мои: „не признавать этого (связи вопроса о рынкахъ съ вопросомъ о кризисахъ) значитъ считать капитализмъ категоріею вѣчною, а не историческою. Конечно, *помимо указаннаго условія,* для реформированія бур-

Впрочемъ, такое же непониманіе и еще худшіе полемическіе пріемы г. Изгоевъ обнаружилъ въ слѣдующей своей статьѣ, напечатанной въ іюньской книжкѣ „Жизни“ за 99 годъ. Вступившись здѣсь „со стороны“ за г. Струве, на котораго напалъ г. Неждановъ, нашъ авторъ счелъ нужнымъ выступить нѣсколько за рамки вопроса о рынкахъ и поговорить на пресловутую тему о народничествѣ, согласно которому ростъ рабочихъ въ Россіи относительно понижается, отстаетъ отъ роста производства, отъ роста населенія и т. д. Экономическое ученіе народниковъ, говоритъ г. Изгоевъ, „блестяще“ опровергнуто г. Туганъ-Барановскимъ въ его „Русской Фабрикѣ“. „Собственно говоря, это былъ разгромъ народническихъ теорій“. Чтобы какъ-нибудь оправиться отъ этого пораженія, „народникамъ пришлось обратиться къ довольно подозрительнымъ полемическимъ пріемамъ“. Такъ поступили гг. В. В. и Каблуковъ. Но „гораздо безцеремоннѣе и—sit venia verbo — недобросовѣстнѣе поступилъ молодой писатель г. Ратнеръ, задавшійся цѣлью возродить народничество (sic!) въ нѣсколько измѣненномъ видѣ“. Въ цѣляхъ такого „возрожденія“ я допустилъ по отношенію къ г. Туганъ-Барановскому: во 1-хъ „инсинуацію“, во 2-хъ—„негодованіе низкой пробы“ (?!), въ 3-хъ „дѣтскую передержку“ *).

Итакъ, „подозрительне полемическіые пріемы, безцеремонность, недобросовѣстность, инсинуація, негодованіе низкой пробы, дѣтская передержка“—такова сѣть совсѣмъ, конечно, не-подозрительныхъ, очень церемонныхъ, вполнѣ добросовѣстныхъ и высокопробныхъ полемическихъ пріемовъ, съ которыми адресуется старый, какъ видно, литераторъ къ „молодому писателю“. Я не знаю, насколько, дѣйствительно, старъ (въ литературномъ, конечно, смыслѣ) г. Изгоевъ; мнѣ же, по моей дѣйствительной молодости, сопряженной, какъ извѣстно, съ большою неопытностью, всегда казалось, что подобныя украшенія полемики умѣстны... гдѣ угодно, но не на страницахъ передового журнала, въ отдѣлѣ

жуазныхъ экономическихъ формъ остаются еще *могущественныя общественныя силы*, но вѣдь необходимо принимать во вниманіе *и* условія технико-экономическія, внѣ *гармоніи съ которыми* остается безсильнымъ всякій общественный факторъ“ (95). Все это представляетъ собою выраженіе настолько опредѣленнаго воззрѣнія, что читатель легко пойметъ, въ какой мѣрѣ умѣстна тонкая иронія г. Изгоева насчетъ „фатализма сотрудниковъ *Русскаго Богатства*“, въ какой мѣрѣ я лично нуждаюсь въ поученіи насчетъ „дѣйствія общественныхъ силъ, порожденныхъ матеріальными условіями процесса производства“. Но какъ могло случиться, что критикъ упустилъ изъ виду вторую половину только что процитированнаго отрывка? Такъ какъ моя статья, по собственному признанію г. Изгоева, написана „гладкимъ, литературнымъ и популярнымъ языкомъ“ (293), то, очевидно, тутъ дѣло не въ недостаткѣ пониманія, а въ какихъ-то совсѣмъ особыхъ полемическихъ пріемахъ, пускаемыхъ въ ходъ г. Изгоевымъ въ цѣляхъ сокрушенія своихъ противниковъ.

*) *А. С. Изгоевъ.* Письмо со стороны, „Жизнь“, 99, іюнь, стр. 375—6.

научной полемики. Меня интересуютъ собственно не эти перлы научной критики, сами за себя говорящіе, а единственно та нота статьи г. Изгоева, которою я по новому вопросу—объ относительномъ пониженіи числа рабочихъ—еще разъ превращенъ въ „народника". Однако, прежде нежели заняться этимъ существеннымъ пунктомъ, я поневолѣ долженъ нѣсколько остановиться и на чисто-полемической части разсужденій г. Изгоева. Эпитеты, которыми наградилъ меня послѣдній, носятъ слишкомъ странный и и притомъ опредѣленный... юридическій характеръ, чтобы мимо нихъ можно было пройти молчаніемъ. Итакъ, первое мое преступленіе заключается въ томъ, что я „цифръ Туганъ-Барановскаго (имѣющихъ цѣлью доказать неправильность положенія объ относительномъ пониженіи числа рабочихъ въ Россіи) не оспаривалъ, а ограничился инсинуаціей на ихъ подозрительность и ссылкой на Каблукова". Рѣдкая категоричность, съ которою выражено это обвиненіе, не оставляетъ сомнѣнія въ полной убѣжденности въ этомъ г. Изгоева. Но для того, чтобы читатель раздѣлилъ съ нимъ это убѣжденіе, необходимо было бы, конечно, указать мѣсто совершенія этого преступленія въ моей статьѣ. Къ сожалѣнію, г. Изгоевъ не потрудился этого сдѣлать. Излюбленнымъ методомъ его полемики является вообще споръ, такъ сказать, наизусть, безъ опредѣленія инкриминируемыхъ мѣстъ того или иного произведенія. Въ этомъ сказалась разумная осторожность г. Изгоева, часто спорящаго противъ выдуманныхъ имъ самимъ мыслей противника.

Нѣчто подобное произошло и въ данномъ случаѣ. Излагая въ своей статьѣ *) (посвященной разбору книги г. Каблукова, а не анализу цифръ г. Туганъ-Барановскаго) сущность положенія объ относительномъ пониженіи числа рабочихъ, я выразилъ г. *Каблукову упрекъ* въ слѣдующей формѣ: „къ сожалѣнію, г. Каблуковъ не предпринялъ анализа и оцѣнки статистическихъ матеріаловъ и вычисленій различныхъ авторовъ по этимъ вопросамъ. Ссылаясь на г. Карышева, онъ не пытается отвѣтить на возраженія г. Туганъ-Барановскаго" (41). Сдѣлавъ такой упрекъ автору разбираемой мною книги, я счелъ себя не вправѣ умолчать о томъ, что уже послѣ составленія моей статьи и отправленія ея въ редакцію, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" появились двѣ статьи г. Каблукова, восполнявшія отмѣченный мною недостатокъ книги: въ примѣчаніи я указалъ на это, указалъ также на то, что критическія замѣчанія насчетъ цифровыхъ разсчетовъ г. Туганъ-Барановскаго содержатся и въ вышедшемъ также послѣ составленія моей статьи отчетѣ о преніяхъ по докладу г. Туганъ-Баранов-

*) Рѣчь идетъ о моей статьѣ: Къ вопросу объ экономической эволюціи Россіи (по поводу кн. Н. Каблукова: объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи), „Рус. Богатство", 99 г., № 3. См. относящіяся къ данному вопросу стр. 35—42.

скаго въ Вольномъ экономическомъ обществѣ. Вотъ и все. И въ этомъ г. Изгоевъ, съ трогательною готовностью вступающійся то за г. Струве, то за г. Туганъ-Барановскаго, умудрился усмотрѣть „инсинуацію“ съ моей стороны по адресу послѣдняго писателя. Но г. Изгоевъ недоволенъ еще и тѣмъ, что я „не оспаривалъ цифръ г. Туганъ-Барановскаго“. Но вѣдь моя статья была посвящена не этому, мимоходомъ затронутому эпизоду, а оцѣнкѣ книги г. Каблукова; цифровыхъ же разсчетовъ послѣдняго я не могъ разбирать, по той причинѣ, что статьи „Русскихъ Вѣдомостей“ появились долго спустя послѣ отправленія моей статьи въ редакцію. Притомъ же въ своей статьѣ я опредѣленно заявилъ: „не здѣсь, конечно, мѣсто входить въ оцѣнку статистическихъ пріемовъ спорящихъ авторовъ. Тѣмъ болѣе мы готовы отклонить отъ себя эту задачу, что въ неточности соотвѣтствующихъ русскихъ статистическихъ матеріаловъ, отнимающихъ возможность построенія правильныхъ, точно обоснованныхъ выводовъ, мы никогда не сомнѣвались“ (37). Выходитъ, что г. Изгоевъ нѣсколько необдуманно поступилъ, бросая на вѣтеръ свое болѣе чѣмъ смѣлое обвиненіе. Но за этимъ первымъ обвиненіемъ слѣдуетъ второе, гласящее, что я напрасно разразился „негодованіемъ низкой пробы“ (?!) по поводу того, „что такіе люди, какъ Туганъ-Барановскій, отрицающіе столь простыя политико-экономическія аксіомы (какъ положеніе объ относительномъ уменьшеніи числа рабочихъ), смѣютъ называть себя учениками „великаго экономиста“. Обвиненіе это при всей своей эффектности опять таки построено на пескѣ. Если бы г. Изгоевъ отказался отъ своей манеры полемики наизусть, онъ долженъ былъ бы предъявить читателямъ слѣдующую, относящуюся сюда фразу моей статьи: „Такъ говоритъ Марксъ (о тенденціи къ относительному сокращенію числа рабочихъ). Трудно повѣрить, что люди, исходящіе изъ его экономической доктрины, могли объяснять простою „фактическою ошибкою“ происхожденіе положенія, такъ ясно намѣченнаго Марксомъ“ (39). Изъ этой, фразы, еслибы г. Изгоевъ потрудился ее привести, читатели легко увидѣли бы, дѣйствительно ли я предавался „негодованію“, да еще „низкой пробы“ (перлъ литературной полемики!). Наконецъ, послѣдній образчикъ критическихъ пріемовъ г. Изгоева—обвиненіе въ „дѣтской передержкѣ“, допущенной будто бы мною по адресу все того же г. Туганъ-Барановскаго. „Никакой „аксіомы“,—говоритъ мой критикъ,—„Туганъ-Барановскій не отрицалъ, тенденцію сокращенія перемѣннаго капитала, конечно, признаетъ, но вопросъ шелъ только о томъ, въ настоящее время въ Россіи фактически эта тенденція проявляется или нѣтъ. Николай — онъ цифрами пытался доказать, что проявляется, а г. Туганъ-Барановскій разоблачилъ, что цифры Николая—она никуда не годятся. Вотъ и все. Весь походъ г. Ратнера ограничился довольно таки дѣтскою передержкою“. Опять-таки г. Изгоевъ со-

чинилъ легенду о признаніяхъ и разоблаченіяхъ г. Туганъ-Барановскаго и о моей передержкѣ. Конечно, г. Туганъ-Барановскій признаетъ тенденцію сокращенія *перемѣннаго капитала.* Но, во первыхъ, у меня шла рѣчь о тенденціи къ сокращенію *числа рабочихъ.* Это первая маленькая неточность въ аргументаціи, непозволительная для критика, обнаруживающаго столь сердитую придирчивость къ словамъ противника. Но дѣло, конечно, не въ этой неточности. Признаетъ ли г. Туганъ-Барановскій положеніе о тенденціи къ относительному пониженію числа рабочихъ въ капиталистическомъ производствѣ? Признаетъ ли онъ это положеніе *въ общемъ теоретическомъ смыслѣ,* а не въ примѣненіи только къ Россіи, въ настоящій моментъ ея хозяйственнаго развитія? Вотъ вопросъ, который интересовалъ меня прежде, интересуетъ и теперь. И чтобы отвѣтить на него, пусть г. Изгоевъ перечитаетъ соотвѣтствующія страницы „Русской фабрики" *); онъ убѣдится тогда, что г. Туганъ-Барановскій занятъ тамъ разборомъ цифръ г. Николая—она, разоблаченіемъ „фактической ошибки" нашихъ народниковъ по отношенію къ Россіи, но тамъ нѣтъ ни намека на признаніе русскимъ послѣдователемъ Маркса положенія, — повторяю, „такъ ясно намѣченнаго именно Марксомъ". Г. Изгоевъ утверждаетъ, что защищаемый имъ авторъ данное положеніе признаетъ. Пусть же онъ потрудится прочесть относящееся сюда мѣсто изъ позднѣйшей статьи г. Туганъ - Барановскаго **), и онъ увидитъ, что здѣсь спорное положеніе отрицается. Въ этомъ я упрекалъ г. Туганъ-Барановскаго, въ этомъ я упрекаю его и теперь, да и не его одного, а цѣлый рядъ русскихъ послѣдователей Маркса, которые въ спорѣ съ народниками изъ-за деревьевъ не увидѣли лѣса и, разбивая цифровые разсчеты гг. В. В. и Николая — она, вооружилась противъ самаго теоретически-цѣннаго положенія.

Но г. Изгоевъ, очевидно, недоволенъ именно такою, теоретическою точкою зрѣнія; ему не нравится, что мною „споръ съ съ конкретной почвы россійской дѣятельности былъ перенесенъ на почву политико-экономической теоріи". Въ этомъ пріемѣ, по его мнѣнію, и заключается моя „безцеремонность", „недобросовѣстность", и т. под. качества, обнаруженныя мною въ цѣляхъ спасенія своего „народническаго" міросозерцанія отъ нашествія г. Туганъ-Барановскаго.

Мы подошли такимъ образомъ къ собственному предмету спора. Нужно ли распространяться о томъ, что г. Изгоевъ снова наговорилъ рядъ несообразностей вслѣдствіе полнаго непониманія смысла того народническаго направленія, противъ котораго онъ выступилъ съ столь грознымъ походомъ. Снова совершенно

---

*) *М. И. Туганъ-Барановскій.* Русская фабрика, стр. 335—48.

**) Споры о фабрикѣ и капитализмѣ, „Начало", № 1—2, стр. 40—2.

неосновательно онъ усмотрѣлъ сущность народничества въ признаніи его представителями извѣстнаго теоретическаго положенія. Но въ такомъ случаѣ я, съ своей стороны, снова предложилъ бы г. Изгоеву примѣнить эту точку зрѣнія къ нѣкоторымъ явленіямъ въ области европейской литературы. Любопытно вѣдь, что эта мысль о внутренней, необходимой тенденціи къ относительному сокращенію числа рабочихъ въ капиталистическомъ производствѣ проходитъ красною нитью черезъ трудъ, составляющій несомнѣнное украшеніе европейской экономической литературы послѣдняго десятилѣтія—„Эволюцію современнаго капитализма“ *Гобсона*, — писателя, кажется, не относящагося къ числу нашихъ „народниковъ“ *). Далѣе ту же мысль проводитъ въ послѣднее время другой писатель, котораго также не совсѣмъ правильно было бы величать „народникомъ“—Эд. Бернштейнъ. „Если“, говоритъ онъ, „составъ капитала измѣняется такимъ образомъ, что постоянный капиталъ увеличивается, а перемѣнный уменьшается, то это означаетъ абсолютное увеличеніе капитала и относительное уменьшеніе пролетаріата въ соотвѣтствующихъ предпріятіяхъ. Но это именно по Марксу является характерною формою современнаго развитія. По отношенію ко всему капиталистическому хозяйству это фактически означаетъ: абсолютное увеличеніе капитала, относительное уменьшеніе пролетаріата. Рабочіе, сдѣлавшіеся излишними вслѣдствіе измѣненія органическаго состава капитала, находятъ каждый разъ снова работу лишь въ такой мѣрѣ, въ какой на рынкѣ появляется *новый* капиталъ, способный дать имъ занятія... При каждомъ увеличеніи числа рабочихъ капиталъ увеличивается еще въ большемъ отношеніи — таковъ выводъ изъ дедукціи Маркса“ **). И можно быть различнаго мнѣнія насчетъ воззрѣній Бернштейна,— лично я далеко не раздѣляю *всѣхъ* взглядовъ, проведенныхъ въ его новой книжкѣ, — но нельзя не согласиться съ нимъ въ томъ, что именно въ данномъ пунктѣ онъ стоитъ въ полномъ „согласіи (Einklang) съ теоріею Маркса“ ***). При такихъ условіяхъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что признаніе и подчеркиваніе даннаго положенія можетъ быть поставлено только въ за-

---

*) *Дж. Гобсонъ.* Эволюція современнаго капитализма. Перев. съ англ. подъ ред. А. Свирщевскаго. Ярославль, 1898, гл. VIII и мн. др. мѣста.

**) *Ed. Bernstein* Voraussetzungen Stuttgart 1899, S. 54.

***) Ibidem. Любопытно, что по появленіи книги Гобсона въ свѣтъ въ „Neue Zeit“ была помѣщена рецензія о ней, подписанная „E. B.“ и принадлежащая, очевидно, перу Бернштейна. Послѣдній очень хвалитъ книгу, но ничего не говоритъ тамъ объ указанной основной мысли, проникающей сочиненіе Гобсона. Очевидно, онъ впослѣдствіи самостоятельно сдѣлалъ соотвѣтствующій выводъ изъ ученія Маркса. Съ другой стороны, не менѣе любопытно, что и Гобсонъ построилъ это положеніе самостоятельно, не ссылаясь на Маркса, котораго (не въ примѣръ большинству англійскихъ экономистовъ) зналъ.

слугу нашимъ народникамъ. Разумѣется, признаніе этого теоретическаго положенія въ его общей формѣ нисколько не обязываетъ ни къ согласію съ частною формулировкою его, данною нашими народниками (въ сущности, народники—съ одной стороны, Гобсонъ—съ другой, Бернштейнъ съ своей стороны—всѣ они придаютъ этому положенію различные оттѣнки), ни еще болѣе къ согласію съ тѣми выводами, которые сдѣлали изъ него народники въ примѣненіи къ Россіи. Опять-таки въ этихъ выводахъ весь смыслъ, вся сущность народничества, но противъ этихъ выводовъ я протестовалъ энергически гораздо раньше г. Изгоева. „Обращая вниманіе читателей на всѣ эти характерныя явленія въ области „эволюціи современнаго капитализма",—говорилъ я по этому поводу *),—„мы боимся превратнаго толкованія нашихъ словъ и принуждены сдѣлать маленькую оговорку. Невѣрно пойметъ насъ тотъ, кто подумаетъ, что въ выше отмѣченныхъ явленіяхъ, въ томъ числѣ въ тенденціи къ относительному сокращенію числа рабочихъ, мы видимъ препятствія распространенію капитализма. Совершенно наоборотъ. По нашему мнѣнію, всюду, и въ томъ числѣ—и у насъ, капитализмъ обезпечилъ себѣ достаточно прочное и благополучное существованіе. Всѣмъ сказаннымъ мы хотѣли только обратить вниманіе на тѣ особенныя условія промышленнаго строя, которыя способны создать нѣсколько особое распредѣленіе силъ, вызываемыхъ современнымъ капитализмомъ и имѣющихъ повліять на его дальнѣйшее направленіе и исходъ" *). Это точка зрѣнія, смѣю думать, нѣсколько иная, нежели та, которую приписалъ мнѣ г. Изгоевъ, совершенно произвольно построившій, на основаніи факта признанія мною нѣкоторыхъ теоретическихъ положеній, фигурирующихъ и въ системѣ народничества, вывозъ о попыткахъ съ моей стороны „воскресить народничество въ нѣсколько измѣненномъ видѣ".

Повторяю свою точку зрѣнія. Народники, на мой взглядъ, правильно подчеркнули нѣкоторыя основныя черты капиталистическаго строя и пришли такимъ путемъ къ признанію правильныхъ теоретическихъ положеній: о необходимости для капиталистическаго производства внѣшняго рынка, о тенденціи къ относительному сокращенію числа рабочихъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ; а также и объ особенной природѣ сельскохозяйственнаго производства, о значеніи всякихъ мѣстныхъ особенностей, о нѣкоторыхъ, неблагопріятныхъ соціальныхъ послѣдствіяхъ капитализма и др. Ошибка ихъ заключалась лишь — помимо неудачной защиты этихъ положеній — въ неправильныхъ выводахъ отсюда, сводившихся къ мысли о невозможности капитализма на Руси. Эту мысль, эти выводы я считаю неправиль-

*) См. мою статью „По поводу новаго изданія 1-го тома „Капитала". „Рус. Богатство", 1898, № 7, стр. 20.

ными. Слѣдуетъ ли, однако, отсюда, что, въ виду этихъ неправильныхъ выводовъ, необходимо также отказаться и отъ самыхъ теоретическихъ положеній, изъ которыхъ возможны, конечно, и другіе выводы. Только неосновательный страхъ предъ пресловутымъ современнымъ россійскимъ жупеломъ, именуемымъ „народничествомъ“, привелъ нѣкоторыхъ русскихъ послѣдователей Маркса къ такому нелогичному заключеніи.

Что тутъ нѣтъ логики, нѣтъ пониманія, въ этомъ нетрудно убѣдиться, какъ только мы съ излюбленною мѣркою, укоренившеюся въ нашей марксистской литературѣ, попробуемъ подойти къ европейскимъ писателямъ. Я показалъ уже, что съ помощью такого масштаба нетрудно было бы отнести къ „народникамъ“ Каутскаго, Шенланка, Гобсона, Бернштейна. Я и вообще полагаю, что выпусти Бернштейнъ свою книгу на русскомъ языкѣ подъ какимъ либо псевдонимомъ, и онъ попалъ бы также въ число народничествующихъ марксистовъ, или обратно. По крайней мѣрѣ, недавно вышедшая книга Н. А. Каблукова „Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи“ за нѣкоторыя ея положенія, высказанныя теперь и Бернштейномъ, была встрѣчена чуть ли не бранью на страницахъ „Начала“, причемъ въ этомъ благородномъ жанрѣ упражнялись какъ никому невѣдомый г. Авиловъ, такъ и всѣмъ вѣдомый г. Туганъ-Барановскій.

Но—страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ, и представители того направленія, которое совершенно неосновательно смѣшивается въ одну кучу съ народничествомъ, теперь болѣе, чѣмъ когда либо могутъ работать съ вѣрою въ успѣхъ своего дѣла, могутъ утѣшаться наступающимъ въ области европейскаго марксизма несомнѣннымъ поворотомъ въ эту сторону. Этимъ и только этимъ можно объяснить то обстоятельство, что недавно вышедшая книга Бернштейна стала сразу центромъ самыхъ горячихъ споровъ. Для всякаго, кто способенъ отнестись къ факту этой завидной доли книги Бернштейна не съ партійной только, а съ сколько-нибудь объективно-критической точки зрѣнія, ясно, что не въ научныхъ или философскихъ достоинствахъ этой книги кроется причина ея рѣдкаго успѣха. Напротивъ, въ этомъ отношеніи книга Бернштейна страдаетъ многими серьезными недостатками. Подчасъ вы не найдете въ ней особой глубины и силы мысли: нерѣдко натолкнетесь на образцы странной логической непослѣдовательности; встрѣчаются примѣры внутреннихъ противорѣчій въ доказательствахъ, необоснованности утверждаемыхъ положеній; наконецъ, вся книга носитъ печать нѣкоторой еще недостаточной смѣлости автора, какъ бы боящагося довести свои мысли до ихъ логическаго конца, и притомъ страдаетъ тяжеловѣсностью формы, прямо досадной въ сочиненіи, разсчитанномъ на циркуляцію въ широкихъ слояхъ читающей публики. И тѣмъ не менѣе на долю книги Бернштейна справедливо выпалъ крупный успѣхъ,—успѣхъ,

объясняемый тѣмъ, что это своего рода научно-философскій памфлетъ, выпущенный въ самый подходящій моментъ исторической жизни и, потому, имѣющій глубокое *симптоматическое* общественное значеніе. Бернштейну удалось схватить многое изъ того, что въ формѣ не вполнѣ проявившагося и иногда безсознательнаго голоса протеста жило во многихъ представителяхъ марксизма, и, формулировавъ, хотя и не совсѣмъ удачно, все это въ одной книгѣ, потребовать критическаго пересмотра старыхъ схемъ. И этотъ пересмотръ теперь совершается, этою критикою теперь занята вся соотвѣтствующая европейская литература. Въ Россіи всѣ подобныя эволюціи мысли пробѣгаютъ свой путь куда быстрѣе, хотя и съ большими рѣзкостями и уродливостями. Критическій пересмотръ уже замѣчается и у насъ. Давно пора! Пора распроститься съ старыми узкими схемами, не отвѣчающими новѣйшей пестрой дѣйствительности; пора перестать мѣрять узкою старою мѣркою усложнившіяся новыя явленія. Смѣшно требовать отъ каждаго, чтобы онъ былъ непремѣнно или „въ тѣхъ", или „въ сѣхъ". Между этими двумя полюсами имѣется много переходовъ, къ которымъ желательно было бы видѣть больше терпимости. Право, полной истины нѣтъ ни у кого въ карманѣ, а понемногу можно къ ней подобраться съ разныхъ сторонъ и со многихъ точекъ зрѣнія. Пожелаемъ же, чтобы наступающій послѣдній годъ XIX вѣка внесъ больше единенія и согласія въ разрозненные ряды русской интеллигенціи. Общее дѣло, къ которому стремится эта интеллигенція, отъ этого только выиграетъ, а отдѣльныя лица, у которыхъ и безъ того много работы, были бы избавлены отъ той лишней, скучной и мало-полезной работы, образчикъ который я, къ сожалѣнію, самъ былъ вынужденъ представить въ настоящей замѣткѣ.

М. Б. Ратнеръ.

ПОПРАВКА.

Въ напечатанные въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ „Русскаго Богатства" стихотворенія А. М. Вербова вкрались слѣдующія опечатки. Въ стихотвореніи „Кавказскій хребетъ" напечатано:

Мечты растутъ, но и печаль
Растетъ во мнѣ, но и тревоги и т. д.

Слѣдуетъ читать „но и *тревога*".

Въ стихотвореніи „Истинное горе вѣчная печаль" напечатано:

Слабый лучъ надежды. ясной *вѣры*
Замираетъ въ сердцѣ и т. д.

Слѣдуетъ читать: „ясной *вѣры слово*".

Издатели: Вл. Г. Короленко. Н. К. Михайловскій.
Редакторы: П. Быковъ. С. Поповъ.

ГАЗЕТЫ,

выразившія желаніе на взаимный обмѣнъ изданіями и объявленіями на 1900 г.

въ г. *Астрахани*:

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *В. И. Склабинскій*. На годъ 7 р. 50 к., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Асхабадъ*:

„ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Н. М. Өедоровъ*. На годъ 8 р., на 1/2 года 5 р.

въ г. *Благовѣщенскъ*:

„АМУРСКІЙ КРАЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Г. И. Клитчогло*. На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 руб.

въ г. *Вильнѣ*:

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. Бывалькевичъ*. На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

„СѢВЕРО-ЗАПАДНОЕ СЛОВО“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Г. Е. Клочковскій*. На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на мѣс. 1 р.

въ г. *Владивостокъ*:

„ВОСТОЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ (четыре раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *В. Сущинскій*. На годъ 9 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.

въ г. *Владикавказъ*:

„КАЗБЕКЪ“ (ежедневно). Издатель *С. I. Казаровъ*. На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р.

въ г. *Воронежъ*:

„ДОНЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *В. Веселовскій*. На годъ 7 р., на 1/2 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Екатеринославъ*:

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ *В. В. Святловскій*. Издатель *М. С. Копыловъ*. На годъ 12 р., на 1/2 года 6 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 40 к.; за границу на годъ 23 р., на 1/2 года 12 р., на 1 мѣс. 2 р. 50 к.

въ г. *Екатеринбургѣ*:

„УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. И. Пѣвинъ*. На годъ 5 р., на 1/2 года 3 р., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Иркутскѣ*:

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *И. И. Поповъ*. На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Казани*:

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Издательница *Л. П. Рейнгардтъ*. Редакторъ *Н. В. Рейнгардтъ*. На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Карсѣ*:

„КАРСЪ“. Редакторъ *А. Островскій*. На годъ 3 р.

въ г. *Кишиневѣ:*

„БЕССАРАБЕЦЪ“. (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. Крушеванъ*. На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 3 мѣс. 3 р.

въ г. *Красноярскѣ:*

„ЕНИСЕЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Е. Ф. Кудрявцевъ*. На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Курскѣ*:

„КУРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть, (ежедневно). За редактора *С. П. Корниловъ*. На годъ 4 р., на 1/2 года 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 к.

въ губ. г. *Минскѣ:*

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *И. Фотинскій*. На годъ 4 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 з.

въ г. *Нижнемъ-Новгородѣ*:

„НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ- *Г. Н. Казачковъ*. На годъ 7 р., на 1/2 4 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

„ВОЛГАРЬ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. И. Жуковъ*. На годъ 8 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Орлѣ:*

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *А. Аристовъ*. На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 90 к.

ГАЗЕТЫ,

выразившія желаніе на взаимный обмѣнъ изданіями и объявленіями

НА 1900 Г.

въ г. *Астрахани*:

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *В. И. Склабинскій*. На годъ 7 р. 50 к., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Асхабадъ*:

„ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Н. М. Ѳедоровъ*. На годъ 8 р., на 1/2 года 5 р.

въ г. *Благовѣщенскъ*:

„АМУРСКІЙ КРАЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Г. И. Клитчогло*. На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 руб.

въ г. *Вильнѣ*:

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. Бывалькевичъ*. На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

„СѢВЕРО-ЗАПАДНОЕ СЛОВО“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Г. Е. Клочковскій*. На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на мѣс. 1 р.

въ г. *Владивостокѣ*:

„ВОСТОЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ (четыре раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *В. Сущинскій*. На годъ 9 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.

въ г. *Владикавказѣ*:

„КАЗБЕКЪ“ (ежедневно). Издатель *С. І. Казаровъ*. На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р.

въ г. *Воронежѣ*:

„ДОНЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *В. Веселовскій*. На годъ 7 р., на 1/2 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Екатеринославѣ*:

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ *В. В. Святловскій*. Издатель *М. С. Копыловъ*. На годъ 12 р., на 1/2 года 6 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 40 к.; за границу на годъ 23 р., на 1/2 года 12 р., на 1 мѣс. 2 р. 50 к.

въ г. *Екатеринбургѣ:*

„УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. И. Нъвинъ.* На годъ 5 р., на 1/2 года 3 р., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Иркутскѣ:*

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *И. И. Поповъ.* На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Казани:*

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Издательница *Л. П. Рейнгардтъ.* Редакторъ *Н. В. Рейнгардтъ.* На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Карсѣ:*

„КАРСЪ“. Редакторъ *А. Островскій.* На годъ 3 р.

въ г. *Кишиневѣ:*

„БЕССАРАБЕЦЪ“. (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. Крушеванъ.* На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на 3 мѣс. 3 р.

въ г. *Красноярскѣ:*

„ЕНИСЕЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Е. Ф. Кудрявцевъ.* На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Курскѣ:*

„КУРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть, (ежедневно). За редактора *С. П. Корниловъ.* На годъ 4 р., на 1/2 года 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 к.

въ губ. г. *Минскѣ:*

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *И. Фотинскій.* На годъ 4 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 з.

въ г. *Нижнемъ-Новгородѣ:*

„НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ- *Г. Н. Казачкоеъ.* На годъ 7 р., на 1/2 4 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

„ВОЛГАРЬ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. И. Жуковъ.* На годъ 8 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Орлѣ:*

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *А. Аристовъ.* На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 90 к.

въ г. *Перми*:

„ПЕРМСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть (ежедневно). Редакторъ *Функъ*. На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Петербургѣ*:

„ВРАЧЪ“. Редакторъ *В. А. Манассеинъ*. Издательница *О. А. Риккеръ*. На годъ 9 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 25 к. Адресъ: Невскій пр., 14.

въ г. *Петрозаводскѣ*:

„ОЛОНЕЦКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть. Редакторъ *С. А. Левитскій*. На годъ 5 р., на 1/2 года 3 р.

въ г. *Ригѣ*:

„ПРИБАЛТІЙСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). На годъ 7 р., на 1/2 года 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к.; за границу на годъ 14 р., на 1/2 года 8 р., на 1 мѣс. 2 р. 50 к.

въ г. *Ростовѣ на Дону*:

„ДОНСКАЯ РѢЧЬ“ (ежедневно). За редактора *А. Шепкаловъ*. На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Самарѣ*:

„САМАРСКАЯ ГАЗЕТА“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. И. Костеринъ*. На годъ 7 р., на 1/2 года 3 р. 50 к. на 1 мѣс. 70 к.

въ г. *Самаркандѣ*:

„ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Н. М. Федоровъ*. На годъ 8 р., на 1/2 года 5 р.

въ г. *Саратовѣ*:

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *П. О. Лебедевъ*. Издатели: *П. О. Лебедевъ* и *И. П. Горизонтовъ*. На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

въ г. *Симбирскѣ*:

„СИМБИРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неоффиціальная часть (два раза въ недѣлю). Редакторъ *Д. А. Горчаковъ*. На годъ 3 р., на 1/2 года 1 р. 75 к.

въ г. *Севастополѣ*:

„КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. М. Спиро*. На годъ 8 р., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Смоленскѣ*:

„СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *В. В. Гулевичъ*. **Издательница** *Ю. П. Азанчевская*. **На** годъ 6 р.

въ губ. г. *Ставрополѣ:*

„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“ **(три раза въ недѣлю). На** годъ 5 р. 50 к., **на** 1/2 **года** 3 р., **на** 3 **мѣс.** 1 р. 75 к.

въ г. *Таганрогѣ*:

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ **(три раза въ недѣлю)**. Редакторъ *М. М. Красновъ*. **Издатели наслѣдники** *Миронова*. **На годъ** 7 р., **на** 1/2 **года** 4 р., **на** 1 **мѣс.** 85 к.

въ г. *Тифлисѣ*:

„ТИФЛИССКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). **Редакторъ-издатель** *Х. Г. Хачатуровъ*. **На** годъ 7 р., **на** 1/2 **года** 3 р. 50 к., **на** 1 **мѣс.** 1 р.

въ г. *Тобольскѣ*:

„СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ“ **(два раза въ недѣлю). На** годъ 5 р., **на** 1/2 **года** 2 р. 75 к., **на** 3 **мѣс.** 1 р. 50 к.

въ г. *Томскѣ*:

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Г. В. Прейсманъ*. На годъ 9 р., **на** 1/2 **года** 4 р. 50 к., **на** 1 **мѣс.** 75 коп.

„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“ (ежедневно). Издатель *П. И. Макушинъ*. Редакторы: *П. И. Макушинъ* и *А. И. Макушинъ*. **На годъ** 5 р., **на** 1/2 **года** 3 р.; **за границу на годъ** 9 р., **на** 1/2 **года** 5 р.

въ г. *Ялтѣ*:

„КРЫМСКІЙ КУРЬЕРЪ“ (ежедневно). **Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ:** А. Я. Безчинскій, С. Я. Елпатьевскій, В. В. Келлеръ, М. М. Копотиловъ, П. П. Розоновъ и Ант. Пав. Чеховъ. **На** годъ 6 р., **на** 1/2 **года** 4 р., **на** 1 **мѣс.** 1 р.

въ г. *Ярославлѣ*:

„СѢВЕРНЫЙ КРАЙ“ (ежедневно). **Редакторъ-издатель** *Э. Г. Фалькъ*. **На годъ** 8 р., **на** 1/2 **года** 5 р., **на** 1 **мѣс.** 1 р.

